

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919755 8

*QCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

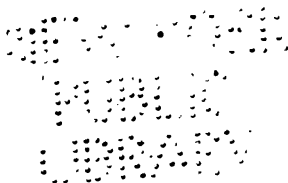
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

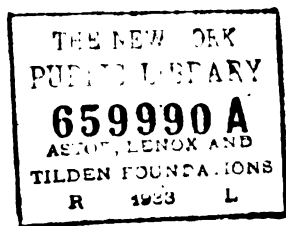
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

1
ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К^о.

1857

1857
1858
1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва 14-го мая 1857 года.**

Ценсоръ Н. Фоль-Круге.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Д Е В Я Т А Г О Т О М А .

Стр.

Древняя русская литература (Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ). *И. Е. Забѣлина*. 5

Плаваніе въ атлантическихъ тропикахъ. (Письмо къ В. Г. Бенедиктову). *И. А. Гончарова*. 47

Шопенъ. Письма изъ провинціи.—I.—IV. *Н. Ф. Христіановича*. 73, 345

Что должно разумѣть подъ рациональнымъ сельскимъ хозяйствомъ? *Д. Д. Неелова*. 93

Стихотворенія:

Старыя пѣсни на новый ладъ. *А. П-ва*. 140

Грустная картина. *Ю. В. Жадовской*. 144

Выписки изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ. *В. П. Васильева*. 145, 475

Иной міръ. *И. Н. Березина*. 201

Юношескія произведенія Лермонтова.—I.—III. *С. Д. Шестакова*. 232, 317

Дѣдушка Поликарпъ (разказъ). *А. Печерскаго*. 264

Физиологія общества. *В. П. Безобразова*. 281

Талантливая натура (разказъ). *Н. Щедрина*. 366

Порода хищниковъ.—III.—VII. *Н. А. Основскаго*. 385

Разказы Каспійскаго моряка. — I. — II. *К. Н. Петриченко*. 413, 575

Стихотворенія:

Пѣсни Гейне:—I.—VII. *М. Л. Михайлова*. 436

Восточная картина. *П. Е.*. 440

Сѣверо-Уральскій край. *А. Н. Бекетова*. 441

Н. 193. Feb. 7. 1933

Изъ воспоминаній чудака: I. Камень. — II. Замѣчательное психологическое явленіе. <i>И. В. С — ва.</i>	575
Стихотворенія:	
Смерти. <i>А. А. Фета.</i>	601
Рыцарь Олафъ (изъ Гейне). <i>М. Л. Михайлова.</i>	602

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАЙ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

О судѣ присяжныхъ.—I.— <i>С. И. Баршева</i>	3
Новости по исторіи средневѣковой литературы. <i>Ө. И. Бу-</i> <i>славца</i>	9
✓ Археологія и новѣйшее искусство. <i>К. К. Герца.</i>	22
Новые матеріалы для исторіи Валленштейна	27
Политическое Обозрѣніе.	30
Смѣсь: Физиологія Кружка. Письмо къ Редактору. <i>Яросла-</i> <i>ва.</i> — Посланіе не-спеціалиста къ П. С. Савельеву. <i>Н. Чельшевскаго.</i> (Изъ №№ 57 и 58 «Моск. Вѣд.»).—	
Библиографическое извѣстіе	48

МАЙ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О судѣ присяжныхъ.—II.— <i>С. И. Баршева.</i>	89
Естествознаніе: Зоотомія. <i>А. Н. Бекетова.</i>	100
Жизнь Шарлотты Бронте (Корреръ-Белля), автора «Джен- <i>ни-Эйръ», «Шерли» и «Вильеттъ»</i>	109
✓ Археологія и новѣйшее искусство. <i>К. К. Гёрца</i>	119
Спеціальныя изданія: Экономическій Указатель, еженедѣль- <i>ное изданіе, посвященное народному хозяйству и го-</i> <i>сударствовѣднію. №№ 1—12</i>	122
Политическое Обозрѣніе. — Новѣйшія извѣстія	135
Смѣсь: Объявленіе Императорской Академіи Наукъ о пре- <i>міи графа Н. А. Кушелева-Безбородко. — Задачи уче-</i>	

наго комитета министерства государственныхъ иму- ществъ.—Отвѣтъ на статью г. Рамазанова, помѣщен- ную въ № 404 Вѣдомостей Московской Городской По- лиціи, подъ заглавіемъ: Нѣсколько замѣчаній на статью г. Авдѣева о выставкѣ Императорской Академіи Худо- жествъ въ С.-Петербургѣ. (Русскій Вѣстникъ, мартъ, кн. вторая.) <i>А. А. Авдѣева</i> . — Письмо къ Редактору. <i>П. М. Леонтьева</i> .—Дополнительная замѣтка. <i>Байбо-</i> <i>роды</i>	164
--	-----

ІЮНЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Два слова о полиціи. <i>С. С. Громеки</i>	175
Развитіе жизни на землѣ.	180
Новости польской литературы. <i>П. П. Дубровскаго</i>	188
— Археологія и новѣйшее искусство. <i>К. К. Герца</i>	199
Ульфила. Фотографическія копии съ Серебряной рукописи (Codex Argenteus). <i>Θ. И. Буслаева</i>	207
Картина Иванова: «Явленіе Христа народу». <i>П. К—аго</i>	210
Политическое Обзорѣніе.	215
Смѣсь: Письмо къ Редактору. <i>М. Н. Лонтинова</i> . — Письмо къ Редактору. <i>Н. В. Берга</i> .—Библиографическія извѣ- стія: О сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя, изданныхъ <i>П. А. Кулишемъ</i> . — Диссертациі гг. Майкова и Вы- зинскаго	236

ІЮНЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Нѣсколько замѣчаній о вліяніи новаго огнестрѣльнаго ору- жія на военное искусство. <i>Н. П. Воронцова-Велья-</i> <i>минова</i>	247
Послѣдніе труды Корнеліуса и Овербека. <i>А. А. Авдѣева</i>	260
Спеціальныя изданія: Экономическій Указатель, еженедѣль- ное изданіе, посвященное народному хозяйству и го- сударствовѣдѣнію. №№ 1—24. <i>Θ. А. Баталина</i>	266

Парижская Почта. Письма въ Редацію «Русскаго Вѣстника». — I. — Я. Фельдена	278
Политическое Обзорѣніе.	284
Смѣсь: Настоящее и будущее Смоленской губерніи. С. С. Иванова	309

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ДЕВЯТОМУ ТОМУ:

Даниѣлла. Романъ Жоржъ-Санда. — I — XVI.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЖЕНЩИНА ПО ПОПЯТІЯМЪ СТАРИННЫХЪ КНИЖНИКОВЪ ¹

*Книга о злокравныхъ женахъ, злыа потребна, а женамъ досадна.
Старинная рукопись.*

Предки наши не были равнодушны къ вопросу : что такое женщина? Мыслящіе, книжные люди того времени употребили не мало стараній и много тогдашней учености, чтобы разрѣшить эту интересную загадку. Оставаться равнодушнымъ было невозможно, потому что женщина — важнѣйшій узелъ семейной жизни — не могла же не имѣть особеннаго значенія для общества,

(1) По поводу недавно открытаго стиха о «Горѣ-Злочастіи» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена превосходная статья Ѳ. И. Буслаева, гдѣ авторъ коснулся между прочимъ и положенія женщины въ нашемъ древнемъ обществѣ. Имѣя подъ руками матеріалъ, въ которомъ старинная характеристика женщины рисуется можетъ-быть еще ярче, мы считаемъ полезнымъ представить его вниманію читателей, какъ подтвержденіе, и безъ того впрочемъ весьма основательныхъ, положеній упомянутой статьи. Полагаемъ, что изученіе старины, разъясненіе вопросовъ отжившаго быта можетъ двигаться впередъ только посредствомъ дружнаго и, по возможности, всесторонняго осмотра матеріаловъ. Но всесторонность не всегда дается въ удѣлъ одному. Въ наукѣ она возникаетъ изъ различія направленій и взглядовъ, которые вносятся разыскателями въ свои изслѣдованія и которыми такимъ образомъ всегда освѣщается разрѣшаемый вопросъ. Чѣмъ разнообразнѣе, разнохарактернѣе, противоположнѣе, исключительнѣе эти взгляды, тѣмъ основательнѣе строится

которое жило и руководилось по преимуществу семейными, патриархальными понятіями. Въ семьѣ нельзя было отказать ей въ самостоятельномъ голосѣ, въ долѣ извѣстныхъ правъ, которыя во многихъ случаяхъ ставили ее въ равныя отношенія къ мужчинамъ. Но признать за женщиною какія-либо права — значило признать за ней долю нравственной свободы, а этого древній нашъ предокъ никакъ не могъ допустить, ибо вовсе не понималъ, чтобъ *женское естество* дѣйствительно обладало тѣмъ же чело-вѣческимъ достоинствомъ, тѣми же дарами, какіе принадлежали мужчинамъ, какъ чело-вѣку въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, немного успокоенія приносило и отрицаніе этого достоинства въ существѣ, котораго самостоятельность чувствовалась на каждомъ шагѣ, имѣла силу, имѣла даже мѣсто въ жизненныхъ явленіяхъ. Чтожь такое женщина? вопрошалъ предокъ. Свободна или не свободна она, доброе или злое начало лежитъ въ ней, доброе или злое «естество» она имѣетъ?

Что женщина не свободна—это было рѣшено окончательно и не подлежало уже сомнѣнію. Мужчина, при разрѣшеніи этого вопроса,

зданіе науки, тѣмъ сильнѣе становятся ея конечные выводы. Каждый взглядъ и труды, подъ его вліяніемъ возникшіе, въ этомъ случаѣ, есть только орудіе, болѣе или менѣе полезное въ дѣлѣ. Поэтому и люди, обладающіе противоположнымъ взглядомъ на предметъ, другимъ пониманіемъ дѣла, другими, болѣе разнообразными матеріалами, другимъ способомъ и читать и понимать эти матеріалы, всегда приносятъ пользу наукѣ, или положительную, если будутъ работать *дѣльно*, или даже и отрицательную, когда построятъ свою дѣятельность на общихъ мѣстахъ и восклицательныхъ фразахъ, въ полной увѣренности, что въ этомъ обнаруживается самостоятельный, да притомъ будто бы еще и *народный* взглядъ на вещи. Общія мѣста и восклицательныя фразы, одѣтыя въ сановитый костюмъ самороднаго мышленія, не могутъ же долго оставаться въ этомъ почтенномъ нрядѣ: рано ли, поздно ли, они или сами собою разоблачатся, или помогутъ имъ въ этомъ усиленные шаги науки, по существу своему не терпящей, хотя можетъ-быть и усладительныхъ, но пустыхъ разговоровъ и споровъ. Общія мѣста и восклицательныя фразы сами по себѣ ничего не значать и проходятся обыкновенно молчаніемъ; но если они наряжаются въ мантию ученой *дѣльности* и выходятъ со всѣми ея атрибутами, то наука тотчасъ же стремится разоблачить ложь, и тѣмъ самымъ усиливаетъ дѣятельность своихъ представителей, усиливаетъ свой ходъ. Вотъ отрицательная польза общихъ мѣстъ и восклицательныхъ фразъ.

И. З.

любилъ восходить къ вѣчности, любилъ принимать на себя значеніе перваго человѣка. Ставя себя, въ лицѣ праотца, во главу угла всего творенія, онъ естественнымъ путемъ пришелъ къ заключенію, что женщина — существо въ отношеніи къ нему низшее, зависимое, несвободное, что онъ господинъ ея, что она собственно *жена*, а не человѣкъ, ибо это имя первоначально было присвоено только ему одному. Въ этомъ смыслѣ онъ растолковалъ себѣ и глубоко-знаменательное выраженіе: кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей, которое, вмѣстѣ съ другими первобытными понятіями о назначеніи женщины, легло основою общаго убѣжденія цѣлыхъ вѣковъ. Послѣдствіе этого убѣжденія слышномъ очевидно, и не для чего много говорить объ немъ. И тѣмъ крѣпче было это убѣжденіе, чѣмъ ниже была степень народнаго образованія и развитія. Тамъ, гдѣ общежитіе руководилось по преимуществу семейнымъ, кровнымъ началомъ, гдѣ общественность еще не была пробуждена, — могла ли женщина имѣть какое-либо другое значеніе, кромѣ значенія полового, опредѣленнаго различными родовыми отношеніями? Общественность, вызывая на сцену жизни личность, какъ идею, возстановляя равенство лицъ, равновѣсіе жизненныхъ отношеній, возстановляетъ въ то же время и утраченныя права женщины, ибо женщина, являясь членомъ общественной жизни, органомъ общественности, сама собою уже входитъ и во всѣ принадлежащія ей человѣческія права. Общественный союзъ основанъ на уваженіи человѣческаго достоинства въ его членахъ, на уваженіи личности, на признаніи достоинствъ человѣческихъ. Въ немъ всѣ члены равны: каждый представляетъ самостоятельное, полноправное лицо. Общественность возводитъ лицо до идеи, и въ каждомъ своемъ членѣ прежде всего признаетъ не имя, не происхожденіе, не состояніе и званіе, словомъ — не чинъ, имя, фамилію, а идею человѣка, идею человѣческаго достоинства. Напротивъ того въ томъ бытѣ, гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ и всѣмъ управляютъ отношенія родства и по нимъ устраиваются самыя формы общественности, нѣтъ собственно лицъ, равноправныхъ личностей, членовъ общественнаго союза: тамъ есть только члены семей, члены родовъ, *отечества*, старшіе и младшіе, дѣды, отцы и дѣти, то-есть вообще *ребята, чадо*. Союзъ родства, по существу своему, не допускаетъ никакого равенства между своими чле-

нами. Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣетъ значенія, ибо союзъ родства не признаетъ *личныхъ* достоинствъ: онъ разсчитываетъ только достоинства старшинства (семейнаго, родоваго, служебнаго — все равно, потому что и служебное старшинство понимается, какъ старшинство родовое), и по этимъ достоинствамъ опредѣляетъ *честь* человѣка, то-есть совокупность правъ, которыми онъ долженъ пользоваться въ общежитіи, *честь*, принадлежавшую собственно не лицу, а той степени родства, какую представляло лицо. Взаимныя отношенія другъ къ другу въ такомъ устройствѣ общежитія опредѣляются *отчиною, отчествомъ*: по имени человѣку мѣсто даютъ, по отчинѣ его жалуютъ, то-есть не личные права въ немъ признаютъ, а права отчества; права *отецкія*, родовыя, слѣдовательно права внѣшнія, случайныя. *Отецкій сынъ* вездѣ имѣетъ преимущество передъ другими. «Человѣкъ не славна родителя, говорили тогдашніе житейскіе мудрецы, а высокоумень, аки птица безъ крылъ, убивается о землю, а взлетѣти не можетъ.» Кто терялъ отечество, свой родъ-племя, свою породу, тотъ терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтственныя своей отчинѣ права, дѣлался сиротою, человѣкомъ безправнымъ для общежитія. Цѣлые разряды народа, утративъ во мнѣніи вѣка отчество, свою породу, утратили вмѣстѣ съ тѣмъ и величанье по отчеству: ихъ называли только именами. Да и тутъ были степени: меньше правъ имѣлъ человѣкъ, меньшимъ значеніемъ онъ пользовался въ обществѣ — его называли даже полуименемъ: Васька, Ганька; пріобрѣталъ человѣкъ какое-либо значеніе — его звали уже Васильемъ, Гаврилою. Новая степень значенія давала и новую степень величанья; прибавляли отчество и говорили: Василій Ивановъ, Гаврила Петровъ. А доходилъ человѣкъ, умомъ ли, богатствомъ, заслугами, или чѣмъ другимъ, до самостоятельнаго органа тогдашней дѣйствительности, — отческое начало подносило ему высшую отческую честь, которую оно обратило даже въ особенную награду за службу, оно жаловало человѣка *вицемъ*, то-есть прибавкою къ отческому прозванію честицы *вичъ*. И вотъ изъ Васьки, Василья Иванова, выросалъ наконецъ Василій Ивановичъ. Ребятъ-дѣтей и ребятъ людей низшихъ, *черныхъ* разрядовъ кликали всегда полуименемъ; взрослыхъ, въ томъ и другомъ смыслѣ, — цѣлымъ именемъ; возмужавшимъ прибавляли отчество, а старшихъ, дѣдовъ и отцовъ,

опять въ томъ и другомъ смыслѣ, величали съ *вечемъ*. Такъ сильны были кровныя патріархальныя понятія въ старой нашей действительности. Теперь еще есть у крайны, гдѣ назвать кого по отчеству только, безъ имени, значить выразить особенное уваженіе этому лицу, оказать особенный почетъ. А если съ величаньемъ соединялось понятіе о мѣрѣ *чести*, *почести*, какую воздавали лицу, то, естественно, приведенныя степени величанья указываютъ и на систему житейскихъ отношеній между людьми. Отношенія эти развѣшивались, смотря по отчинѣ лица и по старшинству членовъ каждой отчины, каждаго рода, представляя такимъ образомъ необозримое неравенство отчиннаго достоинства, которымъ различались люди. Каждый носилъ особенную *честь*, какую давало ему отчество, то-есть особенную мѣру почета, по которому онъ занималъ мѣсто въ обществѣ, и которая подчинялась самымъ многообразнымъ случайностямъ, слѣдовательно не представляла ничего положительнаго и неотъемлемаго. Каждый въ общежитіи принимаемъ былъ не самъ по себѣ, какъ вообще человекъ, человѣческая личность, а каковъ былъ по отчинѣ; отсюда постоянное мѣстничество, не въ службѣ только, а въ каждодневной жизни, особые уставы, порядки, кого и какъ принимать, гдѣ сажать и т. п. О равенствѣ общественныхъ правъ понятія не было. Въ старинной нашей общественности, которую въ строгомъ смыслѣ называть такъ рѣшительно невозможно, не было двухъ лицъ, которыя обладали бы въ общежитіи равными правами. Если такія и являлись, положимъ на обѣдѣ, то самое сидѣнье за столомъ тотчасъ же дѣлало ихъ неравными, потому что за столомъ сѣдильсь по семейному, родовому старшинству. Одного мѣста двое занимать не могли, слѣдовательно кто-нибудь долженъ былъ сѣсть *ниже*. Хотя старина и поговаривала, что «бываютъ въ пирахъ и въ бесѣдахъ глупые люди, хотя и впереди сидятъ, и тутъ ихъ обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ и находятъ», тѣмъ не менѣе это *ниже* или *выше*, принимаемое за основаніе людскихъ отношеній, было оскорбительно для тѣхъ, кои были или считали себя равными.

Выраженіемъ нашей старинной общественности, и почти единственнымъ, былъ *пиръ-бесѣда*; оттого въ народной эпопеѣ, въ богатырскихъ пѣсняхъ, имъ большею частію начинается разказъ.

На пиръ-бесѣдѣ люди собирались дѣлать время, веселиться

другъ съ другомъ; слѣдовательно, здѣсь мы должны искать тѣхъ формъ общежитія, въ которыхъ выразилось начало, управлявшее людьми во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ. Какъ же встрѣчали, какъ принимали другъ друга наши предки на этихъ пирахъ-бесѣдахъ? Было ли это свободное, никого не связывающее и не тѣснящее собраніе людей, съ цѣлю провести время въ *обществѣ*, и дѣйствительно ли собиралось здѣсь *общество*? то-есть совокупность лицъ другъ другу равныхъ или, по крайней мѣрѣ, равно съ другими принимаемыхъ, равно съ другими чествуемыхъ? Еслибъ это было такъ, то къ чему сталъ бы заводить ассамблеи Петръ Великій, избавившій насъ отъ всѣхъ старинныхъ церемоній и многообразныхъ загородъ, наставленныхъ патріархальными понятіями, чтобъ всячески стѣснить свободные шаги лица? Нѣтъ. Древній пиръ-бесѣда не представлялъ *общества* въ теперешнемъ смыслѣ. Это было собраніе людей, которые рассчитывали свои отношенія другъ къ другу, по *отчиму*, по отеческой чести. Человѣкъ опредѣлялся его принадлежностью къ извѣстному разряду родовой, наслѣдственной чести. Чѣмъ выше была *порода* человѣка, чѣмъ онъ былъ *старше*, тѣмъ большій ему почетъ давали, на высшее противъ другихъ мѣсто сажали. За такими расчетами человѣческая самостоятельная личность не была видна. Лицо, являясь въ тогдашней общестственности, впереди всего несло свою отчину, *дѣдину*, честь своего отечества, а отечествомъ признавался даже каждый служебный разрядъ лицъ. Въ началѣ честь, высота породы или отечества опредѣлилась конечно наслѣдственностію занятій, которыя въ первобытномъ обществѣ представляли своего рода службу землѣ, и по мѣрѣ пользы, значительности для общества этой службы, были выше, почетнѣе, сильнѣе, нежели другія. Военный, въ послѣдствіи служивый въ собственномъ смыслѣ, разрядъ народа стоялъ на первомъ планѣ, выше другихъ, торговый выше ремесленного или посадскаго, ремесленный выше земледѣльческаго, и смерды были послѣдними въ этой лѣствицѣ. Съ развитіемъ государственности явилось много и другихъ разрядовъ чести; но первобытное дѣленіе людей оставалось въ своей силѣ, и новые разряды должны были къ нему примѣриваться, приравниваться. Порода военного разряда, княжеская, боярская, дворянская, почиталась высшею порою, оттого съ такою щекотливостію она

и охранять вездѣ свою честь. Каждый служебный разрядъ, каждый *чинъ* людей имѣлъ свою степень чести, которая считалась его породою, его отчествомъ, такъ что каждый чинъ въ этомъ смыслѣ представлялъ какъ бы особый родъ, болѣе или менѣе честный, почетный, старшій. Человѣкъ, выходя изъ кровнаго, родового, патриархальнаго быта въ государственный, иначе и не могъ опредѣлять своихъ новыхъ отношеній какъ на основаніи прежнихъ же своихъ понятій. Точкою его отправленія была семья и родъ, родственное старшинство и меньшинство, которое онъ усматривалъ всюду и облекъ имъ служебныя и другія отношенія, явившіяся съ развитіемъ государственности. Во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ старшій уклонялся въ роль отца, младшіе разумѣли себя дѣтьми. Родственныя отношенія были преобладающимъ началомъ въ старомъ нашемъ обществѣ. Служебную честь (въ обширномъ значеніи) каждый понималъ какъ родовое старшинство, почиталъ ее своею породою, своимъ отчествомъ.

Собирались люди на пиръ — бесѣду, — они садились по старшинству чиновъ, — не по старшинству ранговъ, которыхъ не существовало, а по старшинству родовыхъ чиновъ, то-есть разрядовъ народа, бояре съ боярами, дворяне съ дворянами, посадскіе съ посадскими и т. д. Каждый разрядъ, какъ мы сказали, представлялъ *отчество* для его членовъ, то-есть *родъ*, къ которому они принадлежали. По этому отчеству или отчинѣ гостямъ и мѣсто даютъ и жалуютъ, чествуютъ ихъ. Приходить на пиръ къ князю Владиміру богатырь Алеша Поповичъ, — князь прежде всего спрашиваетъ, какъ его зовутъ: по имени можно мѣсто дать, по *отчеству* пожаловать. Алеша отвѣчаетъ:

«Меня, осударь, зовутъ Алешкою Поповичемъ.

Изъ города Ростова, сынъ стараго попа соборнаго.

.... Владиміръ князь обрадовался, говорилъ таковы слова:

«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

По отчеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,

Въ другое мѣсто богатырское,

Въ дубову скамью противъ меня,

Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.

Почему князь предлагаетъ Алешѣ, по его отчеству, первое, большое мѣсто въ переднемъ углу? Потому что отчество Алеша,

поповичъ, чествовалось встарину всегда выше другихъ отечествъ. Священническому чину должно было оказывать велию вѣру и любовь, и повиновеніе, и покореніе. Священникъ всегда и занималъ первое мѣсто на пирахъ—бесѣдахъ. До сихъ поръ народъ говорить, что въ *передній уголъ* садятся или попъ или дуракъ, обозначая въ первомъ случаѣ неотъемлемое, освященное обычаемъ право, а въ послѣднемъ—человѣка, какъ тогда говорили, нечувственного, неискуснаго, неученаго, невѣжду, лишеннаго смысла и понятій о добромъ порядкѣ въ житейскихъ отношеніяхъ. Пріѣзжаетъ на пиръ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, — его сажаютъ «по край стола, да по край скамьи», то-есть на послѣднее мѣсто, по его крестьянской породѣ (1).

Какъ не были равны честью разряды, чины народа, такъ не были равны честью и члены каждого разряда. Они не могли *помышляться мѣстами* и сѣсть, кто куда сѣлъ. Одинаковый чинъ, уравнивая своихъ членовъ въ правахъ служеб-

(1) Москвитянинъ, 1843 г., № 11. стр. 14. Для богатырей существовало впрочемъ на пирахъ у Владиміра особое мѣсто, *другое* по счету, дубовая скамья. Нужно замѣтить, что высшія мѣста были на лавкѣ, отъ передняго угла, а скамья ставилась съ противоположной стороны стола. Говорятъ, что на богатырскихъ пирахъ Владиміра, богатыри садились на скамѣ не по аристократическому праву породы, что тамъ сидѣлъ и бояринъ, и поповичъ, и сынъ гостя (купца), и крестьянинъ, что былъ *всѣмъ имъ ровный почетъ*, что, входя на пиръ, они молились, кланялись князю и на *всѣ четыре стороны*, что это былъ поклонъ *общественный, всѣмъ равный* и т. д. Говорятъ все это по случаю изложенія богатырскихъ пѣсенъ и характеристики богатырей. (Статья г. К. Аксакова въ IV т. Русской Бесѣды.) Но въ тѣхъ же пѣсняхъ, къ сожалѣнію, мы находимъ мало подтвержденій этимъ словамъ. Даже общественный поклонъ на четыре стороны, всѣмъ равный, не могъ быть такимъ въ дѣйствительности, потому что дѣлилъ *всѣхъ* на четыре разряда и начинался съ передняго угла, гдѣ обыкновенно сидѣли *старшіе, большіе*, слѣдовательно прежде всего воздавалъ честь старшимъ, а затѣмъ доходилъ и до младшихъ. Онъ былъ общъ и равенъ въ отношеніи только къ каждому изъ четырехъ разрядовъ. На богатырской скамѣ садились богатыри разныхъ *отечествъ*; но мѣста на скамѣ не были равны: одно было выше, другое ниже, начиная все-таки отъ передняго угла. Мѣста же давались по отечеству и служили выраженіемъ извѣстнаго почета, и если они не были равны, то слѣдственно не былъ равенъ и почетъ. Богатырь—бояринъ садился всегда выше богатыря—крестьянина.

ныхъ, нисколько не уравнивалъ ихъ въ тогдашнемъ общежитіи, въ тогдашней общественности. Здѣсь каждый изъ членовъ не былъ самостоятельнымъ представителемъ своего званія, равнымъ съ другими; онъ былъ представителемъ извѣстнаго *отчества*, извѣстнаго, болѣе или менѣе *честнаго*, почетнаго, породистаго рода, и этимъ отчествомъ становился выше или ниже другихъ своихъ сверстниковъ, своей братьи по чину, разряду. Здѣсь ни у кого не было своего самостоятельнаго лица, а всякій представлялъ только извѣстный нумеръ своего отчества, по которому и входилъ въ общую нумерацію мѣсть. Котошихинъ разказываетъ, что въ царской думѣ и за столомъ, бояре, окольничіе и думные дворяне садились на лавкахъ по чинамъ, то-есть бояре, окольничіе, дворяне, каждый чинъ отдѣльно, но бояре подъ боярами садились уже по *роду* своему и по *чести*, то-есть по отчинѣ, кто кого честнѣе порождоу, а не по службѣ, и не потому, кто кого старѣе въ чину, *хотя кто и сегодня пожалованъ,—наутріе, по породѣ своей, учнетъ сидѣти выше*. Вслѣдствіе того бояре, царю свойственные по царцѣ (напримѣръ отецъ царицы), въ думѣ и за столомъ у царя не бывали, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше неумѣстно, что *породою не высоки*. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самыя правила свято наблюдались и въ частномъ быту. На каждомъ пиру отношенія людей устраивались по этой же системѣ, и каждый кругъ знакомства въ старину вмѣщалъ въ своихъ границахъ подобныхъ же представителей болѣе честнаго или менѣе честнаго отчества, представителей, среди которыхъ лицо безъ отчества или съ малымъ отчествомъ, хотя бы и семи пядей во лбу, не имѣло ни малѣйшаго значенія и садилось все-таки ниже другихъ. Высота чести каждаго рода, каждаго отчества опредѣлялась, разумѣется, старшинствомъ его служебнаго значенія. Являлся предокъ на пирь, и первая мысль его была о мѣрѣ почести, какую должны ему воздать хозяинъ пира и гости,—первая мысль была о томъ, *чтобъ съѣсть на своемъ мѣстѣ, по отчинѣ*, не ниже того, кого онъ считалъ ниже себя. Съ другой стороны, хозяинъ пира точно такъ же былъ озабоченъ, *чтобъ по отчинѣ гостю мѣсто дать, чтобъ не обезчестить гостя мѣстомъ*, потому что такое безчестье не забывалось и никогда не прощалось. Такое безчестье «Домострой» ставитъ на ряду съ другими преступленіями, нарушавшими добрый порядокъ об-

щежитія, присовокупая, что «тотъ столъ или пиръ, гдѣ мѣстомъ обезчестятъ, бѣсомъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ, а людямъ на позоръ и на гнѣвъ и на вражду, а обезчестнымъ срамъ и на оскорбленіе.» Вотъ что говоритъ по этому поводу одно древнее слово: «прежде бо приндуть на пиръ и всякъ восхощетъ сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядетъ на нижнемъ мѣстѣ, и доколѣ трезвъ, молчитъ, а ненавидитъ сѣдѣща въ честнѣ мѣстѣ, и прежъ положить гнѣвъ въ сердца, и егда напѣется, иступленъ ума бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мещетъ нанъ злыя рѣчи; и аще сей претерпитъ, онъ же паки съ досажденіемъ глаголетъ ему. И той убо такоже отъ пѣяньства не умоличитъ и бываетъ брань; и потомъ единъ единого ножемъ закалаетъ. Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, точію въ пѣяньственныхъ бѣсѣдахъ и играхъ, начеже о праздниціхъ.» Припомнимъ кстати *старину* про Илья Муромца. Выше мы упомянули, что на пиру у князя Владиміра, Ильѣ, по его крестьянскому отчеству, дали послѣднее мѣсто, по край стола да по край скамьи. Илья выпилъ чашу большую, оберучную, на одинъ духъ, выпилъ другую — его маненько ошабурило... онъ хотѣлъ поладиться, да поправиться —

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя въ ту пору да въ то времячко
Еще столъ идетъ да во полу-столъ,
Еще пиръ идетъ да во полу-пиръ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-русскіе войны.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помышалъ ты всѣ мѣста да ученыя,
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя.
У меня промежъ каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя.
Чтобъ они въ пиру напивалися,
Напивалися да не столкалися.

Пѣсня не говоритъ прямо, что Илья Муромецъ оскорбился малымъ почетомъ на княжескомъ пиру.

Но изъ всего разказа видно, что главная причина его обиды была *честь*. Вслѣдъ затѣмъ какъ онъ *помышлялъ* мѣста, сдвинувъ богатырей въ передній уголъ, князь Владиміръ приглашаетъ его попить-поѣсть и воеводой у него жить.

Не хочу я у *васъ* ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у *васъ* воеводой жить,—

отвѣчаетъ разсерженный богатырь; вынимаетъ шелковую плетку о семи хвостахъ съ проволокой и началъ ею помахивать, да гостей поколачивать, самъ приговаривая,

На *пріѣздѣ* гостя не уподчивали,
А на *поѣздинахъ* да не учествовали;
Эта ваша мнѣ честь—не въ честь.

всѣхъ прибилъ до единого, такъ что самъ князь за печку задувинулся, собольей шубой закинулся.... Въ самомъ наказаніи плеткою является злое посмѣяніе надъ гостями—богатыря, чувствовавшего свое превосходство передъ другими.

Самый *чинъ*, возвышая человека, переводилъ его только изъ одной низшей сферы отчинныхъ отношеній въ другую, высшую, какъ наприкладъ Пожарскій изъ стольниковъ пожалованъ былъ въ бояре, а Мининъ изъ посадскихъ въ думные дворяне (не въ бояре однакожь, изъ которыхъ многіе, какъ выразился Шеинъ, во время общей опасности «по запечью сидѣли»), но въ этой новой высшей сферѣ чинъ встрѣчалъ непреодолимую силу отчинныхъ счетовъ и подчинялся ей. Никакія заслуги и никакіе таланты не могли поставить человека во главѣ его новыхъ сверстниковъ по чину. Между ними онъ занималъ мѣсто уже по породѣ, по отчинѣ. Если дворяне подъ дворянами садились по отчинѣ, то отчина Минина, *художествомъ гоядаря*, указывала ему самое послѣднее мѣсто въ числѣ думныхъ дворянъ. Тотъ же счетъ прилагается и къ самому князю Пожарскому. Въ день своего коронованія, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ князя Пожарскаго изъ стольниковъ въ бояре, разумѣется за предшествовавшую его службу. Думный дворянинъ Гаврила Пушкинъ, который, по церемоніямъ того времени, долженъ былъ находиться при объявленіи Пожарскому государева жалованья, тотчасъ же сталъ бить челомъ *въ отечество* на князя Дмитрія, что ему у сказки стоять (при объявленіи жалованья)

меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что родители ихъ (Пушкиныхъ) меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Такъ было въ офиціальномъ быту, такъ было и въ частномъ быту, гдѣ мѣсто на пирахъ давалось также всегда по отчинѣ, потому что другого распредѣленія мѣстъ за столомъ, другой формы отношеній не существовало, и кто бы ни пришелъ на пиръ, хоть добрый молодецъ, потерявшій свое отчество, какъ въ стихѣ о «Горѣ-Злочастіи», ему все-таки давали мѣсто по расчету отчинному, соображая и примѣривая его личныя достоинства и значеніе къ отчинному распорядку мѣстъ. Въ стихѣ о «Горѣ-Злочастіи» этотъ распорядокъ мѣстъ раскрывается нѣсколько опредѣленнѣе:

Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ крестится,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ *большое мѣсто*, не въ *меньшое*,
Садятъ его въ мѣсто *среднее*,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинныя.

Такимъ образомъ чужаго молодца за вѣжливый и *ученый* приходъ посадили въ среднее мѣсто, гдѣ сидѣли дѣти гостей, занимавшихъ большія мѣста: его сравнивали честью съ отецкими дѣтьми (1). Для молодца, потерявшаго отчество, то-есть значеніе *добраго* человѣка, это былъ почетъ немалый. Но молодецъ на пиру не веселъ сидитъ, и вотъ *добрые* люди его спрашиваютъ:

(1) Такъ, полагаемъ, должно толковать это выраженіе: — «Гдѣ сидятъ *дѣти гостинныя*». За отсутствіемъ другихъ указаній, мы не имѣемъ основанія заключать, что здѣсь говорится о торговыхъ только людяхъ, о гостяхъ изъ гостинной сотни, а не вообще о гостяхъ собраннаго пира. Слѣдующія строки стиха ясно означаютъ, что это были дѣти гостей пира. Но не должно разумѣть, что эти дѣти были только мальчики: здѣсь могли сидѣть такіе же *молодцы*, какъ и пришедшій на пиръ.

Что еси ты, добрый молодецъ,
 Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
 Кручиновать, скорбеть, нерадостенъ,
 Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
 Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
 Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала!
Или мѣсто тебѣ не по отчинъ твоей?
 Или милые дѣти тебя изобидѣли?
 Или глупые люди немудрые
 Чѣмъ тебѣ молодцу насмѣялися?
 Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?

Въ другой пѣснѣ, о подвигахъ Хотена, Хотенъ встрѣчаетъ свою мать, идущую съ пира не въ радости, тѣми же вопросами:

Што же ты, моя родна матушка,
 Идешь домой не въ корысти, не въ радости?
Али мѣсто те дали не по вотчинъ,
 Али чарой тебя да обнесли,
 Али пьяница дуракъ не насмѣялся ли?

Вотъ непріятности и оскорбленія, какія можно было встрѣчать на старинныхъ нашихъ пирахъ, и во главѣ ихъ стоятъ *мѣсто не по вотчинъ*. Вслѣдствіе того, чтобъ *срядить честный пиръ*, нужно было его срядить не только *въжествомъ*, какъ говорится въ стихѣ о «Горѣ Злочастіи», но прежде всего *отечествомъ*, потому что самое *въжество*, то-есть добрый порядокъ, приличіе заключалось уже въ понятіи о достоудолжномъ распредѣленіи и чествованіи гостей по ихъ отечествамъ. Итакъ отечество, отчина, родовое, а не личное, не общественное значеніе лица полагалось главнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній въ нашемъ древнемъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ древній пиръ-бесѣда представлялъ какъ бы собравшійся родъ-племя, гдѣ самъ ли хозяинъ или гость, занимавшій почетное, большое мѣсто, обыкновенно въ переднемъ углу, представлялъ лицо старѣйшины рода, лицо домовладыки, ибо въ домашнемъ семейномъ быту это мѣсто всегда принадлежало главѣ семейства, домохозяину. Остальные были какъ бы сродичи, занимавшіе мѣста по степенямъ сродства, родственнаго большинства и меньшинства, такъ точно какъ въ домашнемъ быту занимали эти мѣста члены семейства. Распредѣленіе лицъ по семейному старшинству послужило формою для распредѣленія лицъ и въ гражданскомъ быту. Здѣсь была семья, а не общество, слѣдовательно не было и общественнаго

равенства членовъ. Здѣсь всѣ дѣлились на старшихъ и младшихъ, такъ точно, какъ всѣ дѣлятся на старшихъ и младшихъ въ семьѣ, въ родѣ.

Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣлъ значенія, никто не имѣлъ никакихъ правъ, положительно ему принадлежащихъ, какъ самостоятельной человѣческой личности, какъ самостоятельному органу общественности, которой въ строгомъ смыслѣ тогда не существовало. Каждый опредѣлялся не человѣческими своими правами, а правами и значеніемъ своей *отчины*, которая въ столкновеніяхъ лицъ ежеминутно измѣняла относительное старшинство или меньшинство, то-есть значеніе своего представителя. На томъ же пиру одинъ могъ занять первое, слѣдовательно, самое почетное мѣсто, когда отчина его была старше всѣхъ другихъ; но когда являлся представитель еще старше по отчинѣ, то первый необходимо долженъ былъ пересѣсть ниже, не имѣя никакого права протестовать противъ своего пониженія, и протестуя только въ такомъ случаѣ, если пониженіе было незаконно съ отчинной точки зрѣнія, то-есть, если первое мѣсто занималъ младшій по отчинному расчету.

При господствѣ патріархальныхъ началъ въ людскихъ отношеніяхъ, когда лицо разсматривалось только со стороны отчиннаго старшинства и меньшинства, трудно было развиваться той уравнивающей всѣхъ силѣ, которую называютъ обыкновенно *обществомъ*. Такъ какъ исходною точкою нашего стариннаго общежитія была патріархальность, то и всѣ новыя формы общежитейскихъ отношеній, даже противоположныя ей по своей сущности, какія по необходимости должны были являться вслѣдствіе поступательнаго развитія государственности, принимали все-таки обликъ патріархальности. Патріархальность всему придавала свой цвѣтъ, свой колоритъ, потому что была самою существенною и общею почвою нашего развитія. Древнее наше *общество* состояло изъ отцовъ и дѣтей: все почему-либо высшее, старшее, значительное, принимало въ тогдашнихъ понятіяхъ значеніе отцовъ, все низшее, младшее—значеніе недорослей, дѣтей. Въ массѣ эти понятія довольно сильны еще и теперь.

Такимъ образомъ если и мужчина не имѣлъ значенія самостоятельной, полноправной личности, самостоятельнаго, полноправнаго органа въ обществѣ, и заимствовалъ свой вѣсъ не отъ

понятій объ обществѣ, общественности, а отъ понятій объ отечествѣ, опредѣлялся только своими патріархальными, отчинными отношеніями, то какимъ же значеніемъ могла пользоваться въ то время женщина? Мы видѣли, что убѣжденія массы не признавали въ ней свободы, самостоятельности и по другимъ причинамъ. Въ родительскомъ союзѣ она естественно ставилась на ряду съ младшими членами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ домовладыкѣ, ибо не мать, а отецъ давалъ значеніе семьѣ и роду, не другое что, а отчина давала ходъ и значеніе сыну и дѣтямъ—ребятамъ. Въ этомъ союзѣ женщина имѣла одно значеніе: она была *жена* (1). Въ этомъ заключалась единственная сущность ея назначенія, единственная сущность ея человеческой доли. Степени родства присвоивали ей конечно и другія имена, но сущность не измѣнялась. Женщина все-таки оставалась *женою*: мать—жена, исполнившая свое призваніе, свое назначеніе; дочь—слѣдовательно невѣста и слѣдовательно тоже жена, имѣющая выполнить свое призваніе. Положеніе дочери въ древнемъ обществѣ еще яснѣе можетъ раскрыть сущность тогдашнихъ понятій о женщинѣ. Тамъ для дочери одинъ только былъ выходъ, именно выходъ замужъ; въ этомъ, какъ мы сказали, заключалась сущность ея призванія. Если этотъ единственный выходъ чѣмъ-либо преграждался, то дочь теряла уже всякое значеніе для общества. Общество чуждалось ея, и она, волею-неволею, должна была идти вонъ изъ *міра*, то-есть идти въ монастырь.

(1) Положеніе женщины въ нашемъ первоначальномъ общежитіи и полная и вѣрная характеристика этого общежитія, слѣды котораго сохранялись долго, да не исчезли совсѣмъ даже и въ настоящее время, представлены въ превосходныхъ и въ высокой степени основательныхъ статьяхъ К. Д. Кавелина, по поводу книги «Бытъ Русскаго народа, соч. А. Терещенки», помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1848 года. Выводы и положенія этихъ статей, равно и другихъ того же автора, касавшихся того же предмета, по нашему крайнему разумнію, должны служить точкою отправленія для каждаго изслѣдователя нашей общественной старины. Нужно прежде съ такою же основательностію поколебать силу этихъ выводовъ, а затѣмъ уже, на просторѣ, созидать свои воззрѣнія на общественный нашъ бытъ въ древнюю эпоху, на характеръ и значеніе нашей древней общины и т. д. До тѣхъ поръ противоположныя воззрѣнія будутъ только чистыми умозрѣніями и не будутъ убѣдительны.

«Которыя дѣвицы увѣчны и стары, говорить Котошихинъ, и замунить ихъ взять за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ, безъ замужства.» Слѣдовательно, такихъ дочерей удаляли изъ общества, какъ членовъ вовсе излишнихъ и никуда непригодныхъ. Къ тому же значенію дочери, какъ невѣсты, какъ будущей жены, склонялись и родительскія попеченія и заботы о ней. «Вскормить, вспоить и замужъ выдавать въ цѣлости, въ добромъ здоровьи», вотъ существенная цѣль заботъ, выраженная не разъ въ древнихъ памятникахъ. Недремящее вниманіе обращено было особенно на то, чтобъ сохранить доброе здоровье будущей жены. «Кто у васъ имать дочеръ, положи на ней грозу свою, да ходитъ въ послушаніи, да не свою волю приимиши, въ неразуміи прокудишь дѣвство свое и сотворишь ты въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ, и при множествѣ народа *порода* пберамится. Аще бо отдаси безъ порока дочеръ свою, то велику добродѣтель сотворишь еси и отъ всѣхъ похваленъ будеши.»—«Человѣче! имаша скотъ, смотри надъ нимъ; будеши пожиточень, корми его; имаша дщери, сохранно держи ихъ, да и тѣлеса ихъ блюдами будутъ. Не являй свѣтла лица къ нимъ. Егда чистыя замужъ отдаси, то велико дѣло учиниши, сохранивъ дѣвство.»

Если женщина получала въ древнемъ обществѣ значеніе только подъ видомъ жены, какъ придатокъ, кость мужа, и если жена не мыслима безъ мужа, то, естественно, лишаясь мужа, она лишалась и своего самостоятельнаго значенія. Съ смертію мужа, она становилась вдовою и слѣдовательно въ общественномъ мнѣніи сиротою; весьма часто удалялась тоже въ монастырь и во всякомъ случаѣ облакалась во *вдовью одежду* (1), какъ знакъ своего сиротства, какъ знакъ того, что въ міру, въ обществѣ, значенія она уже не имѣетъ. Въ уставѣ «о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ и о церковныхъ людѣхъ», приписываемомъ князю Владиміру, вдовицы, наравнѣ съ другими *убогими* лицами и сиротами, отдаются подъ покровительство церкви, дѣлаются *церковными людьми*, *убогими*. Народъ свои понятія о сиротствѣ, безъ

(1) Платье *вдовихъ*, то-есть темныхъ цвѣтовъ, которые обозначались также и словомъ *смирный*, смиренный, вообще траурный.

защитности вдовы выразилъ мѣткою пословицею : « побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мирѣ—вдова да дѣвка. »

Однимъ словомъ, женщина въ древнемъ обществѣ носила въ своемъ значеніи только идею жены; въ тѣснѣйшемъ только половомъ значеніи этого слова. Не понимая и не признавая въ ней личной самостоятельности, человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ, предокъ не могъ, разумѣется, съ словомъ женщина соединять того понятія, какое теперь ему придается. Да и самое слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось съ развитіемъ общественности, въ то же время, когда сама женщина вступила въ общественную жизнь, заняла принадлежащее ей мѣсто и тѣмъ внесла въ общество новое о себѣ понятіе.

Но отрицая въ женщинѣ нравственную самостоятельность, мужчина не могъ на этомъ остановиться. Онъ доказывалъ, что и умъ ея есть собственно умъ жены — слабъ, малосмысленъ и шатокъ. Извѣстно, что несвободное состояніе всегда и вездѣ возбуждало сомнѣніе даже въ самыхъ способностяхъ человѣка, утратившаго свои человѣческія права. Чернь, черные люди, напри-мѣръ, во мнѣніи вѣка, признавались всегда людьми темными, малосмысленными, даже неспособными вообще мыслить, такъ точно, какъ младшіе члены въ родительскомъ союзѣ, считаясь несовершеннолѣтними физически, считались недорослями и въ умственныхъ дарахъ. «Всего намъ Богъ послалъ, говорили молодые послѣ свадьбы, угощая гостей отводнымъ пиромъ,—всѣмъ надѣлили насъ родители, да умъ нашъ не созрѣлъ... Состарѣмся, научимся.» И дѣйствительно, по понятіямъ старины, чтобъ быть умнымъ, нужно было состарѣться, нужно было быть старшимъ. Достоинство человѣка выросло по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся, со старшинствомъ, которое приходило само собою и ставило человѣка въ почетное отношеніе къ остальнымъ членамъ союза; только старшинству предоставлялась способность мыслить и разсуждать, право давать рѣшительный голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Старшинство само по себѣ служило уже доказательствомъ, что человѣкъ уменъ, способенъ, знающъ. «Не пускайся, сыне, на стара человѣка, если онъ и немощенъ, но ума его не свѣдаешь,» говорили книжники. Оттого всякое предъявленіе ума со стороны

младшихъ и безъ позволенія старшихъ почиталось дерзостью, наглостью, и обращалось самимъ же младшимъ въ укоръ. Гдѣ не личныя достоинства, а внѣшнія, случайныя отличія, управляютъ людскими отношеніями, тамъ, какіе бы таланты ни имѣлъ младшій членъ, онъ не можетъ ими пользоваться, даже не смѣетъ предъявлять ихъ безъ одобренія старшихъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ высокоуміе, гордость ума, которая принадлежала къ порочнымъ наклонностямъ. Еслибъ даже младшій членъ былъ уже самъ значительно старъ, но были бы при томъ еще старѣйшіе его, то и въ такомъ случаѣ онъ все-таки состоялъ недорослемъ въ отношеніи къ этимъ старѣйшимъ. Уже вслѣдствіе патріархальныхъ отношеній, женщина, какъ младшій членъ въ отношеніи къ домовладыкѣ, не должна была смѣть «свое сужденіе имѣть». Но кромѣ того старина и вообще считала женскія способности несовершенными. «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ», говоритъ народъ. «Умъ женскій не твердъ, говорили старые книжники, аки храмъ непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокопанъ, до вѣтру стоитъ — вѣтръ повѣетъ, и оплотъ порушится; такъ и мудрость женская, аки оплотъ; до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немоощѣйшіи суть разумы женстїи; въ нечувственныхъ ничтоже могущи умное постигнуть.» Наконецъ книжники характеризовали женскій умъ только злыми качествами и говорили, что «женская мудрость—звѣриная лютость». А если и дѣйствительно жена обладала умомъ, по крайней мѣрѣ житейскимъ, практическимъ смысломъ, то и тогда, особенно при людяхъ, она не должна выражать мужу ни своего сужденія, ни своего умѣнья понимать дѣло. Это было не прилично. Вотъ, напримѣръ, наставленіе *молодымъ* по случаю отводнаго стола, который они давали своему родству послѣ свадьбы. «Молодому князю со княгиней (новобрачнымъ) подобаетъ вопрошати старыхъ людей: какъ и что въ добрыхъ людяхъ ведется, кого какъ чествовати и про какой случай? Всему тому есть обычай испоконъ вѣка; да и дѣло-то не писаное, а уложено старыми людьми недаромъ, и должно вершиться безъ всякой поруки, чтобы не было на смѣхъ и позоръ. Буде молодой князь и его княгиня похотятъ справлять свадебный отводъ... прежде всего сыскать зватаго, чело- вѣка стараго, который бы смыслилъ свое дѣло, зналъ кого и

какъ позывать по старому обычаю... Молодому князю просить зватаго позывать дорогихъ гостей: туто вымолвить прежде всего тестя съ тещей, по имени и по отчеству, съ поклономъ и почетомъ. Далѣй того молвить про крестнаго отца съ матерью, про дѣда и бабку: а то все говорить по имени и по отчеству... Княгинѣ молвить только поклонъ отцу съ матерью. *Ино то не женское дѣло, кого звать и кого чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ слухъ при людяхъ, своимъ умомъ наказыывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть советъ безъ людей, съ очи на очи.*» (1)

Но отрицаніе шло дальше и шире... Существенныя черты женщины, какъ самостоятельнаго, свободнаго лица, красота женственныхъ нравовъ, женственнаго характера, вся женственная *доброта*, — были отвергнуты, осуждены, находились подъ запрещеніемъ, какъ порожденіе зла, какъ сѣти соблазна, какъ грѣхъ неискупный... Это воззрѣніе возникло уже прямо изъ книжныхъ понятій. Если красота женскаго лица пробуждала естественное человѣческое чувство, и въ человѣкѣ пробивался ключъ невѣдомыхъ эстетическихъ стремленій, — предокъ исполненный стариннаго ученія о женщинѣ, приходилъ въ ужасъ, почитая это обаяніемъ, сѣтями дьявола.

«Не помысли красотѣ женстей, учили книжники, не падайся на красоту ея, не насладишися рѣчей и не возведи на нея очей своихъ, да не погибнешь отъ нея. Бѣжи отъ красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа, яко Лотъ отъ Содома и Гоморра... Человѣче, не гляди на жену многохотну и на дѣвицу краснолицную, да не впадеши нагло въ грѣхъ... Не дай женѣ души своея... дѣвы не глядай, съ мужатицею (замужнею) отнюдь не сиди—о добротѣ бо женстей мнози соблазнишася, даже и разумныя жены прельщаютъ... Взоръ на жены раждаетъ уязвленіе, уязвленіе раждаетъ помышленіе, помышленіе родитъ разженіе, разженіе родитъ дерзновеніе, дерзновеніе родитъ дѣйство, дѣйство же исполненіе хотѣнія, исполненіе же хотѣнія родитъ грѣхъ, грѣхъ же родитъ смерть и иже его по смерти поиметь осужденіе и по осужденіи—вѣчное мученіе... Человѣче,

(1) Сказанія Русскаго народа, Сахарова, т. 2. стр. 114.

отврати лице свое отъ жены чужія прекрасная, не зри прилежно на лице ея: красоты ради женскія мнози погибоша. Красота жены веселитъ сердце челоуѣка и введетъ челоуѣка въ жалость на всякое желаніе. Челоуѣче, съ чужою женою на единѣхъ николи же бесѣдуй, ни возлагай съ нею за столомъ лахтей своихъ; словеса ея яко огнь поपालетъ, и похоть ея яко поपालетъ пламя, отрезвися умомъ и отскочи женъ блудивыхъ...» Наконецъ вотъ общее опредѣленіе, что такое женщина: «что есть жена? Сѣтъ сотворена, прельщающи челоуѣки (въ сластехъ) свѣтлымъ лицемъ, высокою выею, очами назирающи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словеса чарующи, ризы повлачающи, ногами играющи... въ добротѣ женстей мнози прельщаются, и отъ тоя (доброты) любовь яко огнь возгарается... Отъ жены начало грѣху и тою вси умираемъ... Много бо бѣсу помощи въ женахъ...»

Итакъ женщина въ умахъ книжныхъ мудрецовъ была олицетворенный грѣхъ, пагубный соблазнъ; всѣ ея природныя дары служили только сѣтью, прельщеніемъ, погубленіемъ душъ... Но по крайней мѣрѣ оставались же у ней какія-либо добродѣтели, какія-либо нравственныя качества, которыя уважало старое общество? Да, муштина — мудрецъ постоянно твердилъ, что *жена добрая вѣнецъ мужу своему*. Но какими же дорогими камнями украшалъ онъ этотъ вѣнецъ? Чѣмъ высилась и блистала добрая жена? Что именно признавалось въ ней добродѣтелью? «Жена добра любить страду (работу) и воздержаніе отъ всего зла. Жена благоумна составъ дому и имѣнію спасеніе. Жена добра, которая умѣетъ домъ строити. Не печется о дому мужъ ея. Жена добра трудолюбива и молчалива... Если кто изобрящетъ жену добру, тотъ челоуѣкъ велику благодать приметъ отъ Бога и предъ людьми: жена добра есть подобна кораблю плавающу, куплю въ немъ дѣютъ и великое богатство избираетъ, и у купца сердце веселится, тако и жена добрая и разумная и послушная мужу своему въ домъ много добра собираетъ: встаетъ рано и утверждаетъ локти свои на дѣло, а персты свои на вретено, сердце на радость и на веселіе, и мужа своего веселитъ безпрестанно, и послушаетъ его въ словѣ и въ дѣлѣ, и руководѣнія своего облечетъ мужа своего въ перфиру свѣтлу, и хвалимъ бываетъ мужъ

ея отъ добрыхъ жены, посреди людей добрыхъ въ бесѣдѣ...» (1)
 Но идеалъ доброй жены яснѣе выражается въ тѣхъ наставленіяхъ женамъ, которыми наполнены статьи, разсуждавшія о домостроительствѣ о томъ, какъ *лпо жить мужу съ женою*. «Ты мужа имѣй во всемъ честна и бойся его и во всемъ честь воздавай ему и повиновеніе... Достойтъ повиноватися женамъ къ мужамъ своимъ, а не пререковати имъ, но послушнымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а непослушнымъ горькую муку... Добра жена и покорлива вѣнецъ мужу своему есть...» Нельзя не замѣтить, что всѣ качества *доброй* жены, здѣсь изображенныя, сводятся къ двумъ главнымъ: это *покорливость* и доброе *домоводство*, качества, устремленныя только къ личному благополучію и благоденствію мужа. Дѣйствительно такая жена составляла вѣнецъ мужу своему, составляла счастье мужа, счастье, какое только было достижимо по понятіямъ того времени. О счастіи самой жены, о домѣ, здѣсь мало, или вовсе не говорится, потому что и благополучіе жены и благополучіе дома заключалось уже въ благополучіи и благоденствіи домовладыки. Чтѣ было хорошо для него, то должно быть хорошо и для всего дома, для жены и домочадцевъ. Покорливость, повиновеніе, послушаніе, молчаливость и т. п. отрицательныя добродѣтели жены приносили положительное благо мужу; дни его текли въ невозмутимомъ спокойствіи, въ полномъ просторѣ его личной воли, не встрѣчавшей въ своихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшихъ преградъ. Оттого добродѣтели эти ставились всегда выше другихъ (2), впереди другихъ, какъ единственная основа домашняго счастія. Оттого также книжники не щадили красокъ для изображенія обратнаго отношенія между мужемъ и женой. «Ни въ скотѣхъ скотъ коза, писали книжники, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица сычъ, ни въ звѣрахъ звѣрь ѣжъ, ни въ человѣцѣхъ человѣкъ, котормъ мужемъ жена владѣеть...» «Яко коня держать уздою, тако и жена водить угрозою...»

(1) Изъ «Повѣсти о мужескомъ полу и женскомъ».

(2) Замѣчательно, что и нашего времени книжники совершенно согласны съ старыми относительно женскихъ добродѣтелей. См. статью г. Филиппова, въ «Русской Бесѣдѣ», т. I. Критика, стр. 88—89.

Таково ученіе о женщинѣ, распространенное въ нашей старинной книжности. Но въ книжности оно не оставалось: *писаное слово* всегда внушало глубокое уваженіе къ истинамъ, которыя оно предлагало. Масса читала, слушала эти мудрыя апофеозы, усваивала ихъ своимъ понятіямъ, созидала по нимъ свои убѣжденія и по нимъ же строила свои отношенія въ жизни дѣйствительной. Если красота женская понималась только какъ грѣховный соблазнъ, если отъ этой красоты нужно было бѣжать невооруженно, какъ отъ потопа, какъ отъ Содома и Гоморры, если все, чѣмъ украшаетъ теперь женщина нашу общественную жизнь, почиталось дьявольскою прелестью, и вся *добродѣтель* женская вела только къ паденію, къ пагубѣ душевной, къ глубинѣ адовой, если наконецъ въ женщинѣ не подозрѣвали ни малѣйшей нравственной твердости и видѣли въ ней только необузданное стремленіе къ грѣху, къ паденію, присовокупляя пословицу, что «дѣвичій стыдъ до порога: какъ переступила, такъ и забыла»,—то, послѣ всего этого, какъ легко былъ выводъ и путь къ тому, чтобы устранить причины соблазна, остановить дѣйствія этой пагубной заразы!.. Какъ легко человѣкъ, исполненный древняго ученія о женщинѣ, могъ придти къ рѣшенію, что для женщины *добро есть печать*, что она должна жить сокровенно, во внутренней клѣтѣ дома, ибо каждый шагъ ея внѣ дома становился соблазномъ или для нея самой, или для другихъ, возводившихъ на нее очи, каждый шагъ ея велъ къ паденію! «Лучше есть кому имѣти козу во дворѣ, замѣчали книжники, нежели дочь велику не въ грозѣ (то-есть не въ строгости и не взаперти). Коза бо по улицамъ ходитъ—млеко въ домъ приносить, а велія (большая, взрослая) дочь, если начнетъ часто изъ дому исходить, то велий срамъ и безчестье отцу и матери и всему роду принесетъ.» Укажемъ кстати, что въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ, живо рисующихъ старую дѣйствительность, женщина носитъ также и этотъ падкій, сладостлюбивый образъ, начертанный съ такою рѣзкостью книжниками. Богатырскія пѣсни вообще замѣчаютъ, что

Женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.

Нигдѣ не выразился такъ ярко грубый, животный эгоизмъ времени, какъ именно въ этомъ пониманіи, что женское существо

всегда обуреваемо похотнымъ неистовствомъ, что потому женщина—отрава добродѣтели и чистоты мужчины. Много говорилъ мужчина о томъ, что «*въ огонь и въ жену впасть равно есть*», истощалъ всѣ краски стариннаго слова, чтобъ ярче и рѣзче изобразить опасность, предстоящую каждому, кто приближался къ женщинѣ, и ни слова не сказалъ о себѣ, о томъ, что если падалъ въ соблазнъ, воспалялся лицеэргвнѣемъ жены, то слѣдовательно въ самомъ же себѣ носилъ и то неистовство похоти, которое преслѣдовалъ въ женщинѣ и отъ котораго такъ старательно уберегалъ себя. Нисколько не подозревая себя виновникомъ и участникомъ зла, онъ смотрѣлъ на женскій образъ, какъ на внѣшнюю причину своего паденія, какъ на болѣзнь, заразу, отъ которой необходимо было спастись бѣгствомъ, прекращать къ ней пути. Исполненный мудрости вѣка и сдѣлавшись мужемъ, отцомъ, предокъ разумѣется ничего не могъ лучше придумать, какъ держать жену и дочерей на карантинномъ положеніи, то-есть посадить ихъ въ *высокій теремъ*: пусть смотрятъ на міръ изъ косящатаго оконца, пусть не соблазняетъ ихъ міръ своею близостью, да и они не соблазняютъ міра своею *добротою* женскою. «Видѣна дѣвка мѣдяна, а не видѣна золотая. Дѣвица въ терему, что запрещенный плодъ въ раю,» поговаривали народныя пословицы. Безъ сомнѣнія, этотъ взглядъ на женщину послужилъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ, подавшихъ поводъ къ заключенію женщинъ въ высокіе терема. Онъ былъ такъ сказать канвою для другихъ убѣжденій, по которымъ женщина, какъ запрещенный плодъ, должна быть скрывается отъ всенародныхъ очей. Самое огрубѣніе нравовъ, которое представляетъ ближайшую, видимую причину удаленія женщины, и которое въ отношеніи къ женщинѣ выражалось въ безстыдныхъ обидахъ, наглыхъ оскорбленіяхъ, въ безчестьи всякаго рода,—самое огрубѣніе нравовъ питалось, поддерживалось тѣми же низкими, варварскими понятіями о женщинѣ, которыя ничѣмъ не обуздывали наглаго своеволія мужчины. Сознывая свою высоту передъ женскимъ существомъ, онъ, по неразвитости своей, считалъ за ничто всякое оскорбленіе лицу безправному... Кто жъ объявлялъ себя защитникомъ женщины? Защищали ее мужъ, отецъ, защищали родъ-племя, семья. Здѣсь женщина имѣла значеніе, какъ членъ семьи, хотя и подчиненный домовладыкѣ. Но и въ этой защитѣ скрывался

семейный эгоизмъ: мужъ объявлялъ покровительство своей женѣ, а не женщины, родъ-племя защищали собственного члена, а не женщину, и тотъ и другой защищали свое, кровное, и защищали съ тою мыслию, чтобъ не принять на себя срама и безчестья, чтобъ «не посрамилась порода при множествѣ народа», чтобъ «не прійти въ посмѣхъ знаемымъ своимъ». Женщина, не получавшая этого единственнаго покровительства, предоставлялась самой себѣ, а это значило, что она предоставлялась всѣмъ случайностямъ своего беззащитнаго положенія. «Побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мирѣ вдова да дѣвка,» гласить народная пословица, весьма ясно обозначая беззащитное сиротство женщины, какъ говорятъ, непристроенной. Семья, родъ-племя, охраняя честь женщины, охраняли прежде всего свою собственную честь, честь породы. По крайней мѣрѣ это явно обозначается въ совѣтахъ и *наказаніяхъ*, какъ *лѣпо* жить человѣку и какъ вести семью, особенно дочерей. Естественно, что тамъ, гдѣ честь породы была выше, старше, имѣла большее значеніе, гдѣ ее продолжали и возвышали поколѣнія, гдѣ, слѣдовательно, и береженіе чести было строже, щекотливѣе, тамъ—именно въ знатныхъ и богатыхъ слояхъ общества—приняты были мѣры къ сбереженію чести жены, дочерей и пр., самыя дѣйствительныя, какія только можно было поставить противъ грубыхъ стремленій вѣка: женщину удалили въ теремъ. «Мушны, пишетъ Маскѣвичъ, не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь (домовую) не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится бояринъ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыя дверцы, съ окнами изъ прозрачныхъ, какъ стекло, камней (изъ слюды), или изъ бычачьего пузыря: отсюда она видитъ каждого, ее же никто разглядѣть не можетъ. развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ оной... Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ входъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ онаго хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскую половину можно пройти только чрезъ его комнату. Изъ мужчинъ не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же за

комнатами женскими обгораживается такимъ высокимъ палисадникомъ (тыномъ), что развѣ птица перелетитъ черезъ оный. Въ этомъ—то мѣстѣ, женщины прогуливаются» (1). «А гости коли случатся, наставляетъ «Домострой» хозяйку дома, и ихъ подчивати питіемъ, какъ пригоже: а самой пьянаго питія, хмѣльнаго, не пити. А питіе и ѣству и всякой обиходъ приносить одинъ человекъ сверстный (довѣренный), кому приказано, а мужескъ полъ тутъ, и рано и поздно, отнюдь, никакоже, никакими дѣлы, не былъ бы; кромѣ того, кому приказано сверстному человеку, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказати... а иному никому тутъ дѣла нѣтъ.» Если теремъ охранялъ отъ соблазна, преграждая пути грѣховной гибели, охранялъ женщину отъ буйства и неистовствъ вѣка, оберегалъ ея честь, а слѣдовательно и честь рода-племени, то естественно, что и честь эта тотчасъ же нарушалась, какъ скоро женщина выходила изъ терема, являлась на всенародныя очи. Такъ дѣйствительно и было. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что женщина невооруженно теряла доброе имя, если показывалась людямъ. «Состояніе женщинъ самѣе плачевное, пишетъ Герберштейнъ; ибо ни одной не почитаютъ честною, если не живетъ дома взаперти, и не охраняется такъ, чтобы нигде не выходила.»

Само собою разумѣется, что кругъ этихъ понятій о женщинѣ создавался постепенно; постепенно пріобрѣталъ новыя силы, новую опору, и въ явленіяхъ дѣйствительности и въ ученіи книжниковъ, съ особеннымъ стараніемъ выбиравшихъ свои апофеемы отовсюду, какъ медъ съ цвѣтовъ человѣческой мудрости, шедшей отъ вѣка. Въ этомъ—то смыслъ сборники книжныхъ изреченій и носятъ названія *пчелъ*. Мимошедшіе вѣка, въ лицѣ грубаго эгоизма мушкетера съ одной стороны, и въ лицѣ прилежныхъ, трудолюбивыхъ книжниковъ, съ другой,—успѣли вполне, окончательно доказать, что женщина не свободна, что она собственно жена, а не женщина, что *красота и доброта* ея, то-есть женственность ея сущность, имѣвшая такое благотворное вліяніе на просвѣтленіе въ мужчинѣ челоуѣчныхъ началъ — есть собственно

(1) Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ. V. Стр. 62.

источникъ соблазна, нравственнаго растлѣнія, погибели душевной. Изъ доказательствъ возникли крѣпкія убѣжденія... Женщина также убѣдилась во всемъ, что ни толковали о ней книжные мудрецы и учителя. Униженная, загнанная мнѣніемъ вѣка, она, дѣйствительно, многое утратила изъ своей человѣчной природы, и большею частію оправдывала составленныя о ней ходячія понятія. Но если легко было доказать, и еще легче убѣдиться и убѣдить, то-есть совершенно извратить понятія толпы и понятія самой женщины, то было не только трудно, но и рѣшительно невозможно остановить въ женщинѣ естественныя, въ высшей степени законныя стремленія къ нравственной самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороться и она сама, вполне убѣжденная, что стремленія эти есть преступленіе противъ нравственныхъ положеній вѣка, что напримѣръ, непокореніе, непослушаніе домовладыкѣ *во всякомъ случаѣ* есть беззаконіе и грѣхъ.

Здѣсь-то и возникла та отчаянная борьба между *мужемъ* и *женой*, между понятіями толпы и дѣйствіями жены, выражавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистію, озлобленіемъ существа слабого, поработеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельныхъ своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уколовъ, гдѣ способности ея, не имѣвшія другаго выхода, изошрились въ неимовѣрной силѣ. Какъ бы въ отмщеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, между мужемъ и женой, женщина явилась мужчиной въ образѣ *злой жены*. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. *Злая жена* явилась результатомъ древнихъ воззрѣній на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той дѣйствительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято у жены. *Злая жена* явилась терновымъ вѣнцомъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ, человѣчныхъ отношеній къ женѣ. И мужчина глубоко чувствовалъ это иго, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе изли-

лось въ нескончаемыхъ апофеизмахъ, изреченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихъ и злую жену, и собственную его бѣду. Съ какою-то озлобленною радостію онъ выбираетъ эти изреченія отсюду и изъ писанія, и отъ *внѣшнихъ* мудрецовъ, приводитъ въ свидѣтельство бездану повѣстей, анекдотовъ, исторій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ неистовыхъ краскахъ. Рукописные сборники, эти маленькія настольныя бібліотеки нашихъ предковъ, куда они заносили все любопытное, назидательное для нихъ, все интересовавшее ихъ любознательность, наполняются изреченіями, повѣстями, бесѣдами, прикладами (примѣрами), словами о злыхъ женахъ, о женской хитрости, лести, коварствѣ, о женскихъ козняхъ и т. д. *Пчелы*, то есть избранныя слова, еже мало глаголати, а много разумѣти, несутъ обильный сотъ для характеристики злой жены. Читатели уже знакомы съ этими *пчелами* изъ статьи г. Буслаева. Это была общая тема разглагольствій и разсужденій въ старинной нашей книжности, это былъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ жизни. Образъ злой жены слился въ тогдашнихъ понятіяхъ съ образомъ женщины вообще, и ни одному мудрецу не пришло въ голову протянуть руку беззащитному существу и сознаться, по крайней мѣрѣ, что зло пришло отъ его же мудрости. Нѣтъ, объясняя происхожденіе зла, онъ путалъ сюда одного только дьявола, а самъ простосердечно и во всемъ умывалъ руки. Люди, которыхъ умственный горизонтъ, не стѣсненный книжными фразами, былъ обширнѣе и свободнѣе, понимали корень зла и указывали на него; но голосъ ихъ былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. «Московского государства женской полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотъ неученые, и необычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлени и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужства своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно дознаться, отчего бѣ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало.» Въ то время, какъ уже въ нѣкоторыхъ умахъ пробуждались такія мысли, книжные мудрецы, вѣрные основному положенію своихъ умствованій, приходили къ убѣжденію, что въ женскомъ существѣ нѣтъ добрыхъ началъ, что *женское естество—естество*

злое. «О, зло всего злѣе злая жена!» восклицаетъ въ отчаяніи горестный мужъ. «Что сильнѣе?» вопрошали книжники. — «Сильнѣе огонь, что все попадаетъ и поядаетъ, а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огонь; а воды сильнѣе вѣтръ, потому что ее мутитъ и волненіе творитъ, а вѣтру сильнѣе гора, потому что отъ него недвижима, а горы сильнѣе человѣкъ, потому что ее раскопаетъ и владѣть ею, а человѣка сильнѣе хмѣль, яко отъиметь у него руцѣ и ногѣ и всю крѣпость его, а хмѣлю сильнѣе сонъ, а сна сильнѣе злая жена, потому что и трезва мужа своего безъ ума и безъ памяти его сотворитъ...» Послѣ такихъ выводовъ какъ легко было, и въ самомъ дѣлѣ, усомниться въ добромъ естествѣ женщины, какъ легко было задать вопросъ: доброе или злое естество имѣетъ женщина? На этотъ-то вопросъ и служить отвѣтомъ книга о *злонравныхъ женахъ* или «бесѣда отца съ сыномъ» снискательна отъ различныхъ писаній и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Саломона и отъ Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и отъ искусныхъ мужей, отеческое преданіе къ сыну о женстей хитрости и злобѣ и о сыновней добротѣ, обо-ихъ, вкупѣ слово.»

Мы передаемъ содержаніе этого памятника старинной нашей письменности съ необходимыми сокращеніями, подновивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для большаго удобства въ чтеніи, самыя выраженія и обороты старинной рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно только его содержаніе. Въ нашемъ собраніи есть три списка этой *бесѣды*; одинъ изъ нихъ принадлежитъ концу XVII столѣтія, а два писаны въ XVIII. Другъ отъ друга они отличаются многими разнорѣчіями, а одинъ весьма значительными вставками и распространеніями на ту же тему. Видно, что каждый редакторъ почиталъ необходимымъ внести и съ своей стороны кое-какія черты, по своему вкусу, дополнявшія яркость общей характеристики.

Бесѣда идетъ между отцомъ и сыномъ. Не должно однакожъ полагать, что здѣсь бесѣдуютъ два поколѣнія, старое и молодое, различныя по направленію и вкусамъ; здѣсь просто бесѣдуетъ опытность съ неопытностью, старость съ молодостью; на сторонѣ первой, разумѣется, поучительный тонъ и затѣмъ полная побѣда.

Начиная бесѣду, отецъ прежде всего указываетъ на грѣхопа-

деніе первыхъ человѣкъ черезъ общую праматерь Еву. «Адамъ не прельстися, говоритъ онъ, но жена его Ева совѣтомъ змѣннымъ прельстися и тоя ради вины отъя Богъ все самовластіе отъ жены; съ тѣхъ поръ она покорена мужу своему и во всемъ повинуется ему, не имѣетъ ни единыя власти надъ нимъ, мужъ глава ей и господствуетъ ею во всемъ, понеже преступила повелѣнія и восхотѣла быти свободна. Зри, сыне, яко отъялъ Богъ отъ жены самовластіе, да вопреки не глаголетъ мужу своему.

— Это истинно, отвѣчаетъ сынъ, но истинно также и то, что «благодѣтельствуя своему созданію послалъ Богъ сопротивно печали и клятвы благословеніе, и вмѣсто Адама новый Адамъ, Христосъ, и вмѣсто Евы благословенная Богородица Марія: вся нова бысть и женское племя благословися; якоже бо жена, и по смерти, мужа своего спасаетъ и дому стронительница бываетъ и вѣнецъ мужу своему сплетше на главу полагаетъ, и яко сладкія воды отъ устъ ея истекають, и горестъ мужу своему улаждаетъ, милосерда, чадолюбива бываетъ, и домъ свой всякими добродѣтелями наполняетъ, безкровныхъ покрываетъ, безпомощнымъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ, нагихъ одѣваетъ, алчныхъ питаетъ, жадныхъ напаяетъ, больныхъ въ темницахъ посѣщаетъ и, по писанному, всего сильнѣе жена бываетъ. Жена царемъ одѣяніе сотворяетъ и царей порождаетъ, ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождается и сосцами питается, *не суть злое естество женское.*

— Нѣтъ, сыне. Знай, что въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ едина отъ тысящи такова обрящется... Если и сосцами ея питаемся, то множицею отъ нихъ и кровію вѣнчаемся. Отъ женъ многія убійства сотворишася, и много крови проліяшася, и царства разоришася, царіе догибоша и живота лишишася, села и дома разсыпашася. Горе царству тому, имъ же жена властелинствуетъ; горе, горе и дому тому, имъ же жена владѣтъ; зло мужу тому, который жены слушаетъ. Увы мнѣ! Въ нынѣшнемъ родѣ сія содѣвается: многіе человѣцы городами владѣють, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ въ зеркала смотрѣться и вапами лица своя помазываютъ, и брови свои сурмами поднимають, и многовиднымъ себе украшеніемъ украшаютъ, и многихъ очеса на видѣніе красоты своея привлекають; украшаютъ тѣлеса своя, а не душу; уды своя связали шелкомъ, а лбы подтянули жемчугомъ,

ушеса своя позавѣсили каменіемъ, да не слышать гласа Божія, ни святыхъ книгъ Писанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія. Познали путь заблужденія. О мужіе, отъ кого есте пріяли сей обычай многая полагати украшенія на женахъ своихъ? отъ сего вамъ нѣсть пользы, ибо ження хотѣнія — всегдашняя мужу сухота... И того бываетъ, что долги заимуютъ, понеже своего не имѣютъ, а жену украшаютъ. А егда кто хотѣнія ея не исполнитъ, и тогда она въздыхаетъ и плачетъ и шепчетъ; ни худа, ни добра не говоритъ; очи свои измѣнитъ, носъ посупитъ, и что мужъ ея молвитъ — и она пыхнетъ и предъ нимъ охаетъ, плачетъ; день и ноцъ гнѣвъ держитъ; и мужъ ея отъ нея покоя не имѣетъ. А она глаголетъ: инныя жены ходятъ хорошо и красно, и всѣ люди ихъ почитаютъ; я же бѣдная въ женахъ, возненавидѣнная, и всѣми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ? Лутче бы я тебя не знала и сердце мое не терзалось бы, зря тебя несмысленна. Я была дочь отца богатаго и матери добрая и племени славнаго. Только была бы я дѣвицею — былъ бы мнѣ мужъ, отца сынъ богатаго, и была бы я госпожа добру многу и вездѣ бы честна была... Хочетъ убо сего жена, дабы ея вси хвалили и любили. Если же иную похвалятъ — ту она возненавидитъ и вмѣняетъ въ недружбу, и чужую доброту и похвалу пореваетъ. Аще уголити мужъ ей хочетъ, то всѣхъ ему любити, ихъ же она любить, тако и всѣхъ сихъ въ ненависти имѣти, которыхъ она ненавидитъ. И всегда хочетъ большину имѣти; нигдѣ жъ не хочетъ никому покориться, ни послушати, но всегда хочетъ начальствовать и все хочетъ вѣдати и умѣти; если чего не умѣетъ и не знаетъ, а глаголетъ умѣю и знаю; если будетъ прекрасна и лѣпа, взоромъ красна и лѣпа образомъ, многихъ юныхъ человекъ очеса зрѣти на себя привлечетъ, яко ловецъ сѣтию рыбы уловить, то и сія злая жена злохитростію своею незлобныхъ человекъ ко грѣху привлечетъ. Также и женскій разумъ какъ храмина непокровенна, и какъ вѣтрило, наверхъ горъ скорообратно вертящеся... Мнози человекъцы злохитрыми лестями прельщаются добролѣпными женами, ово разумомъ, ово смѣхотворными утѣхами и краснословесіемъ и дарояніемъ и прочими лестями міра сего прельщаются. Если же (будетъ) не добролѣпа, или глупа, или блудлива, или больна, или горда, или гнѣвлива, или инымъ порокомъ повреждена, къ тому невозможно инныя поняти, доколѣ она жива. Если

ющаши, сыне мой, безъ печали жити, заключаетъ отецъ, то лучше тебѣ не жениться и послѣ не тужити.

— Но Писаніе свидѣтельствуеть, отвѣчаетъ сынъ, оставитъ челоуѣкъ отца и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину. Богъ дастъ мнѣ жену добронравну и всякими добродѣтелями украшену — смиреніемъ и молчаніемъ, и всякимъ послушаніемъ, и доброуміемъ, пощеніемъ, нищелюбіемъ, рукодѣліемъ, нескверноложіемъ: таковыя жены милости у Бога просятъ и мужи своя спасаютъ, и дома своя всякимъ изобиліемъ и богатствомъ наполняютъ. А когда дома буду, и о доброй женѣ возрадуюся и о дѣлѣхъ ея. Чужой радости не желаю, но всегда своя радость въ дому моемъ будетъ.

— Добро будетъ, отвѣчаетъ отецъ, если будетъ такъ, какъ ты говоришь. Блаженъ ты и жена твоя. Жена добрая, какъ лоза плодovitая. Но если, грѣхъ ради, житіе свое злѣ препроводишь и не такову жену обращаешь, какъ желаешь, то всегда отъ нея поскорбишь и въ горести сердца скажешь: блаженъ тотъ, который дѣвствомъ живетъ. Да! горе, горе тому мужу, если обращеть онъ жену прохирливую, лстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію скорпію, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу...

— Не могу разумѣть твоихъ словъ, спрашиваетъ сынъ. Объясни мнѣ, какое подобіе зло женское имѣеть съ сими злыми звѣрями?

— Слыши, сынъ мой, про *лстивую* и про *прохирливую* жену. Дѣла дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ придетъ, она лежитъ, шипитъ, стонетъ, воздыхаетъ, охаетъ. Мужъ скажетъ ей: жена! что ни о чемъ не радѣешь? И она, если и здорова, отвѣчаетъ: не могу (то-есть больна, нездорова). Это не строительница дому, одежды не сошьетъ, а если что мужъ и припасетъ, такъ она своимъ прохитрствомъ все изгубить.

Слыши, сынъ мой, про *сварливую* и *злоязычную* жену. Имѣеть языкъ какъ бритву острую, на всякаго челоуѣка падаетъ, какъ левъ, всѣхъ злословить, укоряетъ, осуждаетъ и на всѣхъ ядъ своего языка испущаетъ; какъ бѣсноватый песъ брешаетъ на всѣхъ.

Слыши, сынъ мой, про *лукавую* и *крадливую* жену. Умѣ имѣеть предъ мужемъ своимъ остръ; никакъ мужъ не можетъ лу-

качества ея разумѣть, ибо не живетъ съ нимъ единодушно, а мыслить въ сердцѣ своемъ такъ: если мужъ мой умретъ, а живота мнѣ не прикажетъ (имѣнія не оставитъ), и мнѣ за другого мужа идти не съ чѣмъ, никто меня, убогую, за себя не возьметъ, и говоритъ себѣ: теперь я всему добру госпожа; учиню себѣ сокровище тайное, чтобъ мужъ мой не вѣдалъ, и начну у мужа красть. А мужъ того не вѣдаетъ, а она крадетъ. И скажетъ ей мужъ потомъ: жена, что обнищавомъ и домъ нашъ въ великой скудости? Она, лукавая жена, говоритъ: «то грѣхъ ради нашихъ.» Сія крадливая жена все имѣніе у мужа своего изгубитъ и оба обнищавутъ.

Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и *блудивую* жену. Если мужъ откуда въ домъ свой придетъ и она на срѣтеніе къ нему исходитъ, ланитами слабящися, очами веселящися и нравомъ уничижающися; мужа за руки принимаетъ и одѣяніе совлачаетъ; словами льститъ; является мужу своему во всемъ добра и вѣрна. Лобзая его, говоритъ: пойдѣ, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моей, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единого слова мнѣ безъ тебя молвити ни съ кѣмъ не хочется, и лицо мое отекло, и сердце мое окаменѣло... А когда взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и составы мои разступаются, и дрожать всѣ жилы тѣла моего отъ великой радости; руки мои слабѣютъ. Бракъ мой любовный предъ моими очами. Когда услышу сладкія твои словеса, то не умѣю что и отвѣчать: мои уста не отверзаются отъ великой радости. Огнь въ сердцѣ моемъ горитъ, и лицо мое палитъ, и всѣ составы мои грѣются... Если мужъ ея юнъ будетъ, она его вскорѣ обольститъ и обლობитъ. Если же дома его не случится, и она близъ оконца присѣдитъ, сѣмо и овамо зрѣть... тутъ-то со смиреніемъ не сѣдитъ: скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ, руками плещетъ, какъ прельстившаяся блудница Иродіада; бедрами трясетъ, хребтомъ виляетъ, главою киваетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобна Иродіадѣ чинится, многимъ юношамъ угождаетъ и всякаго льститъ.

Слыши, сынъ мой, про *колдунью* жену и *еретицу*. Издѣтска (съ дѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованнаго искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выдти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой

люди и въ первой банѣ. И отыщеть колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпать, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сызъ платье и около головы обносить, (и порты рѣжетъ, надъ челою втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ своимъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренья и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинить; сердце мужа своего высосеть и тѣло его изсушить, и красоты въ лицѣ его не оставить, и въ очахъ свѣтлость погубить, и разумъ его отъиметь, и всѣмъ людямъ въ поношеніе его сотворить. Все это творя, потому мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зелье сыщеть, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его опойтъ или смертнымъ кусомъ окормитъ; какъ несозрѣлый класъ пожнетъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица.

Слыши, сынъ мой, про медвѣдицу и львицу. Когда медвѣдица узрѣть человѣка, то главу свою нахилитъ, а очи стиснетъ и поcupитъ въ землю и злобно пыхнетъ на человѣка, нападетъ и задушитъ его. Такъ и злая жена: главу свою нахилитъ, очи поcupитъ, уста стиснетъ и на мужа своего злобою дохнетъ, и на выю его *сило* (петлю) наложить, и гортанное дыханіе займетъ, и такъ злѣ скончается. А звѣрь львица въ дебри и въ пустыни на всякаго человѣка и звѣря наскочетъ и разтерзаетъ, — такъ и злая жена, въ пустыни вѣка сего, какъ львица, на всякаго человѣка наскочетъ и домочадцевъ своихъ возненавидитъ и ризы разтерзаетъ и тѣло кровію обагрѣетъ и власы искореняетъ, на мужа рыкаетъ и нетерпѣливыми зубы, аки львовыми усты, ухапаетъ; ни ножомъ, ни мечемъ, ни копіемъ мужа своего закаляетъ, но вправомъ злѣе львицы бываетъ (1).

Слыши, сынъ мой, про змѣю скорпію. Змѣинъ родъ въ ползущихъ вельми злобою злѣйшій всѣхъ родовъ; изначала веліе зло сотворилъ человѣку и проклятъ отъ Бога, того ради и пресмыкается по земли чревомъ своимъ. Того жъ роду и скорпія и

(1) Въ одномъ изъ списковъ излагаемой «Бесѣды» противъ этой статьи на полѣ отмѣчено: «1-е Подобное оной заповѣди моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ.» Точно также и противъ слѣдующей статьи, о змѣѣ скорпіи, отмѣчено: «и 2-е и сія подобна во всемъ.»

жаба и черепаха : если бьешь или колешь или стрѣляешь, ничто ей не вредить ; только разжегши клещи и брать ее и въ огнь сожечь. Такъ и злая жена въ человѣкахъ, злѣе иныхъ (человѣкъ). Слыши, сынъ! Изъ куста выползаетъ змѣя и узрѣвъ человѣка и бѣжитъ отъ него, а злая жена подлѣ мужа своего лежитъ, а змѣинымъ духомъ на него дышитъ. Сія истинная запазушная змѣя. Доколѣ мужъ ея по ея нраву ходить и вопреки ей не глаголетъ, то и она ему терпитъ. А когда чѣмъ мужъ ей погрозитъ, и она на него что змѣя шипитъ. Если мужъ за ея неистовство бьетъ ее жезломъ или пинаніемъ или за волосы рваніемъ, то злую жену ничто нейметъ, но только раздражаетъ ее ; а она злобою своею, какъ змѣя, въ сердце его сѣкнетъ, и онъ отъ нея конецъ пріемлетъ, а по времени и сама умретъ ; и если не покается, то въ огонь ввержена будетъ, и тогда она окающая окажется..

Слыши, сынъ, про *ехидну*. Ехидна какъ родить чадъ своихъ, то скоро ихъ возненавидитъ, и хочетъ ихъ съѣсть, а когда съѣстъ, то они прогрызаютъ у нея утробу и на древо уходятъ, и она отъ того умираетъ (1). Ей ехиднѣ уподобишася нынѣшнія дѣвицы. Многія бываютъ мужа́мъ жены, во утробѣ имѣютъ блудомъ прижито дитя, а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняють и помышляютъ себѣ, егда отроча изъ чрева изыдетъ и како бы задушити его своими колѣнами, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуются, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ—истинная блудница. Кому прилучится, зри ее: ходитъ быстро, очами обзорлива, нравомъ буйва и во всемъ неистова (и ни въ чемъ несчастлива).

Слыши, сынъ, про *змѣю василиску*: такова суть, что зрѣніемъ убиваетъ человѣка, гдѣ зазритъ, такъ и побиваетъ. Такова змѣя василиска, стрѣлами своими, вельми люта, человѣка умерщвляетъ.

(1) Здѣсь сказаніе о ехиднѣ отчасти не согласуется съ древними сказаніями и нѣсколько спутано, можетъ-быть для того, чтобъ подобіе болѣе соответствовало слѣдующей за тѣмъ характеристикѣ. «Ехидна есть змѣя, по поясу имать человѣчъ образъ, аки дѣвица, а отъ пояса коркодиловъ образъ имать.» Это сирена. Въ отношеніи дѣторожденія, о ней существуетъ чудовищный разказъ, по которому естественнымъ становится, что дѣти, когда приспѣвало имъ время родиться, прогрызали чрево матери и только такимъ образомъ могли выйти на свѣтъ.

Такъ и *прокудливая* (1) жена правомъ злѣе змѣи василиски бываетъ, потому что прехитро себя украшаетъ: высокія сандалии обуваетъ, вѣжды свои ощиляетъ, дугами учинить, лице и выю вапами (красками) увапить и румяностію украсить; въ очи черности пустить; въ одѣяніе червленное (багряное) облачиться; перстни на руки возлагаетъ; верхъ главы своею златомъ и драгимъ каменіемъ украшаетъ и на лукавыя дѣла тѣится. Когда градеть путемъ—ступаетъ тихо, легко, главу кротко обращаетъ и очами не вскорѣ взираетъ и всѣ составы свои къ прелести челоуѣческой ухищряетъ и многія души огнепальными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ змѣинымъ. Видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ; какъ разслабленные, они бываютъ.

Сынъ мой, слыши про *аспида*. Вельми золь естествомъ своимъ, а роду змѣина семьдесятъ два, а сей аспидъ первый отъ нихъ злобою, и въ которую страну вселится, сотворить ее пусту. А правомъ таковъ: не можетъ слышать звука трубнаго, но разбиваетъ себя о камень и скончается (2). Такъ и злая жена не можетъ слышать добраго ученія, уши свои заткнетъ непокореніемъ и жемчугомъ драгимъ завѣситъ, какъ аспидъ хоботомъ. Въ который домъ такая жена вселится—сотворить его пустъ; ибо мало бываетъ злобы противъ женской злобы, ибо женская злоба всѣмъ злобамъ корень.

Но всѣ эти портреты, какъ ни были рѣзки ихъ очерки, какъ ни были ярки ихъ краски, не могли еще совершенно убѣдить

(1) *Прокуда* (областн.) проказникъ, шалунъ, хитрый, лукавый челоуѣкъ, притворщикъ, обманщикъ.

(2) Есть два сказанія объ аспидѣ. По одному, аспидъ змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота (то-есть хвоста); живетъ въ горахъ каменныхъ, видомъ пестра всякимъ цвѣтомъ; не можетъ слышать трубнаго звука... По другому сказанію, аспидъ лицо имѣетъ дѣвичье и власы дѣвичьи, хоботъ змѣевъ, ноги василисковы, крылья вельми тверды и зѣло остры, желѣзо и камень пересѣкаютъ пополамъ, живетъ также въ горахъ каменныхъ въ приморіи. Ловили его посредствомъ игры на трубахъ. Истомленный трубнымъ звукомъ, аспидъ пронзалъ себя хвостомъ уши, сгибался въ кольцо и отъ напряженія лопался. Кровь разливалась по каменной массѣ и окрашивала ее въ темносиній цвѣтъ. Отсюда-то и происходитъ камень *аспидъ*, подъ которымъ встарину разумѣли также и жемчужину.

юношу въ зломъ естествѣ женщины. Многія черты, несмотря на все стараніе выставить ихъ въ дурномъ свѣтѣ, явили, наоборотъ, много мягкаго, прелестнаго, и влекли неопытную мысль даже въ противоположную сторону. По крайней мѣрѣ юношѣ трудно было оогласиться съ такимъ старческимъ ученіемъ о женщинѣ. Нужно было воспитать себя особеннымъ образомъ, въ особенной сферѣ понятій, какова на примѣръ была старая наша книжность, чтобъ въ каждомъ шагѣ женщины, въ каждомъ женственномъ поступкѣ, усматривать зло и лукавство. Юноша только еще вступалъ въ жизнь, не искушенъ опытомъ, и обаяніе женской красоты еще въ полной мѣрѣ владычествовало надъ нимъ.

Онъ снова указываетъ отцу на писаніе:—Лучше жениться нежели разжизниться. Какъ печь палима огнемъ, такъ и юношество возжелебнѣю женскому разжигается. Огнь естественный вѣтромъ поревается, время и мѣсто согрѣшенію полагается. А женская мягкая красота прельщаетъ,—на ню же взираю и веселъ бываю.

— Ну, если ты не разумѣешь моихъ словъ и всего, что я тебѣ сказалъ, такъ слушай, доскажу тебѣ, отвѣчаетъ отецъ.—Помнишь грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ.. Увы мнѣ! вся злая мя постигоша тебя ради, жено прелестная; ты незрѣлое зерно пожала серпомъ лукавства змѣина, власть на рабство предложила, въ очахъ свѣтъ помрачила... отъиди отъ меня; уже не терплю совѣта твоего лукаваго, ниже будетъ о тебѣ помышленіе мое... Слыши, сынъ, сколько отъ злыхъ женъ пострадала: Ной праведный... Лотъ праведный... Слыши про Іосифа прекраснаго, какъ онъ отъ жены терпѣлъ, въ темницѣ сидѣлъ... Слыши про царя Давида, какъ даже смерть хотѣлъ принять, увидѣвъ Вирсавію, жену Уріину, красну вельми...

Исторія, всегдашняя учительница человѣка и путеуказательница, произвела и здѣсь свое впечатлѣніе. Юноша поколебался, ибо доказательства были слишкомъ очевидны и вполне для него убѣдительны.—Писаніе говоритъ, замѣтилъ онъ:—не щади жезла, уча сына своего, его же любишь; и вотъ твоими словами смыслъ мой укрѣпился, разума наполнился твоимъ ученіемъ, опасное житіе позналъ, укрѣпился и искусенъ сталъ.

— О нѣтъ, сынъ мой, прерываетъ его отецъ, — не думай этого, какъ ты говоришь, потому что дивна вещь—сія жена злая. Хвалима

выситя, а худима бѣситя и сварится, какъ болѣзнь какая: сюду и сюду свербить, а индѣ болить. Не превозносите, сынъ мой, не говори въ умѣ своемъ: я разуменъ. Не уповай на мудрость свою, на мужество и на храбрость свою, чтобъ жить съ этимъ неукротимымъ звѣремъ: его свирѣпости и безстыдства не можешь укротить. Кто Саломона мудрѣ былъ? а жена лукавая мудрость его пресуши, какъ рѣку мимо текущую; обратила его на пагубу, пророческаго дара лишила. Слыши, сынъ мой, про Самсона сильнаго... жена не убоилась его силы, усыпила на колѣнахъ своихъ и остригла волосы, въ которыхъ была сила его, и сотворила изъ него наруганіе иноплеменикамъ. Слыши про царя Александра Македонскаго, какъ былъ храбръ; отъ Палестинскія страны и отъ Востока всѣ царства міра покорилъ, а отъ жены былъ отравленъ зелиемъ.—Затѣмъ слѣдуютъ другіе примѣры, гдѣ особенно ярко выступаетъ Иродіада, по внушенію которой усѣчена была глава Іоанна Предтечи.

— Такова есть лютость женская, злой жены. Сколько отъ нихъ сильныхъ, храбрыхъ и святыхъ мужей пострадало! Чего дьяволъ самъ не можетъ сотворить святымъ, то женою творить. Она есть оружіе вражіе, мечъ сатанинъ и оболгательница святымъ... Нѣкій человѣкъ, добронравенъ, жилъ съ злою женою и имѣлъ семь сыновъ, а всѣ въ совершенномъ уже возрастѣ были. Однажды, по многому ея злонавію, онъ поучилъ ее, наказалъ жезломъ. Она и убѣжала въ нѣкоторую пещеру къ затворнику, старцу честну, и плакала при дверяхъ, толкуще, глаголя: пришла къ твоей святыни, чтобъ уйти отъ смерти напрасной. Онъ принялъ ее въ пещеру. Вскорѣ оболестила его окаянная... Всякой разъ, какъ мужъ билъ ее, она прибѣгала въ пещеру и говорила: умору мужа и свободна буду. Старецъ сказалъ: умори. И уморила мужа и шесть сыновъ, по одному,—всѣхъ уморила, а седьмой ушелъ во градъ и все разказалъ народу, и вышли люди къ пещерѣ и сожгли огнемъ и старца и жену. Объ этой повѣсти не могу и говорить, очи мои слѣпять; кто не прослезится о погибели старца: здѣсь огнемъ скончался и въ будущемъ вѣкѣ мукамъ предается... Очи мои слезы испустиша, душа моя сжалась и сердце мое всколебася! Сколько лѣтъ старецъ подвизался, со многими бѣсы бранясь, а съ женою злою въ малое время прельстился и погибъ.

Надъ этою повѣстью каждый челоѣкъ призадумается. О злая жена!...

— Отецъ! говорить сынъ, — ты утомился, отяготился тяготою, излагая подробно дѣйствія женской злобы. Скажи мнѣ слово вкратцѣ: чтò лихая жена и чтò злоба ея, скажи мнѣ, да напишу твои слова на сердцѣ моемъ.

— Жена злая, говорить отецъ, — душевная тицета, домовная буря, многимъ потопъ, неударжимая стрѣла, запазушная змѣя, сердцу копѣе, умнымъ соблазненіе и очамъ попоизненіе и тайнамъ обличеніе, покоище змѣино, смертоносная бѣда, всегдашній плачъ, неоставляющая трясавица (лихорадка) и неутолимая огневица (горячка). Какъ невозможно мертвеца удержать въ живущей храмѣ, такъ не возможно удержать злая жена злыхъ словесъ. Подобно перечесу сюду свербить, а индѣ болить. Добрая жена какъ очи въ тѣлѣ, а злая жена какъ струпъ въ лядвѣяхъ. Лучше на необузданномъ конѣ ѣздить, чѣмъ жить съ лихою женою. Лучше со львомъ въ пустынѣ жить, чѣмъ съ лихою женою. Лучше желѣзо варить, чѣмъ съ лихою женою жить; лучше трясавицею лежать, чѣмъ съ лихою женою жить: трясавица держа да отпустить, а злая жена никогда злобы своей не покинетъ. Лестъ возстающая, самохотная печаль, ратница злая, грѣхоучительница, темнымъ вождь, дьяволя вѣсть, гостинница несонная, совокупленница бѣсовская, несытая похоть. Какъ ровъ глубокой не наполнится водою, какъ огонь не угасается дровами, такъ и злая жена никогда не насытитъ хотѣніе свое, и злоба ея не умаляется, имѣетъ сокровище нечистое, источникъ безпрестанно кипящій злая злобы. А въ которомъ дому у мужа будетъ злая жена, не почто тому ходить на погребеніе мертвыхъ плакать; дома у него всегдашній плачъ! Охъ, охъ, охъ! увы, увы, увы! горе, горе, горе, тому мужу!

И говорить сынъ отцу: — Отче мой! уже слухи моя наполнишася твоего наказанія, уже душа моя ужасеся и разумъ мой умилеся и сердце мое восколебася, стоя предъ твоими очами.

— Сыне мой! я ничего не выдумалъ, не отъ себя дѣлаю эти укоризны. Женское естество вельми зло. Все, что я говорилъ, все это я видѣлъ и, нашелъ въ писаніи. Сыне мой, послушай меня!...

Дѣйствительно въ писаніи, то-есть въ письменныхъ памятни-

какъ того времени, вопросъ о злой женѣ, о женской злохитрости, о женской перепадчивости, какъ мы уже замѣтили, былъ однимъ изъ обыкновенныхъ, ходячихъ вопросовъ. И если въ современной литературѣ, съ пробужденіемъ понятій объ истинномъ значеніи женщины, о ея самостоятельныхъ правахъ, являются нерѣдко произведенія, изображающія ее жертвою дикой воли или жертвою нелѣпыхъ житейскихъ отношеній, то встарину наоборотъ жертвою выставлялся мужчина,—жертвою женской злобы, хитрости и перепадчивости. Въ книгахъ того времени существуетъ множество анекдотическихъ разказовъ, гдѣ, по дѣйствіямъ, женщина вообще мало отличается отъ демона. «Ни демонъ разумѣть, что женскій полъ умѣть», замѣчаетъ одинъ такой разказъ о томъ, «какъ баба дьявола обманула».

Однажды царь Саломонъ захотѣлъ испытать мужескій разумъ и женскій. Призвалъ онъ любимаго своего боярина Дикира и сказалъ: милъ ты мнѣ и возлюблю тебя паче всѣхъ, если сотворишь волю мою и убьешь свою жену; отдамъ за тебя дочь свою, лучшую изъ всѣхъ. Много дней повторялъ это царь, но Дикирь не соглашался. Царь даетъ ему свой острый мечъ и говоритъ: когда уснетъ твоя жена, отсѣки ей голову. Пришелъ Дикирь съ мечомъ въ домъ свой, увидалъ жену, спящую на постели съ двумя малыми дѣтьми, содрогнулся и не могъ исполнить царской воли, рече въ сердцѣ своемъ: «какъ усѣкну симъ мечомъ подружіе свое и разшевелю чада своя?» Позвалъ его царь и спросилъ: сотворилъ ли повелѣніе мое? Дикирь смущенно отвѣчалъ: не могу сотворить. Тогда царь призвалъ жену иного боярина и сказалъ ей: вельми любима ты мнѣ изъ всѣхъ женъ и больше тебя возлюблю, если сдѣлаешь, что велю; поставлю тебя царицею. Заколи своего мужа, отсѣки ему голову, когда будетъ спать, вотъ этимъ мечомъ. Жена отвѣчала: рада, царь, исполнить твое повелѣніе. Но Саломонъ, съ мудростію своею разумѣя, что жена дѣйствительно готова убить своего мужа, далъ мечъ *прудиакъ*, то-есть тупъ. Пришедъ въ домъ свой и увидѣвъ мужа спящаго, жена тотчасъ исполнила повелѣніе, потре мечомъ по горлу его, думая, что остръ мечъ тотъ, и что легко заколетъ мужа. Мужъ пробудился и въ испугѣ подумалъ, что пришли разбойники. Когда же увидѣлъ жену съ мечомъ, спросилъ ее: почто подружіе мое надо мною умышляешь,

хотя меня убить. Отвѣчала жена: языкъ человѣческій оболстилъ меня... Мужъ хотѣлъ созвать людей, но скоро понялъ, что жену научилъ царь Саломонъ, желая испытать, что мужъ не захочетъ убить свою жену, а жена всегда готова убить своего мужа. И написалъ (царь Саломонъ) сію повѣсть въ сборникъ и рече во всемъ писаніи своемъ: «Мужа обрѣтохъ въ тысящи, а жену во тмѣ не обрѣтохъ добрую.»

Такія хитро составленныя повѣсти очень были назидательны и для книжныхъ и для простыхъ людей, подготовленныхъ безчисленными изреченіями на ту же тему. Нужно впрочемъ замѣтить, что большая часть подобныхъ разказовъ, и особенно свѣтскаго содержанія, появилась у насъ въ переводахъ съ польскаго, во второй половинѣ XVII столѣтія. Можно пожалуй замѣтить, что такимъ образомъ, то-есть посредствомъ переводовъ изъ чуждой намъ литературы, внесено къ намъ много такого, что не отвѣчало ни нашей мысли, ни нашимъ вкусамъ, что было совершенно чуждо нашей дѣйствительности... Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Переводы являлись въ то время безъ всякой мысли о спекуляціи (тогда еще ни книжная торговля, ни типографское дѣло не были достаточно распространены для этого), но съ единственною мыслию принести поученіе и назидательное увеселеніе читающей, еще незначительной массѣ. Каждый изъ переводившихъ былъ только органомъ настоятельной потребности общества увеличить кругъ своихъ свѣдѣній, уяснить себѣ то, что смутно еще бродило въ общественной мысли. Поэтому переводы послужили самымъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ общей потребности *сознанія*, едва зарождавшагося въ то время. Они дѣйствительно и принесли болѣе или менѣе значительную ясность, опредѣленность, отчетливость, тѣмъ понятіямъ, которыя во многихъ случаяхъ представляли еще хаотическое состояніе. Такъ и понятія о женщинѣ къ концу XVII столѣтія, посредствомъ переводныхъ статей, выработались въ отчетливыя, и потому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія положенія, къ какимъ принадлежитъ и изложенный нами памятникъ. Лучшимъ доказательствомъ, что эти переводныя статьи приходились какъ разъ въ мѣрку понятій и потребностей тогдашней жизни, можетъ служить то, что они быстро распространялись въ спискахъ и выпискахъ, наполнявшихъ

разнообразные сборники, что многие рассказы, взятые оттуда, ходят въ народѣ даже въ настоящее время. Извѣстенъ напри- мѣръ анекдотъ о женѣ, упорно спорившей съ мужемъ изъ одно- го только слова и стоявшей на своемъ даже и въ то время, когда разсерженный мужъ, по одному разказу, употреблялъ въ до- казательство смертные побои, а по другому—утопилъ ее въ рѣ- къ. Этотъ анекдотъ встрѣтился намъ въ ряду нравоучительныхъ и назидательныхъ повѣстей, извлеченныхъ изъ римскихъ духов- ныхъ писателей и переведенныхъ въ XVII столѣтіи съ польска- го, подъ именемъ Великаго Зеркала—книги огромной, заключаю- щей, въ полномъ своемъ составѣ, болѣе восьми сотъ разказовъ. Анекдотъ сей, или *прилогъ* (примѣръ), носить разумѣется со- отвѣтственное характеру книги и тогдашнимъ общимъ поняті- ямъ о женщинѣ, приличное заглавіе, именно: «Жестокосердіе или непокорство: нѣсть гнѣва паче гнѣва женскаго, ни жестоко- сердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго.» Мы пере- дадимъ его вполнѣ и безъ измѣненій. «Мужъ съ женою еди- ною иде чрезъ ниву, рече: изрядно зѣло есть сія земля покоше- на. Жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющуся мужу много. Егда же мужъ гла- голаше яко покошена, а жена глагола пострижена. Мужъ же на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду. Егда же въ водѣ вяще не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ, являющи, яко бысть пострижена и сопротивляющися даже до смерти.»

Когда общественная мысль вырабатываетъ свои понятія въ опредѣленные, ясныя и потому несомнѣнныя положенія, когда смутныя представленія, бродившія въ умахъ, хотя бы напри- мѣръ о женской злобѣ, являются въ законченныхъ образахъ, когда народный бытъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ новую рѣз- кую черту, и если эта черта есть явное уклоненіе отъ истины,— въ это только время человѣкъ и убѣждается во лжи, въ нецѣ- пости своего предыдущаго развитія, и съ этого только времени и представляется возможность другаго взгляда на жизнь, друга- го пути для мысли. Къ концу XVII столѣтія, въ нашей жизни многое ярко обрисовалось, многое получило послѣднія, оконча- тельныя черты, и поворотъ жизни и мысли былъ неизбѣженъ; онъ и предчувствовался лучшими людьми эпохи, которые время

отъ времени дѣлали попытки выйти на свѣжій путь .. Счастливы мы, что реформа, происшедшая въ русской жизни, не только дала необыкновенную силу и крѣпость народному организму, но и послужила вмѣстѣ съ тѣмъ очищеніемъ отъ многихъ грѣховъ, нажитыхъ невѣжествомъ и самодовольною спѣсью умственной исключительности.

Ив. Забѣлинъ.

ПЛАВАНІЕ ВЪ АТЛАНТИЧЕСКИХЪ ТРОПИКАХЪ

(Письмо къ В. Г. Бенедиктову.)

Въ поэтическомъ и дружескомъ напутствованіи (1) вы указали мнѣ, Владиміръ Григорьевичъ, обогнуть земной шаръ. Я не обогнулъ еще и четверти, а между тѣмъ мнѣ захотѣлось уже побесѣдовать съ вами на необъятной дали, среди волнъ, на рубежѣ Атлантическаго, Южнополярнаго и Индѣйскаго морей, когда вокругъ все спитъ, кромѣ вахтеннаго офицера, меня и океана. Мнѣ хочется повѣрить, такъ ли далеко «слышенъ сердечный голосъ», какъ предсказали вы? Къ сожалѣнію, это обстоятельство зависитъ болѣе отъ исправности почтъ, нежели сердецъ нашихъ.

Хотѣлось бы вѣрно изобразить вамъ, гдѣ я, что вижу, но о многомъ говорятъ черезъ чуръ много, а сказать нечего, съ другаго напротивъ, какъ ни бейся, не снимешь и блѣдной копіи, развѣ вы дадите взаймы вашего воображенія и красокъ. Я изъ Англіи писалъ вамъ, что чудеса выдохлись, праздничныя явленія обращаются въ будничныя, да и сами мы такъ развращены раннимъ и заочнымъ знаніемъ такъ-называемыхъ чудесъ міра, что стыдимся этихъ чудесъ, торопливо стараемся разоблачить чудо отъ всякой поэзіи, боясь, чтобы насъ не заподозрили, или

(1) Въ посланіи къ И. А. Гончарову, напечатанномъ въ полномъ собраніи стихотвореній Бенедиктова.

въ вѣрѣ въ чудо, или въ младенческомъ влеченіи къ нему: мы выросли и оттого предпочитаемъ скучать и быть скучными.

И гдѣ искать поэзіи? одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячествомъ: куда же дѣлась поэзія и что дѣлать поэту? Онъ какъ-будто остался за штатомъ. Надѣтъ ли поэзію, какъ праздничный кафтанъ, на современную идею, или по-прежнему скитаться съ ней въ родимыхъ поляхъ и лѣсахъ, смотрѣть на луну, нюхать розы, слушать соловьевъ, или наконецъ идти съ нею сюда, подъ эти жаркія небеса? Научите.

Для меня путешествіе имѣетъ еще пока не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаній. Проходя практически каждый географическій урокъ, я переживаю угасшее, нѣкогда страстное впечатлѣніе, какое раждалось съ мыслию о далекихъ странахъ и островахъ, и будто переживаю дѣтство и юность. Но подчасъ бываетъ досадно. Вотъ морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрѣлками и надписями. «Въ этой широтѣ, въ такихъ-то градусахъ, ты встрѣтишь такіе вѣтры», и притомъ показаны мѣсяцъ и числа. «Тамъ около этого времени попадешь въ ураганъ,» сказано далѣе, сказано тоже, какъ и выйти изъ него; а тамъ «иди по такой-то параллели, попадешь въ муссонъ, который донесетъ тебя до Китая, до Японіи.» Далѣе еще лучше: «въ такомъ-то градусѣ увидишь первый разъ акулу, а тамъ летучую рыбу», и точно увидишь. «Въ 38° ю. ш. и 75° в. д. сидятъ, сказано, птицы.» «Ну, думаю, ужъ это вздоръ: не сидятъ же онѣ тамъ», и сталъ слѣдить по картѣ. Я просилъ другихъ дать себѣ знать, когда придемъ въ эти градусы. Утромъ однажды говорятъ мнѣ, что мы пришли: я взялъ трубу и различилъ на значительномъ пространствѣ черныя точки. Подходимъ ближе—стая морскихъ птицъ колыхается на волнахъ. Наконецъ написано, что въ атлантическихъ тропикахъ термометръ никогда не показываетъ болѣе 23° по Реомюру въ тѣни. И точно не показавъ ни разу.

Одно только не покорилося, ни Реперовымъ таблицамъ, никакимъ выкладкамъ и цифрамъ, одного только не смогъ никто записать на картѣ. . . Но дайте договориться до этихъ чудесъ по порядку, какъ я доѣхалъ до нихъ. Я писалъ вамъ, какъ я былъ очарованъ островомъ (и виномъ то же) Мадерою. Потомъ, когда

она скрылась у насъ изъ вида, я немного разочаровался. Что это еще за путешествіе на Мадеру? Отъ Испаніи рукой подать, всего какихъ-нибудь миль триста! Это госпиталь Европы. Но вотъ стали выходить изъ тридцатыхъ градусовъ: все теплѣе и теплѣе. «Паръ костей не ломитъ» — выдумали поговорку у насъ; но эта поговорка заключаетъ отрицательную похвалу теплу отъ печки, которая, кромѣ тепла, ничего и не даетъ организму. А солнечное, и притомъ здѣшнее тепло! Боже мой, что оно дѣлаетъ съ человѣкомъ? Какъ облегчить отъ всякой нравственной и физической тяжести, точно сниметъ ношу съ плечъ и съ головы, дать свободу дыханію, чувству, мысли!.. И такъ цѣлые безконечные дни и ночи! Долго мы не выйдемъ изъ магическаго круга этого голубаго, вѣчно сіяющаго лѣта: подумайте, года два—все лѣто! Сколько въ этой перспективѣ умѣстится тѣхъ короткихъ мгновений, которыя мы, за исключеніемъ холода, дождей и тумановъ, насчитаемъ въ нашемъ сѣверномъ мініатюрномъ лѣтѣ!

«Дѣдъ, гдѣ мы теперь?» спросилъ я однажды. — Я ужъ вамъ три раза сегодня говорилъ: не стану повторять, — ворчить онъ; потомъ, по обыкновенію, скажетъ. — Пойдемте, говорить, таща меня за рукавъ на ютъ: вонъ это что, глядите! — «Облако.» — Какъ не облако: посмотрите хорошенько. Ну, что? «Туча.» — Эхъ вы! туча — какая туча? Островъ Пальма! «Что вы! Канарскіе острова!» — Какъ же вы не видите? — «Чтожь дѣлать, если здѣсь облака похожи на берега, а берега на облака. Гдѣ же Тенерифъ?» спрашиваю я, пронзая взглядомъ золотой туманъ и видя только блѣдно-синій очеркъ «облака,» какъ казалось мнѣ. — Не увидимъ, говорить дѣдъ: мы у него на параллели, только далеко.» «Зайдемъ въ Санта-Круцъ?» — Опять зайти? часто будетъ! Эдакъ никогда не доберемся до Японіи. — «А подъ какимъ градусомъ лежитъ Пальма?» — Подите, посмотрите сами на картѣ. — Я не пошелъ, зная, что дѣдъ скажетъ. И въ самомъ дѣлѣ сказалъ. — Подъ 29°: вѣдъ съ вами же вчера цѣлый часъ толковали. — «Забылъ. — Какъ же я то не забываю? — На то вы дѣдъ. «Да что это, пассать, что ли, дуешь?» спросилъ я, а самъ придерживался за снасть, потому что время отъ времени покачивало. — Кто его знаетъ, не разберешь, ворчалъ дѣдъ. Рано бы, кажется, а похожъ. Вотъ подождемъ денька два, три.

Но денька два-три прошло, перемѣны не было: тотъ же вѣтеръ

нѣтъ судно, надувая паруса и навѣвая на насъ прохладу. По русски приличнѣе бы было назвать пассать вѣчнымъ вѣтромъ. Онъ отъ вѣка дуетъ одинаково, поднимая умѣренную зыбь, которая не мѣшаетъ ни читать, ни писать, ни думать, ни мечтать! Переходъ отъ качки и холода къ покою и теплу былъ такъ ощутителенъ, что я съ радости не читалъ и не писалъ, позволяя себѣ только мечтать — о чемъ? О Петербургѣ, о Москвѣ, о васъ — нѣтъ, сознаюсь; мечты опережали корабль. Индія, Манилла, Сандвичевы острова, все это вертѣлось у меня въ головѣ, какъ у пьянаго неяснаго лица его собесѣдниковъ.

22-го января Л. А. П., штурманскій офицеръ, за утреннимъ чаемъ сказалъ: «поздравляю, сегодня въ осьмомъ часу мы пересѣкли сѣверный тропикъ.»—А я ночью озябъ, замѣтилъ я. «Какъ такъ?»—Такъ: изалъ да и озябъ: видно кто-нибудь изъ насъ охладѣлъ, или я, или тропики. Я лежалъ легко одѣтый подъ самымъ люкомъ и «ночной зефиръ струилъ зеиръ» прямо на меня.

«Ну, что море, что небо, какія краски тамъ? слышу я ваши вопросы. Какъ всходитъ и заходитъ заря, какъ сіяютъ ночи? Все прекрасно, не правда ли?»—Хорошо, только ничего особеннаго: также какъ и у насъ въ хорошій лѣтній день... Вы хмуритесь? Погодите, погодите, позвольте спросить, развѣ есть что-нибудь не прекрасное въ природѣ? Отыщите въ сердцѣ искру любви къ ней, подавленную гранитными городами, сномъ при свѣтѣ солнечномъ и бѣготней въ сумракѣ и при свѣтѣ лампъ; раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть изъ картины какую-нибудь не красивую мѣстность. По крайней мѣрѣ со мной, а съ вами конечно и подавно, всегда такъ было: когда фальшивыя, случайныя и не нормальныя явленія и ощущенія освобождали душу хоть на время отъ своего ига, когда глаза, привыкшіе къ стройности улицъ и зданій, на минуту, случайно, падали на первый болотный лугъ, на крутой обрывъ берега, всматривались въ чащу сосноваго лѣса съ песчаною почвой, какъ полюбишь каждую кочку, песчаный косогоръ и поросшую мелкимъ кустарникомъ рытвину! Все находило почетное мѣсто въ моей фантазіи, все поступало въ капиталъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ создается нѣжная, высокая, артистическая сторона жизни. Разъ напечатлѣвшись въ душѣ, эти блѣдныя, но полныя своей задумчивой жизни

образы остаются тамъ до сей минуты; нужды нѣтъ, что рядомъ съ ними тѣснится теперь въ душу такіа праздничныя и поразительныя явленія.

Нужно ли вамъ поэзіи яркихъ особенностей природы—не ходите за ними подъ тропики: рисуйте небо вездѣ, гдѣ его увидите, рисуйте съ торцовой мостовой Невскаго проспекта, когда солнце, изливъ огонь и блескъ на крыши домовъ, протечетъ чрезъ Аничковъ и Полицейскій мосты, медленно опустится за Чекуши, и когда небо какъ-будто задумается ночью, поблѣднѣетъ на минуту и вдругъ вспыхнетъ опять, какъ задумывается и человѣкъ, ища мысли: по лицу на мгновеніе разольется туманъ и потомъ внезапно озарится оно отысканною мыслию. Запылаетъ небо опять, обольетъ золотомъ и Петергофъ, и Мурино, и Крестовскій островъ. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорошъ и Финскій заливъ, какъ зеркало въ богатой рамкѣ. И тамъ блестятъ, играя, жемчугъ, изумруды...

Виновать, плавая въ тропикахъ, я очутился въ Чекушахъ и рисую чухонскій пейзажъ. Это впрочемъ потому, что мнѣ еще нешутя нечего сказать о тропикахъ. Каждый день, во всякое время смотрѣлъ я на небо, на солнце, на море — и вотъ мы уже въ 14° широты, а небо все такое же, какъ у насъ, то-есть повыше, на зенитѣ, голубое, къ горизонту зеленоватое. Тепло — какъ у насъ въ іюлѣ, и то за городомъ, а въ городѣ отъ камней бываетъ и жарче. Мы одѣлись въ тропическую форму, въ бѣлое, а потомъ сознались, что еслибъ остались въ небѣлѣ, такъ не задохлись бы. Реомюръ показывалъ 22° въ тѣни. Лучи теряютъ свою жгучую силу на морѣ, кромѣ того палубу смачивали водой и надъ головой растягивали тентъ. Кругомъ не было стѣнъ и скалъ, запирающихъ воздухъ, и сквозъ него вѣяло пассатъ. Небо часто облачно, такъ, что мы не можемъ видѣть ни восхожденія, ни захожденія солнца. Оно выходило изъ-за облакъ и садилось въ тучи. «Что жъ это вы, дѣдушка, наставляли о тропическихъ жарахъ, о неожиданныхъ ночахъ, о Южномъ крестѣ?—все, что мы видимъ, слабо...»—Теперь зима, январь, говоритъ онъ, обмахиваясь фуражкой и отирая потъ, капавшій съ небритаго подбородка,—вотъ дайте перевалиться за экваторъ, тогда будетъ потеплѣе. А Южный крестъ долженъ быть теперь здѣсь, вонъ за лѣвой вантой. И онъ указалъ коротень-

кимъ пальцомъ на ванту. «Дался имъ этотъ крестъ, ворчалъ дѣдъ, спускаясь въ люкъ: выдумали—крестъ! и креста-то никакого нѣтъ: просто четыре небольшія звѣзды... Пойди-ка лучше лечь, а то еще...» И исчезъ въ люкъ.

Сверху однакожь небо было постоянно открыто, и оттуда, какъ изъ отверстій какого-то озареннаго свѣтомъ храма, сверкали миллионы огней всѣми красками радуги—какъ не сверкаютъ звѣзды у насъ никогда. Изъ изумрудно-зеленаго свѣта инныя вдругъ будто наливались кровью... Какъ страстно, горячо свѣтятъ онѣ: кажется отъ нихъ тепло по ночамъ! Эта вѣчно играющая и что-то будто говорящая на непонятномъ языкѣ картина неба никогда не надоѣстъ глазамъ. Выйдешь изъ каюты на полчаса дохнуть ночнымъ воздухомъ и прстоишь въ онѣмѣніи два, три часа, не отрывая взгляда отъ неба, развѣ глаза невольно сами сомкнутся отъ усталости. Затверживаешь узоръ ближайшихъ звѣздъ, смотришь переливы этихъ зеленыхъ, синихъ, кровавыхъ огней, потомъ взглядъ утонетъ въ розовой пучинѣ млечнаго пути: все хочется доискаться, на что намекаетъ это мерцаніе, какой смыслъ выходить изъ этихъ таинственныхъ, непонятныхъ рѣчей. И уйдешь, не объяснивъ ничего, но уйдешь въ какомъ-то чаду раздумья и на другой день читаешь жадно опять.

Море—здѣсь я въ первый разъ понялъ, что значитъ «синее» море, а до сихъ поръ я зналъ объ этомъ только отъ поэтовъ. въ томъ числѣ и отъ васъ. Синій цвѣтъ тамъ у насъ на сѣверѣ—праздничный нарядъ моря. Тамъ есть у него другіе цвѣта: въ Балтійскомъ, напримѣръ, желтый, въ другихъ зеленый, такъ называемый аквамариновый. Вотъ наконецъ я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка, сверху окрашенная вода: это густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ окружающемъ насъ полѣ водъ.

Какъ ни привыкъ къ противоположностямъ здѣшняго климата съ нашимъ и къ путаницѣ во временахъ года, а иногда невольно поразишься мыслию, что теперь январь, что вы кутаетесь тамъ въ мѣха, а мы напрасно ищемъ въ водѣ отрады. Только Фаддѣевъ ни чѣмъ не поражается: «тепло, хорошо!» говорить онъ только. Зима, зима, а палубу то-и-дѣло поливаютъ водой; но дерево быстро сохнетъ и издаетъ сильный запахъ; смола, ка-

нать, тоже; желѣзо, мѣдь, и тѣ пахнутъ подѣ этими лучами. Видѣли мы пролетѣвшую надъ водой одну летучую рыбу, да одну марку или акулу. О животныхъ больше и помину не было. Зима все продолжалась, то-есть облака плотно застилали горизонтъ, по вечерамъ иногда бывало душно, но духота разрѣшалась проливнымъ дождемъ, и опять легко и покойно было дышать.

Мои товарищи все доискивались, отчего погода такъ мало походила на тропическую, то-есть было облачно, какъ я сказалъ, туманно и вообще мало было свойствъ и признаковъ тропическаго пояса, о которыхъ упоминають путешественники. Приписывали это близости африканскаго берега, или какимъ-нибудь, неизвѣстнымъ намъ, особеннымъ свойствамъ Гвинейскаго залива. Любопытно было бы сравнить шханечные журналы нѣсколькихъ мореплавателей въ этихъ долготахъ, чтобы рѣшить о томъ, одинаковыя ли обстоятельства сопровождаютъ плаваніе въ большей или въ меньшей долготѣ. Да, я забылъ сказать, что мы не послѣдовали примѣру большей части мореплавателей, которые, отправляясь изъ Европы на югъ Америки или Африки, стараются, Богъ знаетъ для чего, пересѣчь экваторъ какъ можно дальше отъ Африки. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Бельчеръ, кажется первый замѣтилъ, что нѣтъ причины держаться ближе Америки, особенно когда идутъ къ Мысу Доброй Надежды или въ Австралію, что это удлинняетъ только путь, тѣмъ болѣе, что зюйдъ-остовый пассатъ и безъ того относитъ суда далеко къ Америкѣ и заставляетъ дѣлать значительный уголъ. Слѣдуя этому основательному указанію, нашъ адмиралъ велѣлъ держать ближе къ Африкѣ, и потому мы почти не выходили изъ 14° и 15° западной долготы.

Мы не замѣтили, какъ сѣверный, гнавшій насъ до Мадеры, вѣтеръ слился съ пассатомъ, и когда мы убѣдились, что этотъ вѣтеръ не случайность, а настоящій пассатъ, и что мы уже его не потеряемъ, то адмиралъ рѣшилъ остановиться на островахъ Зеленаго Мыса, въ пятистахъ верстахъ отъ африканскаго материка, и именно на островѣ С.-Яго, въ Порто-Прайя, чтобы пополнить свѣжіе припасы. Портъ очень удобенъ для якорной стоянки. Здѣсь застали мы два американскихъ корвета, да одну шкуну, отправляющихся въ Японію же, къ эскадрѣ commodora Перри.

Ровно черезъ недѣлю послѣ прогулки на Мадерѣ, также въ воскресенье, завидѣли мы разбросанные на далекомъ разстояніи по горизонту большіе и меньшіе острова. Одни изъ нихъ, подалеже, казались темносиними, другіе, поближе, бурими массами; самый близкій, Сантъ-Яго, лежалъ, какъ громадный комъ красной глины. Мы подвигались все ближе, масса обозначалась яснѣе, утесы отдѣлялись одинъ отъ другаго, и весь рисунокъ острова очертился передъ нами, когда мы миляхъ въ полутора бросили якорь. Отъ Мадеры до острововъ Зеленаго Мыса считается тысяча морскихъ миль по меридіану. Это 1750 нашихъ верстъ.

Направо утесы, налѣво утесы; между ними уходитъ за горы долина, оканчивающаяся песчанымъ берегомъ, въ который хлещетъ бурнѣе. У самого берега, слѣва отъ насъ, виденъ пустой маленькій островокъ, направо масса накиданныхъ другъ на друга утесовъ. По одному изъ нихъ идетъ мощеная дорога къ верху, въ Порто-Прайя. Пониже дороги, ближе къ морю, въ ущельѣ скалъ, кроется какъ будто трава — такъ кажется съ корабля. Въ одномъ углу на берегу подъ утесами видно зданіе и шалаши. Остальной берегъ между утесами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на немъ растетъ тощій рядъ кокосовыхъ пальмъ. Какъ все это вмѣстѣ взятое печально, скудно, голо, какъ опалено! пальмы уныло повѣсили головы, никто не идетъ искать подъ ними прохлады: онѣ даютъ столько же тѣни, сколько метла. Все спитъ, все нѣмѣетъ. Нужды нѣтъ, что вы въ первый разъ здѣсь; но вы видите, что это не временный отдыхъ, награда дѣятельности, но покой мертвый, не пробуждающійся, что картина эта никогда не мѣняется. На всемъ лежитъ печать сухости и безпощаднаго зноя. Пріѣзжайте черезъ годъ: вы конечно увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся въ пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо, съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое жертвитъ и жжетъ все, что не прячется гдѣ-нибудь въ ущельѣ, въ тѣни утесовъ, когда нѣтъ дождя, а его не бываетъ здѣсь иногда по нѣскольку лѣтъ сряду. И это же солнце вызоветъ здѣсь жизнь изъ самого камня, когда тропическій ливень хоть на нѣсколько часовъ напоитъ землю. Ужасно это вѣчное безмолвіе, вѣчное нѣмѣніе, вѣчный сонъ среди неизмѣримой вода-

ной пустыни. Безконечныя воды разстилаются здѣсь, какъ безконечныя пески той же Африки, черезъ которые торопливо крадется караванъ, боясь, чтобы жажда не застигла его въ безводномъ пространствѣ; а здѣсь торопливо скользить по глади воды судно, боясь штилей, а съ ними и жажды, и голода. Пароходъ забросить сюда немногія письма, возьметъ другія и спѣшитъ пройти мимо обреченной на мертвый покой страны. А какая картина неба, моря, какія ночи! Пропадаютъ эти втунѣ истраченныя краски, это пролитое на голыя скалы безконечное тепло; человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство и обращаетъ все живое въ подобіе камня. Я припоминалъ сказки объ окаменѣломъ царствѣ. Вотъ оно: придетъ богатырь, принесетъ трудъ, искусство, цивилизацію, и разбудитъ и эту спящую отъ вѣка красавицу—природу, и дастъ ей жизнь. Время, кажется, не далеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвіе, ощущаешь что-то похожее на ужасъ или тоску. Ничто не шевелится тутъ, все молчитъ подъ блескомъ будто разгнѣванныхъ небесъ. Въ морѣ, о! въ морѣ совсѣмъ иначе говорить этотъ царственный покой сердцу.

Горе жителямъ, когда нѣтъ дождя: они мрутъ съ голода. Земля производитъ здѣсь кофе, хлопчатую бумагу, всѣ южныя плоды, рисъ, а въ засуху только морскую соль, которая и составляетъ одну изъ главныхъ статей здѣшней промышленности.

Къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, негръ, въ форменномъ фракѣ, съ галунами. Онъ, по обыкновенію, освѣдомился о здоровьѣ людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли путешествія, и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь. Я стоялъ подлѣ него и смотрѣлъ, какъ онъ выводитъ каракули. Не легко давалась ему грамота.

Вскорѣ мы поѣхали на берегъ: насъ не встрѣтили ни ароматы, ни музыка, какъ на Мадерѣ. Только утесы росли по мѣрѣ того, какъ мы приближались, да трава, которая видна съ корабля въ ущельѣ, превратилась въ пальмовую рощу. Но я съ наслажденіемъ путешественника смотрѣлъ и на этотъ берегъ, печальный образчикъ африканской природы. Для сѣвернаго глаза все было поразительно: пальмы, обожженные утесы и безмолвіе пустыни, прозная безжизненность отъ избытка солнца и недостатка влаги,

и эти пальмы, вросшія въ песокъ и безнаказанно подставляющія вѣчную зелень подъ 40° жара. Можетъ-быть отъ того особенно и поразительно, что и у насъ есть свои пустыни, и сухость воздуха, и грозная безжизненность, наконецъ и вѣчная зелень сосенъ, и даже 40 градусовъ....

На берегу тѣснилась кучка негровъ и негритянокъ, и голыхъ ребятишекъ. Они ждали, когда пристанетъ наша шляпка. Здѣсь также нѣтъ пристани, какъ и на Мадерѣ, шляпка не подходитъ къ берегу, а остается на песчаной мели, шаговъ за пятнадцать до сухаго мѣста. Наши матросы засучили панталоны и соскочили въ воду, чтобы перенести насъ, но тутъ же, по поясъ въ водѣ, стояли полунагіе негры, желая оказать намъ ту же услугу. Спекуляція ихъ не должна пропадать даромъ. Я протянулъ къ нимъ руки, они вдвоемъ схватили меня, я крѣпко держался за голыя плечи и черезъ минуту стоялъ на песчаномъ берегу. На берегу стоитъ небольшой пакгаузъ, таможенное зданіе, какъ сказали намъ. Оно заперто, кругомъ его шалаши на четырехъ столбахъ, съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ. «Есть ли фрукты?» спросили мы у негровъ, и нѣсколько ихъ бросились и скрылись за утесомъ. Но мы не стали ждать ихъ и пошли по мощеной дорогѣ на гору. Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя. На морѣ его не чувствуешь, жаръ умѣряется вѣтромъ, зато на берегу! Гора не высока и не крута, а мы едва вошли и на нѣсколько минутъ остановились отдохнуть, отирая платками лобъ и виски. На горѣ, надъ портомъ, господствуетъ устроенная на каменной платформѣ батарея. Мы пошли нагѣво отъ нея въ городъ и скоро вышли на площадь. Часовые, Португальцы и мулаты, въ мундирахъ, но босые, учтиво кланялись. Мулаты не совсѣмъ нравятся мнѣ. Ужъ если быть чернымъ, такъ чернымъ какъ уголь, чтобъ кожа лоснилась, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Въ этомъ еще есть, если не красота, такъ оригинальность. А эти блѣдночерныя, матовыя тѣла непріятны на видъ.

На площади было два, три довольно большихъ каменныхъ дома казенныхъ, между прочимъ казарма съ гауптвахтой. Далѣе шла улица. Въ ней частные дома, небольшіе, бѣдные, но каменные, всѣ съ жалюзи, были наглухо закрыты. Улица напоминаетъ любой нашъ уѣздный городъ въ лѣтній день, когда полуденное солнце жжетъ беспощадно, такъ что ни одной живой души не

видно нигдѣ, только ребятишки безнаказанно, съ непокрытыми головами, бѣгаютъ по улицѣ и звонкимъ крикомъ нарушаютъ безмолвіе. Все прочее спитъ, или просто лѣжится. Изрѣдка нехотя выглянетъ изъ окна какое-нибудь равнодушное лицо и опять спрячется. И на насъ выглянули два, три офицера изъ казармъ. Но этимъ только сходство и ограничивается, а дальше ужъ ничего нѣтъ похожего. На площади стоитъ невысокій столбъ съ португальскою короной наверху, знакъ владычества Португаліи надъ группою острововъ. По всей площади и по улицѣ привязано было къ колодамъ нѣсколько лошадей и множество ословъ, большею частію осѣдланныхъ деревянными сѣдлами. Идучи по улицѣ, я замѣтилъ издали, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ вошелъ въ какой-то домъ. Мы шли втроемъ. «Куда это онъ пошелъ? пойдемте и мы», предложилъ я спутникамъ. Мы подошли къ дому и вошли на маленькій дворикъ, мощеный бѣлыми каменными плитами. Въ углу, подъ навѣсомъ, привязанъ былъ оселъ, и тутъ же лежала свинья, но такая жирная, что не могла, кажется, встать на ноги. Дальше бродили какія-то пестрыя, красивыя куры, и еще прыгалъ маленький, съ крупнаго воробья величиной, зеленый попугай, какихъ привозятъ иногда на петербургскую биржу. Попугай вертѣлся подъ ногами, и кто-то изъ насъ, можетъ-быть и я, наступилъ на него. Онъ затрепеталъ крыльями и, хромая и спотыкаясь, поспѣшно скрылся отъ сѣверныхъ варваровъ въ уголъ. Мы поднялись по деревянной лѣстницѣ въ второй этажъ, въ галерею и потомъ вышли въ комнату. Насъ встрѣтила пожилая дама; мы ей поклонились, она намъ. Она молча указала стулья. Мы сѣли и начали было съ ней разговоръ по-английски, а она намъ по-португальски, мы по-французски, она опять по-своему. Мы ужъ хотѣли раскланяться, но она что-то сказала намъ и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она вывела молодую, прехорошенькую дѣвушку. Та стыдливо шла за нею и робко отвѣчала на нашъ поклонъ. Мы поглядывали другъ на друга въ недоумѣніи.... Чтѣ же это такое? Хозяйка кое-какъ дала намъ понять, что эта дѣвушка говорить, или понимаетъ по-французски. Мы засыпали ее вопросами; но она или не говорила, или не понимала, или наконецъ въ Порто-Прая подъ именемъ французскаго разумѣютъ совсѣмъ другой языкъ. Однакожъ кое-какъ мы поняли изъ нѣ-

сколькихъ, по временамъ вырывавшихся у нея французскихъ словъ, что она привезена сюда изъ Лиссабона, еще не замужемъ, живетъ здѣсь съ родственниками. Да Богъ знаетъ, то ли еще она сказала: это мы такъ растолковали ея отвѣты. Мы поклонились и ушли. «У кого это мы были, господя?» спросилъ меня одинъ изъ товарищей. «А ей Богу, не знаю». «Да зачѣмъ мы заходили сюда?» приставаля онъ ко мнѣ. «И этого не знаю: сюда вошелъ Т., и мы за нимъ. Да кстати, гдѣ же онъ?» «Да онъ не въ этотъ домъ вошелъ, а вотъ въ тотъ... вонъ онъ выходитъ». Въ самомъ дѣлѣ Т. вышелъ изъ другого дома, рядомъ. «Плоха провизія и мало! со вздохомъ сказалъ онъ: быки и коровы не крупнѣе здѣшнихъ ословъ. Какъ-то мы доберемся до мыса Доброй Надежды?» И такъ мы это, въ качествѣ путешественниковъ, посѣтили незнакомый домъ. Тутъ негръ предложилъ намъ, не хотимъ ли мы поѣхать на ослѣ, или на лошади. Третій нашъ спутникъ поѣхалъ, а мы вдвоемъ съ О. пошли пѣшкомъ и скоро изъ города вышли въ деревню, составляющую продолженіе его. Все это предмѣстіе состоитъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ оконъ. Я заглядывалъ туда: бѣдная домашняя утварь, деревянные скамьи—вотъ и все украшеніе. Негровъ молодухъ не видать, вѣроятно всѣ на работѣ, въ поляхъ. Тутъ только старики и старухи, и какіе безобразные! Одна особенно поразила насъ безобразіемъ. Она переходила улицу и не могла разогнуться отъ старости. На видъ ей было лѣтъ девяносто. Лысая, съ небольшими остатками сѣдыхъ клочковъ. За то видѣли и нѣсколько красавицъ въ своемъ родѣ. Чтò за губы, чтò за глаза! Тѣло лоснится, какъ атласъ, глаза не безъ выраженія ума и доброты, но болѣе, кажется, страсти, такъ что обыкновенный взглядъ ихъ нескроменъ. Вѣко распадется медленно и широко, глазъ выкатится оттуда весь и выразитъ разомъ все, чтò гнѣздится въ чувственномъ тѣлѣ. Одѣты онѣ довольно живописно: въ юбкѣ, но безъ рубашки, а сверху, черезъ одно плечо, накинуто что-то въ родѣ бумажной шали до колѣнъ; другое плечо и часть груди обнажены. Голова повязана платкомъ и очень хорошо: глазамъ Европейца непріятно видѣть короткія волосы на женской головѣ, да еще курчавые. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ долго шли за нами и на исковерканномъ англійскомъ языкѣ (и здѣсь Англичане, замѣтьте!) просили денегъ; Богъ знаетъ по какому случаю —

одѣты онѣ были не нищенски. Развѣ не предлагали ли онѣ какихъ-нибудь услугъ? Но мы только и могли понять изъ ихъ безсвязныхъ рѣчей одно слово: money. Голые ребятишки бѣгали; старики и старухи, одни лѣниво бродили около домовъ, а другіе лежали въ своихъ хижинахъ. Я видѣлъ и Англичанъ, но тѣ не лежали, а куда-то уѣзжали верхомъ на лошадяхъ: кажется, на *свои* кофейныя плантаціи... Это все богатыри, старающіеся разбудить спящую красавицу.

Мы вдвоемъ прошли всю деревню и вышли въ поле. Деревня и городъ построены на самомъ краю утеса. По крутизнѣ разбросаны были кое-гдѣ хижины, или выходили туда садами. Мы по дорогѣ сошли въ долину. Она была цвѣтущимъ оазисомъ среди этихъ желтыхъ и сѣрыхъ глыбъ песку. Чего въ ней не растеть? И все было ново намъ: мы знакомились съ декорацией не нашихъ деревьевъ, не нашей травы, кустовъ; жадно хотѣли запомнить все: группировку ихъ, отдѣльный рисунокъ дерева, фигуру листьевъ, наконецъ плоды, какъ будто смотрѣли на это въ послѣдній разъ, хотя намъ только это и предстояло видѣть на долгое время. Изъ плодовъ видѣли фиги, кокосы, много апельсиновыхъ деревьевъ, но безъ апельсиновъ, цвѣтовъ вовсе почти не видать, мало и насѣкомыхъ, все по случаю зимы. Только я видѣлъ перелетѣвшую птицу, величиной съ галку, съ длиннымъ голубымъ хвостомъ. Мы прошли всю эту рощу, или садъ, садъ — потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фруктовыя деревья были огорожены, кое-гдѣ видѣлъ я шалаши, и въ нихъ старые негры стерегли садъ, какъ и у насъ это бываетъ. За рощей дальше простирались поля, частію воздѣланныя, частію пустыя, кое-гдѣ виденъ гѣсъ. Но мы ограничили свою прогулку долиною, дальше, идти было жарко. Мы тихонько воротились къ берегу садомъ, не поднимаясь опять на гору, останавливались передъ разными деревьями. На берегу застали живую сцену. Множество негровъ натащали корзины съ апельсинами, другіе успѣли устроить кресла на носилкахъ, чтобы переносить насъ на шлюпку. — Всѣ эти спекулянты сидѣли и лежали группами на пескѣ, ожидая насъ. Я подошелъ къ одной группѣ и засталъ негровъ за картами. И какъ вы думаете, во чтѣ они играли? Въ свои козыри! Еслибъ не эти черныя, лоснящіеся лица, не курчавые, точно напудренные березовымъ углемъ волосы, я бы подумалъ, что я вдругъ зашелъ въ ка-

кую-нибудь провинціальную лакейскую. Я приглядѣлся къ игрѣ: нѣтъ сомнѣнія—свои козыри. Вонъ одинъ изъ играющихъ, не имѣя чѣмъ покрыть короля, потащилъ всю кучу къ себѣ, а другіе осканили бѣлые зубы. Я посмотрѣлъ на прочія группы и поскорѣй отъвернулся: двѣ негритянки, должно быть сестры, одна положила голову на колѣни другой, а та... да вы видали эти сцены, проѣзжая въ лѣтній день дорогой наши села... Нѣкоторые изъ негровъ бранились между собой за апельсины—и это вы знаете: попробуйте остановиться въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ продаютъ сайки и калачи, и поторгуйте у одного: какъ все это закричитъ и завожеть! То же и здѣсь, да и вездѣ, какъ кажется. Ссоры эти были напрасныя: сколько они ни принесли апельсиновъ, мы все купили. Меня эти апельсины прежде всего поразили своею величиной: къ намъ такихъ не привозятъ. А съѣвши одинъ апельсинъ, я долженъ былъ сознаться, что хорошихъ апельсиновъ до этой минуты никогда не ѣлъ. Можетъ—быть это одинъ попался удачный, думалъ я, и взялъ другой: и другой такой же; я—третій: всѣ, какъ одинъ. Пока я производилъ эти сравнительные опыты любознательности, съ разныхъ сторонъ сходились наши спутники и принялись за то же самое. Отъ одной прогулки всѣ измучились, изнурились, никто не былъ похожъ на себя, въ поту, въ пыли, съ раскраснѣвшими и загорѣлыми лицами, но всѣ, какъ нельзя болѣе, довольные. Всякій видѣлъ что-нибудь замѣчательное. Я рѣшился купить у старой негритянки (я всегда, гдѣ можно, отдаю предпочтеніе дамамъ) всю корзинку апельсиновъ. Она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла мнѣ подарить. «Present, present», твердила она. Но я не хотѣлъ уступить ей въ галантерейномъ обращеніи и сталъ вынимать изъ кармана деньги, чтобъ заплатить ей и за эти; она ужасно разсердилась и взяла было назадъ и первую корзинку. Она болтала немного по-англійски и называла меня «синьоръ Французъ». О Русскихъ она не слыхивала. Тутъ же, у самаго берега, купались наши матросы; иногда они выходили на берегъ и, погрѣвшись на солнцѣ, шли опять въ воду; но черныя дамы не обращали на это ни малѣйшаго вниманія: видно имъ не въ первый разъ.

Я съ пришедшими товарищами, при закатѣ солнца, вернулся на фрегатъ, и по обыкновенію пристально вглядывался въ эти утесы,

чтобъ оставить рисунокъ въ памяти. Берегъ постепенно удалялся, утесы опять уменьшились въ размѣрахъ, роща въ ущельѣ по прежнему стала казаться пучкомъ травы, кучки негровъ на берегу толпились точно мухи, собравшіяся около капли меду; двое нашихъ, отправившихся на маленькій пустой островокъ, лежащій въ заливѣ, искать настькомыхъ, раковинъ, или растеній, ползали какъ два муравья. Долина скрылась изъ глазъ, и опять вся картина острова стала казаться такою увядшею, сухою и печальною, точно старуха, но подрумяненная на этотъ разъ пурпурнымъ огнемъ клонившагося къ закату солнца.

Шлюпка наша уже приставала къ кораблю, когда вдругъ С* кричалъ съ палубы гребцамъ: «живо, скорѣй, ступайте туда, вотъ огромная черепаха плаваетъ поверхъ воды, должно быть съестъ, схватите!» Мы поворотили, куда указалъ С*, но черепаха проснулась и погрузилась въ глубину, а мы воротились къ себѣ.

Еслибъ остановка была продолжительнѣе, можно бы было осмотрѣть здѣшніе соляные бассейны. Добываніе соли — главный промыселъ острововъ. Бассейны во время приливовъ наполняются морскою водою, которая, испаряясь отъ жара, оставляетъ обильный осадокъ соли. Жители добываютъ еще какую-то растительную краску, разводятъ немного кофе, сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, но все-таки очень бѣдны.

На другой день мы ушли дальше. Давно ужъ дѣдъ грозилъ намъ штилевою полосой, которая опоясываетъ землю въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора. Штили, а не бури — ужасъ парусныхъ судовъ. А я передъ тѣмъ только-что заглянулъ въ Араго и ужаснулся, еще не видя ничего. Въ самомъ дѣлѣ, каково простоять мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тысячахъ миляхъ отъ берега, томиться отъ голода, отъ жажды... припомните всѣ сцены ужаса, какими сопровождались подобныя событія.

29-го января, въ 3° сѣверной широты, мы потеряли пассать и вошли въ роковую полосу. Въмѣсто десяти узловъ, то-есть семнадцати верстъ, пошли по два, по полтора узла. Вѣтеръ иногда падалъ совсѣмъ, и безвѣтренные паруса тоже падали, хлопая о мачты. Мы вопросительно озирались вокругъ, а небо, море сіяютъ востерпимымъ блескомъ, точно смѣются, какъ иногда смѣется сильная злоба надъ немощью. Встанемъ утромъ, — что? идемъ? Нѣтъ,

полземъ по полуторы, по двѣ версты въ часъ. Море колышется гѣлою массою, какъ густой расплавленный металлъ: ни малѣйшей чешуи, даже ни малѣйшаго всплеска. Мы думали, что бездѣйствіе вѣтра протянется долгіе дни, но опасенія наши оправдались не здѣсь, а гораздо южнѣе, по ту сторону экватора, гдѣ бы всего менѣе должно было ожидать штилей. 31-го января, паруса зашевелились поживѣе, повѣялъ вѣтеръ, сначала неопредѣленный, измѣнчивый, а въ 1° с. ш. задулъ и ожидаемый S. O. пассать. Мы были у самаго экватора. 2-го января, ложась вечеромъ спать, я готовился на утро присутствовать при переходѣ черезъ экваторъ. Но 3-го числа, въ 8 часовъ утра, дѣдъ донесъ начальству, что мы уже въ южномъ полушаріи: въ 5 часовъ фрегатъ пересѣкъ экваторъ въ 16° западной долготы. Мы всѣ одновременно высыпали на верхъ и вопросительно смотрѣли во всѣ стороны, какъ будто хотѣли увидѣть тотъ деревянный ободочекъ, который подъ именемъ экватора опоясываетъ глобусъ. Всѣ были погружены въ раздумьѣ. И П. А. Т*, облокотясь на гикъ, смотрѣлъ въ даль. Всѣ заняты экваторомъ. «Ну, чтò, П. А. вотъ мы и за экваторъ шагнули, сказалъ я ему: скоро на мысъ Доброй Надежды будемъ.» «Да, отвѣчалъ онъ глубоко вздохнувъ и равнодушно поглядывая на бирюзовую гладь водъ: оно конечно очень пріятно, а есть ли тамъ дрожжи?» Ну, можно ли усерднѣе заботиться объ исполненіи своей обязанности, какъ бы она священна ни была, какъ напримѣръ обязанность о продовольствіи товарищей? Добрый П. А.! Вдругъ глаза его заблестали необыкновеннымъ блескомъ; я думалъ, что онъ увидалъ экваторъ. Онъ протянулъ и руку. «Опять кто-то бананы поѣлъ! воскликнулъ онъ въ негодованіи: —вѣрно З: онъ сегодня ночью на вахтѣ стоялъ.» На ночь фрукты развѣшивали для свѣжести на палубѣ, и къ утру всегда ихъ нѣсколько убывало. Т* производилъ строго слѣдствіе, но, кромѣ лукавыхъ улыбокъ, ничего добиться не могъ.

Пересѣки и тропикъ и экваторъ,
И отпируй сей праздникъ моряковъ, —

предписывали вы мнѣ, ваше превосходительство Владиміръ Григорьевичъ: я мысленно пригласилъ васъ на этотъ праздникъ, но онъ не состоялся. О немъ и помысла не было. Матросы наши миеологіи не знаютъ, и потому не только не догадались вызвать

Нептуна, даже не поздравили насъ съ вступленіемъ въ его вѣдѣнія, и не собрали денежную или винную дань, а мы имъ не напомнили, и день прошелъ скромно. Только ночью капитанъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать. Почетнымъ гостемъ былъ дѣдъ: не впервые совершалъ онъ этотъ путь, и потому бокалъ теплаго шампанскаго былъ выпить за его здоровье. «Сколько разъ вы пересѣкли экваторъ?» спросили мы его. «Одиннадцать разъ», отвѣчалъ онъ. «Хвастаете, дѣдъ: вѣдь вы три раза ходили вокругъ свѣта—итого шесть разъ!» «Такъ: но однажды на самомъ экваторѣ корабль захватили штили, и насъ раза три или четыре перетаскивало то по ту, то по эту сторону экватора.»

На шкунѣ «Востокъ», купленной въ Англіи и ушедшей вмѣстѣ съ нами, отправляли, какъ мы узнали послѣ, Нептуново торжество. Я радъ, что у насъ этого не было. Вѣдь, какъ хотите, а праздникъ этотъ—натяжка страшная. Дурачество весело, когда человѣкъ наивно дурачится, увлекаясь и увлекая другихъ, а когда онъ шутить надъ собой и надъ другими по обычаю, съ умысломъ, тогда становится за него совѣстно и неловко. Еслижъ смотрѣть на это, какъ на поводъ къ развлеченію, то въ этомъ недостатка не было. Не только въ праздники, но и въ будни, послѣ ученія и всѣхъ работъ, свистять пѣсенниковъ и музыкантовъ наверхъ, и вотъ морская даль, подъ этими синими и ясными небесами, огласится звуками русской пѣсни, исполненной неистоваго веселья, Богъ знаетъ отъ какихъ радостей, и сопровождаемой изступленною пляской, или послышатся столь извѣстные вамъ, хватающіе за сердце стоны и вопли отъ какихъ-то старинныхъ, историческихъ, давно забытыхъ страданій. И все это вмѣстѣ, безъ промежутка; и дикій разгулъ, топотъ трепака, и истерическія рыданія заглушаютъ плескъ моря и скрипъ снастей. Такое развлеченіе имѣло гораздо болѣе смысла для матросовъ, нежели торжество Нептуна: по крайней мѣрѣ въ немъ не было аффектаціи, особенно когда прибавлялась къ этому лишняя противъ положенной отъ казны чарка. Въ этомъ недостаткѣ на корабляхъ не бываетъ: за всякую послугу, угожденіе матроса, офицеръ платитъ чаркой водки. Съѣдетъ ли онъ по своей надобности на берегъ, по возвращеніи даетъ гребцамъ по чаркѣ водки и т. п. Такимъ образомъ этихъ чарокъ собирается много, и онѣ выпиваются при удобномъ случаѣ.

Плаваніе въ южномъ полушаріи замедлялось противнымъ зюйдъ-остовымъ пассатомъ: по меридіану уже идти было нельзя, діагональ отводила насъ въ сторону, все къ Америкѣ. 6, 7 узловъ — былъ самый большой ходъ. «Ну, вотъ вамъ и лѣто, говорилъ дѣдъ, красный, весь въ поту, одѣтый въ прю-нелевыя ботинки, но по обыкновенію застегнутый на всѣ пуговицы. Вотъ и акулы, вотъ и Южный крестъ, вонъ «Магеллановы облака», «Угольные мѣшки». Тутъ ужъ особенно замѣтно, цѣлыми стаями начали рѣять надъ поверхностью летучія рыбы.

Я забылъ посмотрѣть на магнитную стрѣлку, когда мы проходили магнитный экваторъ, отстоящій на три градуса настоящаго. Находясь въ ровномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, стрѣлка ложится будто бы тамъ параллельно экватору, а потомъ по мѣрѣ приближенія къ южному полюсу, принимаетъ свое обыкновенное положеніе и только на полюсѣ становится совершенно вертикально. Такъ ли это, В. Г.? вы любите вопрошать природу о ея тайнахъ, вы смотрите на нее и глазами поэзіи и науки...

Въ 11⁰ солнцѣ осталось уже надъ нашею головою и не пошло къ югу. Одинъ изъ рулевыхъ матросовъ съ недоумѣніемъ донесъ объ этомъ штурману.

14-го февраля начались тѣ штили, которыхъ напрасно боялись у экватора. Опять пошли по узлу, по полтора, иногда совсѣмъ не шли. Сначала мы не тревожились, ожидая, что не сегодня, такъ завтра задуетъ по живѣе. Но проходили дни, ночи, паруса висѣли, фрегатъ только качался почти на одномъ мѣстѣ, иногда довольно сильно, отъ крупной зыби, предвѣщавшей, повидимому, вѣтеръ. Но это только слабое и отдаленное дуновеніе, гдѣ-то въ счастливомъ мѣстѣ пронесшагося вѣтра. Появлявшіяся на горизонтѣ тучки, казалось, несли дождь и перемену: дождь точно лилъ потоками, непрерывный, а вѣтра не было. Черезъ часъ солнце блистало по прежнему, освѣщая до самаго горизонта густую и неподвижную площадь океана.

Покойно, правда, было плавать въ этомъ безмятежномъ царствѣ тепла и безмолвія: оставленная на столѣ книга, чернильница, стаканъ — не трогались; вы ложились безъ опасенія умереть подъ тяжестію комода или полки книгъ, но сорокъ слыш-

ломъ дней въ морѣ. Берегъ сдѣлался господствующею нашею мыслію, и мы не мало обрадовались, вышедши 16-го февраля утромъ изъ южнаго тропика. Разсчитывали на дующіе около того времени вестовые вѣтры, но и это ожиданіе не оправдалось. Въ воздухѣ мертвая тишина, нарушаемая только хлопаньемъ грота. Ночью съ 21-го на 22-е февраля, я отъ жара ушелъ спать въ каютъ-компанію и легъ на диванъ подъ открытымъ люкомъ. Меня разбудилъ неистовый топотъ, въ родѣ трепака, свистъ и крики. На лицо упало нѣсколько брызгъ. «Шквалъ! говорятъ: ну, теперь задуетъ!» Ничего не бывало, шквалъ прошелъ, и фрегатъ опять задремалъ въ штиль. Такъ дождались мы масляницы и провели ее довольно вяло, хотя П. А. дѣлалъ все, чтобъ чѣмъ-нибудь напомнить этотъ веселый моментъ русской жизни. Онъ напекъ блиновъ и икру замѣнилъ сардинами. Сливки, взятые въ Англіи въ числѣ прочихъ презервовъ, давно обратились въ какую-то густую массу, и онъ убѣдительно просилъ принимать ее за сметану. Пѣсни, напоминавшія татарское иго, и буйные вопли, quasi веселые, оглашали болѣе, нежели когда-нибудь, океанъ. Унылые напѣвы казались болѣе естественными, какъ выраженіе нашей общей скуки, поражаемой штилями. Нельзя же однако, чтобъ масляница не вызвала у русскаго человѣка хоть одной улыбки, будь это и среди знойныхъ зыбей Атлантическаго океана. Такъ и тутъ, задумчиво расхаживая по юту, я вдругъ увидѣлъ какое-то необыкновенное движеніе между матросами: это не рѣдкость на суднѣ, и я думалъ сначала, что они тянутъ какой-нибудь брассъ, но что это? совсѣмъ не то. Они берутъ другъ друга на плечахъ около мачтъ. Празднуя масляницу, они не могли не вспомнить катанья по льду и замѣнили его ѣздой другъ на другъ ловчѣй, нежели П. А. икру замѣнилъ сардинами. Глядя, какъ забавляются, катаясь другъ на другѣ, и молодые, и усачи съ просѣдою, расхохочешься этому естественному, національному дурачеству: это лучше льняной бороды Нептуна и осыпанныхъ мукой лицъ.

Въ этой, повидимому, сонной и будничной жизни выдалось однакожъ одно необыкновенное, торжественное утро. 4-го марта, въ воскресенье, послѣ обѣдни и обычнаго смотра командъ, бѣлья, одежды, послѣ вопросовъ, всѣмъ ли матросы довольны, нѣтъ ли у кого-нибудь и на кого-нибудь претензіи, всѣ, офицеры и мат-

росы, собрались на палубѣ. Обнажили головы: адмиралъ вышелъ съ книгой и вслухъ прочелъ морской уставъ Петра Великаго.

Потомъ опять все вошло въ обычную колею, и дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ принималъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжею головой и аппетитомъ; выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды, прямо изъ океана, и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце ужъ высоко. Жаръ палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ, ни рожь посмотрѣть, ни на гумно, вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тенотомъ, отворивъ настежь окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы ужъ отобѣдали, они обѣдаютъ рано, до полудня, какъ и въ деревнѣ, послѣ утреннихъ работъ, и группами сидятъ, или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ себѣ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку, съ бока слышатся удары молота на наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди этой ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ... Въ чуткомъ воображеніи, полномъ грезъ и ожиданій, носятся на фонѣ этой синевы небесъ какіе-то отдаленные образы. . .

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря. Отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба,—и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своею бѣлизной. Скоро обѣдать? а что будетъ за обѣдомъ? кстати Т. на вахтѣ, спросить его. «Что сегодня, П. А.?» Онъ только было разинулъ ротъ отвѣчать, какъ вышелъ капитанъ и велѣлъ поставить лисель. Ему показалось, что подулъ немного посвѣжѣе. «На лисель-фалы!» командуетъ П. А. дѣтскимъ басомъ и смотритъ не на лисель-фалы, а на капитана. Тотъ тихонько улыбается и шагаетъ со мною по палубѣ. Вотъ капитанъ замѣтилъ что-то на бакѣ и пошелъ туда. «Чтожъ за обѣдомъ?» спросилъ я П. А., пользуясь отсутствіемъ

капитана. «Супъ съ катышками, говорить П. А. : вы любите этотъ супъ?»—Да, ничего, если зелени побольше положить, отвѣчаю я. «Радъ бы душой, продолжаетъ онъ, съ свойственнымъ ему чувствомъ и краснорѣчіемъ, повѣрьте, я бы всѣмъ, всѣмъ готовъ пожертвовать, сна не пожалѣю, лишь бы только зелени въ супъ было побольше, да не могу, видите Богъ, не могу.. Ну, такъ и быть для васъ.... Эй, вахтенный! поди скажи Карпову, чтобы спросилъ у Янца еще зелени и положилъ въ супъ! Видите, это для васъ, сказалъ онъ:—пусть бранятъ меня, если не достанетъ зелени до мыса Доброй Надежды.» Я съ чувствомъ пожалъ ему руку. «А еще что?» нѣжно спросилъ я, тронутый его добротой. «Еще... курица съ рисомъ...» «Опять!» горестно воскликнулъ я. «Что дѣлать, что мнѣ дѣлать? войдите въ мое положеніе: у меня пятко барановъ осталось, три свиньи, пятнадцать утокъ и всего тридцать куръ: изо ста-тридцать, подумайте: вѣдь мы съ голоду умремъ!» Видя мою задумчивость, онъ не устоялъ. «Завтра, такъ и быть, велю зарѣзать свинью...»—«На вахтѣ не разговариваютъ: опять лисель-спиртъ хотите переломить!» вдругъ раздался сзади насъ строгій голосъ воротившагося капитана. «Это не я-съ, это П. А.!» тотчасъ же пожаловался на меня П. А., приложивъ руку къ козырьку. «Поправь лисель-фаль!» закричалъ онъ грозно матросамъ. Капитанъ опять отвернулся. П. А. отошелъ отъ меня. «Вы не досказали,» замѣтилъ я ему. Онъ боязливо поглядѣлъ во всѣ стороны. «Жаркое—утка, грозно шипѣлъ онъ черезъ ютъ, стараяся не глядѣть на меня,—пирожное...» Бѣлая фуражка капитана мелькнула близъ юта и исчезла. «Пирожное, оладьи съ инбирнымъ вареньемъ—отстаньте отъ меня, вы все въ бѣду меня вводите!» съ злобой прошепталъ онъ, отходя отъ меня какъ можно дальше, такъ что чуть не шагнулъ за бортъ. «Дессерта не будетъ, заключилъ онъ почти про себя:—З. и Б. по ночамъ все поѣли, такъ что въ воскресенье придется по апельсину, да по два банана на человѣка». Иногда и не спросишь его, но онъ самъ не утерпитъ. «Сегодня я велѣлъ ветчину достать, скажетъ онъ,—и вынуть горшокъ изъ презервовъ» и т. д. доскажетъ снисходительно весь обѣдъ.

Послѣ обѣда часу въ третьемъ вызывались музыканты на ютъ, и мотивы Верди и Беллини разносились по океану. Но послѣ

обѣда лѣниво слушали музыку, и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобъ протверживать свой репертуаръ. Въ этомъ климатѣ сѣста необходима; на сѣверѣ въ самый жаркій день, вы легко просидите въ тѣни, не устанете и не изнеможете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь, одѣтые въ легкое льняное пальто, безъ галстука и жилета, сидя подъ тентомъ, безъ движенія, вы потеряете отъ томительнаго жара силу и какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы во снѣ должны почерпнуть освѣженіе организму.

Природа между тѣмъ доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали. Прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому что нечего было сообщить другъ другу. Выскочить развѣстая летучихъ рыбъ и, какъ воробы, пролетить надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. «Смотрите, смотрите!» закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрѣли, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовою спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе, и все исчезнетъ, и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе обѣмлютъ море и небо, какъ идеаль отрадной, прекрасной, немучительной смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку. Отъ того, кажется, душа повергается въ такую торжественную и безотчетно сладкую думу, такъ поражается картиной прекраснаго величественнаго покоя. Она оковываетъ мысль и чувство, все молчитъ и не колышется и въ душѣ, какъ вокругъ. «Что-то плыветъ!» вдругъ однажды сказалъ кто-то, указывая вдали, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами. «Да, подтвердилъ другой:—я вижу черную точку.» Молчаніе, точка увеличивалась. «Ящикъ какой-то,» говорятъ потомъ. «Ящикъ, Боже мой! что въ немъ!» дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ что.

Ящикъ все ближе и ближе. «Курятникъ!» воскликнулъ одинъ, молчаніе. «Да, точно курятникъ», взглянувъ окончательно, подтвердилъ другой;—вѣрно на какомъ-нибудь суднѣ вышли куры, вотъ и выбросили курятникъ за бортъ.» «Позвольте, замѣтилъ одинъ скептикъ:—не отъ лимоновъ ли это ящикъ!» «Нѣтъ, возразилъ другой наблюдатель:—видите, онъ съ рѣшоткой.» И долго

проводжали мы глазами проидывшій мимо насъ курятникъ, догадываясь и разсуждая, брошенный ли это по ненадобности ящикъ, или обломокъ сокрушившагося корабля.

Часу въ пятомъ купали команду. На воду спускали парусъ, который наполнялся водой, и матросы прыгали съ борта, какъ въ яму. Но за ними надо было зорко смотрѣть: они всѣ старались выпрыгнуть за предѣлы паруса и поплавать на свободѣ въ океанѣ. Нечего было опасаться, что они утонутъ, потому что всѣ плаваютъ мастерски, но боялись акулъ. Итакъ однажды съ марсовъ закричалъ матросъ: «большая рыба идетъ!» къ купальщикамъ тихо подкрадывалась акула; ихъ всѣхъ выгнали изъ воды, а акулъ сначала бросили бараньи внутренности, которыя она мгновенно поглотила, потомъ кольнули ее острой, и она ушла подъ киль, оставивъ слѣдомъ по себѣ кровавое пятно. Около нея, какъ змѣи, виляли въ водѣ, всегда сопровождающія ее двѣ или три рыбы, прозванныя лощманами. П. А., во время купанья, тоже являлся усерднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Какъ ротный командиръ, онъ носился по всѣмъ палубамъ и побуждалъ лѣнливыхъ матросовъ лѣзть въ воду. «Пошелъ, пошелъ! кричалъ онъ:—ты что не раздѣваешься? А гдѣ Витулъ, гдѣ Фаддѣевъ—маршъ въ воду! позвать всѣхъ коковъ (поваровъ) сюда и перекупать ихъ.»

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты, общество пловцовъ выходило на верхъ освѣжиться, и тутъ—то широко распаивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропического неба и чудесъ его, нельзя вычислить и измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетною покорностью, какъ чувству любви. Гдѣ вы, гдѣ вы, В Г.? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ теплый нѣжный воздухъ, который, какъ страсть, сладостно, но могуче проникаетъ въ организмъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ? эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ, или золото въ океанѣ; багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный; вѣчный, непрерывный пожаръ безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, на-

поминающей землю. Покой неба и моря, — не мертвый и сонный покой, это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любятъ взаимно въ объятіяхъ другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ. На этомъ пламенно-золотомъ необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей, все изъ облаковъ. Вотъ смотрите: громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастионъ, за нимъ валится другой, тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня и опять тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его воздвигся откуда-то корабль, изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины, плеча еще цѣлы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда, на нее напираетъ и поглощаетъ все рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ... Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачныя узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ... Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса; посмотрите фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло мгновеніе, и сквозь нее проступаетъ болѣзненно зеленый, яшмовый оттѣнокъ, онъ, въ свою очередь, овладѣлъ небомъ. А зѣмки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, мѣдете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучемъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманъ поэтической думы, вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого мнѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, также горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь... Вѣдь бури, бѣшенныя страсти—не норма природы и жизни, а только переходный моментъ,

безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа для выдѣлки спокойствія и счастья въ лабораторіи природы... Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже миллионы глазъ—звѣзды, звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный крестъ; темнота, какъ шапка, наврыла васъ: острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, нескромно, дерзко, какъ будто спѣшаютъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны, ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди, и засіялъ вечерній пиръ. Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ; опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ разума, жадно читаетъ огненные буквы и порывается къ молитвѣ... Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива и не туманна, какъ у насъ, а чиста и прозрачна, какъ хрусталь, не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно, дѣвственна. Это не зрѣлая, увядшая красавица, а бодрая, полная силъ, жизни и строгаго цѣломудрія, дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ, она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра.

А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ, онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, оглушены, объаты сладкими творческими снами, вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается то золотомъ, то кровью, то будто изумрудной влагой Канопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра, но вы съ любовью успокоиваетесь отъ ихъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный крестъ... Случалось ли вамъ (да какъ не случилось поэту!) вдругъ увидѣть женщину, о красотѣ, граціи которой давно жужжали вамъ въ уши, и не найти въ ней почти ничего?... «Что же въ ней особеннаго?» говорите вы, съ удивленіемъ всматриваясь въ женщину: — «она проста, скромна, ничѣмъ не отличается...» Всматриваетесь долго, долго, и вдругъ чувствуете,

что любите ее уже страстно! И про Южный крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: что въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взгляды вашъ будетъ искать его перваго, потомъ обозрѣвши всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ за знойнымъ днемъ душно-сладкая долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! даромъ пропадаютъ эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ, или подъ кормой плеснетъ волна — и опять все торжественно и прекрасно тихо!

Смѣтрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни, ослѣпленные, оглушенные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грезами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: «Нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни Англичане, ни Американцы, ни мои учителя: говорило мнѣ, но блѣдно и смутно, только одно чуткое поэтическое чувство, оно таинственно манило меня, еще ребенкомъ, сюда и шептало:

Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лѣтъ созвѣздіе Креста... (1)

Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, которымъ только и можно говорить о здѣшней природѣ, и спѣшите сюда, а я винюсь въ своемъ безсиліи и боязненно умолкаю!

Мартъ 1853 года.

Фрегатъ Паллада.

И. Гончаровъ.

(1) Въ посланіи Бенедиктова къ Гончарову.

ШОПЕНЪ

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ

I.

Боже, какъ время-то летить! Десять лѣтъ съ тобою не видался я; и вотъ уже ты отецъ семейства, да и препорядочнаго... медаль тебѣ!

«Жена моя, пишешь ты, страшная музыкантша, дни цѣлые проводить за роялемъ, такъ что, — прибавляешь ты, — иногда слушаешь, слушаешь, да и убѣжишь изъ дому.» Ты ли это говоришь? Ты, про котораго блаженной памяти виолончелистка Христіани часто говаривала: «il est musicien et poète sans le savoir», — ты, котораго вдохновенный ноктюрнъ, увы! тоже ужъ теперь покойника Шопена, приводилъ подчасъ въ состояніе какого-то лирическаго опьянѣнія, ты бѣжишь изъ дому отъ музыки твоей жены?

Не понимаю, развѣ... но нѣтъ, вѣдь ты женился на дѣвушкѣ, о талантѣ которой много говорили до ея замужства, а отецъ и мать ея, по твоимъ словамъ, разставаясь съ нею, сказали тебѣ съ чувствомъ, что ничего не жалѣли для ея образованія, — и дѣйствительно, прибавляешь ты, чему-чему не учили жену мою, чуть не дошли до анатоміи, а музыкальному учителю, какому-то Mr. Desfoucques, платили, шутка ли, рублей до шестисотъ въ годъ; хлопотали страшно о ея талантѣ, возили и въ оперу, и въ концерты, у себя устраивали съ этою же цѣлью музыкальные вечера... Чтожь это за странность? Да ужъ не охладѣлъ ли ты

самъ къ искусствѣ? Чего добраго, вѣдь ты никогда ни на какомъ инструментѣ, кромѣ бильярда, играть не умѣлъ! А впрочемъ, какъ же согласить это съ твоимъ желаніемъ поговорить со мною, да еще поболѣе, о незабвенномъ, какъ ты его называешь, Шопенъ?

Скажи мнѣ, что и какъ играетъ твоя жена? Вѣдь если она не разстается съ инструментомъ по цѣлымъ днямъ, то значить у ней, дѣйствительно, есть страсть къ музыкѣ, а упорную страсть трудно предполагать въ человѣкѣ безъ таланта, большаго или малаго. Ужь не Mr. Desfoucaux ли причина твоего бѣгства изъ дому? Знаешь что? благо наткнулись мы съ тобою случайно на обстоятельство, «вызывающее на размышленіе», потолкуемъ прежде, не о Шопенѣ, какъ ты желаешь, а о томъ, какое имѣетъ у насъ значеніе музыка въ дѣлѣ воспитанія? Зачѣмъ, къ чему она?...

Часто случалось мнѣ въ жизни слышать толки и мнѣнія разныхъ лицъ объ этомъ предметѣ; вотъ на выдержку нѣкоторые изъ нихъ: вотъ, напримѣръ, мнѣніе одного господина съ высокимъ образованіемъ: «искусство смягчаетъ нравы, вспомните только Орфея!» Самъ Чичиковъ не сумѣлъ бы лучше выразиться. Вотъ мнѣніе другаго господина съ менѣе высокимъ образованіемъ: «искусство нужно потому, что веселѣе жить на свѣтѣ, когда разовьешь въ себѣ охоту къ занятію хорошимъ дѣломъ.» Это проще, но понятнѣе. Третій отвѣчалъ: «Искусство такая вещь, что... да, конечно, пріятно послушать музыки иногда.» Четвертый объяснилъ, что «искусство растворяетъ двери въ такія гостинныя, куда иного, пожалуй, *безъ музыки* и не пустили бы.» Пятый отвѣчалъ по-французски: «C'est reçu et puis d'ailleurs cela ne nuit pas précisément...» Только скромный старичокъ одинъ отвѣчалъ мнѣ, добродушно улыбаясь: «Мода, батюшка, мода; вѣдь всѣ играютъ», да знакомый мнѣ протоколистъ, семидесятилѣтній коллежскій регистраторъ, на мой вопросъ, куда готовить онъ своего сына, съ чувствомъ проговорилъ: «Все жалованье трачу на Васю, учу его на фортепьянахъ играть, службой вѣдь теперь не велятъ наживаться, такъ сдѣлается учителемъ и будетъ съ кускомъ хлѣба; мало ль есть господъ, да помѣщиковъ, да и нашего брата чиновниковъ, что деньги-то тратятъ на наряды, да на обученіе дѣтей своихъ музыкѣ.» На послѣдній отвѣтъ многіе готовы возразить: «Да помилуйте, люди съ состояніемъ не въ учителей своихъ дѣтей готовятъ, они не для того совсѣмъ знакомить ихъ съ искусствомъ, а для...» — А для чего? Подумаемъ-ка въ самомъ дѣлѣ, для чего? Откуда это всеобщее стремленіе къ

искусству или, говоря проще, стремленіе обучать музыкѣ дѣтей обоего пола, но преимущественно женскаго?

Силы, всего чувствительнѣе подтачивающія людей на многое, безспорно — обычай и мода. Мода — на все, на проборъ до за-тылка, на англійскую болтовню, на громкія слова, на такой или иной родъ любви, на авторовъ; ее какой-то острякъ сравнилъ съ вѣтреною и вздорною женщиной. Но обычай — человѣкъ почтен-ный, посядѣлый, съ авторитетомъ, у котораго разъ принятое убѣжденіе обратилось ужь потомъ въ непреложный законъ, исполняемый слѣпо и не однимъ, а часто нѣсколькими поколѣнія-ми... до поры до времени.

Обученіе у насъ дѣтей, чуть ли не всѣхъ сословій, музыкѣ началось положимъ модой, а обратилось ужь въ обычай. Какіе же плоды этого обычая? Чувствуется ли благотворное вліяніе его? А если чувствуется, то въ чемъ оно выказалось?

Посмотри на этого ребенка. О воспитаніи его хлопотали ро-дители чуть ли еще не до рожденія его; стукнуло шесть лѣтъ; пора за книгу; осилилъ ребенокъ азбуку, говорить уже пре-порядочно двѣ, три французскія басни, бормочетъ по-англійски, болтаетъ по-нѣмецки, только рѣзкія согласныя нашей русской грамоты тяжеленько произносить: «ну, да по-русски всегда успѣетъ приучиться говорить, думаютъ обладатели маленькаго феникса, а вотъ бы теперь музыкѣ начать его, хоть бы шутя, учить.» Шутя призываютъ учительницу музыки, шутя начина-етъ она толковать ребенку о тонахъ, полу-тонахъ, однозв-ныхъ, трехзвныхъ, и все такъ терпѣливо, вразумительно, съ такою веселою улыбкой; — одному только бѣдному ребенку не до шутокъ... скучно, невыносимо скучно ему слушать какія-то непонятныя для него слова, и ударять своимъ маленькимъ паль-чикомъ по бѣлымъ костямъ ящика, на которомъ «большіе» играютъ. Не заставляй его, онъ бы пожалуй и самъ не прочь постучать по нимъ, а то тутъ однозвонные какіе-то... И томит-ся ребенокъ, розгой пахнетъ для него этотъ глупый рядъ чер-ненькихъ и бѣленькихъ косточекъ. Но вотъ осилили первую труд-ность: года черезъ два осмилѣтнее дитя, по случаю именинъ папеньки, отбарабанило какія-то варьяціи; черезъ годъ приня-лось за фантазіи на русскія пѣсни, — а тамъ и за Тальберга. Между тѣмъ учительницу смѣнилъ учитель, учителя недоро-гаго смѣнилъ, въ свою очередь, учитель модный; дитя ужь не дитя; ему шестнадцать лѣтъ; *c'est un talent*, говорятъ всѣ; *se talent* уже съ успѣхомъ игралъ при большомъ обществѣ; уже

много, много разъ благодарили судьбу родители — за что? Про это они знаютъ... Но всему въ мірѣ конецъ... Аханья утихаютъ, самолюбіе пресыщается; ребенокъ ужъ вывезенъ въ свѣтъ, пора замужъ ребенку, находятъ жениха, въ приданое даютъ рояль... Передъ нами уже не дитя, передъ нами молодая женщина; она выѣзжаетъ въ свѣтъ, читаетъ всѣ новые романы, играетъ... только въ карты, а не на рояли; на рояли она уже прежде на всю жизнь наигралась; музыку она впрочемъ любить... на балѣ,—да, правду сказать, она и не занималась ею никогда, а учила фантазіи, этюды и экспромпты — вотъ и все. Объ аккордахъ, ихъ сочетаніяхъ и значеніи ей никто никогда не говорилъ. Знаетъ она и имена многихъ артистовъ, но какъ достигли «ses messieurs» до того, что они теперь? предшествовало ли что-нибудь современной музыкѣ, или такъ она сама собою вдругъ сложилась?—Про это она тоже никогда не слыхала... Что же, потвоему, не грустное это явленіе?... Вѣдь понявъ цѣну искусству, все великое значеніе его въ семейномъ быту, молодая женщина эта внесла бы, можетъ-быть, съ собою въ домъ мужа цѣлый рой тихихъ наслажденій, и даже, не имѣя большого таланта, но обладая знаніемъ и смысломъ музыкальнымъ, подарила бы много отрадныхъ минутъ и себѣ, и мужу, и избранному кружку короткихъ знакомыхъ... Кто виноватъ? Учителя, начинавшего свои занятія съ ребенкомъ, и не спросили, замѣчаетъ ли онъ въ немъ присутствіе хоть малѣйшаго дарованія; ему только говорили: «ахъ! какъ бы поскорѣе порадовали вы насъ успѣхами» — и учитель, не вдаваясь въ «отвлеченности», началъ варіаціями, а кончилъ фантазіями, вовсе не упоминая ученицъ о музыкѣ. Теорія изящнаго ограничилась изученіемъ умѣнья сидѣть за роялемъ, не стремясь всею своею особой за хроматическими и другими гаммами, потому что, повторялъ каждый разъ джентльменъ-учитель: «une demoiselle bien née doit toujours avoir de la dignité dans sa tenue.»

Вотъ тебѣ одинъ примѣръ, но тутъ, по крайней мѣрѣ, не страдаетъ никто, кромѣ здраваго смысла.

А войди-ка ты въ сосѣдній домъ: въ бѣдненькой комнаткѣ тоже инструментъ, и ужъ не тщеславіе, а горячая любовь тянется изъ послѣдняго, платя за уроки дешевенькому учителю, а этотъ дешевенькій, также, какъ и дорогой, мучитъ ученика гимнастическими упражненіями. Онъ, мой голубчикъ, едва ли и самъ-то знаетъ, что такое музыка?... Боже мой, сколько трудовъ, безсонныхъ ночей, сколько кровныхъ денегъ унесло

съ собою это бесплодное занятіе! Ошибся въ разчетахъ отецъ: — не музыку, а приданое нужно бѣдному молодому чиновнику, давно уже равнодушному къ умненькимъ глазкамъ его дорогой Саши; ему жаль хорошенькихъ пальчиковъ милой дѣвушки, а она-то, бѣдняжка, чувствуя всю силу любви труженика-отца, бранить себя за непонятливость, и съ новыми усиліями принимается за опротивѣвшую ей работу; одинъ только самоучка-учитель безстрастно высиживаетъ свой часъ въ маленькомъ домицкѣ, и получивъ мелкую монету, возвращается обезпеченный на слѣдующій день въ свою коморку. Правъ протоколистъ,—не умереть его Вася съ голоду.

Пойдемъ дальше: передъ нами юноша. Какъ быстро бѣгаютъ его пальцы, какая сила, сколько неподдѣльнаго огня, а порой сколько задушевности въ его игрѣ! О, изъ него выйдетъ артистъ, да еще какой! Полноте, ничего изъ него не выйдетъ: онъ ничего не знаетъ, этотъ талантливый юноша; за него платили учителямъ большія деньги, но учили какъ-то странно: его талантъ погибнетъ, потому что его познакомили только съ инструментомъ, а не съ искусствомъ. Virtuозность хороша при знаніи; иначе она пустое, бессмысленное фразерство, убивающее всякую здоровую мысль,—да и какъ пробиться ей сквозь страшную массу гаммъ, арпеджіи и треліи, которыми пестрится игра современныхъ музыкантовъ-эквилибристовъ! А жаль: въ юношѣ есть призваніе,—но ему уже двадцать лѣтъ, но онъ самодовольнъ, онъ маленькій идолъ свѣтскихъ барынь... «Да чтожь наконецъ изъ него выйдетъ,» спрашиваешь себя съ невольнымъ участіемъ въ судьбѣ юноши? Чтò выйдетъ?—ничего.

Ну, да Богъ съ ними, съ этими грустными мыслями! Пойдемъ на вечеръ развлечься, послушать музыки.. Вотъ и Нина моя, какъ подростетъ, также, можетъ-быть, порадуетъ меня, думаешь ты, когда молоденькая дѣвушка, граціозно усѣвшись за рояль, угостила насъ бриллиантовою фантазіей на какую-то невозможную тему. Подойдешь къ ней, «какъ хороша эта піеса! Особенно понравился мнѣ неожиданный переходъ къ концу, кажется, изъ *mi mineur* въ.. какой-бишь тонъ, спросилъ я простоудушно виртуозку.—Въ ге... начала было она на удачу—да и остановилась, бѣдняжка, сконфуженная. Увы! учитель никогда съ нею не говорилъ о тональности. Опять грустно!.. А вѣдь всему виной учитель! Да, полно такъ ли?—Отчасти да, но больше—нѣтъ. Садовникъ выгоняетъ же тощій плодъ тепличнымъ искусственнымъ жаромъ; плодъ безвкусенъ, безжизненъ, а гастрономъ съ наслаж-

деніемъ угощаетъ имъ своихъ пріятелей; благо большихъ денегъ и трудовъ-то немалыхъ ему стоило это; а вѣдь садовникъ — знающій свое дѣло человѣкъ: но не подай онъ рѣдкостей на столъ, — практику потеряетъ.

Да, кстати, помнишь ли ты моего добраго, стараго Нѣмца Рейтена, того самаго, который, по твоему выраженію, часто такъ глупо говорилъ преумныя вещи, и съ комическимъ выраженіемъ въ лицѣ умѣлъ подчасъ, вовсе не стараясь о томъ, вызывать невольную слезу изъ глазъ слушателя? «Энтузіастъ» говорили мы тогда, невольно улыбаясь. — Грустно началась, грустно и кончилась жизнь этого бѣднаго энтузіаста..

Изъ своего роднаго Веймара пріѣхалъ онъ къ намъ съ искреннимъ стремленіемъ принести пользу. Хорошо понималъ и зналъ онъ музыку, да вовсе не зналъ жизни, принялся было горячо за уроки, но скоро бросилъ ихъ, уставши бороться, какъ онъ выражался, съ «странными требованіями...»

Не забуду я никогда, съ какимъ отчаяніемъ и какъ наивно разказывалъ онъ мнѣ, что одна очень образованная барыня, покровительствовавшая музыкантамъ и поэтамъ, просила его оставить всѣ скучныя и ненужныя піесы въ покоѣ, а дать ей Мери что-нибудь хорошее. «А эти скучныя піесы были вѣдь этюды Мошелеса и соната Вебера,» говорилъ онъ, дуть не плача. Но зачѣмъ-бишь я заговорилъ о немъ? Да, вспомнилъ. Я разкажу тебѣ одну изъ сценъ, вѣроятно, не разъ повторявшихся въ жизни чудака Рейтена.

Разъ утромъ, года два тому назадъ, когда мы съ нимъ молча сидѣли въ моемъ кабинетѣ, оба не въ духѣ, въ комнату вошелъ извѣстный тебѣ членъ разныхъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ, тотъ сборникъ громкихъ и благоуханныхъ фразъ, котораго ты, всею тогда еще юношескою душою твоею, такъ сильно ненавидѣлъ, многоуважаемый Константинъ Ивановичъ, — вошелъ, усялся въ кресло, закурилъ сигару и — полились, полились сладкія рѣчи изъ медоточивыхъ устъ его... Уставясь глазами ему въ лицо, я давно уже пересталъ его слушать, а, помнится, разсматривая подбородокъ оратора, мысленно повторялъ слова незабвеннаго Павла Ивановича Чичикова: «какая однакожь разница между просвѣщеннымъ дворяниномъ и грубою лакейскою фizioноміей!» какъ вдругъ, слова: «Неправда, вы говорите неправда,» сказанныя рѣзкимъ голосомъ Рейтена, заставили меня очнуться. Я посмотрѣлъ на него съ тупымъ удивленіемъ. Нѣмецъ весь въ волненіи стоялъ посреди комнаты, а Кон-

стантинъ Ивановичъ, полулежа въ креслѣ, съ ироническою улыбкой, измѣрялъ съ ногъ до головы осмѣливагося такъ не прилично прервать потокъ его рѣчей... «Неправда, продолжалъ горячившійся Рейтенъ,—гдѣ вы нашли у васъ цвѣтенье искусства, все это слова, одни слова,—нѣтъ, подождать еще,—одинъ только пустой тщеславство, die Mode, заставитъ васъ сажать на рояль бѣдной дитенокъ, die armen Kinderchen,—перевелъ онъ;—нѣтъ, не любятъ еще у васъ музыкъ, а любятъ полька да гимнастикъ, Feuerwerkъ музыкальной.. Да, да, зачѣмъ говорить вы того, что самъ не чувствуешь...»

Тутъ членъ благотворительныхъ обществъ не выдержалъ; проговоривши сквозь зубы: «скотина Нѣмецъ», едва дотронулся до моей руки и, не совсѣмъ дружелюбно поглядѣвъ на меня, исчезъ, оставивши Нѣмца съ разинутымъ ртомъ посреди комнаты... Признаться ли тебѣ,—чувствовалъ я, что слѣдовало мнѣ, какъ хозяину дома, остановить увлекшагося Рейтена, но... какое-то злобное чувство удержало меня. А ужъ отплатить мнѣ сторицей за эти непріятныя минуты многоуважаемый Константинъ Ивановичъ, подумавъ я, и обратился къ большому ребенку, Рейтену, стараясь его успокоить. Но не тутъ-то было. Ужъ не на ломаномъ русскомъ, а на своемъ отечественномъ языкѣ продолжалъ онъ: «Для чего сажаютъ дѣтей за рояль, чуть ли не изъ колыбели, — для ихъ пользы, отвѣтять мнѣ. Но вѣдь польза: слово эластическое: что польза для одного, то вредъ для другаго. Пусть объяснятъ мнѣ самую сущность этой пользы. Думаютъ ли, что лучше станутъ дѣти, если познакомятъ они ихъ поверхностно съ тѣмъ, что вѣдь не составляетъ прямой необходимости въ жизни человѣка? Не знать ничего стыдно, да и нельзя въ нашъ вѣкъ, а невѣжество въ дѣлѣ искусства еще недостатокъ, уже потому одному, что не всякій человѣкъ бываетъ одаренъ нужною для этого воспріимчивостію, безъ которой искусство всегда будетъ казаться какою-то излишнею роскошью въ жизни.

«Усаживая ребенка за инструментъ, справляются ли сначала есть ли у него—не говорю, дарованіе: оно сразу и не высказывается—но хотя слухъ, который для музыки то же, что вкусъ для гастрономіи? Потомъ, стараются ли пояснить ему, для чего эта рояль, этотъ учитель, и эта скучная музыкальная азбука? А наконецъ, продолжалъ Нѣмецъ, зажигая въ сотый разъ свою сигару не съ того конца,—откуда взялось убѣжденіе, что предпочтительно дѣвушкамъ нужно учить музыкъ? Отчего же это только для нихъ и составляетъ «существенную» пользу? Отчего,

отчего? приставаѣ ко мнѣ Рейтенъ:— оттого, продолжалъ онъ, прежде чѣмъ я успѣлъ открыть ротъ,—что немногимъ изъ отцовъ приходитъ въ голову развить иногда и дѣйствительно существующій талантъ въ сынѣ. «онъ пусть чѣмъ-нибудь дѣльнымъ въ жизни займется, ну а дочери... пусть ихъ играютъ!» Да зачѣмъ же?... «Блестящее воспитаніе дано, и какъ играетъ!» говоритъ толпа.—Теперь понимаете, зачѣмъ?

«А положи руку на сердце, многіе признаются, что имъ все равно, что дочь ихъ тамъ играетъ, и будетъ ли она продолжать играть, какъ замужъ выйдетъ; что имъ все равно, развить ли талантъ ея (если онъ у нея имѣется) настолько, чтобы благотворное вліяніе его отразилось на ея будущемъ, чтобы онъ могъ принести радость ей въ свѣтлые, и отраду въ скорбные дни жизни.

«Сознаются также, что всякое занятіе тогда только впрокъ идетъ, когда вносимъ мы строгое вниманіе и систему въ трудъ нашъ, и что требованія быстрыхъ успѣховъ quand même отъ дочери, для внѣшняго блеска, помѣшали, *можетъ-быть*, истиннымъ успѣхамъ ея.

«Во всемъ этомъ сознаются они себѣ, но не сознаются въ одномъ только, прибавилъ онъ и ударилъ такъ по столу, что всѣ вещи на немъ заходили и попадали,—что менѣе всего помышляли они о существенной пользѣ, да сейчасъ же и утѣшаютъ себя: «вѣдь удивлялся и удивляется же свѣтъ... моей дочери и... блестящему воспитанію, ей данному!»

«Такъ вотъ она цѣль, великая цѣль воспитанія! — удивленіе свѣта,»—и Нѣмецъ свирѣпо захохоталъ.

Мнѣ стало грустно. Одни распинаются за чужіе грѣхи и, увлекаясь, впадаютъ въ крайности, а другіе... Я посмотрѣлъ на Нѣмца,—онъ сидѣлъ, задумавшись.

«Да, продолжалъ онъ уже болѣе тихимъ голосомъ,—изученіе искусства, но именно искусства, а не игры только на какомъ-либо инструментѣ, должно входить въ систему воспитанія, міръ изящнаго не долженъ оставаться чуждымъ человѣку, — и кто знаетъ?—подчасъ съ такою силой откликнется на твой голосъ душа дорогаго тебѣ ребенка, что свѣтъ, *можетъ-быть*, услышитъ отъ него, въ послѣдствіи, доселѣ неслыханное и...» Остальныхъ словъ его я уже не слыхалъ.

Выйдя потихоньку изъ кабинета и утѣвшись за рояль, началъ я играть *adagio* изъ сонаты *cis moll* Бетговена. Къ концу его, Нѣмецъ мой, уже растроганный, стоялъ передо мною, забывши и Константина Ивановича, и свое раздраженіе, и все

на свѣтъ... Весь обратившись въ слухъ, стоялъ онъ, и сладко, должно быть, невыразимо сладко было его германской душѣ упиваться звуками несравненной кантилены...

«Послушайте, сказалъ онъ мнѣ, когда я окончилъ, — послушайте, зачѣмъ (вовремя опомнился неисправимый энтузіастъ!) тратимъ мы всѣ столько словъ, говоря о значеніи искусства, зачѣмъ стараемся отыскивать новыя доказательства въ пользу необходимости его дѣлу воспитанія? Есть старое — новѣ всѣхъ новыхъ. О чемъ просили Дорійцы боговъ своихъ?—«Пошлите намъ, говорили они, способность чувствовать изящное, да благо намъ будетъ на землѣ...»

Нѣмца уже давно нѣтъ, — но слова его, сказанныя съ горячимъ убѣжденіемъ, хотя и съ тѣмъ же комическимъ выраженіемъ въ лицѣ, остались мнѣ на-вѣки памятны...

Прощай, милый другъ! Письмо мое вышло длинно и отчасти безтолково, но... *tu l'as voulu, George Dandin*. Прощай, до слѣдующаго раза—намъ предстоитъ разговоръ о человѣкѣ, имя котораго дорого для всѣхъ, кто любить и дорожить искусствомъ...

P. S. А все-таки меня мучаетъ желаніе узнать причину твоего бѣгства изъ дому, отъ музыки твоей жены.

II.

Ну, задалъ же ты мнѣ работу! Отправивъ къ тебѣ мое послѣднее письмо, я принялся обдумывать: что скажу тебѣ о Шопенѣ? Вѣдь о немъ таки ужъ довольно поговорили, о немъ и о его сочиненіяхъ; давно также рѣшили большинствомъ голосовъ, что онъ былъ гениальный человѣкъ, и по этому случаю истратили нѣсколько сотъ тысячъ восклицаній на всѣхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ турецкаго; слѣдовательно, что же мнѣ-то остается говорить,—да еще говорить такъ, чтобы, толкуя о сочиненіяхъ его, обойти, по твоему желанію, всѣ техническіе музыкальные термины? иначе ты, пожалуй, кинешь мое письмо не дочтя.

«Всѣ ваши септимы, да большія и малыя терціи, пишешь ты, — непроходимый лѣсъ для меня; не понимаю я толковъ объ эгармоническихъ аккордахъ, о счастливомъ введеніи контрапункта въ такое-то или такое-то мѣсто. Читаешь, читаешь ваши дѣльныя статьи, да и бросишь ихъ въ сторону, хотъ и хотѣлось бы познакомиться съ характеромъ музыки автора, о которомъ идетъ

рѣчь, познакомиться для того, чтобы, когда придется услышать произведеніе его, имѣть—какъ бы тебѣ сказать это?—нѣкоторую точку опоры, нѣкоторыя предварительныя сѣдѣнія, способствующія хоть къ небольшому уразумѣнію того, что желать выразить авторъ.

- «Искусство, пишешь ты далѣе,—существуетъ и должно существовать для общаго наслажденія имъ; жрецы его пусть творятъ; создаютъ громадныя зданія; ученые критики пусть анатомируютъ сущность ихъ произведеній, отдѣляя хлѣбное зерно отъ мякины, пусть безжалостно разоблачаютъ пошлость, одѣвшуюся въ нарядное платье, — все это необходимо и для самого искусства, и для виртуозовъ, и вообще для всѣхъ тѣхъ, кто стремится постичь тайны музыки; но намъ грѣшнымъ нуженъ посредникъ, который далъ бы намъ возможность придти подивиться чудесамъ искусства, который приучилъ бы насъ вдумываться въ наслажденіе, испытываемое нами при созерцаніи чудныхъ зданій этого царства,—иначе, оставьте намъ наше безсознательное наслажденіе, восклицаешь ты, какъ бы защищаясь отъ цѣлаго летона діззовъ и бемолей, на тебя напавшаго:—испещривъ учеными терминами ваши умныя статьи, не научите вы насъ, никогда не занимавшихся искусствомъ, хотя и готовыхъ преклонить колѣна передъ высокими образцами творчества. Намъ надо намекъ, а не сентенціи; познакомьте насъ съ жизнію автора, съ особенностями его генія въ общихъ чертахъ; скажите намъ, какъ объяснить себѣ туманность стиля одного, игривость другаго; зачѣмъ, къ чему эти рѣзкіе звуки посреди тихаго пѣнія у такого-то; наконецъ, что думали вы, слушая напимѣръ одну изъ симфоній Шумана? — Мы, положимъ, какъ дѣти повѣримъ вамъ на слово; но наше удовольствіе удесатерится, когда мы, имѣя какъ бы программу передъ глазами, будемъ слѣдить по ней за ходомъ слушаемой нами піесы. А иногда... ужъ не прогнѣвайтесь! и поспоримъ съ вами, упремъ васъ въ излишнемъ увлеченіи, поймемъ вещь по-своему; но все же слова ваши пригодятся намъ, хоть для сравненія съ нашими собственными ощущеніями. Ну, что проку намъ отъ восклицаній въ родѣ слѣдующаго: «О, еслибъ вы знали, какъ хорошо, умирительно, невообразимо усладительно прочесть партитуру (такую-то) великаго (слѣдуетъ новый рядъ эпитетовъ) Бетговена!» — или: «послушайте, вы ничего, ничего не смыслите,— вы думаете, что знаете, что такое музыка? — Нѣтъ, вы никогда и не слыхали ея, вы... да вы поймите сначала, что такое квинта, кварта,» и т. д...

Не дурно, право не дурно распорядился ты, — ты, дескать, Петръ, это дѣлай, а ты, Иванъ, вотъ то... но спроси-ка ихъ прежде, легко ли имъ исполнить то, что вашему высокородію заблагоразсудилось приказать имъ сдѣлать?...

Впрочемъ, ты отчасти правъ. Дѣйствительно, меньшіе чины въ царствѣ музыки должны знакомить васъ всѣхъ, жаждущихъ наслажденія, съ истинно-художественными образцами искусства. Вамъ, дѣтелямъ на поприщахъ науки, службы государственной, вамъ, поэтамъ, ваятелямъ, литераторамъ, которые дорожатъ своимъ временемъ, и вамъ, подвизающимся на завидномъ поприщѣ ничего-недѣланія, нуженъ только результатъ трудовъ, понесенныхъ собратъями вашими на ихъ поприщѣ: вѣдь они же пользуются плодами вашей дѣятельности, не участвуя въ ней! Вамъ нужно слово ихъ, но слово горячее, живое слово! Ты правъ, повторяю я, но, милый другъ, ты требуешь труднаго... Вѣдь музыкантъ не юристъ, который тебѣ съ книгою въ рукахъ объяснитъ просто и ясно казусный случай, — да и тотъ подчасъ запиется, какъ дойдетъ дѣло до... Вѣдь музыкантъ, — обладай онъ даже рѣдкою пластичностію слога — не можетъ обратить звукъ въ плоть и кровь, не можетъ онъ того, что такъ сильно говорить его душѣ на языкъ ему понятномъ, перевести на языкъ понятный всѣмъ; онъ будетъ стараться, страстно пожелаетъ подѣлиться съ тобою наслажденіемъ, имъ испытаннымъ, — и самъ того не замѣчая, очутится по горло въ риторической тинѣ, наговоритъ много, а ничего не скажетъ тебѣ, жадно желающему понять его, и опомнившись, остановится, да и кончитъ тѣмъ (буде окажутся средства подъ руками), что передать тебѣ въ звукахъ свои впечатлѣнія, а потомъ и скажетъ: «поймите же, какъ это хорошо!» Иногда поймешь ты, увлеченный живымъ голосомъ рѣчи, проникнутой правдою, а чаще — повторишь историческое: «cela doit être bien beau, mais je n'y comprends goutte...»

Даже говоришь ты: «жизнью автора легко объясняется самый стиль его произведеній.» Это еще вопросъ, о которомъ мы съ тобою когда-нибудь потолкуемъ; но дѣйствительно, художникъ всегда почти, болѣе или менѣе, отражается въ дѣтахъ своей фантазіи; необъяснимо-дикій аккордъ, кажущійся иногда на первый взглядъ какою-то нелѣпостью, часто объясняется легко жизнію и обстановкою жизни автора.... и поймешь ты, что не онъ, а тяготящая надъ нимъ судьба бросила это дикое созвучіе посреди тихой, сладкой кантилены, и упадетъ въ твою душу невольное чувство симпатіи къ живому человѣку; ты поймешь, и

никогда не забудешь, чего стоила эта оригинальность автору ея, съ глубокимъ вниманіемъ прослушаешь ты опять и опять поэтический разказъ, и ты насладишься, хотя все-таки останешься въ полномъ невѣдѣніи того, что рѣзкій аккордъ, потрясшій твою душу, есть какая-нибудь усѣченная септима... да, наконецъ, къ чему тебѣ, юристу, и знать-то это? Знать кое-какъ и что-нибудь хуже чѣмъ вовсе не знать.

Итакъ пусть будетъ по-твоему. Говоря о Шопенѣ, я по возможности буду объѣгать техническія выраженія, — да и куда мнѣ, черно-рабочему въ музыкѣ, тянуться за ея учеными! Я передамъ тебѣ, что знаю о геніальномъ музыкантѣ, все, что почерпнулъ изъ очень немногихъ книгъ, въ которыхъ говорится о немъ, изъ разказовъ — знавшихъ его лично, и наконецъ людей, подѣлюсь съ тобою моими собственными впечатлѣніями. Тутъ ужъ пойдетъ фантазія, и можетъ-быть, увы! не разъ думая передать словомъ понятное душѣ, я въ свою очередь окунусь въ риторическую тину и, сидя въ ней по горло, самъ того не замѣчая, наговорю много вздора... Скверная перспектива! Ну, да эти мѣста, пожалуй, пропустиай, или... счастливая мысль! твоя жена вѣдь музыкантша: читая съ тобою вѣсть мое письмо, она быть-можетъ, дойдя до «больныхъ» мѣстъ его, не пропуститъ ихъ и, кто знаетъ, найдетъ въ нихъ добраго слова два, три, которые объясняютъ ей иное загадочное, рѣшительно для нея непонятное въ музыкѣ любимаго автора, а ужъ и этого будетъ слишкомъ довольно для твоего болтливаго друга. *Ainsi soit-il!*

Фридрихъ Францъ Шопенъ (Chopin) родился въ 1810 году, въ Желязовѣ-Волѣ, близъ Варшавы. Отецъ и мать его (Французъ и Нѣмка), люди недостаточные, желая обезпечить будущность сына, выбрали для него занятіемъ музыку, — отчего именно музыку, а не другое искусство? трудно рѣшить. Шопенъ, дитя, не показывалъ ни къ чему особой склонности; слабый, больной, онъ росъ туго, развивался медленно...

Страданіе рано взглянуло своими жадными глазами на бѣднаго ребенка, еще въ колыбели привязалось къ нему, не выпускало потомъ и юношу изъ своихъ объятій, неотлучно слѣдовало за возмужалымъ человѣкомъ, проникнувъ и въ мозгъ и въ сердце его и, наконецъ, какъ вѣрная няня, уложивъ свое любимое дитя въ колыбель, удалилось, давъ свой послѣдній, горячій поцѣлуй...

Да, страшная судьба тяготѣла надъ Шопеномъ: на долю его выпали и болѣзни, и тяжкія испытанія въ жизни. Но кто знаетъ, не ои ли и раздули хранившіяся въ немъ искры божественнаго

огня въ то яркое пламя, которое такимъ чуднымъ свѣтомъ озарило труды страдальца-музыканта? Онъ родился поэтомъ; но не воспитанъ его душа въ школѣ горькаго опыта, поэзія его, быть-можетъ, не приобрѣла бы той глубины мысли, которая такъ поражаетъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ; самая элегичность стилиа его не была ли можетъ-быть проникнута такою неотразимою грустью, неотразимою потому, что въ зародышѣ его страданій лежало чувство высокой любви?..

Шопень былъ поэтъ народный не оттого только, что писалъ мазурки и польскіе: дѣло не въ формѣ, а въ сущности, въ духѣ самыхъ произведеній. Глинка, столько же вполне Русскій въ своей неподражаемой оперѣ, въ своей фантазіи на «Камаринскую», сколько и въ романсахъ, писанныхъ на слова г. Кукольника. Кольцовъ поэтъ народный не потому, что пѣлъ про лапти и кафтаны, а потому, какъ выразился Бѣлинскій, «что душой, сердцемъ, кровью, любилъ русскую природу».

Шопень тотъ же народный поэтъ-музыкантъ и въ ноктюрнахъ своихъ и въ балладахъ, — а удачнѣйшія мазурки подражателей его остаются все-таки эфемерными произведеніями. Въ послѣднихъ форма все, въ первыхъ она только проявленіе внутренняго.

Въ этой-то внутренней сущности его музыки и скрывается это «что-то», ему одному принадлежащее. Оно родилось и умерло съ нимъ.

Онъ сдѣлалъ много для искусства, проложилъ новые пути. Явится, быть-можетъ, сильный талантъ, который, идя этими путями, достигнетъ еще высшаго развитія; но трудно вообразить себѣ «новаго Шопена», также какъ мудрено ожидать въ будущемъ новаго Байрона, новаго Мольера, новаго Пушкина.

Musicien éminentement subjectif, по выраженію Листа, Шопень вездѣ описывалъ «свой» міръ, ему одному доступный; образы своей фантазіи отливалъ онъ въ особыя свои формы. Приемы его были новы и иногда дотого смѣлы, что заставляли ученыхъ музыкантовъ вскрикивать отъ негодованія: они находили въ нихъ дерзкое нарушеніе основныхъ законовъ музыки; самъ Шуманъ, принадлежащій de facto къ школѣ такъ-называемой романтической, ревностный почитатель Шопена, находилъ наприимѣръ въ его чудномъ погребальномъ маршѣ sogar Manches abstossende (Schuman, Ueber Musik und Musiker). Но Шопень, глубоко изучившій музыку какъ науку, не произвольно нарушалъ законы ея; онъ былъ вынужденъ выражаться такъ, а не иначе; да нако-

нецъ, кто доказалъ непреложность этихъ законовъ? могъ бы спросить Шопенъ, выстрадавшій свою оригинальность. Онъ весь вылился въ своихъ звукахъ, весь съ своими страстями, порывами и съ горячею любовью къ отчизнѣ! Последняя-то и наложила на его произведенія тотъ, если можно такъ выразиться, историческій колоритъ, который заставилъ Мицкевича сказать, что «слушая музыку Шопена, какъ бы читаешь чудныя страницы прошедшаго...»

Но вернемся къ его дѣтству. Вѣчно-больной, недѣтски-терпѣливый ребенокъ отличался необыкновенною кротостью; онъ былъ любимцемъ всего дома; его выразительное, блѣдное личико, порою задумчивое, но чаще улыбающееся, не носило однако отпечатка никакой яркой особенности; голубые глаза его, нерѣдко отъ боли подернутые слезою, не давали предугадывать въ немъ ни замѣчательнаго ума, ни пылкой души. Незамѣтно пододвинулся ребенокъ къ девятилѣтнему возрасту, и тогда отецъ его, желая обезпечить будущность сына, обрекъ любимое дитя свое на трудную науку искусства. Онъ принялся за дѣло съ толкомъ, не такъ, какъ мой бѣдный протоколистъ-практикъ, отдавшій съ тою же цѣлью своего Васю на выучку какому-то отставному полковому музыканту. Отецъ Шопенъ, несмотря на свои очень ограниченныя средства къ существованію, выбралъ ему въ учителя Живну, ученика Себастьяна Баха... Князь Антонъ Радзивиллъ, любившій семейство Шопена, замѣтилъ способности мальчика и, можетъ-быть провидя въ немъ замѣчательнаго человѣка, далъ ему средства вступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній Варшавы.

Музыкальныя занятія шли успѣшно; усердно занимался съ своимъ ученикомъ Живна, по строгимъ, подчасъ слишкомъ строгимъ, правиламъ музыканта времени Баха; контрапунктъ и изученіе фуги стояли на первомъ планѣ, а игра на фортепіано на второмъ; фантазія ученика поневолѣ сдерживалась оковами схоластическаго метода... Но утомительная работа эта не мѣшала Шопену прилежно заниматься въ школѣ; трудолюбіе и сосредоточенность, которыя вносилъ онъ въ свои занятія, были изумительны!

Между тѣмъ Живну смѣнилъ Іосифъ Эльснеръ, замѣчательный музыкантъ того времени. Кончивши наконецъ и съ нимъ свои занятія и курсъ наукъ въ школѣ, Шопенъ отправился въ Германію, гдѣ продолжалъ трудиться, терпѣливо и постоянно изучая и слушая все образцовое въ искусствѣ. Германія для музыканта то же, что Италия для живописца.

Возвратившись из своего путешествія, онъ былъ введенъ товарищами своими по школѣ въ высшій кругъ варшавскаго общества. Его приняли тамъ очень благосклонно: изящный во всѣхъ своихъ движеніяхъ, съ острымъ умомъ и уже съ замѣчательно развитымъ, для его лѣтъ, талантомъ, восемнадцатилѣтній юноша, Шопень и не могъ не понравиться обществу образованныхъ женщинъ. Къ тому же, выразительное лицо его, окаймленное каштановыми кудрями, его голубые, немного насмѣшливые глаза, маленькая аристократическая ручка, все это заставляло не одну пани лишній разъ, и подчасъ томно, взглянуть на будущаго великаго музыканта... Въ эту пору своей жизни онъ былъ почти счастливъ; говорю: почти, потому что вѣрная спутница его жизни, болѣзнь, и тутъ продолжала слишкомъ часто напоминать ему о себѣ; а наконецъ пришла пора и иной, томительно-сладкой болѣзни, пришла пора любви съ восторгами и страданіями.

Кругъ, въ которомъ такъ полюбили только-что вступившаго въ свѣтъ молодаго человѣка, отличался образованными, изящными женщинами; разговоръ ихъ, то живой и блестящій, то полный задушевности и женской граціи, способенъ былъ увлечь воображеніе страстной натуры. Цѣлые вечера, иногда цѣлые дни, проводилъ онъ посреди своихъ соотечественницъ, лелѣя ихъ слухъ импровизаціями, граціозными и полными жизни, какъ онѣ.

Музыкантъ-Шопень, по словамъ его біографа, часто съ глубокимъ чувствомъ говаривалъ, что именно въ «это время» понялъ онъ: «сколько неисчерпаемыхъ богатствъ ритма и мелодіи хранится въ національныхъ танцахъ.» (Liszt p. 142.)

Все окружало молодаго импровизатора, когда онъ, отдавшись своему вдохновенію, то плакалъ какъ женщина, то какъ дитя рѣвнелъ; пани и паненки слушали и заслушивались его пламенныхъ рѣчей, его грустныхъ пѣсенъ. Много страстныхъ взглядовъ, много сердецъ летѣло къ нему на встрѣчу; но молодой энтузіастъ готовъ былъ промѣнять все на одинъ взглядъ, на одно сердце дорогой ему шестнадцати лѣтней дѣвушки... И дали наконецъ ему это сердце, отдали безраздѣльно, на всю жизнь.....

Скоро однако разразился неожиданный ударъ надъ головою молодаго счастливца: политическія событія заставили его покинуть родной край. Онъ простился навсегда съ горячо-любившею его дѣвушкою; за нимъ вслѣдъ умчались всѣ ея желанія, всѣ ея радости; только бѣдное, больное сердце ея осталось, какъ ангелъ-

утѣшитель, отцу и матери поэта, горько оплакивавшимъ тяжелую, вѣчную разлуку свою съ дорогимъ сыномъ.

Страшная драма, страшный переломъ въ жизни человѣка, душа котораго такъ нуждалась въ любви, въ отвѣтномъ голосѣ на свои глубокія привязанности! Молодой, беззаботный человѣкъ вдругъ очутился одинъ, одинъ съ безпредѣльною тоскою въ душѣ, но съ сознаниемъ своей силы, своего генія, — и онъ пошелъ гордо впередъ, затаивъ свою тяжелую грусть.

1830 годъ, время его удаленія изъ отечества, составляетъ начало его музыкальной дѣятельности; характеръ его поэзіи обрисовался для него самого; онъ «понялъ» то, о чемъ до послѣднихъ дней своей жизни плѣлъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, понимая свое истинное призваніе....

Много лѣтъ спустя, увлеченный непритворнымъ чувствомъ, съ которыми любившая его женщина спросила его разъ: какимъ именемъ назвать то, чѣмъ проникнуты всѣ его произведенія? онъ, никогда не высказывавшійся, отвѣчалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Ни на одномъ языкѣ нѣтъ слова равносильнаго польскому *żał* (жалъ); не одно, а многія чувства выражаетъ оно собою, но господствующій смыслъ его: безпредѣльное сожалѣніе!...»

Многознаменательное слово! Дѣйствительно, безпредѣльную грустью вѣетъ отъ музыки Шопена, слезы слышатся въ его вдохновенныхъ ноктюрнахъ и мазуркахъ, но что за слезы! Больно жгли онѣ сердце поэта, но вылившись изъ глазъ его какъ роса небесная, пали онѣ плодотворно на почву, и обратившись въ истинные перлы поэзіи, остались въ достояніе потомкамъ.

Да, велико значеніе этой исторической грусти въ лѣтописяхъ искусства! Говоря о произведеніяхъ Шопена, я постараюсь тебѣ доказать это фактически, а пока возвратимся, любезный другъ, къ Шопену на чужбинѣ.

Онъ удалился въ Вѣну, гдѣ, едва успѣвъ придти въ себя отъ сильныхъ потрясеній, рѣшился впервые предстать передъ публику. Но, грустно подумать, всѣ несчастія разомъ обрушились на его голову; послѣднее, чуть ли не самое страшное для человѣка съ истиннымъ талантомъ, едва не погубило его. Вѣнская публика, требовательная, но справедливая въ своихъ приговорахъ, не показала сочувствія артисту. Новизна ли игры и самыхъ произведеній дебютанта, политическія ли событія были тому виною, — трудно рѣшить; но Шопень не имѣлъ желаннаго успѣха, и пробывши еще нѣсколько времени въ Вѣнѣ, рѣшился въ 1831 году

отправиться въ Лондонъ. Прѣзжая черезъ Мюнхенъ, онъ далъ концертъ; музыка его удивила Нѣмцевъ, но — только удивила. За то въ Парижѣ ожидало его истинное торжество; цѣлый рядъ триумфовъ былъ ему наградой за столь недавнее пораженіе. Давле Парижа онъ не потхалъ. Біографъ его рассказываетъ, что въ послѣдствіи, сдѣлавшись уже постояннымъ жителемъ Парижа, Шопень, намекая на слова, прописанныя въ его паспортѣ: *raisonné par Paris*, часто говаривалъ, шутя: «я вѣдь только здѣсь проѣздомъ».

Не успѣвъ Шопень дать два, три концерта, какъ парижская публика, всегда жадная до новизны, сдѣлала его своимъ кумиромъ, забывъ своихъ недавнихъ божковъ. Герцы, Калькбреннеры остались заштатными, он не jouait que рзг Chopin, все хотѣло имѣть его учителемъ. Онъ дѣятельно принялся за работу. Всѣ дни, не жалѣя своего слабаго здоровья, проводилъ онъ въ трудахъ, переходя отъ инструмента къ своему рабочему столу; учениками занимался онъ добросовѣстно, отказывался отъ бездарныхъ и весь отдавался талантливымъ.

Къ этому времени, то-есть къ 1832 году, относится появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, возбудившихъ страшныя пренія; весь музыкальный міръ обратилъ жадное вниманіе на нихъ. Классики, забывая, въ припадкѣ негодованія, послѣднія сонаты Бетговена, упрекали его въ такъ называемомъ романтизмѣ; истые романтики падали ницъ предъ смѣлымъ новаторомъ, и еще не понявъ хорошенько въ чемъ дѣло, кидали въ огонь то, на что такъ недавно еще смотрѣли съ благоговѣніемъ; однимъ словомъ, люди, по свойственной людямъ слабости, впали въ крайности. Одни поставили его выше Бетговена, Моцарта, Гайдна; другіе торжественно заподозрили его въ безуміи. «Талантъ въ немъ есть», говорили они, *абег...* и за этимъ «абегъ» слѣдовали громадные періоды, доказывавшіе, какъ дважды два—четыре, что Шопень чуть ли не моровая язва для искусства.

Фактъ не новый: всякое открытіе, появленіе всего истинно-оригинальнаго, возбуждаетъ вопросъ, полемику, страсти, раздѣляетъ, однимъ словомъ, людей на партіи, и изъ мирныхъ гражданъ превращаетъ ихъ порою въ ожесточенныхъ злодѣевъ, готовыхъ схватиться за оружіе. Въ былыя времена, дѣйствительно, этимъ кончались распри, но въ нашъ просвѣщенный вѣкъ проливаются только потоки чернилъ (подчасъ однако очень ядовитыхъ), да исписываются цѣлые фоліанты (особенно въ Германіи), и... все-таки кончаютъ тѣмъ, чѣмъ начали — остаются раздѣ-

ленными на партіи, а человекъ, возбуждившій вопросъ, смотря по своему значенію и по степени своего вліянія на общество, дѣлается знаменитымъ современникомъ, или остается пока въ тѣни до иного, лучшаго времени... Шопеновская музыка не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на публику; самая форма его произведеній пришлась ей по вкусу. Послѣ калькбреннеровскихъ фантазій подъ заманчивыми названіями «сумашедшихъ, потерянныхъ», подъ именемъ какихъ-то «сновъ», оправдывавшихъ своимъ заглавіемъ только нелогичностью мыслей, а подчасъ и совершеннымъ отсутствіемъ ихъ, послѣ «бриллиантовыхъ» варіацій Герца, послѣ пяти тысячъ двѣсти одного творенія неистощимаго фразера Черни, надѣвшихъ своимъ однообразіемъ, — публика по-неволѣ увлеклась живыми звуками вальсовъ и мазурокъ Шопена, меланхолическими напѣвами его ноктюрновъ, увлеклась потому, что легко *поняла* ихъ тайную прелесть; самъ авторъ познакомилъ ее съ ними. Равнодушно слушала она и толки строгихъ критиковъ, и восторженные возгласы публичныхъ крикуновъ; какое было ей дѣло до нихъ? она наслаждалась, она была въ восторгѣ отъ своего новаго любимца, «изящнаго, обворожительнаго Шопена».

Но какое впечатлѣніе производила эта жаркая полемика, возбужденная появленіемъ романтическихъ произведеній Шопена, на автора ихъ, горячо преданнаго искусству, стремящагося къ правдѣ, къ одной только правдѣ музыкальной, zur wahren Kunst?

«Классическое произведеніе должно быть и по духу и по формѣ классическое, то-есть образцовое.» Вотъ въ этомъ-то словѣ: форма, и бѣда-то вся, da eben steckt der Teufel, какъ говорятъ Нѣмцы. Кто изъ великихъ музыкантовъ сказалъ, что только та форма, въ которой они писали, и есть истинная? Когда и кто изъ нихъ завѣщалъ никогда не отступать отъ нея? Почему знаемъ мы, какъ тотъ же самый классическій Моцартъ, — живи онъ маеусанловскій вѣкъ, — сталъ бы писать лѣтъ черезъ пятьдесятъ отъ настоящаго времени, и какія теперь избралъ бы онъ формы для своихъ неисчерпаемыхъ фантазій? Въ настоящее время, въ знаменитѣйшихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, многое уже кажется устарѣлымъ, и только вѣчное въ нихъ, то-есть внутреннее содержаніе, и остается истинно-юнымъ и свѣжимъ, то-есть, образцовымъ, классическимъ.

Шопень какъ началъ, такъ и кончилъ. Продолжая писать такъ, а не иначе, онъ какъ бы говорилъ всѣмъ, нападавшимъ на *романтизмъ* его произведеній: только почувствованное,

проникнутое правдой, въ какихъ бы формахъ оно ни вылилось — истинно музыкально; всякая форма подъ руками великаго мастера дѣлается изящною и классическою. Такъ или почти такъ, кажется мнѣ, объясняется то гордое, невозмутимое спокойствіе, съ которымъ шелъ впередъ вдохновенный художникъ, не обращая вниманія на своихъ противниковъ. Онъ чувствовалъ, что право сильнаго дано ему самою природою и укрѣпилось за нимъ упорнымъ трудомъ. Кто знаетъ, какихъ усилій стоила ему реальность, пластичность его стиля, какими трудами достигъ онъ до возможно-высшаго развитія школы, имъ созданной? Наконецъ, по вѣрному замѣчанію Листа, кто знаетъ, легко ли было ему отказаться отъ наслажденія творить оркестровыя партиты? Изъ фортепіаннхъ его произведеній видно, какимъ даромъ вѣдѣнія голосовъ обладалъ онъ, какое богатство мелодій хранилось въ душѣ его, какія роскошныя, могучія гармоніи умѣлъ онъ создавать, — но онъ остался вѣренъ своей «спеціальности», и инструментъ, опошлившійся отъ частаго употребленія и отъ избытковъ эффектовъ, изъ него извлекаемыхъ, возрожденъ, вновь созданъ его гениемъ.

Шопена часто упрекали, и отчасти справедливо, въ странной манерѣ затруднять читающаго его сочиненія лишними знаками и запутанностью гармоническихъ ходовъ; но онъ дѣлалъ это по логической необходимости. Правы обвиняющіе его, правъ и онъ; первые правы потому, что гениальный художникъ долженъ стараться упрощать, дѣлать доступною для другихъ внѣшнюю сторону своихъ произведеній, за которою скрывается главная и большая трудность для исполнителя: эстетическая трудность; — правъ и художникъ, если иначе онъ не умѣлъ излагать свои мысли. Недостатокъ этотъ мѣшалъ и долго еще будетъ мѣшать общедоступности его лучшихъ вещей; мнѣ случалось видѣть, какъ многіе люди съ талантомъ, но мало знакомые съ манерой автора писать, запутавшись въ сбивчивыхъ гармонизаціяхъ, откладывали въ сторону вдохновеннѣйшія изъ его ноктюрновъ, балладъ, и тѣмъ лишали себя истиннаго наслажденія. Вотъ одна изъ причинъ (хотя и не изъ главныхъ), что популярнѣйшія изъ его произведеній далеко не самыя лучшія. Гдѣ можно услышать (даже за границей) сонаты его, скерцо op. 39, скерцо op. 54, мазурки op. 59, балладу op. 52, polonaise-fantaisie и многія другія? ихъ знаютъ иные музыканты, но вовсе не знаетъ публика.

Обвиняютъ его также въ неумѣстномъ «оригинальничаньи»,

въ несообразномъ употребленіи «дикихъ» и рѣзкихъ аккордовъ, тамъ гдѣ вовсе имъ быть не слѣдуетъ; но, въпервыхъ, отчего имъ тамъ слѣдуетъ, или не слѣдуетъ быть—рѣшить никто не можетъ, кромѣ самого автора, и въвторыхъ болѣзненность и, вслѣдствіе ея, раздражительность Шопена могли быть причиной употребленія этихъ неприятныхъ для уха созвучій; прежде всего каждый изъ насъ—человѣкъ. Къ тому же музыка была его *sancta sanctorum*; ею высказывалъ онъ все, таившееся въ его душѣ. Шопенъ пряталъ отъ всѣхъ раны своего сердца, онъ не любилъ говорить «о себѣ» ни съ кѣмъ; одна музыка была повѣренной его души: мудрено ли послѣ этого, что въ звукахъ ея слышались подчасъ стоны, отъ которыхъ болѣзненно сжимается сердце?..

И въ этомъ онъ, пожалуй, не правъ. Искусство—святилище, въ которое никто не имѣетъ права вносить разказы о томъ, что имѣетъ интересъ только для него одного, а не для всѣхъ.

«Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ!» сказалъ поэтъ, но... страданіемъ выработалась глубоко-поэтическая личность Шопена; какъ же не простить ей стоновъ и воплей ради такого страданія!...

Во многомъ еще обвиняютъ безсмертнаго «пѣвца своей печали». Въ слѣдующій разъ, продолжая разказъ о его жизни, я подробно поговорю о толкахъ и мнѣніяхъ справедливыхъ, а часто и безсмысленныхъ, которыхъ въ продолженіе моей жизни я наслушался таки довольно. Прощай до скорого свиданія... на письмѣ.

С. Зюво.

Н. Хр-т-новичъ.

ЧТО ДОЛЖНО РАЗУМѢТЬ ПОДЪ РАЦІОНАЛЬНЫМЪ СЕЛЬСКИМЪ ХОЗЯЙСТВОМЪ?

(По поводу статьи г. Арсеньева: «О трудностяхъ при введеніи
раціональнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ».)

Въ № 40 «Записокъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» 1856 года, напечатана статья г. Арсеньева, подъ заглавіемъ: «*О трудностяхъ при введеніи раціональнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ*», со многими замѣчаніями редактора, изъ которыхъ одно — о многопольномъ хозяйствѣ въ селѣ Александровскомъ — обратило на себя особенное наше вниманіе.

Отдавая статьѣ г. Арсеньева полную справедливость за ея прекрасныя побужденія, мы не можемъ не замѣтить въ ней нѣкоторыхъ противорѣчій. Увидѣвъ зло лицомъ къ лицу, г-нъ Арсеньевъ указываетъ намъ и самое вѣрное средство для искорененія этого зла. Средство это — просвѣщеніе, если только мы не ошибаемся въ значеніи фразы, заключающей статью. По крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, только одно просвѣщеніе вливаетъ въ плоть и кровь народа ту «*нравственную силу, которая производительныя вселѣ материальныя дѣятелей*». Но какъ понимать подготовительную фразу автора: «такъ, послѣ всего этого, вводите же раціональное хозяйство безъ толковъ, осторожно, щадя дѣтское невѣжество и грубые предрасудки, поселяя въ земледѣльцѣ уваженіе къ собственности, любовь къ труду, сознаніе общей пользы, развивая умственные способности и человѣческія чувства вѣранныхъ вамъ Прохисломъ людей»? — Что касается до насъ, то мы, признаемся, не понимаемъ, какъ.

можетъ развиваться просвѣщеніе, если оно будетъ падать дѣтское невѣжество и грубые предрасудки. Просвѣщеніе-то и начнется съ того, что не будетъ ни подъ какимъ видомъ падать дѣтское невѣжество, не приличное зрѣлому возрасту, аразоблачать и разрушать всѣ грубые предрасудки, какъ препятствія къ просвѣщенію. Самое просвѣщеніе, съ отрицательной своей стороны, есть именно отрѣшеніе отъ невѣжества и предрасудковъ. Но, не придираясь къ словамъ, мы все-таки хотимъ видѣть въ статьѣ г. Арсеньева желаніе достигнуть успѣховъ въ хозяйствѣ только путемъ просвѣщенія, и въ этомъ мы съ нимъ совершенно согласны. Этотъ путь мы даже считаемъ единственнымъ, для достиженія всякихъ добрыхъ, благородныхъ и общепользныхъ цѣлей. Вопросъ, который затронулъ въ своей статьѣ г. Арсеньевъ, есть безъ сомнѣнія вопросъ весьма важный: моральная сторона и слѣдовательно бытъ нашего сельскаго населенія. «Пьянство, нерадѣніе, воровство, недоброжелательство, жестокосердіе, притворство, презрѣніе къ труду, неповиновеніе закону, неуваженіе къ чужой собственности», однимъ словомъ всѣ порочныя свойства, которыя г. Арсеньевъ группируетъ для характеристики нашего сельскаго работника, заключаются, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ въ одномъ отсутствующемъ условіи—недостаткѣ просвѣщенія. Разсмотрѣніе только одного нравственнаго зла, которое называется неуваженіемъ чужой собственности, жизнью насчетъ другаго, *squandage*, въ разныхъ его проявленіяхъ, уже завело бы насъ слишкомъ далеко (1). Мы поставили себя въ нашей статьѣ задачу гораздо скромнѣе: безъ всякаго нападенія на наше сельское рабочее сословіе, можетъ-быть даже невинное, разъяснить, что должно понимать подъ словомъ—раціональное сельское хозяйство? Намъ кажется, что г. Арсеньевъ и г. редакторъ «Трудовъ» понимаютъ его нѣсколько различно.

Предлагая себя этотъ вопросъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ г. редакторомъ «Трудовъ» въ невольномъ объясненіи. Изъ перваго замѣчанія его на статью г. Арсеньева, мы имѣемъ право заключить, что подъ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ онъ разумѣетъ «многопольный сѣвооборотъ съ искусственными лугами и овощами, съ пашнею, обрабатываемою гогенгеймскимъ плугомъ и желѣзною бо-

(1) Въ этомъ отношеніи, мы обратимъ вниманіе читателей на прекрасную статью г. Павлова, напечатанную въ «Русскомъ Вѣстникѣ», по поводу разбора комедіи графа Соллогуба «Чинovníкъ», въ которой г. Павловъ, разбирая одно изъ явленій этого нравственнаго зла, указываетъ для искорененія его единственное и самое радикальное лѣкарство—просвѣщенное общественное мнѣніе.

реною и даже съ отеческимъ управленіемъ»; однимъ словомъ такъ, какъ это дѣлается въ селѣ Александровскомъ близъ Петербурга. Не имѣя удовольствія знать села Александровскаго, мы однако во всемъ вѣримъ на слово г. редактору «Трудовъ». Мы даже не имѣемъ никакого права сказать, что хозяйство села Александровскаго не рационально; напротивъ, оно можетъ-быть самое рациональное въ мірѣ. Но примѣръ, взятый г. редакторомъ, прилагается только къ селу Александровскому, можетъ-быть еще къ нѣсколькимъ селамъ, находящимся въ положеніи или обстоятельствахъ села Александровскаго, и только. Далѣе, кончается всякое сравненіе. Намъ кажется, что прежде всего нужно согласиться, что понимать подъ рациональнымъ сельскимъ хозяйствомъ? И въ этомъ отношеніи, если намъ скажутъ, что такое-то хозяйство есть многопольное, съ искусственными лугами, обдѣлываемое самыми лучшими плугами и боровами, то это еще нисколько не дастъ намъ понятія о томъ, рационально или не рационально заведенное хозяйство. Подъ словомъ рациональное хозяйство въ общемъ смыслѣ, мы понимаемъ такое, которое, въ данныхъ обстоятельствахъ, на затраченный капиталъ постоянно приноситъ и обѣщаетъ приносить наибольшій чистый барышъ; въ русскихъ же помѣщичьихъ имѣніяхъ—такое хозяйство, которое, принося наибольшій доходъ помѣщику и крестьянину, не только не разоряется, но увеличиваетъ благосостояніе того и другаго. При такомъ опредѣленіи, многопольное хозяйство, съ искусственными лугами и хорошими земледѣльческими орудіями, будетъ имѣть значеніе только какъ частный случай. Если наше рациональное хозяйство требуетъ того—прекрасно; если же нѣтъ,—то гогенгеймскій плугъ и желѣзные бороны нельзя считать атрибутами рациональнаго хозяйства для всѣхъ мѣстностей и для всѣхъ положеній.

Формы, въ которыхъ проявляется сельское хозяйство, какъ одинъ изъ промысловъ вообще, обуславливаются весьма многими обстоятельствами и ускользаютъ отъ человѣческаго произвола. Хозяйственные системы развиваются подъ вліяніемъ мѣстности, климата, обычаевъ, законоположеній, народнаго богатства и мѣстныхъ потребностей. Ввести такой-то промыселъ или такую-то систему хозяйства по произволу—невозможно. Прежде всего зараждаетъ такую или другую промышленность — *спросъ*; даетъ ей возможность развиваться — *капиталъ*; приводитъ ее въ исполненіе *трудъ*; направляетъ трудъ — *знаніе дѣла*; поддерживаетъ промышленность — *сбытъ*; побуждаетъ къ ней — *барышъ, прибыль*.

Если, подъ вліяніемъ *спроса*, мы употребляемъ *капиталъ* на промышленное или сельско-хозяйственное предпріятіе, съ *знаніемъ дѣла*

направляемъ *трудъ*, или *рабочую силу*, и посредствомъ *сбыта* своихъ произведеній выручаемъ наибольшій возможный *барышъ*, или процентъ на свой капиталъ, тогда наше хозяйственное предпріятіе, или наше хозяйство, рационально и выгодно. Если только одинъ изъ элементовъ этой экономической формулы не исполнѣн для насъ благопріятенъ,—предпріятіе все-таки можетъ-быть рационально, хотя бы окончательный результатъ его барышъ или доходъ, свидѣтельствовалъ не въ его пользу. Если же неблагопріятны два или болѣе двухъ элементовъ, тогда предпріятіе и хозяйство будетъ не рационально и невыгодно. Но если одинъ изъ элементовъ вовсе не существуетъ, предпріятіе и хозяйство становятся невозможными. Не будетъ спроса, вамъ не для кого производить; нѣтъ капитала, вамъ нечѣмъ производить; нѣтъ рабочихъ рукъ, вамъ нечѣмъ производить; нѣтъ званія дѣла, не должно браться за предпріятіе; нѣтъ сбыта, надобно остановить предпріятіе; нѣтъ барыша—нѣтъ побужденія производить. Конечно, это азбука, но, къ несчастію, во многихъ случаяхъ эта азбука часто забывается или не берется во вниманіе, когда судятъ о промышленныхъ явленіяхъ, а безъ нея судить о нихъ нельзя. Изъ всѣхъ этихъ предположеній, четвертое, то-есть браться за дѣло безъ знанія дѣла, есть случай, повторяющійся часто; и въ этомъ только случаѣ, примѣръ села Александровскаго, но все-таки какъ примѣръ мѣстный, можетъ быть весьма полезенъ. Для всѣхъ же остальныхъ случаевъ и положеній, село Александровское не всегда можетъ быть примѣромъ и служить побужденіемъ къ многопольному хозяйству.

Разсуждая о причинахъ, способствующихъ или препятствующихъ развитію сельскаго хозяйства, мы должны всегда становиться на почву экономическую, потому что только на этой почвѣ можно стоять твердо въ вопросахъ этого рода. Сельское хозяйство, какъ и всякое другое промышленное предпріятіе, исполнѣ подчиняется экономическимъ законамъ; оно всегда носитъ на себѣ сходство, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, съ общественнымъ хозяйствомъ. Если сочиненія Тэра останутся навсегда классическими въ хозяйственной литературѣ, то именно потому, что, изслѣдуя условія совершенствованія сельскаго хозяйства онъ ни на минуту не покидаетъ экономической почвы, а всегда идетъ прямо отъ общихъ законовъ государственной или политической экономіи (1).

(1) Основанія теоретическаго и практическаго сельскаго хозяйства Албрехта Тэра. Перев. В. Левшина. Москва, 1898 года. Часть первая стр. 111—141. Хотя, по своимъ экономическимъ понятіямъ, Тэръ принадлежитъ

I.

Многопольное, или лучше плодоперемѣнное хозяйство не есть явленіе новаго времени; несмотря на свою давность, оно развивается и принимается не скоро и не вездѣ; и на это есть конечно свои причины, которыя, какъ мы уже сказали, не зависятъ отъ нашего произвола. У Грековъ и Римлянъ было двухпольное хозяйство: пшеница и паръ. Посѣвъ пшеницы за пшеницею, безъ пара, строго осуждался. Но еще Катонъ совѣтовалъ сѣять люпину, бобы, вику, которыя, по его мнѣнію, *улучшаютъ почву*. Виргилій говоритъ: «оставляйте отдыхать ваши поля каждые два года, они оправятся отдыхая; сѣйте послѣ пшеницы ботвыяныя растенія, вику или люпину; но берегитесь сѣять ленъ, овесъ или макъ, ~~которые~~ истощаютъ землю» (1). Иногда, посѣявши весною бобы, заставляли по нимъ люцерну, которую собирали въ слѣдующій годъ, или просо, которое собирали въ тотъ же. Это было первое пользованіе паромъ. Въ центральной Галліи сѣяли сразу нѣсколько лѣтъ хлѣбъ на томъ же мѣстѣ, а потомъ оставляли надолго отдыхать почву, что было возможно и выгодно только въ странѣ, гдѣ населеніе рѣдко и доходы ничтожны (что и до сихъ поръ повторяется на нѣкоторыхъ нашихъ черноземныхъ почвахъ). Сѣверная Галлія, равно какъ и вся сѣверная Европа, пользуясь условіями своего климата, а именно дождливими веснами, которыя способствуютъ росту весеннихъ посѣвовъ, избрали иную систему хозяйства: паръ, каждые три года сменяемый озимымъ хлѣбомъ, а потомъ овсомъ или ячменемъ; къ хозяйству присоединялись натуральные луга, не входившіе въ сѣвооборотъ, но кормъ съ которыхъ шелъ, въ видѣ удобрения, на воздѣлываемыя поля. Такъ явилась трехпольная система, существующая у насъ еще во многихъ мѣстностяхъ сѣверной Европы. Эта система была введена Римлянами въ завоеванныхъ ими сѣверныхъ провинціяхъ и распространена въ послѣдствіи преимущественно римскимъ духовенствомъ. Карлъ Великій, въ своихъ капитуляріяхъ, подтверждаетъ введеніе и поддержаніе этой системы, какъ лучшей по тогдашнему положенію поземельной собственности и малой густотѣ населенія. Изъ кормовыхъ растеній, Римляне воздѣлывали люцерну и вику; клеверъ

въ школъ фیزیократовъ, но это не мѣшаетъ однако точности заключеній и выводовъ его въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ.

(1) Georg. I, 73.

же хотя и былъ имъ извѣстенъ, какъ луговое питательное растеніе, но они не занимались особо его воздѣлкою, которая въ Италіи и южной Франціи почти невозможна, или чрезвычайно рѣдко удается вслѣдствіе сухаго климата. Клеверное хозяйство получило свое начало во Фландріи, въ концѣ XV или началѣ XVI столѣтія, откуда протестанты, преслѣдуемые герцогомъ Альбою, перенесли его культуру въ Пизлатинатъ. Только вѣкъ спустя, это растеніе сдѣлалось извѣстно въ Баваріи, Альзасѣ и Англіи, въ которой клеверъ былъ введенъ графомъ Портландомъ въ 1633 году. Развитие клевернаго хозяйства шло весьма медленно, пока Артуръ Юнгъ въ Англіи и Тэръ въ Пруссіи, своими сочиненіями обратили вниманіе хозяевъ на неоспоримыя выгоды новаго хозяйства. Вся сущность новой системы заключается въ томъ, что перестали дѣлать различіе между полями и лугами, но стали распредѣлять какъ хлѣбныя, такъ и кормовыя растенія на всѣхъ обрабатываемыхъ земляхъ.

Прослѣдимъ теперь, какимъ образомъ и гдѣ стало приниматься новое улучшенное хозяйство, и какія мѣстные обстоятельства способствовали его развитію. Первое отступленіе отъ трехпольнаго хозяйства, пользованіе паромъ и посѣвъ кормовыхъ растеній, встрѣчаемъ мы въ богатыхъ и населенныхъ странахъ. «Фландрія, говоритъ графъ Гаспаренъ, богатая торговлей, капиталами, съ густымъ населеніемъ, мало-по-малу создала новую агрикультуру. Но улучшеніе хозяйства едва только начинало ощущаться въ ней, какъ новая хозяйственная теорія является въ XVI столѣтіи, въ Венеціи. Эта республика давно пользовалась спокойствіемъ и благосостояніемъ, котораго не имѣли ея сосѣди. Увеличившееся въ ней народонаселеніе и богатство повели тамъ, какъ и во Фландріи, къ пользованію паровымъ клиномъ» (1). Англійское плодоперемѣнное хозяйство развилось при подобныхъ же обстоятельствахъ. Еще двѣсти лѣтъ назадъ, въ Англіи повсемѣстно господствовало трехпольное хозяйство, такое же какъ у насъ. Увеличившееся народонаселеніе и начинавшаяся промышленность были прежде всего причиною значительнаго истребленія лѣса. Земли, бывшія подъ лѣсомъ, поступили въ пахоту или натуральные луга и пастбища. Но такъ какъ съ 1688 года Англія не испытала ни одной войны на своей собственной землѣ, то промышленность, народонаселеніе и народное богатство начали возрастать въ ней чрезвычайно быстро. Пахотной земли скоро оказалось недостаточно для пропитанія населенія. Всѣ плохіе натуральные луга были

(1) Cours d'Agriculture, t. V p. 9.

обращены въ пахоту, исправляемую канавами. Количество натуральных луговъ, необходимое для трехпольной системы, стало недостаточно. Условія возможности трехъ-польной системы нарушились. Между тѣмъ, возрастающая мануфактурная промышленность расплодила огромное фабричное населеніе, которое вообще кормится хорошо. Англійская земледѣльческая промышленность встрѣтила большой спросъ мяса, какъ пищи болѣе возстановительной. Производство мяса, при большомъ на него спросѣ, выгоднѣ производства зерноваго хлѣба, потому что мясо, равно какъ и молочныя произведенія, принадлежатъ уже къ земледѣльческимъ продуктамъ высшаго разряда, для которыхъ зерновой хлѣбъ и кормовыя растенія служатъ сырымъ матеріаломъ; иначе сказать, мясо и молоко суть какъ бы фабрикованные зерно и кормъ; а потому смѣтливые англійскіе сельскіе хозяева обратили главное свое вниманіе на возможно-большее производство мяснаго и молочнаго скота. Для этого нужно было увеличить, по возможности, массу кормовыхъ растеній. Отсюда явилась необходимость искусственныхъ луговъ; для разрыхленія послѣ нихъ почвы, понадобился хорошаго устройства плугъ; для увеличенія корма и лучшаго разрыхленія — пропашныя растенія. Прѣжнее отношеніе между производствомъ зерноваго хлѣба и кормовыми растеніями нарушилось. Относительное количество посѣва зеренъ значительно уменьшилось. Это было рациональное хозяйство, потому что спросъ на мясо увеличивался въ большомъ размѣрѣ, и англійскіе хозяева, производя много мяса и молока, получали хорошіе барыши. Они даже создали особыя породы свиней, барановъ и рогатаго скота, которыя давали исключительно много мяса. Итакъ спросъ на мясо и молоко родилъ новую систему хозяйства, дававшую много корма. Производить мясо было выгоднѣ чѣмъ зерно, и англійскіе сельскіе хозяева пошли въ своемъ хозяйствѣ по пути спроса. Спросъ на мясо заставилъ думать и заботиться объ улучшеніи, разведеніи и размноженіи мясныхъ породъ скота. Для совершенія этого дѣла явился Баквель. Научныя системы сѣвооборотовъ, для предохраненія почвъ отъ истощенія, явились послѣ. Онѣ были плодомъ позднѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій физиологовъ и химиковъ. Англія создала фактъ, вызванный потребностію. Германія и Франція, преимущественно въ лицѣ Либиха и Буссенго, нашли для этого факта теорію. А догнали ли онѣ англійское хозяйство?—не догнали; потому что у англійскихъ хозяевъ были еще другія условія, была иная обстановка. На мѣстностяхъ, гдѣ развилась обстановка, подобная англійской, стали повторяться факты англійскаго хозяйства. Явился спросъ на многопольное хозяйство, или иначе, явился спросъ на мясо и молоко въ Германіи и Франціи, и вотъ

явилось многопольное хозяйство. Лишь только Векерлингъ (бывшій директоръ гогенгеймскаго агрономическаго института) объѣхалъ Англію и, восторженный всѣмъ тамъ видѣннымъ, началъ изъ Гогенгейма воспѣвать Германіи объ англійскихъ выгонахъ для скота, какъ уже англійскіе хозяева измѣняютъ систему: запираютъ свой скотъ на вѣчное заточеніе, отъ рожденія до убоя, въ прекрасныхъ стойловыхъ дворахъ, а выгоны обращаютъ въ искусственную запашку. Сильный запросъ на мясо побуждаетъ ихъ опять имѣть въ виду только производство мяса, а отмена хлѣбныхъ пошлинъ даетъ возможность получать зерновой хлѣбъ изъ другихъ странъ. Постоянное заточеніе скота привело къ новому способу удобренія. А между тѣмъ окончательно былъ разрѣшенъ вопросъ объ устраненіи излишней влаги въ тяжелыхъ глинистыхъ почвахъ посредствомъ *дренажа* (1). Землевладельцы, не имѣвшіе большихъ свободныхъ капиталовъ для произведенія этой новой реформы въ сельскомъ хозяйствѣ, должны были уступить свои владѣнія большимъ капиталистамъ, которые были въ силахъ ввести дренажъ и орошеніе полей жидкимъ удобреніемъ, по про-

(1) Говоря о *дренажѣ*, Леонсъ де Лавернь замѣчаетъ: «Между нововведеніями земледѣлія, которые возбудилъ послѣдній кризисъ въ англійскомъ хозяйствѣ (отмена хлѣбныхъ пошлинъ), самое замѣчательное, которое останется самымъ полезнымъ результатомъ возбужденной хозяйственной дѣятельности, есть способъ улучшенія почвъ, извѣстный подъ названіемъ дренажа. Дренажъ по-англійски означаетъ стокъ, спускъ воды. Во все время, спускъ лишней воды составлялъ для англійскихъ хозяевъ, особенно на почвахъ плотныхъ и глинистыхъ, одно изъ самыхъ большихъ затрудненій. Прежде употреблялись для этого средства весьма несовершенныя. Въ настоящее время этотъ вопросъ совершенно разрѣшенъ.—Посмотрите на цвѣтной горшокъ, сказалъ недавно во Франціи президентъ одного хозяйственнаго собранія, зачѣмъ на днѣ его это отверстіе?—чтобы возобновлять воду.—А для чего возобновлять воду?—потому что она даетъ жизнь или смерть: жизнь, когда она только просачивается сквозь слой земли, которому оставляетъ удобряющія вещества, заключающіяся въ ней, и растворяетъ вещества, необходимыя для питанія растеній; смерть, напротивъ, когда она остается въ горшкѣ безъ выхода, потому что не замедлитъ испортиться, начнетъ гнить корни растенія и помѣшаетъ новой, свѣжей водѣ проникнуть къ нимъ.» Теорія дренажа заключается вся въ этомъ сравненіи.» (*) Спускъ воды дѣлается посредствомъ обожженныхъ глиняныхъ трубъ, отъ 14 до 16 дюймовъ длиной и отъ 1½ до 2 дюймовъ діаметромъ внутри, которые кладутся нѣсколько ниже пахотнаго слоя и концами упираются одна въ другую. Вода проникаетъ въ швы или стокъ трубокъ, которымъ дается наклонъ въ какую-либо сторону.

(*) Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande par Léonce de Lavergne. Paris. 1855 p. 194—210.

изволу, во все время созрѣванія растений. Для проведенія жидкаго удобренія въ разныхъ мѣстахъ засѣяннаго клена, потребовалось положеніе чугунныхъ трубъ и постановка на фермахъ паровыхъ машинъ. Хозяева не остановились на этихъ затрудненіяхъ; реформа потребовала большихъ капиталовъ, но капиталы, употребленные на хозяйственную реформу, давали большіе проценты. Это новое хозяйство (high farming), уже въ видѣ фабрикаціи мяса, сдѣлалось рациональнымъ, потому что стало давать больше дохода; и прежнее плодотворное хозяйство, безъ дренажа и безъ жидкаго удобренія, перестало быть, для нѣкоторыхъ мѣстъ Англіи, рациональнымъ, потому что стало давать меньше дохода противъ новаго.

Каждый согласится, что не опредѣляя неизвѣстнаго будущаго числомъ лѣтъ, все-таки это высшее хозяйство, съ такимъ дѣятельнымъ участіемъ большихъ капиталовъ, можемъ мы признать для себя возможнымъ только въ далекомъ будущемъ. «Система сельскаго хозяйства есть результатъ и вмѣстѣ указатель большаго или меньшаго развитія государства», говоритъ графъ Гаспаренъ. И дѣйствительно, куда ни обратились бы мы за справками— въ Европу, Америку, или Россію, вездѣ мы найдемъ одинъ фактъ, одно явленіе: улучшенныя системы сельскаго хозяйства вызываются густотой населенія, обиліемъ капиталовъ, развитіемъ народной промышленности и международныхъ сношеній, лучшимъ устройствомъ путей сообщенія, обезпечивающихъ сбытъ сельскихъ произведеній къ мѣстамъ спроса. Только эти условія опредѣляютъ цѣнность поземельной собственности въ каждомъ государствѣ и въ каждой мѣстности, и потому большую или меньшую напряженность хозяйственныхъ системъ. «Во всякой странѣ, говоритъ Сэй, есть земли, которыя приносятъ своимъ владѣльцамъ не болѣе 20 су (25 к. сер.) съ десятины... потому что эти земли находятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ спросъ на земледѣльческія произведенія, ограниченный рѣдкостью и бѣдностью населенія, а равно недостаткомъ удобныхъ сообщеній, недостаточенъ для покрытія издержекъ на улучшеніе хозяйства, которыя иногда увеличиваетъ бесплодность почвы.» И далѣе: «Я думаю, говоритъ онъ, что доходы землевладѣльца, обрабатывающаго ли онъ свои земли самъ или арендуетъ, увеличиваются по мѣрѣ удобренія, и по мѣрѣ многочисленности и богатства окружающихъ потребителей.» (1)

Я увѣренъ, что все, до сихъ поръ сказанное, давно извѣстно г. ре-

(1) Cours d'economie politique par J. B. Say. ch. XIX. p. 358.

доктору «Трудовъ»: а все-таки онъ собирается показать г. Арсеньеву село Александровское близъ самаго Петербурга, какъ доказательство, что можно же и у насъ ввести многопольное хозяйство мѣрами самыми патріархальными. Потому-то мы и были въ правѣ сказать, что у насъ иногда забывается экономическая азбука, забывается статистика. Еслибы г. редакторъ «Трудовъ» потрудился сравнить количество потребляемаго мяса и молока въ Англіи и въ Россіи, тогда, вѣроятно, онъ не указалъ бы намъ на село Александровское, какъ на примѣръ годный для сравненія съ средними губерніями Россіи. Село Александровское находится близъ самаго Петербурга; а вѣдь Петербургъ, сколько намъ извѣстно, столица большая, многолюдная и богатая; тамъ живутъ люди, которые не знаютъ, что такое неурожай, градъ, скотскій падежъ и другія сельскія невзгоды, потому что для нихъ рынки всегда полны сельскими произведеніями. На такой городъ надобно запасти много мяса и молока; а какой сбытъ корнеплоднымъ и вообще огороднымъ растеніямъ! Не забудьте, что Петербургъ заключаетъ въ себѣ, для села Александровскаго, два магическія слова промышленности — *спросъ* и *сбытъ*, или готовый рынокъ. Такъ мудрено ли, что александровскій крестьянинъ, у котораго г. Арсеньевъ не отнялъ однако смѣлливости и здраваго смысла, понялъ сразу въ чемъ дѣло? удобренія (и азотистаго, и минеральнаго) сколько угодно и задешево, значить, есть чѣмъ прокормить растенія; всѣ машины и земледѣльческія орудія подъ рукой, достать легко, были бы деньги; такъ что если трудъ приложенъ и порядочно направленъ, то мясо и молоко сфабрикованы (даже сѣно, корнеплоды и зерно, безъ обращенія ихъ въ мясо и молоко, сбываются съ большою выгодой), а рынокъ самъ ждетъ васъ, и вамъ нечего искать его вдали. Какже крестьянину не понять этого? дѣло очень простое: онъ видитъ возможность и барышъ, и потому чувствуетъ побужденіе приняться за такое хозяйство (1). Но представьте себѣ, что дѣло совершается въ среднихъ губерніяхъ, далеко отъ столицъ и даже отъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Спрашива-

(1) Лѣтъ уже 20 тому назадъ, намъ случилось видѣть бытъ и хозяйство крестьянъ, переведенныхъ изъ села Кузмина (близъ Царскаго Села) подъ Петербургъ, между дачей графа Кушелева и пороховыми заводами. Мы нашли у нихъ довольно правильную многопольную систему съ большимъ посѣвомъ картофеля и клевера, и съ натуральными лугами, хорошо поправленными посредствомъ подѣва тимоеевоу травы. По ихъ собственнымъ словамъ, ихъ побудилъ ввести это хозяйство удобный сбытъ этихъ произведеній и хорошій барышъ.

ють у васъ хлѣбъ, и то не постоянно, а мяса и молока не спрашиваютъ, или спрашиваютъ такъ мало, что основать на этомъ спросѣ ваше хозяйство не безопасно. А вы между тѣмъ принимаетесь за реформу и желаете производить скотъ, а не хлѣбъ. Русскій мужикъ, котораго сбить съ толку очень трудно, отвѣчаетъ вамъ: «будемъ дѣлать, коли прикажете,» а самъ пожимаетъ плечами. Какое же для него побужденіе къ этому хозяйству, когда онъ не видитъ ему никакого исхода? Г. Арсеньевъ говоритъ, что *«сдѣлано много у насъ попытокъ ввести рациональное хозяйство, но немногими попытки эти принесли выгоды, оттого что упрямство, недоброжелательство, нерадѣніе и умышленное противодействие сводятъ результаты нововведеній почти на нуль.»* Намъ очень хотѣлось бы переимѣнить мнѣніе г. Арсеньева объ этомъ предметѣ и доказать ему, что сводятъ у насъ на нуль результаты нововведеній, не упрямство и нерадѣніе крестьянъ, а причины болѣе общія: причины экономическія и степень нашего государственнаго развитія. Общность факта, подмѣченнаго г. Арсеньевымъ, уже подтверждаетъ наше воззрѣніе. Не споримъ, есть и въ Россіи привилегированныя мѣстности, въ родѣ села Александровскаго, которыя созрѣли для многопольнаго хозяйства, и владѣльцы, которые располагаютъ свободнымъ капиталомъ, произвольнымъ числомъ рабочихъ въ разныя времена года, дешевымъ и разнообразнымъ удобреніемъ, а главное — вѣрнымъ и обезпеченнымъ сбытомъ для своихъ сельскихъ произведеній. Но большая часть Россіи еще только едва начинаетъ мѣстами ощущать невыгоды трехпольнаго хозяйства; а отъ этого перваго ощущенія до полнаго перехода въ плодоперемѣнную систему есть еще много ступеней, которыя мы должны перейти. Отчего же во многихъ имѣніяхъ, гдѣ заведенъ хотя какой-либо порядокъ, трехпольное хозяйство все-таки приносить свой опредѣленный доходъ, несмотря на «нерадѣніе и недоброжелательство», и всѣ нововведенія не только не прибавляютъ, въ большей части мѣстностей, ничего къ этому доходу, но даже убавляютъ его? Должна же быть этому какая-нибудь другая причина, потому что рабочіе и исполнители, въ обоихъ случаяхъ, остаются тѣ же.

Говоря о переходѣ отъ трехпольной системы къ многопольной, лучше всего обращаться къ Тэру, который въ свое время сильно боролся съ этимъ предметомъ и потому изслѣдовалъ его весьма основательно. Разбирая критически трехпольную систему, Тэръ однако признаетъ, что она, сравнительно съ другими системами полеводства, давая больше зерноваго хлѣба, требуетъ меньше рабо-

чихъ рукъ, и всѣ работы, при этой системѣ, совершаются легче. «Сіе хозяйство основано на изстари принятомъ раздѣленіи пахотной земли на три поля, слѣдственно оно совершенно согласуется со всѣми законами, уставами и обычаями, къ земледѣлію относящимися, и можетъ-быть переимѣнено не иначе, какъ съ уничтоженіемъ оныхъ» (1). Желая опровергнуть эти затрудненія, онъ говоритъ: «Конечно, земледѣльческіе законы и постановленія, донныя существующіе, препятствуютъ, во многихъ странахъ, владѣльцу земли, самому по себѣ, переимѣнить трехпольную систему на другую, и для многихъ дѣлаютъ это невозможнымъ; посему и нельзя винить даже и самаго искуснаго и дѣятельнаго хозяина, если онъ отклоняется отъ таковой переимѣны, опасаясь безчисленныхъ, сопряженныхъ съ тѣмъ, непріятностей. Но когда дѣло идетъ о пользѣ и о благѣ общественномъ, тогда должно внимать законамъ естественнымъ, а не человѣческимъ; ибо самъ разумъ велитъ, чтобы сіи послѣдніе подчинялись и согласовались съ первыми, и это должно и можетъ быть принято за правило во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ чистыя понятія о государственномъ хозяйствѣ имѣютъ доступъ въ кабинеты законодательства. Весьма нелогически разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ: при настоящихъ постановленіяхъ улучшенное хозяйство невыгодно; а если новая система хозяйствъ невыгодна, то не слѣдуетъ переимѣнять настоящихъ постановленій.» (2)

Итакъ менѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, Тэръ встрѣчалъ, для трехпольной системы въ Пруссіи, тѣ же затрудненія, которыя мы теперь еще встрѣчаемъ у насъ. А если г. Арсеньевъ вспомнить, что трехпольная система легла цѣликомъ въ наше общественное устройство, что она была тогда самая пригодная и рациональная и даже теперь рациональна для большинства мѣстностей въ Россіи, то легко пойметъ, откуда происходитъ упорство этой системы, и почему она такъ сильно противодействуетъ введенію новыхъ системъ. Если иногда, ни на чемъ не основанные, предразсудки переживаютъ вѣка и стоятъ какими-то безобразными явленіями среди сильно развившейся цивилизаціи, то какже не держаться долго трехпольной системы, которая вошла къ намъ вмѣстѣ съ началомъ земледѣлія и не была никогда предразсудкомъ, а напротивъ системой здраваго смысла,

(1) Тэръ, Пер. *Маслова* 1831-г. ч. II, стр. 104.

(2) Тамже. Стр. 109.

совершенно отвѣчавшею характеру мѣстности и климату средней Россіи, простою, удобною, легкою въ своемъ примѣненіи и прибыльною? Говоря о возможности введенія плодопеременнаго хозяйства, Таръ замѣчаетъ: «Плодопеременное хозяйство можетъ быть заведено въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣется достаточный сбытъ для всѣхъ произведеній и гдѣ слѣдовательно находится надлежащая соразмѣрность между цѣнностію земли и труда; но тамъ, гдѣ трудъ дорогъ, а земля дешева, гдѣ работы съ выгодною могутъ быть производимы не иначе, какъ посредствомъ барщины (сogvée), которая годится только для самаго простаго хозяйства,—тамъ плодопеременное не можетъ быть прибыльно» (Стр. 159). Но обратимся прежде къ г. редактору и приведенной нами экономической формулѣ, чтобы посмотреть, въ чемъ мы расходимся. Вы печатаете трактаты о многопольномъ хозяйствѣ, какъ оно ведется въ Англіи, Германіи и даже селѣ Александровскомъ, и говорите, что, кажется, описали и объяснили всѣ выгоды этого хозяйства какъ нельзя лучше. Вы правы, и мы вамъ за это чрезвычайно благодарны. Но посмотримъ, какому члену формулы соответствуютъ ваши трактаты, объясненія, ваша наука? они соответствуютъ только одному: *знанію дѣла*, умѣнію направить трудъ. Не забудьте, что еще остаются иныя условія возможности производства, остаются: *спросъ, капиталъ, трудъ, или рабочія руки, сбытъ* и результатъ ихъ всѣхъ—*барыши*. Можно знать всѣ выгоды многопольнаго хозяйства, но если не достаетъ хотя одного изъ членовъ формулы, то хозяйство идти не можетъ. А ставя въ примѣръ село Александровское, вы намъ даете только одно условіе, и хотя не явнымъ образомъ, но выражаете желаніе, чтобы мы тотчасъ же принимались за дѣло, не спросясь съ другими. Предположите, что мы не разъ съѣздили въ село Александровское, весьма основательно изучили все, что тамъ дѣлается,—и наконецъ, какъ говоритъ г. Арсеньевъ, «каждый просвѣщенный хозяинъ, вполне оцѣнивъ превосходство иностраннаго сельскаго хозяйства надъ нашимъ, и съ восхищеніемъ читая описанія изумительныхъ успѣховъ всѣхъ отраслей этой благородной науки, имѣетъ очень натуральное желаніе и у себя сдѣлать то же... Не торопитесь, замѣчаетъ весьма основательно г. Арсеньевъ, справьтесь съ вашими рабочими и исполнителями.» А мы скажемъ, справьтесь прежде всего, будетъ ли въ мѣстѣ вашего хозяйства *спросъ* на мясо, молоко, овощи и т. п. произведенія, которыя село Александровское можетъ сбывать въ Петербургъ съ большими барышами? и если по собраніи справокъ окажется, что у васъ этого спроса нѣтъ, то ваше горячее желаніе «и у себя сдѣлать то же»

охлаждается недостаткомъ самаго перваго и необходимаго условія плодоперемѣннаго хозяйства—спроса на мясо и молоко.

Спросъ вообще на жизненныя потребности, въ каждой странѣ, зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: густоты населенія и народнаго богатства, которое, въ свою очередь, выражается обиліемъ капиталовъ и общимъ народнымъ благосостояніемъ. Роскошь высшихъ классовъ еще не выражаетъ собой общаго благоденствія населенія, потому что высшіе классы, относя къ нимъ дворянство, купечество, городское и сельское духовенство, составляютъ едва 4% общаго населенія. Предметы роскоши, потребляемые ими, имѣютъ мало вліянія на улучшеніе и совершенствованіе сельскаго хозяйства. Хлѣбъ, мясо, молоко, которые составляютъ основу земледѣльской промышленности, имѣютъ главныхъ потребителей въ общей массѣ и преимущественно въ низшихъ классахъ, составляющихъ 96% всего изродонаселенія. Потребности этого населенія зависятъ преимущественно отъ обилія капиталовъ въ странѣ, которые даютъ способъ рабочему сословію къ болѣе высшимъ заработкамъ и, слѣдовательно, къ болѣе высокимъ средствамъ жизни. Только подъ вліяніемъ капиталовъ развивается народная промышленность, которая, въ свою очередь, доставляетъ разнаго рода заработки низшимъ сословіямъ. Густота населенія на извѣстномъ пространствѣ требуетъ отъ земли большаго количества земледѣльческихъ продуктовъ, какъ первыхъ потребностей жизни, и, слѣдовательно, всего болѣе возбуждаетъ сельскую промышленность. А потому развитіе сельской промышленности и, слѣдовательно, улучшеніе системы хозяйства, нельзя разсматривать независимо отъ этихъ экономическихъ условій жизни. Густота населенія, на данномъ пространствѣ для нѣкоторыхъ государствъ Европы, выражается слѣдующими пропорціональными цифрами: для Бельгіи 8, 1; Ломбардіи 7; Голландіи 5, 5; Виртемберга 5, 1; Англіи и Шотландіи 5; Неаполитанскаго королевства 4, 2; Папскихъ владѣній 3, 9; Франціи 3, 7; Пруссіи 3, 2; Испаніи 1, 7; среднихъ губерній Россіи 1, 5; всей Европейской Россіи, безъ Польши и Финляндіи 0, 6. Еслибы можно было ввести въ расчетъ опредѣленную цифрой естественное плодородіе почвы и преимущество климата, то оказалось бы, что развитіе сельской и мануфактурной промышленности, или народное богатство, прямо пропорціонально населенію и просвѣщенію страны; и, конечно, подобное явленіе не случайно.

Если у насъ спросъ на земледѣльскія произведенія не можетъ быть такъ великъ, какъ въ Англіи, то этому главная причина заключается въ томъ, что мы бѣднѣе Англичанъ, и потому не можемъ ѣсть

такъ хорошо, какъ они. Масная и молочная пища, по причинѣ весьма сыраго климата и потому превосходныхъ пастбищъ, уже издавна составляла въ Англіи одну изъ главныхъ привычекъ сельскаго и мануфактурнаго населеній. Говоря даже о прежнемъ населеніи Англіи, Юлій Цесарь замѣчаетъ: *Lacte et carne vivunt*. А между тѣмъ у насъ, въ Россіи, главная часть потребителей изъ 365 дней въ году не можетъ ѣсть мяса и молока въ теченіе 200 дней, по уставу церкви; а въ остальные 165 дней, количество ихъ потребленія ограничивается рѣдкостію и бѣдностію населенія. Потребности жизни высшихъ классовъ населенія мало различаются въ разныхъ европейскихъ государствахъ, потому что формы этой жизни болѣе или менѣе сходны между собою; поэтому народное благосостояніе или богатство массы населенія вѣрно выражается количествомъ потребленія колоніальныхъ продуктовъ, которые составляютъ предметъ роскоши въ низшихъ классахъ. Цифры этого потребленія, считая въ томъ числѣ и чай, распределяются такъ: среднимъ числомъ каждый житель въ Россіи употребляетъ колоніальныхъ продуктовъ на 30 коп. сер. въ годъ, въ Австріи—на 27 коп., во Франціи—на 58 коп., въ Таможенномъ Союзѣ—на 91 коп., въ Бельгіи—на 1 руб. 91 коп., въ Англіи—на 3 р. 29 коп. Если же разсматривать только одинъ сахаръ, считая въ томъ числѣ и туземный, то одинъ житель Россіи потребляетъ его 2 фунта; Австріецъ—2,84 ф., Германецъ—6,85 ф., Бельгіецъ—6,88 ф., Французъ—9,50 ф., Англичанинъ—29,66 фунта (1).

«Почему, напримѣръ, говоритъ Леонсъ де-Лавернь (2), англійскій земледѣлецъ старается производить прежде всего мясо? Не потому только, что скотъ своимъ удобреніемъ улучшаетъ почву, а потому, что мясо постоянно спрашивается во всей Англіи, и оно тамъ повсюду продается весьма легко. Еслибы нашъ французскій земледѣлецъ, говоритъ онъ, могъ вдругъ произвести столько же мяса, то цѣна на него упала бы и не покрыла бы расходовъ земледѣльца, потому что спросъ на мясо недостаточенъ. Въ настоящее время наше населеніе еще такъ бѣдно, что не можетъ платить за мясо, чего оно стоитъ. Надобно подождать, чтобы промышленность и торговля совершили такіе успѣхи, которые сдѣлали бы обменъ возможнымъ. По мѣрѣ этихъ успѣховъ спросъ увеличится, и наши земледѣльцы позаботятся удовлетворить ему; но было бы нелѣпо требовать отъ нихъ

(1) Мы заимствовали эти цифры изъ прекрасной и столько извѣстной статьи И. В. Вернадскаго: *О английской торговлѣ*. «Русскій Вѣстникъ» 1856, № 8.

(2) *Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre etc.* par Léonce de Lavergne p. 172—173.

этого теперь. Безъ Аркрайта и Ватта, Баквель былъ бы невозможенъ. Онъ явился именно въ тотъ моментъ, когда сильное промышленное движеніе вызвало сильное требованіе на мясо... Въ 1770 году мясо продавалось въ Англіи по 30 сантимовъ за англійскій фунтъ (100 сантимовъ или 1 франкъ—25 коп. сер.; 1 англійскій фунтъ—0,91 русскаго фунта); теперь же, несмотря на то, что хозяйство употребило всѣ средства, чтобы выхоть мяса отъ скота былъ изибольшій, оно продается по 60 сантимовъ за фунтъ, то-есть вдвое дороже. Очень натурально, что въ Англіи молочное производство такъ сильно развилось, когда молоко продается во всей Англіи отъ 20 до 30 сантимовъ за литръ ($1\frac{1}{4}$ бутылки). Англійскіе работники потребляютъ очень много молока; около мануфактурныхъ городовъ средній доходъ отъ дойной коровы простирается въ годъ до 125 руб. сер., но нерѣдко встрѣишь такихъ, которые приносятъ до 250 руб. сер. Масло, которое въ 1770 году продавалось по 60 сантимовъ за фунтъ, теперь продается по 1 фр. 25 сантимовъ. Цѣна на него тоже удвоилась. Поставьте, говоритъ Леонсъ де-Лавернь, нашихъ сельскихъ хозяевъ въ подобныя же условія, и вы увидите, что они будутъ имѣть хорошихъ коровъ и будутъ лучше содержать ихъ. Мы уже видимъ, какое вліяніе парижскій рынокъ производитъ на окрестное скотоводство.

«Замѣнъ посѣва ржи пшеницей есть слѣдствіе тѣхъ же условій. Этотъ замѣнъ совершенно невозможенъ въ тѣхъ округахъ Франціи, которые удалены отъ рынковъ. Чтобы на почвѣ, которая даже невыгодна для посѣва хлѣбныхъ растений, можно было производить иной продуктъ, необходимо быть около рынка и имѣть возможность обмѣнять этотъ продуктъ на хлѣбъ. Возможность существованія хозяйства прежде всего. Для чего замѣнять рожь пшеницей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пшеница мало или совсѣмъ не требуется? Вездѣ, гдѣ является спросъ на пшеницу, то-есть гдѣ населеніе въ силахъ заплатить дорого за свой хлѣбъ, этотъ замѣнъ ржи пшеницей происходитъ и во Франціи. Если же этотъ замѣнъ сдѣланъ въ Англіи вездѣ, то потому, что фабричныя рабочіе имѣютъ достаточныя заработки, чтобы ѣсть бѣлый хлѣбъ.»

Приведенныя нами цифры, относящіяся только къ одному условію—спросу,—показываютъ, что одного желанія недостаточно, чтобы измѣнить трехпольное полеводство на многопольное, или одну хозяйственную систему на другую. При подобныхъ измѣненіяхъ надобно руководствоваться многими и весьма сложными условіями. Равнымъ образомъ,

предыдущее разсмотрѣніе указываетъ также, что то хозяйство, которое рационально для Англіи, не рационально для Франціи, а тѣмъ болѣе не рационально для насъ.

II.

Слѣдуя нашей экономической формулѣ, посмотримъ теперь на возможность введенія у насъ плодоперемѣннаго хозяйства въ зависимости отъ капиталовъ. Капиталъ есть главный двигатель какъ сельскаго, такъ и всякаго промышленнаго предпріятія. Можно сказать, что въ нашъ вѣкъ не только частная промышленная дѣятельность, но дѣятельность государственная, внутренняя и внѣшняя, совершаются подъ могущественнымъ вліяніемъ капиталовъ. Безъ свободнаго капитала всякое улучшение хозяйственнаго заведенія невозможно. Говоря о введеніи плодоперемѣннаго хозяйства, Тэръ замѣчаетъ: «потребенъ для введенія этого хозяйства довольный оборотный капиталъ и обширный инвентарій» (то-есть скотъ, земледѣльческія орудія, хозяйственные машины, или тоже капиталъ). Изобиліе капиталовъ страны не можетъ быть дѣломъ скрытымъ; это изобиліе проявляется: 1) въ количествѣ полезныхъ предпріятій общественныхъ и частныхъ, 2) въ общемъ благосостояніи и средствахъ жизни, 3) въ обширности торговыхъ оборотовъ, 4) въ малой высотѣ процентовъ при займѣ капиталовъ. Кто слѣдитъ внимательно за общественными и частными промышленными предпріятіями всѣхъ странъ сравнительно, для того окажется ясно, что выводъ будетъ не въ пользу изобилія у насъ капиталовъ вообще. Низкій уровень общаго благосостоянія и средствъ жизни указываютъ на малое изобиліе у насъ свободныхъ капиталовъ. Чтò же касается до обширности торговыхъ оборотовъ, то слѣдующія цифры оборотовъ внѣшней торговли подтверждаютъ то же самое. Итогъ внѣшней торговли (средній выводъ отъ 1847 по 1853 годъ) распредѣлялся для нѣкоторыхъ государствъ такъ:

Россія на сумму .	192,171,000 р. сер., т. е. 1	
Таможен. союзъ .	361,185,300	— 1,9
Франція	449,675,000	— 2,3
Великобританія .	891,387,000	— 4,6

Если жераспредѣлимъэтицифрыпо населенію, то окажется, что если каждый Англичанинъ участвуетъ въ этой торговлѣ на 33 р. сер., то

одинъ Бельгіецъ на 22,5; Нѣмецъ Таможеннаго Союза на 13 руб.; Французъ на 12,7 р.; Австріецъ на 4,1 р.; Русский на 3,2 р. (1).

Чѣмъ выше проценты займа, тѣмъ рѣже или дороже капиталы въ странѣ (при однихъ и тѣхъ же условіяхъ состоянія кредита и обезпеченности займа).

Цѣнность земли есть также вѣрный указатель количества капиталовъ въ странѣ, потому что цѣнность земли начинается возрастать только съ того времени, когда она дѣлается собственностію лица, которое кладетъ на нее свой трудъ или капиталъ. Такъ цѣнность земли въ Англіи возрастаетъ на одинъ процентъ въ годъ, во Франціи же только на полпроцента. Если собственно въ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) на улучшеніе земли среднимъ числомъ употребляютъ капиталъ въ пропорціи 12 р. 50 коп. сер. на десятину (2), то во Франціи только отъ 1 р. до 1 р. 25 коп. Собственно въ Англіи средняя цѣна одной десятины земли составляетъ 500 р. сер., а въ верхней Шотландіи только 25 р. Для всей же Великобританіи, эта средняя цифра составляетъ 250 р. сер. Для Франціи средняя цѣна (покупная) одной десятины составляетъ также 250 р. сер. У насъ же, напримѣръ для Смоленской губерніи, средняя цѣна одной десятины земли доходитъ только до 9 р. сер. (3). Луговая земля въ Англіи продается среднею цѣной по 1000 р. сер. за десятину; но есть такія луговые десятины, за которыя платятъ 2,500 р. сер., 5,000 р. и 12,500 р. сер. за десятину. Около Лондона и Эдинбурга наемная цѣна одной десятины доходитъ до 500 р. сер. въ годъ; около большихъ мануфактурныхъ городовъ Англіи нерѣдко встрѣтишь наемныя цѣны въ 125 р., въ 75 р. и 50 р. сер. за десятину въ годъ. Средняя же наемная цѣна за одну десятину собственно для Англіи, составляетъ около 19 р. сер.; для всей Великобританіи 10 р. сер.; для Франціи 7 р. 50 коп. Вслѣдствіе различныхъ соображеній г. Соловьевъ полагаетъ слѣдующую наемную цѣну земли для Смоленской губерніи: десятину пахотной земли около 1 р. 50 к. сер., луговой или сѣнокосной среднимъ числомъ около 4 р. сер., огородной около 20 р. сер.; выгонной можно положить около 2 р. сер. за десятину.

(1) О внешней торговлѣ статья И. В. Вернадскаго. -Русскій Вѣстникъ- 1856, № 8.

(2) *Essai sur l'économie rurale*, Léonce de Lavegne p. 80. Собственно эта цифра приходится на гектаръ, но какъ 1 десятина=1,09 гектара, то эти цифры должно увеличить только на 1,09. Поэтому въ нашихъ сравненіяхъ мы будемъ замѣнять гектаръ десятиной.

(3) Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи Я. А. Соловьева стр. 178.

Леонсъ де-Лавернь полагаетъ, что если собственно въ Англіи капиталъ, завязанный въ земледѣльской промышленности, составляетъ 80 р. сер. на десятину, то во Франціи только 25 р. сер. Для всей же Великобританіи этотъ капиталъ сельской промышленности составляетъ 50 р. сер. на десятину. Капиталъ этотъ для Великобританіи и Франціи распределяется такъ:

Съ одной десятины :

Доходъ владѣльца земли въ Англіи	15 р. сер.,	во Франціи	7 р. 50 к.
Доходъ арендатора — — —	8 р. сер. — —	— —	2 р. 50 к.
Взимается налоговъ — — —	5 р. сер. — —	— —	1 р. 25 к.
Затрачивается расходоу — — —	10 р. сер. — —	— —	1 р. 25 к.
Платится рабочимъ — — —	12 р. сер. — —	— —	12 р. 50 к.
50 р. сер.		25 р. сер.	

Или: въ Англіи доходъ владѣльца вдвое, арендатора втрое, налоги вчетверо, расходы въ восемь разъ болѣе, чѣмъ во Франціи.

Цѣнность земли есть лучшій указатель народнаго развитія, богатства и тѣхъ благотѣльныхъ результатовъ, которыми просвѣщеніе и изобрѣтенія разнаго рода возвышаютъ уровень общественнаго благосостоянія. Въ поземельной собственности и капиталѣ проявляются тѣ взаимныя услуги, которыя въ развитомъ обществѣ каждое лицо приносить одно другому, и которыя возвышаютъ общій уровень средствъ жизни. Поземельная собственность была первымъ шагомъ обществъ въ ихъ развитіи. А давно ли мы слышали возгласы противъ машинъ, капиталовъ и поземельной собственности! Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что намъ даютъ машины, что приносятъ чужіе капиталы, что доставляетъ намъ частная поземельная собственность. Чѣмъ развитѣе общество, чѣмъ частная поземельная собственность болѣе обезпечена, чѣмъ капиталовъ болѣе, тѣмъ дешевле они даютъ хлѣбъ работнику, тѣмъ дешевле и лучше они его одѣваютъ, тѣмъ удобнѣе и ближе они представляютъ ему удовлетвореніе всѣхъ его потребностей, тѣмъ болѣе они сберегаютъ ему времени отъ грубыхъ трудовъ для его нравственнаго совершенствованія. Всѣ стремленія различныхъ обществъ заключаются въ томъ, чтобы уменьшить по возможности грубый человѣческій трудъ и главнымъ образомъ возложить этотъ трудъ на силы природы. Вся роль машинъ заключается въ этой мысли. Вся цѣнность земли возрастаетъ оттого, что человекъ съ меньшимъ личнымъ трудомъ заставляетъ ее производить болѣе.

Англія изъ 16 мил. населенія употребляетъ 4 мил. на сельскія работы.
 Франція — 35 мил. — — — 20 мил. — — —
 Ирландія — 8 мил. — — — 5 мил. — — —

То-есть если Англія употребляет $\frac{1}{4}$ населенія, то Франція $\frac{1}{7}$, а Ирландія $\frac{1}{3}$. Иначе, на 100 десятинъ Англія употребляет 30 работниковъ, Франція 40, а Ирландія 60 работниковъ; но въ Англіи 30 работниковъ, обрабатывая 100 десятинъ, даютъ 50 р. сер. съ десятины; во Франціи 40 работниковъ, обрабатывая тѣ же 100 десятинъ, даютъ только 25 р. съ десятины, а въ Ирландіи 60 работн. на 100 десятинъ даютъ 15 р. сер. съ десятины. Однимъ словомъ, въ Англіи 30 работниковъ даютъ съ земли вдвое болѣе дохода, чѣмъ во Франціи 40. Вся эта разница заключается въ двухъ словахъ: капиталы, машины. Еще Даніель Фо, въ своемъ Робинсонѣ Крузо, старался показать, въ какомъ положеніи находится человѣкъ съ развитыми потребностями, когда онъ лишень помощи общества и его изобрѣтеній, а предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ. Какою драгоценностию въ его глазахъ дѣлается каждое, повидимому ничтожное, орудіе, которое осталось ему отъ человѣческаго общества! Но какъ часто мы пользуемся изобрѣтеніями и услугами общественныхъ и частныхъ капиталовъ, забывая, что эти изобрѣтенія и услуги не были вѣчнымъ достояніемъ человѣка, а явились вмѣстѣ съ развитіемъ обществъ! Многіе, пользуясь, вовсе не замѣчаютъ той громадной помощи, которую орудія, машины и частные капиталы приносятъ намъ въ каждое мгновеніе нашей жизни.

«При настоящемъ порядкѣ вещей, говоритъ Бастіа (Bastiat), цѣна $\frac{1}{2}$ четверти хлѣба соответствуетъ во Франціи 15-ти или 20-ти днямъ работы самой грубой. Если нужно $\frac{1}{2}$ четверти хлѣба въ годъ, чтобы прокормить человѣка, то простой работникъ производитъ если не свой хлѣбъ, то по крайней мѣрѣ цѣнность этого хлѣба, употребляя отъ 45 до 60 дней изъ всей своей годовой работы въ 300 дней. Если мы означимъ цѣну дневной работы единицей, то цѣна $\frac{1}{2}$ четверти хлѣба, выраженная этою единицей, будетъ 15, 18, 20, смотря по годамъ. Отношеніе этихъ двухъ цѣнностей будетъ какъ 1 : 15.

«Чтобы видѣть, какой успѣхъ сдѣлало общество относительно удобствъ и средствъ жизни (то-есть чтò сдѣлали просвѣщеніе, изобрѣтенія, капиталы, машины), надобно знать, какъ при самомъ началѣ человѣческихъ обществъ было велико это отношеніе работы къ хлѣбу. Конечно, я не рѣшусь обозначить это отношеніе цифрою, однако есть возможность на это... Не опасаясь возраженія, я скажу, что, получая землю въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она должна была находиться при началѣ обществъ, человѣкъ произведетъ не болѣе $\frac{1}{2}$ четверти хлѣба каждые два года. Отношеніе 1:600. И вотъ этотъ успѣхъ измѣренъ. Несмотря на то, что нашъ поденный работникъ долженъ заплатить процентъ за капиталъ, представляемый поземельною соб-

ственности, процентъ за капиталъ, употребленный на хозяйственное предпріятіе, за наемъ земледѣльческихъ орудій, или лучше, именно потому, что онъ за все это платитъ, нашъ работникъ только пятнадцатію днями работы получаетъ то, что онъ съ огромнымъ трудомъ могъ бы получить только въ 600 рабочихъ дней. Итакъ цѣнность хлѣба, измѣряемая самою грубою работой, упала съ 600 на 15 или съ 40 на 1. И эти ³⁹/₄₀ упраздненнаго человѣческаго труда возложены на силы природы (хорошо обработанную и удобренную землю, орудія, машины, воды, паръ, рабочій скотъ): пользуется этимъ упраздненнымъ трудомъ не только тотъ, кто производитъ хлѣбъ, но всякій, кто покупаетъ хлѣбъ, какою бы впрочемъ работой ни занимался» (1).

Относительно перевозки тяжестей на большія разстоянія мы должны признать можетъ-быть еще болѣе поразительные успѣхи. Вообще, къ какой бы отрасли человѣческихъ потребностей мы ни обратились, вездѣ въ развитомъ обществѣ мы встрѣтимъ тотъ же успѣхъ. Этотъ успѣхъ вездѣ совершается подъ вліяніемъ частной собственности, капиталовъ, изобрѣтеній; или, короче, эту благодѣтельную реформу въ цѣнности первыхъ потребностей совершаютъ вездѣ капиталы и машины.

Вотъ великая роль капиталовъ и машинъ во всякой отрасли человѣческой промышленности, а слѣдовательно и въ земледѣльской. Въ капиталахъ и машинахъ заключается весь успѣхъ англійскаго земледѣлія. Если въ Англіи три работника производятъ вдвое болѣе сельскихъ произведеній или цѣнностей этихъ произведеній, чѣмъ во Франціи четыре работника, то происходитъ это преимущественно оттого, что часть труда первыхъ возложена на силы природы, которыя человѣкъ покорилъ себѣ помощію науки, капиталовъ и машинъ.

Обращаясь къ нашей земледѣльской промышленности, мы можемъ легко увѣриться, что у насъ этихъ свободныхъ или оборотныхъ капиталовъ нѣтъ или весьма мало. Если въ Англіи капиталъ, затрачиваемый на улучшение земледѣлія, составляетъ въ годъ 12 р. 50 к. на десятину, а во Франціи только 1 р. сер., то для насъ мы не смѣемъ выставить даже никакой цифры, потому что всякая цифра покажется все еще слишкомъ высокою.

Что касается до величины капитала, который необходимъ для совершенія перехода въ плодоперемѣнное хозяйство, то Тэръ полагаетъ, что, совершая переходъ медленно и осмотрительно, капиталъ,

(1) Harmonies économiques, par F. Bastiat. éd. de Bruxelles p. 258.

для этого необходимый, долженъ по крайней мѣрѣ вдвое превышать прежній постоянный доходъ съ имѣнія; но чѣмъ скорѣе хотимъ совершить переходъ, тѣмъ болѣе долженъ быть этотъ капиталъ. Полагая капиталъ вдвое болѣе прежняго дохода, Тѣрь не включаетъ въ него расходовъ, нужныхъ на новыя постройки или перемѣны въ прежнихъ хозяйственныхъ строеніяхъ, но назначаетъ этотъ капиталъ только на совершеніе однихъ полевыхъ работъ (1).

На первый взглядъ казалось бы, что владѣльцы населенныхъ имѣній у насъ въ Россіи располагаютъ уже готовымъ капиталомъ для хозяйственныхъ предпріятій, владѣя землею и имѣя въ своемъ распоряженіи закономъ определенное число рабочихъ рукъ. Но мы увидимъ, что при существующемъ порядкѣ трехпольнаго хозяйства, рабочія силы имѣній совершенно уравновѣшены съ хозяйственными предпріятіями (особенно принимая въ разсужденіе краткость времени для полевыхъ работъ отъ климатическихъ условій), а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ даже и это хозяйство находится уже въ напряженномъ состояніи и требуетъ уменьшенія запасекъ. Не только переходъ въ плодоперемѣнное хозяйство потребуетъ прибавленія работъ и слѣдовательно безъ капитала и прибавки наемныхъ рукъ не возможенъ, но и по совершеніи перехода, всякая система улучшеннаго хозяйства требуетъ сравнительно большей рабочей силы и слѣдовательно еще болѣе измѣнить существующее равновѣсіе между рабочими силами и хозяйственными предпріятіями. Говоря о Смоленской гу-

(1) Первымъ и необходимымъ условіемъ возможности перехода въ плодоперемѣнную систему, Тѣрь полагаетъ уничтоженіе чрезполосности владѣній: когда владѣлецъ пользуется имѣніемъ одинъ безъ всякаго участія въ немъ другихъ; когда дача его достаточно округлена и клыны не разбросаны далеко. Хотя г-нъ редакторъ въ своемъ замѣчаніи на статью г-на Арсеньева и увѣряетъ насъ, что въ Россіи въ настоящее время чрезполосныхъ имѣній почти уже не существуетъ, однако, вопреки ему, г-нъ Соловьевъ для Смоленской губерніи приводитъ слѣдующія цифры: съ открытіемъ спеціальнаго размежеванія, то-есть съ 1836 года, обнаружено общихъ и чрезполосныхъ дачъ 2,280, заключающихъ въ себѣ 2,542,865 десятинъ; среднимъ числомъ каждая дача въ 1115 десятинъ. Дачъ единственнаго владѣнія было 4347, заключающихъ въ себѣ 2,326,599 десятинъ; каждая дача среднимъ числомъ въ 533 десятины. Успѣхъ размежеванія былъ слѣдующій: въ 1833 году изъ 2280 неразмежеванныхъ дачъ и 2,542,865 десятинъ, дѣйствительно размежевано дачъ 1355, десятинъ 1,413,233; осталось неразмежеванныхъ дачъ 925, десятинъ 1,129,632. (Хозяйств. стат. Смол. губ. Я. Соловьева, стр. 169). Нѣтъ причины, чтобы и въ другихъ губерніяхъ Россіи процессъ размежеванія совершался скорѣе. А потому въ 17 лѣтъ размежевана только съ небольшимъ половина чрезполосныхъ дачъ и земли общаго владѣнія.

бернн, г-нъ Соловьевъ замѣчаетъ: «Помѣщичье хозяйство вполне зависитъ отъ крестьянскаго. Нѣтъ сомнѣнн, что помѣщичьи земли можно раздѣлить на сколько угодно полей; но обработка ихъ все-таки будетъ производиться крестьянскими орудіями и на крестьянскихъ лошадяхъ. Посему при улучшенн системы хозяйства необходимы: улучшенн земледѣльческихъ орудій, лучшія породы рабочихъ лошадей и вообще большее развитіе скотоводства. Слѣдовательно нужны капиталы. Капиталы явились бы, и частные и со стороны правительства, еслибы можно было надѣяться, что они принесутъ такіе проценты, какіе доставляютъ другія отрасли промышленности. При дешевизнѣ хлѣба въ сравненн съ стоимостью воздѣлыванн и при настоящемъ хозяйственномъ бытѣ, на это никакъ нельзя надѣяться.»

«Вотъ почему если въ Смоленской губерніи и встрѣчаются улучшенныя системы хозяйства, то это скорѣе или благое намѣренн безъ желаемыхъ результатовъ, или прихоть помѣщика. Коммерческихъ расчетовъ тутъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобныя улучшенія обыкновенно касаются самаго небольшого количества изъ общаго пространства воздѣлываемыхъ земель въ извѣстномъ хозяйствѣ, такъ что главная часть доходовъ получается отъ земель, обрабатываемыхъ по трехпольному хозяйству. Тамъ же, гдѣ введены улучшенныя способы хозяйства въ большемъ размѣрѣ, на это потрачено много денегъ, которыя далеко не приносятъ обыкновенныхъ процентовъ. Почти въ каждомъ уѣздѣ можно найти одно, два или нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ введено многопольное хозяйство въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ... Эти слабыя усилія выйти изъ затруднительнаго положенн, въ которомъ находится Смоленская губернія, конечно мало имѣютъ вліянн на общее благосостояніе. Горько, но нельзя не сказать, что отъ этихъ улучшеній помѣщичьяго хозяйства иногда страдаютъ крестьяне, которые, съ ихъ тощими лошадьми и дурными сохами, съ трудомъ поднимаютъ землю послѣ клевера» (1).

Мы совершенно согласны съ этимъ замѣчаніемъ г-на Соловьева, но только сомнѣваемся, чтобы у насъ нашлось довольно частныхъ капиталовъ, для совершенн хозяйственныхъ реформъ, даже еслибы не препятствовалъ этимъ реформамъ слабый спросъ на хозяйственные произведенія и слѣдовательно малая ихъ цѣнность сравнительно съ стоимостью воздѣлыванн. Если при теперешнемъ, дешевомъ способѣ обработки земель, цѣнность произведеній слишкомъ слаба

(1) Сельско-хозяйств. статистика Смоленской губер. Я. Соловьева, стр. 257—258.

(въ зависимости отъ спроса и сбыта) сравнительно съ цѣнностію обработки, то конечно нельзя еще думать о введеніи способовъ обработки еще болѣе цѣнныхъ, что непременно поведетъ за собою всякая улучшенная система.

Поземельныя владѣнія, находящіяся въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, перешли къ нимъ преимущественно двоякимъ путемъ: путемъ наслѣдства и путемъ личнаго приобрѣтенія. Послѣдній родъ владѣнія поземельными имѣніями можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, дать болѣе произволъ владѣльцу къ хозяйственнымъ улучшеніямъ: во-первыхъ, отъ него самого зависитъ выборъ имѣнія, а во-вторыхъ, при покупкѣ онъ можетъ оставить часть денежнаго капитала, необходимую для совершенія хозяйственныхъ перемѣнъ или улучшеній. Напротивъ, наслѣдующій имѣніе часто получаетъ его обремененное долгами и весьма рѣдко съ денежнымъ капиталомъ. Самый обыкновенный у насъ способъ продажи и покупки имѣній—съ переводомъ долга въ опекунскій совѣтъ, свидѣтельствуемъ однако, что и новый владѣлецъ не только не сохраняетъ части капитала для хозяйственныхъ улучшеній, а напротивъ долженъ опекунскому совѣту, и слѣдовательно покупаетъ имѣніе съ недостаточнымъ капиталомъ.

Заемъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ злогъ имѣній или вообще недвижимою собственности дѣлается весьма легко во всѣхъ государствахъ, потому что заемъ этотъ весьма хорошо обезпеченъ. Тамъ, гдѣ землевладѣльцы могутъ производительно и съ успѣхомъ употребить занятый капиталъ на сельскую промышленность и улучшение своего хозяйства, займы эти возрастаютъ, но не только не отягощаютъ земледѣльческой промышленности, а напротивъ помогаютъ ея развитію. Такъ, во Франціи размѣръ долга въ кредитныя учрежденія землевладѣльцевъ доходитъ только до 13 процентовъ съ капитала, представляемаго поземельною собственностію; въ Германіи—отъ 30 до 50 проц., смотря по государствамъ; въ Англіи—до 50 проц.; въ Шотландіи и Ирландіи этотъ долгъ, лежащій на поземельной собственности, еще значительнѣе (1).

Выгодный заемъ, предложенный нашимъ землевладѣльцамъ подъ злогъ недвижимыхъ имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, въ видахъ улучшенія сельскаго хозяйства, далеко не удовлетворилъ цѣлямъ правительства. Занятые капиталы не могли еще у насъ быть употреблены производительно, потому что слабый спросъ на сельскія произведенія не допускалъ улучшенныхъ системъ хозяйства. Займы были

(1) Dictionnaire de l'économie politique. Coquelin et Guillaumin. T. I. art. Agriculture par H. Passy, p. 43.

сдѣланы большею частію въ неурожайные годы для прокормленія крестьянъ, и потому мало отзывались улучшеніемъ земледѣлія. Между тѣмъ легкость займа увлекла многихъ и, вмѣсто облегченія и улучшенія хозяйства, обременила только владѣльцевъ уплатою процентовъ. Большая половина населенныхъ владѣльческихъ имѣній, заложенная въ опекунскіе совѣты (5,945,533 души, кромѣ заложенныхъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія, цифра которыхъ намъ неизвѣстна), представляетъ собою долгъ въ 356,731,980 р. сер. (считая только по 60 р. сер. на душу), лежащій на населенныхъ имѣніяхъ. Этотъ долгъ, употребленный большею частію непроизводительно, еще болѣе подтверждаетъ то мнѣніе, что наши землевладѣльцы вообще небогаты наличными денежными капиталами (1).

Увеличеніе капиталовъ страны не есть дѣло случайное, но результатъ труда, просвѣщенной дѣятельности и бережливости. «Капиталъ, говоритъ Бастіа, имѣетъ свое основаніе въ трехъ свойствахъ чело-вѣка: предусмотрительности, способности и умѣренности. Кто хочетъ составить капиталъ, тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду будущее, жертвовать ему настоящимъ, имѣть благородную силу воли надъ самимъ собою и своими желаніями, умѣть противиться не только меченію къ настоящимъ удовольствіямъ, но устоять противъ тщеславія и капризовъ свѣтскаго мнѣнія, которое такъ снисходительно къ характерамъ безпечнымъ и расточительнымъ. Надобно умѣть употреблять въ дѣло всѣ силы природы, и понимать требованія общества, чтобы производить съ успѣхомъ. Но всего больше надобно быть проникнутому семейнымъ духомъ, чтобы не отступить передъ жертвами, которыхъ плодъ соберутъ тѣ дорогія намъ существа, которыхъ мы оставимъ послѣ себя. Составить капиталъ значитъ приготовить хлѣбъ, убѣжище, спокойствіе, образованіе, независимость, достоинство будущихъ поколѣній. Все это не можетъ быть сдѣлано безъ участія многихъ общественныхъ добродѣтелей, которыя должны обратиться въ привычку» (2). Но если бережливость настоящаго поколѣнія есть богатство будущаго, то это богатство есть принадлежность только обществъ сильно развитыхъ и высоко образованныхъ. Дикарь никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

(1) Собственно въ одной Англіи, безъ Шотландіи и Ирландіи, капиталъ, затраченный въ земледѣльской промышленности, составляетъ, по 320 франковъ на гектаръ, на 12,000,000 гектарахъ сумму въ 3,840,000,000 франковъ или 960,000,000 руб. сер. Этотъ капиталъ составляетъ около половины стоимости всѣхъ нашихъ владѣльческихъ имѣній.

(2) *Harmonies économiques*. F. Bastiat. Bruxelles 1850. p. 239.

Изъ всего сказаннаго о *спросѣ* и *капиталѣ* можно бы заключать, что мы ставимъ наше сельское хозяйство въ безвыходное и безнадежное положеніе. Для нѣкоторыхъ мѣстностей мы дѣйствительно сомнѣваемся, чтобы скоро совершился этотъ благополучный исходъ; но для большинства имѣній мы не оставляемъ надежды на лучшее будущее. Жизнь владѣльцевъ имѣній измѣняется сравнительно съ прежнею. Меньше уже той непрерывной «игры въ сосѣди», которая поглощала еще не такъ давно все досужее и недосужее время нашихъ помѣщиковъ. Жизнь дѣлается скромнѣе, и теперь видимъ больше владѣльцевъ, которые соразмѣряютъ свои расходы съ средствами жизни и доходами имѣнія. Больше начинаемъ встрѣчать владѣльцевъ, которые дѣятельно занимаются хозяйствомъ, и если не въ силахъ вводить улучшенныя системы хозяйства, то по крайней мѣрѣ заботятся о приведеніи трехпольнаго хозяйства въ порядокъ увеличеніемъ и улучшеніемъ натуральныхъ луговъ и лучшимъ содержаніемъ скота.

Съ бѣльшимъ развитіемъ народонаселенія и всѣхъ отраслей промышленности и торговли, которая зависать преимущественно отъ мирнаго времени, необходимо разовьются капиталы въ странѣ, и просвѣщенная предпріимчивость обратитъ ихъ и на сельско-хозяйственную промышленность. Только эти условія могутъ упразднить существованіе трехпольной системы, и тогда переходъ въ лучшія системы совершится самъ собою. Явится спросъ, явятся капиталы, и всѣ сельскіе хозяева сами поймутъ легко и скоро всѣ выгоды плодоперемѣнныхъ системъ, приноровленныхъ натурально къ нашему климату.

III.

Первое условіе всякаго хозяйственнаго предпріятія состоитъ въ рабочихъ силахъ. Какая бы ни была принята система хозяйства, нужно прежде всего, чтобы она была обезпечена достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ настоящее время у насъ, въ каждомъ населенномъ имѣніи, количество рабочихъ рукъ есть величина постоянная; не въ вашей волѣ увеличить это количество по произволу. Если владѣлецъ населеннаго имѣнія располагаетъ капиталомъ для найма, то возможность найма существуетъ только развѣ для тѣхъ имѣній, поблизости которыхъ находятся казенныя селенія. Для имѣній же, расположенныхъ далеко отъ казенныхъ селеній, всякій наемъ рабочихъ рукъ для полевыхъ работъ невозможенъ, потому что наемныхъ рабочихъ нѣтъ.

И потому мы въ правѣ сказать, что, при недостаткѣ наемнаго труда, для большинства имѣній, особенно въ средней Россіи, рабочія силы имѣнія представляютъ величину постоянную. Если владѣлец не имѣетъ капитала, посредствомъ котораго можетъ часть полевыхъ работъ усилить покупкою собственныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, а равно рабочаго скота, то всякая улучшенная система поведетъ непременно къ увеличенію работы крѣпостныхъ крестьянъ. А эта работа, какъ мы увидимъ, не только уже уравновѣшена трехпольною системою съ чистымъ паромъ, но нѣсколько напряжена для нѣкоторыхъ имѣній. Очевидно, что только развитіе наемнаго труда могло бы, при другихъ условіяхъ, вести прямо къ улучшенію нашей сельско-хозяйственной системы; въ настоящее же время остается одинъ способъ для перехода въ лучшую систему: уменьшеніе посѣва зерноваго хлѣба и увеличеніе кормовыхъ средствъ. Но этотъ способъ, отклоня хозяйство отъ производства зерна, и направляя его къ производству мяса и молока, противорѣчитъ существующему спросу и непременно понижаетъ чистый доходъ владѣльца. Такимъ образомъ, условія спроса, недостатокъ капиталовъ и недостатокъ вземныхъ рабочихъ рукъ, или неизмѣнная величина рабочей силы имѣнія, ставятъ немалую преграду для перехода въ какую бы то ни было плодоперемѣнную систему.

Казалось бы, что прибывающее народонаселеніе въ имѣніяхъ, увеличивая число рабочихъ рукъ, могло бы дозволить, чрезъ нѣкоторое время, переходъ въ плодоперемѣнную систему. Но, къ несчастію, мы должны замѣтить, что въ послѣднія тридцать лѣтъ сельское *рабочее* населеніе не только не прибавилось, а для большей части губерній убавилось, такъ что если тридцать лѣтъ тому назадъ въ имѣніяхъ можно было считать, противъ наличнаго числа душъ мужескаго пола, половинное число работниковъ, то теперь, для многихъ мѣстностей, это число тягловыхъ работниковъ составляетъ только треть, или немного болѣе одной трети противъ наличнаго числа душъ. Причиною этого уменьшенія рабочихъ рукъ надобно полагать бывшія почти повсемѣстно двѣ холеры и тифозныя горячки, которыя дѣйствовали преимущественно на взрослыхъ; въ особенности же усилившіеся въ это время рекрутскіе наборы.

Сдѣлаемъ приблизительное вычисленіе для указанія вліянія рекрутской повинности на рабочее населеніе Смоленской губерніи, пользуясь статистическими данными г. Соловьева. Число мужескаго пола душъ въ сословіяхъ, несущихъ рекрутскую повинность, было въ 1850 году, или при девятой ревизіи, слѣдующее (1):

(1) Девятая ревизія была въ 1850 году, восьмая—въ 1834, седьмая—въ 1816 г.

Мѣщанъ.	19,644 души.
Государственныхъ крестьянъ	94,233 »
Крестьянъ Московскаго Человѣколюби- ваго общества.	727 »
Крѣпостныхъ крестьянъ	350,495 »
Дворовыхъ людей	27,499 »
Приписанныхъ къ домамъ.	344 »
Итого	492,642 »

Отъ 8-й до 9-й ревизіи Смоленская губернія поставила 29,316 рекрутъ (1). По неизмѣннѣ точныхъ данныхъ, необходимыхъ для на-
шего вычисленія, сдѣлаемъ два предположенія, которыя, однако, бу-
дутъ весьма близки къ истинѣ: 1) что между 7-й и 8-й ревизіей гу-
берніи поставила столько же рекрутъ, какъ между 8-й и 9-й, и 2) что
сословія, несущія рекрутскую повинность, отъ 7-й до 9-й ревизіи,
или въ 34 года, составляли неизмѣнное число 492,642 души, какъ въ
1850 году. Слѣдовательно, въ 34 года Смоленская губернія поставила
58,632 рекрута, или 67,2 человѣка всѣхъ возрастовъ поставили изъ
себя 8 рекрутъ. Эти 67,2 человѣкъ заключаютъ въ себѣ почти всѣ
возможные и чаще случающіеся возрасты, то-есть отъ одного года до
67 лѣтъ, изъ которыхъ въ рекруты поступаютъ отъ 20 до 36 лѣтъ,
а въ тягловыхъ рабочихъ чаще считаются только отъ 18 до 55
лѣтъ. Подраздѣливъ возрасты на доли въ 18 лѣтъ, всѣ возрасты боль-
шею частію будутъ заключаться въ слѣдующихъ четырехъ катего-
ріяхъ: отъ 1 году до 18 лѣтъ, отъ 18 до 36 лѣтъ, отъ 36 до 54 лѣтъ,
отъ 54 до 72 и далѣе. Въ этихъ четырехъ отдѣлахъ возрастовъ чи-
сло душъ распределяется неодинаково. При продолжительномъ мир-
номъ времени, въ здоровомъ и довольномъ сельскомъ населеніи это
распредѣленіе возрастовъ въ 100 душахъ мужскаго населенія круг-
лыми числами почти такое: отъ 1 года до 18 лѣтъ — 40 душъ, отъ 18
до 36 лѣтъ — 30 душъ, отъ 36 до 54 — 20 душъ, отъ 54 и далѣе
лѣтъ — 10 душъ, то-есть число тягловыхъ рабочихъ приходит-
ся на половину противъ всего числа 100 душъ. Это распредѣленіе
возрастовъ должно считать весьма выгоднымъ; дѣйствительно, если
примемъ въ соображеніе распредѣленіе возрастовъ для обоого пола,
выведенное изъ ревизій, произведенныхъ во Франціи 1851 года, въ
Англіи 1841, въ Пруссіи 1849, въ Сардиніи 1848, въ Бельгіи 1849,
въ Штиріи (въ Австріи) 1846, въ Саксоніи 1849, въ Даніи 1850

(1) Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи, Я. А. Соловьева, стр. 88.

года (1), то, на основаніи этихъ выводовъ, въ 100,000 населенія возрасты распредѣлялись такъ: отъ 1 года до 15 лѣтъ — 33,199 душъ, отъ 15 до 20 лѣтъ — 9,264 души, отъ 20 до 25 лѣтъ — 8,911 душъ, отъ 25 до 30 лѣтъ — 8,264 души, отъ 30 до 35 лѣтъ — 7,135 душъ, отъ 35 до 40 лѣтъ — 6,524 души, отъ 40 до 45 лѣтъ — 5,847 душъ, отъ 45 до 50 лѣтъ — 5,296 душъ, отъ 50 до 55 лѣтъ — 4,476 душъ, отъ 55 до 60 лѣтъ — 3,489 душъ, отъ 60 и болѣе лѣтъ — 7,684 души. А слѣдовательно, на 100 душъ и въ предѣлахъ: отъ 1 года до 20 лѣтъ — 42,5 душъ, отъ 25 до 35 лѣтъ — 24,2 души, отъ 35 до 55 лѣтъ — 22,1 души, отъ 55 и далѣе лѣтъ — 11,2 душъ. Слѣдовательно, выводъ весьма близкій къ предыдущему, особенно если примемъ въ соображеніе небольшую разницу въ распредѣленіи возрастовъ, вмѣсто 18 до 20 лѣтъ, въ первой группѣ. Если переложимъ это распредѣленіе вмѣсто 100 на 67,2 душъ, то первое распредѣленіе для 67,2 душъ будетъ: отъ 1 года до 18 лѣтъ — 27 душъ, отъ 18 до 36 лѣтъ — 20,2 души, отъ 36 до 54 лѣтъ — 13,3 душъ, отъ 54 и далѣе лѣтъ — 6,7 душъ. Второе же распредѣленіе для 67,2 душъ будетъ: отъ 1 года до 20 лѣтъ — 28,6 душъ, отъ 20 до 35 лѣтъ — 16,4 души, отъ 35 до 55 лѣтъ — 14,7 душъ, отъ 55 и далѣе лѣтъ — 7,5 душъ. Итакъ, по первому распредѣленію, 33,5 работниковъ сдали изъ себя 8 рекрутъ, а по второму 31,1 сдали 8. Слѣдовательно, вообще рекрутскіе наборы уменьшили рабочую силу имѣній въ 34 года на $\frac{1}{4}$. Многія повѣренныя нами рекрутскія сказки для Смоленской губерніи указываютъ дѣйствительно подобное и даже большее уменьшеніе. Чтобы убѣдиться еще болѣе, что выведенная нами цифра невелика, посмотримъ на слѣдующую таблицу числа рекрутъ, отданныхъ Смоленскою губерніей съ 1827 по 1856 годъ, то-есть въ теченіе только двадцати восьми лѣтъ.

*Число рекрутъ, взятыхъ съ Смоленской губерніи
въ теченіе 28 лѣтъ съ 1000 душъ.*

Означеніе годовъ требованія рекрутъ.	Число рекрутъ требовавшихся съ 1000 душъ.	Означеніе годовъ требованія рекрутъ	Число рекрутъ требовавшихся съ 1000 душъ.
1827	4	1840	5
1828	4	1842	5
1828	8	1833	4
1829	5	1835	5
1830	4	1836	5
1831	6	1837	5
1831	8	1839	5

(1) Dictionnaire de l'économie politique de Coquelin et Guillaumin. Т. II, art. Population par Legoyt, p. 407.

Означеніе годовъ требованія рекрутъ.	Число рекрутъ требовавшихся съ 1000 душъ.	Означеніе годовъ требованія рекрутъ.	Число рекрутъ требовавшихся съ 1000 душъ.
1844	5	1852	7
1846	5	1854	9
1848	7	1854	10
1849	8	1855	10
1850	7	28 лѣтъ.	140.

Изъ этого видно, что съ 1827 по 1856 годъ, не считая ратниковъ, взято по 140 рекрутъ съ 1000 душъ. Слѣдовательно, 492,642 души поставили въ двадцать восемь лѣтъ 68,969 рекрутъ; считая число рабочихъ тяголъ даже на половину, это число уменьшалось въ двадцать восемь лѣтъ на 0,28 или болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$.

Если припомнимъ себѣ еще, что въ каждомъ имѣніи есть всегда люди хворые и увѣчные, которыхъ возрастъ хотя и заключается въ тягловыхъ предѣлахъ, но которые не несутъ тягла, то вообще можно сказать (не считая также скотника, старосту, сотскаго или десятскаго), что для полевыхъ работъ, изъ общаго числа душъ въ имѣніи, въ настоящее время надобно считать только $\frac{1}{2}$ тягловыхъ работниковъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ дѣйствительную рабочую силу имѣнія, рассмотримъ трехпольную систему въ томъ видѣ, какъ она должна быть. Чтобы не дѣйствовать съ слишкомъ-большими цифрами, возьмемъ за единицу сравненія имѣніе въ 100 душъ. Средній надѣлъ на душу землю возьмемъ такой, который оказывается для Смоленской губерніи, а именно: 11 десятинъ на одну душу мужескаго пола; слѣдовательно имѣніе въ 100 душъ будетъ имѣть 1100 десятинъ земли. Допустимъ, что имѣніе будетъ имѣть 35 мужскихъ и 35 женскихъ рабочихъ тяголъ. Опытъ указалъ (по крайней мѣрѣ для Смоленской губерніи), что если хотимъ, чтобы при трехпольномъ хозяйствѣ всѣ работы шли исправно и правильно, безъ отягощенія крестьянъ, то нельзя имѣть въ господскомъ клину болѣе 35 казенныхъ десятинъ запашки или по одной десятинѣ на тягло. Чтобы хозяйство могло идти исправно, должно, по мнѣнію Тэера, въ трехпольномъ хозяйствѣ удабривать отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ пароваго поля. Для этого необходимо имѣть по крайней мѣрѣ по пяти штукъ крупнаго скота мѣстной породы, на каждую десятину, въ паровомъ клину. Для прокормленія этого скота необходимо имѣть 100 десятинъ натуральныхъ луговъ, посредственнаго качества, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ косятъ, а $\frac{1}{2}$ остается въ паровыхъ поляхъ подъ выгономъ. А чтобы крестья-

яское хозяйство шло также исправно, какъ господское, необходимо дать крестьянамъ вдвое болѣе пахотной земли и вдвое болѣе луговъ противъ господскихъ. Подъ усадьбой и огородами надобно считать всей земли 15 десятинъ, изъ которыхъ 3 десятины подъ господской усадьбой и огородами, а 12 десятинъ подъ крестьянскими. На 100 душъ крестьянъ нельзя полагать менѣе 15-ти дворовъ въ деревнѣ. Подъ господскими выгонами и кустарниками надобно допустить 50 десятинъ, подъ крестьянскими—100. Тогда всѣ 1100 десятинъ распределятся слѣдующимъ образомъ:

Подъ господскою запашкой	105	десятинъ,	подъ крестьянской	210.
Господскихъ луговъ	100	— — —	крестьянскихъ	200.
Господскихъ выгоновъ	50	— — —	крестьянскихъ	100.
Подъ господ. усадьбой и огород.	3	— — —	крестьянской	12.
Подъ лѣсомъ строевымъ и дрова-				
нымъ.	320	десятинъ.		

Итого 1100 десятинъ.

Полагая наемную цѣну одной десятины пахотной земли въ 1 р. 50 к. сереб., луговой—въ 4 р., выгонной—въ 2 р., усадебной и огородной—въ 20 р. сер., и 12 р. сер. въ годъ, на каждый дворъ, лѣснаго матеріала на строеніе, топливо и лучину, окажется, что крестьяне, поселенные на помѣщичьей землѣ, пользуются отъ нея каждый годъ на сумму 1735 р. сер. Затѣмъ, полагая мужскихъ рабочихъ дней въ году 260, женскихъ—200 и конныхъ — 120, и полагая подневную работу (зимнюю и лѣтнюю) за круглый (1) годъ—работника въ 15 к. сер., работницы въ 10 к. сер. и лошади (безъ вожатаго) въ 15 к. сер., окажется, что крестьяне возвращаютъ владѣльцу работой сумму въ 1347 р. 50 к. Разность въ пользу крестьянъ 387 р. 50 к. При этомъ замѣтимъ, что за имѣніе съ такими угодьями нельзя заплатить въ Смоленской губерніи менѣе 200 р. сер. за душу; доходу же сможетъ оно давать среднимъ числомъ около 1500 р. сер., слѣдовательно выручать $7\frac{1}{2}\%$ на капиталъ. Должно замѣтить, что, при покупкѣ, половина капитала (при этихъ угодьяхъ) употреблена на приобрѣтеніе земли, а половина на приобрѣтеніе рабочей силы.

Итакъ, въ предположенномъ нами трехпольномъ хозяйствѣ, работа крестьянъ съ излишкомъ покрывается наемною цѣною находящейся

(3) Изъ 35 рабочихъ тяголъ служатъ владѣльцу только половинное число или 17,5 рабочихъ, но не три, а шесть дней въ недѣлю.

въ ихъ пользованіи земли. При исчисленіи пользованія лѣснымъ матеріаломъ, мы принимали въ расчетъ только главныя строенія, дрова и лучину, но не принимали въ расчетъ лѣсъ, идущій на изгороди, заборы, на подыку телегъ, саней, сохъ, боронъ, деревянной посуды, а также лыкъ, которыми крестьяне пользуются изъ лѣсовъ владѣльцевъ, у которыхъ есть лѣсъ (1).

Однако не всѣ имѣнія при трехпольной системѣ находятся въ подобномъ положеніи. Одни богаты натуральными, даже заливными лугами, но иногда не имѣютъ лѣса; другія богаты лѣсомъ, но имѣютъ мало луговъ, не говоря уже о различномъ достоинствѣ почвъ; въ иныхъ имѣніяхъ распределение земли менѣе выгодно для крестьянъ, то-есть, они обрабатываютъ помѣщику болѣе одной десятины на тягло и получаютъ себѣ въ надѣлъ менѣе двойной пропорціи противъ земли, обрабатываемой помѣщику. Всѣ эти обстоятельства много измѣняютъ равновѣсіе между работой крестьянъ и тѣми льготами, которыми они пользуются въ возвратъ за свою работу отъ земли помѣщика. Вотъ почему мы сказали выше, что если въ большей части имѣній работа крестьянъ при трехпольной системѣ, уравнивается съ хозяйственными предпріятіями и тѣми выгодами, которыя крестьяне имѣютъ отъ пользованія землею, то въ другихъ, напротивъ, эта система оказывается уже напряженною и требуетъ, какъ уменьшенія господскихъ запасекъ до одной десятины на тягло въ клину, такъ и лучшаго надѣла крестьянъ землею, гдѣ это возможно. Въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ имѣетъ мало земли, мало луговъ и вовсе не имѣетъ лѣсу, гдѣ крестьянамъ приходится принимать себѣ часть покосовъ и постоянно покупать лѣсъ строевой и дровяной,—владѣльцы принуждены отдавать всю землю въ пользованіе крестьянъ, закрывать свои собственныя запашки и дѣлать имѣнія оброчными. Такимъ образомъ, допустивъ самый меньшій надѣлъ, то-есть 4 десятины на душу, и предполагая, что господской запашки нѣтъ, а крестьяне на 100 душъ изъ 400 десятинъ земли имѣютъ 150 десятинъ пахотной земли, 100 десятинъ лугу, 12 десятинъ усадьбы и огородной и 138 десят. выгоновъ съ частию кустарника или мелкаго лѣса, найдемъ что они пользуются землею, по приведеннымъ выше наемнымъ цѣнамъ, на сумму 1141 р. сер. Затѣмъ полагая оброкъ въ 20 р. сер. съ тягла, 35 тяголъ дадутъ владѣльцу, въ возвратъ за землю, 700 р. сер. Опять перевѣсъ въ пользу крестьянъ на 441 р. сер. Но если, какъ иногда дѣлается, при маломъ количествѣ земли

(1) При опредѣленіи наемной цѣны земли и поденной платы мы близко держались выводовъ г. Соловьева.

владѣлецъ имѣетъ хотя малую свою запашку, для неисправныхъ въ платежѣ оброка тяголъ, то и при оброчномъ положеніи, работа крестьянъ и оброкъ быстро уравниваются или даже и превосходятъ льготы отъ пользованія землею.

Если мы возьмемъ среднее хозяйственное распределение земель для Смоленской губерніи, по выводу г. Соловьева, и замѣтивъ, что кустарники чаще представляютъ условія выгоновъ, соединимъ ихъ съ выгонами, найдемъ (1):

Средній надѣлъ для Смоленской губерніи на 1000 десятинъ:		Принятый нами надѣлъ для хорошаго трехпольнаго хозяйства на 1000 дес.	
Усадѣбн. и огородн.	15 десятинъ.		15 десят.
Пахотной.	330 —		115 —
Сѣнокосной	490 —		300 —
Выгоновъ и кустарн.	148 —		150 —
Лѣсовъ.	317 —		320 —
<hr/>		<hr/>	
1000.		1100.	

Изъ этого сравненія мы видимъ, что нашъ надѣлъ весьма близокъ къ дѣйствительно-существующему среднему надѣлу земель для Смоленской губерніи, кромѣ луговъ. Но за то съ каждымъ годомъ количество лѣсовъ уменьшается, и земли, бывшія подъ лѣсами (преимущественно на низкихъ мѣстахъ), обращаются въ натуральные луга. Это легко замѣтить изъ хозяйственнаго распределения земель для Смоленской губерніи при генеральномъ размежеваніи (отъ 1776 по 1778 годъ, Хозяйств. Стат. Смол. губерніи, стр. 154), сравнительно съ настоящимъ; тогда это распределение было:

Усадѣбной и огородной земли	18 десятинъ.
Пахотной.	377 —
Сѣнокосной	46 —
Лѣсовъ.	514 —
Неудобной	45 —

1000 десятинъ.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей о надѣлѣ земли и распределеніи хозяйственныхъ земель, мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

1) Конечно, было время для всѣхъ мѣстностей средней Россіи, когда трудъ крестьянина, поселеннаго на земляхъ владѣльца, вполнѣ покрывался льготами отъ поземельной собственности владѣльца, когда новая земля, изъ-подъ лѣсовъ раздѣлываемая въ пахоту, давала хо-

(1) Сельско-хозяйств. Статистика Смоленск. губ. Я. А. Соловьева стр. 150.

рошіе урожан, когда, при обиліи лѣсовъ, крестьяне свободно занимались лѣсными издѣліями и могли удобно водить много пчелъ, отъ которыхъ сбытъ меду и воску въ прежнее время былъ весьма хорошій. 2) Въ Смоленской губерніи, напримѣръ, еще и теперь, для большинства имѣній, трудъ крестьянина покрывается льготами отъ владѣнія ими землями владѣльца. 3) При существующемъ надѣлѣ земли и слѣдовательно рѣдкости населенія, при недостаткѣ наемныхъ рабочихъ, а равно и капиталовъ для ихъ найма и накопѣ при существующемъ спросѣ преимущественно зернового хлѣба, для большей части среднихъ губерній Россіи, трехпольная система съ чистымъ паромъ есть еще самая раціональная.

Говоря вообще о сельскихъ рабочихъ и вспоминая тѣ порочныя стороны, которыя приписываетъ имъ г. Арсеньевъ, мы уже сдѣлали замѣчаніе, что всѣ указанные имъ пороки происходятъ главнымъ образомъ изъ одного общаго источника, а именно отъ недостатка главныхъ условій образованія. Обратимъ здѣсь вниманіе только на одинъ порокъ, который г. Арсеньевъ называетъ лѣнностью. Если мы будемъ смотрѣть на этотъ порокъ со стороны производительности труда и напряженности работы, то этотъ порокъ въ русскомъ работникѣ представится намъ нѣсколько съ другой стороны. Французскій работникъ, напримѣръ, найдетъ, что русскій работаетъ мало и производитъ не много; но англійскій и бельгійскій работники найдутъ, что французскій работникъ работаетъ и производитъ вообще меньше ихъ. Мы уже видѣли, что если 30 англійскихъ работниковъ производятъ 50 р. сер., то 40 французскихъ—только 25 р., а 60 прландскихъ—15 р. сер., и русскій работникъ около Петербурга и Москвы и больше работаетъ и больше производитъ сравнительно съ русскимъ же работникомъ, удаленнымъ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Итакъ самый трудъ и результатъ труда чрезвычайно различны въ разныхъ мѣстахъ и при различныхъ условіяхъ. Для полнаго успѣха нужно, чтобы свободный трудъ встрѣчался въ странѣ съ обильными капиталами и съ просвѣщенной и дѣятельною предпримчивостію; надобно, чтобы самый работникъ имѣлъ извѣстную степень развитія и образованія. Во Франціи трудъ свободенъ, но онъ менѣе производителенъ и напряженъ, чѣмъ въ Англии и Бельгии, потому что онъ не встрѣчаетъ въ такой же степени обильныхъ капиталовъ и предпримчивости; потому что сравнительное обиліе земли больше еще обезпечиваетъ жизнь французскаго работника, чѣмъ англійскаго и бельгійскаго. Русскій работникъ, и особенно помѣщичій крестьянинъ, трудится менѣе и производитъ менѣе, чѣмъ французскій работникъ, во первыхъ потому, что трудъ его не свободенъ,

а восторжхъ потому, что въ странѣ мало капиталовъ и общаго развитія промышленной дѣятельности; далѣе, потому что онъ еще болѣе обезпеченъ землею, и наконецъ потому, что его кормить помѣщикъ въ неурожайный годъ.

Но ставя такимъ образомъ нашего сельскаго работника въ его дѣйствительное экономическое положеніе и объясняя трудъ его этимъ самымъ положеніемъ, мы далеки оттого, чтобы вмѣстѣ съ г. Арсеньевымъ нападать на русскаго крестьянина и осуждать его за нѣкоторые безнравственные поступки. Если мы, въ свою очередь, замѣтимъ, что въ большей части имѣній крестьянинъ лишенъ всѣхъ условій нравственнаго и умственнаго развитія и даже самыхъ необходимыхъ медицинскихъ пособій, то намъ кажется, что онъ скорѣе заслуживаетъ участіе и сожалѣніе, нежели порицанія за безнравственные поступки, которые онъ совершаетъ чаще безсознательно. Въ этомъ отношеніи примѣръ владѣльца дѣйствуетъ на него гораздо болѣе, нежели какъ вообще думаютъ. Еслибы всѣ владѣльцы имѣли большее уваженіе къ собственности и личности крестьянина, то уже эти два условія много улучшили бы положеніе крестьянина, поселеннаго на владѣльской землѣ, и значительно возвысили бы его нравственные понятія.

Если г. Арсеньевъ обвиняетъ нашего сельскаго работника въ воровствѣ, то намъ кажется, что и эту черту надобно разсмотрѣть поближе, чтобы увидѣть ея источникъ. Живши въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, вѣроятно г. Арсеньевъ не разъ слышалъ любимое изреченіе помѣщичьихъ крестьянъ, когда они разговариваютъ съ своимъ господиномъ: «Эхъ! батюшка! и вы наши, и мы ваши!» Эта фраза слышится часто; крестьянинъ охотно повторяетъ ее въ минуты хорошаго расположенія духа. Разберите сущность этой фразы, и особенно въ смыслѣ крестьянина; это все равно, какъ еслибы онъ вамъ сказалъ: «и ваше наше, и наше ваше». Слѣдовательно, если онъ идетъ къ вамъ въ лѣсъ и дѣлаетъ порубки, то едва ли бываетъ внутренне убѣжденъ, что совершаетъ воровство. Такъ какъ, по его убѣжденію, въ которомъ къ несчастію часто бываетъ причиною самъ помѣщикъ, и ваше наше и наше ваше, то, думаетъ онъ, я беру то, что принадлежитъ и вамъ и мнѣ. Къ несчастію, смѣшанность понятій о собственности помѣщика и крестьянина, или, если можно такъ выразиться, коммунизмъ крестьянина съ помѣщикомъ, часто заставляетъ называть воровствомъ то, что въ крестьянскомъ понятіи не составляетъ воровства. Притомъ, всѣ пороки внѣшней жизни замѣтны въ 96% населенія, чѣмъ въ 4%, и еслибы г. Арсеньевъ сказалъ, что вообще въ Россіи населеніе еще не развито, грубо и исполнено

предразсудковъ, то это было бы совершенно справедливо, а сказать, что эти недостатки относятся только къ нашему крестьянину или сельскому работнику, намъ кажется неточнымъ и несправедливымъ. Однако мы не можемъ согласиться и съ замѣчаніемъ г. редактора «Записокъ»; на приводимые г. Арсеньевымъ случаи воровства: «Смѣемъ замѣтить почтенному автору, говоритъ г. редакторъ, что онъ слишкомъ обобщаетъ частные случаи, какъ намъ кажется. Да и къ тому же едва ли не вездѣ, гдѣ есть только люди, въ Англіи, Франціи, Германіи, Бельгій, Голландіи, Италіи и проч., прохожіе охотно вырываютъ картофель и рѣпу, оборвутъ горохъ и бобы, ежели овощи эти будутъ расти у окраины дороги, не отдѣленной отъ полей рвами, и ежели поля, какъ у насъ *водятся*, будутъ въ слишкомъ-далекомъ разстояніи отъ усадьбы, то—есть жилья.»

Вопервыхъ г. редакторъ, говоря это, видимо полагаетъ, что народная мораль и уваженіе къ чужой собственности одинаковы во всѣхъ государствахъ, и слѣдовательно, по его понятію, честный Германецъ и баши-бузукъ дѣйствуютъ одинаково. Скажемъ г. редактору «Записокъ», что во многихъ мѣстахъ средней Германіи по большимъ дорогамъ посажены фруктовыя деревья, вишни, яблоки, сливы, груши, точно въ такомъ же положеніи, какъ наши, иногда тошія, иногда величавыя березы,—не отдѣленные отъ дороги рвами, а между тѣмъ намъ не случилось видѣть, чтобы кто-нибудь изъ прохожихъ или проезжихъ рвалъ фрукты, которыми бывали обсыпаны эти деревья: и прохожіе и проезжіе знаютъ, что это *чужая собственность*. Обширные виноградники Франціи и Германіи не окопаны рвами, а между тѣмъ намъ не разъ случилось видѣть, какъ городскіе жители гуляли между ближайшими виноградниками, и никто не срывалъ спѣлаго и вкуснаго винограда, потому только, что это была *чужая собственность*. Эти явленія, намъ кажется, много зависятъ отъ различія въ понятіяхъ о чужой собственности, которыя не во всѣхъ странахъ укоренились и дѣйствуютъ одинаково. При этомъ замѣтимъ также, что г. редакторъ не отдѣляетъ понятія о томъ, что происходитъ изъ мѣстныхъ условій страны, и понятія о томъ, что водится произвольнымъ обычаемъ, ни на чемъ не основаннымъ, когда онъ говоритъ: «ежели поля, какъ у насъ *водятся*, будутъ въ слишкомъ далекомъ разстояніи отъ усадьбы, то—есть жилья».

Нельзя также разсматривать бытъ сельскаго работника, напряженность и производительность его труда, независимо отъ народного характера, народныхъ особенностей, природныхъ, или обычаемъ укоренившихся качествъ. Такъ, говоря о колонистахъ Сѣверной Америки, графъ Гаспаренъ замѣчаетъ: «Каждый народъ имѣетъ свой

по превосходству и притомъ любящій возлагать на правительство отвѣтственность за свои частныя дѣйствія; заводили свои колоніи подъ распоряженіемъ и съ помощію правительства, съ условіемъ, чтобы колоніи располагались большими группами, городами, селеніями, которые представляли бы колонистамъ возможность жить въ обществѣ. Англо-Саксонцы, любящіе независимость въ дѣйствіяхъ и желающіе дѣлать свои дѣла сами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства, разсыпаются, напротивъ, на большія разстоянія одинъ отъ другаго, тщательно скрывая свою домашнюю жизнь и свои хозяйственныя дѣйствія на столько, на сколько Французы любятъ ихъ обнаруживать (1)». Вольней (Volney) дѣлаетъ слѣдующее сравненіе между американскимъ и французскимъ колонистомъ: «Американскій колонистъ, медленный и серьезный, не встаетъ утромъ рано, но разъ вставши, проводитъ цѣлый день въ непрерывной, полезной работѣ. Съ завтрака, онъ холодно передаетъ свои распоряженія женѣ, которая выслушиваетъ ихъ скромно и также холодно, но исполняетъ ихъ уже безъ всякаго контроля со стороны мужа. Если время хорошо, онъ выходитъ изъ дому, пашетъ, рубить лѣсъ, дѣлаетъ расчистки; если время не хорошо, онъ оправляетъ свой домъ, сарай, конюшни, починиваетъ двери, окна, замки, вбиваетъ, гдѣ нужно, гвозди, дѣлаетъ столы, стулья, и занимается съ цѣлю придать своей фермѣ прочность, удобство, чистоту. Во всемъ полагаясь только на самого себя; онъ, если находитъ случай, продаетъ свою ферму и идетъ въ лѣса на 10 и 12 миль, чтобы устраивать новое заведеніе. Онъ проведетъ тамъ цѣлыя годы, будетъ рубить лѣсъ и расчищать поля, построятъ сначала хижину для себя, потомъ помѣщеніе для скота, потомъ сарай, станетъ распахивать и засѣвать землю. Его жена, терпѣливая и серьезная, какъ онъ самъ, помогаетъ ему во всемъ, и они такимъ образомъ остаются иногда полгода вдвоемъ, не видя другаго человѣческаго лица. Но послѣ четырехъ или пяти лѣтъ они завели новую ферму и обработали землю, которая обезпечитъ существованіе ихъ семейства. Французскій колонистъ, напротивъ, встаетъ рано утромъ, хотя бы только для того, чтобы похвастать, что всталъ рано. Онъ будетъ долго разсуждать съ своею женой о томъ, что ему сегодня дѣлать; онъ спрашиваетъ ея мнѣнія, и, разумѣется, мнѣнія ихъ оказываются несходны, жена разбираетъ, осуждаетъ, противорѣчить; мужъ настаиваетъ или уступаетъ, сердится, или теряетъ надежду и увѣренность въ своемъ предпріятіи. Иногда домъ дѣлается ему невыносимъ, онъ беретъ ружье и идетъ на охоту или въ гости

(1) Tableau des Etats-Unis. Т. II. p. 413.

поболтать съ сосѣдами; иногда остается дома и проводить время въ бесѣдѣ, если въ хорошемъ расположеніи духа, или ссорится и ворчитъ. Сосѣди дѣлаютъ непрерывно визиты одинъ другому. Ходить въ гости и бесѣдовать (causer) составляетъ для Француза такую необходимую привычку, что, на всей границѣ Луизіаны и Канады, невозможно указать на французскаго колониста, который жилъ бы отъ сосѣда такъ далеко, что не могъ бы съ нимъ побесѣдовать. Во многихъ мѣстахъ, когда случалось спрашивать, какъ далеко живетъ самый отдаленный колонистъ,—онъ въ лѣсу съ медвѣдями, отвѣчали мнѣ, на милое отъ всякаго жилища и не имѣетъ сосѣда, съ кѣмъ могъ бы перемолвиться словомъ.»

Если нашъ сельскій работникъ не имѣетъ настойчивости и упорства характера англо-саксонской расы, и если по своей общительности болѣе приближается къ французскому характеру, то онъ надѣленъ за то большимъ терпѣніемъ, а когда нужно, то проявляетъ и значительную энергію; по крайней мѣрѣ способность, смѣлливость, умѣнье приложить къ дѣлу всякое полезное изобрѣтеніе,—не чужды нашему народному характеру, а любовь къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, кажется, составляетъ отличительную его черту. Для торговаго предпріятія, нашъ сельскій работникъ сейчасъ готовъ покинуть землю,—особенно, Великорусъ.

IV.

Ни одно промышленное предпріятіе не представляетъ въ научномъ отношеніи столько неопредѣленности въ данныхъ, какъ сельское хозяйство; ни одно не требуетъ столько личнаго призванія и врожденныхъ способностей; ни одно не представляетъ такой сложности соображеній, если разсматривать его отъ начальнаго заведенія до окончательнаго сбыта сельскихъ произведеній; ни одно, наконецъ, не требуетъ такого разнообразія познаній въ естественныхъ наукахъ, какъ научно-раціональное сельское хозяйство. А между тѣмъ можетъ-быть ни одна отрасль промышленности не занимаетъ столько рукъ (въ общей сложности), какъ земледѣліе; ни одна промышленность не можетъ насчитать столько дѣятелей на своемъ поприщѣ, сколько сельское хозяйство можетъ насчитывать хозяевъ, дѣйствующихъ независимо по силѣ своихъ способностей, призванія и познаній. И вся эта масса сельскихъ хозяевъ распределяется, относительно знанія дѣла и умѣнья направить трудъ, на всемъ раз-

стоянія , которое отдѣляетъ самую грубую рутину отъ послѣдняго слова науки.

Дѣйствительно , всякое фабричное или заводское предпріятіе имѣетъ свой техническій кругъ, свои части наукъ. Нѣтъ сомнѣнія , что каждое предпріятіе много выигрываетъ отъ разнообразія и полноты знаній ; но это разнообразіе и полнота знаній не такъ необходимы заводчику , фабриканту , инженеру , технологу , архитектору , какъ сельскому хозяину , который часто обязанъ совокуплять въ себѣ всѣ эти роли , особенно въ странахъ , гдѣ раздѣленіе умственного труда , и спеціальныя знанія не слишкомъ распространены , и гдѣ не всегда можно добыть спеціалистовъ , при первой на нихъ потребности. Чтобы быть рациональнымъ сельскимъ хозяиномъ , въ строгомъ смыслѣ науки , нужно быть физиологомъ , химикомъ , механикомъ , а еще болѣе , хорошимъ администраторомъ или распорядителемъ. Нѣтъ шагу въ дѣйствительно-раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ , гдѣ хозяинъ не встрѣчался бы съ физиологическими условіями жизни растеній и животныхъ , гдѣ помощію вѣсовъ и реагентовъ не долженъ бы былъ , время отъ времени , свѣрять равновѣсіе элементовъ растительной жизни на своихъ поляхъ съ тою пищею , которую онъ приготовляетъ для своихъ растеній , въ видѣ различныхъ удобреній , и съ тою , которую даетъ имъ воздухъ , вода и вѣчно измѣняющаяся почва. Нѣтъ агрономическаго дѣйствія , которое не совершалось бы постоянно въ зависимости отъ среднихъ метеорологическихъ и климатическихъ условій или внѣ законовъ физическихъ , непрерывно дѣйствующихъ въ природѣ , нѣтъ движенія , нѣтъ работы , которыя совершились бы внѣ механическихъ данныхъ. Наконецъ , каждое время года , каждая работа , быть , жизнь сельскаго населенія , его обязанности , его благоденствіе , представляютъ самые разнообразныя случаи для дѣятельности , соображенія , рѣшенія и поступковъ сельскаго хозяина.

Если мы обратимъ вниманіе на то , что слѣзали до настоящаго времени естественныя науки для пользы сельскаго хозяйства , и въ какой степени сельское хозяйство воспользовалось и пользуется научными данными , то въ этомъ отношеніи , несмотря на всѣ успѣхи земледѣлія (которое по самому свойству своему двигается чрезвычайно медленно) , мы найдемъ еще огромное противорѣчіе: науки дали много , земледѣліе воспользовалось ими очень мало. Однако и при всемъ богатствѣ знаній , которое науки принесли на пользу сельскаго хозяйства , оно все еще заключаетъ въ себѣ столько неопредѣленныхъ условій , что въ строгомъ смыслѣ еще и самая наука сельскаго хозяйства далека отъ раціональности. Многіе вопросы сельскаго хозяй-

ства заключаютъ въ себѣ еще безчисленное множество неизвѣстныхъ истинъ, сравнительно съ малымъ числомъ найденныхъ. Рутинна и рецепты сѣвооборотовъ, болѣе или менѣе удачныя въ отношеніи къ мѣстнымъ условіямъ, все еще играютъ самую важную роль во всѣхъ странахъ, гдѣ даже сельское хозяйство стоитъ на самой высокой степени развитія. Хозяйственные опыты Тэра въ Мегелинѣ, Вогта (Woght) около Гамбурга, хозяйство Гогенгеймской школы, опыты и хозяйство Буссенго въ Бехельбронѣ, опыты и хозяйство графа Гаспарена, въ Оранжѣ, земледѣльческіе опыты французскихъ школъ: Гриньонской, Ровильской и Гранъ-Жуанской, бывшаго Версальскаго агрономическаго института и наконецъ нашего Горыгорѣцкаго, — составляютъ еще весьма рѣдкія точки, въ которыхъ только дѣлаются попытки научно-раціональнаго сельскаго хозяйства. Дѣйствительное же хозяйство этихъ странъ все еще слѣдуетъ установившейся рутинѣ.

Мы не имѣемъ претензіи излагать здѣсь всю теорію сельскаго хозяйства и тѣ открытія и ученые изслѣдованія химиковъ и физиологовъ, которыя сдѣланы въ новѣйшее время. Для этого совѣтуемъ обратиться къ трудамъ Либиха, Пайена, Буссенго, графа Гаспарена, въ которыхъ можно найти подтвержденіе и приведенныхъ нами заключеній. Мы здѣсь сдѣлаемъ только слѣдующее заключеніе: хотя труды и заслуги Тэра въ сельскомъ хозяйствѣ были огромны, но его теорія питанія растений и расчеты истощенія почвъ для разныхъ сѣвооборотовъ (за неимѣніемъ въ его время точныхъ химическихъ анализовъ почвъ и растений) были сдѣланы имъ произвольно и, повѣренныя наукой въ настоящемъ ея развитіи, оказались весьма далекими отъ истинныхъ (1). По этому хозяйство, вѣдѣнное Вогтомъ на основаніи данныхъ, сообщенныхъ Тэромъ, на практикѣ далеко не удовлетворило ожидаемымъ результатамъ. Вогтъ началъ собственными опытами донскиваться болѣе точныхъ условій и расчетовъ для научно-раціональнаго сельскаго хозяйства. Но когда онъ обнародовалъ свои выводы, извлеченные изъ многихъ опытовъ, то наука опять отвергла эти выводы (2). Только послѣ трудовъ и изысканій Соссюра, Деви, Либиха, Пайена, Буссенго и многихъ другихъ ученыхъ, были ближе опредѣлены физиологическія условія жизни растений. Тогда закономъ раціональнаго хозяйства Буссенго положилъ (3) количество азота,

(1) Cours d'Agriculture par le C-te de Gasparin, T. V. p. 14 et 15.

(2) Idem. p. 17 et 18.

(3) Economie rurale, par J. B. Boussingault. Paris, 1843.

необходимое для питания растений, и на этомъ законѣ основать хозяйственные расчеты для количества удобреній, предохраняющихъ почвы отъ истощенія. Однако и эти расчеты нельзя принимать за окончательную и рациональную научную форму сельского хозяйства, потому что растения поглощаютъ многія вещества, кромѣ газообразныхъ составныхъ частей воздуха и воды, — вещества, входящія какъ необходимые элементы въ составъ растений (1). И если, по расчетамъ Буссенго, мы поддержимъ въ нашей почвѣ необходимое количество азота, то еще не будемъ увѣрены, что наша почва не ослабѣваетъ въ содержаніи фосфорной кислоты, сѣры, поташа и другихъ веществъ, которыя также необходимы для жизни растений. Если замѣтимъ притомъ, что самая необходимость плодосмѣнности еще недостаточно изслѣдована научнымъ образомъ, что одни хотѣли объяснить ее антипатіей растений къ тому мѣсту, на которомъ они уже произрастали, вслѣдствіе отбросовъ нѣкоторыхъ веществъ корнями растений; другіе объясняли необходимость плодосмѣнности антипатіей различныхъ растений между собою, которая дѣйствительно замѣчена уже во многихъ растеніяхъ; нѣкоторые рѣшали этотъ вопросъ на различіи элементовъ, входящихъ въ составъ различныхъ растений, наконецъ на основаніи различія формы корней разныхъ растений, — то смѣло можемъ сказать, что вопросъ плодосмѣнности и вообще сѣвооборотовъ есть еще вопросъ не вполне рѣшенный.

«Необходимость плодосмѣнности, говоритъ Буссенго, не можетъ быть дѣломъ безусловнымъ, какъ полагаютъ многіе хозяева, особенно если мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи достаточное количество удобренія. Однако нѣтъ сомнѣнія, что есть нѣкоторыя растенія, могущія прозябать съ выгодой на томъ же мѣстѣ, только черезъ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени. По теоріи, самый выгодный сѣвооборотъ есть такой, при которомъ количество органическихъ веществъ, произведенныхъ въ теченіе сѣвооборота, много превышаетъ количество органическихъ веществъ, отданныхъ почвѣ въ видѣ удобренія, слѣдовательно, сѣвооборотъ, въ которомъ наши растенія питаются преимущественно на счетъ воздуха. Это подтверждается анализомъ, но на практикѣ условіе это не всегда можетъ быть принято за основаніе, потому что интересъ земледѣльца заключается не столько въ томъ количествѣ органическаго вещества, которое сѣвооборотъ даетъ сверхъ употребленнаго удобренія, сколько въ цѣнности этого вещества. Избытокъ органическаго вещества, который

(1) *Chimie appliquée à la physiologie végétale et à l'agriculture* par M. Justus Liebig, tr. par Charles Gerhardt. Paris, 1844.

должно стараться произвести, и форма, въ которой его слѣдуетъ произвести (въ видѣ ли сѣна, зерна, мяса или молока), должны необходимо измѣняться до безконечности, смотря по мѣстности, спросу и привычкамъ населенія: все это обстоятельства, находящіяся внѣ круга науки и теоріи. Есть только одно условіе, въ которомъ практика не должна расходиться съ теоріей, и которое заключается въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ хозяйство не вывозило въ продажу большаго количества органическаго вещества и преимущественно азотистаго, противъ того, сколько оно можетъ дать того же вещества полямъ въ теченіе всего сѣвооборота въ видѣ различныхъ удобреній. Дѣйствуя иначе, мы необходимо уменьшимъ плодородіе нашей почвы.» (1).

Итакъ всѣ научныя данныя указываютъ намъ, что въ зависимости отъ климата, или вообще метеорологическихъ условій, состоянія и качества почвы, а главное отъ экономическихъ условій страны, сѣвообороты и плодоперемѣнныя хозяйства должны быть чрезвычайно различны для разныхъ мѣстностей. Безъ пособія «физиологіи растений и химіи, приложенныхъ непосредственно къ дѣлу сельскаго хозяйства и съ точнымъ знаніемъ дѣла, нельзя ступить правильнаго шага въ научно-раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ. Безъ этихъ условій, хозяйство остается по-прежнему на пути эмпиризма и произвола.

Спросимъ теперь г. редактора «Экономическихъ Записокъ», какой сѣвооборотъ онъ посоветуетъ принять г. Арсеньеву, въ его калужскомъ имѣніи, или какой пропишетъ рецептъ плодоперемѣнности для большаго хозяйства, съ увѣренностію, что этотъ рецептъ будетъ раціоналенъ и научно и практически? Послѣ всего вышесказаннаго, мы сомнѣваемся, чтобы рецептъ сѣвооборота въ селѣ Александровскомъ могъ счесть онъ приличнымъ для болѣзней, которыми страдаютъ калужскія имѣнія.

Научное знаніе дѣла составляетъ, по нашему мнѣнію, то важное преимущество, что позволяетъ лучше оцѣнить всѣ трудности, сопряженныя съ переходомъ изъ одной системы хозяйства въ другую, и можетъ указать дѣйствительный расчетъ хозяйственнаго предпріятія. Зная научнымъ образомъ всю сложность сельско-хозяйственныхъ условій, благоразумный хозяинъ не вдругъ приметъ первый, рекомендуемый ему, сѣвооборотъ и, основываясь только на этой реко-

(1) *Economie rurale*, par Boussingault. Т. II, p. 271—273.

рекомендаций, не изменить легко прежней системы, зная, къ какому разстройству хозяйства можетъ иногда привести этотъ переходъ, если будетъ принятъ безъ знанія условій своего климата и почвы, и экономическихъ условій своего хозяйства. Но эти рекомендаціи легко увлекаютъ неопытныхъ хозяевъ; безъ научныхъ данныхъ, они принимаются за все скоро и легко, пока, обманутые результатами, не замѣтятъ своей ошибки, которая въ сельскомъ хозяйствѣ исправляется только многими годами и усиліями. Истинная наука скромна въ своихъ заключеніяхъ, потому что она, глубоко вникая въ предметъ, яснѣе видитъ его, и чѣмъ глубже вникаетъ, тѣмъ сложнѣе и многостороннѣе представляется предметъ, а хозяинъ, безъ опытности и науки, дѣйствуетъ гораздо смѣлѣе въ своихъ предпріятіяхъ и рѣшеніяхъ; но за то эти предпріятія и рѣшительность часто обходятся очень дорого.

Всякій согласится съ нами, что далеко еще то время, не только для насъ, но и для многихъ государствъ, которыя ушли гораздо дальше насъ въ общественномъ развитіи и научномъ образованіи, когда большинство сельскихъ хозяевъ будетъ въ состояніи вести свое хозяйство рационально-научнымъ образомъ, повѣряя свои дѣйствія и результаты хозяйства химическими вѣсами и манипулируя реагентами въ своихъ деревенскихъ химическихъ лабораторіяхъ. Конечно, опыты, данныя и таблицы, предлагаемыя учеными агрономами, могутъ служить для насъ важнымъ и драгоценнымъ указаніемъ, но знаніе своей почвы, своихъ мѣстныхъ потребностей и своихъ метеорологическихъ условій, все-таки необходимо, чтобы хозяйство было рационально въ научномъ и въ практическомъ отношеніи.

Трудно сказать, что-нибудь послѣ Тэра о томъ призваніи и тѣхъ способностяхъ, которыя долженъ имѣть хорошій сельскій хозяинъ. Но умѣнье распорядиться сельскими работами и рабочими, составляетъ едва ли не одно изъ самыхъ важныхъ условій для хорошихъ результатовъ всякаго хозяйства. Этого умѣнья нельзя почерпнуть ни въ какомъ курсѣ сельскаго хозяйства; даже долговременная хозяйственная опытность не всегда дѣлаетъ хорошимъ распорядителемъ. Мы замѣтимъ только, что распоряджаться работами фермы съ наемными рабочими или вести хозяйство въ имѣніи населенномъ крѣпостными—двѣ вещи совершенно различныя. Въ первомъ случаѣ можно сравнить распоряженіе хозяйствомъ съ управленіемъ фабрикой или заводомъ, хотя и здѣсь для сельскаго хозяина требуется больше находчивости, соображенія, распорядительности, по разнообразію работъ и климатической зависимости. Управление же населеннымъ имѣніемъ, если вести дѣло добросовѣстно, съ истиннымъ пониманіемъ долга и всей тяжести лежащей отвѣтственности, составляетъ

крайне трудную и сложную администрацію, особенно въ большихъ имѣніяхъ. Въ этомъ отношеніи, мы приведемъ нѣкоторыя замѣчанія нашего опытнаго сельскаго хозяина, Ф. Х. Майера. Намъ тѣмъ пріятнѣе сослаться на г. Майера, что мы уважаемъ и цѣнимъ этого опытнаго у насъ писателя по сельскому хозяйству, въ такой же степени, въ какой мы замѣтили это уваженіе къ его трудамъ и въ г. редакторѣ «Экономическихъ Записокъ». «Трехпольная система, говоритъ г. Майеръ, до сихъ поръ въ нашихъ хозяйствахъ общая. Исключенія такъ рѣдки, что въ общемъ счетѣ ихъ не видно. Я не буду наскучать читателю насчитываніемъ всѣхъ препятствій, затрудняющихъ и воспрепятствующихъ введеніе другой системы, а упомяну только объ одной изъ главныхъ.

«Посѣвъ клевера, служащій основаніемъ почти всѣхъ улучшенныхъ системъ у насъ въ черноземѣ (1), такъ неудаченъ, что я со всѣмъ стараніемъ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, не могъ произвести ни одного удовлетворительнаго урожая. Однолѣтнія кормовыя растенія, какъ-то: вика (*Vicia sativa*) и чечевица (*Lens ervum*), — лучше обѣ въ смѣси, — даютъ хорошій укосъ, но посѣвы ихъ въ большомъ видѣ ограничиваются недосугами во время яровыхъ посѣвовъ и дороговизной; ибо, для посѣва на пару восьми десятинъ на сѣно, нужно пожертвовать въ яровомъ полѣ по крайней мѣрѣ одною десятиною. Трудность добывать кормъ, сѣно, и безпрестанный страхъ лишиться рогатаго скота отъ чумы, подавляютъ большую часть нашихъ хозяйствъ. Конечно, и у насъ въ мочливые годы покосы бываютъ прибыльны, но много ли у насъ мочливыхъ годовъ? Обѣ орошенія у насъ и подумать нельзя (2).»

Г. Майеръ говоритъ о хозяйствѣ Тульской губерніи; мы просимъ редактора «Записокъ» сравнить количество падающаго дождя (въ лѣтнее время), и слѣдовательно степень сырости климата, для среднихъ губерній Россіи вообще и для Великобританіи (особенно Ирландіи, гдѣ луговое хозяйство и пастбища особенно процвѣтали и процвѣтаютъ), Нормандіи и Голландіи съ Бельгіей, гдѣ особенно процвѣтаютъ клеверныя хозяйства, и онъ увидитъ, на сколько климатъ нашихъ среднихъ губерній суше. Для этого достаточно только взглянуть въ атласъ Александра Гумбольдта на карту распределенія дождя въ Европѣ. Далѣе, г. Майеръ говоритъ (стр. 60): «Многіе изъ помѣщиковъ нашихъ, при разстройствѣ хозяйства, по большей части усиливаются

(1) А въ Смоленской губерніи — на легкихъ супесковатыхъ почвахъ.

(2) Полное собраніе сочиненій Франца Майера. Томъ II, стр. 26.

оправдать оное ненавистною для нихъ трехпольною системою. Надобно, при разсмотрѣніи каждой неудачи, войти въ подробности, чтобы убѣдиться, что на 10 случаевъ 9 суть слѣдствія нашей оплошности въ несообразныхъ распоряженіяхъ работъ, не имѣющихъ съ системою полеводства никакой связи. Введеніе плодоперемѣннаго сѣвооборота заставитъ ли прикащиковъ, старостъ, пастуховъ и самыхъ крестьянъ исполнять ихъ обязанности, которыхъ до сихъ поръ не исполняли? Замѣнитъ ли новая система недостатки хозяйственныхъ строеній, затрудняющій ходъ хозяйства вообще и губящій скотоводство? или думаютъ, что легко бороться съ зкоренными злоупотребленіями и безпорядками и въ то же время вводить въ хозяйство новизны, потрясающія весь составъ его? Казалось бы, лучше и удобнѣе то и другое дѣлать порознь.

«И можно ли въ то время, когда почти всѣ неудачи и неисправности, встрѣчаемыя въ хозяйствахъ, видимо происходятъ отъ слабаго и беззаботнаго управленія, выбирать, для избѣжанія этихъ неудачъ, такую систему, которая требуетъ несравненно болѣе дѣятельнаго и расчетливаго управленія?»

Вообще, относительно распоряженія работами, сельскіе хозяева найдутъ въ сочиненіяхъ г. Майера опыты и прекрасныя указанія, напримѣръ въ статьѣ: «Простое и ученое хозяйство» (1).

Соображая научныя и практическія свѣдѣнія, необходимыя для сельскаго хозяина, съ тѣми способами, которые представляютъ наши учебныя заведенія для приобрѣтенія этихъ свѣдѣній, мы найдемъ, что учебныя средства далеко не удовлетворяютъ существующей потребности. Главная масса нашихъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній совершаетъ свое начальное образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но и получившіе свое образованіе въ гражданскихъ заведеніяхъ, гимназіяхъ и даже университетахъ, выносятъ изъ нихъ самый слабый запасъ агрономическихъ познаній, не только практическихъ, но даже теоретическихъ. И потому каждый изъ владѣльцевъ, вступая на поприще хозяйственной дѣятельности, иногда послѣ долгой военной службы, долженъ не только начинать съ азбуки въ теоріи сельскаго хозяйства, но даже самая рутинная, господствующая въ странѣ ему иногда совершенно неизвѣстна.

(1) Когда г. Арсеньевъ жалуется на покражу лѣса, то г. редакторъ «Записокъ», между прочимъ, замѣчаетъ: «Вѣрно у знаменитаго нашего лѣсовода Ф. Х. Майера этого не бываетъ.» Г. редакторъ найдетъ въ этой самой статьѣ, на стр. 212-й, разказъ о томъ, какъ и у него сохраненіе, напримѣръ, явныхъ посадокъ, отъ воровства оказалось тщетнымъ.

V.

Намъ остается лишь сказать нѣсколько словъ о вліяніи *сбыта* на введеніе плодоперемѣннаго хозяйства. Чтобы удовлетворить *спросу* на какое-нибудь произведеніе или *сбыть* его, надобно имѣть возможность доставить это произведеніе къ мѣсту спроса. Главныя условія сбыта заключаются въ частомъ и повсемѣстномъ спросѣ на произведенія; если же этотъ спросъ только мѣстный, то надобно, чтобы удобство сообщеній и разстоянія позволяли направлять произведенія къ мѣстамъ спроса для сбыта или обмѣна. Мы не будемъ долго распространяться о томъ, въ какой мѣрѣ у насъ въ Россіи сбытъ для сельскихъ произведеній вездѣ и всегда возможенъ по удобству путей сообщенія и огромности разстояній. Нетерпѣливое желаніе всѣхъ сословій скорѣе видѣть Россію съ желѣзными дорогами, или вообще болѣе удобными и скорыми путями сообщеній, доказываетъ сильно чувствуемую необходимость ихъ. Въ нихъ, по нашему мнѣнію, заключается одинъ изъ важныхъ залоговъ скораго государственнаго и общественнаго развитія. Огромность разстояній и неудобство путей много подавляютъ движеніе не только промышленности какъ мануфактурной, такъ и сельской, но самаго образованія, особенно, при рѣдкости нашего населенія. Скорость и удобство сообщеній могутъ до нѣкоторой степени замѣнить пока собою эту рѣдкость населенія и сблизить общественныя отношенія. Обмѣнъ произведеній и мыслей составляетъ главный источникъ народнаго развитія, главный двигатель народнаго образованія.

Огромная разниа въ цѣнахъ сельскихъ произведеній въ разныхъ губерніяхъ есть лучшее доказательство вліянія путей и разстояній на удобство ихъ сбыта. Прежде чѣмъ производить, надобно быть увѣрену въ обезпеченности сбыта своихъ произведеній. Зерновой хлѣбъ спрашивается у насъ болѣе всякаго другаго продукта, и повсемѣстно. А потому не мудрено, что сельскіе хозяева обращаютъ главное свое вниманіе на производство зерноваго хлѣба по преимуществу и, слѣдовательно, держатся трехпольной системы, которая имѣетъ главною цѣлю производство зерноваго хлѣба.

Итакъ, если г. Арсеньевъ, предполагая ввести у себя рациональное хозяйство, имѣлъ въ виду трехпольную систему, при которой желалъ однако дать своему хозяйству правильное и отчетливое

устройство, то взглядъ его совершенно вѣренъ. При этомъ онъ необходимо долженъ былъ встрѣтить бездну злоупотребленій, долженъ былъ на каждомъ шагѣ бороться съ предрасудками, для побѣжденія которыхъ есть дѣйствительно только одно средство — просвѣщеніе. Мы желаемъ, чтобы г. Арсеньевъ хорошо понялъ нашу мысль. Если мы не находимъ возможности ввести образованіе и просвѣщеніе, сдѣла дѣтское невѣжество и грубые предрасудки, то понимаемъ непрерывное преслѣдованіе ихъ не путемъ инквизиціи, или орудіемъ грубой силы, которая вездѣ только увеличивала массу невѣжества и предрасудковъ, но постоянное преслѣдованіе ихъ только путемъ убѣжденія и того же просвѣщенія, передъ которымъ невѣжество и предрасудки разоблачаются и падаютъ, уступая мѣсто понятіямъ здравымъ, честнымъ и твердымъ. При всякомъ народномъ развитіи ведется неизбежная и непрерывная борьба между просвѣщеніемъ съ одной стороны, невѣжествомъ и предрасудками съ другой. Исходъ борьбы всегда одинъ: передъ свѣтомъ просвѣщенія тѣнь невѣжества постоянно убѣгаетъ, и оставляетъ для всѣхъ народовъ спасительную надежду на лучшее будущее, безъ которой жизнь для нихъ была бы слишкомъ тяжела.

Если же г. редакторъ «Экономическихъ Записокъ» понимаетъ подъ рациональнымъ хозяйствомъ для Россіи плодоперемѣнное, идеаломъ котораго служить для него хозяйство села Александровскаго, то намъ кажется, что онъ пока жестоко ошибается.

Д. Невловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

СТАРЫЯ ПѢСНИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ

I.

О! еслибъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходятъ дни мои въ сомнѣніяхъ бесплодныхъ.

Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый;
Чего убить не могъ суровый жизни гнетъ,
Я въ землю самъ зарылъ, — зарылъ, какъ рабъ лѣнивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добра отъ зла умѣнье.
На что же тратилъ я священный сердца жаръ?
Упорно ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья?

Нѣтъ! Съ пошлостью людской, со зломъ постыдный миръ
Я заключалъ не разъ, страданья избѣгая...
И въ жизни видѣлъ я лишь праздный, шумный пиръ,
Труда спасительнымъ путемъ пренебрегая.

О! больно, больно мнѣ. Скорбить душа моя!
Казнить меня падачь неумолимый — совѣсть.
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда бесплодной жизни повѣсть.

1856.

II.

Когда свой кроткій, ясный взоръ
Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
Иль душевный разговоръ
Съ тобой ведемъ мы въ тишинѣ,

Когда подашь мнѣ руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышать женскія черты
Неизъяснимой добротой,—

О! вѣрь... не зависть, не вражда
Къ тому, съ кѣмъ ты на путь земной
Соединила жребій свой,
Мнѣ наполняетъ грудь тогда.

Я знаю, что назвать тебя
Своей я бѣ недостоинъ быть;
Что бесполезной жизнью я
На счастье права не купилъ.

Я лишь жуюсь, чтобы съ тобой
Была Господня благодать;
Чтобъ свѣтъ тщеславный и пустой
Не могъ тебя пересоздать;

Чтобъ сердце свято сберегло
Свои заветныя мечты;
Чтобы спокойно и свѣтло
На Божій міръ глядѣла ты;

Чтобъ клеветы и злобы ядъ
Не отравилъ весны твоей;
Чтобъ ты не вѣдала утратъ
И помраченныхъ скорбью дней.

Еще молюсь я, чтобы насъ
 Не разлучалъ враждебный рокъ,
 Чтобъ кроткимъ блескомъ этихъ глазъ
 Я любоваться дольше могъ...

III.

Есть дни... ни злоба, ни любовь,
 Ни жажда дѣлъ, ни къ истинѣ стремленье,—
 Ничто мнѣ не волнуетъ кровь,
 И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпененьи.
 Я остаюсь къ призывамъ жизни глухъ.
 Такъ холоднозираю, такъ безстрастно
 На все, что нѣкогда мой духъ
 Тревожило и мучило всечасно.
 И ласка женская во мнѣ—
 Въ тѣ дни отвѣта даже не находитъ.
 Въ бездѣйствіи, въ поворномъ снѣ
 Душевныхъ силъ, за часомъ часъ проходитъ.
 Мнѣ страшно, страшно за себя...
 Боюсь, чтобъ вовсе сердце не остыло,
 Чтобъ не утратилъ чувства я,
 Пока въ крови огонь и въ тѣлѣ сила...
 Годами я еще не старъ...
 О! Боже всѣхъ, кто жаждетъ искушенья,
 Не дай, чтобъ пепломъ сердца жаръ
 Засыпало мертвящее сомнѣнье!

IV.

ЗИМНЕЕ КАТАНИЕ

Ночью зимней, при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все, что ясно будетъ мнѣ...

Фетъ.

Посмотри! на небѣ звѣзды;
Снѣгъ блистаетъ серебромъ;
Ѣдемъ, другъ мой. Ночью зимней
Мчатся весело вдвоемъ.

Полетить, какъ птица, тройка,
Колокольчикъ зазвенить...
И предстанетъ предъ очами
Безконечной степи видъ.

Все, что сердце днемъ тревожитъ,
Что мы тщетно гонимъ прочь,
Всѣ докучныя заботы—
Мы забудемъ въ эту ночь...

И пускай воображенье
Унесетъ обоихъ насъ
Въ міръ волшебныхъ, пестрыхъ сказокъ,
Въ дѣтствѣ слышанныхъ не разъ.

Будемъ думать, что въ хрустальный
Ты дворецъ заключена,
Что тебя я похищаю
Отъ сѣдаго колдуна,
Что мечомъ моимъ булатнымъ
Сторожъ твой, косматый звѣрь,
Пораженъ, и мы съ тобою
Птицы вольныя теперь!

Этотъ міръ чудесный—право—
Лучше нашего въ стократъ.
Лучше козни чародѣевъ,
Чѣмъ житейскій нашъ разладъ.

Ѣдемъ!.. ждутъ за воротами
Сани крытыя ковромъ,—
Въ небѣ ярко свѣтятъ звѣзды
Снѣгъ блистаетъ серебромъ...

А. П—въ.

* * *

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
Надъ рѣкою дымъ.
Не завидна мѣстность:
Выжаты поля,
Плоская окрестность,
Скудная земля.
Все, какъ бы въ туманѣ,
Дремлетъ или спитъ.
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ;
Головой качаетъ:
Умолотъ плохой!
Думаетъ, гадаетъ:
Какъ-то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ;
Вотъ и смерть приходитъ,
Съ ней конецъ трудамъ.
Причастить больнаго
Деревенскій попъ,
Принесутъ готовый
Отъ сосѣда гробъ,
Отпокутъ уныло,
И старуха-мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать.

Ю. ЖАДОВСКАЯ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА

ВЕДЕННАГО

ВЪ ПЕКИНѢ

Въ бытность мою въ Пекинѣ, съ 1840 по 1850 годъ, я записывалъ, хотя и не постоянно (за неимѣньемъ заслуживающихъ вниманія фактовъ) все, что случалось, какъ въ нашей частной жизни, такъ и въ политическомъ мірѣ Китая. Но до сихъ поръ не имѣлъ еще времени приступить къ окончательной обработкѣ этого журнала. Между тѣмъ въ послѣднее время любопытство публики (можетъ-быть и за неимѣньемъ другихъ событій) снова обращается къ отдаленному Востоку. Революція, столкновение съ Англичанами, вопросы о нашей торговлѣ, чисто ученые интересы (напримѣръ ассигнаціи) даютъ право предположить, что это вниманіе не скоропреходящее. Однакожь мой журналъ все-таки остается въ покоѣ, и не только занятія болѣе серіозныя принуждали меня оставаться въ недѣятельности, но и неувѣренность, до какой степени возбудитъ онъ сочувствіе. Къ счастью, у меня нашлось нѣсколько тетрадокъ, которыя я могъ отдать переписать, не прибѣгая къ большимъ поправкамъ; онѣ принадлежатъ къ послѣднимъ годамъ нашего пребыванія въ Пекинѣ (1848—1849), когда и я могъ не только записывать, что видѣлъ и слышалъ, но почиталъ для себя возможнымъ дать себѣ какой-нибудь отчетъ въ записанномъ. Рѣшаюсь издать въ свѣтъ для опыта

эту часть своихъ записокъ, не нарушая нисколько формы дневника; читатель самъ усмотритъ связь статей. Здѣсь исчерпываетъ наша частная жизнь, которая, по своей монотонности, не могла повторяться въ запискахъ; въ нихъ являются уже только выдержки изъ газетъ, извѣстія о событіяхъ въ политической жизни Китая: тѣмъ лучше для читателя, которому личные интересы, событія, касавшіяся жизни изолированного лица, скорѣе могутъ показаться скучными, чѣмъ занимательными. Однакожь личность моя и здѣсь выставляется: я пускаюсь иногда въ разсужденія о фактахъ, которые вношу въ свой дневникъ. Если гдѣ мои мнѣнія покажутся неудовлетворительными или несовмѣстными съ воззрѣніями европейской науки, то пусть только припомнать, что дневникъ писанъ дѣйствительно въ Пекинѣ, подъ вліяніемъ тамошнихъ событій, съ припамятованіемъ часто того, что доходило до меня только по слуху, а не къ чему я былъ приготовленъ наукой. Я не финансьеръ, не стратегикъ, не политикъ и т. п. Однакожь я человѣкъ, и никто не можетъ удержаться, чтобы не разсуждать о предметахъ ему постороннихъ, вкривь или прямо, по мѣрѣ впечатлѣнія и собственного соображенія. Можетъ-быть я уже и перемѣнилъ во многомъ свои мнѣнія, и не сталъ бы такъ писать теперь, какъ писалъ тогда. Но мнѣ самому пріятно встрѣтиться съ самимъ собой, такимъ, какимъ я былъ почти лѣтъ десять назадъ. Это не я одинъ; это—наивный русскій миссіонеръ, который вдали отъ родины, отъ науки, которую сталъ почти забывать, разсуждаетъ, какъ Богъ послалъ, и между тѣмъ это также добрый Русскій, который, когда дѣло коснется торговли, сношеній его отечества съ Китаемъ, весь проникнутъ сожалѣніемъ о томъ, что мало сочувствуютъ имъ... У насъ очень ошибаются, если думаютъ, что одинъ человѣкъ можетъ изучить вполне какую-нибудь страну, тѣмъ болѣе Китай. Литература китайская содержитъ въ себѣ все — и философію, и исторію съ географіей и законодательствомъ, и сельское хозяйство, и медицину, и драмы, и романы, и проч. Для того, чтобы дать справедливый отчетъ о Китаѣ, сообразно съ понятіями тѣхъ, кому передаешь, и съ оцѣнкой самыхъ предметовъ, мало того, чтобы, выучившись одному изъ труднѣйшихъ языковъ, прочитать, что на немъ пишутъ, надобно быть еще образованнымъ по-европейски, быть болѣе или менѣе философомъ, историкомъ, правовѣдомъ, политико-экономомъ и

т. д. Я далекъ отъ такой претензіи, но думаю, нельзя ли дать свое мѣсто особенностямъ воззрѣнія, которое все-таки обязано своимъ происхожденіемъ большому сближенію познанія двухъ странъ, Востока и Запада, въ одномъ лицѣ, чѣмъ воззрѣнія пресловутыхъ путешественниковъ, которые держали перо за ухомъ, чтобъ записывать все, что ни увидать въ странѣ, которой никогда не изучали, которой никогда голоса не могли слышать!

1848, февраля 27-го. Въ нынѣшнихъ газетахъ помѣщены двѣ замѣчательныя статьи. Первая, докладъ государственнаго совѣта, по случаю проѣзда Ургинскаго хутукты, носящаго во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ почетное имя Ддже-бцзундамбы; онъ долженъ ѣхать въ свою новую родину, Монголію, изъ Тибета, гдѣ его всегда отрываютъ, какъ только онъ задумаетъ отрѣшиться отъ своего блаженнаго тѣла, то-есть принять, по смерти, тѣнную оболочку смертнаго. Обыкновенно Монголы, особенно Хаахасцы, ѣздятъ въ Тибетъ, минуя Китай; сперва по степямъ добираются они до Хухэнора, а оттуда бредутъ по безлюдной, но превосходной странѣ до границъ собственнаго Тибета. Но этотъ путь нынѣ сталъ не совсѣмъ легокъ. Тибетцы, прогнанные нѣкогда съ Хухэнора Хототами, покинули нынѣ свои горы, въ которыхъ нашли сначала пріютъ; такъ какъ они были очень слабы и ничтожны въ то время, когда Китай былъ богатъ и силенъ, то нынѣшняя династія и не позаботилась задобрить ихъ жалованьемъ. Теперь же они думаютъ вознаграждать себя за прежніе убытки, и еслибъ у нихъ явился смѣлый человѣкъ, который бы соединилъ ихъ всѣхъ подъ одну власть, то не одобровать бы западнымъ провинціямъ Китая. Въ ожиданіи этого тибетскіе горцы довольствуются пока грабежами и разбоями, тѣшась то надъ хухэнорскими Монголами, то надъ императорскими табунами. Въ концѣ прошлаго года они ограбили часть тибетскаго каравана, шедшаго изъ Хлассы въ Сининъ съ Ханбомъ, посланнымъ отъ Баньчenea къ императору съ данью. Чтобъ имѣть понятіе о духѣ, подъ вліяніемъ котораго они дѣйствуютъ, мы расскажемъ слышанное нами отъ бывшихъ въ караванѣ. Въ числѣ захваченной добычи было нѣсколько тюковъ съ

вещами, назначенными собственно для богдохана. Ханбо, былъ столько смѣлъ, что тотчасъ отправился къ разбойникамъ, которые не думали убираться съ награбленными вещами, а занимались разборкой ихъ на мѣстѣ. Все ненужное: курительныя свѣчи, книги (нѣкоторыя были везены и для меня), все это пылало. Ханбо думалъ, что имя императора внушитъ страхъ, и тотчасъ же по прибытіи объявилъ, чтобъ они возвратили назначенные для него тюки. А! для императора! воскликнула сотня разбойниковъ; ну, такъ слѣзай же съ лошади. Они раздѣли его и провожавшаго его слугу до-нага и отправили назадъ. Впрочемъ мы не можемъ составить точнаго понятія о состояніи того края по однимъ слухамъ и офиціальнымъ свѣдѣніямъ; навѣрно оно лучше извѣстно Тибетцамъ и Ганьсускимъ жителямъ, потому что Дяжеб-зунъ-дамба не рѣшается ѣхать въ Монголію стариннымъ путемъ, хотя тысячи Халхасцевъ выѣхали встрѣчать его, — а просить позволенія проѣхать черезъ Сы-чуань. Ганьсускій генералъ-губернаторъ, съ своей стороны, тоже представилъ объ опасностяхъ на прежнемъ пути, выражаясь прямо, что тамошняя страна безпокойна, и войско китайское не въ силахъ доставить въ безопасности знаменитаго хубилгана. Впрочемъ, здѣшній государственный совѣтъ нашелъ это нововведеніе обременительнымъ для Сы-чуаня, и притомъ оно проявило бы слабость правительства, и потому положилъ отказать.

Другой докладъ—знаменитаго Ци-шаня, нынѣшняго Сы-чуаньскаго генералъ-губернатора. Онъ проситъ позволенія не принимать болѣе отъ китайскихъ купцовъ никакихъ жалобъ на грабежи, которымъ иногда подвергаются они въ мѣстахъ, смежныхъ съ Сы-чуаньскою губерніей на западъ и югозападъ, которые считаются впрочемъ подвластными Китаю. Онъ сопровождаетъ свое мнѣніе короткимъ и яснымъ основаніемъ: «а кто велитъ купцамъ выѣзжать изъ границъ губерніи? и неужели наказывать за это разбойниковъ-сосѣдей оружіемъ? вѣдь войско назначено не для покровительства торговлѣ, а для защищенія границъ.»

Августа 8-го. Хубу, министерство финансовъ, докладываетъ отзывъ свой на счетъ представленія главноуправляющаго водяными сообщениями въ Цзянь-нань, Пань-си-энъ'я, который проситъ отправить къ нему прибавочную сумму для починокъ на рѣкѣ. Этотъ господинъ говоритъ, что сумма, отпускаемая ежегодно,

всегда одна и та же: 2,700,000 ланъ (около 5,500,000 р. с., если фунтъ серебра класть въ 25 р.), и сверхъ того по различнымъ частямъ еще набирается въ годъ до 700,000 или 800,000, то-есть всего въ распоряженіи управляющаго находится около 3,400,000 или 3,500,000 ланъ. Но изъ нихъ съ каждой сотни ланъ съ 1843 г., по случаю англійской контрибуціи, вычитается по 6 ланъ (прежде вычиталось только 2 л. 3 ч.); между тѣмъ работы бываютъ непостоянны, завися отъ большаго или меньшаго разлива водъ, такъ что въ 1847 году, по случаю сильнаго наводненія, потребовалось просить сверхъ остатковъ отъ прежнихъ суммъ еще прибавки въ 500,000 ланъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что ассигнуемыхъ суммъ едва только стаеъ *въ обрѣзъ*; а потому въ предупрежденіе могущей случиться надобности, чтобы отъ переписки не было остановки дѣлу, онъ проситъ прислать впередъ еще 500,000 ланъ. Министерство финансовъ довольно колко замѣчаетъ на выраженіе китайскаго генераль-инженера: *въ обрѣзъ*, — что нынче, съ каждымъ годомъ, серебро дорожаетъ, то-есть лана серебра мѣняется на большее количество мѣдной монеты; а такъ какъ расплата у него производится больше чохами, то слѣдовательно и денегъ у него больше прежняго, хотя сумма одна и та же. Сверхъ того министерство замѣчаетъ, что Пань-си-энь съ 1843 года постоянно проситъ каждый годъ прибавки. Но, говоритъ оно, чтобы не дать, — еслибъ въ самомъ дѣлѣ что случилось, — этому господину повода къ отговоркѣ, нечего дѣлать, надобно переслать ему эту сумму, — и далѣе слѣдуетъ рассчитать, откуда сколько послать. Пань-си-энь, вѣроятно вслѣдствіе этихъ намековъ, вышелъ въ отставку подъ предлогомъ болѣзни.

— 12-го. Новый кантонскій генераль-губернаторъ Сюй-гуанъ-цзинъ въ докладѣ разказываетъ слѣдующее обстоятельство. Англійскій консулъ, повѣренный въ дѣлахъ (линъ-ми), представилъ ему, что англійскій купецъ Вартеръ (? Ва-р-тэ-ли) купилъ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ корицы въ складочномъ мѣстѣ Тай-тэнь-дянь; но когда надобно было нагружать на пристани, то продавшій корицу китайскій купецъ предупѣдомилъ его, что носильщики не хотятъ ему позволить этого, и потому консулъ проситъ обуздать носильщиковъ. Губернаторъ, зная, что всякая нагрузка и укупорка зависитъ отъ Китайцевъ, то-есть отъ того мѣста, въ которомъ были куплены товары, и слѣдова-

тельно не касается иностранныхъ купцовъ, велѣлъ изслѣдовать въ чемъ дѣло. Открылось, что торговый китайскій домъ вздумалъ уменьшить плату носильщикамъ (которая, какъ видно, постоянна), но этого не могъ сдѣлать, не уклонившись самъ отъ обязанности нагрузки или наемки носильщиковъ, и потому подучилъ англійскихъ купцовъ взяться за это самимъ. Отъ этого произошла ссора и даже драка съ носильщиками, въ которую вмѣшались и два англійскіе купца. Главнымъ виновникомъ со стороны Китайцевъ былъ братъ купца, купившій себѣ чинъ чжи-фу; онъ первый выдумалъ этотъ планъ. Губернаторъ замѣчаетъ при этомъ, что носильщики—бѣдный народъ, который трудами своими едва только снискиваетъ себѣ пропитаніе, а этотъ чиновникъ, бывшій прежде мелкимъ прикащикомъ, возвысаясь изъ простаго званія, естественно долженъ бы былъ любить и покровительствовать бѣднякамъ; а потому проситъ богдохана его разжаловать и предать суду, прибавляя, что Англичане образумились и успокоились.

— 19-го. Нынче въ газетахъ былъ помѣщенъ списокъ лицамъ, которыя приглашены императоромъ присутствовать въ его театрѣ. Тутъ участвуютъ только самые значительные князья, члены государственнаго кабинета, генералъ-полицеймейстеръ и еще дватри человѣка. Можно судить, какая этому придается честь, по тому уже, что сюда не приглашены два министра и бывшіе генералъ-губернаторы: Бао-синъ (изъ Сы-чуаня) и Ци-инъ (изъ Кантона); а что они не въ опалѣ, по крайней мѣрѣ послѣдній, видно изъ того, что онъ въ тотъ же день, сверхъ прежнихъ должностей, получилъ должность главнаго сборщика податей въ Пекинѣ, приносившую прежде милліоны дохода; сынъ же Ци-ина сдѣланъ вторымъ шефомъ одного знамени (фу-ду-тунъ, генералъ-отъ-кавалеріи).

— Министръ церемонійловъ проситъ наказать себя за то, что въ прошлый разъ, при представленіи императору чиновниковъ, онъ, вставая съ колѣнъ, зацѣпился за платье и учинилъ изъ себя смѣху достойнаго человѣка, нарушивъ церемонію:— просто, видно, упалъ. Богдоханъ всемилостивѣйше изволилъ простить.

— 22-го. Главноуправляющій Тибетомъ доводитъ до свѣдѣнія императора, что малолѣтній далай-лама проситъ черезъ посредство регента (Номунъ-ханъ-Ачиту) наградить его отца гуна (достоинство, въ родѣ графскаго, всегда жалуемое отцу каждаго да-

лай-ламы, хотя бы онъ былъ прежде простымъ мужикомъ) Цэ-ванъ-донъ-чжу драгоцѣннымъ шарикомъ и двухочковымъ перомъ. Императоръ согласился. Со времени седьмага далай-ламы такого случая не было донинѣ.

— Генералъ-губернаторъ Фу-цзяня и Чже-цзяня рекомендуетъ прокурора Цинь-лянъ, который оказалъ дѣятельность въ поимкѣ разбойниковъ, привлекая подарками тѣхъ изъ нихъ, которые согласились передаться, и черезъ посредство ихъ ловя другихъ, такъ что одинъ какой-то разбойникъ, Чжуанъ-тунъ, послѣ изъ-явленія покорности, поймалъ болѣе 90 человекъ. Прокуроръ награжденъ павлиньимъ перомъ.

— 24-го. Нынче напечатана программа піесъ, которыя будутъ играть на императорскомъ театрѣ 8-го и 10-го числа этой луны, по случаю рожденія императора и императрицы-матери. Въ первый день играется 17 піесъ, которыя начинаются піесой: «Молитва о долготѣи» и оканчиваются піесой: «Благополучіе представляетъ подарки долгоденствію». Конечно, эти піесы въ духъ праздника; но между ними есть нѣкоторыя, обращающія на себя вниманіе заглавіями, напримѣръ: «Въ Индію пришедшіе черти» (Ин-ду-фу-гуй), или: «Истребленіе дьявольскаго наважденія» (Гуй-гуай-цинъ-чу). Не намеки ли это на Англичанъ, которыхъ, какъ и прочихъ Европейцевъ, зовутъ на югъ чертями (гуй)?

— 29-го. Въ прошломъ китайскомъ году, въ Пекинѣ былъ полученъ въ 9-й лунѣ докладъ съ острова Тай-вань'я (Формозы), посланный оттуда въ первой лунѣ; почему императоръ, разсуждая, что хотя плаваніе по морю и не можетъ быть точно опредѣлено, но такая чрезвычайная медленность можетъ произвести пагубныя послѣдствія при встрѣчѣ важныхъ обстоятельствъ, приказалъ Фу-цзяньскому генералъ-губернатору, отъ котораго зависитъ этотъ островъ, донести объ образѣ сообщенія вообще и о причинахъ медленности въ настоящій разъ. Нынѣ генералъ-губернаторъ докладываетъ, что обыкновенно почта отправляется съ Тай-ваня изъ трехъ мѣстъ или гаваней: изъ Лу-эръ-мынь, изъ Фанъ-цы-ва и изъ Палифынь, изъ которыхъ идетъ въ три различныя мѣста въ Фу-цзянѣ: Шамынь, Ганъ-цзянь и У-ху; но только разстояніе между Лу-эръ-мынь и Ша-мынь опредѣленно извѣстно, то-есть составляетъ 12 смѣнь, считая по 60-ти миль (около 30 верстъ) въ каждой; когда встрѣчаются важныя дѣла, то обыкновенно пишутъ три экзем-

плара доклада или бумагъ, и отправляютъ во всѣ три сказанныя мѣста, изъ предосторожности, чтобъ донесеніе не запоздало; обыкновенно, отправляемые съ бумагами чиновники, прибывши въ пристань, или нанимаютъ скороходное судно, или садятся на купеческія суда, которыя иногда доходятъ до твердой земли въ нѣсколько дней, но иногда увлекаются вѣтромъ не только въ Чже-цзянь, Кантонъ, но даже въ большое и малое-Лю-цю, Ань-нань (Кохинхину), Лю-сунъ (Филиппинскіе острова), такъ что возвращаются на Тай-вань уже черезъ годъ и даже черезъ два. Такъ точно и въ этотъ разъ отправленный чиновникъ показалъ, что когда онъ отправился изъ Лу-эръ-мыня 18-го числа 2-й луны (до того времени дожидались попутнаго вѣтра), то на другой день поднялся вѣтеръ съ сѣверозапада, и они должны были пристать на одинъ островъ въ Пынъ-ху (въ Пискаторовыхъ островахъ); но 22-го числа вѣтеръ сорвалъ ихъ съ якоря, и они носились волнами въ продолженіе семи сутокъ, пока не пристали къ одному острову, зависѣвшему отъ большаго Лю-цю (Ли-кео). Здѣсь потребовалось починить судно, и оно, вышедши въ море въ 7-й лунѣ, должно было приставать къ различнымъ мѣстамъ, такъ что только 10 числа 9-й луны прибыло въ Шамынь.

Какъ видимъ, и въ нашъ вѣкъ случаются еще странствованія Улисса и Энея!

— 30-го. Сегодня помѣщенъ докладъ одного цензора (юй-ши), который говоритъ, что въ Хэнанѣ съ 1845 г. употребили до одного милліона ланъ (2 милл. рублей сер.) на починку канала Цзялу, а послѣ оказалось, что почва земли совершенно неудобна для проведенія канала. Цензоръ обвиняетъ мѣстное начальство, которое должно бы было или сначала развѣдать, будетъ ли имѣть успѣхъ предпріятіе, или, если оно не удалось по неумѣнью и мошенничеству управителей работъ, донести на нихъ. Между тѣмъ, говоритъ цензоръ, дѣло это такъ и оставлено. Императоръ наказалъ кого слѣдовало, а цензора наградилъ. Потомъ черезъ нѣсколько дней, по представленію палаты чиновъ, какъ за это дѣло, такъ и за недостаточный присмотръ при раздѣлѣ вспоможенія, въ прошломъ году, по случаю голода въ Хэнани, императоръ отрѣшилъ отъ должности какъ губернатора (О-шунъ-ан'я, который, какъ говорятъ, братъ покойной императрицы Цюань), такъ и предсѣдателя.

Сентября 8-го. Маньчжуры, какъ видно, держать ухо востро, и

тайная полиція ихъ не совѣтъ въ упадкѣ. Какой-то Чжанъ-эрвѣ, жившій въ Маньчжуріи и пахавшій тамъ землю, вздумалъ навѣстить свою родину, и съ родственниками пошелъ въ дорогу. Но какъ у мужика денегъ было немного, то онъ и пустился шарлатанить: сталъ раздавать лѣкарства и даоскія заклинанія отъ болезней, которыя въ большомъ ходу и, проколачиваясь такимъ образомъ, добрался до Пекина. Съ нимъ были также *контракты* на братство съ живущими въ Маньчжуріи Китайцами. Но контракты и заклинанія (фу) возбудили подозрѣніе полиціи; она схватила его и отправила въ уголовную палату. По законамъ, контракты на братство, которые пишутся кровью, запрещены, потому что въ этомъ видятъ заговоры; даже и простые контракты, свѣдѣніе между двадцатью человѣками, подвергаются палочному наказанію. За воровство же и различныя даоскія заклинанія наказываютъ, когда отъ нихъ кто умретъ.

— 12-го Монголы-Халхасцы, отправившіеся въ Тибетъ для встрѣчи молодаго куреньскаго хутукты, были дважды ограблены въ Ху-хэнорѣ. Въ первый разъ у нихъ отняли 60 верблюдовъ, въ другой 408 лошадей, 17 муловъ и 50 верблюдовъ. Такъ показано въ докладѣ императору какого-то Ле-биня, который, кажется, былъ посланъ отъ правительства провожать хутукту; вѣроятно однакожъ, что на дѣлѣ отнято еще больше. Не показано ни время, ни мѣсто, гдѣ случился грабежъ и кѣмъ былъ произведенъ, — но, безъ сомнѣнія, тѣми непокорными тибетскими родами, которые гнѣзятся на предѣлахъ Сы-чуаня съ Гань-су и далѣе на западъ, и которымъ даютъ общее названіе Го-локовъ, самыхъ смѣлыхъ изъ всѣхъ разбойниковъ. Они, говорятъ, доходятъ иногда даже до Ладака. Замѣчательно, что Халхасцы слывутъ самыми мужественными изъ Монголовъ въ мнѣніи Китайцевъ и самихъ Монголовъ, и эти-то храбрецы, которые должны бы быть воодушевлены еще болѣе уваженіемъ къ той святинѣ, которую они сопровождали, ограблены уже не въ первый разъ съ Чжебцунь-дамбой; а между тѣмъ отецъ Іакинѣ гдѣ-то сказалъ: «вообразите самую лучшую азіатскую конницу, отъ предѣловъ Или до Восточнаго океана.» — Что значила бы вся эта сволочь передъ однимъ европейскимъ полкомъ!

— Изъ доклада генералъ-губернатора Гань-су видно, что на новой линіи постоянно содержится на всякій случай сохранная

казна: въ Или 30 ваней (600,000 р. сер.), въ Урумчи 20 (400 т.), столько же въ Яркендѣ и 10 ваней (200,000 р. сер.) въ Аксу; слѣдовательно всего 800,000 ланъ или 1,600,000 р. сер. Это было бы порядочное пособіе въ войнѣ съ Китаемъ, еслибы удалось захватить эти запасныя суммы нетронутыми. Изъ этого доклада можно еще пожалуй заключить, что Китайцы приготовляются для встрѣчи насъ въ случаѣ войны за отказъ въ торговлѣ.

— 30-го. Когда Ци-инъ, по пріѣздѣ въ Пекинъ, назначенъ былъ главноуправляющимъ военнаго министерства, то можно было думать, что это сдѣлано не безъ цѣли, и человекъ, прошедшій нѣсколько лѣтъ въ сношеніяхъ съ варварами, выказавшими свое военное искусство, будетъ стараться о водвореніи его въ своей землѣ. Дѣйствительно онъ на дняхъ грянулъ докладомъ, гдѣ требуетъ усиленія наказанія военныхъ, говоритъ о томъ, что офицеры берутъ жалованье на солдатъ, которыхъ нѣтъ, моряки сами не показываются въ океанѣ, и когда случится что-нибудь (то — есть морской разбой), то стараются утаить. Сверхъ того онъ говоритъ, что часто военные даже не охотно исполняютъ свою обязанность тамъ, гдѣ могутъ и гдѣ даже желали бы, потому только, что почти боятся отличія, которое влечетъ за собою представленіе императору, сопряженное съ тяжкими для многихъ путевыми издержками (на это правительство не даетъ суммъ — даже они не имѣютъ права ѣхать по станціямъ, назначеннымъ для отправляемыхъ по императорскому повелѣнію); потому онъ проситъ, чтобъ военные были избавлены отъ немедленнаго представленія императору, но получали награды (за поимку четырехъ и болѣе человекъ, заслуживающихъ вистъ-лицы, повышение въ чинѣ, то — есть шарикѣ). Ци-инъ требуетъ строгости при освидѣтельствованіи войска нарочно командируемыми черезъ пять лѣтъ чиновниками, чтобъ они вникали во всѣ части, то — есть въ стрѣляніе изъ лука и т. п.; чтобы разстояніе для цѣли было соблюдаемо въ точности (императоръ опредѣлялъ: для пищалей 150 луковъ, для ружей 80 и стрѣлъ 30 луковъ, — лукъ около сажени); чтобы замѣченные отличные люди были представляемы къ наградамъ. Въ заключеніе выражаетъ главную мысль, что армія и флотъ боятся не того, что въ повышеніяхъ нѣтъ плана (мысли), но что его не въ силахъ выполнить; боятся

не того, что нѣтъ поощренія или наказанія, но что повышеніе или штрафы производятся не по заслугамъ. Этотъ докладъ былъ переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который его одобрилъ, и императоръ утвердилъ его.

— Извѣстно, какъ свято чтутся въ Китаѣ кладбища; не только срыть могилу, но даже срубить дерево считается важнымъ преступленіемъ. Нынче окончено дѣло по случаю порубки лѣса въ окрестностяхъ кладбища Конфуціева. Недавно одинъ студентъ-кандидатъ изъ фамиліи этого мудреца, которая теперь расплодилось до безконечности, нарочно пришелъ въ Пекинъ жаловаться на такое святотатство и показалъ, что срублено до 200 деревъ; по слѣдствію оказалось, что недавно срублено только 26 деревъ, а прочія срублены были очень давно и что это случилось безъ вѣдома прямого потомка, носящаго званіе графа (янь-тэнъ-гунъ), который былъ въ то время въ траурѣ и слѣдовательно сидѣлъ дома, никуда не выходилъ и ни за чѣмъ не присматривалъ. Однако и его вѣрно предать строгому штрафу. Главнаго же участника, его дворецкаго, приговорили къ ссылкѣ, по силѣ закона, постановляющаго, что если потомки срубятъ деревья на кладбищахъ своихъ предковъ свыше 20, то ихъ отправлять въ ссылку, равно какъ и слугъ ихъ; а такъ какъ подобнаго случая до сихъ поръ не было, то наказаніе усилено еще одною степенью. Деревья вѣрно замѣнить новыми. Даже привратникъ кладбища, который пускалъ за деньги приходящихъ посмотреть храмы, находящіеся въ оградѣ, отчего притопталась трава и образовались дорожки, что считается неуваженіемъ къ кладбищу, подвергся строгому наказанію, и подобныя посѣщенія запрещены.

— Императоръ каждую осень производитъ экзаменъ своимъ адъютантамъ (ши-вэй) въ стрѣляніи изъ лука. За нѣсколько дней передъ этимъ опубликованы были имена лицъ, которыя попали или всѣ шесть разъ въ цѣль или только пять; между ими были зять императора и нѣкоторые князья (бей-лэ). Вѣроятно богдоханъ въ простодушіи своемъ твердо увѣренъ, что эти экзамены служатъ опорой и поддержкой мужества его войска, и вѣрно не разъ подумалъ: о если бы всѣ мои солдаты попадали въ цѣль по шести разъ, не посрамился бы я передъ Англичанами! Сколько разъ случалось читать въ газетахъ, что какой-нибудь дивизіонный генералъ (цаунъ-бинъ), пріѣхавшій въ столицу для повы-

шенія, напротивъ или разжалывается или отсылается на прежнюю должность, за то, что не попалъ въ цѣль передъ императоромъ. Нынче напечатаны имена попавшихъ въ цѣль по разу изъ ружья; одни награждены кусками матеріи, другіе шелковыми кистями на шапку (1). Въ томъ же духѣ смотрятъ и на внутреннее управленіе. Страна будетъ спокойна и вѣроятно не подвергнется физическимъ несчастіямъ, если всѣ чиновники будутъ твердо знать «Сы-шу». Возможно ли, чтобъ знающій твердо наизусть эту книгу чиновникъ не имѣлъ способностей, былъ лихоимецъ или неисправно исполнялъ свою должность? Потому нѣтъ ничего удивительнаго въ разказѣ о томъ, что императоръ вдругъ спросилъ одного изъ первыхъ государственныхъ лицъ — какъ переводится одно мѣсто изъ Сы-шу по маньчжурски.

— Нынѣшній годъ отмѣченъ и въ Китаѣ злополучіями. Въ различныхъ мѣстахъ, отъ засухи и наводненій, свирѣпствуетъ голодъ. Въ провинціи Ху-бэй шестьдесятъ чжоу и сяней требуютъ себѣ пропитанія. Въ Ху-нанѣ четыре уѣзда будутъ содержаться въ продолженіи мѣсяца на счетъ казны, и хижины ихъ, разнесенныя водой, будутъ построены вспоможеніемъ казны. Генералъ-губернаторъ Цзянь-нанскій проситъ оставить въ его казначействѣ 780,000 слишкомъ ланъ, которыя должно бы переслать въ Пекинъ; потому что округи Нанкинскій (Цзянь-нинъ) и Янь-чжоускій пострадали отъ наводненія. Можно думать, что правительство считаетъ ничтожнымъ наводненіе, которому подверглись восточныя окрестности Пекина вплоть до моря, потому что о немъ не упоминается ни слова; между тѣмъ здѣсь въ уѣздномъ городѣ Сань-хэ-сянь (въ 60 верстахъ отъ Пекина) вода стояла долгое время на 1½ аршина, а поля все лѣто были покрыты водой. Даже и теперь,

(1) Припоминаю себѣ восторгъ Китайцевъ въ какой-то піесѣ, которой я былъ зрителемъ: императору угрожаетъ война, и онъ въ затрудненіи кого избрать главнокомандующимъ. Изъ окружающихъ его встаетъ вдругъ одинъ знаменитый прежде воинъ и генералъ, и вызывается самъ быть предводителемъ. Но бѣда — онъ старъ, и всѣ сомнѣваются, что онъ можетъ предводительствовать войскомъ. Чѣмъ же онъ доказываетъ свои способности? Натягиваетъ самый сильный лукъ, фехтуетъ самымъ тяжелымъ мечемъ и длиннымъ копьемъ. Больше ничего не нужно — и рукоплесканія раздаются какъ на сценѣ, такъ и между зрителями, тогда какъ я готовъ былъ заплакать отъ такого невѣжества.

говорять, нѣтъ проѣзда, благодаря китайскому обычаю изрѣзывать поверхность земли рытвинами, которыя носятъ названіе дорогъ. Императоръ, посылая вспоможеніе, постоянно толкуетъ, чтобы его милость дошла по назначенію, чтобы чиновники не наложили руку на отправляемыя суммы, не дѣлали изъ нихъ вычетовъ въ свою пользу, — словомъ, чтобы народъ не покинулъ своихъ жилищъ, чего ужасно боится правительство, считая это главною причиною разбоевъ, могущихъ превратиться и въ возстаніе (отъ того оно такъ и щедро). Но что значать пустыя слова безъ теплаго участія! Правительство извѣщено уже, что Цзяньнанцы наводнили собой окрестныя провинціи; между тѣмъ въ Пекинѣ нахлынула толпа нищихъ изъ восточныхъ окрестностей, и между ними слышатся даже шань-дунскія пѣсни, такъ какъ нищіе болѣею частію выпрашиваютъ милостыню пѣснями.

— Вотъ образчикъ китайской промышленности въ Чжецзанѣ одинъ ротный командиръ (юэи) забиралъ проѣзжающихъ купцовъ съ товарами и вьюками и подъ видомъ освидѣтельствованія собиралъ съ нихъ пошлину.

— Въ Калганской таможенѣ съ третьей луны 1847 года по то же время въ нынѣшнемъ году было собрано 59,520 ланъ сер. Главная часть этого сбора получена съ нашихъ произведеній; замѣтимъ здѣсь кстати, что китайскія пошлины очень легки. Мы собираемъ въ Кяхтѣ до 5 милліоновъ, а въ Калганѣ правительство получаетъ всего съ небольшимъ 100,000 р.

Ноября 13-го. На дняхъ окончены два судныя дѣла, занимавшія здѣшнюю публику.

Въ 1846 г. одинъ лан-чжунъ (начальникъ отдѣленія) въ синь-бу (министерство юстиціи) убилъ свою крѣпостную дѣвку, за то ли, что она не согласилась раздѣлять съ нимъ удовольствія или, какъ онъ показываетъ, что украла мундштукъ у одной изъ его наложницъ и отдала слугѣ, отчего лан-чжунъ заключилъ, что она имѣетъ связь съ этимъ слугою. Озлобленный, онъ билъ ее съ наложницами палкой, потомъ удавилъ и сперва зарылъ въ яму, но потомъ выкопалъ и бросилъ въ бывший въ саду колодезь, изъ котораго послѣ того перестали брать воду. Въ нынѣшнемъ году хозяинъ, у котораго жилъ лан-чжунъ, сталъ перестраивать домъ, и каменщики, открывъ колодезь для добыванія воды, вытащили оттуда трупъ. Замѣчательно, что императоръ

назначилъ къ изслѣдованію не только министерство юстиціи, но и перваго министра Мучжангу, слѣдовательно, съ нимъ весь государственный совѣтъ и генераль-полицеймейстера, первую военную особу во всемъ государствѣ. Но еще замѣчательнѣе, что, при такомъ вниманіи къ правосудію, китайскіе законы осуждаютъ чиновника, губившаго своего раба, не болѣе какъ къ пониженію двумя степенями, и только по предположенію, что убійство было совершено съ жестокостію, и что причиной его было именно сладострастіе барина, онъ приговоренъ къ временной ссылкѣ на станціи.

— Юй-чэнь, одинъ изъ генераловъ новой линіи, былъ назначенъ цзянь-цзюнемъ (главнокомандующимъ) въ Гуй-хуа-чэнь или Куэ-хото, гдѣ сосредоточена вся почти маньчжурско-военная сила, наблюдающая за южною Монголіей. Новый начальникъ не былъ встрѣченъ съ надлежащими почестями; для принятія его не было ничего приготовлено—и онъ, при первомъ же представленіи ему полковниковъ, вздумалъ показать передъ ними военное удалство, то-есть обругать ихъ и выказать, что онъ былъ въ дѣйствующей арміи (противъ послѣдняго набѣга казаковъ). Но Гуй-хуа-чэнь находится отъ Пекина въ одиннадцать дней пути (не болѣе 600 верстъ), и столичное обращеніе вѣрно тамъ извѣстно, и потому полковники выказали недовольную мину, а одинъ изъ нихъ, старикъ, даже поднялъ голосъ и, вѣроятно, дѣло не обошлось безъ перебранки. Вскорѣ Юй-чэнь долженъ былъ ѣхать ко двору для представленія богдохану, какъ на него пришла жалоба отъ полковниковъ, которые обвиняли его и въ другихъ проступкахъ, какъ напримѣръ, въ притѣсненіи на станціяхъ и т. п. Съ своей стороны Юй-чэнь, узнавъ вѣроятно, что на него послана жалоба, самъ послалъ обвиненіе полковниковъ въ непочтительности и неповиновеніи начальству. Объ эти жалобы вдругъ представлены были императору, и онъ отрядилъ Ци-ина на слѣдствіе въ Куэ-хото. Вотъ новое доказательство, что правительство хочетъ выставить передъ народомъ свое вниманіе ко всему. Между тѣмъ слѣдствіе кончилось почти пустяками: Юй-чэнь наказанъ пониженіемъ съ оставленіемъ въ прежней должности, главный забіяка полковникъ отставленъ и то больше за то, что посылалъ съ жалобой въ Пекинъ солдата, который не имѣлъ права отлучаться,—прочіе переведены въ другія мѣста.

— На дняхъ одинъ перекупщикъ опиума сторговалъ у другаго

пять картузовъ (бао) этого зелья по 42 ланы за картузъ, но, не желая отдавать деньги, припряталъ опиумъ и очутился самъ подъ городскою стѣной въ рубашкѣ, весь испачканный. Когда на него набрела полиція, онъ объявилъ, что въ то время, какъ онъ утромъ до разсвѣта пробирался въ одну извѣстную лавку, кто-то схватилъ его сзади, замазалъ ротъ, глаза и уши грязью и, обобравъ всего, толкнулъ въ канаву, гдѣ онъ лежалъ безъ памяти. Но какъ онъ употребилъ слово: обобралъ, то полиція, отвѣчающая ограбленнымъ своими деньгами за непоимку воровъ, почла себя въ правѣ сдѣлать розыски и пронюхала, въ чемъ дѣло. Разумѣется, всѣ забраны въ синь-бу.

Въ настоящее время часто встрѣчаются донесенія императору о поимкѣ продавцовъ опиума, особенно въ то время, когда они перебираются черезъ великую стѣну въ Монголію. Прежде вовсе не было слуха о куреніи опиума, какъ вдругъ открылось, что даже въ самомъ дворцѣ императорскомъ, тамъ, гдѣ собираются пріѣзжающіе чиновники, заведена лавка для куренія опиума. Съ тѣхъ поръ стали строже преслѣдовать. Цѣна опиума въ нынѣшнемъ году чрезвычайно вздорожала. Прежде картузъ продавался не болѣе 20 ланъ (40 р. с.), теперь сталъ вдвое дороже; говорятъ даже, что лана опиума дошла до 10 т. чоховъ; отчего это? Не столько, кажется, отъ недостатка привоза, сколько отъ усиленія потребителей. Одинъ возвратившійся изъ Маньчжуріи чиновникъ разказываетъ, что тамъ въ обычаѣ всякому гостю подавать вмѣсто чаю, какъ то дѣлается въ Пекинѣ, трубку съ опиумомъ. На югѣ, говорятъ, то же самое; но замѣчательно, что тамъ, гдѣ курятъ природный опиумъ, сперва выкуриваютъ его слуги, а потомъ золу разводять для гостей. Страшно и подумать, какъ губительно его употребленіе. Отвратительны всякіе пороки—дурно пьянство, картежная игра, но если въ семействѣ и есть такой уродъ, зараза отъ него не сообщается другимъ. Напротивъ, когда одинъ въ семействѣ выучился курить опиумъ, то не только всѣ домашніе слуги, служанки увлекаются запахомъ опиума; но даже птица, сидящая въ клѣткѣ, кошка, собака, даже мыши, все это погружается въ уныніе и болѣзненное состояніе передъ тѣмъ, когда наступаетъ пора курить опиумъ, и при первомъ дымѣ трубки птица подымаетъ крылья и поетъ, кошка и собака оживаютъ, мышь начинаетъ скоблить въ углу или на потолкаѣ.

— Съ наступленіемъ зимы полиція потребовала прибавки будочниковъ до 800 человѣкъ. Это, кажется, довольно обнаруживаетъ трусость правительства, которое боится быть потревоженнымъ даже въ самой столицѣ, гдѣ сосредоточена душа маньчжурской власти, ея военныя силы. Понятно, что причиной этого опасенія толпы нищихъ, которые бродятъ лѣтомъ по окрестностямъ, а на зиму собираются всѣ въ столицу; сверхъ того, нынѣшній годъ тысячи народа пригнаны сюда разлитіемъ водъ на востокъ снискивать себѣ пропитаніе или работами, или тоже нищенствомъ. Нужда дошла до того, что студенты почитаютъ себя счастливыми, если исправляютъ должность извозчика. Полиція издала распоряженіе, чтобы всѣ мелочные разнощики, которые прежде шатались чуть не до полночи съ разными припасами для жителей, не готовящихъ для себя ничего дома, не смѣли показываться послѣ первой стражи, которую быють послѣ сумерекъ, и не выходили на улицу ранѣ пятой стражи (на разсвѣтъ). Она прямо выразилась, что между разнощиками легко могутъ быть бездѣльники, которые промышляютъ воровствомъ и которые, встрѣясь съ дозоромъ, кричатъ, какъ будто продаютъ что-нибудь. Впрочемъ здѣшнимъ ворами надобно быть глухимъ, чтобъ наткнуться на дозоръ; потому что объ немъ извѣщаютъ всегда голоса будочниковъ, которые кричатъ отъ будки до будки по тому направленію, которое принимаетъ квартальный. Простыхъ пѣшеходовъ тоже останавливаютъ на улицѣ ночью и допрашиваютъ, кто и зачѣмъ идетъ.

— 14-го. Умеръ малолѣтній Чже-бцзунь-дамба-хутукту, который только что пріѣхалъ въ Ургу. Подробности о смерти неизвѣстны. Я слышалъ, что все дѣло: пріискать хубилгана, отправить для его встрѣчи (всего поѣхало до 5,000 чел.) въ Тибетъ, сдѣлать тамъ безъ сомнѣнія вклады на монастыри, приношенія далай-ламѣ, бань-джо и наконецъ воротиться — стоило Монголамъ 200 ваней, то-есть четыре милліона руб. сереб., и все это погубило даромъ со смертію Чже-бцзуна, который не успѣлъ ни самъ насладиться высокимъ жребіемъ, выпавшимъ сыну погонщика ословъ, ни облагодѣтельствовать своихъ вѣрныхъ поклонниковъ благословеніями, за которыя они такъ дорого расплачиваются. Мнѣ странно показалось, когда я услышалъ, что и китайскіе купцы благоговѣютъ передъ позлащеннымъ чуче-

ломъ, приходятъ къ нему съ поклонами и приношеніями, потому что съ пустыми руками нельзя являться къ живымъ богамъ (Китайцы перерожденцевъ называютъ хо-фо, то-есть живой Будда); но дѣло весьма ясно. Когда Чже-бцзунъ живетъ въ Ургѣ, къ нему отвсюду стекаются поклонники, и торговля принимаетъ здѣсь живой оборотъ. Мы своими глазами убѣдились, что ургинскій Май-май-чэнъ не хуже кяхтинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто же поѣдетъ за тысячу миль для покупки какой-нибудь матеріи на кафтанъ или нѣсколькихъ аршинъ русскаго сукна для магуацы? Онъ подождетъ лучше въ своей юртѣ бродячаго разнощика, которому промѣняетъ барана или лошадь. И такъ живые боги не бесполезны для мѣстности и торговли. Политико-экономы напрасно не обратятъ на это вниманія!

15-го. Мы не имѣемъ настоящаго понятія о странахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ великой стѣны, и смотримъ на нихъ въ очки прошлаго столѣтія, представляя ихъ дикими, пустынными, заселенными только кочевыми народами. Между тѣмъ немного уже осталось мѣстъ, гдѣ не бороздитъ соха земледѣльца,—Монгола ли то, или Китайца. За исключеніемъ Халхи, Сунитовъ и Чахаровъ, вездѣ занимаются землепашествомъ; Чахары не пахутъ потому только, что ихъ земля покрыта казенными табунами и стадами коровъ, овецъ и верблюдовъ. Они получаютъ за это жалованье и такимъ образомъ съ меньшимъ трудомъ добываютъ хлѣбъ. Но на ихъ границахъ, у подножія великой стѣны, гнѣздятся уже деревни китайскихъ хлѣбопашцевъ, которые какъ акулы слѣдятъ всегда за содержащимися на императорскомъ жалованьи и переводятъ ихъ серебро въ свои карманы. Суниты, судя по мѣстамъ, черезъ которыя мы проѣзжали, обитаютъ самую незавидную землю, которую можно обработать развѣ только съ помощію артезіанскихъ колодцевъ. Одни Халхасцы отвергаютъ китайскихъ пришельцевъ и земледѣліе, съ тою мыслию, что они подорвутъ ихъ національную самобытность и повергнутъ въ вѣчное, а не временное рабство Китайцевъ.—Ордосъ былъ обрабатываемъ еще въ прошломъ столѣтіи; далѣе на западъ отъ Хами до Или и оттуда на Кобдо тянется тонкою линіей хлѣбопашество и раздѣляетъ номадовъ востока отъ Киргизовъ запада. По удаленности отъ Китая, оно не такъ сильно развивается на сѣверѣ, какъ на югѣ Небеснаго хребта, гдѣ туземцы Турки

давно уже жалуются на недостатокъ земли, которую у нихъ мало-по-малу обрѣзываютъ китайскіе поселенцы, и это-то, между прочимъ, было поводомъ къ послѣднему возстанію. — На сѣверѣ, мы положили прочныя границы номадству, и такъ уже развили хлѣбопашество и осѣдлость, что съ меньшими средствами, съ меньшимъ населеніемъ далеко превзошли самихъ Китайцевъ. А между тѣмъ ни человѣчество, ни Китайцы особенно, не сознаютъ или не способны сознать той великой услуги, которую мы принесли міру своимъ владычествомъ въ Сибири. Можно сказать съ увѣренностію, что и китайско-монгольское хлѣбопашество безъ этого не пустило бы никогда такихъ глубокихъ корней. Чтò было бы, еслибъ огромное пространство отъ Восточнаго океана до Китайскаго моря заколыхалось по направленію отъ сѣвера къ югу, отъ льдовъ океана до кирпичей, положенныхъ одинъ на другой на границахъ Китая? И безъ насъ это случилось бы, несмотря на все удалъство, которымъ тщеславятся Маньчжуры. Ни Цзюнгары, ни Халхасцы не попали бы въ ихъ руки: они отступили бы на сѣверъ, куда не посмѣли бы за ними гнаться, присоединили бы къ себѣ слабѣйшіе улусы и, усилившись вдругъ, снова выступили бы на поприще грабежей и мести противъ владѣльцевъ Китая и ихъ подданныхъ. Но этого не стало, какъ скоро желѣзная цѣпь лишь нѣсколькихъ тысячъ Русскихъ протянулась отъ береговъ Амурса до Омска, и разорвать эту цѣпь, чтобъ найти себѣ просторъ, не посмѣли всѣ улусы номадовъ. Чтò можетъ-быть возвышеннѣе того назначенія, которое намъ указало Провидѣніе? Случайность ли это, что почти въ то самое время, какъ полуразбойникъ выступилъ съ своею шайкой на берега Тобола, для того чтобы смѣлая нація прошла по слѣдамъ его до дремучихъ лѣсовъ Колошей въ Америкѣ, — у подошвы Чанъ-бо-шань'я является незначительный старшина полудикарей, котораго Китайцы честили тоже званіемъ разбойника, соединяетъ подъ свою власть сосѣднія орды и образуетъ царство, которое чудною силой вдругъ выросло до предѣловъ Индіи и Хайнана, и переносится оттуда къ берегамъ Балхаша и Цзайсана? И неужели намъ, предтечамъ маньчжурской силы, суждено играть только второстепенную роль, быть только орудіемъ къ умирненію земель, которыя достаются чуждой власти? Не помогаетъ ли впрочемъ эта самая власть, оставляющая въ покоѣ наши грани-

цы и не умѣющая пользоваться странами, которыми она обладаетъ, развитію нашей силы для будущаго еще болѣе важнаго назначенія — быть истинными животворителями и пустынныхъ странъ, и кишящихъ какъ муравьи народовъ, лишенныхъ всякаго образованія и страждущихъ отъ невѣжества своихъ правительствъ?

Вся восточная Монголія давно уже превратилась въ хлѣбопашественную. Здѣсь Монголы перемѣшаны почти наполовину съ Китайцами, которые все болѣе и болѣе усиливаются и всякими средствами присваиваютъ себѣ ихъ земли. Здѣсь много уже городовъ, населенныхъ ремесленниками, которые требуютъ туземнаго хлѣба, да и сами Монголы питаются только имъ однимъ. Излишекъ хлѣба въ западной Монголіи перевозится черезъ великую стѣну, но въ восточной свозится въ Цзинь-чжоу, большой торговый городъ, стоящій на берегу Желтаго моря. Это главный рынокъ для восточныхъ Монголовъ и Маньчжуровъ, несмотря на то, что корабли не могутъ подходить здѣсь близко къ берегу. Хлѣбъ отправляется отсюда въ большомъ количествѣ на югъ. Правительство не заботится собирать свѣдѣнія о торговлѣ своихъ подданныхъ; въ самыхъ таможенныхъ нельзя имѣть вѣрныхъ свѣдѣній иначе, какъ частно, а въ документахъ показываютъ всегда самое ограниченное количество, обращая большую часть пошлиннаго сбора въ свой карманъ. О количествѣ хлѣба, отправляемаго изъ портовъ Желтаго моря на югъ, можно судить по докладу одного юйши, который говоритъ, что изъ одного Чжень-чэнъ, стоящаго неподалеку отъ устья Ля-оха, нынѣ отпускается ежегодно хлѣба отъ трехъ до четырехъ милл. мѣшковъ. Итакъ, неизвѣстное почти мѣстечко, куда свозятъ маньчжурскій хлѣбъ, превышаетъ въ этомъ отношеніи обыкновенный сбытъ Одессы или Риги и даже Петербурга. Замѣчательно, что все это создано въ послѣднее время, несмотря на всѣ видимыя усилія правительства противиться въ послѣднее время развитію китайскаго земледѣлія въ Маньчжуріи. Въ прошломъ столѣтіи, изъ этого же мѣстечка, отправлялось еще лишь нѣсколько десятковъ тысячъ мѣшковъ, а въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія лишь нѣсколько сотъ тысячъ.

— 23-го. Слабость правительства непостижима, — оно прекратило снова доставку въ столицу хлѣба моремъ изъ южныхъ про-

винцій. А само же въ прошломъ году высказало мысль, что суммъ, употребляемыхъ на провозъ хлѣба каналомъ, который пріобрѣлъ такую фальшивую знаменитость въ Европѣ, достаточно, чтобъ купить на нихъ втрое больше хлѣба, доставляемаго моремъ. Теперь, когда финансы государства находятся въ самомъ критическомъ состояніи, когда, по словамъ одного юйши, въ его докладѣ насчетъ литья денегъ, изъ числа сорока милл. ланъ ежегоднаго дохода не добывается почти цѣлой трети, когда въ доставкѣ хлѣба есть тоже недѣимки,—въ это самое время правительство оставляетъ мѣру, которую оно должно бы всячески поддерживать, даже въ самое благополучное время. Какая же этому причина? Въ указѣ просто сказано, что пора оставить морской провозъ хлѣба, допущенный только на время; между тѣмъ черезъ два или три дня послѣ того въ газетахъ сообщено было, что министерство финансовъ и военное докладывали императору о прибавкѣ судовъ для подавленія морскихъ разбойниковъ, и хотя этотъ докладъ едва ли явится въ свѣтъ, но вотъ, кажется, истинная причина прекращенія морскаго пути:—мы уже говорили, что морскіе разбойники поджидали возвращающіеся изъ Тяньцзина суда, которыя везли съ собою по всей вѣроятности большую часть вырученныхъ за хлѣбъ денегъ; но Китайцы, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ разбойниковъ вооруженною силой, рассуждаютъ по своей логикѣ: если никто не будетъ ѣздить, то не будетъ и разбойниковъ, а если правительство и думаетъ усилить свою морскую силу, то оно понимаетъ тоже, что это едва ли будетъ имѣть успѣхъ, когда будетъ приманка. Мы скажемъ прямо: китайское правительство никогда не думало оставлять по себѣ памятниковъ, которые свидѣтельствовали бы о его существованіи и послѣ паденія династій; всѣ великолѣпные дворцы, монументы составлялись изъ матеріала, который не въ силахъ простоять нѣсколько вѣковъ, и потому гдѣ теперь великолѣпныя зданія Сунской династіи? Но есть два монумента, сооруженные для вѣчнаго посрамленія Китая и обличенія его трусости: это—великая стѣна, которую столько разъ перешагали кривонogie номады, и знаменитый каналъ. О первой и говорить нечего,—она вмѣстѣ съ городами, которые всѣ огораживаются стѣнами, ясно говоритъ о назначеніи своемъ защищать трусовъ. Въ каналъ же, правда, никто не думалъ видѣть этого назначенія, а

между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это точно такъ. Представьте себѣ полосу земли, расположенную вдоль самаго огромнаго океана, на пространствѣ 20 слишкомъ градусовъ по прямой линіи, не считая Шаньдунскаго полуострова, полосу, заселенную густою массою народа дѣятельнаго, или, по крайней мѣрѣ, готоваго на всѣ средства для добыванія себѣ пропитанія, народа, превосходившаго до настоящаго столѣтія всѣ другія націи своими мануфактурными произведеніями и обладающаго драгоцѣннымъ продуктомъ—чаемъ, котораго больше нигдѣ нѣтъ въ мірѣ! Спрашивается, что же больше нужно было этому народу, чтобы сдѣлаться значительною морскою державою, завести купеческій флотъ и развить на основаніи его морскія силы? Юаньская династія положила основаніе каналу, именно для того, чтобы обезпечить продовольствіе столицы, когда ей стали объявлять, что флоты ея съ припасами теряются въ водахъ океана. Другою причиною было именно появленіе морскихъ разбойниковъ, о которыхъ теперь государства Запада почти не имѣютъ и понятія. Вотъ вся польза отъ знаменитаго канала, другой нѣтъ; а если купецъ и провозитъ по немъ свои товары, то развѣ на казенныхъ судахъ, гдѣ вопреки запрещенію всегда находится готовое для нихъ мѣсто въ трюмѣ, между тѣмъ, какъ хлѣбъ лежитъ только на палубѣ, и матросы, не будучи судохозяевами, готовы всегда взять гораздо меньшую плату, чѣмъ тотъ, кто бы имѣлъ свое судно, и кого едва ли пропустили бы черезъ шлюзы безъ огромной платы. Да, стоитъ только взглянуть на положеніе канала, чтобы убѣдиться, что его назначеніе не соответствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ ожидать отъ такого рода національнаго труда. Онъ тянется вдоль морскихъ береговъ, а не черезъ внутренность страны, гдѣ бы онъ могъ облегчить сбытъ произведеній. Онъ соединяетъ два приморскіе города Тяньцзинь и Ханчжоу, сообщеніе между которыми гораздо скорѣе и дешевле моремъ.

— Ци инъ сдѣланъ министромъ канцлеромъ (сэ-бань-да-сѣ-ти); но всего замѣчательнѣе, что на его мѣсто въ званіе вице-канцлера произведенъ снова Ци-тань, генералъ-губернаторъ Сычуаня, который имѣлъ уже это титуло прежде, до дѣла съ Англичанами, за которое онъ былъ привезенъ въ столицу въ цѣпяхъ. Разумѣется, онъ былъ правъ, и вѣроятно же всего, что императоръ раскаивается, что не подтвердилъ его трактата. Но Китайцы

толкуютъ, что не бывало еще до сихъ поръ примѣра, чтобы кто-нибудь, однажды потерявшій званіе канцлера, снова получилъ его, хотя бы и возвысился до первыхъ степеней. Они не въ силахъ понять и погрѣшности императорской, и толкуютъ, что дѣла въ Сычу-анѣ до поступленія Ци-таня въ званіе генераль-губернатора были въ такомъ состояніи, что черезъ годъ непременно вспыхнуло бы возмущеніе. Этимъ же они объясняютъ, почему и Ци-инъ замѣтилъ только-что умершаго Бао-сина, который прежде былъ сычуаньскимъ губернаторомъ и по старости воротился въ столицу, гдѣ и умеръ. Еслибы, говорятъ они, императоръ любилъ его, то въ доказательство этого онъ не долженъ бы былъ отдавать мѣсто его кому бы то ни было, по крайней мѣрѣ въ продолженіе года; случалось, что послѣ хорошихъ министровъ ихъ званіе не давалось по четыре года — богдоханъ, дескать, думаетъ о покойникѣ. Впрочемъ мы замѣтимъ господамъ педантамъ, что время на время не приходитъ, и что еслибы Бао-синъ былъ виноватъ, то при настоящемъ императорѣ не уцѣлѣлъ бы. Сколько можно насчитать самыхъ высшихъ лицъ, которыя теряли все, какъ скоро открывались ихъ продѣлки. Приведемъ въ примѣръ Си-гуна, перваго любимца, который былъ на ближайшей ступени къ трону, а теперь лишился и своего графскаго выслуженнаго достоинства. Гдѣ теперь братъ императрицы матери, Хэ-гунъ, котораго трепетала вся столица? Гдѣ И-лю-э, бывшій генераль-полицеймистеръ столицы? Всѣ они пали, лишь только до свѣдѣнія императора, который, надобно признаться, столько строгъ и правосуденъ, сколько можно ожидать отъ китайскаго образованія, доходили ихъ проступки. Самъ Ци-шанъ не служитъ ли яснымъ тому доказательствомъ? Императору показалось, что если онъ не подкупленъ, то слишкомъ преувеличиваетъ опасность отъ Англичанъ, и его приговорили къ смертной казни. Между тѣмъ мы видимъ въ императорскомъ указѣ по случаю смерти Бао-сина, сколько онъ ни формаленъ, прямое участіе въ потерѣ стараго слуги. Богдоханъ, кромѣ обычныхъ выраженій (и смѣшныхъ указаній, что дважды посылалъ къ нему навѣдываться о его болѣзни, что подарилъ ему женшеню и проч.), даритъ ему покрывало (до-ло-бэй) на гробъ, на которое имѣютъ право князья первыхъ двухъ степеней, посылаетъ старшаго сына съ двадцатью адъютантами для возліанія передъ покойникомъ, тогда какъ къ скончавшемуся вчера семи-

десятилѣтнему Сы-бай-лэ, своему единственному двоюродному брату, посылаетъ только младшаго сына съ десятью адъютантами.

— Какой-то юй-ши вздумалъ предлагать императору отливать мѣдную монету въ 10 и 50 чоховъ, увѣряя, что это принесетъ большую пользу и положить конецъ тому, что при взносахъ въ казначейство не будетъ недостатка; жаль, что онъ не предложилъ еще дѣлать желѣзные деньги. На чемъ основываетъ онъ свои выводы, объ этомъ не говорить; впрочемъ юй-ши упоминаетъ, что были и другіе прожектеры, которые предлагали отливать чохи немного больше обыкновенныхъ, и выдавать ихъ за 1000 или 500 чоховъ; но что эта мѣра, принятая нѣсколько разъ въ древнія времена, была отвергнута, изъ опасенія, что поддѣлыватели монеты не упустили бы съ своей стороны такого превосходнаго случая. Надобно знать, что и такая ничтожная монета, каковъ настоящій китайскій чохъ, имѣющій цѣну нашей полушки, подвергается поддѣлкѣ. Ежегодно, съ юга, привозятъ множество связокъ чоховъ, на которыхъ нѣтъ и лица и которые гораздо меньше и тоньше; такіе малые чохи обыкновенно покупаются по 300 большихъ чоховъ за 1000 и сортируются лавочниками въ связкахъ съ большими чохами. Вѣроятно, правительство по той же причинѣ боится и выпуска ассигнацій; кромѣ того, его пугаютъ времена династій Юаньской и Минской. Оно не знаетъ настоящаго назначенія ассигнацій, какъ кредитныхъ билетовъ, и не придетъ къ мысли, что, выпуская ихъ, нужно, для приданія имъ цѣнности, и принимать ихъ же, чего не дѣлала Юаньская династія. Однако можетъ быть, что въ нумизматикѣ китайской прибавится новая монета, потому что императоръ велѣлъ тайному совѣту разсмотрѣть докладъ этого юй-ши. Одна выгода, которой можно ожидать отъ большихъ чоховъ, будетъ та, что правительство сбережетъ издержки на отливаніе; потому что, какъ говорить юй-ши, каждый чохъ, отливаемый на монетномъ дворѣ, обходится правительству въ два или три чоха.

Декабря 1-го. Я нарочно не упоминалъ въ свое время о докладѣ министерства финансовъ, поданномъ тому назадъ съ полмѣсяца, касательно недостатка денегъ, дожидаясь, что изъ этого выйдетъ. Теперь передо мной отвѣтъ составленной по этому случаю комиссіи, и изданный на основаніи его богдоханомъ указъ.

Такъ какъ принимаемыя правительствомъ мѣры касаются важныхъ преобразованій въ китайскихъ финансахъ, то мы стараемся здѣсь, приведя вполнѣ какъ указъ, такъ и проектъ, поговорить подробнѣе о китайскихъ финансахъ, чтобы сдѣлать болѣе понятными и самые документы, нынѣ обнародованные.

Министерство финансовъ докладывало, что по случаю войны съ Англичанами, поправокъ на Желтой рѣкѣ, пропажи денегъ изъ казначейства (1), неурожая въ провинціи Хо-нань и послѣдняго возмущенія въ Кашгарѣ, правительство издержало изъ своего запаснаго капитала болѣе 50,000,000 ланъ (свыше 100 милл. руб. сер.), такъ что главное казначейство теперь совершенно опустѣло, и министерство едва удовлетворяетъ обыкновеннымъ расходамъ изъ получаемыхъ доходовъ. Но еслибы обстоятельства вдругъ потребовали чрезвычайныхъ издержекъ, то не откуда было бы взять денегъ. На этомъ основаніи министерство предлагало убавить часть столовыхъ у чиновниковъ въ провинціяхъ и часть жалованья у служащихъ въ столицѣ (гдѣ нѣтъ столовыхъ или

(1) Въ главномъ казначействѣ въ Пекинѣ прежде хранилось большое количество денегъ въ запасъ, которымъ велся счетъ и производилась отъ времени до времени ревизія. Но обревизовать вдругъ сто милліоновъ серебромъ въ слиткахъ—дѣло невозможное, и правду могли знать только казначеи; они уже за сорокъ по крайней мѣрѣ лѣтъ разочли, что чѣмъ лежать деньгамъ даромъ въ казначействѣ, лучше пустить ихъ въ оборотъ; итакъ, когда изъ провинцій привозилось серебро, часть его всегда препровождалась на домъ пріемщика, который за то не придирался къ сдатчику, и выдавалъ ему квитанцію въ полученіи всѣхъ денегъ сполна въ казначействѣ. Такимъ образомъ, въ продолженіи сорока лѣтъ, не принято въ казначейство всего только восемь милліоновъ ланъ или 16 съ небольшимъ милліоновъ рублей серебромъ; среднимъ числомъ по 150 т. р. въ годъ: право, это еще очень совѣстно со стороны китайскихъ казначеевъ! И притомъ говорится, что начали воровать за 40 лѣтъ, по той причинѣ, что за 41 годъ передъ этимъ, самъ нынѣшній богдоханъ Даогуанъ, бывшій тогда еще великимъ княземъ, ревизовалъ казначейство, слѣдовательно при немъ все было въ чѣлости! Утащить же изъ самаго казначейства нѣтъ возможности (?), потому что въ кладовыя входятъ за деньгами присяжные, раздѣтые до-нага. Пропажа открылась потому, что послѣ расходовъ на войну съ Англичанами, когда стали имъ еще уплачивать контрибуцію, изъ казначейства вышли всѣ наличныя запасныя суммы, и тогда уже нельзя было скрыть. Въ свое время эта кража надѣлала много шуму...

точнѣе совѣстныхъ денегъ); сверхъ того, оно имѣло въ виду убѣ-
дить князей пожертвовать частью своихъ доходовъ. До сихъ поръ
обыкновенно, въ случаѣ недостатка денегъ, прибѣгали къ повы-
шенію цѣны на соль, и въ министерствѣ уже разсуждалось объ
этомъ; но оно боится возбудить ропотъ, потому что цѣна на
соль и безъ того высока. Министерство предлагало еще развить
какъ можно болѣе систему пожертвованій, или продажи чиновъ,
одну изъ всегдашнихъ мѣръ правительства, когда встрѣчаются
экстренныя издержки.

Богдоханъ, вслѣдствіе этого доклада, нарядилъ особую ком-
миссію изъ членовъ княжескаго приказа (Цзунъ-жень-фу), чле-
новъ государственнаго совѣта, министерства финансовъ и проч.
Эта коммиссія, какъ мы видимъ, покончила все дѣло въ полмѣ-
сяца; за три дня уже передъ этимъ, вслѣдствіе ея доклада, отпра-
влены въ Шаньдунъ Ци-инъ, а въ Бао-динъ-фу (главный городъ
Чжилійской провинціи)—Цзюнь-ванъ-цзай-цюань (предсѣдатель
княжескаго приказа, начальникъ генералъ-адъютантовъ, самое
первое лицо въ государствѣ), для совѣщанія съ тамошними губер-
наторами объ устройствѣ соляныхъ дѣлъ; видно, что чиновники
пожалѣли жалованья и поспѣшили принять дѣятельныя мѣры.

Не забудемъ, что здѣсь дѣло вовсе нейдетъ о покрытіи не-
обходимыхъ издержекъ, а только о запасѣ суммъ, нужныхъ на
непредвидѣнные случаи. Для ясности, не мѣшааетъ здѣсь пред-
ставить краткое обзорѣніе доходовъ и расходовъ въ Китаѣ.

Государственные доходы настоящей династіи, по всему го-
сударству, заключаются приблизительно въ слѣдующемъ:

Въ подушныхъ и податяхъ съ земли	29,410,000 ланъ (слишкомъ).
Съ соянаго налога	5,745,000 —
— таможенъ	5,405,000 —
— тростнику по берегамъ морей и озеръ	122,500 —
— рыбныхъ промысловъ	24,000 —
— чаю	73,000 —
— ярмарокъ и гостиницъ	858,000 —
— купчихъ	190,000 —
— серебряныхъ и свинцовыхъ рудни- ковъ (въ провинціи Юньнань) (1)	81,000 —
	<hr/>
	41,908,500 —

(1) Доходы этого же рода въ провинціяхъ Шаньси, Хунань, Сы-чуань.
Гуандунъ и Гуанси неопредѣленны.

Такимъ образомъ, въ годъ всѣ доходы простираются до 40 слишкомъ миллионѣвъ лавъ серебромъ. Сюда не входятъ 4,619,000 мѣшковъ хлѣба, получаемыхъ натурой изъ провинцій Цзянь-нань, Чжецзянь, Хугуанъ, Цзянь-си, Хэнанъ и Шаньдунъ, и 240,000 мѣшковъ, получаемыхъ съ военныхъ поселеній на Новой линіи.

Государственные расходы слѣдующіе:

На жалованье (всѣхъ видовъ, считая и тѣ случаи, гдѣ вмѣсто провіанта и фуража на лошадей выдается деньгами) слишкомъ восьми стамъ тысячамъ мзньчжурскаго и китайскаго войскъ :	17,037,100 лавъ.
На жалованье князьямъ и чиновникамъ	938,700 —
Столовыхъ: гражданскимъ чиновникамъ	3,473,000 —
— военнымъ	800,000 —
На награды и вспоможеніе войску . .	300,000 —
На пенсіоны знаменнымъ и на кантонистовъ изъ нихъ	422,000 —
— училища	140,000 —
— станціи	2,000,000 —
— содержаніе 5,688 судовъ подъ сплавъ провіанта	120,000 —
— награды знаменнымъ передъновымъ годомъ, равняющіяся мѣсячному жалованью	380,000 —
— рѣчныя работы: по Восточному Каналу	800,000 —
— на южныхъ рѣкахъ	3,000,000 —
— издержки въ присутств. мѣстахъ въ столицѣ	143,000 —
— жалованье монгольскимъ и прочимъ вассальнымъ князьямъ	128,000 —
Въ различныя присутств. мѣста (1) на жертвы и угощенія	560,000 —
На заготовленіе красокъ, дерева, мѣди, холста и проч.	121,014 —
— шелковыхъ матерій	140,050 —

(1) Ней-ву-фу, Гунбу, Тай-чан-сы, Гуанъ-лу-сы и Ли-фанъ-юань.

На матеріалы въ монетныхъ дворахъ въ Пекинѣ	107,670 ланъ.
— писцовъ и прислугу въ столичн. присутств. мѣстахъ	83,330 —
— фуражъ казеннымъ лошадямъ, коровамъ, баранамъ и слонамъ въ-столицѣ	83,560 —
	<hr/>
	30,777,424 —

По этому разсчету, излишекъ доходовъ долженъ простирается въ годъ до 20 м. рублей; но между расходомъ не показаны издержки на выкупъ знаменныхъ земель, на жалованье происходящимъ отъ царскаго рода (не имѣющимъ титула, желтопояснымъ), число которыхъ простирается до 30,000, и также на содержаніе и жалованье 2400 слишкомъ евнуховъ въ императорскомъ дворцѣ и загородныхъ мѣстахъ, которымъ выдается жалованье не одинаково (отъ 5 до 1 ланы въ мѣсяцъ).

Все это, однакожъ, никакъ не можетъ составить суммы свыше 10 милліоновъ руб. сер. и, слѣдовательно, въ мирное время, или когда не требуется экстренныхъ расходовъ, чистый остатокъ государственныхъ доходовъ долженъ бы простирается все-таки по крайней мѣрѣ до 10 милл. рублей серебромъ. При этомъ надобно замѣтить, что доходы, получаемые китайскимъ правительствомъ, нисколько не могутъ похвастаться обременительными. Нѣтъ ни одной статьи, которая въ другихъ государствахъ не была бы обременена гораздо болѣе налогомъ. Китайскіе финансеры, какъ видимъ, отдають предпочтеніе прямымъ налогамъ передъ косвенными; почти три четверти всего дохода падаютъ на землю; но этотъ налогъ все-таки никакъ не долженъ считаться значительнымъ. Если на одну десятину обрабатываемой земли (считая во всемъ государствѣ до 80 милліоновъ) и падаетъ круглымъ счетомъ до 75 к. сер., то не надобно забывать при этомъ, что тутъ заключаются и подушныя и подать съ такихъ земель, которыя даютъ часто три раза въ годъ жатву; земля въ Китаѣ при огромнѣйшемъ народонаселеніи считается однимъ изъ главнѣйшихъ условій богатства, и такимъ образомъ поземельнаго налога приходится никакъ не болѣе 15 копѣекъ на душу, а всего-на-все правительство беретъ налогу съ души только 20 к. сер. въ годъ. По этому разсчету, Англія не должна бы имѣть дохода свыше 6 милліо-

новъ руб. сер., и то не принимая въ расчетъ того обстоятельства, что почва въ Англіи, несмотря на все удобреніе (въ которомъ не отстали и Китайцы), никакъ не можетъ быть такъ же производительною, какъ въ Китаѣ, благопріятствуемому климатомъ и природой. Что касается до косвенныхъ налоговъ, то мы видимъ, что ни одна статья дохода не можетъ быть сравниваема съ тою тяжестью, какою она падаетъ въ Европѣ, не исключая даже самого главнаго налога на соль по $2\frac{1}{2}$ коп. на душу и столько же по таможенной части. Одинъ доходъ съ чаю, произведенія, исключительно свойственнаго Китаю, даетъ правительству самую незначительную сумму, тогда какъ всѣ государства, употребляющія его, умѣютъ извлекать черезъ него огромныя деньги. Замѣтимъ здѣсь кстати одно обстоятельство. Никто не споритъ, что въ Китаѣ очень много злоупотребленій, что система взяточничества и доходовъ сильно развита, то-есть, помимо поступающихъ въ казну суммъ, другіе поборы попадаютъ въ карманъ чиновниковъ. Но если эти незаконные поборы присоединить къ налогамъ, допущеннымъ правительствомъ, то и тогда окажется, что все же народъ не платитъ столько, сколько въ другихъ государствахъ, и что поэтому китайское взяточничество напрасно вошло въ пословицу. Вообще налоги (исключая соляной) падаютъ на тѣхъ, которые въ-силахъ платить, потому что земледѣлецъ въ Китаѣ не можетъ насидѣться съ хлѣбомъ. Что же касается до дороговизны денегъ и происходящаго отъ этого пониженія въ цѣнѣ товаровъ и задѣльной платы, то это зависитъ отъ преизбытка класса, не имѣющаго собственности и потому ничего не платящаго правительству. Хотя Китай добываетъ самъ только малое количество драгоцѣнныхъ металловъ, но они стекаются въ него тысячами, и денегъ здѣсь не мало; не говорю уже объ обращеніи всюду ассигнацій частныхъ банковъ. Разказываютъ о множествѣ богачей, имѣющихъ запаснаго наличнаго капитала часто даже до 100 милліоновъ рублей серебромъ. Доказательствомъ этого можетъ служить фактъ объ одномъ купцѣ, пожертвовавшемъ вдругъ четыре милліона на военныя издержки. Кладовыя такихъ богачей представляютъ, по разказамъ Китайцевъ, цѣлую крѣпость; онѣ обнесены стѣнами и рвами; кругомъ ходятъ день и ночь караульные.

У насъ въ подворья теперъ много толкуютъ о критическомъ

положеніи правительства, объ упадкѣ его финансовъ. Но вникните въ чемъ заключается все дѣло. Чтобы сумѣть увеличить государственные доходы посредствомъ новыхъ налоговъ, конечно нѣтъ недостатка въ смыслѣ и у китайскаго правительства; оно понимаетъ богатство народныхъ средствъ или множество источниковъ. Но къ чему нужно такое увеличеніе? что будетъ оно дѣлать съ притекшими къ нему суммами? Если употреблять эти доходы на производство общепользныхъ работъ, то въ Китаѣ этого сдѣлать нельзя,—чиновники въ самомъ дѣлѣ украдутъ по крайней мѣрѣ половину; увеличить армію—но нужно ли это, когда войска и безъ того считается 800,000? Жалованье чиновникамъ также самое достаточное, судя по дешевизнѣ всего: оно простирается отъ 1000 до 150,000 руб. серебромъ. Притомъ китайское правительство уже болѣе 2000 лѣтъ руководится правиломъ: стараться какъ можно менѣе отягощать народъ налогами, не давать ему повода къ ропоту, выдумывая новыя статьи доходовъ; оно разрабатываетъ районъ только тѣхъ налоговъ, которые введены уже съ давняго времени. Мало того, еслибъ нашлся господинъ, который бы обѣщалъ правительству увеличеніе его доходовъ, то оно приняло бы его не съ благодарностію, а наказало бы какъ врага отечества. Недавно еще кто-то предлагалъ, говорятъ, брать по нѣскольку копѣекъ съ лавокъ, и правительство не приняло этого проекта. Исторія можетъ представить намъ множество случаевъ, что богдоханы издавали именныя указы, чтобы никто не осмѣливался входить къ нимъ съ проектами объ увеличеніи государственныхъ доходовъ.

Въ чемъ же дѣло теперь? Правительство, какъ мы видѣли выше, не нуждается въ деньгахъ на покрытіе обыкновенныхъ издержекъ; для этого попрежнему достаточны доходы, но запасное казначейство истощилось и, въ случаѣ экстренныхъ надобностей, не откуда будетъ взять денегъ; запасное казначейство не пополняется остатками доходовъ, потому что иначе не о чемъ было бы и разсуждать.

При нынѣшней династіи не разъ случалось, что въ запасномъ казначействѣ хранилось до 160 милліоновъ р. сер. Чтобы выпустить въ обращеніе хотя часть ихъ и не накапливать болѣе запасныхъ суммъ, правительство принуждено было прощать подати за годъ цѣлымъ провинціямъ, награждать щедро знаменныхъ

солдатъ, однимъ словомъ, придирается ко всякому случаю сдѣлать издержки. Мы видѣли выше, что по обыкновенному бюджету въ запасное казначейство должны поступать отъ 10 до 20 милліоновъ р. сер. ежегодно; такимъ образомъ, чтобъ привести это казначейство въ нормальное положеніе (то-есть чтобъ въ немъ было отъ 80 до 150 милліоновъ руб.), нужно лишь нѣсколько лѣтъ спокойствія или избытка доходовъ передъ расходами.

Но въ настоящее время финансы разстроились не отъ одной потребности въ расходахъ, а болѣе отъ злоупотребленій въ самыхъ статьяхъ доходовъ; чтобъ поправить финансы, нужно только стараться устранить злоупотребленія, а не выдумывать новыя статьи. Точно такія соображенія руководили правительствомъ и въ настоящемъ случаѣ; ему не нужно отыскивать новыхъ источниковъ, пускаться въ непривычную сферу опытовъ; оно должно разработать старые матеріалы, очистить ихъ отъ злоупотребленій. При недостаткѣ въ Китаѣ энергіи, при распространеніи потворства со стороны правительства, избалованнаго блестящими прежде успѣхами и цвѣтущимъ состояніемъ финансовъ, великъ уже и тотъ подвигъ, на который оно рѣшается. Бѣда не въ томъ, что будто средства государства истощены, а въ томъ, что оно, дѣйствуя въ извѣстномъ кругу соображеній, всегда уклоняясь отъ радикальныхъ преобразованій, изъ которыхъ при его слабости можетъ произойти еще болѣе зла, не сдѣлаетъ ничего, несмотря на всѣ умныя мѣры: поговорять, поговорять, да и отстануть, и все пойдетъ опять попрежнему.

Одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ доходовъ послѣ подушныхъ состоитъ, какъ мы видѣли выше, въ налогѣ на соль; съ нимъ равняется изъ косвенныхъ налоговъ только таможенный, которымъ правительство, кажется, очень довольно: здѣсь не бываетъ недочета — и очень натурально. Для каждой таможни опредѣлено съ давняго времени, сколько она должна представлять въ годъ денегъ, и сверхъ того положено, чтобъ съ каждымъ годомъ хоть что-нибудь прибавлялось сверхъ прошлагодняго, и это исполняется свято. Что тутъ удивительнаго? мы видѣли, какъ ничтожны суммы всѣхъ таможенныхъ доходовъ въ сложности для такого огромнаго государства. Конечно, директоры таможенъ ужъ такъ довольны остатками, перепедающими въ ихъ карманъ, что и не думаютъ захватывать часть, слѣдующую

казнѣ. При постоянномъ увеличеніи народонаселенія, опасенія за упадокъ промышленности не можетъ быть никакого. Совсѣмъ другое дѣло съ солью: хотя распоряженія насчетъ продажи ея и не одинаковы, но главнымъ образомъ продажа эта подходитъ къ нашимъ виннымъ откупамъ; на каждую провинцію рассчитано, сколько должно продать соли, на которую назначается отъ правительства и цѣна. Мѣстное начальство выбираетъ самыхъ знаменитыхъ купцовъ для сдачи этого откупа; прежде это была завидная доля, потому что, разумѣется, правительство предполагаетъ гораздо меньшее количество соли противъ продаваемого въ дѣйствительности. О соляныхъ откупщикахъ сохранились съ прежнихъ временъ почти баснословные разказы: такъ они были нѣкогда богаты! По правительству, въ случаѣ надобности въ деньгахъ, стало мало-помалу возвышать цѣну на соль, и вслѣдствіе этого появилась страшная контрабанда, отчего всѣ купцы стараются уклониться отъ заложенія на нихъ откупа, а тѣ, которые не могутъ его избѣжать, разоряются и не доставляютъ въ казну всего положеннаго количества денегъ. Разумѣется, они разоряются отчасти и потому, что мѣстныя власти все еще по старому смотрятъ на нихъ какъ на запасное казначейство. Итакъ, теперь правительство обратило вниманіе на то, какъ бы поправить соляной откупъ, и мы видимъ, что оно командируетъ своихъ вельможъ, для изученія всѣхъ средствъ, на мѣста добыванія соли, которыя на сѣверѣ находятся въ Тянь-цзинѣ и Шань-дунѣ (на югѣ соль, получаемая около рѣки Хуай, подчинена особымъ правиламъ, и, кажется, тамъ злоупотребленія не такъ увеличились).

Правительство, сверхъ обыкновенныхъ налоговъ, допускаетъ одинъ экстренный, именно продажу чиновъ, подъ благовиднымъ именемъ пожертвованій. Открывается ли война, случается ли голодъ, или потребовались чрезмѣрные рѣчныя работы, во всѣхъ этихъ случаяхъ, чтобъ поддержать запасныя суммы, открывается продажа чиновъ, издаются постановленія, за сколько и кто можетъ получить какой чинъ; есть различіе въ платѣ, смотря по тому, хотятъ ли получить только чинъ или и самую должность и притомъ немедленно или по очереди; есть различіе въ платѣ, смотря по лицу, покупающему мѣсто: чиновникъ, ученый, который современемъ и безъ того могъ бы получить эту должность или этотъ чинъ, платитъ меньше простолюдина, и притомъ обра-

щается. вниманіе на мѣсто его службы (1). Укажемъ на Ю-чжунъ-ци, одного изъ знаменитѣйшихъ генераловъ прошлаго столѣтія: онъ тоже началъ съ того, что купилъ себѣ военный чинъ. Этотъ примѣръ показываетъ, что право способностей отъ покупки чиновъ нисколько не страдаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ право на повышение въ должностяхъ обыкновеннымъ порядкомъ? Докторскіе экзамены, наука: какая, кажется, прекрасная мысль! Но когда мы посмотримъ, что заключается существеннаго въ этихъ познаніяхъ докторовъ, то невольно родится вопросъ:—почему же не сдѣлать министрами нашихъ дьячковъ или уже много семинаристовъ? Иной изъ Китайцевъ ни какъ не сумѣетъ написать отличной хриіи, за какую дается ученая степень, но случается, что смыслу въ немъ болѣе, чѣмъ въ другомъ педантѣ; онъ чувствуетъ свое призваніе, и вотъ кстати подоспѣваетъ продажа чиновъ! Чинъ дается богатству, но дальнѣйшая карьера зависитъ отъ способностей. Къ чести китайскихъ чиновниковъ надобно замѣтить, что они, принадлежа по большинству къ ученымъ, косо смотрятъ на добившихся равнаго съ ними званія посредствомъ денегъ, и ничто не мѣшаетъ губернатору провинціи войти съ представленіемъ, что такой-то купившій чинъ неспособенъ къ должности. Если же разсуждать, что чиновникъ, награбившій деньги на низшей должности, покупаетъ теперь высшую, именно въ томъ предположеніи, что на ней будетъ получать еще больше доходовъ, то что вреда отъ этого китайскому государству? вѣдь не тотъ, такъ другой все равно получалъ же бы столько же. И пусть ужъ лучше дурная слава падетъ на торгаша, чѣмъ на истиннаго ученаго.

Но по большей части люди не изъ числа ученыхъ покупаютъ только чины, а не должности, именно богатые купцы и прочіе зажиточные люди. Здѣсь играетъ роль тщеславіе,—но нѣтъ, виновать,—не одно тщеславіе, а и чувство самосохраненія; купившій чинъ или шарикъ не только тщеславится этимъ въ кругу своихъ знакомыхъ, но когда встрѣтятся обстоятельства, то—есть когда онъ явится въ присутственномъ мѣстѣ для суда, съ нимъ нельзя уже обращаться, какъ съ простолюдиномъ, нельзя пы-

(1) Продажа чиновъ производится до званія дао — родъ прокурора надъ двумя или тремя департаментами.

татъ его, давать ему пощечины, нельзя даже ставить его на колѣни: для этого надобно, какъ и для прочихъ чиновниковъ, испрашивать особое разрѣшеніе отъ императора—снять съ него шарикъ! Вообще нѣтъ ни одного богатаго человѣка, который бы не воспользовался правомъ покупки чина; потому-то считаютъ, что отъ продажи чиновъ правительство получаетъ круглымъ числомъ ежегоднаго дохода до шести милліоновъ руб. сереб. Итакъ въ настоящее время правительство обратило вниманіе между прочимъ и на этотъ налогъ; оно желаетъ сдѣлать покупку чиновъ доступнѣе, отказываясь за это только отъ права давать большее количество пощечинъ! Разказываютъ анекдотъ о томъ купцѣ, который, какъ я упомянулъ выше, пожертвовалъ заразы болѣе четырехъ милліоновъ руб. сер. Богдоханъ велѣлъ губернатору съѣздить къ нему и спросить, какой онъ желаетъ награды. Кто-то подучилъ купца просить званіе доктора! Но при этомъ вооружился весь ученый міръ: купецъ могъ получить все, кромѣ ученой степени! Помнится, гдѣ то Конфуцій сказалъ: лучше сосудъ, чѣмъ имя; то-есть можно дать принадлежности, свойственныя извѣстному званію, но не самое имя!

Наконецъ, главную вѣтвь государственныхъ доходовъ составляютъ подушныя и подати съ земли по кадастру; въ послѣднее время, они стали не добираться въ огромномъ количествѣ. Здѣсь уѣздные начальники, конечно, чувствуютъ себя не въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ таможенные директоры: хотя меня и увѣряли, что съ каждой му (1) обыкновенно платятъ въ полтора раза дороже положеннаго количества, и это не считается обременительнымъ; однакоже годъ на годъ не приходится. Не всегда вина падаетъ и на уѣзднаго правителя, который, разумѣется, прежде всего заботится получить то, что ему слѣдуетъ самому, а потомъ уже думаетъ о казнѣ; присяжные или сборщики тоже думаютъ о себѣ и за нѣсколько чоховъ объявляютъ, что съ такого-то нечего взять; крестьяне также думаютъ о себѣ, а черезъ десять лѣтъ является амнистія, и всѣ недоимки слагаются!

Теперь правительство прежде всего старается привести въ ясность и отчетность, какъ недоимки, такъ и то, что уже собрано.

(1) Му мѣра земли.

но можетъ-быть не показано; общаетъ награды правителямъ, которые будутъ представлять въ казну положенное количество съ ихъ уѣзда или хоть $\frac{7}{10}$ всего сбора; страшаетъ наказаніями недобирающихъ. Другое злоупотребленіе заключается въ томъ, что въ провинціальныхъ казначействахъ никогда не бываетъ тѣхъ денегъ, которыя въ нихъ остаются изъ полученныхъ доходовъ въ запасъ; въ этомъ, какъ видимъ, подало примѣръ главное казначество, въ которомъ вдругъ не досчитались болѣе шестнадцати милліоновъ! — Въ Китаѣ развита система сборовъ натурой: во многихъ провинціяхъ вмѣсто денегъ собирается подать хлѣбомъ, который иначе надобно бы было покупать для выдачи пайка знаменнымъ солдатамъ въ Пекинѣ; этотъ хлѣбъ отправляется въ столицу по знаменитому каналу. Но доставка падаетъ на тѣхъ же плательщиковъ хлѣбомъ, которые и должны на издержки доставки также платиться хлѣбомъ. Все бы не бѣда, но каково-то при сдачѣ хлѣба! сколько притѣсненій, сколько злоупотребленій, и вслѣдъ затѣмъ опять дефицитъ въ доходахъ правительства, которое старается теперь, нельзя ли вмѣсто хлѣба получать прямо деньги!

До сихъ поръ дѣло шло только объ увеличеніи доходовъ, но вотъ мѣра, принимаемая правительствомъ на общественное благо: оно полагаетъ, что доходы его оттого не полны, что народъ сталъ бѣднѣе. Между тѣмъ, вслѣдствіе предразсудка, что отъ стеченія народа могутъ произойти разбои и бунты, до сихъ поръ не позволялось разрабатывать золотыя и серебряныя руды, и настоящее разрѣшеніе есть неслыханный подвигъ правительства. Заботясь, съ одной стороны, объ увеличеніи доходовъ, правительство хочетъ сократить, съ другой, расходы, и очередь падаетъ на рѣчныя работы, гдѣ, говорятъ, всегда бываетъ страшное злоупотребленіе, такъ что чиновники воруютъ $\frac{6}{10}$ изъ отпускаемыхъ имъ суммъ. Одна мѣра заслуживаетъ здѣсь вниманія: правительство рѣшило сократить расходы, не убавляя, а прибавляя жалованье служащимъ, и распространяя взысканія не на однихъ высшихъ, но и на низшихъ чиновниковъ. Это показалось намъ необходимымъ замѣтить къ поясненію указа и доклада, которые мы намѣрены привести. Они покажутъ намъ образчикъ и другихъ бумагъ въ этомъ родѣ. Упомянемъ еще одно обстоятельство: указъ богдохана обыкновенно издается вслѣдствіе представленнаго ему доклада,

но въ газетахъ является прежде указъ, а потомъ уже докладъ. Потому и мы будемъ слѣдовать этому порядку по мѣрѣ появленія въ свѣтъ официальныхъ документовъ.

Указъ.

«Прошедшій разъ, когда министерство финансовъ представило намъ проектъ насчетъ запаса нужныхъ суммъ, я назначилъ княжеское правленіе (цзунъ-жень-фу), канцеровъ и государственнѣйшій совѣтъ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ самимъ министерствомъ финансовъ; теперь когда вельможи представили мнѣ на разсмотрѣніе обсужденныя ими вмѣстѣ съ палатой пять статей, я, просмотрѣвъ ихъ, нахожу ихъ весьма удовлетворительными. Наше государство давно уже наслаждается спокойствіемъ, и потому естественно ожидать, чтобы оно вкушало самое обширное благополучіе; но когда ослабленіе, начавшееся съ давняго времени, возрастаетъ съ каждымъ днемъ, то еслибы не принять строгихъ мѣръ для его прекращенія, еслибы не возстановить выгоднаго положенія, не уничтожить злоупотребленій, правительство не выполнило бы своихъ обязанностей, чиновники продолжали бы быть небрежными, а народъ страдать. Итакъ представленныя высшими чинами статьи основаны или на уложеніяхъ или на весьма очевидной потребности обстоятельствъ:

«1) По тщательномъ разсмотрѣніи оказывается, что пожертвованія и соляныя дѣла должны быть источникомъ увеличенія доходовъ, и что съ непрестаннымъ увеличеніемъ народонаселенія должно прибѣгать къ послѣдовательнымъ измѣненіямъ. Въ настоящее время соляныя дѣла въ Чжили и Шаньдунѣ находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи; поэтому я нарочно отправилъ Цзюнь-Вана Цзай-Цюаня и другихъ для принятія мѣръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ; эти высшіе чиновники должны непремѣнно съ истиннымъ усердіемъ сообразить всѣ обстоятельства,—и кромѣ мѣръ, которыя уже въ ходу и оказываются удовлетворительными, слѣдовательно пока не требуютъ измѣненія, они должны обсудить всѣ прочія и принять такія, которыя бы служили и къ облегченію народа и къ расширенію доходовъ.

«2) Касательно собранія податей въ губерніяхъ, уже приняты мѣры для освидѣтельствованія губерній Цзянь-су, Чже-Цзянь, Хэ-нань, Шань-дунъ, Фу-Дзянь, Сы-Чуань и пр. Имъ назначенъ опредѣленный срокъ; но опасаясь, чтобы не произошло замедленія въ отчетахъ ихъ палатѣ финансовъ и въ составленіи счетныхъ книгъ, повелѣваю чтобы генералъ-губернаторы и губернаторы провинцій напередъ поспѣшно приготовили четырехъ-графовыя счетныя книги, по одной для каждаго губернскаго города (фу), и со дня полученія указа, они должны окончить все въ продолженіе восьми мѣсяцевъ; для недочетовъ уже указано мѣсто, откуда они должны быть пополнены. Итакъ

генералъ-губернаторы и губернаторы должны какъ можно скорѣе приготовить отчетъ, а не откладывать по недѣтельности; какъ скоро счетныя книги будутъ окончены, то они должны извѣстить объ этомъ палату финансовъ, которая по мѣрѣ прихода будетъ извѣщать тайный совѣтъ, а этотъ обязанъ въ неопредѣленное время просить меня объ отправкѣ ревизоровъ (цинъ-чай) въ разные города и уѣзды, для освидѣтельствованія (дѣйствительно ли находятся на лицо показанныя суммы). Что касается до прежнихъ недостатковъ въ суммахъ, то сдѣланы уже распоряженія для пополненія и взысканія ихъ, и хотя чиновники заслуживаютъ поэтому наказанія, но я непремѣнно прощу имъ то, что они прежде не прилагали должнаго старанія; только если послѣ донесенія министерства финансовъ откроется истина: *года стечетъ и выставятся камни*, если ревизоры откроютъ новый недостатокъ въ суммахъ, то чиновники немедленно будутъ преданы суду и не получатъ никакого помилованія. Тѣ мѣста, которымъ выходитъ срокъ раньше этихъ восьми мѣсяцевъ, не должны просить отсрочки на основаніи этого срока, но попрежнему составить бѣловые отчеты и представить въ министерство для повѣрки.

«3) Въ постановленіи о сборѣ хлѣбомъ (податей) есть статья о замѣнѣ его деньгами; только надобно опасаться, что областныя и уѣздныя начальства подъ разными предлогами требуютъ свышепрежде положеннаго, дѣлаютъ насилія при приѣмѣ и такимъ образомъ набиваютъ карманы (мѣшки, что вѣрнѣе для Китая); предположено уменьшить цѣну (за сборъ хлѣбомъ) и присоединить къ главнымъ доходамъ (деньгами); поэтому всѣ генералъ-губернаторы и губернаторы и всѣ завѣдывающіе этимъ лица, сообразивъ обстоятельства, должны соразмѣрно опредѣлить, какая сумма должна быть взыскиваема, и на нее, по положенію, покупать въ плодородныхъ мѣстахъ сѣверныхъ губерній провіантъ или приглашать купцовъ привозить хлѣбъ въ Тянь-Цзинь. Что же касается до отсроченныхъ прежде взысканія податей хлѣбомъ и сбора нынѣшнею осенью, то, не разбирая, прямой ли или дополнительный это хлѣбъ, взыскать вмѣсто его всего деньгами, и отправить ихъ въ министерство. Также за весь хлѣбъ, который долженъ былъ выдаваться на содержаніе и траты перевозчикамъ провіанта и всѣ статьи, каковы: доставленіе въ анбары рогожь, дерева и проч., все это сверстать съ отсроченнымъ хлѣбомъ и, взыскавъ деньгами, препроводить въ министерство. Но если областныя и уѣздныя начальства будутъ подъ этимъ предлогомъ незаконно требовать денегъ вмѣсто хлѣба, сверхъ положеннаго, то немедленно предавать ихъ строгому суду.

«4) Что касается до злоупотребленія въ напрасныхъ издержкахъ по водянымъ работамъ, то это извѣстно каждому; нынѣшній годъ я уже издалъ указъ по этому случаю. Итакъ министерство финансовъ да держитъ въ памяти, что кромѣ опредѣленнаго количества

суммѣ не должно отпускать ни на волосъ болѣе; должно стараться, чтобы и въ отпускаемыхъ по положенію суммахъ избѣгали напрасныхъ издержекъ. Если дѣйствительно чиновники разныхъ *тмюнь* (участковъ) не издержатъ ничего сверхъ положеннаго, то позволено главноуправляющему водяными сообщеніями черезъ три года представлять ихъ къ наградѣ. Отнынѣ штрафованіе главноуправляющаго остается на прежнихъ основаніяхъ, то-есть смотря потому, перелилась ли вода черезъ край или сдѣлала прорывъ, штрафовать ихъ только жалованьемъ или лишать чиновъ съ оставленіемъ на должности, но отрѣшати не нужно; тѣхъ же чиновъ, которые не досмотрѣли, предавать строгому наказанію. Вмѣстѣ съ этимъ прибавляется главноуправляющимъ столовыхъ для поощренія ихъ къ честному управленію; итакъ цзяньнаньскому главноуправляющему выдавать всего 12,000, а шаньдунскому (Хэ-дунъ) 10,000 ланъ, такъ что чрезъ это они по справедливости могутъ воздержаться отъ незаконнаго лихоимства. Что касается до излишняго числа чиновниковъ въ тинахъ, то генералъ-губернаторъ Цзянь-нань и Цзянь-си долженъ, посоветовавшись съ поманутымъ главноуправляющимъ, сократить ихъ число.

«5) Что касается до открытія рудъ, то это естественныя богатства, скрываемаыя землею для народа; еслибы мѣстные чиновники исполняли надлежащимъ образомъ свои обязанности, то какимъ образомъ дошло бы до того, что толпамъ народа легко собраться, а трудно разсѣяться и что на этомъ основаніи стали запрещать народу сыскивать пропитаніе? Итакъ генералъ-губернаторы и губернаторы Сычуаня, Юньнаня, Гуйчжоу, Гуандунъ, Гуанси и Цзянсу должны изслѣдовать находящіеся въ подвластныхъ имъ губерніяхъ рудники, и издать объявленія о позволеніи ихъ разрабатывать. Да и губернаторы прочихъ провинцій также должны тщательно развѣдать о рудникахъ въ своихъ провинціяхъ, и если откроется обѣщающее обильную жатву мѣсто, то по соразмѣрности разрабатывать, а отнюдь не позволяется, изъ опасенія трудности и изъ желанія покоя, отговариваться и выжидать. Если же будутъ откладывать, а не приводить въ дѣйствіе (это мое приказаніе), то (должны знать, что) мнѣ не трудно отправить чиновника для надзора. Если же рудники окажутся дѣйствительно невыгодными для народа или разработка сопряжена будетъ съ большими злоупотребленіями и малою выгодой, то также позволено доносить о закрытіи ихъ. Что же касается до того, производить ли разработку отъ казны или отъ народа или отъ купцовъ, и какимъ образомъ постановить правила для управленія и надзора, то я не отказываюсь издать должныя постановленія; только вышеупомянутые правители, такъ какъ они знакомы съ мѣстными обстоятельствами, должны представить мнѣ напередъ свои соображенія касательно этихъ правилъ.

«Однимъ словомъ, управляющими должны быть люди, а не законы, и потому настоящее измѣненіе истекаетъ подъ вліяніемъ обстоя-

тельствъ и времени. Всѣ эти постановленія, кромѣ тѣхъ, которыя бы въ самомъ дѣлѣ были невыгодны для народа и о которыхъ правители провинцій должны довести, всѣ они должны непремѣнно принять свой ходъ, и никто не смѣй болтать вздоръ и смущать правительство. Если высшіе правители, дѣйствительно, пробуждаѣтъ въ себѣ бодрость; вырываютъ изъ себя болѣзненные недостатки и приложатъ небольшую совѣсть къ великому дѣлу, то не можетъ статься, чтобы изъ этого дѣла не вышло никакой заслуги (пользы); въ непродолжительномъ времени окажется также, что для народа въ этомъ нѣтъ никакой невыгоды. Итакъ вы, всѣ, чиновники, приложите ваши общія старанія. Я буду весьма доволенъ, если вы окажетесь заслуживающими моихъ наградъ и не подвергнетесь моему наказанію.

«Все это должно быть обнародовано, для всеобщаго свѣдѣнія, какъ внѣ, такъ и внутри. Прочее должно быть исполнено, какъ опредѣлено (въ докладѣ ко мнѣ); представленный проектъ также издается. Быть посему.»

Въ поясненіе предыдущаго указа мы приведемъ здѣсь самый докладъ княжескаго приказа, по поводу котораго изданъ указъ. Уже изъ этого одного мы убѣдимся, что большая часть богдоханскихъ указовъ есть не что иное какъ выборъ буквъ и замѣчательныхъ фразъ изъ самаго доклада. Замѣтимъ еще, что княжескій приказъ, хотя онъ и считается первымъ присутственнымъ мѣстомъ во всей имперіи, на дѣлѣ есть не что иное, какъ почетное титуло, основанное на знаменитости лицъ, которыми оно управляетъ; собственно же въ дѣлахъ правленія онъ ни сколько не участвуетъ. Теперь же, когда императоръ составилъ особенный комитетъ для совѣщанія о финансахъ, и въ этотъ комитетъ помѣстилъ членовъ приказа, то онъ, натурально, сталъ выше и всѣхъ канцлеровъ, и сената (Нэй-гэ), и государственнаго или тайнаго совѣта. Но можетъ-быть не одно только почетное титуло правленія доставило ему этотъ перевѣсъ. Императоръ съ нѣкотораго времени сталъ въ дѣлахъ употреблять лицъ изъ своего рода; примѣръ Ци-ина доказалъ, что они способнѣе, чѣмъ напыщенные неизмѣнными правилами конфуціанства Китайцы и идущіе по ихъ слѣдамъ Маньчжуры: вообще всѣ эти педанты, которые затвердивъ на память свою псалтырь: *сы-шу*, занимаютъ не какъ у насъ мѣсто дьячковъ, но первые ступени правленія, очень несговорчивы. Припомнимъ, что для поддержанія соляныхъ интересовъ отправлены лица

царскаго рода Цзюнь-ванъ и Ци-инъ; очевидно, что они принимали большое участіе и въ составленіи настоящаго доклада:

Докладъ.

«Цзунъ-жень-фу (княжескій приказъ) и прочіе ямуни (присутственные мѣста) почтительнѣйше представляютъ свое общее мнѣніе съ ожиданіемъ и просьбой о мудромъ рѣшеніи: (и именно) 17-го числа 10-й луны 28 года правленія Дао-гуанъ (1848 года) министерство финансовъ, въ докладѣ своемъ по случаю оказавшагося истощенія запасовъ главнаго казначейства, представило различныя соображенія, чтобы имѣть въ готовности деньги на всякій случай, и поэтому былъ полученъ слѣдующій императорскій указъ: «Министерство финансовъ представило мнѣ нѣсколько статей (мѣръ) къ пополненію запасовъ казначейства и сверхъ того проситъ о приказаніи совѣщаться и о другихъ мѣрахъ, которыя бы могли принести пользу; поэтому пусть Цзунъ-жень-фу, канцеры и члены тайнаго совѣта тщательно обсудятъ вмѣстѣ съ министерствомъ финансовъ всѣ мѣры и представятъ мнѣ свое мнѣніе. Быть посему.» (Вслѣдствіе этого указа) мы, подданные (вашего величества), просмотрѣвъ упомянутый докладъ, здраво обсудили его на общемъ и личномъ совѣщаніи. Всѣ статьи его основаны на томъ, что доходы не соотвѣтствуютъ временнымъ потребностямъ. Что касается до пожертвованій на вспомошествованіе подвергшихся бѣдствіямъ жителей южныхъ странъ и развитія постановленій касательно приобрѣтенія званій и должностей, то на счетъ этого министерства чиновъ, финансовъ и войска уже составили уложеніе и представили (вашему величеству), — эти статьи уже изданы. Касательно же убавки столовыхъ суммъ, распространенія выкупа за преступленія (о которыхъ докладывало хубу, министерство финансовъ), то объ этомъ нечего и думать (то-есть оно отвергнуто). Поэтому, мы согласясь съ министерствомъ финансовъ въ главномъ и разоидясь съ нимъ въ частности, составили вмѣстѣ изъ различныхъ мнѣній пять статей, которыя представляемъ на высочайшее усмотрѣніе, въ ожиданіи императорскаго утвержденія. При этомъ мы осмѣливаемся урядкой выразить свое мнѣніе, что главный предметъ государственнаго управленія состоитъ въ источникѣ богатства и употребленіи (дѣльных) людей; но невозможно, чтобы солнце всегда одинаково свѣтило, то-есть, чтобы благополучныя времена были всегда постоянны и безъ ущерба: съ развитіемъ повсюду народонаселенія, источники богатства уже не удовлетворяютъ потребностямъ множества; къ этому нужно присоединить продолжавшуюся сряду нѣсколько лѣтъ войну съ иностранцами, рѣчныя работы, прокормленіе голодныхъ, все это истощило государственную казну, запасные капиталы не соотвѣтствуютъ болѣе своему назначенію; но ясно, что причиной этого суть какъ бѣдствія, посланныя небомъ, такъ и человѣческія дѣла, и

все это послѣдовало другъ за другомъ; въ нынѣшнемъ году еще случилось наводненіе въ Чже-цзянѣ, Ань-хой и Ху-бэй, но голодный народъ остался спокоенъ и не заботится еще о своемъ пропитаніи, потому что отыскиались для него средства денными и ночными заботами нашего императора, который готовъ пожертвовать собственными своими потребностями, чтобъ помочь неимущему (то-есть своимъ подданнымъ), и такимъ образомъ отвратилъ опасность, прежде нежели она пустила ростки. Судя по общему ходу дѣлъ, можно сказать съ увѣренностью, что будущій годъ долженъ быть весьма плодороднымъ, и какъ далекія, такъ и близкія страны всѣ равно наслаждаются благополучіемъ (1). Однакожъ, хотя эти предположенія и сбыточны, но такъ какъ невозможно знать будущаго и трудно угадать волю небесъ, то человѣческія дѣла должны быть заранѣе предупреждены; говорится же: убирай пожитки и замазывай крышу прежде чѣмъ пошелъ дождь, или: рой колодезь не дожидаясь, когда захочется пить. Сверхъ того императорское сердце постоянно заботится объ устройствѣ правленія; когда каждый день отъ него получаютъ приказанія о прокормленіи народа, о провіантѣ войску, о денежномъ пособіи страждущимъ, то рабы вашего величества, которымъ все это извѣстно, получивъ мудрое повелѣніе тѣмъ съ бѣльшимъ рвеніемъ, хотя не безъ стыда и страха, должны были обдумать средства расширенія государственнаго богатства, чтобы успокоить императорскія заботы. Поэтому, обсудивъ тщательно все полезное, мы не смѣемъ доводить до высочайшаго свѣдѣнія только пустые планы: — тѣмъ болѣе, какъ осмѣлились бы мы выставять мѣры, которыя совершенно противорѣчатъ постоянно дѣйствующимъ уложеніямъ? Поэтому мы здѣсь проясняемъ только издавна уже существующія постановленія, поправляемъ ихъ односторонность или уничтожаемъ злоупотребленія; то-есть мы или отыскиваемъ болѣе приличныя мѣры, или предлагаемъ замѣнить взиманіе податей натурой взиманіемъ деньгами, для облегченія народа, или открыть болѣе просторный ходъ откупамъ на соль, или сокращаемъ издержки, ограничивая безпорядочное употребленіе суммъ, или обращаемся къ естественнымъ выгодамъ, предоставляемымъ землею народу и скрываемымъ ею въ своихъ недрахъ для его прокормленія. Всѣ эти мѣры по большей части касаются денежныхъ податей, перевознаго хлѣба, солянаго управленія, рѣчныхъ работъ и рудниковъ. Что же касается до накопившихся недоимокъ въ подушныхъ, то если ихъ не привести въ полную извѣстность, невозможно будетъ прекратить новыхъ недоимокъ, да притомъ не покрыть и старыхъ. Во внѣшнихъ провинціяхъ

(1) Это основано на томъ мнѣніи, что, какъ и мы говоримъ: послѣ бури всегда бываетъ ведро, и Китайцы хотятъ сказать, что мѣра бѣдственнаго положенія государства переполнилась.

сборъ хлѣбомъ по большей части производится натурой, но издержки на провозъ его обходятся вдвое дороже того, что онъ стоитъ; поэтому здѣсь предполагается вѣзти половину деньгами въ тѣхъ мысляхъ, что народъ съ радостію будетъ вносить подати. Соляная дѣла въ Чжи-ли и Шань-дунѣ до невѣроятности въ упадкѣ, такъ что если не переимѣнить струнъ, легко можетъ статься, что прервется всякая отъ нихъ выгода и все достанется въ руки контрабандистовъ, а государственные доходы не извлекутъ отъ этого никакой пользы. Злоупотребленія въ постоянномъ требованіи особыхъ прибавокъ (сверхъ положеннаго количества) на рѣчныя работы извѣстны каждому; уже нѣсколько лѣтъ исполнялись всѣ требованія отсюда, но это не предохранило отъ двукратнаго наводненія: какъ же не настаивать на сокращеніи и не указать ограниченій, чтобы прекратить незаконное лихоимство! Въ различныхъ губерніяхъ нѣтъ недостатка въ богатыхъ серебряныхъ рудникахъ, но, съ запрещеніемъ ихъ разработки съ давняго времени, этимъ преградили и средства къ пропитанію народа. Предъ симъ неоднократно знатные мѣстные жители просили о позволеніи имъ разрабатывать рудники; если теперь не воспользоваться обстоятельствами и не позволить раскрыть рудники,—то какое же будетъ это содѣйствіе къ выполненію назначенія земли и соотвѣтствіе съ желаніями людей? Всѣ эти статьи, хотя бы онѣ и оказали свое (благодѣтельное) дѣйствіе медленно, вполнѣ основаны на мысли о постепенномъ ходѣ, способны противодѣйствовать настоящимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ съ ущербомъ многихъ соединяется выгода нѣсколькихъ; мы убѣждены и ясно понимаемъ, что наши мѣры скользки, но главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить въ пользѣ народа выгоду государству. По крайней мѣрѣ, если не требовать, чтобы скоро оказались слѣдствія этихъ мѣръ, то они не причиняютъ ни малѣйшаго ущерба народу. Мы никакъ не смѣли упустить изъ вида господствующія уложенія. Но такъ какъ характеръ народа (то-есть черни) непоколебимъ, вздоренъ и легко можетъ увлечься опасными словами, то мы просимъ для него императорскаго вразумленія, чтобы онъ зналъ, чему послѣдовать; если эти статьи удостоятся высочайшаго утвержденія, то оно будетъ твердымъ и сокрушающимъ всѣ препоны алмазомъ. Можетъ-быть, вслѣдствіе этихъ мѣръ, найдется что прибавить или убавить для приведенія въ настоящую стройность, или изъ примѣненія ихъ истекутъ еще новыя превосходнѣйшія мѣры: все это будетъ зависть отъ неутомимаго и искренняго усердія чиновниковъ какъ внѣ, такъ и внутри (то-есть въ провинціяхъ и столицѣ), и мы никакъ не смѣемъ сказать, что все нами присужденное должно быть безусловно такъ. Когда получится императорское повелѣніе, то такъ какъ эти статьи потребуютъ составленія многостороннихъ правилъ, требуется, чтобы чины министерствъ и департаментовъ съ крайнимъ

стараніемъ составили правила и испросили повелѣніе для приведенія ихъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ подданные вашего величества, составивъ протоколъ взаимнаго совѣщанія и прилагая при немъ реестръ статей, съ почтеніемъ приподносятъ на высочайшее воззрѣніе: такъ ли это, или не такъ, объ этомъ мы должны умолять зеркало вашей мудрости.

Статья 1. *Надобно освидѣтельствовать накопившіяся недоимки въ подушныхъ и податяхъ съ земель.* Государственные крестьяне составляютъ главную подпору государства (то-есть сборъ съ нихъ составляетъ главную статью государственныхъ доходовъ): какъ же можно, чтобы подати съ нихъ уменьшились хотя на волосъ? Но съ нѣкотораго времени всѣ провинціальныя отчеты не представляютъ полного сбора опредѣленныхъ суммъ; даже и изъ объявленныхъ собранными суммъ, тѣ, которыя не поступаютъ къ отправленію, но остаются на мѣстѣ, неоднократно оказывались несуществующими:—чему же приписать это, какъ не лихоимству уѣздныхъ и областныхъ правителей? а высшіе чины провинцій скрываютъ это, и только когда чиновникъ или умираетъ или подвергается суду по другому дѣлу, тогда уже объ этомъ доносятъ; конфискація никогда неудовлетворительна: это только пустая болтовня на бумагѣ, не имѣющая никакого приложенія. При этомъ упорствѣ въ злоупотребленіяхъ, обратившемся въ привычку, самыя наказанія уже стали казаться обыкновеннымъ дѣломъ. И такъ если не привести всего дѣла въ ясность, если въ настоящее время не освидѣтельствовать суммъ, то нельзя попытаться до истины, такъ что одной обыкновенной фразы: извѣщеніе о томъ, что неоднократно повѣрялись суммы, недостаточно, чтобы прекратить злоупотребленія на будущее время;—теперь уже по докладу (вашему величеству) приказано произвести такое освидѣтельствованіе въ Цзянь-су, Чже-цзянѣ, Хэ-нанѣ, Шань-дунѣ, Фу-цзянѣ и Сы-чуанѣ, но только не получено еще оттуда извѣстія; надлежитъ также, чтобы это произведено было и въ прочихъ провинціяхъ, и назначить по каждой сроки для донесенія. Относительно тѣхъ суммъ, которыя были взяты по казенной надобности, должно постановить правила для ихъ пополненія, за тѣ же, которыхъ не достаетъ безъ всякой причины, должно предавать строгому суду и взысканію; но только обстоятельства требуютъ, чтобы поступить снисходительнѣе за прошлыя дѣла, иначе не добьешься истины; съ другой стороны, если не строго наказать, то какъ можно будетъ дѣлать предписанія для будущности и преслѣдовать жадность и лихоимство? И такъ слѣдуетъ просить приказанія (вашего величества) всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ провинцій, произвести какъ можно скорѣе освидѣтельствованіе, и въ тѣ провинціи, которыя донесутъ, отправить на-рочныхъ ревизоровъ, которые бы произвели повѣрку въ городахъ уѣздныхъ, областныхъ и департаментскихъ, и если окажется недоста-

токъ, то укравшаго чиновника предавать усиленному наказанію, а сашыхъ высшихъ приговаривать къ различнымъ штрафамъ. Чтò же касается до того, что съ приближеніемъ ревизора областные и уѣздные правители могутъ занять суммы у богатыхъ жителей и прикрыть свое бездѣлничество, а по окончаніи дѣла опять возвратить ихъ хозяину, то для этого нужно приказать губернаторамъ развѣдывать тайно и всѣми силами стараться прекратить обычныя злоупотребленія. Въ послѣдующее же время, по приведеніи на этотъ разъ въ извѣстность наличныхъ суммъ, должно каждый годъ показывать истину и по временамъ извѣщать министерство финансовъ въ ожиданіи перевода суммъ; если же снова будетъ недостатокъ, то подвергать присвоившихъ себѣ чиновниковъ наказанію безъ всякой пощады.

«Статья 2. *Податной хлѣбъ лучше всего замѣнить взиманіемъ денегъ.* Правда, южный провіантъ есть главное пособіе къ наполненію *небесныхъ* житницъ, и въ нихъ нельзя допустить недостатка; но вотъ уже нѣсколько лѣтъ ходъ судовъ сталъ медленъ, подвергается задержанію, и отъ этого увеличились траты на перевозку; количество хлѣба оказывается неполнымъ, и это производитъ безпокойство по случаю бесполезныхъ расходовъ; итакъ, по истинѣ нельзя не просить измѣненія. Притомъ же въ уложеніи о податяхъ хлѣбомъ сказано: «всякій сборъ хлѣбомъ позволяется замѣнять взносомъ денегъ», и по этому случаю должно дѣлать объявленія, какую сумму слѣдуетъ вносить» и еще прибавлено: «когда подати хлѣбомъ замѣняются деньгами, то требовать, чтобы и сопряженные съ перевозкой его и другія издержки, взимаемыя тоже хлѣбомъ, вносились по количеству деньгами.» Изъ этого видно, что и прежде были постановленія о замѣнѣ хлѣба деньгами: сверхъ того находимъ, что во всѣхъ провинціяхъ уѣзды и области, нѣсколько удаленныя отъ водяныхъ путей, или навсегда, или временно должны были вносить (хлѣбный сборъ) деньгами, но такое старинное постановленіе допускало чиновниковъ вмѣшиваться въ это дѣло: надбавлять количество денегъ, не зная мѣры. Если же дворъ самъ отъ себя сдѣлаетъ постановленія, то народныя подати пойдутъ мимо областныхъ и уѣздныхъ правителей и мѣстныхъ перевозчиковъ хлѣба; и государственные расходы, какъ-то: на жалованье знаменнымъ крестьянамъ (то-есть перевозчикамъ), на постройку и поправку судовъ, перевозку и перегрузку по прибытіи въ Тунъ-Чжоу, прощеніе пошлины съ товаровъ, перевозимыхъ на казенныхъ судахъ и проч., все это можетъ сократиться и уничтожиться. Тогда на собранныя суммы можно будетъ купить хлѣба, въ плодородныхъ мѣстахъ Хэ-наня, Шань-си, Фынъ-тань-фу (Муздень въ Маньчжуріи), или пригласить купцовъ привозить хлѣбъ моремъ въ Тянь-Цзинъ; при такомъ переворотѣ не только будетъ польза касательно издержекъ, но можно будетъ воскресить

упавшее юго-восточное купечество. Еслибы весь южный провіантъ замѣнить деньгами, то цѣна на хлѣбъ въ столицѣ непременно повысилась бы,—и потому должно производить это соразмѣрно, то-есть положить, какое количество на сто мѣшковъ должно быть замѣнено деньгами, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ еще увеличить это количество. Что же касается до отсроченныхъ податей хлѣбомъ, то по истеченіи отсрочки надлежитъ, не разбирая прямой ли податной это хлѣбъ, или хлѣбъ на провозныя издержки, завесь требовать деньгами, которыя препровождать въ казначейство министерства для заготовленія риса и пшеницы; равнымъ образомъ весь хлѣбъ, который берется на плату и пропитаніе перевозчикамъ въ дорогѣ и проч., а также на доставленіе въ магазины роговъ, досокъ и проч.; все это сверстать съ отсроченнымъ хлѣбомъ и вмѣстѣ съ нимъ взыскивать деньгами, которыя препровождать въ министерство. Суммы же, которыя отпускаются матросамъ на издержки во время перевоза и въ казначейство Тунъ-Чжоуское, также должно сокращать по мѣрѣ (убавки перевоза) и, присоединяя къ остаточнымъ суммамъ вмѣстѣ съ полученными въ замѣнъ хлѣба деньгами, препровождать въ казначейство. Итакъ, мы просимъ высочайшаго повелѣнія всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ приложить въ этомъ дѣлѣ тщательное стараніе и не смотрѣть нисколько ни на ропотъ матросовъ, ни на просьбы подчиненныхъ, но назначать ежегодно, когда наступитъ время, по существующей на рынкахъ цѣнѣ, сколько хлѣба должно быть въ уѣздахъ уплачено деньгами, и по какой цѣнѣ; губернаторы должны стараться предупреждать злоупотребленія и, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, доносить обо всемъ. Если же областныя и уѣздныя начальники будутъ подъ разными предлогами требовать сверхъ назначенной цѣны, или перевозчики домогаться излишняго на издержки за провозъ взимаемаго хлѣба, то все это должно быть строго запрещено. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы развѣдать желаніе народа, вразумить его, что ему не слѣдуетъ роптать и насыщать низкихъ чиновниковъ; для этого лучше всего уменьшить цѣну и сдѣлать сборъ прямымъ налогомъ; въ такомъ случаѣ, когда подати примутъ правильное дѣйствіе, увеличатся государственные доходы. Что же касается до отсроченнаго сбора хлѣба, то не разбирая, побочныя ли то или главные статьи, должно требовать взноса, не отсрочивая еще далѣе; а если сборъ окажется не полнымъ, должно приказывать губернаторамъ сдѣлать распоряженія къ его пополненію.

«Статья 3. *Соляныя учрежденія* въ Чжи ли и Шань-дунѣ требуютъ измѣненія. Эти дѣла пришли въ такой въ упадокъ, подверглись такимъ злоупотребленіямъ, что всѣ распоряженія не оказываютъ никакого дѣйствія, и что невозможно не прибѣгнуть къ нововведеніямъ въ надеждѣ на улучшенія. Прежде этого въ Лянь-хуай стали выпускать соль по билетамъ, и это было принято народомъ съ благодар-

ностию; съ того времени уже прошло много лѣтъ, и хотя число этихъ билетовъ и не доходить до прежняго, но въ сравненіи съ Чжи-ли и Шань-дунѣмъ тамошніе соляныя дѣла находятся въ гораздо лучшемъ положеніи. Въ настоящее время народъ боится поступать въ соляныя купцы (1), а поступившіе заботятся только о спокойствіи и часто достаютъ соль не изъ мѣстъ, которыя указаны въ ихъ контрактахъ, такъ что нѣсколько десятковъ областей и уѣздовъ, съ ихъ народонаселеніемъ въ нѣсколько миллионовъ, вовсе круглый годъ не ѣдятъ казенной соли; такимъ образомъ возникла опасная частная контрабанда; теперь въ Чжи-ли составлено положеніе, чтобъ казна развивала соль вмѣсто купцовъ; это распоряженіе сдѣлано съ намѣреніемъ усилить сбытъ, но его дѣйствія ограничены, какъ дѣйствія временной мѣры и требуютъ развитія: лучше всего сдѣлать постоянное и обширное измѣненіе во всемъ, то-есть, или по примѣру Лянъ-хуай выпустить соль по билетамъ, или приказать, чтобы сами чиновники развивали и продавали ее въ своихъ мѣстахъ, или чтобъ (купцы) приходили (за солью и покупали ее) въ соляныхъ промыслахъ, чтобъ при выдѣлѣ и въ продажѣ соли во всемъ было однообразіе. Такъ какъ выгоды сѣвера и юга не одинаковы, тогда какъ они имѣютъ одинъ соляной источникъ въ Чжи-ли, уѣзды и области несходны между собой по характеру (жителей или мѣстности), то вводя общій выпускъ соли по билетамъ, надобно принять въ разсчетъ и квитанціи, если приступить къ казенной развозкѣ, то должно имѣть въ виду и купцовъ другихъ мѣстъ; для этого можетъ-быть понадобится ввести повсюду билеты на соль и совершенно уничтожить квитанціи, чтобы не допустить купцовъ подрывать другъ друга. Для всего этого мы находимъ нужнымъ просить высочайшаго повелѣнія отправить высшихъ сановниковъ порознь, какъ въ Тянь-цзинь, такъ и Шань-дунъ, чтобы они постановили (на мѣстѣ) правила, которыя бы могли имѣть прочность. На все нами изложенное мы ожидаемъ мудраго разрѣшенія задачи вашимъ величествомъ. Можетъ-быть вы найдете средства, которыхъ не въ силахъ выдумать наши слабыя силы и запачканныя

(1) Въ нынѣшнемъ году происходило большое слѣдствіе по этому случаю. Въ торговцы солью обыкновенно назначаются богатые мѣстные купцы по произволу губернаторовъ; понятно, что это можетъ доставить имъ и подчиненнымъ большой доходъ. Но когда торговля солью общааетъ разореніе и хлопоты, всякій купецъ желаетъ избѣгать такого счастья и готовъ откупиться. Въ нынѣшнемъ году вдругъ пожаловались на бывшаго шань-сйскаго губернатора, жившаго уже въ отставкѣ, что онъ взялъ 12,000 ланъ съ одного купца для того, чтобы избавить его отъ торговли солью. Отправленъ былъ нарочный въ Шань-дунъ, гдѣ жилъ отставной губернаторъ, опечатать его домъ и привести въ Пекинъ для суда; другихъ лицъ изъ различныхъ губерній тоже потянули въ столицу. Впрочемъ, дѣло звалили на домашнихъ губернатора, какъ-будто онъ самъ не зналъ объ этомъ, и его только сослали на станцію.

на груди платья (то-есть умственные способности), и вы постановите что-нибудь такое, что окажетъ свое благотворное вліяніе на тысячу вѣковъ и не будетъ только чаловѣчнымъ и временнымъ подспорьемъ.

«Статья 4-я. *Излишнія издержки на рѣчныхъ работахъ должны быть сокращены, и число ненужныхъ чиновниковъ уменьшено.* Ежегодныя издержки на починку Южнаго и Восточнаго канала, простирающіяся на нѣсколько миллионѣвъ ланъ, собственно назначены для охраненія жителей и для удобнаго провоза хлѣба; но въ продолженіе послѣднихъ немногихъ лѣтъ два раза случился прорывъ; въ нынѣшнемъ году вода, разорвавъ всѣ плотины, устремилась внизъ и затопила большое пространство земли. Такимъ образомъ, издерживая десятки миллионѣвъ, не могли же предохранить отъ бѣдствія наводненія. Сверхъ того, прежде лана серебра стоила 1000 чоховъ, а теперь ея цѣна удвоилась, и вещи хотя большею частію повысились, но все же не могли дойти до сугубой цѣнности. Поэтому должно просить, чтобы сверхъ положеннаго количества суммъ для Южнаго и Восточнаго каналовъ, и, вслѣдствіе указа нынѣшняго года, министерство финансовъ держало въ памяти, какъ бы ни на волосъ не отпускать болѣе, и если участковые чиновники не будутъ просить ничего сверхъ положеннаго, то послѣ трехъ лѣтъ позволено главноуправляющему водяныхъ сообщеній представлять ихъ къ наградамъ. Такимъ образомъ издержки могутъ сократиться до миллиона. Хотя власть главноуправляющаго такъ велика, что онъ можетъ распоряжаться по своему произволу неограниченно, какъ онъ найдетъ нужнымъ; но такъ какъ низшіе чиновники и служители не всѣ равны по достоинству, то если за упущеніе подвергать однихъ главноуправляющихъ строгому наказанію, чиновники непременно будутъ стараться свалить вину на высшаго, говоря, что прорывъ и разнесеніе плотинъ произошли отъ его своекорыстныхъ расчетовъ: поэтому мы находимъ нужнымъ просить, чтобы на будущее время главноуправляющіе подвергались за переливъ воды, по старымъ правиламъ, штрафу жалованьемъ, а за прорывъ пониженіемъ, но не удалялись отъ должности, которая на нихъ возложена; чрезъ это могутъ прекратиться злоупотребленія (такъ какъ главноуправляющіе будутъ имѣть въ виду, что имъ же придется возиться съ плотинами и въ послѣдствіи); за упущеніе же должно особенно взыскивать съ участковыхъ чиновниковъ и предавать ихъ строгому наказанію. Теперь, когда высшимъ сановникамъ поручится главнымъ образомъ наказаніе участковыхъ, то они никакъ не осмѣлятся брать съ подчиненныхъ. Находя, что 8000 ланъ столовыхъ для главноуправляющаго Южнымъ и 6000 Восточнымъ каналами недостаточны къ побужденію ихъ быть безкорыстными, мы считаемъ нужнымъ просить, чтобы впредь первому выдавалось 12,000, а второму 10,000, потому что, сокращая издержки болѣе чѣмъ на миллионъ, можно увеличить столовыя главноуправляющимъ,

чтобы поставить ихъ выше подкупа. Мы слышали также, что многія мѣста участковыхъ чиновниковъ могли бы быть упразднены, и потому должно приказать упомянутымъ главноуправляющимъ распорядиться этимъ. Если всѣ вышеприведенныя сокращенія удостоятся высочайшаго одобренія, то должно приказать министерству строеній составить нужныя распоряженія.

«Статья 5-я. *Рудники должны быть открыты для обширной разработки.* Разработка рудниковъ основана на естественной выгодѣ, предоставляемой небомъ и землей, и служить для государства обогащеніемъ, а народу пропитаніемъ, — это не подвержено никакому сомнѣнію; но прежде не думали приводить этого въ дѣйствіе, потому что боялись, что собравшимися при этомъ случаѣ толпами трудно управлять немногимъ; еще опасались, что если рудникъ окажется небогатымъ, то напрасно издержатся капиталы; но мы осмѣливаемся думать, что въ Юнь-нанѣ и другихъ провинціяхъ издавна существуютъ мѣдные рудники; въ западныхъ горахъ (отъ Пекина) также находятся угольныя копи, и при этомъ пропитывается великое множество народа, но не слышно еще, чтобы отъ этого предстояла какая-нибудь опасность. Когда въ одномъ мѣдномъ рудникѣ прекращается работа, то работавшіе на немъ люди отправляются въ другое мѣсто для отысканія работы. Въ прошлыхъ годахъ изъ провинціи Цзянь-су стали возить хлѣбъ моремъ, но не слышно, чтобы оставшіеся безъ дѣла рѣчные лодочники произвели безпорядки; все это оттого, что такого рода люди хлопочутъ о снисканіи пропитанія, а не о произведеніи безпорядковъ. Итакъ, все зависитъ отъ мѣстныхъ распоряженій и первоначальныхъ пробныхъ постановленій. Должно снять запрещеніе съ старыхъ рудниковъ, опредѣлить мѣстоположеніе новыхъ, и пригласить купцовъ употребить свои капиталы, а казна должна брать только одинъ или два процента. Кто изъ работниковъ выроетъ много, того купцы должны награждать, а кто не будетъ награждать, у того запечатывать рудникъ; такимъ образомъ все возложится на купцовъ, которые въ этомъ случаѣ не подвергаются никакому насилію; чиновникамъ же не будетъ хлопотъ. Правительство поступить здѣсь сообразно съ выгодами, представляемыми землей и желаніями народа. Уже прошло болѣе ста лѣтъ, какъ рудники не были разрабатываемы, земляныя жилы могли подкрѣпиться, и потому ихъ произведенія непременно будутъ превосходнѣе прежняго. Сверхъ того, разработка рудниковъ вовсе не основана на той мысли, что отъ нея будутъ доходы для казны; пусть только хоть богатство разовьется въ большомъ количествѣ для народа. Мы слышали, что Сы-чуань, Юнь-нань, Гуань-си, Цзянь-су обладаютъ серебряными рудниками, и поэтому должно просить о приказаніи тамошнимъ губернаторамъ тщательно развѣдывать въ подвластныхъ имъ мѣстахъ находящіяся рудники и издавать объ этомъ объявленія. О томъ же,

какимъ образомъ разрабатывать и какія находить нужнымъ сдѣлать по этому постановленію, они должны въ свое время донести вѣщему величеству, а не должны смѣть упорствовать въ застарѣлыхъ привычкахъ, и умѣть доносить только о томъ, что трудно исполнить.»

— 24-го. Можно судить о нравственности и значеніи патриархальныхъ нравовъ, которыми такъ гордятся Китайцы, по слѣдующему докладу синбу (министерства юстиціи). Мы не думаемъ, что есть что-нибудь неприличное въ разказѣ о такихъ вещахъ, которыя не только доводятся до свѣдѣнія публики въ газетахъ, но даже представляются богдохану для прочтенія. Происшествіе случилось въ Пекинѣ, но большихъ подробностей о дѣйствующихъ лицахъ не сообщено; только изъ того обстоятельства, что сынъ удавившагося старика называется будочникомъ, должно заключить, что сцена происходитъ въ низшей сферѣ пекинскаго общества. Гдѣ-то въ столицѣ проживаетъ цѣлое семейство: старикъ Янь-да, жена его, сынъ Янь-у, женатый на вдовѣ и проч. Такъ какъ невѣстка уже въ другой разъ вышла замужъ, то можетъ-быть она и не слишкомъ молода, однакожь за ней постоянно ухаживаетъ свекоръ; то строить глазки, то схватить, ущипнуть, но невѣстка не поддается старику. Въ началѣ зимы, она принесла въ комнату уголь для растопки печи, который вмѣстѣ съ тѣмъ закрываетъ у бѣдныхъ и диванъ (нары); тутъ сидѣлъ въ то время старикъ, какъ главный членъ семейства; когда невѣстка наклонилась къ печкѣ (отверстіе которой наравнѣ съ поломъ), соблазнъ для старика былъ такъ великъ, что онъ вдругъ схватилъ ее. Невѣстка закричала, и бывшая въ то же время въ комнатѣ свекровь, оглянувшись, видѣла, какъ старикъ отдернулъ руку; невѣстка стала ей жаловаться на притязанія стараго сластолюбца, а тотъ бросился на нее съ палкой, но получилъ пощечину, которая не сгладилась съ лица и по смерти старика, потому что онъ въ ту же ночь удавился, заткнувъ въ чулокъ записку, что умираетъ отъ злобы невѣстки. Такъ какъ это семейство было не богато, то нечего подозрѣвать синбу въ пристрастномъ и невѣрномъ изложеніи дѣла: чтобы допытаться истины, оно имѣло въ распоряженіи страшныя орудія пытки. Теперь вопросъ: что сдѣлать съ невѣсткой? отъ нея удавился свекоръ, она дала ему пощечину,—за это должна неминуемо слѣдовать смертная казнь; но, говорить министерство,

самъ старикъ подалъ къ этому поводъ, онъ самъ нарушилъ всѣ узы родства, и потому невѣстка отдается на высочайшее помилованіе, и въ случаѣ прощенія, должна только развестись съ мужемъ (которому нельзя же жить вмѣстѣ съ убійцей отца). Подобныя происшествія нерѣдко случаются въ Китаѣ. Вотъ чтó значить здѣсь на дѣлѣ родство! Въ высшихъ обществахъ даже принято за правило, чтобы ни отецъ, ни старшій братъ не смѣли входить въ комнату невѣстки, или видаться съ ней въ неположенное время; я слышала разказъ, что однажды невѣстка откусила языкъ своему свекру, отъ котораго она никакъ не могла отвязаться. Надобно знать, что въ Китаѣ амурятся не по-нашему, и фраза: ѣсть или сосать языкъ, такъ же вѣрна, какъ у насъ слово цѣловаться.

Мы получили извѣстіе, что въ нынѣшнемъ году торговля въ Кяхтѣ будетъ чрезвычайно плоха; изъ 180,000 ящиковъ, которые были готовы въ Калганѣ къ отправкѣ, только 30,000 могли выйти изъ заставы, потому что только на это количество купцы могли предъявить билеты для пропуска. Касательно торговли съ нами, какъ и вообще для выѣзда въ Монголію, существовало положеніе, чтобы купцы являлись въ трибуналъ, объявляли свой товаръ и мѣсто, въ которомъ они намѣрены торговать, и получали для этого билетъ изъ *хубу* (минист. финансовъ). Но обыкновенно дѣлалось такъ, что купцы, почитая пошлины, а болѣе издержки, которые вѣроятно превышали пошлины, обременительными, объявляли только часть своего товара; а нѣкоторые совсѣмъ освобождали себя отъ хлопотъ брать билеты, платя таможеннымъ по 2 ч. серебра или 700 чоховъ съ cadaго ящика. Последнее обстоятельство можетъ дать понятіе о доходахъ директоровъ таможенъ. Только пошлина за 30,000 ящиковъ поступала въ казну, а 150,000 ей были неизвѣстны; все это переходило въ чужія руки! Впрочемъ, вѣроятно и тридцати тысячамъ ящиковъ не удавалось пройти въ заставу, не выплативъ тѣхъ же 700 чоховъ. Вѣроятно и кяхтинскій царгучей, который имѣетъ право отослать и кажется подвергнуть конфискаціи купцовъ, не имѣющихъ свидѣтельства, бралъ ту же подачку; вотъ почему его доходы считаютъ въ нѣсколько ваней серебра. Говорятъ, что особенно уклонялись отъ полученія свидѣтельства мелкіе торгаши, вывозившіе лишь по нѣскольку сотъ ящиковъ (на одинъ билетъ позволяется

вывозить не менѣе 300 ящиковъ) и притомъ такого рода чаю, который не принадлежитъ къ такъ-называемымъ у насъ *фамильнымъ* чаямъ, то-есть выпускаемымъ подъ извѣстными фирмами изъ извѣстныхъ чайныхъ оптовыхъ конторъ, которыя ручаются, что въ чаѣ нѣтъ никакого подлога и примѣси. Но оттого ли, что, какъ говорятъ, главные купцы, потерпѣвъ въ послѣдніе года большіе убытки на Кяхтѣ, стали жаловаться на то, что ихъ стѣсняетъ множество мелкихъ торгашей, которые, не оплативъ чай пошлинами и привезя его въ большомъ количествѣ, подрываютъ цѣну фамильнаго, оплаченного пошлинами, или потому, что само правительство, почувствовавъ недостатокъ въ доходахъ, издало строгія распоряженія,—въ нынѣшнемъ году въ Калганѣ вдругъ не стали выпускать чаю безъ свидѣтельствъ. Купцы пробовали было задарить директора, бросились хлопотать въ Пекинъ; имъ ужасно хотѣлось удержаться въ прежнемъ положеніи, то-есть проѣзжать безъ билетовъ; но ни что не помогло. Вотъ ужъ осталось полмѣсяца до наступленія новаго китайскаго года. Послѣ праздниковъ, обыкновенно начинается у насъ въ Кяхтѣ главная разторжка, а между тѣмъ болѣе ста тысячъ ящиковъ и не трогались изъ Калгана. Можно вообразить себѣ, какой это производитъ подрывъ торговли. Наши товары будутъ тоже лежать въ Кяхтѣ и не поспѣютъ въ Мао-чжу (китайская ярмарка), равно и чай не всѣ придутъ на Макарьевскую ярмарку. Теперь въ Калганѣ купцы уже надбавили цѣну на наши товары; а между тѣмъ представьте, что больше 30,000 верблюдовъ, пригнанныхъ Монголами изъ разныхъ мѣстъ къ Великой Стѣнѣ, для перевозки чаю, должны или воротиться назадъ ни съ чѣмъ, или дожидаться четыре и пять мѣсяцевъ, пока купцы не достанутъ билетовъ.

Можно думать, что не одни финансовые расчеты участвовали въ дѣйствіяхъ китайскаго правительства. Корыстолюбіе таможенныхъ не удержалось бы отъ искушенія; но между тѣмъ слышно, что заняты были всѣ ближайшіе къ Калгану проходы, чтобъ прервать всякую контрабанду. Чай съ давняго времени играетъ важную роль въ китайской политикѣ—и, правда, чего не сдѣлала бы она посредствомъ этого орудія, еслибъ была просвѣщеніе и энергичнѣе! Не болѣе двадцати лѣтъ передъ этимъ, горные Тибетцы, жившіе на югѣ Хуанъ-хэ, выступили изъ своихъ жилищъ, перешагнули на другой берегъ рѣки и, ра-

зоривъ кука-норскихъ Монголовъ, грозились не только поработить ихъ, но внести грабежи внутрь собственно китайскихъ владѣній, и что же?—правительство объявило имъ, что если они не возвратятся на южный берегъ Хуанъ-хэ, то не будетъ позволять своимъ подданнымъ торговать съ ними, и въ подтвержденіе своего обѣщанія заняло войсками всѣ проходы на своихъ границахъ. Главное пропитаніе Тибетцевъ (равно какъ и Монголовъ, отчасти Казаковъ, Калмыковъ и Кокандцевъ) состоитъ въ чаѣ, и они, не могши добывать его, должны были подумать о средствахъ сближенія съ правительствомъ, то-есть выполнить его предписанія. Конечно, Европейцы не питаются чаемъ, но для большей части ихъ и Американцевъ онъ сдѣлался уже почти необходимою потребностію. Сверхъ того, какой бы подрывъ могли произвести Китайцы и нашей торговлѣ и нашей промышленности! Они никогда не берутъ въ расчетъ вреда, наносимаго самимъ себѣ, когда рѣшаются вредить тѣмъ, кѣмъ они недовольны; они всегда дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ съ гордою мыслию, что вредъ, наносимый другимъ, чувствительнѣе, чѣмъ для своихъ подданныхъ,—и что государство, управляемое идеями (ли), каково Китайское, можетъ и должно не обращать вниманія на интересы, которыми руководствуются въ своемъ управленіи другія государства. Спрашивается только, какой поводъ имѣли Китайцы быть недовольны нами? Это трудно опредѣлить, потому что кто узнаетъ навѣрно мысли глупца! и мало ли чего ему не взбредетъ на умъ! Но мы уже дважды, хотя и косвенно, просили торговли на западъ, и рѣзко отказали въ выдачѣ какого-то грабителя Хасытая, зашедшаго въ китайскія владѣнія изъ Томской губерніи; въ одно прекрасное утро, мы читаемъ въ пекинскихъ газетахъ указъ, чтобъ ургинскій амбанъ велѣлъ Русскимъ представить разбойника Хасытая; однакожь, на дѣлѣ оказалось, что Русскіе не поторопились исполнить приказаній. Что такой случай могъ раздражить китайское тщеславіе, это неневѣроятно. Припомнимъ, что послѣдній разрывъ торговли, продолжавшійся семь лѣтъ, въ прошломъ столѣтіи произошелъ отъ подобнаго же обстоятельства: тогда въ урянхайскихъ владѣніяхъ (собственно никому не подчиненныхъ) русскій подданный убилъ китайскаго купца; мы его поймали, наказали по закону и сослали на каторгу; но Китайцы требовали, по старому обычаю, казни его на границѣ.

чего мы не могли исполнить, вслѣдствіе состоявшагося указа объ отмѣнѣ смертной казни; но этого оправданія не достаточно было для тщеславнѣйшаго императора, каковъ былъ Цянь-лунъ. Нашего губернатора честили поносными именами, требовали отъ сената смѣнить его; кажется, въ китайскихъ бумагахъ можно даже отыскать не слишкомъ деликатные титулы и для самой императрицы Екатерины. Теперь повторяется тотъ же самый тщеславный поступокъ. Мы говорили уже выше объ обнародованіи богдоханскаго указа; ни одному Китайцу, не знающему хорошо насъ, не придетъ въ голову, что богдоханъ не имѣетъ права намъ приказывать чрезъ своего ургинскаго амбана, которому онъ велѣлъ снестись съ Русскими, не сказавъ именно съ кѣмъ. Между тѣмъ въ Кобдо сообщено было, что ужъ нашему сенату велѣно прислать ограбившаго въ Кяхту. (Это разказывалъ, пріѣзжавшій въ нынѣшнемъ году, одинъ кобдоскій учитель, который до того и не слыхивалъ, что у насъ есть сенатъ; слѣдовательно, его слова вѣрны.) Разумѣется, что развѣ только стороной дѣло это стало извѣстно азіатскому департаменту, который представляетъ сенатъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ, потому что ургинскій амбанъ можетъ писать не болѣе какъ къ Иркутскому губернатору. Тогда, исправлявшій его должность, г. Карпинскій, какъ будто чутьемъ угадалъ, что здѣсь, въ требованіи китайскихъ вельможъ, скрывается китайское тщеславіе, и въ самомъ дѣлѣ можно было замѣтить это по тону бумаги, въ которой амбанъ назначаетъ срокъ къ высылкѣ преступника. Г. Карпинскій сперва извѣстилъ, что дѣло случилось не въ подвластной ему губерніи, но что онъ уже отнесся къ мѣстному начальству, которое вѣроятно не замедлитъ, если отыщется преступникъ, выслать его на границу для произведенія слѣдствія; но притомъ онъ предупреждаетъ, что едва ли это можетъ поспѣть къ назначенному сроку. Черезъ нѣсколько времени, другою бумагой, онъ сообщаетъ, что начальство того края, который принадлежитъ къ кобдоскимъ владѣніямъ, сообщило ему, что оно вовсе не знаетъ того преступника, и что во всѣхъ его дѣлахъ нѣтъ извѣстія о случившемся грабежѣ. Между двумя государствами есть постановленіе—разбирать дѣла о грабежахъ и убійствахъ, сыскивать виновныхъ внутри своихъ владѣній; но это постановленіе касается только тѣхъ мѣстъ, которыя разумѣются въ трак-

татѣ, то-есть южныхъ границъ Иркутской губерніи; тутъ протянута съ обѣихъ сторонъ линія форпостовъ, которые имѣютъ между собою сообщеніе и взаимно передаютъ слѣды перешедшихъ за границу. Принявшая слѣдъ сторона должна непременно отыскать перешедшаго, который обыкновенно бываетъ воръ или разбойникъ, а иногда и бродяга (1). Эти правила строго соблюдаются; но обязываютъ ли они и прочія наши границы далѣе къ западу, насчетъ которыхъ нѣтъ никакихъ постановленій? И хотя часто китайскіе караульные въ Кобдо, Тарбагатаѣ и Или ѣдятъ золотую русскую грязь, но формально не имѣютъ никакихъ сношеній съ сосѣдственными нашими мѣстами: они какъ будто не существуютъ другъ для друга. Итакъ обязано ли знать, и можетъ ли даже знать, тамошнее пограничное начальство, что сдѣлалъ нашъ подданный въ китайскихъ владѣніяхъ? Китайцы должны были бы сами поймать его въ своихъ владѣніяхъ, и тогда, разумѣется, мы не отказались бы судить его. А между тѣмъ, какъ говорятъ, дѣло въ томъ, что вошедшій въ ихъ предѣлы, Теленгутъ Хасытай, заплатилъ шесть лошадей китайскому ся, или пограничному офицеру, за право пограбить за границей. Можно себя представить ударъ, нанесенный китайскому тщеславію! Это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ по всей границѣ, потому что изъ Кобдо и съ караула Чатистай офицеръ привезенъ въ Ургу, въ ожиданіи, когда его препроводятъ въ Кяхту на слѣдствіе. Всѣ знаютъ по этой линіи, что Русскимъ уже приказано представить разбойника, но ждать, пождать — проходить мѣсяцы, годъ—а его нѣтъ: какже это Русскіе не торопятся исполнять приказаніе Китайскаго богдохана? не родится ли у иного мысли, ужъ полно имѣть ли богдоханъ право приказывать? Можетъ-быть я и клеветчу на теперешнее китайское правительство,

(1) Въ бытность нашу въ Пекинѣ, одинъ монгольскій лама перешелъ къ нашимъ Бурятамъ, выдавалъ себя за хутукту, и проживши нѣсколько лѣтъ, возвратился на родину съ багажомъ изъ 20 верблюдовъ. Пожитки его состояли въ собольихъ и лисьихъ мѣхахъ, въ серебрѣ и прочемъ; но караульные, напавъ на слѣдъ его, позвали Монголовъ, которые на другой же день догнали обманщика, имущество его было взято назадъ, а самъ онъ сосланъ въ ссылку. Эта исторія весьма извѣстна пекинскимъ ламамъ, которые облизываются при разказѣ о богатствахъ, собранныхъ было ихъ товарищемъ.

истощенное и проученное Англичанами; но твердо увѣренъ, что оно въ другомъ случаѣ непременно постаралось бы проучить насъ за это, и потому на происшествіи въ Калганѣ не должно бы тогда смотрѣть какъ на случайности, но какъ на возмездіе проистекшее изъ-подъ руки самого правительства; впрочемъ, и теперь можно ли отказать ему вполне въ сумасбродной мысли помѣряться съ нами силою? Въ послѣдніе два года обращаютъ особенное вниманіе на укрѣпленіе западной линіи, на запасы тамошнихъ арсеналовъ. Къ границамъ нашимъ насылаются высшіе противъ прежняго чиновники (напримѣръ, въ Ургу, — ши-банъ, товарищъ министра; Ургинскій амбанъ долженъ бы пріѣхать въ нынѣшнемъ году въ Пекинъ, но не будетъ, потому что умеръ Чжебцзунь-дамба). Во всякомъ случаѣ надобно подумать, если не о настоящемъ, то о будущемъ времени для упроченія благосостоянія, нашей торговли; разрывъ ея, если мы не приготовимся, можетъ имѣть пагубное вліяніе, потому что она приняла огромные размѣры. Мы должны подумать о томъ, чтобы быть въ состояніи, въ самое короткое время, дать Китайцамъ почувствовать всѣ невыгоды разрыва, — но какъ это сдѣлать?.. Здѣсь только громъ пушекъ можетъ вынудить мирный трактатъ. О пустыняхъ Халхи богдоханъ не будетъ заботиться, и пріобрѣтеніе ихъ не замѣнитъ выгодъ торговли, если Китайцы станутъ упорствовать въ уклоненіи отъ ней. Самое пріобрѣтеніе западнаго края не доставитъ намъ этой торговли, когда Китайцы запретятъ выпускъ чая по всей внутренней границѣ, потому что сбытъ нашихъ товаровъ идетъ внутрь Китая, а не въ эти мѣста. Захотимъ ли мы получать продуктъ, стбѣящій десятка милліоновъ черезъ третьи руки, а иностранцы, участвуя въ доставкѣ чая, захотятъ ли расплачиваться за него съ Китайцами нашими товарами, — во всякомъ случаѣ не пропадетъ ли тогда для насъ Востокъ, потому что, съ прекращеніемъ торговли, прекратится и участіе нашей политики? Заставитъ націю не пить чая, употребленіе котораго до того времени находило поощреніе, по крайней мѣрѣ косвенно, не будетъ ли насильственнымъ переломомъ, который тѣмъ чувствительнѣе, что потребуетъ обратить руки рабочихъ къ другимъ занятіямъ? Только слабость китайскаго правительства и безнадежность, что оно когда-нибудь оправится до возможности помѣряться съ колоссальнымъ своимъ сосѣдомъ, много еще насъ

успокаиваетъ насъ. Что же будетъ, когда, вслѣдствіе этой же слабости, югъ Китая перейдетъ въ руки какой-нибудь европейской націи? Тогда мы не достанемъ его своими пушками, и даже союзъ съ остальною частію Китая не вырветъ изъ рукъ Европейца края, который вдругъ можетъ приобрести значительную силу. Индѣецъ ничто въ сравненіи съ Китайцемъ, способнымъ ко всему подъ руководствомъ благоразумнаго и благонамѣреннаго правительства. Онъ никогда не будетъ въ тягость побѣдившему,—а между тѣмъ мы слышимъ, что Англичане готовятъ европейскіе умы смотрѣть на это дѣло, какъ на слѣдствіе необходимости. Вѣроятно, они постараются исполнить свое намѣреніе при первой войнѣ. Не будетъ ли зависимость наша тогда вдесятеро опаснѣе, и національная гордость наша не требуетъ ли, чтобъ мы приняли заранѣе мѣры противъ этого? Мнѣ кажется, что вмѣсто увеличенія числа пограничныхъ пунктовъ для торговли, должно требовать свободы ея во всей Китайской имперіи. Говорю требовать, потому что на просьбы Китайцы не любятъ обращать вниманія. Кто поручится намъ, что китайское правительство не будетъ каждый разъ приниматься за эту вынудительную мѣру, когда оно найдетъ это удобнымъ, и тѣмъ болѣе, когда безпокойства Запада привлекутъ къ себѣ все наше вниманіе? Между тѣмъ оно будетъ отзываться, что все это происходитъ отъ разсчета самихъ купцовъ, отъ неурожае чая и проч.; такъ что мы не будемъ по совѣсти имѣть предлога жаловаться или прибѣгнуть къ силѣ. Тѣмъ не менѣе кажется, что не такъ трудно было бы добиться отъ китайскаго правительства позволенія на свободную торговлю, доказавъ ему, что, при всей его брюзгливости, мы ни разу, въ продолженіи двухсотлѣтняго существованія династіи, не попробовали рѣшить, кто изъ насъ пѣтухъ и кто курица; слѣдовательно, оно можетъ разсѣять свои подозрѣнія насчетъ своего сосѣда. Эта свобода торговли внутри Китая, или на правахъ его подданныхъ, или за извѣстную напередъ установленную пошлину (китайское правительство не погонится за этимъ, только развѣ придастъ этому видъ дани,—но тогда Богъ съ нимъ) не только бы усилила и развила новыя статьи сбыта и вывоза, но подъ надзоромъ нашихъ консуловъ избавила бы торговлю отъ лихоимства таможенныхъ чиновниковъ, которые не упускаютъ случая притѣснить своихъ купцовъ. Только это можетъ дать ей желаемую прочность.

а мы имѣли бы средство слѣдить за всѣми покушеніями иностранцевъ, ослаблять ихъ притязанія, не допускать ихъ до войны; послѣднее условіе можно предоставить даже Китаю, какъ вознагражденіе за уступку.

Сверхъ того, съ свободой торговли мы приобрѣли бы тогда и право плаванія по Амуру и не замедлили бы увеличить свой флотъ на Восточномъ океанѣ (1); кромѣ сообщенія съ нашими островами и твердой землей въ Америкѣ, мы скоро бы стали привозить въ Китай миллионы четвертей хлѣба, за что онъ почелъ бы себя истинно намъ благодарнымъ. Собственно говоря, что можетъ быть предосудительнаго для Китая въ этомъ позволеніи? не подѣлились ли бы мы съ нимъ взаимными выгодами, не пожелали бы ему тогда успѣха, процвѣтанія, силы? даже отказались ли бы подать ему руку помощи? Неужели же въ такомъ важномъ дѣлѣ останавливаться его невѣжествомъ, ослѣпленіемъ, и неужели грѣшно принудить его хотя бы силой! Государство, имѣющее сосѣдей, должно же, хоть отчасти, соображаться съ ихъ требованіями, потому что не имѣетъ права стѣснять ихъ своими капризами; если оно въ самомъ дѣлѣ хочетъ быть изолированнымъ, то убирайся же на край свѣта, поищи себѣ мѣста, гдѣ нѣтъ сосѣдей, которые въ правѣ требовать отъ него исполненія общественныхъ приличій: имѣетъ ли право сосѣдъ своимъ высокимъ заборомъ загородить въ мои комнаты доступъ свѣта?

В. Васильевъ.

(1) Все это писано за нѣсколько лѣтъ до послѣднихъ событій въ этомъ краѣ.

ИНОЙ МІРЪ

I.

Приморскій городъ.

На песчаномъ языкѣ, омываемомъ съ двухъ сторонъ моремъ, сжался городъ, безъ площадей, съ узкими улицами и высокими домами изъ бѣловатаго камня, впрочемъ, очень скоро принимающаго сѣрый цвѣтъ. Нечистыя улицы покрыты пескомъ по колѣни и мѣстами превращаются въ базары, на которыхъ производятъ всѣ ремесла; дома безъ дворовъ, воротъ и достаточнаго числа оконъ. Надъ кровлями иныхъ домовъ возвышаются четвероугольныя башни, черезъ которыя проходитъ внутрь дома охлаждающійся наружный воздухъ: башни эти называются на туземномъ языкѣ *бадиръ*, вентиляторами. Тошя и голодные собаки бродятъ по улицамъ и базарамъ; полунагіе Арабы выглядываютъ изъ пальмовыхъ шалашей, раскинутыхъ по морскому берегу, а совершенно нагія дѣти прыгаютъ вокругъ этихъ шалашей и по улицамъ городскимъ, которыя совсѣмъ пусты: жизнь, шумъ и движеніе обнаруживаются лишь на базарахъ, гдѣ подъ навѣсами и сводами есть тѣнь и небольшая отрада. Чистѣйшее лазуревое небо раскинулось надъ городомъ; почти тропическое солнце нестерпимо жжетъ и свѣтитъ: больно глазамъ отъ блеска солнечныхъ лучей по песку; невыносимо тѣлу отъ палящаго зноя. Оттого-то цѣлый день ни одно живое суще-

ство не показывается, безъ крайней надобности, на свѣтъ Божій: верблюды и ослы жмутся къ стѣнамъ домовъ или забираются въ глубину караванъ-сараевъ. Даже птицъ не видно, какъ будто ихъ здѣсь не существуетъ. Лѣниво качаются на волнахъ морскихъ, чуть переливаемыхъ лѣнивымъ же вѣтромъ, нѣсколько туземныхъ безпалубныхъ судовъ и одинъ англійскій корабль, остановившійся въ большомъ отдаленіи отъ берега. Въ урочные часы всходятъ на кровли мечетей—въ городѣ есть и мечети—муэззины и, не очень звучнымъ голосомъ, зовутъ на молитву: мало находится усердныхъ правовѣрныхъ, готовыхъ совершить тяжелый путь отъ своего дома въ мечеть; только тѣ, которыхъ привлекла въ мечеть жажда новостей или возможность бесплатно пользоваться прохладой мечетнаго *баидира*, что не во всякомъ домѣ найдешь, участвуютъ въ соборномъ моленіи. Густой горячій воздухъ поглащаетъ легко шумъ базаровъ, и тишина почти вездѣ царствуетъ.

Городъ этотъ, лежащій у Персидскаго залива, называется Бендеръ-Буширъ. Точно такимъ онъ былъ въ маѣ 1843 года.

Внутри домовъ жизнь нѣсколько отраднѣе, нежели на открытыхъ улицахъ или на полузакрытыхъ базарахъ,—но развѣ можно и это назвать жизнью? Непрерывная испарина прорывается сквозь всѣ поры тѣла, какъ бы легко ни былъ одѣтъ человѣкъ, и сухая гортань поминутно требуетъ воды,—а гдѣ же взять прохладной влаги въ этомъ зноѣ? Непобѣдимая лѣнь покоряетъ всѣ живыя существа, и безъ всякой усталости человѣкъ лежитъ здѣсь неподвижно цѣлые недѣли, мѣсяцы, годы... Здѣсь будто крайній предѣлъ Востока и азіатской апатіи. Эта страна уже напоминаетъ Индію: животныя здѣсь—львы да гіенны; изъ растительнаго царства вездѣ на песчаномъ взморьѣ однѣ пальмовыя рощи; раскаленный докрасна воздухъ горячъ и удушливъ; человѣкъ или ходитъ здѣсь нагой, или едва прикрывается легкими тканями. И охота же людямъ томиться здѣсь въ удушливомъ зноѣ, когда можно найти прохладу въ сосѣднихъ горахъ?

Въ гармоніи со всѣмъ окружающимъ, лежу и я на своемъ походномъ коврѣ, въ верхней комнатѣ убогаго армянскаго храма, предоставляемой, какъ даровой нумеръ, всѣмъ пріѣзжимъ. Въ комнатѣ нѣтъ ничего, кромѣ бурыхъ, шероховатыхъ стѣнъ соломённо-глиняной смазки, столь общихъ всему Востоку: убран-

ство состоитъ лишь изъ того, что я привезъ съ собою, — а что можетъ быть у путешественника, ежедневно мѣняющаго свое жилище? За то въ моей бурой комнатѣ два окна на сѣверъ, всегда скрытыя отъ лучей южнаго солнца: отсюда можно наблюдать сосѣдей, городъ и окрестныя горы, хотя изъ этихъ наблюдений едва ли можно извлечь какую-нибудь пользу; сосѣди вѣчно скрываются во внутреннихъ покояхъ, городъ оживаетъ только вечеромъ, когда и я выхожу на прогулку, а дальнія горы вѣчно смотрятъ безжизненно, сѣроватыми скатами, точно бурныя стѣны моей комнаты. Взять хоть и нынѣшній день, когда начинается мой очеркъ: во все утро, любопытнаго усмотрѣлъ я только небольшую змѣйку, которая выползла съ особенными предосторожностями изъ трещины сосѣдняго дома и спокойно растянулась потомъ на пустой кровлѣ его. Какъ будто въ pendant къ этому событію, изъ щели въ углу моей комнаты выглянулъ скорпионъ, но не рѣшился почему-то выползти совсѣмъ: лѣнь не позволила мнѣ встать съ мѣста и вызвать непрошеннаго гостя на какую-нибудь приманку. Удивительно, что и сѣверный человѣкъ скоро становится здѣсь фаталистомъ.

Вскорѣ послѣ полудня встревоженная чѣмъ-то змѣя быстро уползла, но мой скорпионъ еще долго наблюдалъ изъ своей щели русскаго человѣка, погруженнаго въ назидательное чтеніе. Глухая тишина и общая апатія вдругъ была прервана хлопаньемъ персидскихъ башмаковъ по каменной лѣстницѣ, которое все приближалось ко мнѣ, и наконецъ въ дверяхъ моей кельи показался дорожный спутникъ мой, мирза Али (1). Посѣщеніе это обрадовало меня: мирза могъ кое-что поразказать мнѣ новаго, на что онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Совершивъ обычные поклоны и освѣдомившись о моемъ здоровьи, хотя видѣлся со мной наканунѣ вечеромъ, мирза объявилъ, усаживаясь на коверъ, что онъ, какъ благочестивый шія, направлялся въ мечеть на молитву и зашелъ ко мнѣ по пути, единственно затѣмъ, чтобы узнать о моемъ здоровьи.

— Кейфъ мой совершенно исправенъ; отвѣчалъ я, — но будетъ еще исправнѣе, надѣюсь, когда я оставлю этотъ городъ и буду

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», 1856 г. № № 10 и 12, *Сцены въ пустынь*.

пользоваться вполнѣ, на какомъ-нибудь суднѣ, морскою прохладой или, по крайней мѣрѣ, свѣжестью.

— Развѣ такъ опротивѣла вамъ, саабъ, наша земля? спросилъ мирза съ улыбкой, лукаво прищутивъ глаза.

— Я не нахожу вашего вопроса нисколько не естественнымъ и прямо скажу вамъ, что я съ удовольствіемъ оставляю Иранъ, не потому только, что буду ближе къ своей родинѣ, но и потому, что Иранъ—испорченная страна.

— Да, правда ваша, саабъ. Проклятые Аллахомъ Османлу взяли и осквернили святилище Хусейна въ Кербеля, и мы ничего не можемъ имъ сдѣлать, мы даже не смѣемъ тронуться съ мѣста на защиту своей святыни. Испорченная земля—Иранъ.

Довольный согласіемъ мирзы, хотя въ нашей дружбѣ часто бывали бреши, я крикнулъ своего служителя Армянина.

Конечно, мой Армянинъ видѣлъ, что за гость пожаловалъ ко мнѣ, и потому не спѣшилъ отозваться на зовъ. Наконецъ съ заплывшими отъ сна глазами Юсуфъ явился, и получилъ приказаніе подать мирзѣ кальянъ; постоянно питая за что-то неудовольствіе на мирзу, Юсуфъ и на этотъ разъ выразилъ свое нерасположеніе тѣмъ, что, вмѣсто хорошаго ширазскаго табаку, положилъ въ кальянъ простаго табаку изъ собственного кисета. Можетъ-быть, эта продѣлка и не ускользнула отъ вниманія мирзы, но хитрый Персъ не сказалъ ни слова и потянулъ табачную струю прерывающе.

— Впрочемъ, въ кербелайскомъ позорѣ виноваты не мы одни, прибавилъ мирза съ особеннымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Считаю обязанностью предупредить читателя, что въ ту эпоху багдадскій паша только что взялъ возмущившійся городъ Кербеля, населенный шиитами, но стоящій на турецкой территоріи. Конечно, осада и взятіе не обошлись безъ кровопролитія, которое персидскіе слухи увеличили во сто разъ.

— Кто же еще? спросилъ я, зная заранѣе отвѣтъ мирзы.

— Еще Англичане и вы, Русскіе.

— Это какимъ образомъ, душа моя, мирза?

— Отклонили Мухаммедъ-шаха отъ похода, отказали во всякой помощи, запугали перваго министра османскими войсками.

— Едва ли это такъ, мирза.

— Чтò и говорить! Вы, саабъ, здѣсь недавно, а мы знаемъ, какъ ведутся дѣла изстари. Развѣ въ Буширѣ не хозяйничали, въ послѣднее время, посвоему Ингилизы? Хорошо, что еще досталось имъ на порядкахъ.

— Чтò это за рѣчи, мирза?

— Сущность дѣла вотъ въ чемъ, достопочтенный саабъ: пред- послѣдній правитель Бушира, шейхъ Насръ-Эддинъ, сынъ Абдурасуля, о сожженіи котораго въ башнѣ далегійской я уже докладывалъ вамъ обстоятельно (1), очень не любилъ Франковъ, и такъ какъ здѣсь иныхъ Франковъ, кромѣ Ингилизовъ, нѣтъ, то все не- расположение его обращалось на однихъ Англичанъ. Правда, выдавались случаи, что доставалось и другимъ, но это было очень рѣдко, тогда лишь, когда показывались сюда Франки. Такъ при- было въ Буширѣ однажды голландское судно. Шейхъ Насръ взялъ съ него насильно порядочный «бахшишъ» (подарочекъ) и такъ какъ глупый «нахуда» (капитанъ) не хотѣлъ давать денегъ, то шейхъ Насръ отдѣлалъ Франка на славу. Капитанъ жаловался вашему посланнику въ Тегеранъ, но вѣрно жалоба его не дошла, потому что отвѣта никакого изъ Тегерана не получено. При- ѣзжалъ сюда еще купецъ изъ Новаго Свѣта, съ женой и дочерью, ювелиръ кажется: хотѣлъ покупать бирюзу и драгоценные камни. шейхъ Насръ потребовалъ съ него сто тумановъ (червонцевъ голландскихъ), и конечно получилъ бы ихъ, еслибы плутоватый Американецъ не бѣжалъ отсюда ночью. Прибывъ въ Басру, онъ жаловался своему *ильчи* (посланнику) въ Стамбулъ: у нихъ тоже есть свой посланникъ тамъ. *Ильчи* писалъ челобитную Мухаммедъ-шаху: «средоточіе вселенной» сдѣлалъ запросъ шейхъ Насру, а этотъ отвѣчалъ, что никакого Американца-купца онъ не знаетъ, былъ же здѣсь изъ Новаго Свѣта *люти* (мазурикъ), съ котораго однако шейхъ Насръ никогда ничего не получалъ, въ чемъ можетъ дать удостовѣреніе здѣшній Армянинъ Ага-Юсупъ.

— Да вѣдь Американецъ не на то жаловался, что шейхъ Насръ взялъ съ него сто тумановъ, а на то, что онъ требовалъ ихъ съ него. Тѣмъ однако шейхъ Насръ и отдѣлался: *Прибъжище все- ленной* болѣе не удостоилъ его запросами.

Мирза-Али, по своему обыкновенію, начавъ разказывать о

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», 1856 г. № № 10 и 12.

самоуправствѣ Англичанъ, вмѣсто того повѣствовалъ о своевольствахъ буширскаго правителя; но я не останавливалъ его на этой любопытной біографіи.

— Нечего и говорить о томъ, что съ Армянина Юсупа шейхъ Насръ бралъ деньги нѣсколько разъ: этотъ Армянинъ богатъ, и что ему значить подарить нѣсколько десятковъ тумановъ правителю!

— Повидимому, мирза, вы хорошо знаете карманы всѣхъ обитателей Ирана?

— Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что шейхъ Насръ не терпѣлъ Англичанъ, и даже говорилъ Французу Семино, котораго вы, саабъ, вѣрно видѣли въ Тегеранѣ...

— Да, видѣлъ. Но вы-то, мирза, какъ его знаете?

— Этотъ Франкъ много таскался по Ирану, и я не разъ встрѣчался съ нимъ. Но дѣло не въ этомъ; а въ томъ, что шейхъ Насръ говорилъ Семино: «Я могу взять Бомбей и весь *Хиндустанъ* (Индію), такъ что не оставляю здѣсь ни одной собаки изъ этихъ Ингилизовъ! Вотъ Маскатъ такъ не могу взять.»—Хорошо, отвѣчалъ ему Франкъ Семино: возьмите Индію, а я возьму Маскатъ.—Ни того, ни другаго не случилось. Или, бывало, шейхъ Насръ подопьетъ,—пилъ онъ крѣпко, и часто пьяный онъ приходилъ въ сильный гнѣвъ и любилъ тогда кричать: «пойдемъ, перерѣжемъ этихъ нечистыхъ кафировъ Ингилизовъ. Зачѣмъ они здѣсь выстроили крѣпость и беспокоятъ честныхъ Иранцевъ?» И въ трезвомъ видѣ шейхъ Насръ дѣлалъ Ингилизамъ всякія непріятности, а народъ буширскій, глядя на правителя, тоже не давалъ Англичанамъ проходу: покажется Англичанинъ на улицу, и начнутъ кидать въ него камнями сначала мальчишки, а потомъ и взрослые. Однажды схватили подъ устцы лошадь англійскаго *балюса* (консула) въ городскихъ воротахъ: «ты, дескать, хочешь бѣжать изъ города, такъ заплати сначала намъ за отпускъ.»

— Какая же статъ Англичанину бѣжать сухимъ путемъ, когда у нихъ всегда здѣсь стоятъ свои корабли?

— Дѣло не въ этомъ, возразилъ мнѣ опять мирза, не оставшій сегодня отъ своей фразы,—а въ томъ, что Англичане, пустивъ на вѣтеръ жатву своей терпѣливости, кончили тѣмъ, что захватили шейха Насра на островѣ Харкѣ, когда онъ дол-

женъ былъ удалиться изъ Бендеръ—Абушехра, и увезли въ Тегеранъ.

— Отчего же шейхъ Насръ удалился изъ Бушира?

— Жители были имъ недовольны и взбунтовались.

— Очень хорошо, мирза: теперь ясно, что за человекъ былъ шейхъ Насръ, которымъ никто не былъ доволенъ. Къ нему можно вполне приложить слова несомнѣнной книги: «сдѣлавшись полновластными, они только ходятъ по землѣ да безчинствуютъ».

— Нѣтъ, саабъ, не всѣ же не любили шейха Насра: вотъ жители Харка даже помогали ему дважды въ бѣдѣ. Впрочемъ, это—Арабы, и настоящаго *серикъ*, пониманія дѣла, у нихъ нѣтъ. Нынѣшняго правителя буширскаго, который пьетъ не меньше шейха Насра, тоже не любятъ, только народъ теперь сталъ бояться Инглизовъ, разумѣется, до поры до времени. Какъ-то пріѣзжали они сюда во множествѣ, въ то время, какъ Мухамедъ-шахъ воевалъ съ Гератомъ, привозили войско, пушки, поселились на островѣ Харкѣ, противъ Бушира, выстроили себѣ дома, пожили, да съ тѣмъ же и уѣхали.

— Уѣхали, мирза, они съ тѣмъ, что шахъ отступилъ отъ Герата.

— *Истахфуръ Алла!* (Господи помилуй!) Средоточіе вселенной пощадило Гератъ, потому что...

— Потому что вашимъ войскамъ, мирза, нечего было ѣсть, да и осада нисколько не подвигалась впередъ. Эти дѣла я очень хорошо знаю, мирза.

— *Башедъ* (пусть будетъ такъ), сказалъ мой собесѣдникъ.

— Дервишъ говорить видѣнное, по нашей пословицѣ. Я не изъ Герата, чтобы лгать. А знаете ли вы, саабъ, эту башню?

И мирза Али показалъ мнѣ стоявшую отдѣльно за городомъ башню.

— Нѣтъ, не знаю, мирза. Вѣрно въ ней было что-нибудь замѣчательное? Ужъ не происшествіе ли какое-нибудь съ Англичанами, вашими пріятелями?

— Сущность дѣла вотъ въ чемъ, началъ мирза опять нѣсколько торжественнымъ голосомъ (мирза очень охотно разсказывалъ всякія исторіи и повидимому гордился своими познаніями): — во время управленія Мотемида Менучехръ-хана (который те-

перь губернаторствуетъ въ Испаганѣ) Фарсомъ, возмутился здѣсь Вели-ханъ съ сыномъ своимъ Багиромъ противъ Мотемида.

— То-есть противъ Мухаммедъ-шаха?

— Противъ Мотемида, настаивалъ мирза.— Съ этимъ правителемъ, страшнымъ чернымъ орломъ, трудно было вести споръ; въ самомъ дѣлѣ, скоро Вели-ханъ остался почти одинокъ, большая часть приверженцевъ и родственниковъ покинули его, и онъ бѣжалъ сюда съ немногими сообщниками, и то такими, о которыхъ можно было сказать: всякому каравану они спутники. Въ этой-то башнѣ, которую я вамъ сейчасъ указалъ, и заперся Вели-ханъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Не будетъ ли и здѣсь сожженія, какъ въ башнѣ далегійской? подумалъ я, но дѣло кончилось въ духѣ болѣе приличномъ Ирану.

— Нѣсколько дней Вели-ханъ держался въ башнѣ, рассчитывая на новое возстаніе своихъ приверженцевъ, но Менучехръ-ханъ успѣлъ между тѣмъ завязать сношенія въ самой башнѣ, гдѣ сидѣлъ Вели-ханъ. Коротко сказать, однажды, во время сна Вели-хана, одинъ изъ его нукеровъ, подкупленный Менучехръ-ханомъ, отперъ двери башни и выдалъ своего господина вмѣстѣ съ сыномъ его.

— Поучительная исторія, мирза. Я ожидаю другой развязки, но очень радъ, что конецъ не такъ страшенъ, какъ представлялся по началу. Особенно же этотъ эвнухъ, вашъ испаганскій губернаторъ, очень памятенъ Фарсу своими жестокостями.

— По правдѣ сказать, саабъ, безъ такого правителя здѣсь не заведешь и порядку.

— Чтѣ вы называете, мирза, порядкомъ? То, что ни на дорогахъ, ни въ городахъ нѣтъ безопасности, что вездѣ власти дѣлаютъ чтѣ хотятъ? Не все же виноваты жители. Я слыхалъ, напротивъ, мирза, что въ вашемъ Иранѣ тогда только и наступаетъ въ губерніи спокойствіе, когда уѣзжаетъ изъ нея куда-нибудь губернаторъ. Я самъ былъ въ Испаганѣ тогда, какъ правитель ея, Менучехръ-ханъ, находился въ Тегеранѣ: чтѣ за тишина на улицахъ и базарахъ, не видать ни одного *люти*, всѣ сношенія идутъ правильно, на сколько это можно въ Иранѣ, и всѣ тихи и довольны. Возвратись губернаторъ—и пойдутъ жалобы, драки, грабежи и убійства. Какъ видите, мирза, я и самъ

нѣсколько знаю вашу сторону и даже могу угостить васъ анис-
лотомъ, котораго вы навѣрно не знаете.

— Посмотримъ, сказалъ мирза, съ насмѣшкой.

— Бече (малой!) подай мирзѣ новый кальянъ, да набей
моимъ табакомъ.

На этотъ разъ слугѣ Армянину нетого было дѣлать, и онъ
наложилъ въ кальянъ мирзы ширазскаго табаку, хотя очень не-
охотно.

— Сущность дѣла вотъ въ чемъ, началъ я, подражая мирзѣ.
— Во время Фетхъ-Али-шаха былъ такой же сильный министръ,
какъ нынѣ Хаджи-Мирза-Агаси, и также замышлялъ всѣ губер-
наторскія мѣста своими родственниками. Подъ конецъ управле-
нія этого министра, не оставалось въ Персіи почти ни одной
провинціи, гдѣ бы правилъ не родственникъ любимца шахскаго.
У министра была старинная фамилная вражда съ однимъ хан-
скимъ семействомъ, глава котораго, утѣсняемый правителемъ,
родственникомъ министра, явился наконецъ съ покорною головою
въ Тегеранъ къ любимцу шаха. Министръ, у котораго было
верблюжье сердце, какъ говорите вы Иранцы, или истинное—
по-нашему, принять врага довольно снисходительно: подобные
примѣры случаются и у васъ въ Иранѣ, мирза. «Ну, говорить
министръ, если тебѣ трудно жить отъ моего родственника въ
этой области, то переезжай въ другую.» Куда же? спрашиваетъ
гонимый ханъ.

— Въ Испагань. «Не могу: тамъ вашъ дядюшка.»—Въ Фарсъ.
«Не могу: тамъ вашъ двоюродный братъ.»—Въ Керманшахъ. «Не
могу: тамъ вашъ племянникъ.»—Въ Хорасанъ. «Не могу: тамъ
вашъ родной братъ», отвѣчаетъ ханъ.—Ну, такъ отправляйся
въ геенну, говоритъ взбѣшенный отказами министръ. «Не могу
и туда: тамъ находится вашъ батюшка.» Говорятъ, что министръ
расхохотался этой остротѣ, и враги помирились. За послѣднее,
я думаю, мирза, и вы не поручитесь?

Не знаю, что мнѣ отвѣчалъ бы на мой вопросъ многосвѣдущій
мирза, но бесѣда наша была прервана новымъ хлопаньемъ баш-
маковъ по каменной лѣстницѣ и явленіемъ другаго гостя—араб-
скаго «нахуды», капитана, который предлагалъ мнѣ ѣхать въ
Басру на его суднѣ или, лучше сказать, съ которымъ я долженъ

былъ самъ повести наканунѣ переговоры о мѣстѣ для перевѣзда въ Басру.

И этотъ гость, несмотря на то, что говорилъ со мной наканунѣ и видѣлъ цвѣтущее состояніе моей особы, считъ долгомъ прежде всего навѣдаться о моемъ здоровьѣ, причѣмъ раздавилъ скорпіона, выползшаго изъ щели наружу, и нечаянно избавилъ меня отъ хлопотъ съ лишнимъ жильцомъ моей комнаты.

На Востокѣ большая бѣда быть Европейцомъ: во первыхъ всѣ считаютъ васъ «хежимомъ», медикомъ, и просятъ у васъ лѣкарствъ; вторыхъ, всѣ считаютъ васъ богачомъ, и поэтому стараются взять съ васъ побольше или даже и совершенно даромъ денегъ. Сколько разъ въ персидскихъ деревняхъ являлись ко мнѣ нельзя сказать чтобы бѣдняки и просили съ меня бахшишъ, на томъ лишь основаніи, что я «саабъ», господинъ! И на этотъ разъ дѣло шло объ огромномъ запросѣ, сдѣланномъ наканунѣ арабскимъ нахудою.

Этотъ гость заслуживалъ особеннаго вниманія во всѣхъ отношеніяхъ: видно было, что нахуда нѣсколько принарядился, такъ какъ день былъ праздничный—пятница. На Арабѣ была надѣта полушелковая рубашка, желтоватаго цвѣта, тонкой и рѣдкой матеріи: чисто-шелковыхъ рубашекъ мусульмане не носятъ, боясь нареканій Корана, запрещающаго роскошь. Собственно эти рубашки ткутся изъ бѣлаго сырца, но въ матеріи онъ получаетъ желтоватый цвѣтъ. Сверхъ рубашки и холстяныхъ бѣлыхъ панталонъ надѣтъ былъ шелковый халатъ, покроя кафтана, изъ полосатой ткани: полосы были желтыя, зеленыя и красныя, что очень беспокоило европейскій взглядъ, но на Востокѣ чѣмъ раздирательнѣе соединеніе цвѣтовъ, тѣмъ больше нравится. На головѣ нахуды разширялась неизбежная бѣлая чалма, спасающая бритую голову отъ солнечныхъ ударовъ. Арабъ былъ тощъ и худъ до невѣроятности, что между горожанами рѣдко встрѣчается. Пріятное контрасть его превосходно выражало гортанные звуки арабскаго нарѣчія, для уразумѣнія которыхъ я долженъ былъ пригласить на помощь одного изъ моихъ Армянъ.

Желая расположить въ свою пользу можетъ-быть будущаго моего капитана, я велѣлъ подать кальянъ гостю. По-обыкновенію, Арабъ началъ бесѣду совѣмъ не съ того, за чѣмъ пришелъ.

— О господинъ ! сказалъ мнѣ нахуда , прикладывая руку къ сердцу и склоняя нѣсколько голову, что выражало благодарность его за угощеніе:—я очень люблю «наргилэ», кальянъ. Мнѣ въ немъ представляется вся наша жизнь. Посмотри, господинъ : развѣ эти полоски, которыми обведенъ низъ наргилэ, не изображаютъ трудностей, представляющихся намъ на каждомъ шагу? Въ трубкѣ кальяна я вижу бездну гибели; смоченный мелкій табакъ, складываемый въ трубку, я считаю собраніемъ нашихъ пороковъ; горящіе угли, положенные на табакъ, представляютъ жаръ нашихъ страстей : клокотаніе воды напоминаетъ кипѣніе страстей, а дымъ, господинъ, дымъ—развѣ не есть вся эта суета, которая такъ смущаетъ насъ?..

Нахуда-философъ нисколько не удивилъ меня своимъ длиннымъ и изысканнымъ сравненіемъ : на Востокъ и сравненія, и мораль въ большомъ ходу, и оригинальный складъ восточнаго ума отыщетъ параллель тамъ, гдѣ она кажется совершенно невозможною. Но усаждаясь цвѣтами восточнаго остроумія, я считалъ долгомъ вознаградить нахуду, не европейскимъ остроуміемъ, что вѣроятно не понравилось бы ему, а мохекскимъ кофе, который я велѣлъ подать гостямъ. На Востокъ у каждого порядочнаго человѣка долженъ быть всегда наготовѣ для Персіяннина—чай, а для другихъ мусульманъ—кофе необыкновенной густоты.

Мирза слушалъ краснорѣчіе Араба съ усмѣшкой и молчалъ: религіозные предразсудки шиита опять проснулись въ немъ, и съ самаго появленія новаго гостя, мирза Али принялъ на себя какую-то офиціальную физиономію.

По правиламъ восточнаго этикета, кофе былъ поглощенъ въ глубокомъ молчаніи, точно присутствующіе совершали какой-нибудь священный обрядъ. Арабъ, напрасно ожидавшій какого-нибудь слова отъ Персіяннина, опять началъ бесѣду:

— Ты, господинъ, можетъ-быть не знаешь, что кофе запрещенъ правовѣрнымъ?

— Нѣтъ, это неправда. Ссылаюсь на мирзу, который конечно скажетъ то же самое.

Персидскій оракулъ ничего, напротивъ, не прорекъ, но кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— То-есть не совѣмъ запрещенъ, продолжалъ нахуда. Наши законники долго спорили и наконецъ почти разрѣшили кофе. Раз-

казываютъ, что одинъ изъ первостепенныхъ юристовъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько муллъ и угостилъ ихъ кофеемъ на славу, но послѣ угощенія не отпустилъ ихъ домой, ожидая, какое дѣйствіе произведетъ подозрительный напитокъ. Всѣ муллы держали себя весьма пристойно, и законникъ отпустилъ ихъ наконецъ по домамъ, объявивъ, что отнынѣ кофе разрѣшается всему свѣту, какъ безвредное и нисколько не одуряющее питье.

— Конечно, никто здѣсь не скажетъ того же о ширазскомъ винѣ, замѣтилъ я.

— Проклятіе ему! сказалъ Арабъ, оплевываясь, точно будто ему уже подносили это вино.

— Не всѣ, впрочемъ, такъ думаютъ, продолжалъ я.— Въ одномъ изъ ширазскихъ загородныхъ дворцовъ, я встрѣтилъ однажды хана съ многочисленною компаніей: почтенный «Ирани» (Иранецъ) встрѣчалъ весну, окруженный юными наперсниками, «токсу-сами» и собравіемъ стеклянныхъ олягъ съ ширазскимъ виномъ. На красномъ лицѣ хана и въ буйныхъ крикахъ собесѣдниковъ обозначалось количество опустошенныхъ ими оляжекъ. Почитатели мистическихъ одъ Хафиза приглашали и меня принять участіе въ ихъ весельи, но кафиръ счелъ себя недостойнымъ присутствовать на пирушкѣ правотѣрныхъ. Признаться, сабли и кинжалы, которыми были вооружены, будто на абордажъ, ханъ и его свита, наводили на меня нѣкоторый страхъ, и я поспѣшилъ выбраться изъ дворца, въ которомъ такъ некстати расположился ханъ праздновать наступленіе весны.

— Не позволить ли мнѣ саабъ, сказалъ мирза, — передать по этому случаю одинъ нашъ нравоучительный разказъ?

— Соболаговолите сообщить, душа моя, мирза, отвѣчалъ я, обрадованный такимъ обиліемъ восточнаго ума, которымъ наперывъ соперничали нахуда съ мирзой.

«— Во время одного изъ могущественныхъ падишаховъ Индіи, жилъ кади Абу-яхъя, великій ненавистникъ вина, между тѣмъ какъ падишахъ очень любилъ запрещенный напитокъ. Суровый кади при всякомъ случаѣ упрекалъ падишаха въ этой страсти, угрожалъ ему разными бѣдствіями и даже однажды перешелъ въ своихъ укорахъ мѣру благоразумной осторожности. Падишахъ, терпѣливо сносившій выговоры кади, рѣшился на этотъ разъ дать также урокъ строгому наставнику въ законѣ.

«Призвавъ красивѣйшую невольницу свою, Насибинъ, падишахъ сказалъ ей: завтра до полудня пусть приготовить пиръ въ розовомъ павильонѣ, на концѣ сада: я буду угощать мудраго кади Абу-яхъю. Ты скройся въ верхнемъ покоѣ, и когда послѣ обѣда я выйду гулять въ садъ, явись съ лютней въ Абу-яхъю, ной, играй и угощай его виномъ до послѣдней крайности.

«Приказаніе могущественнаго падишаха было исполнено въ точности. Приглашенный на обѣдъ въ своему повелителю, Абу-яхъю не смѣлъ отказаться отъ такой высокой чести. Послѣ роскошнаго угощенія, въ числѣ котораго не было одного вина, падишахъ говоритъ, что онъ желаетъ прогуляться по саду и потому покидаетъ на нѣкоторое время своего гостя.

«Едва падишахъ перешагнулъ черезъ порогъ павильона, какъ очамъ изумленнаго кади явилась восхитительная Насибинъ, несравненная Пери. Граціозно привѣтствовалъ кади, она потомъ начала пѣть и танцовать передъ почтеннымъ стражемъ законовъ. Очаровательный голосъ невольницы, неизобразимая красота ея и грація движеній произвели свое дѣйствіе: Абу-яхъю не могъ оторвать взоровъ отъ чудеснаго явленія Пери.

«Тогда Насибинъ бросила лютню, взяла флаконъ, наполнила изъ него виномъ стаканъ, осушила его, и потомъ, наполнивъ снова, поднесла Абу-яхъю.

«Кади потрясъ головой и отказался.

«Тогда невольница беретъ нѣсколько плодовъ и подноситъ ихъ кади. Абу-яхъю принялъ плоды и сталъ ихъ ѣсть.

«Насибинъ взяла букетъ превосходныхъ цвѣтовъ, поднесла къ носу своему и потомъ предложила кади: законникъ принялъ и букетъ, и началъ обонять его съ восторгомъ.

«Насибинъ взяла опять лютню и начала пѣть, устремивъ пылающій взоръ на кади: «Когда бъ я имѣла, на каждый день и каждую ночь, коверъ Саломона и сокровища Хосру, я цѣнила бы ихъ не дороже крыла мухи, еслибъ глаза мои не могли видѣть тебя.»

«Кади не устоялъ противъ соблазна и, воспламененный страстью, воскликнулъ: Давай вина!

«Насибинъ быстро поднесла бокалъ очарованному кади; за однимъ бокаломъ послѣдовалъ скорѣ другой, третій и такъ да-

лѣе , пока Абу-яхъ не упалъ безъ чувствъ на вазы съ цвѣтами. Насибинъ исчезла.

«Тогда падишахъ явился въ павильонъ и съ укоромъ сказалъ:

«— Какъ объяснить причину опьяненія Абу-яхъ и паденія его между горшками цвѣтовъ?

«Услышавъ голосъ своего повелителя , кади сдѣлалъ сверхъестественное напряженіе , собралъ всѣ свои силы и способности , и продолжая выдерживать обычную свою суровость , произнесъ строгимъ тономъ:

«— Развѣ вы Аллахъ мой, чтобъ судить мои проступки?

«Или пророкъ, чтобъ наставить меня на путь правый?

«Господь не сказалъ: горе упивающимся.

«Но: проклятіе заблудшимся!

«Будьте, по своему обыкновенію, великодушны ко мнѣ и дайте мнѣ въ этомъ мірѣ Насибинъ (двѣ благія доли).

«— Невольница—твоя, отвѣчалъ падишахъ,—но остерегись отнынѣ упрекать меня, если хочешь, чтобъ голова твоя сидѣла на плечахъ. Порокъ, одобренный государемъ, становится добродѣтелью!»

Рѣдко мнѣ случалось слышать такую свободную и пріятную рѣчь , какою объяснялся теперь мирза : наслажденіе мое было полное , и даже нахуда слушалъ разказъ мирзы внимательно, хотя не все понималъ по-персидски. Оставалось только благодарить сладкорѣчиваго мирзу, и я не жалѣлъ «афериновъ», «машалла» и прочихъ восточныхъ браво. Воздержный и строгій нахуда однако не сдался.

Арабъ зашипѣлъ сначала, какъ змѣя, и сталъ поводить глазами , какъ соколъ , готовый пасть на добычу , а потомъ сказалъ :

— Мирза отлично пахтаетъ сливки разказовъ , откидывая въ сторону негодную пѣну рѣчей, но клянусь Аллахомъ! никогда нога моя не будетъ въ погребкѣ , хотя бы мнѣ обѣщали всю Иранскую страну; еще клянусь Аллахомъ!—никогда не коснусь я виноградныхъ выжимокъ , хотя бы ко мнѣ воротилась самая юность. Государь, преданный дочери дурныхъ дѣлъ (вину), шьетъ и тачаетъ неправду, то самъ бросается къ ея бассейну, то наплетъ изъ него другихъ; слѣдуя влеченію страсти, онъ не забо-

тится, исполнилъ ли онъ предписаніе несомѣнной книги. Горе заблудшему, проклятiе винопійцѣ!

Когда разгорячившійся нахуда кончилъ свою благочестивую тираду, мирза отвѣчалъ:

— Вложи въ ножны мечъ языка своего: нѣсть Бога, кромѣ Аллаха, и мы всѣ къ нему возвратимся. Страсть въ человѣкѣ похожа на птицу — верблюда-строуса. Если ты ему говоришь: лети! онъ отвѣчаетъ: я верблюдъ. Если ты ему скажешь: дай же сѣсть на тебя! онъ отвѣтитъ: я птица!

Нахуда принялъ обычное свое выраженіе спокойнаго міросозерцанія.

Поучительный разказъ мирзы, который я передалъ здѣсь въ сокращеніи, много укралъ у насъ времени: нахуда, не успѣвъ сказать ни слова о главной цѣли своего посѣщенія, увидалъ, что ему пора въ мечеть на послѣ-полуденную молитву; при этомъ и мирза вспомнилъ, что онъ тоже направлялся въ мечеть. Мнѣ предстоялъ въ этотъ день обѣдъ у Армянина Аги-Юсупа, о которомъ упоминалъ мирза: пользуясь случаемъ продлить бесѣду, я рѣшился отправиться теперь же на обѣдъ, хотя было еще рано: въ этихъ краяхъ невозможно думать о пищѣ, пока не спадетъ дневной зной.

Когда мы вышли изъ комнаты, насъ обдало кипяткомъ, точно изъ раскаленной печи; сухопарый Арабъ ни сколько не измѣнился, только замѣтилъ, что такой жаръ можетъ ослабить даже хамелеона, но мы съ мирзой облились потомъ, хотя и были одѣты различно: я — очень легко, а мирза, по персидскому обыкновенію, — въ тепломъ платьѣ. Проходя мимо армянской церкви, мирза не вытерпѣлъ и скорчилъ кислую гримасу: нахуда не обратилъ на христіанскій храмъ никакого вниманія. Для меня это двойное явленіе было поучительно: либеральный мирза ни какъ не могъ побѣдить привычекъ воспитанія и націи своей, индеферентный же нахуда относился къ чужому исповѣданію съ гордымъ незнаніемъ. Безъ всякаго спора отношенія послѣдняго были предпочтительнѣе.

Конечно здѣсь представлялся мнѣ удобный случай подвергнуть испытанію добросовѣстность мирзы, но по кислой гримасѣ его я уже могъ предвидѣть послѣдствія такого испытанія, и потому оставилъ моего дорожнаго пріятеля въ покоѣ. Мусульманскій фа-

патизмъ, выражается ли онъ омерзѣніемъ, какъ у мирзы, или высокомернымъ игнорированіемъ, какъ у нахуды, затрогивать бесполезно и даже опасно.

Разговоръ нашъ дорогой, по пустымъ улицамъ Бушира, принялъ неинтересное направленіе: мирза спрашивалъ нахуду объ его суднѣ, числѣ матросовъ, днѣ отправленія и проч., точно будто самъ намѣревался ѣхать въ Басру. Въ послѣдствіи времени я убѣдился, что у мирзы Али было действительно пожеланіе посѣтить святыя шіитекія мѣста, но исполненіе этого благочестиваго намѣренія онъ отложилъ до старости, когда нечего будетъ дѣлать, какъ онъ самъ выражался. Прибавлю заодно, что мирза изъ Бушира махнулъ въ Индію, зачѣмъ — про то вѣдаетъ Аллахъ. Въ Иранѣ ему не нравилось: пришелся ли по праву ему Индустанъ — не знаю. Но возвратимся къ настоящему.

Кажется въ такой зной ни одно живое существо не захотѣло бы оставить своей тѣни, но оказалось противное: вдругъ откуда ни взялся, точно изъ земли выросъ, дервишъ, съ своимъ войлочнымъ колпакомъ и кокосовою чашкой.

— Дай во имя Али! Дай во имя любви къ Али! кричалъ онъ пронзительнымъ контральто, и подставлялъ свою кокосовую чашку.

— Сажь щедръ и надѣлитъ тебя, говорилъ мирза Али, уклоняясь отъ роковой чашки.

Нахуда, по своему обыкновенію, смотрѣлъ равнодушно на дервиша и на его грязный костюмъ.

Я велѣлъ своему слугѣ дать дервишу «нанабадъ», полтину.

Недовольный подаваніемъ, дервишъ преслѣдовалъ меня криками: дай во имя Исы!

Пришлось прибавить еще столько же.

Разумѣется, дервишъ не сказалъ и спасибо, принявъ деньги какъ должное: такого-то рода расходы разоряютъ путешественника на каждомъ шагу на Востокъ. Впрочемъ этотъ дервишъ выказалъ нѣкоторую благодарность, сказавъ мнѣ:

— Да избѣгнешъ ты проклятій!

Когда мы проходили мимо одной мечети, со двора ея, изъ окна «балаханъ», балкона, раздался громкій голосъ:

— Селямъ алейкумъ, мирза Али!

— Алейкумъ селямъ! отозвался мой спутникъ и долго смотрѣлъ съ недоумѣніемъ, пока другой кричалъ:

— Давно ли вы здѣсь, мирза? Чтѣ дѣлается въ нашемъ городѣ? Не видали ли мирзѣ Али-Акбера? какъ идутъ его дѣла? А мнѣ здѣсь пока хорошо: пришлось отсиживаться.

Только при послѣднихъ словахъ мой спутникъ вопреки:

— Пэ, пэ, Мухаммедъ, я тебя не узналъ. Какъ ты попалъ сюда?

— Мирза Али-Акберъ—проплатилъ ему! — загналъ сюда: привязался съ своимъ долгомъ.

— Мухаммедъ сидитъ въ «бестѣ», похитилъ мирза Али, обращаясь ко мнѣ.

Изъ этихъ немногихъ объясненій стало ясно, что какой-то Мухаммедъ, знакомый моему спутнику, задолжалъ мирзѣ Али-Акберу и, не имея чѣмъ заплатить, объялъ въ мечеть, которая считается въ Персіи неприступнымъ убжищемъ, «бестъ», равно какъ и шатеная конюшня, послѣдняя, вѣроятно, на томъ основаніи, что умный немъ когда-то доставилъ иранскій тронъ Дарію Истаспу.

— Знаете-ли, душа моя, мирза, что въ Тебризѣ вашему пріятелю не оеобровать бы, что его взяли бы изъ «беста»?

— Слава Аллаху! Вы просвѣтили, саабъ, мои очи. Давно пора уничтожить эту забаву. Убить кого, ограбить, обворовать или задолжать кому,—объявить и садится въ бестъ; меня-де нельзя тронуть отсюда. Мало еще въ Иранѣ великой несправды, такъ придумали бестъ!

— Отличныя рѣчи, мирза. И знаете ли, кто уничтожилъ эту ловушку, на которую могъ рассчитывать заранее каждый люті, чтобы онъ ни дѣлалъ? Нашъ благородный консулъ Аничмовъ.

Радость мирзы вдругъ отчего-то исчезла, и совсѣмъ другимъ тономъ мой спутникъ возразилъ:

— Но куда же теперь спасется невиноватый, у котораго нѣтъ опоры?

Мирза, выхвалявшій мѣру уничтоженія бестовъ, никакъ не могъ принять ее отъ кассира, и потому началъ пернищать тотчасъ же то самое, чтѣ похвалилъ только что; будь эта мѣра исполнена какимъ-нибудь шінтомъ—восторгъ мирзы не зналъ бы предѣловъ.

— Невинowатому незачѣмъ укрываться въ бестѣ, а еслибы и случилось такъ, мирза, то въ странѣ, гдѣ накопилось такое несчетное множество зла, можно принести въ жертву частные благодѣтельные случаи, лишь бы прекратить одно большое зло.

— Франкскіе уставы придуманы для Франковъ, сказалъ мирза. Я хочу видѣть бѣднаго Мухаммеда. Да будетъ Господь вашимъ хранителемъ!

Съ этими словами мирза Али направился въ мечеть Нахуда, однако не послѣдовалъ за нимъ, потому что это была шиитская могиельня.

Впрочемъ, не долго пользовался я спутничествомъ нахуды: вскорѣ и онъ ушелъ въ свою мечеть.

Меня особенно интересовало устройство «бадгировъ», имѣющихъ фигуру колодца и придающихъ Буширу очень оригинальный видъ издали: по изслѣдованіямъ моихъ служителей, оказалось, что бадгиры состоятъ внутри изъ многихъ перегорожекъ, въ которыхъ иногда, въ чаяніи прохлады, помѣщается женское населеніе дома. Бывали случаи, что при землетрясеніяхъ, свойственныхъ Буширу, женщины и дѣвочки погибали въ перегородкахъ бадгировъ, которые падаютъ прежде всего; кромѣ того бадгиры въ паденіи разрушаютъ дома и давятъ обитателей. — Въ мечетяхъ бадгиры больше, нежели въ домахъ.

У Аги-Юсупа меня не ждали такъ рано, но радушный хозяинъ благодарилъ, что я пришелъ не въ урочный часъ.

Въ ожиданіи обѣда, мы принялись за игру въ вопросы и отвѣты; Ага-Юсупъ, какъ Армянинъ, разспрашивалъ меня о персидскихъ и русскихъ Армянахъ; я, какъ путешественникъ, пыталъ моего хозяина о Бендеръ-Буширѣ и даже Индіи, гдѣ онъ долго жилъ. Пора намъ познакомиться поближе съ этою привлекательною личностію.

Настоящее имя этого Армянина есть Іосифъ Аретюнъ Мелькумъ: живя въ Индіи, по сношеніямъ съ Англичанами, онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Малькома (Malcolm), а между мусульманами онъ пріобрѣлъ извѣстность подъ именемъ Аги-Юсупа. Такимъ образомъ омусульманена была первая половина его имени, какъ вообще и бываетъ съ христіянами, а фамиліи его или второй половинѣ имени приданъ былъ англійскій видъ. Эта тройственность однако не должна нисколько возбуждать предубѣжде-

нія: Іосифъ Аретюнъ вполнѣ оставался вѣренъ и армянской національности и своему характеру.

У Іосифа Аретюна самая симпатичная природа и даже вся внѣшность: я рѣдко встрѣчалъ людей, особенно на Востокѣ, которые бы такъ быстро и сильно располагали въ свою пользу. Дальнѣйшимъ знакомствомъ только оправдывалось первое впечатлѣніе: Большую часть жизни Аретюнъ провелъ въ Индіи, между Англичанами, отъ которыхъ онъ занялъ костюмъ, образъ жизни и образованіе: не переставая любить Армянъ и все армянское, Аретюнъ однако сталъ чистымъ Европейцемъ, по своему благородному взгляду на жизнь и общественныя требованія. По крайней мѣрѣ такимъ мнѣ казался Аретюнъ во все время десяти-дневнаго пребыванія моего въ Буширѣ.

Говоря безпристрастно, такую прекрасную выработку Аретюна я не могу приписать ничему другому, кромѣ англійскаго воспитанія; знакомство съ Аретюномъ показало мнѣ, чѣмъ можетъ быть Армянинъ при свободномъ развитіи. Предположимъ даже, что, по самой практичности природы своей, Армянину всего ближе сойтись съ Англичаниномъ, хотя до сихъ поръ это соединеніе въ большихъ размѣрахъ и не удавалось; положимъ, что и Англичане на Востокѣ охотно женятся на Армянкахъ, что также служить доказательствомъ близости двухъ натуръ: однако же успѣхъ англійскаго образованія, видѣнный мною на Аретюнѣ Малькомъ, тѣмъ не менѣе остается доказательствомъ способности армянской націи къ воспріятію основательной образованности.

Аретюнъ женатъ на красавицѣ Армянкѣ; кромѣ жены и дѣтяти съ нимъ живутъ два брата его, старшій и меньшой. Первый сохранилъ восточный костюмъ и занимается, между прочимъ, изученіемъ наукъ по армянскимъ руководствамъ. Послѣдній еще молодъ и не успѣлъ сложиться.

Послѣ долгаго скитанія въ нравственныхъ трущобахъ мусульманскаго Востока, признаюсь, я съ особеннымъ наслажденіемъ предался бесѣдѣ въ этомъ мирномъ и человѣчномъ кружкѣ. Можетъ-быть я могъ бы желать отъ Аретюна большаго знакомства съ высшими предметами европейской бесѣды, а отъ старшаго брата его—меньшей вѣры въ авторитетъ армянскихъ ученыхъ; но гуманный, справедливый взглядъ Аретюна миритъ меня съ

этими недостатками. Разумѣется, въ нашихъ разговорахъ первое мѣсто принадлежало Армянамъ, которыхъ я имѣлъ случай узнать въ Россіи и Персіи, но еще не зналъ въ Турціи: съ обычнымъ жаромъ я началъ на главные ихъ недостатки, по моему убѣжденію, которые высказалъ Аретюну открыто.

— Даже самое стремленіе къ совершенствованію у вашихъ соотечественниковъ я заподозриваю, говорилъ я рѣзко Аретюну: — само-собою разумѣется, я имѣю въ виду большинство націй, а не малая часть ея.

— Вы забываете, саазъ, возразилъ Аретюнъ, — мекхитаристовъ и многихъ другихъ.

— А вы, эга, забываете, что мекхитаристы — католики, что они находятся въ исключительномъ положеніи. При томъ же ученыя труды и отшельничество не составляютъ еще крайней степени развитія человеческого: есть много другихъ условій, которыми ни мекхитаристы, ни кто-другой изъ вашихъ не удовлетворяютъ. Не отвергая семейныхъ и домашнихъ добродѣтелей у Армянъ, отличныхъ способностей къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, я порицаю болѣе всего отсутствіе принципа — вы понимаете, о чемъ я говорю — и энергіи въ большинствѣ націй, и протекающую отсюда безнравственность.

— Странно вы соединяете, саазъ, семейные добродѣтели съ безнравственностью націй. Чтѣ же касается энергіи, то въ недостаткѣ ея нельзя упрекнуть Армянъ.

— Да, въ какихъ-нибудь горныхъ окрѣгахъ. Впрочемъ, изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы я отвергалъ будущность націй: напротивъ. У меня есть здѣсь пріятель мирза; онъ видитъ очень много дурнаго въ жизни своихъ соотечественниковъ, на каждомъ шагу готовъ порицать это дурное, но онъ не пошевелитъ ни однимъ пальцемъ для уничтоженія зла; я даже думаю, что поставленный въ болѣе-благопріятное положеніе, хотъ бы наприимѣръ въ роли губернатора, онъ самъ сталъ бы участникомъ зла, которое теперь такъ усердно бранить. Между этимъ мирзой и Армянами разница велика: многіе Армяне, пожалуй даже большинство, зла не видятъ, не разумѣютъ; но тѣ, которыхъ судьба удостоила просвѣтити, готовы бороться со зломъ. Однакоже между готовностью и исполненіемъ цѣлая бездна, переступить которую и не достааетъ энергіи у Армянъ.

— Чего же вы хотите, саабъ, отъ насъ? Развѣ нѣтъ у насъ школъ, развѣ не обогащается наша литература новыми трудами, развѣ мы не имѣемъ газетъ и журналовъ? Политическая независимость не въ нашихъ рукахъ, и тѣ, которые могли бы помочь намъ, отворачиваются отъ насъ.

— Внѣшняя образованность не есть еще ручательство въ основательномъ развитіи: по моему, вы, Ага-Юсупъ, скорѣе можете служить гордостью армянской націи, нежели издатель какой-нибудь армянской газеты въ Смирнѣ. Въ потерѣ политической независимости виноваты сами Армяне: развѣ не они, явными раздорами, испровергли свое государство? развѣ не сами Армяне предпочитали иноземное подданство національной независимости? Зачѣмъ же и упрекать другихъ, когда виновны сами? По крайней мѣрѣ, всякій въ правѣ заняться своими дѣлами, которыхъ у него много, и сказать падшей націи: возражайся собственными силами, какъ собственными руками задушила себя.

— Это, саабъ, жестоко...

— Но это не несправедливо. Угнетеніе, въ которомъ живутъ Армяне на Востокѣ, если съ одной стороны составляетъ сильнаго врага народной самостоятельности, то, съ другой стороны, для энергической націи угнетеніе служить отличнымъ стимуломъ: рѣчь идетъ здѣсь о слѣпомъ и безтолковомъ угнетеніи мусульманскомъ. Чтѣ же противопоставляютъ ему Армяне? Въ Персіи — слезы и бѣдность, въ Турціи — искательность и деньги. Въ послѣднемъ государствѣ Армяне даже полюбили свои золотыя оковы. Ваше духовенство слабо исполняло до сихъ поръ свое назначеніе на Востокѣ; вмѣсто того, чтобы служить примѣромъ и руководителемъ націи, оно само нуждалось въ образцахъ и просвѣщеніи.

Къ сожалѣнію, споръ нашъ, нѣсколько сухой, былъ прерванъ приглашеніемъ къ обѣду, въ которомъ приняла участіе и милая супруга Аретюна; разговоръ перемѣнился, и возобновить спора мы уже не имѣли потомъ случая, такъ какъ черезъ два дня я оставилъ Буширъ. Въ послѣдствіи времени, при знакомствѣ съ турецкими Армянами, я долженъ былъ видоизмѣнить сужденіе свое объ этой націи, но главные положенія остались прежнія.

Обѣдъ состоялъ изъ смѣси англійско-индійскихъ блюдъ съ пер-

сидскими; помнится, пряностей здѣсь было меньше, нежели у Англичанъ.

Послѣ обѣда атаковалъ меня старшій братъ Аретюна, немножко мистикъ: это общая черта восточная. На многіе вопросы и положенія армянскаго ученаго, принесшаго и армянскія книги, я не зналъ что сказать, кромѣ известнаго выраженія: умъ мой коротокъ, ага.

Вскорѣ послѣ обѣда пришелъ армянскій докторъ, также жившій въ Индіи; этотъ принадлежалъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ себя принадлежащимъ до сихъ поръ къ сектѣ масоновъ. Съ приходомъ его, разговоръ получилъ еще болѣе мистическій характеръ; Аретюнъ не принималъ въ этой бесѣдѣ участія.

Когда я разказалъ Малькому о сношеніяхъ своихъ съ нахудою арабскимъ, онъ тотчасъ же объявилъ готовность помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и предложилъ отправиться вмѣстѣ на пристань, тѣмъ болѣе, что солнце уже садилось, зной прошелъ, и полезная прогулка оказывалась удобною, или, выражаясь словами Арабовъ, день закахъ, берега его стали обваливаться, и солнце сіяло въ своихъ послѣднихъ желтыхъ лоскутьяхъ.

На пристани Аретюнъ вступилъ въ переговоры съ двумя капитанами, которые уже не запрашивали такъ неистово, какъ навѣщавшій меня нахуда. Разумѣется, несчастное происхождение Франка и здѣсь играло роль, потому что цѣна переѣзда все еще была очень высока, сравнительно съ обыкновенною платою туземныхъ пассажировъ.

— Сто восемьдесятъ гурушей, говорилъ одинъ нахуда, съ которымъ преимущественно торговался Малькомъ, и при этомъ поставилъ мнѣ передъ глаза обѣ руки съ раздвинутыми пальцами, а потомъ два пальца загнулъ, оставивъ восемь растопыренными. Это-то и означало сто восемьдесятъ піастровъ или тридцать шесть рублей ассигнаціями.

Послѣ неоднократныхъ убѣжденій и споровъ, мы покончили наконецъ дѣло на тридцати рублѣхъ; при сдѣлкѣ присутствовали и матросы. Нахуда показалъ потомъ свое судно: это просто былъ безпалубный русскій дощаникъ, на кормѣ котораго арабскій капитанъ обязался устроить для меня особенное отдѣленіе съ крышею.

Когда мы проходили по набережной, Ага-Юсупъ подошелъ къ какому-то Арабу, лежавшему на пескѣ, и сказалъ:

— Много ли наловилъ рыбы, Ахмедъ?

Не поворачивая головы въ нашу сторону, Арабъ отвѣчалъ:

— Рыба въ морѣ не для Ахмеда. Волна разбила и черную верблюдицу мою — лодку. Пропалъ теперь Ахмедъ, какъ пропалъ Атибъ!

Эта рѣчь внушила мнѣ особенное участіе: я подошелъ поближе.

То былъ молодой человекъ, красивый и статный; легкій румянецъ просвѣчивалъ на смугломъ лицѣ; черные глаза блестѣли энергіей. Арабъ былъ одѣтъ въ одну рубашку, длинной по коленѣ; изорванная чама на головѣ говорила не въ пользу кармана Ахмедова.

— Чтѣ унывать, Ахмедъ? Не стало лодки — будетъ другая; сегодня нѣтъ улова — завтра будетъ много рыбы.

— Нѣтъ! я сталъ роднымъ братомъ нищеты; ладонь моя совершенно опустѣла, внутренность свернулась отъ голода, вмѣсто хлѣба у меня нѣтъ даже пососать финиковыхъ косточекъ; я сурмаю глаза лишь безсонницей; въ наготѣ своей я точно веретено безъ пряжи; въ моемъ шалашѣ нечего понюхать и мышенку.

— Бѣдность — слава моя! сказалъ вашъ пророкъ, замѣтилъ я.

— Бѣдности моей никто не въ состояніи заштопать. Къ тому же одна «темногубая» покорила меня, а кто захочетъ имѣть зятя бродягу безпріютнаго, кто отдастъ дочь свою безъ кабына? О, еслибъ не красота ея, я тотчасъ обратился бы къ другой свѣтлой лунѣ!

— Иди въ матросы, Ахмедъ: будешь со временемъ и самъ хозяиномъ.

— Валла (нѣтъ) ага! Оставаться здѣсь — значитъ собирать валежники въ темную ночь, или пѣшему догонять коннаго! Рука нищеты подастъ мнѣ кубокъ разлуки: коловратная судьба гонитъ меня отсюда съ опорожненнымъ карманомъ и съ пустою торбой. Я отправляюсь съ первымъ же судномъ въ Басру, брошу въ этомъ городѣ якорь стоянки и привяжу веревки осядлости; но если и здѣсь рукавъ мой не станетъ тяжелѣй, отправляюсь дальше.

— Поступай, Ахмедъ, къ Ингилизамъ на пароходъ; у нихъ жалованье большое.

— Все равно, куда бы ни поступить: какъ верблюдъ съ ве-

ревкой на спинѣ, выхожу я на то пастбище, которое люблю мнѣ. Чистому золоту не стыдно переплавиться въ огнѣ.

И Арабъ опустилъ голову на грудь, какъ бы погрузившись въ раздумье. Мы пошла далѣе, не смѣя растревать свѣжую боль честной бѣдности.

— Это здѣшній рыбакъ, пояснилъ мнѣ Ага-Юсупъ, какъ Данту Виргилій: — какъ видите, онъ влюбленъ, но ничего не имѣетъ; даже лодку у него, вѣрно, разбило вчерашнею бурей. Безъ денегъ здѣсь ничего не сдѣлаешь, даже нельзя приобрести жены. Впрочемъ холостые люди здѣсь рѣдкость, и вы увидите, что Ахмедъ добьется своего и женится, если не на своей красавицѣ, то на другой.

Пройдя дальше по берегу, мы дошли до элинговъ, гдѣ строятся здѣшнія суда: это былъ просто небольшой навісь, подъ которымъ починивалась какая-то лодка. Всѣ строительные матеріалы привозятся изъ Индіи, строятся все безпалубныя суда, а строители и моряки — все Арабы. Этимъ и ограничиваются морскіе атрибуты города.

На базарѣ, куда мы прошли съ пристани, многіе купцы раскланивались привѣтливо съ Агой-Юсупомъ; между прочимъ двое изъ нихъ громко разсуждали обо мнѣ на условномъ персидскомъ языкѣ, фокусъ котораго состоялъ въ замѣнѣ однихъ словъ другими, какъ мнѣ казалось.

— У меня здѣсь довольно знакомыхъ, говорилъ Малькомъ: — приучась къ торговымъ операціямъ въ Индіи, гдѣ мнѣ посчастливилось трудомъ и бережливостью составить небольшой капиталъ, я теперь торгую отсюда съ Бомбеємъ, Басрой и Испиганью. Въ послѣднемъ городѣ у меня есть повѣренный Персіанинъ.

— До сихъ поръ онъ еще не надулъ васъ?

— Нѣтъ. Вообще въ сношеніяхъ съ Персіянами я счастливъ. Съ здѣшними купцами я состою въ дружбѣ, какъ видите вы сами. Да и чтѣ же дѣлать въ городѣ, въ которомъ положеніе христіанина довольно неопредѣленно? Англичане не оказываютъ намъ никакой защиты.

— Я думаю, жизнь ваша здѣсь очень скучна?

— Дѣла и семейство занимаютъ меня, а свободное время... ну, съ свободнымъ временемъ здѣсь дѣлать больше нечего, какъ употребить его на семейство же. Общественная жизнь здѣсь есть

просто базарная жизньъ, какъ вы сами знаете, да христiянину и трудно принимать участiе въ мусульманской базарной жизни. Впрочемъ, все это ничто въ сравненiи съ будущностью: не знаю, какъ дать воспитанiе дѣтямъ. Посылать въ Россiю или въ Индiю — далеко, а самому ѣхать и оставить дѣла — невозможно.

Грустное раздумье навели на меня послѣднiя слова Аретюна; я требую правильнаго и здороваго воспитанiя нацiи, а гдѣ же оно для Армянъ?.. Безвыходное положенiе цѣлаго народа поражаетъ болѣе, чѣмъ паденiе одного человѣка.

— Прiѣздъ Русскаго въ нашъ городъ обратилъ на себя вниманiе здѣшнихъ горожанъ, тѣмъ болѣе, что за васъ, саабъ, сидитъ теперь въ тюрьмѣ катырджи, а другiе ваши враги скрылись въ бѣгъ. Вчера одинъ ученый шейхъ, мой знакомый, спрашивалъ меня, зачѣмъ вы сюда прiѣхали? Я отвѣчалъ ему, что вы занимаетесь изученiемъ древностей. «Такъ пусть этотъ кафиръ разсматриваетъ эту землю и это море: древнiе ихъ нѣтъ ничего.» Освѣдомившись о вашей нацiональности, многосвѣдущiй шейхъ сказалъ: Если это Русскiй, то онъ долженъ быть высокъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, съ маленькими глазами и съ волосами дьявола (красными): я это знаю хорошо. Если онъ не таковъ, то значитъ онъ лжетъ, онъ не Русскiй: я это знаю хорошо.

Разговорившись вообще о Буширѣ, я сказалъ, между прочимъ, Аретюну, что приглашенъ завтра на обѣдъ въ англiйское резидентство.

— Завтра день рожденiя королевы Викторiи, замѣтилъ Аретюнъ: — и въ резидентствѣ будутъ очень рады, что при этомъ торжествѣ присутствуетъ иностранецъ, тѣмъ болѣе Русскiй. Самого резидента, Кембля, здѣсь нѣтъ: онъ уѣхалъ ревизовать эскадру. Консульствомъ управляетъ теперь докторъ Бабинтонъ, незнакомый съ ходомъ дѣлъ. Зато есть нѣсколько прiѣзжихъ Англичанъ, которыхъ вы, вѣроятно, увидите всѣхъ за обѣдомъ, и даже Англичанокъ.

— Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенную прелесть для путешественника, который, съ выѣзда изъ Россiи, не видалъ ни одной европейской дамы.

Придя къ Аретюну, мы нашли нашихъ мистиковъ все еще разсуждающихъ о психологическихъ процессахъ. Вскорѣ наступила пора расходиться по домамъ: огня въ комнаты нельзя было

принести, отъ страшнаго множества комаровъ и мошекъ, въ такую ночь не дающихъ покоя всему народонаселенію Бушира, которое спасается отъ нихъ и отъ духоты въ пологихъ или въ камышевыхъ шалашахъ, устроенныхъ на кровляхъ домовъ. Мучительны, нестерпимы лѣтнія ночи въ Буширѣ, а между тѣмъ, какъ хорошо ночью небо, ясное и голубое, съ миріадами брилліантовыхъ звѣздъ! Изнуренный духотою и жаромъ, я долго не могъ заснуть, и все мнѣ представлялся черноглазый рыбакъ Ахмедъ, съ его гордымъ взглядомъ и рѣшительною рѣчью.

На другой день объявленіе мое, что мы отправляемся на обѣдъ въ англійское резидентство, произвело у меня домашнюю революцію: армянская прислуга моя гдѣ-то наслышалась, что Англичане до того сторожатъ Индію, что готовы отравить всякаго Русскаго, который осмѣлится только приблизиться къ этой странѣ. Одинъ изъ Армянъ прощался уже заранѣе съ жизнію и совѣтовалъ мнѣ есть только тѣ кушанья, которыя будутъ пробовать сами Англичане: надобно замѣтить, что этотъ Армянинъ былъ изъ Астрахани, и что предубѣжденіе свое онъ вывезъ издалека.

— Вотъ, подумалъ я; новые ужасы, о которыхъ я никогда не могъ и предполагать въ путешествіи по Востоку.

Не обращая вниманія на жалобы своей прислуги, я очень весело собирался на обѣдъ: персидскихъ Англичанъ я видѣлъ въ Тебризѣ и Тегеранѣ, а теперь мнѣ предстояло интересное знакомство съ остъ-индскими Англичанами.

Въ сильный жаръ пришлось выступать, торжественно со всею свитой, по пустымъ улицамъ Бушира: торжественность на этотъ разъ была необходима. Голодные собаки, встревоженные необычнымъ явленіемъ, значительно увеличили мою свиту, а завываніе одной собаки было растолковано моими Армянами, какъ зловѣщій знакъ.

На берегу морскомъ, гдѣ расположено англійское резидентство, я пораженъ былъ подробностями представившейся мнѣ картины: море, взѣрошенное вѣтромъ, бушевало и разбивало сѣдые валы на песчаномъ плоскомъ берегу; жгучій воздухъ, не подававшійся и прохладѣ морскаго вѣтра, захватывалъ дыханіе; раскаленная даль представляла красную мглу. По берегу морскому тянулась пальмовая роща, вершины которой колыхались

надъ набѣгами вѣтра; ближе ко мнѣ, нѣсколько арабскихъ матросовъ, бронзовыя совершенно обнаженные фигуры, но съ чалмами на головахъ, тянули на бичевой лодку; еще ближе представлялось резидентство, массивное зданіе, у воротъ котораго стояло нѣсколько сипаевъ, въ парадной формѣ. Англійскій флагъ на высокой мачтѣ, подлѣ резидентства широко вѣялъ по воздуху; такими же флагами украшенъ былъ и военный корабль, качавшійся въ отдаленіи на волнахъ. Подлѣ флага валялась на песку живая или убитая змѣя — не знаю.

Удушливый зной, можетъ-быть, предвѣстникъ самума, который иногда показывается и здѣсь, пальмы, сипаи и англійскій флагъ перенесли меня въ Индію: и въ самомъ дѣлѣ мѣстность, на которой я стоялъ теперь, смѣло могла быть приставлена къ Бомбею или Калькуттѣ. — Буширь съ этой стороны есть продолженіе Индіи: не достаетъ только обильной тропической растительности.

Домъ резидента довольно правильной архитектуры стоитъ на большомъ дворѣ, обведенномъ другими зданіями и стѣной: въ случаѣ надобности резидентство можетъ выдержать осаду, тѣмъ болѣе, что здѣсь есть и пушки. Безъ всякаго спора, резидентство съ своими военными кораблями составляетъ настоящую цитадель, господствующую надъ городомъ: только дерзкое населеніе Бушира, сложенное изъ разныхъ элементовъ, не боится, какъ мнѣ говорили, англійскихъ пушекъ.

Въ воротахъ резидентства сипаи ловко сдѣлали мнѣ накаркуль: незаслуженную честь эту я принялъ съ достоинствомъ, приложивъ руку къ козырьку фуражки.

Въ комнатахъ резидентства царствовалъ полумракъ отъ опущенныхъ сторъ, во избѣжаніе духоты: толстыя каменные стѣны и высокія комнаты въ самомъ дѣлѣ спасали отъ вѣшняго жара, но все же въ домѣ было очень тепло, несмотря на всѣ предосторожности.

Понемногу собралось все англійское общество, и приступили къ обѣду.

Я не намѣренъ представлять списка англійско-восточныхъ блюдъ, — Англичане соединяютъ на Востокѣ свсю кухню съ туземною — обращаю вниманіе читателя лишь на бульонъ, сваренный едва ли не изъ чистаго перцу, и на знаменитое «кари».

мясное блюдо, въ которомъ главную роль занимаетъ тотъ же перецъ. Однимъ словомъ перцу я за этимъ обѣдомъ проглотилъ столько, сколько не потребилъ за цѣлый мѣсяцъ. Но я лучше познакомлю читателя съ составомъ общества.

Въ этомъ обществѣ преобладали доктора: если ихъ было не три, то навѣрное два — Бабинтонъ, председатель пира, Рассъ, совершившій замѣчательную экспедицію въ пустыню около Мосула, и Линчъ. Кромѣ ихъ были мистеръ Линчъ и командиръ корабля Лау; дамы были—супруга Линча и супруга Лау: первая, дочь англійскаго резидента въ Багдадѣ, мистера Тейлора, нѣсколько прихрамывала.

Докторъ Рассъ, мой будущій спаситель отъ басринской лихорадки, сидѣлъ подлѣ меня и усердно угощалъ меня любимымъ англійскимъ sherry и портвейномъ: отвыкнувъ въ Персіи отъ вина, я не могъ состязаться съ докторомъ, этимъ атлетомъ крѣпчайшаго сложенія, котораго, впрочемъ, служба на Востокѣ сокрушила. Живая бесѣда за обѣдомъ не прекращалась ни на минуту: между прочимъ вниманіе общества обратилось и на меня, когда, въ разговорѣ съ митриссъ Линчъ, на вопросъ ея:

— Какъ переносите вы здѣшній жаръ?

Я отвѣчалъ:

— Съ большимъ терпѣніемъ: впрочемъ, до сихъ поръ я не чувствовалъ особенныхъ страданій отъ жару, можетъ-быть, потому, что въ молодости, какъ уроженецъ Сибири, я долженъ былъ переносить сильный холодъ.

Выраженіе «сибирскій уроженецъ» произвело эффектъ, на который я и рассчитывалъ, признаюсь: Англичане даже готовы были не вѣрить моимъ словамъ, а можетъ-быть и не совсѣмъ имъ вѣрили, потому что понятія о Сибири у остъ-индскихъ жителей не могли быть лестны для моей родины.

Разговоръ коснулся и жизни въ Буширѣ, сравнительно съ тегеранскою: Англичане съ живымъ участіемъ освѣдомлялись о своемъ посольствѣ въ Тегеранѣ, и когда узнали, что я имѣлъ случай ѣздить на охоту съ нѣкоторыми изъ членовъ тегеранскаго посольства, изъявили сожалѣніе, что не могутъ предложить мнѣ этого удовольствія въ настоящій жаркій сезонъ.

— Охота у насъ здѣсь превосходная, говоритъ Бабинтонъ:— въ горахъ близъ Бушира много дикихъ козъ: мы пробовали раз-

водить ихъ на островъ Харкѣ, но переселеніе почему-то не удалось. Охотнику другого рода найдется занятіе со львами, которые иногда спускаются съ горъ къ долинамъ Бушира; впрочемъ, съ каждымъ годомъ эти явленія становятся рѣже.

Вотъ и еще индѣйская особенность у Бушира, подумалъ я.

Обѣдъ происходилъ англійскимъ порядкомъ: всѣ блюда стояли на столѣ, и каждый Англичанинъ угощалъ себя и другихъ тѣмъ кушаньемъ, которое находилось передъ нимъ. Куда не перенесите Англичанина—онъ останется вѣрнѣе обычаямъ своего отечества: старовѣры указываютъ на эту черту англійскаго характера, какъ на образецъ, достойный подражанія. Хорошо хранить тѣ обычаи, которые во всякомъ образованномъ обществѣ могутъ быть приняты безъ ущерба образованности!

По окончаніи обѣда, дамы удалились: остались за столомъ мужчины, и началась попойка. Англичанъ вообще упрекаютъ въ пьянствѣ: это не совсѣмъ справедливо. Англичане пьютъ много, правда, но не напиваются до-пьяна, а это представляетъ дѣло совершенно въ иномъ видѣ. Не тотъ пьянъ, кто выпилъ много и остался трезвъ, а тотъ, кто выпилъ и мало, но потерялъ сознаніе разсудка. По этому опредѣленію пьяницами по преимуществу могутъ назваться обитатели Востока, которые и пьютъ не иначе, какъ съ цѣлю нарѣзаться до безчувствія.

Поздно вечеромъ я возвратился домой: луны не было, и, несмотря на присутствіе всѣхъ звѣздъ на небѣ, въ улицахъ Бушира царствовалъ мракъ. Такую-то ночь Арабы называютъ молодую, чернокожею. Мои Армяне зажгли бумажный фонарь, необходимый спутникъ во всѣхъ восточныхъ городахъ, и быстрымъ шагомъ спѣшили домой, поздравляя и меня, и себя, съ благополучнымъ выходомъ изъ резидентства. Предубѣжденіе ихъ, повидимому, осталось въ прежней силѣ, вопреки явному опроверженію, представленному нынѣшнимъ днемъ.

Несмотря на позднюю пору, ко мнѣ пришелъ посидѣть и поразспросить о пребываніи моемъ у Англичанъ, точно о поѣздкѣ на острова къ дикимъ, армянскій «кешицъ» (священникъ). Кромѣ естественнаго любопытства, почтенный отецъ имѣлъ и дипломатическую цѣль—разузнать, какъ смотрятъ другъ на друга Русскіе съ Англичанами, и какой должно держаться политики, въ случаѣ какого-нибудь событія, которое, разумѣется, могло рисо-

ваться туманно лишь въ головѣ кешиша, а на дѣлѣ никогда не могло встрѣтиться.

Распутавъ кое-какъ длинное съ короткимъ и крученное съ нетканымъ, кешишъ съ своей стороны сообщилъ мнѣ новость:

— Сегодня вечеромъ, пристало къ нашему городу судно съ невольниками: кажется, оно шло не сюда, да должно было забѣжать въ нашу пристань, спасаясь отъ пиратовъ.

— Одно стоитъ другаго: судно съ разбойниками гонится за судномъ съ невольниками.

— Что дѣлать, саабъ? Кто сильнѣе, тотъ и правъ. Я ходилъ смотрѣть вечеромъ на судно съ невольниками.

— Какое оно, большой корабль или просто купеческое судно?

— Величиной оно будетъ съ самое большое здѣшнее судно— съ багала; дно у него, повидимому, плоское; на верху палуба, не какъ на нашихъ небольшихъ судахъ. Подъ палубой-то и посажены невольники.

— Много ихъ?

— Говорятъ, больше тридцати. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ уже ходили на судно и, воротясь, объявили, что плохой товаръ привезенъ: лучшія невольницы дорогой перемерли отъ тоски, какъ ихъ ни берегли. Очень мало сохранилось Абиссинянокъ: остались все негры и негритянки, злые и черные, какъ духи тьмы.

— По чемъ, ага кешишъ, продаютъ здѣсь этихъ несчастныхъ?

— Обыкновенно дѣвушка-негритянка около четырнадцати лѣтъ стоитъ до тридцати и болѣе тумановъ (300 руб. асс.). Впрочемъ, цѣна очень измѣняется по молодости и красотѣ невольницъ или по молодости и здоровью невольниковъ. Отсюда купцы развозятъ своихъ рабовъ по разнымъ городамъ внутрь Ирана, и тамъ цѣна ихъ увеличивается. Еще цѣна бываетъ иногда выше и оттого, что вдругъ разнесется молва, будто Англичане станутъ осматривать и ловить всѣ суда съ невольниками.

— Дай Богъ, чтобъ это сбылось поскорѣе!

— Да, эта торговля — дурное дѣло.

Последнюю фразу кешишъ произнесъ казеннымъ тономъ: видно, что это дѣло не казалось ему столь дурнымъ, какъ то, о чемъ онъ повелъ рѣчь дальше.

— Но что этимъ чернымъ отъ такой продажи? Попадетъ въ

гуламы къ кому-нибудь изъ шахскихъ приближенныхъ *столбовъ* и цѣлую жизнь *несетъ наслажденіе*. Посмотрите, саабъ, на бѣдныхъ Армянъ, которымъ даже отъ этихъ негровъ иногда приходится какъ терпѣть.

— Жаль, ага кешишъ, и тѣхъ и другихъ: молитесь Богу, чтобъ избавилъ отъ такого угнетенія, а главное — учите своихъ Армянъ любить другъ друга, любить правду и любить трудъ.

На этихъ словахъ я спохватился, что незаконно вступилъ передъ священникомъ въ роль проповѣдника; но добрый кешишъ нисколько не обидѣлся моимъ увѣщаніемъ и только нашелъ нужнымъ прекратить бесѣду.

Послѣдуемъ, любезный читатель, и мы примѣру кешиша.

И. Березинъ.

ЮНОШЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА ¹

I.

Лермонтовъ не былъ, говорятъ, созданъ драматическимъ поэтомъ. Это мнѣніе, какъ кажется, принято всѣми въ нашей литературѣ и имѣетъ достаточное для себя основаніе въ одной извѣстной намъ его драмѣ, писанной уже въ лѣта его зрѣлости. Всѣмъ извѣстна эта драма, равно какъ всѣмъ извѣстно и то, что она не отличается особенными внутренними достоинствами. Однако нашъ поэтъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ какое-то инстинктивное влеченіе къ этому роду поэзіи. Ошибался ли самъ поэтъ, еще не сознавшій опредѣленно своего назначенія, не назначившій еще себѣ сферы своей дѣятельности, или ошибаемся мы, которые отрицаемъ его драматическое призваніе, основываясь на одномъ, не весьма удачномъ опытѣ? Лермонтовъ такъ мало жилъ, литературная его дѣятельность была такъ коротка, что трудно сказать, на какой ступени развитія своего таланта оставилъ онъ насъ, до какихъ предѣловъ могло еще простираться это развитіе, какимъ неожиданнымъ вліяніямъ и переворотамъ могло оно подвергнуться. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть поэта застала его въ самую лучшую пору его развитія, и не дала ему высказаться и опредѣлиться окончательно.

(1) Сообщеніемъ трехъ юношескихъ произведеній Лермонтова, о которыхъ идетъ рѣчь въ предлагаемыхъ статьяхъ, редакція обязана Б. Н. Чичерину. *Ред.*

Еще пятнадцать лѣтъ отъ роду, молодой Лермонтовъ писалъ драмы. Сочиненіе перваго его драматическаго произведенія относится къ 1830 году. Это была трагедія въ пяти дѣйствіяхъ: «Испанцы». Она писана общеупотребительными, въ нынѣшней драмѣ пятистопными (не совсѣмъ правильными и перемѣшанными съ шестистопными и даже четырестопными) ямбическими стихами безъ рифмы; изрѣдка, впрочемъ, попадаются сряду нѣсколько рифмованныхъ стиховъ, какъ маленькій островокъ среди большаго озера. Въ этомъ произведеніи все обличаетъ юнаго поэта: и форма стиха, который еще весьма далекъ отъ знакомыхъ намъ въ послѣдствіи Лермонтовскихъ звуковъ, и недостаточное развитіе характеровъ, и недостатокъ движенія драматическаго, и случайность появленія лицъ, не оправдываемая никакою внутреннею необходимостію. Почему поэтъ избралъ для своего перваго драматическаго произведенія именно эту тему, то-есть изображеніе испанскихъ нравовъ, на это отвѣчать, кажется, не трудно. Испанія — страна грандовъ, по всему свѣту прославившихся своею гордостію, страна любви и чувствительныхъ женщинъ, страна смѣлыхъ любовниковъ и мстительныхъ отцовъ съ мужьями, наконецъ страна кинжала и ножа; прибавьте къ этому священную инквизицію съ ея сластолюбивыми служителями, прибавьте къ этому хитрыхъ, пронырливыхъ іезуитовъ и другихъ монашествующихъ братій; вспомните Жидовъ и еретиковъ, тысячами сожигаемыхъ на кострахъ ратующей за вѣру Христову инквизиціи, — соберите все это вмѣстѣ, и вы поймете, почему молодое воображеніе поэта увлечено было именно этою страной, а не какою-нибудь другою. Въ самомъ дѣлѣ, какая другая земля могла представить болѣе легкихъ данныхъ для составленія драмъ, нежели Испанія? Тутъ не требовалось даже особаго изученія нравовъ и жизни, тутъ на каждомъ шагѣ есть благородный, гордый своими предками Кастилецъ, на каждомъ шагѣ инквизиторъ, Жидъ, наемный убійца; тутъ на каждомъ шагѣ преступленіе и кровь. А молодое воображеніе не можетъ себѣ представить трагическаго происшествія безъ убійства и крови. Этотъ недостатокъ остался въ Лермонтовѣ и позже: во всѣхъ его произведеніяхъ съ трагическимъ настроеніемъ, непременно уже замѣшана кровь, неизбѣжно встрѣчается убійство. А здѣсь, въ этой юной трагедіи Лермонтова, есть и простое прояв-

тіе крови, убійство, и наконецъ сожженіе на кострахъ. Но мы считаемъ нужнымъ представить здѣсь подробное изложеніе всей трагедіи, чтобы дать читателямъ ясное понятіе, какъ въ воображеніи юнаго поэта слагались отдѣльныя части, и какъ изъ нихъ составилаcя цѣлая драма. Замѣтимъ еще, что эта рукопись интересна также по двумъ стихотвореніямъ, если не ошибаемся, доселѣ неизвѣстнымъ публикѣ. Одно изъ этихъ стихотвореній есть посвященіе трагедіи, неизвѣстно кому написанное; другое входитъ въ составъ самой драмы и будетъ приведено въ надлежащемъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ этой же драмѣ встрѣчается еще одна баллада, слишкомъ, впрочемъ, слабая, которую по этому мы и не будемъ приводить. Вотъ посвященіе:

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежный.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ —
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я общалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душѣ ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла;
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины равнѣя сгоняла.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участіемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!

Опытный глазъ замѣтитъ въ этомъ стихотвореніи юное, незрѣлое, но замѣчательное дарованіе. Перейдемъ теперь къ трагедіи. Первое дѣйствіе начинается въ домѣ дона Альвареса, знатнаго Испанца, гордаго своею знатностію и своими предками. Онъ женатъ второй разъ на молодой женщинѣ, доннѣ Маріи, которая, въ свою очередь, была уже дважды вдовою, прежде чѣмъ вышла за него. Отъ перваго брака осталась у дона Альвареса дочь, донна Эмилиа.

Кромѣ того, въ его домѣ живетъ еще молодой человѣкъ, Фернандо, пріемышъ, найденный имъ гдѣ-то на дорогѣ и воспитанный въ христіанской вѣрѣ. Выросшіе вмѣстѣ, Фернандо и Эмилиа любятъ другъ друга не какъ братъ и сестра, но любовію болѣе сильною и страстною. Дѣйствіе открывается въ то самое время, когда отецъ Эмилии узнаетъ отъ ненавидящей ее, неизвѣстно за что, мачихи о любви своей дочери къ Фернандо. Сцена открывается разговоромъ между Эмилией и ея мачихой, которая запрещаетъ падчерицѣ думать о Фернандо, говоря, что отецъ никогда не согласится на бракъ ея съ неравнымъ ей по происхожденію мужемъ. Эмилиа въ безпокойствѣ ждетъ Фернандо, чтобы передать ему записку, которую она для него приготовила. Между тѣмъ звонятъ къ обѣднѣ, и она должна сопровождать мачиху въ церковь. Но въ то самое время, какъ они выходятъ, является Фернандо, не замѣченный донной Маріей. Эмилиа роняетъ записку, которую Фернандо поднимаетъ. Въ этой запискѣ проситъ она его не горячиться въ предстоящемъ объясненіи съ отцомъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ монологѣ Фернандо отказывается исполнить желаніе Эмилии. Входитъ Альваресъ и, обращаясь къ Фернандо, спрашиваетъ его, какъ могла придти ему въ голову дерзкая мысль — вступить въ его семейство, рассказываетъ ему, какъ нашелъ онъ его на дорогѣ, на крыльцѣ развалившейся церкви, оставленнаго или забытаго матерью ребенка. Фернандо пораженъ этимъ разказомъ, какъ будто онъ не зналъ до сихъ поръ, что онъ не сынъ Альвареса, а пріемышъ, какъ будто, любя страстно Эмилию и желая быть ея мужемъ, никогда не пришло ему въ голову спросить себя, въ какихъ же онъ къ ней отношеніяхъ, что онъ за человѣкъ въ этомъ домѣ, откуда онъ въ немъ. Не считалъ же онъ себя братомъ Эмилии, хотя бы незаконнымъ, если думалъ, что она можетъ быть его женой. Между тѣмъ, пораженный словами Альвареса, онъ говорить про себя:

Такъ, такъ, совѣмъ, совѣмъ забытый сирота...

Въ великомъ божьемъ мірѣ ни одной

Ты не найдешь души себѣ родной!...

Питался я не материнской грудью,

И не спалъ на ея колыняхъ. Чуждый голосъ

Училъ меня родному языку,

И пѣлъ надъ колыбелію моею.

Полагая, что достаточно убѣдилъ его, Альваресъ начинаетъ разказывать подвиги своихъ предковъ по порядку висѣщихъ на стѣнѣ портретовъ :

Вотъ этотъ здѣсь мой первый предокъ жилъ
При Карлѣ первомъ, при дворѣ, въ благоволеніи
У короля; второй при инквизиціи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что дѣлалъ онъ:
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ, и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.

Фернандо (*насмѣшливо*).

О этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно онъ причисленъ къ лику?

Альваресъ (*равнодушно*).

Нѣтъ еще!..

Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣяніи,
Съ перомъ на шлемѣ краснымъ, и съ усами,
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ и утонулъ
Въ сраженіи противъ Англичанъ проклятыхъ.
Пятнадцать здѣсь ты видишь пращуровъ моихъ;
(Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали
И родъ нашъ до трубы послѣдней продолжился!)
И ты—ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродящіе
По свѣту негодяи, подлые.... или....
Несчастные любовники, или какіе
Нибудь еще похуже... Дерзкій! что ты скажешь?..

Фернандо взбѣшенъ; онъ грозитъ шпагою внушить къ себѣ уваженіе. Тогда Альваресъ выгоняетъ его изъ дому и запрещаетъ ему, даже для милостыни, подходить къ своему окну. Фернандо выбѣгаетъ съ проклятіями и въ дверяхъ сталкивается съ кѣмъ-то, кто уступаетъ ему дорогу. Альваресъ, увидѣвъ новопришедшаго, спѣшитъ къ нему навстрѣчу. Это былъ пaterъ Соррини, іезуитъ, служитель инквизиціи. Альваресъ разказываетъ ему происшедшее и проситъ его дать его дочери отеческій совѣтъ. Онъ берется исполнить эту обязанность, и когда Эмилія съ мачихою возвращаются изъ церкви, онъ обращаетъ къ ней слово, совѣтуетъ ей остерегаться любви, говоря, что она доводитъ часто до преступленія, а слѣдовательно и до инкви-

виціи. Эмилиа выслушиваетъ все это молча и проситъ наконецъ отца сказать ей, къ чему все это клонится. Тогда Альварецъ объявляетъ ей, что онъ выгналъ Фернандо изъ дому за то, что тотъ нагрубилъ ему. Эмилиа уходитъ въ слезахъ. Соррини упрекаетъ Альварца за рѣзкость, съ какою онъ объявилъ несчастной дѣвушкѣ рѣшеніе ея судьбы, а потомъ, сказавъ нѣсколько любезностей доннѣ Маріи, уходитъ.

Вторая сцена. Ночь въ саду. Эмилиа выходитъ на балконъ, она думаетъ о своемъ Фернандо. Вдругъ онъ является передъ нею: онъ пришелъ проститься съ нею. Между ними идетъ довольно длинный разговоръ, не имѣющій особаго значенія. Прощаясь съ Эмилией, Фернандо цѣлуетъ ее и проситъ уйти въ монастырь. Въ это время слышится онъ шорохъ за кустами; онъ вынимаетъ шпагу и грозитъ убить любопытнаго, воображая, что кто-нибудь нарочно подслушивалъ ихъ разговоръ; но изъ-за кустовъ выходитъ трепещущій Жидъ, Моисей. Неизвѣстно какъ и зачѣмъ попалъ онъ въ садъ, неизвѣстно, за что преслѣдуетъ его инквизиція, только онъ умоляетъ Фернандо, именемъ своей дочери, спасти его. Фернандо бросаетъ ему свой плащъ и велитъ ему слѣдовать за собою.

Первая сцена втораго дѣйствія происходитъ въ домѣ іезуита Соррини. Онъ собралъ у себя нѣсколько воровъ и разбойниковъ, своихъ вѣрныхъ слугъ за деньги, и угощаетъ ихъ. Они пируютъ одни, его нѣтъ между ними; но вино разгорячаетъ ихъ головы, и между ними начинается шумъ, который можетъ кончиться убійствомъ. Тогда приходитъ Соррини, прекращаетъ ихъ ссору и обращаетъ къ нимъ цѣлую рѣчь, въ которой благодаритъ ихъ за прежнія услуги, превозноситъ ихъ ловкость и удалство и наконецъ объявляетъ, что ждетъ отъ нихъ новой услуги, за которую хорошо имъ заплатить. Это похищеніе Эмилии. Онъ благословляетъ ихъ на всякую мѣру, какую только найдутъ они необходимою при совершеніи этого подвига; разрешаетъ убить отца, мачиху, слугъ, обѣщая имъ полное прощеніе всѣхъ грѣховъ. Одинъ изъ воровъ вспомнилъ, что тамъ есть молодецъ Фернандо, съ которымъ будетъ не такъ легко справиться. Тогда патеръ велитъ имъ сначала убить Фернандо, а потомъ приступить къ похищенію Эмилии. Бродяги уходятъ, оставляя Соррини одного утѣшаться воображеніемъ предстоя-

щихъ удовольствій ; но черезъ нѣсколько минутъ они возвращаются вновь и приводятъ съ собою одного бродячаго пѣвца, приглашая Соррини вмѣстѣ съ ними послушать его пѣсни. Но Соррини отказывается открыть себя въ настоящемъ свѣтѣ при незнакомомъ человѣкѣ, какъ будто это предложеніе, сдѣланное ему однимъ изъ бродягъ передъ тѣмъ же незнакомцемъ, недостаточно его обнаруживало. Онъ говоритъ смиренно, что ему неприлично пѣть и веселиться, но что онъ долженъ молиться и рыдать за свои грѣхи и за грѣхи своего стада. Юный авторъ не удачно воспользовался этимъ моментомъ для выраженія двучности иезуита. По уходѣ Соррини, пѣвецъ спрашиваетъ, что пѣть. Одинъ изъ присутствующихъ отвѣчаетъ ему :

Ну, полно братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются неволью.
Люблю я пѣсни, въ нихъ такъ живо
Являются души младенческіе дни.
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить.
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

Послѣдніе восемь стиховъ составляютъ особое лирическое стихотвореніе, въ которомъ обращаемъ вниманіе читателей преимущественно на четыре послѣдніе стиха, замѣчательные какъ по мысли, такъ и по выраженію. Два предыдущіе стиха совершенно ясно, но достаточно впрочемъ объясняются смысломъ послѣднихъ. Между тѣмъ пѣвецъ настраиваетъ свою гитару и поетъ балладу. Бродяги пьютъ за здоровье пѣвца и расходятся.

Вторая сцена втораго дѣйствія происходитъ въ домѣ Жиды Моисея. Эта сцена, по моему мнѣнію, есть лучшее въ цѣлой трагедіи; потому она выписывается здѣсь почти сполна. Молодому поэту лучше всего удалось поэтическое лицо юной дочери Моисея. Жизнь молодой Еврейки, воспитанной въ тишинѣ отдаленнаго отъ другихъ жилищъ отцовскаго дома, не видавшей до сихъ поръ ни одного мушны, кромѣ своего отца и какихъ-нибудь можетъ-быть старыхъ Евреевъ-ростовщиковъ, нрѣдка

приходившихъ по дѣламъ къ ея отцу, текла до сихъ поръ спокойно и невозмутимо. Уединеніе спасло ее отъ житейскихъ тревогъ, съ которыми она была знакома только по слухамъ, изрѣдка до нея доходившимъ. Она слышала, что ея единовѣрцы терпятъ притѣсненія, но незнакома была вблизи съ страданіями угнетенныхъ. Отдаленность ихъ жилища и богатство отца обезпечивали ей самой жизнь тихую и спокойную. Восточное великолѣпіе, которымъ окружена она была въ домѣ отца, какъ-то мало согласовалась съ тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ Евреевъ, о которомъ она слышала, и потому эти слухи не могли произвести сильнаго впечатлѣнія ни на ея умъ, ни на ея сердце. Ея мысль оставалась чиста и безгрѣшна, ея сердце не было знакомо съ чувствами любви и ненависти. Такая жизнь, вмѣстѣ съ сказками старой няни, должна была сильно развить ея восточное воображеніе. Мудрено ли послѣ этого, что молодая Еврейка почувствовала любовь къ незнакомцу, котораго она никогда не видала, но который спасъ жизнь ея отцу? Ея живое воображеніе представляетъ ей этого незнакомца, украшеннаго всѣми достоинствами, всѣми добродѣтелями человѣческими. Она была въ томъ возрастѣ, когда сердце чувствуетъ потребность любви, когда чувство это становится для него такъ же необходимымъ, какъ воздухъ необходимъ для дыханія. Но пусть она сама разкажетъ о своихъ чувствахъ.

СЦЕНА II.

(Комната у Жида, богатые ковры вездѣ и сундуки; тутъ стоитъ на столѣ горящая лампа. Въ глубинѣ сцены двѣ Жидовки вѣшаютъ жемчугъ: все богато. Ноеми сидитъ у стола, облокотившись.)

Ноеми.

Нѣтъ! не могу работой заниматься!
 Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
 Дрожать, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ!
 Молиться я хотѣла—то же все!
 Начну лишь... и слова мѣшаются;
 То холодъ пробѣжить по тѣлу вдругъ,
 То жаръ въ лицо ударитъ мнѣ порой,
 И сердцу такъ неловко, такъ неловко!
 Въ моемъ воображеніи незнакомецъ,
 Который моего отца избавилъ

Отъ гибели. Дай Богъ ему все счастье,
 Отнятое у насъ несправедливо.
 Какъ будто бы Еврей ужъ не люди!
 Нашъ родъ древней испанскаго—и ихъ
 Пророкъ рожденъ въ Ерусалимъ!
 Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
 Ихъ приняли законъ, но для чего?
 Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
 Они такъ много превозносятъ кротость,
 Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
 И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ!
 Но этого пока мы не видали.

(Молчаніе).

Однакожь есть и между ними люди!
 Вотъ напримѣръ вчерашній незнакомецъ...
 Ктобъ ожидалъ?—какъ жалко, что его
 Я не увижу—но отецъ мой
 Его такъ живо описалъ, тѣкъ живо!..
 Высокій станъ и благородный видъ,
 И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
 И голосъ... но зачѣмъ о немъ я мыслю?..
 Чтò пользы?.. Ахъ! какой же ребенокъ!

(Молчаніе)

Мнѣ скучно! вся душа разстроена,
 И для меня суббота поневолѣ
 Сегодня!.. сердце бьется, бьется,
 Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ!
 Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
 Злодѣямъ въ руки попадется...
 Какъ скучно быть одной весь день;
 Все пѣснь одна; низать и распускать свой жемчугъ,
 Читать и перечитывать, одѣться
 Въ парчу и вновь раздѣться, есть и пить
 И спать... Однакожь эту ночь
 Мой сонъ былъ зашпательщикъ и страшень!

(Молчаніе)

Чтò пользы? *(кличетъ)* Пяня! Сара! Сара!
 Поди ко мнѣ! Поди сюда! Ну чтò же!..

САРА (старуха идетъ).

Чтò, милая Поеми, чтò тебѣ?
 Иль жемчугъ распустила?—по вѣдь я
 Стара—мои глаза всю бойкость потеряли;
 Тебѣ вредитъ неосторожность,
 А мнѣ—такъ невозможность! такъ ли?

Ноеми.

Нѣтъ, Сара! жемчугъ я оставила вязать.

САРА.

Чтò! аль не нравится? вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна!
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно! Чтò жъ меня звала ты?

Ноеми.

Такъ!

Мнѣ скучно!.. я больна!

САРА.

Больна! ахъ, Боже мой!

Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Ноеми.

Не надо... я не то чтобы больна!
А... такъ не въ духѣ!.. все нейдетъ на ладъ.
Чтò ни начну... мнѣ хочется, чего
Опредѣлить сама не въ-силахъ я!..
Мнѣ грустно! разкажи мнѣ сказку
Про старину! садись и разкажи!..

САРА.

Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ видишь! память-то ослабла,
Я столько слышала и испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполне перескажу!

Ноеми.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца,
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
«Смотри! я братъ твой...» но клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ

И вдругъ воскликнулъ: «перестань молиться!
 Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ!..
 Оставь меня, прекрасная Еврейка:
 Я христiанинъ, а не братъ твой;
 Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться.»
 И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
 Его широкій плащъ... но чтожь? въ рукахъ
 Остался погребальный саванъ!.. я проснулась...

САРА.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноеми.

Но это вздоръ! я не имѣла брата!
 И никогда имѣть не буду!..

САРА.

О, Ноеми!

Не говори!.. случиться это можетъ...

Ноеми.

Какъ можетъ?.. какъ? Нѣтъ! это невозможно!

САРА.

Послушай! у тебя былъ братъ.
 Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
 Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
 Съ покойной матерью его оставили
 На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали;
 Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
 Быть-можетъ думали они, что я
 Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
 Его мы почитали всѣ умершимъ,
 И для того тебѣ объ немъ не говорили.
 А можетъ-быть онъ живъ, какъ знать!
 Вѣдь Божья воля неисповѣдима!

Ноеми.

Ахъ, Сара! Сара, нѣтъ, онъ умеръ!..
 Увялъ онъ, какъ трава пустыни, какъ цвѣтокъ
 Полей засохнулъ!.. Такъ онъ былъ рожденъ для жизни,
 Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
 О Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,
 И какъ должна я плакать о себѣ!
 Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
 Нашъ родъ скитался по свѣту; отчизна,
 Спокойствіе, жилище наше—все не наше.

Но часть придетъ, когда и мы возстанемъ!..
 Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
 Зачѣмъ и нѣтъ? что сдѣлалъ мой отецъ
 Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
 Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
 И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
 Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
 Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
 Которые его понынѣ притѣсняли...
 Однако есть и добрые межъ ними.

САРА.

Да, да! вотъ тотъ Испанецъ молодой,
 Который спасъ наемни Моисея!
 Родитель твой хотѣлъ вознаградить
 Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
 Его ногами истопталъ, сказавъ:
 «Собака! жизнь твоя того не стоитъ,
 Я не наемникъ твой!» Прости ему, Всевышній,
 Подобныя хулы за то, что спасъ
 Онъ одного изъ гибнувшихъ Израиля сыновъ!

НОЕМИ.

Прости ему, Всевышній!..

САРА (*подходитъ къ окну*).

Какая ночь! въ такую точно ночь
 Я стала жертвою любви! Иосифъ мой!
 О, еслибъ ты меня теперь увидѣлъ,—
 Ты испугался бы; въ то время я цвѣла;
 Мои глаза блистали какъ алмазы
 И щеки были нѣжны точно пухъ!..
 Увы! Ноеми, кто бъ тогда подумалъ,
 Что этотъ лобъ морщины изчертять,
 Что эти косы посѣдѣютъ! то-то время!..

НОЕМИ.

Что мой отецъ нейдетъ?..

САРА.

Чу! вотъ сова кричитъ, ужасный крикъ!
 Я не люблю его!.. во мнѣ всѣ жилы
 Кровь оставляетъ, при подобномъ крикѣ!..

(*Стучатъ въ дверь.*)

Ахъ! вѣрно твой отецъ пришелъ!.. Ну поздно!..

(Голосъ.) Скорѣе отойдите! отойдите!

(Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираются, входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанною рукой, который едва движется.)

МОИСЕЙ.

Ноеми! Сара! помогите, помогите!..

Измученъ я усталостью... и страхомъ.

Онъ истекаетъ кровью... О, проклятыя

Злодѣямъ!.. Дайте кресла и подушки;

Онъ истекаетъ кровью!..

(Кладутъ на полъ длинную подушку, на которую сажаютъ раненаго и поддерживаютъ его ослабѣвшую голову.)

Будь Авраамъ свидѣтель—эта ночь

Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ;

Тому я далъ существованье,

А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь!..

О Богъ, Богъ Іудеевъ, сохрани

Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!..

ФЕРНАНДО.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?

Зачѣмъ? они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,

Освободить отъ мукъ,—такъ земляки мои

Всегда добро творятъ другъ другу!

О, перестаньте! *(Какъ отъ сна.)* Гдѣ я? Кто со мной?

(Поднимаетъ голову.)

Благодарю того, кто спасъ меня — но кто онъ?

МОИСЕЙ.

Ты спасъ его недавно самъ:

Онъ здѣсь передъ тобой, Еврей, гонимый

Твоими народомъ; но ты спасъ меня,

И я тебѣ обязанъ заплатить,

Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ...

Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель!..

НОЕМИ *(становится на колѣни и цѣлуетъ руку).*

Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,

Испанецъ! *(Она остается на колѣняхъ и держитъ руку.)*

ФЕРНАНДО (*Моисею*).

Что сказалъ ты, иновѣрный!
Отчизна, родина, — слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ;
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей!..

НОЕМИ.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь.
Ты добръ, Испанецъ — Небо справедливо!..

ФЕРНАНДО.

Я былъ добръ!..

МОИСЕЙ (*стоя надъ ними*).

Кровь течетъ изъ раны,
Перевяжите! какъ онъ поблѣднѣлъ!

ФЕРНАНДО.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы,
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно — могилу!..
Чудовище!.. зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу? Всѣ старанья ваши — зло!
Спаси отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло! Безумцы!
Прочь!.. пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселить... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!..
Одни Евреи бѣдные — что нужды?
Они все люди же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь! (*Срываетъ перевязи.*)

НОЕМИ.

Отецъ! сорвалъ онъ перевязку! онъ умретъ.
(*Всѣ бросаются опять наложить перевязку.*)

САРА.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки:
Какъ жалко!..

ФЕРНАНДО.

Дайте пить мнѣ, я горю:
Языкъ засохъ... скорѣе ради Бога!
(*Сара уходитъ за питьемъ.*)

Ноеми:

Испанецъ, успокойся! успокойся!
 Ты былъ несчастливъ, это видно,
 Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
 Что если мы страдальцу говоримъ,
 Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тѣготу
 Съ его души... Ахъ! какъ бы я желала,
 Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!

ФЕРНАНДО.

И веселъ! *(Стонетъ.)*

Ноеми.

Я прошу тебя... подумай,
 Что я твоя сестра, что тотъ Еврей отецъ твой;
 Воображеніе тебя утѣшить:
 Оно дано намъ, людямъ, для того,
 Испанецъ!

ФЕРНАНДО.

Дѣвушка! ты дочь его?

Ноеми.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!
 И онъ тебя спасетъ.—Я заклинаю
 Тебя твоимъ закономъ, перестань
 Тревожиться печальной думой;
 Она вредитъ здоровью твоему,
 Разгорячаетъ кровь.

(Сара приноситъ стаканъ.)

На, выпей!

ФЕРНАНДО.

Благодарю! твои слова напитка лучше!
 Когда жалѣетъ женщина меня,
 Я чувствую двойное облегченіе.
 Послушай,—что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
 Которые меня убить хотѣли?
 Что не разбойники они, то это вѣрно:
 Они съ меня не взяли ничего,
 И бросили въ крови вблизи дороги...
 ... О, это все коварство!... я предвижу,
 Что это лишь начало... а конецъ!...
 Конецъ... *(вздрагиваетъ)* что вздрогнулъ я? что бъ ни было,
 Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ;
 Оставь меня покуда!

САРА

(встает и отходитъ, но издали все на него смотритъ, потомъ подходитъ къ Моисею).

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова!

МОИСЕЙ.

Пошелъ къ равнину я: онъ былъ мнѣ долженъ,
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли: ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой... Луна вставала надъ болотомъ
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ, и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ:
Сижу, дрожу; передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами.
Шесть человекъ стояли на полянѣ,
И слышу: «Этой самою дорогой
«Иди онъ долженъ нынѣ... ужъ не знаю,
«Какъ выдержать кинжалы наши онъ. —
«Мнѣ жалко бы убить его до смерти;
«Онъ малый славный, и къ тому жъ бѣднякъ!
«Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
«Его отправить въ дальнюю дорогу!»
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ:
Онъ долго защищался, наконецъ
Упалъ, и всѣ въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живаго!
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастный жертвою злодѣйства,
И чтожь? мой благодѣтель, мой спаситель!
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны.... онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И будто по природному влеченью
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но словъ не понималъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда! Богъ сдѣлалъ это чудо!

САРА.

И точно, это чудо, Моисей!

Ноеми *(которая въ то время опять
стѣла у ногъ Фернандо).*

Что? утихаетъ боль твоя, иль нѣтъ?

Фернандо.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...Моисей *(Саръ).*Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда...

САРА.

Да какъ его зовутъ, кто онъ таковъ?
*(Уходитъ.)*Моисей *(подходитъ).*Позволь, одно я у тебя спрошу...
Кто ты, и какъ тебя зовутъ?

Фернандо.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
Ты спрашивалъ ли: какъ меня зовутъ?..
(Молчаніе.)

Меня зовутъ Фернандо!—
Вотъ все, что я могу сказать: другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ;
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ —
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

Ноеми.

Я буду для тебя сестрой...

Фернандо.

Ты для меня сестрой не будешь.

Ноеми.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горестъ
Души твоей? ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскалася въ томъ, что Іудейка!..

ФЕРНАНДО.

Ты цвѣтъ пустыни, ты дитя свободы;
 Безъ правилъ любишь ты,—Испанцы только
 Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ!
 У нихъ и рай и адъ—все на вѣсахъ,
 И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
 И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
 Коварствомъ и любовію ко злу!..
 У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
 Жена торгуетъ мужемъ и собою.
 У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ, или
 Монаху, можно человека
 Невиннаго предать кровавой пыткѣ,
 И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
 Оставить съ голоду погибнуть, для того,
 Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка,—
 Есть дѣло добродѣтели великой!
 О Боже! сохрани меня отъ мысли,
 Что ты должна принять ихъ предразсудки;
 Но между нихъ одно есть существо,
 Но, между демоновъ, одинъ есть ангелъ.
 Души моей... но замолчу объ этомъ.

НОКМИ.

Ты горячишься, это увеличить
 Твое страданье, съ болью ранъ твоихъ.
 Не хочешь ли чего-нибудь?... усни...
 Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
 Постель твою; всю ночь я просижу
 Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
 Мы все достанемъ, только будь спокоенъ....

ФЕРНАНДО (*въ сторону*).

Эмилиа далеко отъ меня,
 О, еслибъ эта милая Еврейка
 Была Эмилиа!.. какъ скоро бы всѣ раны
 Закрылися, кромѣ одной;
 Но рана эта такъ пріятна сердцу.
 Эмилиа! Эмилиа!.. быть-можетъ,
 Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
 И ты моей могилы не найдешь;
 И отъ послѣдней—отъ тебя я буду
 Забытъ!.. забытъ!

МОИСЕЙ.

Усни! постель уже готова...

Эй, Сара! помоги поднять его.

(Дѣй Еврейки, слуга Еврей, Сара и Моисей поднимаютъ Фернандо и уводятъ. Ноеми одна остается.)

НОЕМИ.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою.

Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,

Не вѣдая желанію причины!..

Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца

Хотѣла видѣть въ немъ;

Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,

Какъ тополь стройный, съ черными глазами,

Съ такими жъ черными кудрями

Являлся моему воображенію,

И мною овладѣлъ непостижимой силой,

И завладѣлъ дѣвичьимъ сномъ моимъ:

Отецъ мой такъ его подробно описалъ.

(Молчаніе.)

О, какъ судьба людьми играетъ!..

Ктобъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,

Недавно спасшій моего отца,

Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый

Своею неповинной кровью,

Измученный, едва не мертвый?

Мнѣ кажется, я чувствую любовь

Къ нему, не сожалѣнье, а любовь.

Какъ это слово звучно въ первый разъ!..

Когда онъ говорить, то сердце у меня

Трепещетъ,—точно какъ боится,

Чтобъ сердце юноши не перестало биться;

Когда жъ произношу его названье,

Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:

Фернандо!.. то краснѣю, будто бы

Самой себя стыжусь или боюсь!..

Чего стыдиться, я не понимаю

Любви? всѣ любятъ, что же тутъ худого?

Какъ не любить? ахъ! безъ любви такъ скучно,—

И даже думать не о чемъ; о Боже!

Храни его, храни обоихъ насъ!

Прости любовь мою! я не могу иначе...

(Она стоитъ въ задумчивости.)

Первая сцена третьяго дѣйствія переносится опять въ домъ Альвареса. Донъ Альваресъ сидитъ утромъ вдвоемъ съ женою и удивляется, что дочь долго не сходитъ къ нему. Онъ объявляетъ женѣ, что дочери его предстоитъ богатая партія, что одинъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человекъ проситъ ея руки; онъ хочетъ показать женѣ письмо жениха и спрашиваетъ у ней ключа отъ ея туалетнаго ящика, въ который онъ положилъ это письмо; но донна Марія въ смущеніи; она ищетъ ключа и не находитъ его. Донъ Альваресъ начинаетъ сердиться, но въ это время входитъ слуга съ докладомъ, что лошадь готова. Это напоминаетъ дону Альваресу, что ему нужно куда-то ѣхать. Онъ прощается съ женою и уходитъ. Послѣ его отъѣзда, донна Марія спѣшитъ отпереть завѣтный ящикъ и достаетъ оттуда богатое ожерелье, подаренное ей патеромъ Соррини за то, чтобъ она помогла ему похитить Эмилию. Она прячетъ драгоценные камни въ болѣе сокровенное мѣсто и, рассуждая сама съ собою, старается успокоить голосъ совѣсти, упрекающій ее за то, что она продала дочь своего мужа; будучи сама женщиной-сребролюбивою и сластолюбивою, она судитъ по себѣ и о другихъ: она надѣется, что подарки и страстная любовь стараго Соррини заставятъ Эмилию скоро забыть Фернандо и помириться съ своею участью до такой степени, чтобы имѣть даже минуты удовольствія и счастья. Но вотъ входитъ сама Эмилиа, блѣдная, грустная, съ яснымъ признакомъ бессонной, проведенной въ слезахъ ночи. Донна Марія встрѣчаетъ ее ласково и, притворнымъ участіемъ въ ея горести, старается утѣшить ее; но Эмилиа на колѣняхъ проситъ мачиху объ одной милости: она умоляетъ ее испросить у отца согласіе на вступленіе ея въ монастырь, говоря, что Фернандо, прощаясь съ нею, просилъ ее объ этомъ, и что она дала ему слово исполнить эту просьбу. Она увѣрена въ томъ, что Фернандо уже умеръ. Донна Марія успокоиваетъ ее, клянется, что Фернандо еще живъ, что она сама наканунѣ еще видѣла его и говорила съ нимъ, что онъ просилъ ея защиты и покровительства, и что она обѣщала ему соединить его съ Эмилией, и что сегодня же поведетъ она Эмилию на мѣсто, назначенное для свиданія. Счастью такъ легко взрится, сердце такъ легко открывается надеждѣ, что Эмилиа, при всей недовѣрчивости своей къ мачихѣ, ушла отъ ней болѣе спокойною, въ ожиданіи скорого свиданія съ Фернандо.

Вторая сцена переноситъ насъ снова въ горы, недалеко отъ жилища жида Моисея. Тамъ, подъ большимъ дубомъ, вокругъ котораго сдѣлана скамья, сидятъ служанки и слуги Моисея, и работая, поютъ свою печальную пѣсню:

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Плачь, Израиль! о плачь! твой Селимъ опустѣлъ,
На чужбинѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте!—досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ!..

Изгнанники пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при холодной лунѣ,
Чтобъ стenanье Израильтанъ тронуть могло
Того, кто явился пророку въ огнѣ!

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привести васъ на землю Ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

Входитъ Фернандо и спрашиваетъ Ноеми, гдѣ ея отецъ. Онъ теперь здоровъ, и хочетъ съ ними проститься. Ноеми старается отклонить его отъ этого намѣренія. Фернандо показываетъ ей портретъ Эмилии, говоря, что долженъ къ ней идти. Ноеми плачетъ, приходитъ Моисей и приноситъ извѣстіе о похищеніи дочери дона Альвареса, которая, какъ онъ слышалъ, находится теперь у патера Соррини. Фернандо пораженъ этимъ извѣстіемъ. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать. Сначала бѣжитъ прочь отъ всѣхъ, потомъ возвращается, просить у Моисея денегъ и, получивъ ихъ, уходитъ опять, говоря, что идетъ мстить.

СЦЕНА III.

(Комната у жида какъ во второмъ дѣйствіи.)

Ноеми (*за нею Сара*).

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь—любовь онъ дагъ,
А радость онъ похоронилъ на вѣки!

Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь.—О! я люблю
Его какъ Бога... онъ одинъ мой богъ.
И небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любить,
Другую, слышишь ли, другую!.. я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня!

(Ломаетъ руки.)

САРА.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить!..

НОЕМИ.

Плакать!

Тебѣ ль со мною плакать!.. Любила ль ты
Какъ я?.. любила ль чужеземца,
Любила ль христіанина, была ли
Имъ презрѣна какъ я? Ахъ, Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ!..
О сжался надо мною, небо! —
Скорѣй въ сырую землю, поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ...

САРА.

Старайся

Разсѣяться!.. въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ! теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

НОЕМИ.

Я проклинаяю

Всѣ новости, одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его. — Ахъ, Сара!
Все кончено! все кончено!

(Моисей обхлестъ какъ бѣшеный.)

Моисей.

Дочь! дочь! дочь!.. онъ нашелся!
 Зачѣмъ теперь? зачѣмъ такъ поздно... онъ нашелся!...
 Жестокий случай... такъ... я не прижалъ
 Его къ груди, и не прижму... найденъ,
 И въ тотъ же мигъ потерянь. О судьба!
 Земля и небо! вѣтры! бури! громъ!
 Куда вы сына унесли? зачѣмъ отдать,
 Чтобы отнять... И христiанинъ!
 Возможно ли? мой сынъ... я чувствовалъ,
 Что онъ родной мой... О Израиль!
 Израиль!.. ты скитаться долженъ въ міръ,
 Тебя преслѣдуютъ стихiи даже...
 И Богъ твой отъ тебя отворотился..
 Мой сынъ! мой сынъ!

Сара.

Гдѣжь онъ? зачѣмъ не здѣсь?
 Ктожь онъ?.. и кто сказалъ, что сынъ твой...

Моисей.

О горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
 Раввинъ принесъ мнѣ доказательство... я вѣрю,
 Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
 И онъ погибнуть долженъ... Не спастись
 Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
 Ноеми! горе, горе для тебя!
 Фернандо — братъ твой!
 Испанецъ — братъ твой!
 Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
 Для насъ!—онъ христiанинъ!.. онъ твой братъ!

*(Ноеми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара
 спѣшитъ къ ней.)*

Пускай умретъ и дочь... и я! у Бога
 Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!

(Ломаетъ руки и стоитъ недвижимъ.)

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ домѣ патера Соррини. Мы находимъ его сначала одного, размышляющаго вслухъ о жизни настоящей и будущей, о совѣсти, о людяхъ, объ ихъ судѣ и приговорѣ. Онъ ждетъ появленія похитителя Эмилии передъ своимъ домомъ и заранее торжествуетъ побѣду надъ своею несчастною жертвой. Вотъ видитъ онъ пыль на дорогѣ; похитите-

ли Эмилиі приближаются; по сдѣланному заранѣ условію, слуги Соррини преграждаютъ имъ дорогу и отбиваютъ у нихъ Эмилию. Такимъ образомъ въ глазахъ дѣвушки является Соррини на первый разъ какъ ея спаситель. Эмилиа благодаритъ его за свое избавленіе и проситъ возвратить ее поскорѣе въ отцовскій домъ; но Соррини уговариваетъ ее успокоиться, отдохнуть у него день, два, три и даже болѣе. Такія слова удивляютъ сначала Эмилию, она не понимаетъ ихъ смысла, но Соррини не затрудняется болѣе вразумительнымъ объясненіемъ своихъ намѣреній, и бѣдная дѣвушка должна наконецъ понять, что попалась въ сѣти такого ловца, отъ котораго никто и ничто не спасетъ ея, кромѣ смерти. Напрасно упрекаетъ она Соррини, напрасно то плачетъ и молитъ его, то осыпаетъ его проклятiями; сластолюбивый старикъ не поддается никакому благородному чувству, онъ знаетъ только одно чувство, внушаемое страстью; ему только одному онъ покорствуется. Пощечина, данная ему дѣвушкой въ то время, какъ онъ хочетъ ее поцѣловать, не столько возбуждаетъ его гнѣвъ, сколько распаляетъ его страсть. Къ довершенію ужаса Эмилиі, толпа бродягъ, ея похитителей, съ шумомъ врывается въ комнату, гдѣ она находилась съ патеромъ Соррини, и требуетъ съ него денегъ за похищеніе дѣвушки. Соррини бросаетъ имъ деньги, и они уходятъ. Бѣдная дѣвушка поняла тепере все. Уже сластолюбивый старикъ силою готовится увлечь свою жертву въ отдаленную комнату, какъ вдругъ въ незапертую дверь входитъ незнакомецъ въ одеждѣ пилигрима. Онъ проситъ милостыни Христа ради. Соррини проситъ его сѣсть и отдохнуть, и, обращаясь къ Эмилиі, велитъ ей идти за хлѣбомъ и виномъ для странника. Онъ называетъ Эмилию сестрою. Эмилиа медлитъ. Соррини подходитъ къ ней ближе и настойчиво требуетъ, чтобы она шла. Тогда незнакомецъ восклицаетъ: стой! онъ сбрасываетъ съ себя плащъ и объявляетъ патеру, что передъ нимъ тотъ Фернандо, котораго онъ считалъ уже убитымъ. Онъ схватываетъ Соррини и грозитъ ему убить его, если онъ не отдастъ Эмилиі. Но Соррини возражаетъ ему холодно, что если онъ и убьетъ его, то все-таки не выйдетъ отсюда съ Эмилией, потому что слуги не выпустятъ ихъ. Это возраженіе измѣняетъ намѣренія Фернандо; онъ рѣшается на другое. Еще разъ проситъ онъ Соррини отдать ему Эмилию, но Соррини отвѣчаетъ смѣхомъ,

подбѣгаетъ къ двери и зоветъ слугъ на помощь. Слуги являются въ дверяхъ. Тогда Фернандо, видя, что нѣтъ другаго средства для спасенія Эмилиі, прокалываетъ ей грудь своимъ кинжаломъ. Эмилиа умираетъ. Соррини и слуги остаются неподвижны отъ изумленія и страха. Пользуясь этою минутой, Фернандо поднимаетъ трупъ Эмилиі на плечо и безпрепятственно проходитъ съ нимъ черезъ толпу слугъ. Соррини остается одинъ. Онъ въ бѣшенствѣ, и придумываетъ всѣ возможные казни для Фернандо. Приходитъ его пріятель доминиканецъ. Соррини рассказываетъ ему событіе, опуская, разумѣется, всѣ тѣ обстоятельства, которыя могли набросить какую-нибудь тѣнь на него самого. Доминиканецъ садится писать доносъ въ святую инквизицію, и вмѣстѣ придумываютъ они тѣ истязанія и муки, которымъ подвергнутъ несчастнаго Фернандо.

Пятое дѣйствіе опять въ домѣ Альвареса. Опять донъ Альваресъ и донна Марія вдвоемъ. Альваресъ проклиная дочь за то, что она покрыла стыдомъ его сѣдые волосы, убѣжавши съ Фернандо. Такъ сказала ему донна Марія. Между тѣмъ онъ плачетъ какъ отецъ, любившій свою дочь. Онъ уходитъ разстроенный, потомъ возвращается и говоритъ женѣ, что чувствуетъ въ домѣ присутствіе незримыхъ духовъ, что они блуждаютъ вездѣ за нимъ, что вездѣ онъ ихъ слышитъ. Въ эту минуту съ шумомъ отворяются двери, и входитъ Фернандо съ трупомъ Эмилиі. Донна Марія убѣгаетъ изъ комнаты, думая, что все будетъ открыто. Фернандо говоритъ отцу:—я дочь тебѣ принесъ.—Она мертва? спрашиваетъ отецъ. «Мертва», отвѣчаетъ Фернандо.—И ты ея убійца? «Я».—Затѣмъ Фернандо объявляетъ, что онъ рѣшился остаться возлѣ ней, и что никто и ничто не оторветъ его отъ нея. Альваресъ уходитъ и запираетъ за собою дверь. Фернандо смѣется надъ этою предосторожностію. Онъ остается одинъ съ тѣломъ Эмилиі и прощается съ нею. Между тѣмъ служители инквизиціи входятъ въ комнату, и ихъ начальникъ велитъ имъ схватить Фернандо; но въ рукахъ Фернандо кинжалъ, и никто не смѣетъ подступить къ нему. Они ждутъ, пока придетъ самъ патеръ Соррини. Послѣдній входитъ и крадется сзади всѣхъ — подальше отъ Фернандо, но Фернандо увидѣлъ его. «—А, здравствуй Соррини, говоритъ онъ, ты побѣдилъ, я сдаюсь, но исполни мою единственную просьбу». Соррини съ насмѣшли-

вою улыбкой спрашиваетъ, въ чемъ состоитъ эта просьба. Фернандо показываетъ ему локонъ черныхъ волосъ Эмилии, только что имъ отрѣзанный, и проситъ Соррини оставить ему эти волосы до конца его жизни. Соррини говоритъ, что этого нельзя, и велитъ служителямъ инквизиціи схватить Фернандо и отнять у него волосы. Тогда Фернандо бросается на него и поражаетъ его кинжаломъ. Соррини падаетъ сначала отъ удара, но вскорѣ встаетъ и кричить: помогите! «Живъ?» восклицаетъ Фернандо. — Я живъ, чтобъ насладиться твоими муками, отвѣчаетъ Соррини. Фернандо говоритъ:

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье,
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ.

Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю
Отъ звѣря этого... желѣзо обмануло...
И онъ живетъ... презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки.

(Бросаетъ кинжалъ на землю.)

Прочь невѣрный
Металлъ! ты мнѣ служилъ, какъ люди служатъ:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя...

Тутъ служители инквизиціи бросаются на него и вьжутъ ему руки. За дверью слышенъ шумъ; вбѣгаетъ Жидъ Моисей и бросается къ ногамъ Соррини. Онъ предлагаетъ ему все свое богатство за спасеніе Фернандо, говоря, что онъ его сынъ. Фернандо укоряетъ старика за то, что онъ унижается, бросаясь къ ногамъ злодѣя. Встань, встань старикъ, говоритъ онъ ему, иль ты не отецъ мой. Моисей продолжаетъ предлагать Соррини все свое имущество, даже дочь свою, за спасеніе сына. Фернандо говоритъ, что онъ зажалъ бы ротъ старику, еслибъ руки его были свободны. Соррини велитъ увести Фернандо и, оставшись одинъ съ Моисеемъ, беретъ у него мѣшокъ съ червонцами и со смѣхомъ уходитъ, говоря: погоди, доберусь и до тебя. Моисей остается одинъ и рветъ на себѣ волосы.

Послѣдняя сцена на улицѣ въ городѣ, недалеко отъ дома Альвареса. Толпа народа. Нѣсколько Испайцевъ разсуждаютъ о Фернандо. Является Ноemi, съ растрепанными волосами, помѣшанная; за нею Сара. Ноemi ищетъ своего брата, она проситъ всѣхъ, чтобъ отдали ей брата. Бѣдная, она не вынесла этого удара, ея разумокъ помутился. Она теряетъ въ Фернандо болѣе, чѣмъ брата; съ его жизнію должна кончиться и ея жизнь. Кто-то изъ толпы произноситъ имя Фернандо и приглашаетъ другихъ идти смотрѣть на его казнь. Ноemi слышала эти слова, упала на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ слышала, и уже не встала...

Таково это раннее произведеніе молодого поэта; вѣроятно, оно было первымъ произведеніемъ, по крайней мѣрѣ первымъ обработаннымъ и оконченнымъ произведеніемъ. Но и въ этой окончательной обработкѣ еще многого не достаётъ, многого требуется. Если и нельзя отказать юному автору въ томъ, что въ цѣломъ драматическомъ дѣйствіи есть нѣкоторое движеніе; то, съ другой стороны, чувствуется совершенный недостатокъ драматическаго движенія въ отдѣльных характерахъ. Всѣ эти лица говорятъ и дѣйствуютъ по какому-то какъ-будто бы за ранѣ составленному кодексу. Мы сказали уже прежде, что чисто-поэтическое лицо молодой Жидовки удачнѣе всѣхъ другихъ начертано нашимъ поэтомъ; второе мѣсто занимаетъ старый Жидъ Моисей. Лицо іезуита Соррини хорошо задумано, но неудачно исполнено, именно потому, что молодой авторъ не владѣетъ еще искусствомъ уловить настоящую минуту, когда нужно провести новый штрихъ, придающій лицу новое выраженіе. Испанскій бытъ представленъ только въ общемъ очеркѣ, нарисованъ крупными, стереотипическими, довольно аляповатыми, чертами. Видно, что авторъ немного думалъ объ этомъ предметѣ, что даже не задавалъ себѣ этой задачи. У него не опредѣлено даже съ точностію время дѣйствія; существованіе инквизиціи въ драмѣ по крайней мѣрѣ далеко нельзя назвать точнымъ опредѣленіемъ времени дѣйствія. И мѣсто дѣйствія на первомъ листѣ опредѣлено такъ: Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи; только послѣдняя сцена пятаго дѣйствія, гдѣ совершается казнь Фернандо, происходитъ въ Мадридѣ.

Но есть одно слово, или, лучше сказать, одна фраза въ драмѣ, которая обратила на себя наше вниманіе. Она находится во второй сценѣ втораго дѣйствія, именно въ той самой сценѣ, которая вся и представлена здѣсь читателямъ; она находится именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ноemi говоритъ Фернандо, что если онъ не нашелъ друзей между христіанами, то пусть поищетъ ихъ между ними. Ты добръ, Испанецъ, говоритъ она ему, Небо справедливо. *Я былъ добръ*, отвѣчаетъ Фернандо. Сама въ себѣ фраза эта очень проста, и смыслъ ея не представляетъ ничего особеннаго. Я былъ добръ, а теперь сдѣлался злымъ: таково необходимое дополненіе этой фразы. И тутъ, кажется, не на чемъ останавливаться. Но если вы всмотритесь внимательнѣе въ то лицо, которое произносить эти слова, если вы захотите поглубже вникнуть въ тѣ основанія, которыя вызываютъ эту фразу, если вы спросите самихъ себя, имѣетъ ли выведенный человѣкъ право сказать подобныя слова, и что хочетъ онъ сказать этими словами; тогда вы согласитесь, что эти слова предполагаютъ длинный рядъ размышленій, что въ нихъ, наконецъ, скрывается особое, весьма рѣзкое убѣжденіе. Какое же это особое убѣжденіе, какой особый смыслъ заключается въ этихъ словахъ? Я былъ добръ, а теперь сталъ золь. Не значить ли это, что человѣкъ, родившійся добрымъ и бывший даже нѣкоторое время добрымъ, радикально измѣняется подъ вліяніемъ обстоятельствъ и людей? Раздѣляете ли вы такое убѣжденіе? если раздѣляете, то вполне ли, или только отчасти? Признаете ли вы, что человѣкъ, бывший уже добрымъ, вдругъ можетъ сдѣлаться злымъ? Мы не будемъ входить въ рѣшеніе этихъ вопросовъ, мы не намѣрены поднимать психологическаго разсужденія о томъ, справедливо ли это убѣжденіе и въ какой степени оно справедливо; но согласимся безусловно съ юнымъ авторомъ и, признавъ это убѣжденіе неоспоримымъ, спросимъ только, съ его точки зрѣнія, — имѣлъ ли право Фернандо такъ громко и рѣзко высказывать подобныя убѣжденія? Что потерпѣлъ онъ отъ людей? Какія обиды и оскорбленія превратили его изъ добраго человѣка въ злаго? До сихъ поръ только Альваресъ поступилъ съ нимъ жестоко, до сихъ поръ отъ всѣхъ другихъ людей видѣлъ онъ только любовь и участіе. Да и самъ Альваресъ былъ его названнымъ отцомъ и воспитате-

лемъ; только оскорбленный въ своихъ коренныхъ убѣжденіяхъ, невольно сказалъ онъ молодому человѣку обидное слово. А Эмилиа его любить, а у спасеннаго имъ Жида находить онъ благодарность, въ его домѣ принять онъ какъ родной. Покушеніе разбойниковъ на его жизнь не могло же вооружить его противъ всѣхъ людей. Кто же когда-нибудь ставилъ въ укоръ всему человѣчеству то, чѣмъ на землѣ существуютъ воры и разбойники? Кто возненавидѣлъ всѣхъ людей за то, что воры отняли у него кошелькъ, или за то, что ранили его? Такія ль несчастія достаточны для того, чтобы совершенно измѣнить человѣка, чтобы изъ добраго сдѣлать его злымъ? Нѣтъ, конечно нѣтъ! Фернандо не имѣлъ еще права говорить такимъ образомъ тогда, когда онъ это говорилъ. Онъ потерялъ надежду на счастье въ жизни, поскольку это счастье зависитъ отъ обладанія любимой женщиной; но мало ли людей теряютъ, подобно ему, это счастье, и не дѣлаются однако же злыми? Переживи онъ честь своей возлюбленной, переживи онъ ея смерть,—и тогда скажи эти слова: мы не могли бы отказать ему въ сочувствіи. Съ намѣреніемъ обратили мы вниманіе читателя на эти слова, потому что они не случайно зашли сюда, потому что они не обронены ненарокомъ въ произведеніи нашего поэта: въ нихъ высказалось его коренное убѣжденіе. Не знаемъ, какимъ образомъ составилось и при какихъ обстоятельствахъ развилось въ немъ это убѣжденіе, но глубоко укоренилось оно въ немъ, и не разъ встрѣчаемъ мы повтореніе одного и того же мотива не только въ другихъ произведеніяхъ его юности, о которыхъ будемъ скоро говорить, но и въ самыхъ зрѣлыхъ его произведеніяхъ. Припомнимъ только характеры Печорина, Арбенина (въ драмѣ «Маскарадъ»).

Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ исторію дѣтства и юности Лермонтова, а потому и не можемъ объяснить себѣ, какъ развился въ немъ его мрачный взглядъ на человѣческую природу. Мы можемъ только догадываться, что въ жизни нашего поэта, или по крайней мѣрѣ въ жизни близкихъ ему людей, были случаи, которые предрасположили его къ такому настроенію. Ключъ къ этой догадкѣ даетъ намъ онъ самъ, въ небольшомъ предисловіи къ одной изъ своихъ юношескихъ драмъ, которая называется «Станный человѣкъ» и о которой читатели получаютъ въ слѣдующей статьѣ

болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ этомъ предисловіи поэтъ говорить, что въ его драмѣ описывается истинное происшествіе, что всѣ характеры списаны съ натуры, что онъ желалъ бы, чтобы они были узнаны, что онъ хотѣлъ и долженъ былъ оправдать несчастнаго. Далѣе приводимъ его собственныя слова:

«Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю. По крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.»

Слѣдовательно, событіе, близкое нашему поэту — жизнь человѣка, котораго онъ хорошо зналъ, привело его къ такимъ убѣжденіямъ; но развитіе ихъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. Зародышъ идеала, постоянно пребывавшаго въ душѣ поэта, виденъ уже и въ этой драмѣ «Странный человѣкъ», и здѣсь уже, въ главномъ ея героѣ, въ Арбенинѣ, замѣтенъ блѣдный и не совсѣмъ оконченный очеркъ того типа, который въ послѣдствіи такъ ярко изобразился въ лицѣ Печорина и потомъ въ лицѣ позднѣйшаго Арбенина, въ драмѣ «Маскарадъ». Что же такое Печоринъ и Арбенинъ? Несчастныя ли это личности, развившіяся подъ вліяніемъ горькихъ обстоятельствъ, потерявшія свою человѣчность вслѣдствіе оскорбленій и преслѣдованій, которыя потерпѣли они отъ людей и отъ общества? Или это жертвы собственныхъ своихъ страстей, жертвы собственного безграничнаго самолюбія, не столько униженнаго, не столько раздраженнаго оскорбленіями другихъ людей, сколько напротивъ взлелеяннаго и избалованнаго ихъ куреніемъ? Самъ авторъ, повидимому, беретъ сторону своихъ героевъ. У него Печоринъ стоитъ высоко надъ другими людьми; такъ смотритъ на него все окружающее его общество, гдѣ всѣ отличаютъ его отъ другихъ, кромѣ его соперниковъ и завистниковъ, которые впрочемъ тоже противъ воли своей признаютъ его превосходство. Но чѣмъ же отличается онъ отъ другихъ, чѣмъ онъ выше другихъ? Ничѣмъ, кромѣ безграничнаго эгоизма, не терпящаго препятствій на своей дорогѣ, сокрушающаго и истребляющаго все, что ему мѣшаетъ, не признающаго никакихъ правъ, кромѣ собственныхъ. Но здѣсь идеалъ поэта выходитъ уже изъ природы человѣческой, и въ этомъ-то, кажется,

все обаяніе этого идеала для самого поэта. Оно увлекало его за пределы человѣческой природы, къ чему-то невѣдомому. «Ты не человѣкъ», говоритъ князь Арбенину, когда послѣдній, давъ ему пощечину, отказывается съ нимъ драться. Поэтъ видимо стремился къ тому, чтобы въ его идеалахъ было что-то не человѣческое, а демоническое. И онъ успѣлъ въ этомъ. Въ Печоринѣ есть еще остатокъ чего-то человѣческаго, въ Арбенинѣ нѣтъ ничего человѣческаго, — это падшій духъ, это демонъ. Отъ этого-то, можетъ-быть, Печоринъ имѣлъ такое обаятельное дѣйствіе на читающую публику, особенно на прекрасный полъ. Его отреченіе отъ человѣчества не такъ еще ясно и опредѣленно, какъ отреченіе Арбенина; въ немъ еще сильно звучатъ живыя струны человѣческаго чувства; но въ то же время въ немъ есть уже и демонизмъ, который, въ соединеніи съ остатками человѣчества, и сообщаетъ ему для многихъ обаятельную силу. Не станемъ здѣсь поднимать вопроса о томъ, откуда взялось въ нашемъ поэтѣ это направленіе? Самобытно ли оно зародилось въ его собственной душѣ, или пришло отъ кого-нибудь, заимствованное отъ другаго, родственнаго, но чуждаго ему генія? Мы стали бы во всякомъ случаѣ утверждать первое. Мы не можемъ допустить чуждаго вліянія, если въ собственной душѣ нашей нѣтъ никакого къ нему подготовленія. Если мы знаемъ, что направленіе одного писателя бываетъ сходно съ направленіемъ другаго, то это не значитъ еще непременно, что одно направленіе поражаетъ другое, и что послѣднее вышло изъ перваго; но значитъ только, что оба писателя родились съ одинаковымъ направленіемъ, съ одними и тѣми же стремленіями. Къ одному направленію принадлежатъ тѣ писатели, которые, слѣдуя однимъ и тѣмъ же стремленіямъ, вносятъ въ то же время нѣчто самобытное, каждый свое особенное, ему одному принадлежащее. Даровитый писатель не можетъ быть слѣпымъ подражателемъ другаго хотя бы и геніальнаго писателя; они могутъ только принадлежать къ одному направленію. Но какъ Байронъ имѣлъ своихъ подражателей, такъ точно и нашъ Лермонтовъ имѣлъ своихъ. Особенно типъ Печорина вызвалъ у насъ много подражаній, которыя сдѣлали наконецъ то, что этотъ типъ сталъ смѣшонъ, и имя Печорина стало употребляться всеу, для обозначенія извѣстнаго рода людей, страдающихъ безъ страданій, горюющихъ безъ горя

и плачущихъ безъ слезъ. Въ самомъ Печоринѣ эта смѣшная сторона едва выказывается; гениальный писатель умѣлъ скрыть ее отъ глазъ, не довольно зоркихъ, идеальнымъ изображеніемъ типа, но подражателямъ этотъ идеалъ былъ не подъ-силу; они не могли его выходить и выработать, какъ ихъ учитель, и онъ распался у нихъ на свои неорганическія части.

Намъ предстоитъ теперь познакомить читателей еще съ двумя юношескими драмами Лермонтова. Одна изъ нихъ называется, какъ мы уже упоминали, «Станный человекъ», другая — «Два брата». Первая написана въ 1831 году, время сочиненія послѣдней не означено; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, она должна быть отнесена къ той же эпохѣ. Содержаніе этихъ драмъ мы расскажемъ читателямъ въ слѣдующей статьѣ.

С. Шестаковъ.

ДѢДУШКА ПОЛИКАРПЪ

РАЗКАЗЪ

Въ лѣсу не одного медвѣдя бойся.

Русская пословица.

Пріѣхавши на Волковскую станцію, я вышелъ изъ тарантаса, приказалъ закладывать лошадей, а самъ пошелъ пѣшкомъ впередъ по дорогѣ. За околицей, подлѣ вѣтреной мельницы, увидалъ я старика, сидѣвшаго на завагинѣ. Онъ грѣлся на солнышкѣ и плелъ лапти. Я подошелъ къ старику и завелъ разговоръ. Оказалось, что это былъ крестьянинъ деревни Волковъ, отецъ мельника, извѣстный во всемъ окологдѣ подъ именемъ «дѣдушки Поликарпа».

Сколько было ему лѣтъ, онъ и самъ не зналъ, а только сказывалъ, что несъ онъ полное тягло еще въ ту пору, какъ «царица Катерина землю держала». Крѣпко жаловался старикъ на нынѣшнія времена, и называлъ ихъ «останными», потому-де, что восьмая тысяча лѣтъ идетъ, и къ тому же прошелъ слухъ по народу, что Антихристъ въ египетской странѣ родился. Слово за слово, разговорились мы съ Поликарпомъ.

— Ну, чтѣ, дѣдушка, спросилъ я его, — много ли помолу у васъ на мельницѣ бываетъ?

— Какой помогъ, родименькій ты мой! какой помогъ! вѣдь наши мѣста безхлѣбныя. У насъ, кормилецъ, по всей Дрюковской волости хлѣбъ родится плохо. Ужь каковъ ни будь урожай, а здѣшнему мужику долѣ Святой недѣли своего хлѣба не хватитъ, а иной годъ и съ Тимоѳея Полузимника (1) хлѣбъ на базарѣ покупаемъ.

— Да вѣдь у васъ земля-то кажется много?

— Эхъ, родименькій, какая земля въ нашихъ мѣстахъ! ее и вдоволь, да пути-то отъ нея немного. И велико поле, да не родимо. Вѣдь самъ ты погляди, какая у насъ земля-то: — лѣсъ да песокъ, болота, да мочажины. Какой ужъ отъ нея хлѣбъ? Да земля же въ нашихъ мѣстахъ холодная: овсы иной годъ и уродаются, ну и льны тоже, а рожь завсегда плоха бываетъ. А если насчетъ шпеницы али проса, такъ этихъ хлѣбовъ у насъ и въ заведеніи нѣтъ, сѣмена только погубишь, какъ посѣешь. Гречей тоже мало займуются, для того, что каждый годъ морозами бьетъ ее, сердечную. Такія ужъ наши мѣста!

— Ну, а въ старину какъ бывало?

— Ну, какъ можно въ старину? въ старину все лучше было, на чтѣ ни взглянешь, все лучше было. И люди-то были здоровѣе, хворыхъ да тщедушныхъ, кажись, вовсе и не бывало въ старыя годы. И все-то было тогда дешевле, и народъ-то былъ проще, родимый ты мой. А урожай въ старыя годы и въ нашихъ мѣстахъ были хорошіе. Всѣ благодарили Создателя. У мужика, бывало, года по два, да по три хлѣбъ немолоченый въ одоньяхъ стоитъ; ну, а въ нынѣшни останныя времена не то: объѣзжай ты, родимый, всѣ наши мѣста: и Заузолъе, и Ячменскую волость, и Лыковщину, и Жары, нигдѣ-то ты ни одинаго одонья не сыщешь, про запасъ заготовленнаго. Вѣдь въ старыя-то годы, родименькій, у насъ кулижки жгли, такъ на нихъ рожь-то, бывало, самъ-восемь, да самъ-десять родилась. А въ нынѣшніе года кулижекъ жечь нельзя, для того что завелись лѣсные да полѣсовныя. Отъ этого отъ самаго кулижка теперь въ такую цѣну станетъ, что жечь-то ее ужъ и не изъ чего, кормилецъ. А бывало, въ старину-то, въ лѣтнюю этакъ пору, передъ Ильинымъ днемъ, куда ни посмотришь вокругъ — тамъ изъ лѣсу дымъ стол-

(1) Двадцать второе января.

бомъ идетъ, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ... Иной разъ кулигъ десять разомъ горить... Ну, а нынче не велятъ, запретъ положонъ.

— Чтò же это за кулиги такія, дѣдушка, для чего онѣ?

— А видишь ли ты, родимый : пойдеть, бывало, мужикъ въ лѣсъ, и свалить тамъ ельнику, сколько ему надо, да сваливши деревья, и зажжетъ ихъ. Послѣ того корни-то выроетъ, да чтобы землю-то разрыхлить, рѣпы на первой годъ насьетъ. А какъ на другое лѣто эту кулигу вспашетъ, и безъ всякаго удобренья по этой цѣлизнѣ рожь и посѣетъ. Такъ какіе вѣдь бывало урожаи на свѣжихъ-то земляхъ Господь подавалъ, самъ-восемь, самъ-десять и больше. Ну, а теперь не то, прибавилъ дѣдушка Поликарпъ съ глубокимъ вздохомъ, — теперь не велятъ кулижежъ жечь.

— Да вѣдь нельзя же, дѣдушка, мужику волю надъ лѣсомъ дать: вѣдь онъ его пожжетъ безъ толку, такъ послѣ не то, что на отопку, да и на лучину ничего не останется.

— Вѣстимо такъ, родименькій, извѣстно дѣло, что мужику нельзя воли въ лѣсу дать. Какъ можно! всякое этакое запрещеніе, вѣстимо, для порядковъ дѣлается. Только земля-то у насъ ужъ больно скудная, вѣдь безъ навѣженья ничего-то она не родить, кормилецъ. Такія ужъ наши мѣста! Сѣмена, значить, сгубить надобно, коли хорошенько не унавозить свою полосу. Ну, а на кулижкахъ-то и безъ навозу хлѣбъ родился. Такъ оно и хорошо.

— Чтò же вы не навозите землю хорошенько? Навозьте ее больше.

— Да это вѣстимо такъ, родимый, землю въ нашихъ мѣстахъ надобно навозить больше. Ужъ какого хлѣба безъ навозу ждатель? Безъ навоза намъ никакъ нельзя быть. Да скотина-то у насъ больно плохонька. Вотъ чтò, кормилецъ. Ужъ куда съ нашими коровенками удобрять землю какъ слѣдуетъ! Никакъ не возможно, родимый ты мой. Вѣдь посмотри ты, какая въ нашихъ мѣстахъ скотина? самая ледащяя, ужъ именно какъ пословица молвится, и коровенка меньше котенка. Только слава одна, что скотина. Вонъ на *юрахъ* (1), тамъ скотина хорошая, крупная:

(1) *На юрахъ* — значить на правой сторонѣ Волги, *маюрны* — жители правой стороны Поволжья.

каждая корова тамъ барыней смотритъ, оттого у *назорныхъ* и хлѣбъ завсегда хорошо родится. А у насъ что? мѣста ужъ у насъ такіа.

— Такъ заведите хорошую скотину.

— Да извѣстно дѣло, родименькой, что отъ хорошей скотины больше навозу живетъ, это ужъ такъ. А намъ безъ удобренія быть никакъ невозможно. Вотъ начальники наши, дай имъ Богъ многолѣтню здравствовать, *хермы* (1) у насъ завели и скоть пригнали, ужъ какой славный скоть: любо-дорого посмотреть. И мужичкамъ тоже хотѣли давать на племя такую скотину, и строгостью даже приказывали брать ее по своимъ дворамъ бесплатно, даромъ. Дай Богъ имъ здоровья, ужъ такое объ насъ, глупыхъ, попеченіе принимаютъ, что и сказать нельзя. И не стоимъ мы такихъ милостей. Право, не стоимъ.

— Ну, что же? на расхватъ, чай, разобрали жалованныхъ коровъ?

— Какъ это возможно, родимый ты мой? намъ ли такую скотину держать? нѣтъ, нечего Бога гнѣвить, ни единой коровы никому не дали. Поклонились мужички всей волостью, по чѣмъ съ души пришлось, ну и откупились отъ коровъ. Помиловали таки ихъ начальники; дай Богъ имъ здоровья, не дали коровъ и прописали, что «желающихъ не оказалось».

— Какъ же это? спросилъ я у дѣдушки Поликарпа, не безъ удивленія. — Даромъ давали вамъ такое добро, а вы не брали? Что же это такое значить?

— А то и значить, родимый ты мой, что ужъ у насъ такіа мѣста. Вѣдь мѣсто мѣсту рознь. Начальники-то наши, извѣстно дѣло, всякому добра хотятъ, да это добро на одномъ мѣстѣ и впрямь добромъ выйдетъ, и только Бога вѣчно благодарить за него надобно будетъ, а въ другомъ мѣстѣ, можетъ статься и неподалеку гдѣ-нибудь, да отъ того же самаго добра мужикъ-то волкомъ вззоетъ. Вѣдь земля-то наша больно велика, кормилецъ: съ одного-то мѣста ее обзоришь. Вотъ хоть примѣрно сказать, о казенной скотинѣ: по зѣшнимъ мѣстамъ наши ледащія коровенки не въ примѣръ способнѣе крупнаго скота будутъ. А вотъ за тридцать какихъ-нибудь верстъ отъ насъ; хоть у

(1) Фермы.

нагорныхъ, тамъ крупная скотина—ужь истинно безцѣнно сокровище. У насъ вѣдь по всему нашему мѣсту поемныхъ луговъ вовсе нѣтъ, и сѣнныхъ-то покосовъ маленько. По *плантамъ* (1) ихъ и много значить, да въ наличіи-то не предвидится. Да и что это за покосы? бѣлоусъ, да осока, да донникъ и все тутъ. Ужь на что наши коровенки, и тѣ лѣтомъ по раменямъ пасутся, да и то сыты не бываютъ, а зимой стоятъ на соломѣ. для того, что посыпки взять негдѣ, и на свой обиходъ хлѣбъ-то съ базару покупаемъ. Ну, отъ такого корму и не диви, что наша скотина—кожа да кости. По этому по самому, крупному скоту въ нашихъ мѣстахъ быть и невозможно совсѣмъ:—зимнимъ дѣломъ съ нимъ и самъ голодомъ насидишься, и жалованну корову сморишь; а лѣтомъ гдѣ ей пастись? У насъ же по покосамъ да по раменямъ и собашникъ растетъ, и болиголовъ, и лютикъ, и бѣшеница, и молочай, и жабникъ (2). Ну, какъ казенна-то корова да нахватается этой дряни, съ голодухи-то? И вези ее подъ оврагъ, да принимай отъ начальства остуду, что не умѣлъ, дескать, ты, мошенникъ, жалованной скотины соблюсти. Да и то сказать, и въ способныхъ-то мѣстахъ не хитрое дѣло мужику казенну корову во дворъ взять, да хитрое дѣло держать ее. Вѣдь дадутъ тебѣ корову, да за ней надзоръ тоже приставать. Ну, и станутъ къ мужику то и дѣло наѣзжать понавѣдаться, здоровенько ли, дескать, коровушка поживаетъ, держать ли ее хозяинъ въ теплѣ да въ холѣ. А вѣдь самъ ты знаешь, что наѣздъ начальства—деньгу изъ мошны таяетъ: и курочку ему заколи, и говядинки купи, и калачика, ну и по питейной части тоже, окромѣ простаго, вѣдь и виноградненькаго потребуется. Такъ вотъ по этому по самому, родимый ты мой, мужички наши отъ казеннаго скота и откупились, для того, что жалованна-то корова не въ примѣръ дороже купленной обойдется.—Нѣтъ, начто ужъ намъ хороши коровы? намъ бы вотъ кулижки жечь позволили, родимый, тогда бы мы вѣкъ стали Бога благодарить, примолвить дѣдушка Поликарпъ, немного помолчавши.

(1) То-есть по плапамъ генеральнаго межеванія.

(2) Собашникъ—*synoglossum officinale*; болиголовъ—*chaerophyllum*;—лютикъ — *aconitum*; бѣшеница — *cicuta virosa*; молочай — *euphorbia palustre*; жабникъ—*ranunculus bulbosus*, все травы ядовитыя.

— Да вѣдь самъ же ты, дѣдушка, согласился, что кулижки лѣсъ губять, и что запретъ на нихъ для порядковъ положенъ.

— Вѣстимо, родименькій, знамо дѣло, что для порядковъ. Какъ же намъ и жить безъ порядковъ? никакъ нельзя. Ну, а вѣдь, коли примѣромъ сказать, вотъ хоть объ лѣсѣ, такъ нельзя же не молвить и то, что губленье губленью розъ. Ну, самъ ты посуди, кормилецъ ты мой, ну, какое губленье лѣсу отъ кулижки? Много ли мѣста подъ нее надоть? А на кулижку-то жжется лѣсъ не строевой, не дровяной, а заборникъ да прясельникъ, а заборнику да прясельнику по нашимъ мѣстамъ такое мѣсто, что какъ ты его ни руби, а онъ такъ изъ земли и лѣзетъ, такъ его и претъ оттуда.

— Дѣдушка! да вѣдь отъ прясельника-то и хорошій лѣсъ загорится, тогда что будетъ?

— Да какъ же ему загорѣться-то, родимый ты мой, хорошему-то лѣсу? Вѣдь лѣсной-то пожаръ понизу не ходитъ, а все больше верхомъ. А кулижку-то вѣдь прежде повалять, да послѣ того зажгутъ—такъ горитъ она низомъ, а поверку ей ходу нѣтъ.

— Да какъ же можно, дѣдушка, лѣсъ попусту губить? Лѣсъ вещь цѣнная. Какъ же его жечь задаромъ? Вѣдь жаль такого добра.

— Точно, правда, родимый ты мой. Вещь дорогая лѣсъ, дорогая, кормилецъ; какъ не жаль лѣса, когда онъ горитъ? Ужъ такъ его жаль, такъ жаль, что и сказать не можно. Какъ этакъ увидишь, что лѣсокъ-то гдѣ-нибудь горитъ,—таково горько тебѣ станетъ, и подумаешь самъ про себя: вотъ растилъ его Господь долгія лѣта, и стоялъ онъ, человѣка дожидаячися, чтобы извелъ онъ его на свою пользу, да теперь, за грѣхи наши—горитъ теперь безъ пути. Да вотъ, недалеко отъ насъ, въ Хвостиковской волости выгорѣла такая палестина, что посмотришь страшно: отъ Рождествина да почитай до самаго Улангера, верстъ на тридцать выхватило. А лѣсъ-то былъ кондовый, дерево-то не обхватишь. Сказываютъ, что загорѣлось отъ воли Божьей—отъ молнии, а друго дѣло, не знаю я про то доподлинно, отчего тотъ лѣсъ загорѣлся. Ну, дерево хоть и обгорѣло, а все-таки въ дѣло было годное, для того что горятъ вѣдь только хвоя да сучья, а самому дереву ничего не дѣлается. Наши мужички и хотѣли было ку-

пить тотъ горѣлый лѣсъ, на сплавъ въ низовы города. Купцы изъ разныхъ мѣстъ въ Хвостиково тоже прїѣзжали, и не по одинъ разъ смотрѣли тотъ лѣсъ, хотѣли тоже, знаешь, купить его. За весь-то, что его выгорѣло, давали два ста тысячъ на монету, а Василій Трофимычъ, что нами въ ту-пору заправлялъ, написалъ, что этихъ денегъ взять мало, а коли-де сдѣлать торги, такъ больше дадутъ. Требовалъ, видишь ты, родименькій, Василій-то Трофимычъ благодарности двадцать тысячъ, а купцы да мужички его не ублаговторили,—не сходно, знаешь, имъ было. Вотъ по этому самому Василій Трофимычъ и прописалъ, что за два ста тысячъ горѣлый лѣсъ продавать нельзя, казнѣ-де отъ того много убытковъ будетъ. На третій годъ послѣ пожару межевой въ Хвостиково наѣзжалъ, велѣно ему было доподлинно вымѣрять, сколько погорѣло казеннаго лѣсу, и высчитать, сколько придется на продажу бревенъ, и какой толщины будутъ тѣ бревны. Ну, палестина не малая — скоро ли ее вымѣряешь? Межевой-то и наѣзжалъ по два года,—да все-то, кормилецъ, въ самую рабочую пору. Понятыхъ сбивалъ, подводы тоже, ну и благодарности требовалъ, безъ этого ужъ нельзя. Да окромѣ благодарности харчевыя, да свѣчныя, да питейныя. Однѣхъ питейныхъ что на этого межеваго вышло! Человѣкъ-то онъ былъ пьющій, да и съ нимъ-то были все народъ, до винца охочій; такъ бывало, что ни день, а два штофа пѣннику и готовъ. Ну, послалъ межевой планты, куда слѣдуетъ; по времени и вышло объ томъ горѣломъ лѣсѣ рѣшенье: велѣно торги произвести, кто больше дастъ, тому и лѣсъ отдать. А рѣшенье-то послали послѣ пожару на восьмой годъ: той порой лѣсъ-то подгнилъ, повалило его вѣтромъ, и остались однѣ гнилыя колоды, лежатъ комлями вверхъ и новому лѣсу на томъ мѣстѣ расти не даютъ, для того что и корни-то выворотило, и землю отъ этого самаго всю изрыло. Такъ не то чтобы купить казенный тотъ лѣсъ, а еще съ казны стали просить большія деньги, чтобы мѣсто очистить. Денегъ на очистку просить побоялись, такъ и запропало Божье мѣсто: гарь теперь тамъ, да валежникъ, да пни гнилые, въ иномъ мѣстѣ и медвѣдь не пройдетъ. Грибы даже на растутъ, только и пользы, что малиннику много разродилось. Мѣсто хоть совсѣмъ брось, только бѣглымъ да скрывающимъ скитникамъ жилище уготовали, а больше ничего. Такъ вотъ оно что, сказалъ дѣдушка По-

ликарпъ, немного помолчавши. — Какъ же это можно сказать, чтобы мы не жалѣли лѣсу? Сердце вѣдь кровью обольется, какъ завидишь гдѣ лѣсной пожаръ—думаешь, ну какъ онъ пропадетъ задаромъ? Какъ его намъ не жалѣть, родимый? Вѣдь его Богъ не про кого, а про насъ вырастить.

— Ты сказалъ, дѣдушка, что хлѣбъ у васъ плохо родится. Чтѣ же, промыслами что ли какими занимаетесь?

— Какъ же, родименькій? Промысломъ только и живемъ, издѣльемъ то-есть. Хлѣбца-то мало, кулижекъ-то жечь не велятъ, такъ все около лѣску и промышляемъ. Котора деревня ложки точить, котора чашки, а по другимъ смолу сидятъ, лыко дерутъ, рогожи ткуть: лѣскомъ только и живемъ, родимый. Оттого-то вѣдь лѣсокъ-то намъ и любъ, оттого-то мы его и жалѣемъ: вѣдь онъ поить, кормить насъ.

— За попенныя лѣсъ-то берете?

— За попенныя, кормилецъ, за попенныя. Какъ можно безъ попенныхъ? Не велятъ. Да попенныя чтѣ? Деньги онъ не то чтобы великія, а только вотъ заминки отъ нихъ много бываетъ. Лѣсной вѣдь тоже баринъ, стало-быть, благодарности требуетъ. Да это бы еще ничего, — безъ благодарности какъ ему и быть, на то онъ лѣсной. А вотъ иные больно не подходящи бывають, и на руку нечисты: чуть ему слово, а онъ изобѣтъ тебя, какъ ему хочется. Станешь съ нимъ порядкомъ говорить, а онъ свое несетъ: «развѣ, говорить, ты не знаешь, что ты весь въ моихъ рукахъ—застану тебя съ топоромъ въ лѣсу и убить могу до смерти; знаешь ли ты, говорить, что когда лѣсной порубку преслѣдуетъ, такъ можно ему вора изъ ружья застрѣлить? Такъ поэтому ты, говорить, и долженъ держать ухо востро и меня почитать больше, чѣмъ исправника или окружнаго, для того что тѣ только спину тебѣ вздернутъ, а коли я захочу, такъ до смерти застрѣлю.»

И нашъ Иванъ Васильевичъ этакъ же иной разъ пугаетъ. Спервоначалу-то мы думали, что морочить онъ насъ. «Какъ же можно ему человѣка застрѣлить», этакъ, знаешь, думаемъ. Да грамотѣи, изъ нашихъ же мужичковъ, доподлинно вычитали, что и въ самомъ дѣлѣ лѣсная стража, когда кого преслѣдуетъ, можетъ того человѣка убить, и смертное убійство изъ ружья за грѣхъ ей не вѣтняется. Такая статья есть, кормилецъ. Отъ это-

го отъ самаго лѣсной для нашего брата страшнѣе всякаго другаго барина: другой баринъ, какъ великъ ни будь, все-таки живота лишить не можетъ, а лѣсному стало-быть можно. Оно, правду надобно сказать, таковыхъ случаевъ не бывало, и по сторонамъ нигдѣ не слышно, а все-таки по народу отъ того страху много. Какъ же ты послѣ того не удовлетворишь лѣснаго? Вѣдь умирать-то не своею смертию никому не охота; хоть оно, можетъ-быть, онъ и для одной острастки говорить такія рѣчи, однакоже все дѣло въ его рукахъ. Ну, а какъ стрѣльнуть? Тогда что?

А вотъ еще эти издѣльны билеты у насъ ужъ такую они заманку дѣлаютъ, что просто не приведи Господи! Чтѣ мужикъ ни сработаетъ: смолы ли насидитъ, кадушекъ ли, ведеръ ли надѣлаетъ, чашекъ ли наточитъ,—на всякое издѣлье, какъ его продавать везти, долженъ онъ у лѣснаго билетъ выправить. А этотъ билетъ и на дорогѣ у тебя всякій смотритъ, развѣ одинъ лѣнливый про билетъ не спрашиваетъ, и на перевозахъ съ нимъ задержка, и на базарѣ хлопотъ съ нимъ не оберешься. А въ города да на ярмарки лучше и не ѣзди. Всякій тамъ съ тебя сорвать хочетъ: и городничій, и квартальный, и исправникъ; будочникъ привяжется—и будочника ты долженъ угодотворить, а не то скажетъ, что издѣлье изъ краденаго лѣса сдѣлано: вотъ тебя лѣтъ пять послѣ того по судамъ таскать и будутъ. Билетъ же даютъ одинъ, сколько мужикъ ни работаетъ товару, все ему билетъ одинъ. Иной разъ и повезъ бы издѣлье самъ на базаръ, а сына бы послалъ на другой, да страшно: билетъ-то не разорвать стать, а въ томъ мѣстѣ, куда безъ билета прїѣдешь, скажутъ, что ты съ воровскимъ издѣльемъ прїѣхалъ, и такъ тебя оборвутъ, что долго будешь помнить, какъ безъ билета на базаръ выѣзжать.

Тоже вотъ насчетъ штрафныхъ за неуборку вершинъ и сучьевъ сказать — это ужъ выходитъ для насъ немного обидно, родименькій. Вѣдь самъ ты посуди, кому хочется быть штрафованнымъ человѣкомъ? Штрафъ-то хоть и не великъ, всего по гривеннику на билетъ, да слово-то обидно. Да этотъ же штрафъ лѣсной со всякаго беретъ напередъ, вмѣстѣ съ попенными, точно какъ тому дѣлу такъ и надобно быть, чтобы каждый мужикъ штрафился. Ты возьми хоть два гривенника, хоть три возьми —

за этимъ мы не постоимъ, да штрафомъ-то не зови, а то вѣдь, что ни говори, а все ужъ ты выходишь человѣкъ нехорошій, коли съ тебя штрафъ взяли. Да что еще лѣсной-то говорить, какъ пріѣдешь за билетомъ! «Ты, говорить, вершины да сучья не убирай, а какъ отъ этого отъ самаго казенному лѣсу порча будетъ, такъ и подай гривенникъ штрафу, да подай напередъ, чтобы послѣ тебя не отыскивать.» Ну оно вѣдь и горько крещеному человѣку такія рѣчи слушать: вѣдь это все одно, что скажутъ тебѣ, ты-де казну обокралъ. Это дѣло не малое, и обзывать такимъ дѣломъ невиноватаго, кажись бы, не надо.

«А куда убирать вершины да сучья, ни у насъ, ни по другимъ волостямъ мѣстъ не отводятъ, а мѣста наши ровныя: ни горъ, ни овраговъ верстъ на двѣсти во всѣ стороны нѣтъ, валить-то вершины да сучья и некуда. Разъ было кучились мужики лѣсному всѣмъ міромъ кланяться, говорили ему: «укажи-те, молъ, ваше благородіе такое мѣсто.» Такъ онъ, лѣсной-то, поди-ка какъ разлютовался.—«Учить, говорить, что ли вы меня задумали? Объ васъ же, говорить, объ сиволапыхъ, начальство заботу принимаетъ, нарочно штрафы учредило, чтобы васъ не отрывать отъ дѣла, не мучить васъ уборкой вершинъ да сучьевъ, а вы же, мошенники этакіе, еще неблагодарны остаетесь! Да пики, говорить, у меня кто-нибудь хоть единое слово, такъ не то что безъ промыслу, безъ дровъ, безъ лучины, оставлю. Лишу, говорить, того и тепла и свѣта на всю зиму.» Да весь міръ въ зашей и велѣлъ полѣсовнымъ вытолкать. Опослѣ еще похвалился нашему головѣ: «вотъ я, говорить, отведу твоимъ крестьянамъ мѣсто для уборки, верстъ за пятьдесятъ, такъ и будутъ они знать кузькину мать.» Ну, что станешь ты тутъ дѣлать, родимый ты мой? Да нашъ дрюковский лѣсной, Иванъ Васильичъ, еще ничего. Еще Бога надо благодарить за такого начальника. Просто сказать—человѣкъ—душа. И покричить, другой разъ, и побьетъ, и убить погрозится, а все же мужику съ нимъ говорить можно—на рѣчи охочій такой. И много милости еще намъ оказываетъ, дай Богъ ему многолѣтняго здравія. Вотъ хоть насчетъ лажу. Вѣдь прежде, родименькій ты мой, цѣлковый-то четыре рубля двадцать пять копѣекъ ходилъ, а потомъ его на три съ половиной поворотили. Теперь деньги у мужика хоть тѣ же, да счетомъ-то ихъ меньше, такъ оно ихъ какъ-будто и не хватаетъ.

И по всѣмъ мѣстамъ въ нынѣшнее время, гдѣ ты ни послышишь—вездѣ лажъ порѣшенъ, а нашъ Иванъ Васильчъ, дай ему Богъ здоровья, по Дрюковской волости мужичковъ еще до сихъ поръ лажемъ милуетъ. Попенныя деньги—ну, тѣ завсегда беретъ на серебро, а вотъ коли насчетъ другихъ сборовъ, которыя ему слѣдуютъ: за троицки березки, за вѣники, грибной сборъ, орѣховой, ну тамъ еще за стрѣльбу дичины, дровяныя деньги, лучинныя, харчевыя, такъ все это, дай Богъ ему здоровья, съ лажемъ принимаетъ. Оно и выгодно нашему брату, а поэтому самому — хоть Иванъ Васильчъ иной разъ непослушника какого и поизобидитъ, а все же мы имъ довольны остаемся: отецъ родной, а не баринъ. За такимъ лѣснымъ жить можно, и только Бога благодарить надобно; а вотъ какъ по сосѣдству отъ насъ, въ Липовской волости, есть лѣсной Петръ Егорычъ—вотъ баринъ такъ ужь бѣда: строгій настрогій и самый то—есть не подходящий. Слова съ мужикомъ онъ не промолвить, все волкомъ смотреть: ты ему резонъ, а онъ ты въ рыло. Какъ ужь ты его не убоготворяй, а ему все мало. «Мѣсто мое, говорить, въ Питерѣ, а не у васъ въ трущобѣ съ волками да медвѣдами, такъ за это за самое ты и долженъ, говорить, меня убоготворить какъ слѣдуетъ. Да помни, говорить, расканалья ты этакая, что надо мной палата есть, что и самъ я подъ сборами нахожусь.» Ну, что ты съ такимъ бариномъ станешь дѣлать? Вѣдь нашему брату, здѣшнему крестьянину, безъ лѣсу жить никакъ невозможно: лѣсомъ въ нашихъ мѣстахъ народъ только и живетъ. Отъ этого отъ самого всѣ мужички у лѣснаго завсегда въ рукахъ. Что хочетъ онъ, то съ ними и дѣлаетъ. Для насъ онъ самой большой изъ всего начальства,—ну просто баринъ первый сортъ—и все тутъ.

«Придетъ этакъ иной разъ къ Петру Егорычу мужичокъ за билетомъ, принесетъ ему попенныя, ну и почести сколько слѣдуетъ, да коли Петръ Егорычъ на ту пору въ сердцахъ на кого—въ карты когда проиграется, али лѣсничиху въ городъ за покупками снаряжаетъ, такъ и заломитъ онъ съ мужика такую благодарность, что у него, у сердечнаго, инда затылокъ затрепичитъ. Да какъ мужикъ зартачится и въ цѣнѣ не сойдутся, такъ Петръ Егорычъ и молвитъ: «приходи, говорить, завтра.»—Вотъ эдакъ завтра, да завтра да дѣло-то до преподобной Евдо-

кѣи (1) и дотянетъ. Придетъ къ нему мужикъ на Евдокью, тогда онъ ему билетъ выдастъ и окромѣ попенныхъ, — какой есть мѣдный грошъ, ничего не возьметъ. Хоть и давать станеть мужикъ, не возьметъ, а еще зарычить, словно медвѣдь: «я, говорить, человѣкъ благородный, и на такія подлости не пойду, мундира своего, говорить, марать не стану. Какъ ты смѣлъ, говорить, мошенникъ этакой—мнѣ взятки давать? Да за это, говорить, въ Сибирь ты можешь угодить, коли я захочу.» Швырнетъ ему въ рожу благодарность-то, разругаетъ мужика на чѣмъ свѣтъ стоитъ, а иной разъ и поколотить. Да выдавши билетъ, возьметъ да въ томъ билетѣ и пропишетъ, что выдалъ его не на Евдокью, а на Крещенье, либо на Спиридона Поворота (2). Ну, мужикъ, коли еще не былъ ученъ Петромъ Егорычемъ, сдур-ру-то обрадуется, что добылъ билетъ, да на радостяхъ за топоръ да въ лѣсъ. Да только-что успѣетъ свалить деревья, которы въ билетѣ прописаны, Петръ Егорычъ передъ нимъ, и тутъ какъ тутъ, точно изъ земли выросъ. Спервоначалу обругаетъ мужика и спину выпоротъ велить, а потомъ веревками ему руки-ноги скрутитъ, да прикажетъ своимъ полѣсовнымъ въ городъ его свести, за то родименькій, что рубилъ де не въ урочное время, потому что, видишь ты, съ Евдокѣина-то дня рубкѣ лѣсу запреть положенъ, для того что онъ тутъ въ соку бываетъ. А какъ наругается досыта, такъ ружье на мужика-то наставитъ, да и говоритъ: «убью тебя, вора мошенника, и отвѣчать не буду, а жалѣть тебя, говорить, нечего: чорту баранъ готовъ ободранъ. Давай пятьдесятъ цѣлковыхъ, разбойникъ ты этакой, а не то по суду больше возьмутъ.» Ну, коли есть у мужика такіа деньги, отдастъ ихъ Петру Егорычу, а нѣтъ — подъ судъ его Петръ Егорычъ упечетъ,— тамъ и распоясывайся какъ знаешь, да еще въ тюрьмѣ насидишься.

«Лѣтось вотъ этакъ попался ему въ руки внучекъ мой, деревни Жужелки крестьянинъ, Василій Блинниковъ прозывается—моя-то дочка, видишь ты, родименькій, въ деревню Жужелку была выдана: такъ Васька-то мнѣ внучкомъ и приходится. Петръ

(1) Первое марта.

(2) Двѣнадцатое декабря.

Егорычъ затребовалъ съ Васютки шесть золотухъ благодарности, а онъ заупрямился, да и не далъ. Петръ Егорычъ возьми да дѣло-то и затяни за Евдокью, затянулъ, да на самые на Сорокъ мучениковъ (1) и выдалъ Васькѣ билетъ. Благодарности не взялъ, а билетъ прописалъ, что выданъ онъ Васюткѣ за день до Рождества Христова. Васютка дѣломъ не волоча прямо въ лѣсъ: свалилъ пятьдесятъ деревъ, которы въ билетѣ были прописаны, да только-что свалилъ, а Петръ Егорычъ и шастъ въ лѣсъ на то самое мѣсто. Ну, поругалъ, поколотилъ Ваську, убить погорзился и пятьдесятъ цѣлковыхъ сталъ просить. Васька не далъ, онъ его въ городъ. Что же, родимый ты мой? Оцѣнили каждое бревно, по росписанію, по два цѣлковыхъ за каждое, да по суду съ Васютки, сердечнаго, семьсотъ рублей на монету безъ лажу и взяли. Что ты станешь дѣлать? Васютка прежде того дѣла мужикъ былъ справный, по всей волости немного такихъ было, а теперь разорили его въ разоръ да и полно. Пять лошадокъ держалъ, домъ у него былъ полная чаша, а теперь сталъ какъ бобыль какой, и коровенки даже ребятишкамъ на молоко нѣтъ. Думали мы этакъ про себя: не можетъ-де быть такого взысканія, ходили и въ палату и къ губернатору, да вездѣ сказали намъ, что дѣло сдѣлано, какъ ему быть слѣдуетъ. Дальше мы и не просили. Думаемъ себѣ — толку еще пожалуй не будетъ, а деньги-то истеряешь и страху навидаешься. Такъ и бросили.

«Ужь бранилъ же я Ваську, и клюкой побилъ: зачѣмъ, говорю, пещь ты этакой, не ублагодарилъ лѣсничаго шестью золотухами, зачѣмъ опять, говорю, не далъ ты ему пятидесяти цѣлковыхъ. Да, что ужь толковать? стараго не воротишь. Да, родименькой ты мой, вѣдь правду говорятъ, что супротивъ вѣтру не подуешь... Вотъ за этакое Васькино упрямство и покаралъ его Богъ. И самъ-то разорился, и ребятишкамъ-то придется по міру ходить.

«Да, родименькій, ужь коли что слѣдуетъ, такъ ужь оно такъ и слѣдуетъ. На то порядки и сдѣланы, чтобы нашъ братъ ихъ исполнялъ. Вѣдь порядки для насъ же, глупыхъ, сдѣланы, а безъ

(1) Девятое марта.

нихъ какое ужъ житье? Ну, а коли кто супротивъ порядковъ пойдетъ, тотъ и отвѣчай спиной да мошной. Это ужъ такъ и слѣдуетъ. Вотъ и внучку моему, Васюткѣ, такія же рѣчи я говорилъ, да ужъ дѣлать нечего—старого не воротить. А хоть бы и Васютка,—ну, какъ же ему можно было этакъ согрubitъ передъ Петромъ Егорычемъ? Вѣдь лѣсной — то же начальство, да по нашимъ мѣстамъ начальство самое первое, для того что лѣсомъ только и живемъ, а передъ начальствомъ имѣй голову наклонну, а сердце покорно. Всякаго начальства должны мы во всемъ слушаться, что оно ни прикажетъ, и вѣрно за него Бога молить. Такъ какъ же ему можно было огорчать Петра-то Егорыча? И ближній онъ мнѣ человѣкъ, и болѣзнь утробы моей, а надо правду говорить. Что и въ самомъ дѣлѣ?

«И какой еще чудной мой Васютка! Чему онъ скорбитъ! Мнѣ, говорить, обидно не то, что меня ободрали да нищимъ пустили, а то, говорить, что судили меня вмѣстѣ съ Прошкой Малыгинымъ:—ему особенны права дали, а меня разорили.» А Прошка Малыгинъ, родименькій ты мой, ихней же деревни мужичонка есть—воръ отъявленный—и давно бы его мѣсто въ Сибири, али въ арестантской ротѣ, да пять разъ все только въ подозрѣніи оставался. Спервоначалу-то и онъ мужикъ былъ справный, да хмѣлемъ сталъ зашибаться, ну, а зеленѣ мужику на пагубу дано, до добра оно никого не доведетъ. Съякшался Прошка съ кабацкими сидѣльцами и пропилъ все, что у него было, сталъ было и изъ дому таскать цѣловальнику въ закладъ, когда на выпивку не хватало, да старикъ отецъ у него еще живъ, пріостановилъ его, а безъ него пожалуй бы и скотину всю пропилъ и все, что есть въ домѣ. Старикъ отступился даже отъ него, ну такъ связался Прошка съ ворами да съ бѣглыми солдатами, и пошелъ за чужимъ добромъ черезъ заборъ ходить, да на большой дорогѣ у тарантасовъ чемоданы рѣзать. Маялись, маялись съ нимъ ихніе жужельскіе мужики—ну однако же поймали его съ полицнымъ. Въ Жужелку судъ наѣхалъ—временное, то-есть отдѣленіе. Проживало оно у нихъ въ деревнѣ недѣли двѣ слишкомъ, и ужъ куда какво дорого обошлось жужельскимъ мужичкамъ Прошкино дѣло! Вѣдь ужъ это дѣло извѣстное, кто по суду ни наѣхалъ, всякому человѣку, хоть онъ гнилаго дыка не стѣбитъ, а надо припасти и чаю

съ сахаромъ, и вина, и харчей. Въ двѣ-то недѣли временное отдѣленіе курицъ всѣхъ на деревнѣ перерѣзало, родимый, барановъ сколько перекололо, а свиней, гусей и всякой животины не столько переѣли, сколько озорствомъ разбросали. Ну, да что ужъ тутъ говорить—извѣстное дѣло: воръ воруетъ—міръ горюетъ; а воръ попалъ,—такъ міръ пропалъ. Ну, однакоже у Прошки обыскъ былъ дѣланъ, и въ дому у него подъ поломъ краденаго добра нашли много. Посадили вора Прошку въ острогъ, сидитъ тамъ Прошка годъ, сидитъ тамъ Прошка другой, отъѣлся на острожныхъ калачахъ и сталъ быкъ-быкомъ. Однако на третій годъ Прошкино дѣло рѣшили. Вотъ привели его изъ острога въ судъ, выслушать рѣшеніе, да въ этотъ самый день и моего Васютку туда же пригнали. Спервоначалу судьи Васькѣ рѣшеніе вычитали, что взять съ него семьсотъ на монету слѣдуетъ, а опослѣ того Прошкѣ стали вычитывать. Васька-то тутъ же былъ и все слышалъ. Вотъ и вычитываютъ Прошкѣ такой судъ: «слѣдовало бы тебя, деревни Жужелки вора,—Прошку Малыгина, за твое великое воровство послать на житье въ дальны губерніи, да по статьѣ замѣна выходить, и по этой статьѣ слѣдуетъ тебя, Прошку, въ арестантскую роту на полтора года. А какъ де въ нашей губерніи арестантской роты не заведено, такъ по этому самому случаю тебѣ, Прошкѣ, по другой статьѣ друга замѣна выходить: сидѣть тебѣ, вору, въ рабочемъ домѣ два года три мѣсяца. А какъ въ рабочемъ домѣ и безъ тебя, вора Прошки, сидѣльцевъ много, и посадить тебя, мошеника эдакого, некуда, такъ по этому случаю выходить тебѣ, по третьей статьѣ, третья замѣна: велѣно тебѣ, Прошкѣ, дать восемьдесятъ пять розогъ при полиціи». Прочитавши такой судъ Прошкѣ, судья спросилъ его: «доволенъ ли, говорить, ты рѣшеньемъ?» А Прошка ужъ и ногъ подъ собой не слышитъ: радъ-радешенекъ, что замѣсто дальней губерніи одной спиной отвѣтить приходится. Поклонился онъ судѣ въ ноги: «много, говорить, доволенъ вами, по гробъ жизни, говорить, не забуду вашей милости.» А судья ему на то сказалъ: «погоди, говорить,—вѣдь тебѣ, вору и грабителю, еще особенны права будутъ.» Тутъ Прошка и призадумался. «Что же это за особенны такія права? говорить,—спину ли еще мнѣ вдругорядъ стануть драть, али въ острогъ мнѣ еще сидѣть придется,

али деньги съ меня требуются?» Судья ему на то и сталъ пересчитывать: «первое дѣло, говорить:—не бывать тебѣ сиротскимъ опекуномъ; второе дѣло: не будутъ тебя въ свидѣтели брать; третье дѣло: не стануть тебя на мірской сходѣ пускать; а четвертое, говорить, дѣло—ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе, али въ десятскіе какіе-нибудь, не будутъ тебя выбирать во всю твою жизнь». Повалился тутъ опять Прошка судьямъ въ ноги, слезами заливаается: «Отцы, говорить, вы мои родные, благодѣтели вы мои, коли такія есть до меня ваши милости, такъ нельзя ли ужъ еще приписать, чтобы и подводѣ-то съ меня не брали? Вѣкъ бы за васъ сталъ Бога молить.» Ну, однакоже подводами Прошку не помиловали, гоняетъ свою очередь наряду съ другими.

«Вотъ на самое на это и обижался мой Васютка: «Какъ же, говорить, это вышло! Вѣдь по Прошкину дѣлу—воръ Прошка, а по моему дѣлу—воръ не я. Какъ же это съ меня два ста цѣлковыхъ взяли, а Прошкѣ особенны права дали, и сталъ онъ счастливъ на цѣлую жизнь?» Я и говорю ему: «ты молчи, Васька, на то есть порядокъ, и всякому свое счастье, а надъ всѣми Богъ. А ты, я говорю, Бога не гнѣви:—лѣснаго почитай и супротивничать ему не моги, а кому какое счастье Господь на судъ посылаетъ, о томъ не тебѣ, сиволапому дураку, судить. Ты какъ себѣ ни мудри, а Богъ надъ нами, и супротивъ начальниковъ ходить не велѣно. А такая супротивность, говорю, какъ твоя передъ Петромъ Егорычемъ, не въ примѣръ хуже всякаго Прошкина воровства...» Ну, и смирился мой Васютка,—да какъ же ему и не смириться было, родимый ты мой? вѣдь на бѣду попалъ, а бѣда не дуда: вѣдь станешь дуть—такъ слезы идутъ. Вотъ оно что, кормилецъ.

Въ это время послышался колокольчикъ. Тарантасъ мой подѣхалъ къ мельницѣ, я простился съ дѣдушкой Поликарпомъ,

— А не можешь ли ты, родименькій, намъ кулижки-то выхлопотать? проговорилъ дѣдушка Поликарпъ, когда я сѣлъ въ тарантасъ.

— Эхъ ты, съ кулигами еще тутъ! А ты знай плети свои лапти—да языкъ-то не распускай, проговорилъ ямщикъ.—Еще

кулиги захотѣлъ! Какія ужь тутъ кулиги!—Бхать что ли, ваше высокоблагородіе?

— Поѣзжай. Прощай дѣдушка.

И лихой ямщикъ помчалъ меня по гладкой дорогѣ. По вѣременамъ встрѣчались мнѣ мужики съ бочками смолы, съ возами, на которыхъ было наставлено множество ведеръ, кадушекъ, корытъ и всякаго другаго лѣснаго издѣлія. Всѣ они торопливо сворачивали въ сторону, и снявъ шапки, низко кланялись. Должно было они ожидали, что и я потребую у нихъ издѣльнаго билета.

Андрей Печерскій.

ФИЗИОЛОГІЯ ОБЩЕСТВА

(Е. С. Ес....у)

Во всѣхъ слояхъ и проявленіяхъ современной европейской жизни, мы безпрестанно наталкиваемся на понятія *общество*, *общественный*, *общественность*; эти выраженія повторяются всѣми, и придающими имъ сознательный смыслъ, и употребляющими ихъ машинально, вслѣдствіе всеобщаго обыкновенія, моды. Но новое слово, вошедшее во всеобщее употребленіе, никогда не можетъ быть дѣломъ случая; мода на какое-нибудь выраженіе, проникающая во всѣ слои жизни,—не мода на платье, порожденная барышничествомъ портнаго и пресыщеннымъ воображеніемъ свѣтскаго франта; новое слово, новое понятіе знаменуютъ новое явленіе, нерѣдко новую фазу въ развитіи народовъ. И дѣйствительно съ понятіемъ *общество*, проникнувшимъ и въ современную практическую жизнь, и въ искусство, и въ литературу, и въ науку, связано многое; въ немъ обнаруживаются многіе симптомы современнаго и грядущаго движенія въ европейскомъ мірѣ. Потому вторженіе понятія *общество* во всѣ сферы современной жизни заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

I.

Въ толкахъ о воспитаніи мы слышимъ требованіе приговлять ребенка къ тому, чтобы онъ сдѣлался полезнымъ членомъ общества; дабы онъ былъ дѣйствительно полезнымъ членомъ, говорятъ, необходимо воспитать его сообразно съ условіями и требованіями той общественной среды, въ которой онъ будетъ жить и дѣйствовать. Цѣлью воспитанія уже не полагается скрое-ніе человѣка по тѣмъ отвлеченнымъ понятіямъ о чести и добродѣтели, которыя составилъ себѣ воспитатель, какъ бы эти понятія ни были возвышенны; но въ современныхъ воззрѣніяхъ на воспитаніе замѣтно желаніе развить въ молодомъ поколѣніи, вмѣстѣ съ своеобразными и прирожденными свойствами отдѣльных личностей, лучшія стремленія окружающаго ихъ общества, внушить ему сочувствіе къ его идеаламъ, отвращеніе отъ его пороковъ, такъ чтобы юноша, вступая въ практическую жизнь, не обратился въ отвлеченнаго мечтателя, влачащаго свою тоску съ одной станціи до другой, но въ здороваго дѣятеля, стоящаго въ уровень съ тѣмъ обществомъ, посреди котораго ему суждено жить.

Въ романѣ нашъ уже не удовлетворяетъ болѣе или менѣе хитро завязанный и развязанный разказъ, какъ онъ любитъ ее, какія были на тернистомъ пути его любви препятствія, какъ онъ преодолевалъ ихъ, и какъ наконецъ все уладилось къ общему удовольствію. Отъ самаго простаго разказа мы требуемъ отвѣта: въ какой общественной средѣ происходитъ дѣйствіе, требуемъ изображенія въ герояхъ общественныхъ типовъ, требуемъ, чтобы препятствія были дѣйствительно общественныя препятствія, то-есть исходили изъ общественныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, чтобы примиреніе было дѣйствительно возможно, сообразно съ тѣми общественными условіями, которыми вызваны препятствія; наконецъ, если въ обществѣ нѣтъ торжества добродѣтели, то мы не хотимъ его и въ романѣ, какъ ни готовы мы оплакивать судьбу героя, какъ ни восхитительно прекрасна героиня. Но мы идемъ далѣе, мы ожидаемъ отъ искусства художественнаго воссозданія тѣхъ общественныхъ положеній, посреди которыхъ кружится наша жизнь, тревогъ, волненій, бо-

жизней общества; какъ ни успокоительно дѣйствуютъ на нервы пѣснопѣніе о благоуханіи лѣтнаго вечера и теорія творчества, лишеннаго сознанія и разумѣнія, — эстетическая теорія, преклоняющаяся предъ вѣшнимъ обаяніемъ красоты: но публика равнодушно проходитъ мимо всѣхъ этихъ перловъ поэзіи и пластическихъ прелестей, и съ жадностію оставаясь свой взоръ хотя бы на менѣе привлекательныхъ чертахъ этихъ черствыхъ типовъ дѣйствительности, живо снѣдаемыхъ общественнымъ недугомъ въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ Крутогорскѣ. Въ праздношатающейся толпѣ модныхъ франтовъ встрѣчаемъ мы людей, считающихъ священною своею обязанностію разсуждать о повѣсти, въ которой, какъ они слышали, затронуты *общественные вопросы*, хотя бы въ ихъ мысляхъ эти вопросы заключались въ перемѣнѣ узкихъ «раковъ» на широкіе. Какъ въ прежнее время они думали придать себѣ серіозность въ глазахъ прекраснаго пола, выставляя свое знакомство съ политикой, такъ теперь берутъ они за вывѣску своего серіознаго направленія общественные вопросы. Конечно, не отъ нихъ ожидаютъ эти вопросы своего рѣшенія, но намъ всегда казалось, что бессознательный выборъ праздною толпой той или другой вывѣски для своего щегольства лучше всего указываетъ на духъ и направленіе времени.

Въ основаніи самаго пониманія и возсозданія характеровъ, во всѣхъ отрасляхъ современнаго искусства, лежитъ *идея общества*, идея, вполне принадлежащая нашему вѣку. Для современнаго искусства изображеніе и анализъ характеровъ, страстей, добродѣтелей, пороковъ общечеловѣческихъ, не имѣетъ уже значенія; теперь всѣ требуютъ, чтобы общечеловѣческое и индивидуальное были облечены въ *общественный типъ*. Понятіе *типа* преобладаетъ вездѣ, и въ литературѣ, и на театрѣ, и въ живописи, и даже начинаетъ проникать въ ваяніе; а что же такое *общественный типъ*, какъ не частный характеръ, разившійся въ ту форму, какая налагается на отдѣльнаго чловѣка условіями среды, въ которой онъ живетъ? Отсюда блистательные успѣхи *типистовъ*, *tableaux de genre*, во всѣхъ родахъ искусства. Попытка изобразить общіе характеры въ родѣ Лабрюеровскихъ, хотя бы со стороны самаго мощнаго художника, не возбудила бы въ наше время никакого любопытства.

Самое понятіе *общественнаго порока* есть понятіе новое, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ явился въ европейской литературѣ начиная со второй четверти XIX столѣтія. И въ прошедшемъ вѣкѣ, любознательные путешественники описывали народные нравы и обычаи посѣщенныхъ странъ, народные предразсудки и суевѣрія; но въ настоящее время намъ уже недостаточно знать подобныя этнографическія особенности народа, болѣе или менѣе странныя и уродливыя. Мы хотимъ знать нравственный его воззрѣнія, развившіяся подъ вліяніемъ его историческихъ судебъ и условій настоящаго общественного порядка. Современные моралисты, и свѣтскіе и духовные, уже перестали однообразно оплакивать грѣховную нечистоту челоуѣка, необузданность его страстей и т. д.; они гремятъ противъ общественного порока, противъ того нравственнаго міазма, который, распространяясь между людьми, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ общественныхъ ихъ отношеній, даетъ извѣстное, опредѣленное направленіе ихъ наклонностямъ, эпидемически дѣйствуетъ на ихъ волю, на ихъ умъ, на ихъ нравственную слабость.

Историки прошедшаго времени, и между ними самыя глубокіе, излагали возникновеніе государствъ, развитіе ихъ могущества и упадокъ, измѣненіе въ формахъ правленія, касались нѣсколько законодательства, характера монарховъ, правителей, министровъ, и упоминали о народѣ только въ тѣ моменты, когда, на внѣшней поверхности исторіи, онъ являлся созидющимъ и разрушающимъ государственный порядокъ. У историковъ XIX вѣка народъ, *общество*, являются на первомъ планѣ; они вводятъ насъ въ ту внутреннюю лабораторію народной жизни, въ которой издалека, иногда за нѣсколько вѣковъ, вырабатываются тѣ политическія событія, въ которыхъ добродушіе прежнихъ историковъ видѣло только суровый нравъ правителей, не удавшуюся придворную интригу, волненіе черни. Намъ стали разказывать исторію народа, исторію общества, часто едва упоминая о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ и собственныхъ именахъ, сокрушавшихъ память прежняго школьнаго люда.

Со всѣхъ сторонъ вокругъ насъ раздаются воззванія къ *общественному мнѣнію*, требованія гласности, публичности, общественного суда. На общественное мнѣніе ссылаются, обществен-

наго мнѣнія желаютъ всѣ правительства, къ нему прибѣгаютъ самыя противоположныя направленія и интересы. Безпрестанно стараются обмануть, поддѣть, подкупить общественное мнѣніе; но обманываютъ, подкупаютъ только силу. И дѣйствительно, общественное мнѣніе, въ современной Европѣ, стало силой. На него опираются, въ него рѣдятся всѣ оттѣнки убѣжденій; при крайнемъ размельченіи партій одно только общее у всѣхъ желаніе, искреннее или притворное,—желаніе *общественнаго мнѣнія*. Во всемъ рознятся, въ одномъ согласны, въ томъ, чтобы общественному мнѣнію данъ былъ возможно-большій просторъ.

И въ самый міръ отвлеченной мысли, религіознаго созерцанія, въ кабинетъ ученаго, въ келью монаха вторгается свѣжій воздухъ *общественности*. И отъ ученаго, какъ бы ни были далеки отъ практическихъ интересовъ его изслѣдованія, требуютъ живаго слова, понятнаго массѣ, обществу, и отъ отшельника ждутъ горячей проповѣди для воодушевленія массы, для бичеванія *общественнаго* зла. Но и самъ современный мыслитель ищетъ единенія съ обществомъ; послѣ побѣдъ отвлеченной мысли въ мірѣ науки, онъ видитъ ея торжество въ общественномъ вліяніи; въ призваніи ученаго онъ видитъ и *общественное призваніе*.

Если мы взглянемъ теперь на теченіе практической жизни въ Европѣ, то общественный элементъ еще болѣе выступаетъ наружу. Всѣ интересы современной жизни превращаются мало-по-малу въ *общественные*, или уступаютъ имъ мѣсто. Такова участь и интересовъ науки, и искусства, и промышленности, и политики; и частные и государственные поглащаются въ общественныхъ. Возникаетъ вопросъ въ наукѣ, и для разрѣшенія не только сходятся между собою ученые одного города, одной страны, но учреждаются конгрессы, ученыхъ всѣхъ странъ и народовъ. Таковы международные конгрессы собиравшіеся въ разныхъ пунктахъ Европы для статистики, таможенъ, благотворенія, и т. д. Значеніе подобныхъ всемірныхъ сѣздовъ ученыхъ знаменательно; собираются люди, живущіе подъ самыми разнообразными условіями мѣстности, племени, наконецъ — и это самое главное—подъ самыми разнообразными условіями политическими, люди ничего не имѣющие между собою общаго, кромѣ интереса

науки, или интереса того теоретическаго вопроса, который ихъ собралъ. Но чтобы интересъ науки или теоретическаго вопроса могъ собрать вокругъ себя столько людей, съ самыхъ противоположныхъ точекъ земнаго шара и политическаго міра, чтобы подобный конгрессъ, вызванный не административнымъ распоряженіемъ, составленный изъ представителей, не имѣющихъ никакого офиціального полномочія, могъ имѣть вліяніе на судьбы разрѣшающагося вопроса внутри каждаго отдѣльнаго государства, — для этого нужно, чтобы интересъ науки сдѣлался *интересомъ общественнымъ*. Членъ международнаго конгресса является здѣсь не просто частнымъ лицомъ, ибо тогда конгрессъ не имѣлъ бы никакого авторитета, а между тѣмъ авторитетъ ему необходимъ, и онъ его имѣетъ. На конгрессѣ рѣшается вопросъ о наиболѣе выгодной, для науки и администраціи, организаціи статистическихъ работъ во всѣхъ государствахъ; конгрессъ не можетъ ничего и никому предписать, его административная власть менѣе власти самаго небойскаго волостнаго писаря; а между тѣмъ къ сужденіямъ конгресса всѣ прислушиваются, и его рѣшенія дѣйствительно имѣютъ вліяніе на устройство статистической части во многихъ государствахъ. Членъ конгресса присутствуетъ на немъ вовсе не какъ подданный какого-нибудь государства, не какъ подданный Англіи, Бельгіи, Франціи, Америки: онъ не имѣетъ на это никакого полномочія, никакого права; притомъ же, въ случаѣ такого полномочія, рѣшенія конгресса были бы обязательны. Членъ конгресса есть вопервыхъ членъ общества, — англійскаго, французскаго, бельгійскаго, американскаго образованнаго общества, — и вовторыхъ членъ того всемірнаго ученаго общества, которое, несмотря ни на какія разъединенія физическія, племенные, политическія, имѣетъ одни и тѣ же интересы, чувствуетъ себя солидарнымъ во всѣхъ своихъ членахъ, гдѣ бы они ни жили, на берегахъ Миссисипи или Дуная. Вопросъ политическій можетъ внушать совершенно иныя чувства жителю Дуная, иныя — жителю Миссисипи; но вопросъ статистики влечетъ ихъ обоихъ въ одну и ту же сторону. Въ искусствахъ, въ промышленности — то же явленіе; сотни тысячъ людей со всѣхъ концовъ земнаго шара собираются вокругъ всемірныхъ выставокъ; представители народнаго труда и генія непрерывно стремятся къ самой высшей чести получить награду изъ рукъ цѣнителей,

собранныхъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, выставки устраиваются, организуются частною дѣятельностію; ихъ воодушевляетъ *общественный интересъ*. Въ промышленности каждое частное предпріятіе разрастается въ общественное, ищетъ себѣ опоры, мысли, суда во всемъ обществѣ; всѣ частныя дѣятельности связываются въ одну; самая ничтожная затѣя какого-нибудь спекулянта интересуется все общество; акціи дають возможность соединить сотни, тысячи людей, которые будутъ идти по одному направленію, будутъ воодушевлены одною мыслию, однимъ *общественнымъ дѣломъ*. И промышленныя предпріятія все болѣе и болѣе обобщаются, распространяются, проникаютъ во всѣ изгибы и закоулки общества; связываютъ отдѣльныя нити труда и мысли къ одной цѣли, къ одной системѣ общественныхъ интересовъ. Возникаютъ громадныя компаніи, которыя обхватываютъ собою не только цѣлое государство, но нѣсколько государствъ, цѣлыя части свѣта, скоро весь земной шаръ; этими компаніями созидаются общіе интересы для всѣхъ частей государствъ, странъ, частей свѣта. Владѣлецъ 500 акцій главной компаніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, житель ли онъ Петербурга, Саратова, Парижа, Лондона, Бостона—имѣетъ одинъ и тотъ же интересъ; конечно, кромѣ участія, принимаемаго имъ въ успѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, у него могутъ быть другіе интересы, нравственные, умственные, религіозные, но важно уже то, что есть хотя одинъ общій интересъ. Этотъ интересъ не подчиняется никакимъ мѣстнымъ особенностямъ, онъ одинаковъ, онъ тождественъ и у жителя Петербурга, и у жителя Саратова, Лондона, Бостона, и у Русскаго, и у Англичанина, и у католика, и у протестанта, и у бонапартиста, и у англійскаго хартиста, и у купца города Шуи, и у петербургскаго дѣла. Въ силу этого интереса люди самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій могутъ въ данную минуту желать одного и того же, стремиться къ одной цѣли, употреблять отдѣльныя усилія на одно общее дѣло; напримѣръ и бонапартистъ, несмотря на всю отвагу своего воинственнаго духа, и купецъ города Шуи, несмотря на всю силу воспоминаній 1812 г., ненависть къ антихристу—Французу, могутъ заодно желать мира, безпошлиннаго провоза въ Россію иностранныхъ рельсовъ, пріѣзда иностранныхъ мастеровъ и т. д. Странно имъ встрѣтиться въ одномъ желаніи; но

можетъ-быть они того и не знаютъ, что у нихъ одинъ и тотъ же общественный интересъ. Вспомнимъ одну изъ мыслей, указанныхъ компаніею *Crédit Mobilier* въ ея отчетахъ, мысль о международномъ кредитѣ, то-есть выпускъ такихъ кредитныхъ билетовъ компаніи, которые бы обращались во всѣхъ государствахъ, обмѣнивались повсюду на всякія другія цѣнности и такимъ образомъ замѣняли бы во многихъ случаяхъ монету, съ тою только разницею, что монета всякаго государства имѣетъ весьма тѣсный кругъ обращенія, а бумажныя деньги, выпускаемыя правительствами, принимаются въ торговыхъ оборотахъ исключительно только въ предѣлахъ своего государства, тогда какъ бумажные знаки компаніи *Crédit Mobilier* имѣли бы силу и кредитъ всюду. До сихъ поръ эта мысль еще не осуществилась. Мы не станемъ здѣсь ни порицать, ни восхвалять ее; пока для насъ важно только то, что нѣтъ никакихъ, ни практическихъ, ни теоретическихъ препятствій къ ея выполнению. Такимъ образомъ естественнымъ ходомъ вещей возникла бы въ Европѣ монета *частная* и притомъ *всеобщая*; послѣдствія этого порядка вещей для промышленности и торговли были бы велики. Предпріятія французской компаніи *Crédit Mobilier* весьма разнообразны; многія изъ нихъ даютъ совершенно новый видъ современнымъ промышленнымъ сдѣлкамъ. Мы никакъ не думаемъ, чтобы учредителямъ этой компаніи принадлежала честь открытія новыхъ политико-экономическихъ истинъ или новыхъ путей для народнаго хозяйства; мы скорѣе думаемъ, что новый характеръ нѣкоторыхъ его финансовыхъ предпріятій есть послѣдствіе естественнаго движенія современной экономической жизни народовъ, что *Crédit Mobilier* только ловко воспользовался новыми промышленными условіями. Во всякомъ случаѣ мы указали на одно явленіе, въ которомъ частная общественная дѣятельность мало-по-малу замѣняетъ или лучше весьма скоро можетъ замѣнить государственную; это явленіе, при всемъ кажущемся своемъ ничтожествѣ, принадлежитъ именно къ такому кругу, который доселѣ считался неотъемлемою прерогативой государства и былъ совершенно закрытъ для частной дѣятельности.

Повсюду въ политической жизни европейскаго міра (причисляемъ сюда и образованныя части народонаселенія Америки) выступаетъ наружу общество, и общественные интересы по-

стоянно болѣе и болѣе заглушаютъ собою политическіе или государственные въ тѣсномъ смыслѣ. Отвлеченнымъ реформаторамъ и утопистамъ, конечно, никогда не принадлежали ни настоящее, ни будущее; но имъ принадлежитъ значительное мѣсто въ исторіи развитія человечества, если только ихъ дѣятельность не была совершенно изолированная, а сопровождалась нѣкоторымъ отголоскомъ въ народныхъ массахъ, встрѣчала въ нихъ какое-нибудь сочувствіе. Если, по отзывамъ врачей, въ характерѣ преобладающихъ въ данную эпоху душевныхъ болѣзней всегда отражается духъ времени и настроеніе всего общества, то тѣмъ болѣе мы обязаны примѣнить это ко всѣмъ восторженнымъ и мечтательнымъ движеніямъ, обнаруживающимся въ нѣкоторыхъ членахъ общества. Въ утопическихъ твореніяхъ вѣка отражается его духъ, его сокровенныя думы и идеалы; въ той жадности, съ которою прислушиваются къ нимъ массы, скрывается болящая сторона вѣка. Конечно эти мечты не трезвая дѣятельность народной мысли, а скорѣе грезы больного; но этотъ сонъ, на которомъ онъ на минуту отводитъ душу отъ своихъ страданій, находится въ тѣсной, органической связи съ самыми страданіями. Утопія—призракъ, миражъ—это такъ, — но онъ образовался въ той самой атмосферѣ, которою окруженъ путешественникъ, онъ свидѣтельствуетъ о состояніи этой атмосферы, въ немъ отражается какая-нибудь все-таки дѣйствительная страна; къ ней когда-нибудь да можетъ добрести путешественникъ, въ своемъ безконечномъ шествіи, хотя въ миражѣ страна представлялась совершенно въ другомъ видѣ, можетъ быть, въ самомъ извращенномъ. Во всякомъ случаѣ, исторія не можетъ пренебрегать утопическими стремленіями времени, это одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ ея матеріаловъ. Толпы реформаторовъ и утопистовъ стоятъ при самомъ исходѣ прошедшаго вѣка и началъ нынѣшняго, особенно во Франціи; съ двадцатыхъ годовъ на нихъ обращены всѣ взоры, къ нимъ прислушиваются народныя массы, ихъ афоризмы вытверждаются наизусть въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, въ тѣхъ слояхъ, гдѣ, казалось бы, работа мышцъ должна была парализировать всякую работу мозга. Но это движеніе не политическое, въ немъ не поднимается ни одинъ политическій вопросъ, въ немъ не слышится жалобы ни на одну государственную форму или силу; всѣ твердятъ о не-

необходимости измѣненія *общественнаго порядка*, объ обществен-
ныхъ реформахъ. Всѣ планы идеальнаго порядка вещей, самыя
крайнія и пылкія требованія затрогиваютъ, въ самыхъ основа-
ніяхъ, религіозныя, нравственныя, юридическія, экономическія
стороны народной жизни, но они могли бы одинаково быть при-
мѣнены (или лучше одинаково не сбыточны) при всякой внѣш-
ней государственной формѣ; во всякомъ случаѣ, въ нихъ нѣтъ
никакой положительной вражды ни противъ одной государ-
ственной формы, ни противъ одного государственнаго учреж-
денія. Еслибы внутреннія условія общественной жизни не
были противны формамъ, которыя хотѣли наложить на нихъ
разнообразныя ученія западныхъ соціалистовъ и коммуни-
стовъ, то эти формы были бы одинаково совмѣстимы и съ Китай-
скою имперіей, и съ восточнымъ сатрапствомъ и съ Сѣверо-
Американскимъ Союзомъ. Во всѣхъ ученіяхъ и на всѣхъ зна-
менахъ слова: семейство, собственность, трудъ, капиталы,
рабочій классъ, капиталисты, кредитъ; яростныя клики—противъ
существующаго порядка всѣхъ этихъ общественныхъ отношеній,
восторженные—о возможности пересозданія ихъ на иныхъ на-
чалахъ; но ни единой искры вражды противъ того или другаго
государственнаго института, ни единой мечты, связанной съ тою
или другою государственною формою. И все это весьма есте-
ственно: и самыя крайнія злоупотребленія собственности и са-
мыя крайнія ея теоріи одинаково примирялись, одинаково были
бы совмѣстимы съ самыми противоположными политическими
формами. По какому-то недоумѣнію, 1848 годъ соединяетъ во
Франціи на одну сторону и партіи, враждующія противъ обще-
ственнаго порядка, и остатки нѣсколькихъ чисто-политическихъ
партій; неожиданно, въ нѣсколько часовъ, прежнія государствен-
ныя силы исчезаютъ, и политическая власть переходитъ въ руки
политическихъ агитаторовъ и враговъ существующаго экономи-
ческаго порядка. Первые получаютъ перевѣсъ, и такимъ обра-
зомъ поставлены въ радикальное противорѣчіе съ самими собою.
Здѣсь и начинается печальная исторія ихъ несостоятельности.
Они все время говорили о различіи общества и государства, о
правахъ общества, о необходимости общественныхъ реформъ, о
своемъ равнодушіи къ политическимъ вопросамъ; теперь въ ихъ
рукахъ государственная диктатура. Весь государственный по-

рядокъ поколебленъ; отъ нихъ ожидаютъ государственныхъ распоряженій, государственной дѣятельности, но у нихъ нѣтъ никакихъ государственныхъ принциповъ, никакихъ политическихъ убѣждений. Короткое время французской республики окончательно доказало и несостоятельность государственной диктатуры на почвѣ общественныхъ вопросовъ, и несостоятельность утопистовъ на государственной почвѣ. Если этотъ трехлѣтній конкурсъ надъ несостоятельностью социалистовъ повлекъ за собою окончательное ихъ банкротство, то, съ другой стороны, развязка его доказала и совершенную несостоятельность всѣхъ политическихъ партій во Франціи. Полею овладѣла именно та партія, которая имѣла въ то время наименѣе политическаго значенія; овладѣла она полемъ не потому, что заключала въ себѣ симпатіи всѣхъ партій, но потому именно, что къ ней были всѣ одинаково равнодушны. Торжествующая партія не несла за собой никакихъ новыхъ политическихъ убѣждений, которыя бы могли соединить вокругъ себя массы или обобщить нѣсколько мелкихъ партій въ одну болѣе крупную и болѣе сильную; мысль, соединившая всѣхъ не къ признанію ея торжества, но къ безмолвію передъ нимъ, мысль, громко высказывавшаяся со всѣхъ сторонъ, была — *спасеніе общества*. *Il faut sauver la société* — говорилось со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ кружкахъ, во всѣхъ журналахъ, прежде и послѣ переворота. По поводу декабрьскаго переворота много говорилось людьми самыхъ различныхъ, противоположныхъ убѣждений, о ничтожествѣ политическаго характера Французовъ, объ упадкѣ самостоятельнаго сознанія въ народѣ, о непоследовательности его, о томъ всеобщемъ равнодушіи, съ которымъ онъ переходитъ отъ одной политической формы къ другой. Мы полагаемъ, что въ это всеобщее *равнодушіе*, если только можно назвать равнодушіемъ то состояніе умовъ, въ которомъ находилась Франція, во время декабрьскаго переворота, надо вникнуть поглубже. Спрашивается, былъ ли бы принятъ съ такимъ же равнодушіемъ переворотъ, который бы далъ торжество сильнымъ землевладѣльческимъ интересамъ, со всѣми атрибутами разныхъ феодальныхъ привилегій? Такой переворотъ былъ рѣшительно невозможенъ, — въ этомъ конечно никто не усумнится; но не потому невозможенъ, чтобы во Франціи уже вовсе не было людей, которымъ бы подобный порядокъ

вещей улыбался. На внѣшнемъ политическомъ переворотѣ всѣ примирились, ибо съ тѣми или другими политическими формами не было связано въ массахъ никакой глубокой симпатіи и никакой глубокой вражды. По политическимъ принципамъ всѣ партіи одинаково ненавидѣли государственную диктатуру, — и, несмотря на то, всѣ покорились ей, ибо она была необходима для общественныхъ вопросовъ. Вокругъ этихъ вопросовъ сосредоточились всѣ страсти, вся злоба, вся ненависть, вся любовь. Но на этой почвѣ переворотъ заключалъ много задатковъ для всѣхъ партій, столько, сколько не могла дать ни одна изъ нихъ: онъ не предсуждалъ ни одного вопроса, онъ не давалъ возможности ни одному изъ враждующихъ общественныхъ интересовъ организовать насильственнымъ образомъ въ ущербъ другимъ. Все это отрицательныя достоинства; но на нихъ примирились съ государственною диктатурой, исходшею изъ декабрьскаго переворота. Дальнѣйшія ея судьбы зависать сколько отъ нея самой, столько же и едва ли не больше отъ тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые созрѣютъ при ней и придутъ между собой къ той или другой сдѣлкѣ. Но несправедливо было бы не упомянуть, рядомъ съ отрицательными достоинствами декабрьскаго переворота, и о нѣкоторыхъ другихъ положительныхъ его отношеніяхъ къ общественнымъ вопросамъ во Франціи. Онъ опирался на двухъ силахъ: всеобщей подачѣ голосовъ и войскъ. Всеобщая подача голосовъ была единственное требованіе, предъявленное февральскимъ движеніемъ и получившее какой-нибудь практическій смыслъ, — единственное убѣжденіе взволнованныхъ массъ, развившееся въ формы государственнаго убѣжденія. Войско было единственный зрѣлый общественный элементъ; мы не называемъ здѣсь войска чисто-государственнымъ элементомъ, ибо съ нимъ не соединилось никакихъ политическихъ убѣжденій; это были не наемники, не преторіанцы, и не послушная бездушная сила, готовая признать власть перваго встрѣчнаго. Не таково войско во Франціи; это единственная общественная группа, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ и всеобщею популярностію. Такого характера не имѣютъ ни работники, ни капиталисты, ни богатые землевладѣльцы. Наконецъ, вокругъ имени Наполеона соединились единственные народныя воспоминанія, не утратившія своей свѣжести и своей поэзіи,

единственные народные предрассудки, не утратившіе всей живности, всей творческой силы народного суевѣрія.

Намъ было бы весьма грустно, еслибы слова наши были приняты за попытку оправдать насильственный переворотъ; по нашимъ глубокимъ убѣжденіямъ, намъ противны всякаго рода насильственные перевороты, съ какой бы стороны они ни приходили. Мы хотѣли здѣсь только указать на факты, и, въ мѣрѣ нашего пониманія, объяснить ихъ, вывести наружу ту внутреннюю мысль, которую они въ себѣ воплощаютъ вслѣдствіе историческаго движенія общества. Отъ свободнаго произвола историческихъ лицъ, которымъ, по волѣ Провидѣнія, суждено осуществить эту мысль, зависитъ избраніе тѣхъ или другихъ средствъ къ осуществленію. Въ выборѣ этихъ средствъ заключается нравственное осужденіе или оправданіе личностей передъ судомъ исторіи. Здѣсь насъ занимаетъ только послѣдовательность событій въ западно-европейскомъ обществѣ; объяснять послѣдніе перевороты во Франціи крайнимъ развращеніемъ народа, упадкомъ его національнаго гениа, его историческою агоніею—мы не въ силахъ. Ибо противъ подобныхъ объясненій краснорѣчиво говорятъ всѣ современные успѣхи Франціи на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности.

Но не въ одной Франціи замѣчается въ настоящее время совершенное разстройство политическихъ партій. Оно повсемѣстное въ западной Европѣ; во Франціи оно достигло только своего крайняго апогея; въ странахъ, отставшихъ отъ современнаго промышленнаго движенія—въ Италіи, Испаніи, оно менѣе замѣтно, на передовыхъ постахъ этого движенія,—болѣе. Въ Англіи, въ классической странѣ политической свободы, строго сформулированныхъ политическихъ убѣжденій, строго поставленныхъ граней между политическими партіями,—прежнія партіи смѣшались, онѣ до сихъ поръ не могутъ подняться отъ того удара, который нанесенъ былъ имъ государственною дѣятельностію Роберта Пилля. Эта дѣятельность, принявъ въ основаніе промышленные и общественные интересы народа, насущныя требованія того внутренняго движенія, которое постепенно, но неуклонно подкапывается подъ средневѣковыя привилегіи, связывающія между собою всѣ части государственнаго и общественнаго организма Англіи,—эта дѣятельность бодро стала поперекъ всѣмъ прежнимъ разграни-

ченіямъ политическихъ партій, поперекъ вигамъ и торіямъ. Консерваторъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Робертъ Пиль произвелъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ сословіи въ Англіи такую реформу, отважность которой далеко оставила за собой всѣ либеральныя пополюзованія виговъ. Съ тѣхъ поръ виги и торіи—едва не мертвая буква въ Англіи; министерства состояются изъ разныхъ комбинацій, берушихъ своихъ членовъ въ обѣихъ партіяхъ.

Въ другихъ странахъ западной Европы еще большее отсутствіе организованныхъ политическихъ партій, рѣзкихъ отличій между чисто-политическими воззрѣніями. Доказательство этому уже можно видѣть въ томъ, что чисто-политическіе вопросы улаживаются весьма скоро и легко, посредствомъ разныхъ взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ; для примѣра можно бы представить нѣсколько вопросовъ внѣшней политики, возбуждавшихся въ последнее время, грозившихъ войною и улаженныхъ дипломатіей къ общему удовольствію. Такъ нефшательскій вопросъ, въ которомъ однако дѣло шло объ исключеніи цѣлой области изъ государственной территоріи одной изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но въ настоящее время никакая партія никогда и не помышляетъ требовать войны или оправдывать ее во имя государственныхъ вопросовъ, для увеличенія государственной территоріи, блеска и славы государства, политическаго вліянія лицъ, стоящихъ во главѣ государства, на меньшія государства и т. д. Если подобныя побужденія и могутъ руководить тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, то во всякомъ случаѣ они бережно скрываются за громко-высказываемыми требованіями другаго рода: говорятъ о необходимости учрежденія новыхъ путей для торговли, объ открытіи морей для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ, о защитѣ притѣсняемымъ народностямъ. Последняя восточная война грозила, въ глазахъ всѣхъ, рядомъ нескончаемыхъ браней, и внутреннихъ и внѣшнихъ, вслѣдствіе тѣхъ многосложныхъ общественныхъ и народныхъ интересовъ, которые въ связи съ нею готовы были пробудиться и придти къ столкновенію въ роковой, безграничной борьбѣ. Интересы не пробудились, и на чисто-политической почвѣ война стихла весьма скоро; въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто-государственныхъ вопросовъ миръ утвердился

весьма легко и на довольно-прочныхъ основаніяхъ, несмотря на всю злобу, какою горѣли оба стана въ началѣ войны.

Размельченіе и блѣдность политическихъ партій, скудость опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій или лозунговъ, соединяющихъ отдѣльныя личности въ цѣлыя группы партій, еще болѣе выказываются при сравненіи ихъ съ партіями на поприщѣ вопросовъ общественныхъ, научныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ. Здѣсь мы видимъ несравненно болѣе ожесточенія, болѣе строго-опредѣленныхъ принциповъ, и менѣе путей для примиренія. Вездѣ вопросъ о свободѣ торговли раздѣляетъ людей на два стана: протекціонистовъ и фритредеровъ, которыхъ отличительные признаки для насъ гораздо яснѣе, чѣмъ такъ-называемыхъ консерваторовъ и либераловъ; то же самое можно сказать и о партіи, которая требуетъ насильственной, искусственной организаціи народнаго хозяйства, и партіи, защищающей естественный промышленный порядокъ, тоже о партіи католической и партіи свободы религіи, и т. д. Легитимисты, конституціоналисты, республиканцы — названія, едва не потерявшія всякое значеніе, всякое внутреннее содержаніе; представители тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ — поземельныхъ владѣній, капиталовъ, труда, науки, церкви, религіозныхъ сектъ, — все это представители понятій живыхъ, имѣющихъ плоть и кровь въ современной жизни. Мы видимъ не только безсиліе отдѣльныхъ личностей предъ силою общественнаго мнѣнія, но безсиліе цѣлыхъ парламентовъ, большинства которыхъ не могутъ ни сокрушить, ни удержать министерства, дѣйствующія согласно или вопреки общественному мнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ экономическіе и общественные вопросы болѣе или менѣе затрогиваютъ политическую почву, но только косвенно; всѣ они прямо построены на тѣхъ или другихъ общественныхъ интересахъ, ими обуславливаются, отъ нихъ получаютъ свое направленіе. Всякая государственная мѣра, всякая государственная форма оправдывается или осуждается въ настоящее время вреднымъ или благотѣльнымъ вліяніемъ на общественное благосостояніе, нравственное или матеріальное; поклонники тѣхъ или другихъ государственныхъ формъ, ради абсолютной отвлеченной прелести или пластической стройности этихъ формъ, — въ наше время весьма рѣдки. Наконецъ, замѣтимъ повсемѣстное развитіе въ Европѣ мѣстныхъ вопросовъ о внутренней орга-

низациі общинъ, товариществъ, которыя возникаютъ нынѣ на почвѣ личной свободы, свободнаго труда, и привлекаютъ къ себѣ массы несравненно болѣе, чѣмъ политическіе вопросы.

Мы бѣглымъ образомъ взглянули на разныя стороны современной жизни въ европейскомъ мірѣ, и вездѣ встрѣтились съ понятіемъ *общества*; цѣль нашего очерка не была собственно изученіе и изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ явленій, въ которыхъ это понятіе преобладаетъ; мы хотѣли только доказать, что это понятіе не выдуманное, что оно обнаруживается въ сознаніи массъ дѣйствительными фактами. Но чтобы еще болѣе очевиднымъ образомъ выдвинуть впередъ необходимость этого новаго понятія въ движеніи современной жизни, необходимость его для разумности этого движенія, — взглянемъ на отношенія главныхъ результатовъ современнаго общественнаго развитія къ политическому міру или къ сферѣ государства.

Мыслители всѣхъ отѣнковъ убѣжденій, всѣхъ школъ, всѣхъ направленій — согласны въ томъ, что современно-историческое движеніе западно-европейскихъ народовъ представляетъ рѣшительное, ежедневно усиливающееся развитіе демократическаго духа, то-есть, стремленіе къ уравнию всѣхъ правъ и обязанностей отдѣльныхъ личностей, къ сглаживанію всѣхъ привилегій и преимуществъ, завѣщанныхъ средними вѣками отдѣльнымъ сословіямъ, корпораціямъ, союзамъ, къ равномерному распредѣленію между всѣми членами государства даровъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія. На успѣхи демократіи одни смотрятъ восторженно, другіе съ досадою, третьи съ грустію, но всѣ сколько-нибудь мыслящіе признаютъ ихъ, въ нихъ не сомнѣваются. Еще недавно свидѣтельствовали объ этихъ успѣхахъ такіе голоса, какъ Монталамберъ и Гизо; конечно, ихъ свидѣтельство не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи. А между тѣмъ, какія требованія предъявляетъ демократическое движеніе государству, политической власти? Оно требуетъ отъ него уничтоженія остатковъ всѣхъ средневѣковыхъ сословныхъ привилегій, всѣхъ тѣхъ преимуществъ, вслѣдствіе которыхъ одна часть народонаселенія насильственно была привлекаема къ услугамъ другой, недопущенія никакихъ новыхъ привилегій и монополій въ государствахъ, основанныхъ на политическихъ и гражданскихъ преимуществахъ сословій, званій, корпорацій; требуетъ равенства

всѣхъ перельсудомъ и закономъ. Таковы требованія сколько-нибудь трезвой демократіи, предъявляемыя государству дѣйствительно существующему, а не воображаемому. Кажется, очевидно, что всѣ эти требованія чисто-отрицательныя, или лучше, вся та дѣятельность, къ которой они обязываютъ государственную власть, дѣятельность чисто-отрицательная. Государственная власть не должна дѣлать то-то, не должна покровительствовать одному классу преимущественно предъ другимъ, одному интересу преимущественно предъ прочими, не должна препятствовать распространенію просвѣщенія, благосостоянія въ массахъ и т. д. Мы понимаемъ, что вслѣдствіе этихъ обязанностей возникаетъ цѣлый рядъ положительныхъ мѣропріятій внутренней и внѣшней политики; но конечная цѣль ихъ все-таки отрицательная. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, достаточно взглянуть на другую характеристическую черту духа времени въ западной Европѣ; всѣ общественные интересы, находящіеся въ самой непримиримой враждѣ между собою, всѣ направленія мнѣній, такъ безконечно разнообразныя въ современной Европѣ, разбѣгающіяся по такимъ противоположнымъ путямъ, согласны въ одномъ—въ ненависти къ бюрократическому духу, чрезмѣрно развившемуся въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы. Бюрократія, выросшая въ западной Европѣ на развалинахъ средневѣковаго зданія, была именно та сила, съ помощію которой монархи боролись противъ феодальныхъ неравенствъ и правъ. Воплощая въ себѣ ту идею государственнаго единства и централизаціи, которая, налагая на всѣхъ подданныхъ равное тягло передъ государствомъ, собирала всѣ разсѣянные въ организмѣ общества силы къ одному фокусу, къ одному центру, чтобы изъ этого центра идти на помощь угнетеннымъ классамъ, поднимать одинъ классъ на другой, и такимъ образомъ водворять равновѣсіе между напирющими другъ на друга общественными группами,—бюрократія была въ послѣдніе три вѣка дѣйствительно представительницею демократическаго духа въ Европѣ. Но возникнувъ какъ средство къ осуществленію идеи, вырабатывавшейся исторіей, бюрократія далеко зашла за предѣлы своего первоначальнаго общественнаго назначенія. Рядомъ съ интересами и цѣлями общества, которому она призвана была служить, она создала свои собственные интересы и цѣли, во имя началъ отвлеченныхъ, потерявшихъ живое

значеніе для общества. Между тѣмъ результаты и современныхъ общественныхъ и политическихъ наукъ, и современной практической жизни въ Европѣ, таковы, что они противятся преслѣдованію подобныхъ отвлеченныхъ государственныхъ цѣлей, оторванныхъ отъ живыхъ общественныхъ интересовъ.

Итакъ, духъ времени, въ главнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, налагаетъ на государство только отрицательныя обязанности. Такимъ направленіемъ отличаются всѣ политическіе принципы, предъявленные въ концѣ прошедшаго столѣтія; въ нихъ нѣтъ никакихъ непосредственно организующихъ элементовъ; какъ только эти принципы переходили къ творчеству и организаціи, они или оказывались несостоятельными, или влекли къ насильственнымъ переворотамъ, за которыми слѣдовали анархія и деспотизмъ; вспомнимъ печальные подвиги конвента во Франціи. Но это весьма естественно, ибо цѣль всѣхъ этихъ принциповъ отрицательная — освобожденіе общества отъ насильственной политической организаціи; эти принципы и вступали съ нею въ болѣе или менѣе удачныя сдѣлки, ознаменованныя болѣе или менѣе долговѣчными конституціями западно-европейскихъ народовъ. Абсолютный характеръ имѣетъ движеніе западно-европейскихъ народовъ только на общественной почвѣ; здѣсь только всѣ его требованія дѣлаются и могутъ сдѣлаться положительными. Демократическій духъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь живымъ и дѣйствительнымъ, долженъ проникнуть въ нравы и обычаи общества, въ воспитаніе, въ народное хозяйство, во всѣ нравственныя, юридическія и экономическія отношенія членовъ общества между собою. Наконецъ ненависть къ бюрократическому духу также обращается въ положительный принципъ только на общественной почвѣ; отвлеченные бюрократическіе интересы могутъ быть замѣнены только общественными, которые созидаютъ авторитетъ, крѣпко связанный съ землею и дѣйствительными потребностями общества.

Все нами сказанное объ обществѣ вовсе не исчерпываетъ предмета, который далеко выходитъ за предѣлы краткой журнальной статьи; но если не ошибаемся, мы сказали достаточно, чтобы выдвинуть общество и общественные интересы какъ фактъ, крупно выступающій впередъ во всѣхъ дѣйствительныхъ проявленіяхъ современной жизни образованныхъ народовъ, и какъ по-

нiе, необходимо связанное со всѣми современными воззрѣнiями образованнаго мiра, со всѣмъ пониманiемъ современнаго чело-вѣка. Общество, съ современной точки зрѣнiя, только новое по-нiе, но не новое явленiе, точно такъ же не новое, какъ всѣ явле-нiя природы, изъ которыхъ многiя точно также весьма недав-но проникли въ челоуѣческое сознанiе и сдѣлались предметомъ наблюденiй. Общество существовало и въ древнемъ классиче-скомъ мiрѣ, но тамъ оно было такъ неразрывно сплочено съ го-сударственнымъ организмомъ, формы политическiя были въ та-комъ гармоническомъ соотвѣтствiи со всѣми общественными от-ношенiями, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которыя сознавалъ и ко-торыхъ требовалъ древнiй челоуѣкъ, что общество всецѣло во-площалось въ государство, и общественная жизнь въ политиче-ской. Челоуѣкъ, членъ общества, исчезалъ въ гражданинѣ, членѣ государства. Но новѣйшiе изслѣдователи стали уже изучать и древнее общество, и тамъ стали они отыскивать тѣ обществен-ныя отношенiя и интересы, изъ которыхъ сложился политическiй организмъ: и въ древнемъ классическомъ мiрѣ политическiя фор-мы, какъ и въ новѣйшее время, принимаются уже не за причину, а за послѣдствiе, за продуктъ тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ. Съ появленiемъ христiанской религiи, начинается разложенiе политическаго организма древняго мiра; независимо отъ государства, рядомъ съ нимъ, является общество христiанъ. Челоуѣкъ въ первый разъ почувствовалъ, что, кромѣ обязанно-стей въ отношенiи къ государству, у него есть другiя, не менѣе священныя обязанности. Развѣянное, преслѣдуемое, христiан-ское общество сосредоточилось, окрѣпло, и не только само раз-вилось въ формы государственнаго учрежденiя, но и въ свою оче-редь стало подчинять имъ западно-европейскiя общества. Много разъ видимъ мы въ историческомъ развитiи европейскихъ наро-довъ новое движенiе общественныхъ интересовъ, выступающее изъ государственныхъ формъ и опредѣленiй, созданныхъ обще-ственными интересами прежняго времени, то медленно и посте-пенно преобразующее ихъ, то бурнымъ потокомъ разрывающее ихъ. Общественная жизнь, то мирно, иногда цѣлое столѣтiе, те-четъ по своему руслу, то выходитъ изъ береговъ, ищетъ дру-гаго направлениа, отыскиваетъ его и пробиваетъ себѣ новое ложе. Но ни на одно мгновение не останавливается движенiе. Много мо-

жеть-быть предстоитъ еще переворотовъ въ судьбахъ образованнаго міра; законъ движенія впередъ непреложень; одна, другая группа человѣчества можетъ оцѣпенѣть, но движеніе переходитъ въ другія группы. Много народовъ останавливались въ своемъ историческомъ шествіи, но всегда былъ хотя одинъ народъ, въ которомъ движеніе продолжалось.

Движеніе общества было всегда. Но только нашему времени принадлежитъ честь сознанія, что и это движеніе, какъ все существующее въ мірѣ, имѣетъ свои законы. Многіе перевороты въ судьбахъ государствъ доказывали, что произвольное измѣненіе политическихъ формъ можетъ имѣть то или другое вліяніе на развитіе общества, но что оно не касается самой его сущности, что эта сущность, рано или поздно, воздѣйствуетъ на политическія формы, и что, наконецъ, самые произвольные порывы, и отдѣльных личностей, и цѣлыхъ массъ, къ измѣненію формъ обществѣ, въ свою очередь условливаются тою общественною средой, въ которой они получили свое начало, что они также продуктъ той общественной почвы, на которой получили жизнь. Созидались республики, объявлялось уничтоженіе сословій, абсолютное равенство всѣхъ гражданъ; аристократія пряталась, бѣжала; проходило нѣсколько лѣтъ, и она съ торжествомъ возвращалась, получала отъ народа вознагражденіе за безчестіе и брала въ свои руки его судьбы. Сословія были объявлены несуществующими, а они рѣзко отличаются другъ отъ друга, и до сихъ поръ въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ предразсудкахъ, во всемъ образѣ жизни, наконецъ различаются въ той степени и характерѣ умственного и нравственного развитія, которые даютъ возможность одной общественной группѣ имѣть въ своемъ распоряженіи одинъ только родъ общественной дѣятельности, имѣть одно только, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вліяніе на другія группы. Если взять примѣръ въ менѣе обширномъ кругу явленій, то мы видимъ изданіе строгихъ законовъ противъ роста, опредѣленіе таксы процента, чрезвычайныхъ наказаній за нарушеніе этой таксы, и между тѣмъ ростовщичество не ослабѣваетъ, а усиливается, ибо, пропорціонально строгости закона, оно возвышаетъ свой процентъ. Опредѣляется самая строгая мѣра наказанія противъ самовольныхъ лѣсныхъ порубокъ, а невѣжество въ отличіи чужой и своей собственности, грубое понятіе объ обще-

ственной собственности, не исчезаютъ вдругъ передъ свѣтомъ истины въ силу новаго закона; они обнаруживаются подкупомъ, продажною лѣсныхъ стражей, поджогами лѣсовъ. Законъ усилилъ опасность преступленія, онъ не измѣнилъ направленія преступной воли, онъ не поселилъ новыхъ юридическихъ понятій о собственности. Такія понятія вырастаютъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній, заставляющихъ по необходимости искать юридическаго смысла тамъ, куда двигаютъ личные интересы, искать справедливости тамъ, куда влекутъ душевныя потребности.

Отъ наблюденія надъ подобными фактами въ жизни народовъ пришли постепенно къ сознанію связи *причины и слѣдствія* между явленіями въ человѣческомъ обществѣ. Начали пристально вглядываться въ эти явленія, и замѣтили, что и здѣсь не игра случая и произвола, а также свои законы. Была открыта періодичность многихъ явленій въ самыхъ великихъ политическихъ событіяхъ, и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ ежедневной жизни; стали выводить среднюю жизнь государства и среднее число писемъ, брошенныхъ въ теченіе года въ почтовые ящики безъ адресовъ. Такъ, въ послѣднее время, видимъ мы повсемѣстныя попытки къ изученію общества и общественныхъ явленій, выступившихъ съ такою силой и въ сознаніи, и въ практической жизни современнаго человѣка; слѣды этого изученія общественной жизни, во всей простотѣ ея дѣйствительности, во всей самобытности ея проявленій, рядомъ съ жизнью природы, находимъ мы и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ наукѣ. На нѣкоторыя черты этого движенія мы уже указали въ самомъ началѣ. Человѣкъ хочетъ узнать себя не въ отвлеченіи, не въ зеркалѣ своей души, отражающей большею частію то самое, что онъ хочетъ видѣть, а на той почвѣ, гдѣ онъ только проявляется какъ человѣкъ, въ той именно средѣ, въ которой обнаруживается вся особенность его естественнаго типа, въ сравненіи со всѣми другими типами природы. Въ этой дѣятельности заключается зародышъ новой науки — *науки объ обществѣ*; имя ея уже произнесено. Конечно, все, что до сихъ поръ было сдѣлано на этомъ полѣ, мы не можемъ еще назвать иначе, какъ болѣе или менѣе удачными попытками, или матеріаломъ; но эта дѣятельность ежедневно усиливается, и во всѣхъ странахъ Европы совершены уже весьма

замѣчательные труды, въ которыхъ мы рѣшительно имѣемъ право видѣть начало новой науки. Во всякомъ случаѣ *общественная наука, общественная физиологія, общественная физика, социологія*—какъ бы ни называли ее въ настоящую минуту,—есть несомнѣнный фактъ въ исторіи наукъ, и если сама наука еще смутно представляется въ человѣческомъ сознаніи, она уже положительно существуетъ въ немъ. Элементъ изслѣдованія законовъ общества уже проникъ во всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣческой жизни; *точные наблюденія* надъ общественными явленіями постоянно накапливаются; запасы этихъ наблюденій всего болѣе собраны въ экономической наукѣ и статистикѣ, но они уже существуютъ и въ другихъ наукахъ. Всего же важнѣе для будущаго развитія науки объ обществѣ то, что необходимость ея уже сознана, и что она усваиваетъ себѣ *методъ точнаго наблюденія надъ общественными явленіями*, заимствованный ею изъ естественныхъ наукъ и чуждый всѣмъ наукамъ прежняго времени, касавшимся общества и государства. Въ этомъ отношеніи наука объ обществѣ обязана не однимъ только общественнымъ и политическимъ переворотамъ, выдвинувшимъ впередъ понятіе объ обществѣ, но и успѣхамъ всѣхъ естественныхъ наукъ, общимъ результатамъ пылливости человѣческаго духа въ изслѣдованіи природы и усовершенствованіи его логическихъ приемовъ. Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

II.

Въ исторіи наукъ мы можемъ отмѣтить два явленія первостепенной важности, около которыхъ группируются всѣ фазы развитія разныхъ отраслей человѣческаго знанія: *вопервыхъ* — постепенное развитіе самостоятельности науки какъ знанія; *во вторыхъ* — постепенное усовершенствованіе *точности* научнаго метода. Взглянемъ бѣгло на ту и другую сторону въ исторіи наукъ.

При настоящемъ положеніи наукъ естественныхъ, мы легко отличаемъ науки *чистыя* отъ наукъ *прикладныхъ*, или теорій

разныхъ искусствъ; первыя изслѣдуютъ законы природы, вторыя примѣняютъ законы къ разнымъ человѣческимъ потребностямъ. *Умозрительная механика* изучаетъ законы равновѣсія и движенія тѣлъ; *прикладная или практическая механика* указываетъ способы, по которымъ можно сдѣлать изъ этихъ законовъ полезное для человѣка употребленіе. Химія изслѣдуетъ составъ тѣлъ; технологія ищетъ полезныхъ для человѣка комбинацій этихъ составовъ. Очевидно, что мы только тогда можемъ сдѣлать полезное употребленіе изъ какой-нибудь вещи, когда знаемъ ея свойства; тогда только можемъ примѣнить какой-нибудь законъ природы къ нашимъ цѣлямъ, когда знаемъ его. Но остановимся на последнемъ. Подъ закономъ природы мы разумѣемъ ту нормальную зависимость, въ которой между собою находятся два или нѣсколько явленій природы, то-есть зависимость какъ причины и слѣдствія. Мы замѣчаемъ, что за нагрѣваніемъ нѣкоторыхъ тѣлъ слѣдуетъ увеличеніе въ ихъ объемъ; сравниваемъ между собою нѣсколько случаевъ подобнаго нагрѣванія и увеличенія въ объемъ,—замѣчаемъ, что эти два явленія находятся въ постоянной, нормальной между собою зависимости, и выводимъ законъ *увеличенія объема тѣлъ пропорціонально ихъ нагрѣванію*. Но мы хотимъ знать степень жара въ окружающей насъ атмосферѣ и примѣняемъ къ этой потребности открытый нами законъ; опять и здѣсь нужна теорія, которая отыщетъ между нѣсколькими тѣлами то, которое наиболѣе удобно для нашего употребленія, и изслѣдуетъ способы, по которымъ общій законъ можетъ быть примѣненъ къ устройству нашего инструмента. Возникаетъ термометръ и теорія устройства термометровъ, которая есть не что иное, какъ одна изъ прикладныхъ теорій чистой физики. Законъ природы указываетъ на взаимныя отношенія между собою явленій, то-есть имъ опредѣляются *тѣ условія*, по которымъ одно явленіе, измѣняется подъ вліяніемъ другаго. Искусство, узнавъ эти условія и желая имѣть сообразно съ своими цѣлями то или другое вліяніе на явленіе, ставитъ явленіе подъ вліяніе тѣхъ или другихъ условій; беретъ ртуть, наливаетъ ее въ трубку и ожидаетъ, какъ слѣдствія непреложнаго закона расширенія ртути подъ вліяніемъ тепла, движенія ея по тому или другому направленію въ трубкѣ. То же самое повторяется во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка на явленія природы,

во всѣхъ искусствахъ, въ которыхъ онъ хочетъ пользоваться для своихъ цѣлей силами природы. Такъ измѣняетъ онъ свойство почвы для возможно-обильнѣйшаго произращенія на ней нужныхъ ему растеній; узнаетъ, въ какомъ соотношеніи находится растительность разныхъ хлѣбовъ съ тѣми или другими составными частями земли, и вносить ихъ въ данную почву. Вездѣ вносить онъ въ окружающую природу эту новую, незаключающуюся въ ея нѣдрахъ силу своего духа, силу возмущающую, разстраивающую однообразное теченіе явленій природы. Но никогда не можетъ онъ имѣть другаго вліянія на природу, лишь какъ то, которое созвучно съ ея законами, никогда не можетъ онъ измѣнить послѣдовательность ея явленій въ томъ направленіи, какого желаетъ, если напередъ не знаетъ закона этой послѣдовательности. Безъ сомнѣнія, всякое вмѣшательство человѣческой воли въ природу повлечетъ за собой какія-либо послѣдствія, но не зная естественной зависимости условій обнаруженія силъ природы, она можетъ произвести именно измѣненія, противоположныя своему намѣренію. Итакъ только знаніе, наука даетъ силу дѣйствовать на природу, силу творить, силу разрушать, созвучно задуманной цѣли. *Знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать*: такова формула, соединяющая науку съ искусствомъ.

Несмотря на всю непреложность этого начала, которое мы въ свою очередь также можемъ назвать закономъ природы, мы видимъ, что всѣ науки получили свое начало въ разныхъ практическихъ обращеніяхъ человѣка съ силами природы; у колыбели всякой науки найдемъ мы какое-нибудь искусство. Никакое явленіе въ человѣческомъ обществѣ не развивается подъ вліяніемъ одного какого-нибудь простаго закона; каждое общественное явленіе обуславливается въ своемъ историческомъ значеніи дѣйствіями многихъ причинъ, многихъ законовъ взаимно другъ съ другомъ сочетающихся, пересѣкающихся. Потому-то такъ и трудно изученіе общественныхъ явленій; они самыя сложныя въ природѣ. Точно то же въ исторіи человѣческихъ знаній, которая представляетъ также явленіе общественное. Прежде чѣмъ знать, прежде чѣмъ разрѣшать сокровенныя задачи окружающей природы, человѣкъ по необходимости долженъ жить, то-есть возобновлять свои органическія силы приобщеніемъ къ своему

организму элементовъ окружающей среды, долженъ приспособлять силы природы къ своимъ потребностямъ. Кроме того, человекъ въ жизни своей осуществляетъ не одну только строгую послѣдовательность логическаго закона; вслѣдствіе не преодолимаго влеченія обнаружить свои силы, человекъ *прежде дѣйствуетъ*, но потомъ мало-по-малу, ощущаетъ и другую необходимость—*знать, чтобъ дѣйствовать*; постепенно съ удовлетвореніемъ первыхъ своихъ потребностей и первыхъ своихъ порывовъ къ дѣятельности, все болѣе и болѣе покоряется онъ этой необходимости, дѣлается осматрительнѣе въ проявленіи своей воли, страстнѣе въ своихъ стремленіяхъ къ познанію.

Дѣйствительно, если ввойти къ источникамъ всѣхъ наукъ, то мы найдемъ тамъ искусства, изъ которыхъ мало-по-малу выдѣляются чистыя науки. Такъ астрологія, мореплаваніе повели къ астрономіи, алхимія къ химіи, медицина къ физиологіи. Всѣ эти знанія были первоначально такъ смѣшаны съ ихъ практическимъ употребленіемъ, что самая идея самострѣтельной науки, изслѣдующей законы природы съ одною только чистою цѣлію знанія, ищущая истину ради истины—была невозможна. Странною показалась бы астрологамъ и алхимикамъ мысль, что они должны проводить всю свою жизнь, истощать всѣ свои силы, не для того, чтобы искать въ тверди небесной указаній на человѣческія судьбы, въ ретортѣ всеобщаго благоденствія,—а только для самаго процесса всѣхъ ихъ труженическихъ подвиговъ. Между тѣмъ теперь ни астроному, ни химику не нужны эти внѣшнія возбужденія къ труду; эти чаянія матеріальнаго счастья отъ тайнъ природы въ глазахъ ихъ ничтожны въ сравненіи съ наслажденіемъ разгадать истину для самой истины, помѣряться силами человѣческаго духа съ бездушными силами природы. И чѣмъ болѣе развивается умственная дѣятельность, тѣмъ становится она независимѣе отъ удовлетворенія всякихъ житейскихъ прихотей; чѣмъ болѣе пытается человекъ свой духъ надъ природой, тѣмъ болѣе эта попытка сама по себѣ его удовлетворяетъ; съ знаніемъ развивается потребность знанія, которая уже сама по себѣ дѣлается практическою потребностію; *понимать значитъ уже дѣйствовать*.

Но замѣчательно то, что чѣмъ независимѣе отъ искусства становятся науки, чѣмъ самостоятельнѣе преслѣдуютъ онѣ свои

цѣли, тѣмъ результаты ихъ обильнѣе для самой практической жизни. Никогда промышленность не дѣлала такихъ блистательныхъ примѣненій науки къ своимъ цѣлямъ, какъ въ послѣднее время, когда естественныя науки занимаются своими изслѣдованіями безъ всякой мысли о практическомъ примѣненіи. И это весьма естественно: чѣмъ менѣе ученый развлекается побочными для науки цѣлями, тѣмъ вниманіе его строже направлено на предметъ, тѣмъ его выводы вѣрнѣе. А практикъ остается только заимствовать результаты науки и не заботиться уже о повѣркѣ ихъ. Когда наука движется подъ вліяніемъ непосредственныхъ практическихъ примѣненій и выводовъ, тогда взоръ ея туманенъ, умозаключеніе шатко; въ науку по необходимости вносятся такія начала, которыя въ природѣ вещей не существуютъ, а ищутъ себѣ оправданія только въ житейской полезности, въ благородствѣ намѣреній, въ возвышенности цѣлей.

Въ настоящее время мы рѣшительно можемъ различить, въ числѣ наукъ естественныхъ, цѣлую группу наукъ чистыхъ, первоначальныхъ. Ихъ немного: астрономія, физика, химія, физиологія и кромѣ того наука естественныхъ наукъ—математика. Подлѣ нихъ цѣлый рой наукъ прикладныхъ, соединяющихъ въ болѣе или менѣе обширные круги правила, которыми руководствуются разнообразныя примѣненія законовъ, открытыхъ чистыми науками, къ разнымъ практическимъ цѣлямъ: мореплаваніе, геодезія, технологія, медицина, фармакопείя и т. д. Въ настоящее время начинается образовываться цѣлая самостоятельная сфера знаній, которая соединяетъ всѣ подобныя прикладныя знанія въ одно цѣлое подъ названіемъ *политехники* или *инженернаго искусства*, входящимъ въ употребленіе въ западной Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи; *инженерное искусство*, въ обширномъ значеніи этого слова, занимаетъ то среднее мѣсто между наукой и практикой, въ которомъ истины науки и потребности жизни, законъ природы и воля человѣка, ищутъ взаимной гармоніи, взаимнаго примиренія.

Наконецъ, не должно забывать, что подлѣ названныхъ выше основныхъ или *умозрительныхъ* наукъ, группируется въ соотвѣтствіи съ ними цѣлый рядъ наукъ второстепенныхъ, также чистыхъ, но *описательныхъ*, то-есть поставляющихъ своею цѣлію собственно не изслѣдованіе законовъ природы, а описаніе

тѣхъ формъ, которыя развились действительно въ природѣ подъ вліяніемъ законовъ; таковы: географія, минералогія, естественная исторія, то-есть зоологія, ботаника и т. д.

Другое замѣчательное явленіе въ исторіи наукъ, это постепенное усвоеніе или *точнаго* метода. Значеніе и характеръ точнаго метода, послѣ приведенныхъ выше примѣровъ, уже легко понятны. Чтобы выразиться какъ можно короче и крупнѣе, скажемъ: точный методъ заключается въ построеніи умозаключеній науки только на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ явленіями природы, а не наоборотъ, то-есть не въ представленіи тѣхъ или другихъ явленій на основаніи чистыхъ, отвлеченныхъ умозаключеній разума. Какъ ни очевидна совершенная необходимость этого метода, но и онъ достался человѣку не вдругъ, а путемъ продолжительныхъ, тяжкихъ подвиговъ. Собственно абсолютно-чистаго умозаключенія, безъ всякаго предварительнаго наблюденія надъ какимъ-нибудь явленіемъ природы, не можетъ быть; но можно составить себѣ какое-нибудь понятіе о первомъ бросающемся въ глаза предметѣ и переносить это понятіе произвольно на всѣ другіе предметы, вывести изъ перваго впечатлѣнія этого предмета на нашу душу разныя отношенія его къ намъ и переносить это впечатлѣніе на всю природу, выводить изъ него всѣ наши отношенія къ ней и на нихъ строить теорію природы. Такъ было въ младенческомъ состояніи всѣхъ наукъ: замѣчали, что прохожденіе въ небесномъ пространствѣ нѣкоторыхъ свѣтилъ совпадало съ нѣкоторыми событіями въ жизни человѣчества; это совпаденіе производило впечатлѣніе на наблюдателей, и его произвольно переносили на всю вселенную, искали въ ней вездѣ связи съ судьбами человѣчества, съ самыми мелкими подробностями жизни отдельнаго человѣка. Но рядъ горькихъ опытовъ и разочарованій привелъ наконецъ къ убѣжденію, что не такъ быстръ полетъ человѣческой мысли, что значеніе каждаго явленія должно быть непосредственно выводимо изъ наблюденія надъ нимъ самимъ. Такъ науки становятся постепенно болѣе точными, и наконецъ, въ настоящее время, всѣ усилія обратились къ выводу только законовъ явленій, то-есть къ опредѣленію взаимной ихъ между собою зависимости, къ обобщенію нѣсколькихъ явленій къ болѣе нормальнымъ формамъ, къ возможно-большему расширенію круга явленій, который подлежитъ тому или другому закону. Отъ при-

ложенія общихъ понятій къ цѣлой группѣ неизслѣдованныхъ предметовъ, отказались ; путемъ непрерывнаго различенія и сличенія стали медленно, но вѣрно строить зданіе науки. Это усовершенствованіе метода естественно шло рука объ руку съ отдѣленіемъ наукъ отъ искусства ; чѣмъ болѣе мы руководствуемся практическою цѣлю при изслѣдованіи природы, тѣмъ наклоннѣе мы предпосылать нашимъ выводамъ разныя напередъ составленныя понятія, нужныя намъ для нашихъ практическихъ цѣлей. Всѣ естественныя науки уже окончательно вошли въ положеніе наукъ точныхъ ; вся дѣятельность ихъ обращена къ изслѣдованію законовъ явленій. Только самый запоздалый дѣятель на этомъ поприщѣ дерзнетъ создавать себѣ какое-нибудь отвлеченное понятіе о мірѣ, и будетъ на основаніи этого понятія объяснять жизнь природы. Всѣ естественныя науки обратились теперь къ наблюденіямъ надъ явленіями, къ накопленію возможно-большаго числа ихъ и къ сравненію ихъ между собою. Только на этомъ пути каждый трудъ составляетъ новое приобрѣтеніе для науки, служить новымъ шагомъ впередъ ; на другомъ пути , построенія отвлеченныхъ и произвольныхъ теорій, громадныя усилія пропадали нерѣдко даромъ или, по крайней мѣрѣ, далеко не соответствовали ничтожеству результатовъ ; ибо какъ скоро подрывалась въ своей правильности теорія, такъ разрушались въ прахъ и всѣ, построенныя на ней, свѣдѣнія.

Вглядываясь въ постепенность переходенія наукъ въ періодъ точнаго метода и самостоятельнаго развитія, мы не можемъ не остановиться на одномъ замѣчательномъ законѣ, высказанномъ уже давно французскимъ ученымъ и мыслителемъ, Августомъ Контомъ. Вступленіе наукъ въ эту фазу точнаго развитія совершалось въ строгой постепенности, по мѣрѣ большей сложности явленій, которыя онѣ изслѣдуютъ ; прежде всѣхъ сдѣлалась самостоятельная и точная математика, за нею астрономія, потомъ физика, химія и на нашихъ почти глазахъ физиологія. Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ позднѣе наука, изслѣдующая ихъ, стала точною и чистою (не прикладною). Еще весьма недавно физиологія была въ пеленкахъ, медицины (искусства) съ одной стороны, и разныхъ отвлеченныхъ, бездоказательныхъ воззрѣній на жизнь и причины жизни съ другой стороны.

Очередь настала теперь для науки объ общественныхъ явле-

ніяхъ, которыя также своего рода явленія природы, видимыя, осязаемыя, могущія быть предметомъ наблюденій.

Общественныя явленія—самыя сложныя въ природѣ. Всѣ другія явленія природы, и астрономическія и физическія, и химическія и фізіологическія—производятъ здѣсь свои вліянія, взаимно другъ друга обуславливающія. Подъ вліяніемъ законовъ движенія тѣлъ вселенной, земли, всей окружающей природы, всѣхъ ея до-историческихъ переворотовъ, животныхъ отправленій человѣческаго организма, фізіологическихъ различій человѣческихъ расъ, и наконецъ подъ вліяніемъ всѣхъ нравственныхъ началъ человѣческаго духа, создающихъ всемірную исторію, —живетъ и развивается человѣческое общество. Необходимы значительныя успѣхи всѣхъ другихъ наукъ, чтобы возможно было изслѣдованіе явленій общественныхъ. Но, кромѣ того, въ этихъ явленіяхъ играетъ главную роль тотъ самый человѣческій духъ, который долженъ искать въ нихъ законовъ; долго не могъ онъ свыкнуться съ идеею о необходимости на томъ полѣ, гдѣ казалось ему все подвластнымъ его свободной волѣ, долго не хотѣлъ онъ признавать предѣловъ произволу, который казался ему безпредѣльнымъ. Наконецъ, явленія общественныя находятся въ такомъ непрерывномъ и тѣсномъ соприкосновеніи со всею нашею дѣятельностію, со всѣми нашими страстями и влеченіями, что мы легко переносимъ къ объясненію ихъ всѣ наши личныя желанія и стремленія, всѣ наши практическія побужденія и цѣли. Такимъ образомъ, мы дѣйствительно видимъ, что всѣ понятія объ обществѣ, всѣ свѣдѣнія объ общественныхъ явленіяхъ заключались единственно въ разныхъ практическихъ наукахъ, созданныхъ для удовлетворенія той или другой житейской потребности, для той или другой пользы. Едва не до настоящаго времени всѣ науки общественныя—политическія, юридическія, экономическія—строились на той или другой необходимости примѣненія истинъ науки къ жизни. Всѣ онѣ были не болѣе какъ теоріи искусствъ, то-есть, руководства къ возможно-лучшему устройству государства, къ начертанію законовъ, къ устройству судовъ, къ увеличенію народнаго богатства. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ преобладала практическая необходимость, подъ вліяніемъ ея становились опредѣленныя начала, и съ помощью ихъ объяснялись общественныя явленія. Наказаніе было нужно для уменьшенія

числа преступленій въ государствѣ; отсюда криминалисты выводили необходимую, органическую связь между преступленіемъ и наказаніемъ, полагали въ основаніе этой связи то ту, то другую идею, съ помощью которой объясняли исторію уголовного законодательства съ сотворенія міра до новѣйшаго времени, и строили теорію уголовного права для существующихъ государствъ. Одна уголовная теорія падала за другою и увеличивала собою только запасъ теорій, подлежавшихъ критикѣ со стороны послѣдующей теоріи, въ утѣшеніе ея послѣдователей. Экономическая наука можетъ-быть первая приступила къ анализу общественныхъ явленій, безъ всякой преднамѣренной теоріи, напередъ составленнаго на нихъ взгляда. Въ этомъ отношеніи заслуга политической экономіи велика, мы можемъ сказать это безъ всякаго личнаго пристрастія. Но и политическая экономія имѣетъ своею цѣлію изслѣдованіе *условій матеріальнаго благосостоянія* человѣческихъ обществъ, цѣль ея все-таки практическая—извлечь изъ общихъ законовъ общественныхъ явленій тѣ именно начала, по которымъ создается и рушится народное богатство. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ политическая экономія, прямо и безъ всякой мысли о примѣненіи, изучаетъ общественныя явленія, но она была вынуждена къ этому по недостатку самостоятельной науки объ обществѣ. Притомъ экономическая наука занимается только одною группою интересовъ общественныхъ; въ обществѣ же, кромѣ экономическихъ интересовъ, есть и другіе—нравственные, умственные, юридическіе.

Всѣмъ наукамъ, касавшимся общественной дѣятельности, именно не доставало этого прочнаго основанія, не доставало науки, которая бы изслѣдовала общество во всѣхъ составныхъ элементахъ, силахъ, движеніяхъ, безъ всякаго напередъ заданнаго принципа, *общество какъ оно есть, а не такъ какъ оно должно быть*. Наука объ обществѣ должна была служить для наукъ политическихъ, юридическихъ, экономическихъ, тѣмъ же, чѣмъ служатъ чистыя науки естественныя для прикладныхъ; послѣднія примѣняютъ къ жизни законы, открытые первыми.

Въ наукахъ общественныхъ только одна наука занималась изслѣдованіемъ общества безъ всякой практической цѣли,—это исторія. Только исторія заключала въ себѣ точныя, положительныя свѣдѣнія объ общественныхъ явленіяхъ. Также возник-

шая для служенія практическимъ цѣлямъ, для примѣра, исторія прежде всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ сдѣлалась самостоятельной. Потому мы и видимъ, что, съ конца прошедшаго столѣтія и начала нынѣшняго, всѣ науки обратились къ исторіи, въ историческомъ методѣ чаяли обрѣсти спасеніе отъ безконечной измѣнчивости теорій и системъ. Историческій методъ, дѣйствительно, много сдѣлалъ для наукъ политическихъ и юридическихъ; онъ впервые выдвинулъ науку изъ тѣсныхъ предѣловъ отвлеченнаго разума на почву наблюденія дѣйствительности, на почву дѣйствительныхъ явленій. Труды, совершенные на этомъ полѣ, останутся навсегда приобрѣтеніемъ въ наукахъ права и не могутъ сравниться ни съ какими предшествовавшими отвлеченными трактатами права, которые будутъ жить въ памяти только исторіи науки. Еще живы для всѣхъ насъ воспоминанія о томъ юношескомъ увлеченіи, съ какимъ бросились всѣ на историческій методъ; казалось, последнее слово науки было сказано, казалось наступило давно-желанное примиреніе между всѣми противоположными системами и теоріями государства, права, наказанія, изъ которыхъ каждая была самымъ искреннимъ образомъ убѣждена въ своемъ призваніи владѣть міромъ нераздѣльно, исключительно передъ всѣми прочими. Но и съ водвореніемъ историческаго метода не наступила еще пора полной гармоніи въ мірѣ наукъ государственныхъ и юридическихъ, равно какъ и экономическихъ. Мы можемъ сказать *не наступила*,—ибо разнорѣчія въ самыхъ основныхъ убѣжденіяхъ юридическихъ, экономическихъ, политическихъ не прекратились. *Описанія историческаго процесса, или развитія* общественныхъ элементовъ, еще недостаточно, чтобы заимствовать изъ этого процесса твердыя начала для построенія теорій, стремящихся къ водворенію порядка, справедливости, благосостоянія въ обществѣ. Въ исторіи повѣствуютъ намъ о тѣхъ фазахъ, черезъ которыя прошло развитіе человѣчества, развитіе общественныхъ элементовъ; пожалуй, даже раскрывается законъ этого развитія. Но для водворенія порядка, справедливости, благосостоянія въ обществѣ, необходимо знать, какія именно составныя, внутреннія силы и элементы общества, чтобы можно было знать не только формы, черезъ которыя они прошли, но хотя приблизительно судить и о тѣхъ, черезъ которыя они могутъ пройти,—чтобы можно было знать не только о тѣхъ случаяхъ взаим-

наго сочетанія, въ которыхъ они дѣйствительно были, но и о тѣхъ, которые могутъ быть. Однимъ словомъ, нужно знать внутреннее содержаніе, взаимныя отношенія, законы общественныхъ явленій. Историческій методъ изучалъ постепенное развитіе уголовного законодательства, отыскивалъ ту общую идею о наказаніи, которая переходила отъ одного народа къ другому, отъ одного времени къ другому; онъ изучалъ тѣ особенныя понятія о наказаніи, которыя проявились въ исторіи каждаго отдѣльнаго народа, и требовалъ, чтобы современное уголовное законодательство сообразовалось съ этими народными особенностями въ своихъ частныхъ постановленіяхъ. Этимъ путемъ уже много было сдѣлано для того, чтобы выдвинуть понятіе объ уголовномъ наказаніи изъ того заколдованнаго круга отвлеченныхъ міросозерцаній, отыскивавшихъ по чистому разуму искусственную связь между преступленіемъ и наказаніемъ и навязывавшихъ свое случайное вдохновеніе какъ авторитетъ для положительнаго законодательства. Но нужно было сдѣлать болѣе: нужно было подвергнуть анализу самую общественную среду, въ которой зараждается преступленіе, нужно было рядомъ самыхъ мелочныхъ наблюденій собрать всѣ тѣ факты, въ которыхъ обнаруживается преступная воля въ каждомъ народѣ, взглянуть на тѣ общественныя условія, при которыхъ увеличивается и уменьшается число преступленій, на связь криминальнаго элемента въ обществѣ съ развитіемъ другихъ элементовъ умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ, то-есть, уяснить сколько-нибудь отношенія преступленій къ развитію образованности, грамотности, гражданственности, благосостоянія и т. д., изучить развитіе преступленій параллельно съ развитіемъ уголовного законодательства; наконецъ раскрыть въ самыхъ внутреннихъ, интимныхъ проявленіяхъ ежедневной жизни народа, его побужденія къ преступленію, его воззрѣнія на преступленіе и на уголовное наказаніе, на отношенія къ преступнымъ своимъ членамъ. Подобными изслѣдованіями и занялась статистика, которая въ настоящее время составляетъ грубый матеріалъ для возникающей науки общественной физиологіи.

Исторія уголовного права останавливается на тѣхъ формахъ, подъ которыми *дѣйствительно* проявились въ законодательствѣ, частію и въ юридическомъ обычаѣ, народныя или общественныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе; въ этомъ отношеніи и

велика ея заслуга, но въ этомъ же и ея неполнота. Она указала отвлеченно-раціональной теоріи на *дѣйствительныя* формы жизни; но съ тѣмъ вмѣстѣ должны быть отысканы и тѣ общественные *элементы*, которые дѣйствительно существовали и существуютъ, хотя ничѣмъ не заявили себя на поверхности исторіи. Исторія излагаетъ тѣ фазы развитія, которыя общество дѣйствительно прошло, тѣ комбинаціи общественныхъ силъ и элементовъ, въ которыя они дѣйствительно входили; общественная физиологія должна анализировать самыя силы и элементы для того, чтобы политическія, юридическія и экономическія науки могли судить о тѣхъ комбинаціяхъ, въ которыя эти силы и элементы могутъ и не могутъ вступить, о тѣхъ фазахъ, которыя для нихъ возможны и невозможны.

Теперь уже очевидна логическая разумность того преобладанія статистики, которое замѣчается во всѣхъ общественныхъ наукахъ и въ практической администраціи за послѣднее время; отъ моды на историческій методъ перешли къ модѣ на статистику, которая дѣйствительно содержитъ, въ своихъ грубыхъ еще очертаніяхъ, зародышъ общественной физиологіи. Если статистика не будетъ чрезмѣрно увлекаться и злоупотреблять математическимъ методомъ, то она прямо ведетъ къ физиологіи общества, имѣющей передъ собою много задачъ, далеко не выражаемыхъ числовыми формулами.

Итакъ, вникая въ требованія современнаго практическаго міра, и въ логическія требованія современной науки, мы пришли къ науцѣ объ обществахъ или къ общественной физиологіи.

III.

Исторія и физиологическія изслѣдованія надъ обществомъ (мы не смѣемъ еще сказать: наука общественной физиологіи, которая едва зараждается) составляютъ въ настоящее время необходимое основаніе для всѣхъ наукъ, которыя касаются общественныхъ интересовъ. Исторія есть *описательная* часть общественной физиологіи; отношенія первой ко второй тѣ же, какъ прочихъ описательныхъ

наукъ къ соотвѣствующимъ *основнымъ*, то-есть къ наукамъ, изслѣдующимъ законы явленій, тѣ же, какъ космографіи къ небесной механикѣ, геологіи и минералогіи къ физикѣ и химіи, зоологіи и ботаники къ физиологіи животныхъ и растений и т. д. Всѣ эти основныя науки изслѣдуютъ внутренніе законы явленій; описательныя, въ томъ числѣ и исторія, — тѣ формы, которыя уже приняты въ дѣйствительности явленіями, подъ вліяніемъ этихъ законовъ. Очевидно, что та или другая группа наукъ можетъ и не рѣдко должна вторгаться въ чужую область; но такими обоюдными замѣшательствами не уничтожается различіе въ характерѣ и назначенія наукъ. Въ исторіи, точно такъ же какъ и въ геологіи, ботаникѣ, господствуетъ *историческая необходимость*, то-есть, необходимость факта совершившагося, замкнутаго въ себѣ, отодвинутаго въ предѣлы, подчиняющіеся разумѣнію человѣка, но навсегда не достигаемые для его произвола. Въ физиологіи — обширное поле дѣйствія для человѣческой воли, которая силою разумѣнія можетъ узнать законъ, дѣйствующій въ природѣ, и сообразно съ нимъ направлять ея силы къ своимъ человѣческимъ, нравственно-духовнымъ цѣлямъ. Съ перваго взгляда, признаніе непреложныхъ законовъ въ природѣ стѣсняетъ произволъ дѣйствій человѣка; но эти самыя законы постепенно расширяютъ горизонтъ для его дѣйствій. Безцѣльнаго произвола менѣе, сознательнаго и сосредоточеннаго болѣе. Историко-физиологическій методъ проникаетъ теперь мало-по-малу во всѣ науки политическія, юридическія, экономическія; всѣ лучшіе умы стараются внести его въ сферу знаній, въ которой доселѣ царствовали фантазія и отвлеченныя, произвольныя положенія.

Физиологическій взглядъ на общество значительно облегчаетъ и самую политическую, или государственную дѣятельность. На этой почвѣ, безъ всякаго сомнѣнія, суждено общественной физиологіи имѣть великую будущность, которую теперь трудно опредѣлить во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Но и теперь уже можетъ она оказать большія услуги жизни, особенно въ такихъ государствахъ, какъ Франція, гдѣ революціи сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ перемежающейся лихорадки. Смотри на государство какъ на внѣшнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физиологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей,

не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія своихъ силъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантію тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство, при охраненіи общественныхъ интересовъ, задумываетъ устраивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы, рано или поздно, выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощію которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщю парализіею. По- нятно, что, съ этой точки зрѣнія, государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ-нибудь отвлеченнымъ принципамъ; онѣ всегда должны обуславливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ, и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ, различны, что мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что *государство обязано обеспечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ*. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ, государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ определенную, прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя без-

престанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ; но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новыя интересы, выступившіе въ антагонизмъ со старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ. Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ *порядокъ и движеніе*.

Въ послѣдующихъ статьяхъ нашихъ мы представимъ очеркъ сочиненія, принадлежащаго одному изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей Германіи, Рилу, подъ заглавіемъ: *Die Naturgeschichte des Volkes, als Grundlage einer deutschen Socialpolitik, Stuttgart und Augsburg 1855.* (Естественная исторія народа, какъ основаніе для общественной политики въ Германіи). Анализомъ этого труда изъ области общественной фیزیологіи постараемся мы подтвердить нѣкоторыя общія воззрѣнія, высказанныя нами выше, и по возможности представить въ болѣе живой формѣ то, что можетъ показаться тяжелымъ и сухимъ въ нашемъ настоящемъ изложеніи.

В. Безобразовъ.

ЮНОШЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА¹

II.

Дѣйствіе романтической драмы «Странный человѣкъ» происходитъ въ Москвѣ. Главное дѣйствующее лицо Владиміръ Павловичъ Арбенинъ, молодой человѣкъ, несчастный прежде всего тѣмъ, что его отецъ и мать въ ссорѣ и не живутъ вмѣстѣ. Мы знакомимся съ нимъ тотчасъ въ первой сценѣ, которая происходитъ къ кабинетъ его отца. Старый Арбенинъ сидитъ одинъ и запечатываетъ письмо. Онъ жалуется про себя на своего сына, который не хочетъ вступить въ военную службу, однакожь надѣется убѣдить его къ тому, и рассчитываетъ на то, что сынъ, прослуживъ года четыре, выйдетъ въ отставку и тѣмъ поправитъ отцовское состояніе, разстроенное матерью. При этомъ воспоминаніи, старый Арбенинъ переходитъ къ проклятіямъ, которыми осыпаетъ свою жену. Слышны чьи-то шаги, и входитъ молодой Арбенинъ. Отецъ встрѣчаетъ его ласково и спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ, но Владиміръ мраченъ, онъ отвѣчаетъ отцу:

«Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена

(1) См. - Русскій Вѣстникъ - 1857 г. № 10.

своимъ мужемъ и родными. Она почти нищая ; весь міръ счѣтается надъ нею, и никто о ней не жалѣетъ... О, батюшка! эта душа заслуживала прощенія и другой участи. Батюшка! я видѣлъ горькія слезы раскаянія, я молился вмѣстѣ съ нею, я обнималъ ея колѣна, я... я былъ у моей матери... Чего вамъ больше?

Павелъ Григорьевичъ. Ты?

Владиміръ. О, еслибъ вы знали, еслибъ видѣли... отецъ мой! вы не поняли этой нѣжной божественной души, или вы несправедливы, неспрзведливы! Я повторю это передъ цѣлымъ міромъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости.

Павелъ Григорьевичъ. Ты смѣешь меня обвинять, неблагодар...

Владиміръ. Нѣтъ! вы мнѣ простите... я себя не помню... но посудите сами, какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ: она васъ оскорбила, непростительно оскорбила,—но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества, ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью, ея ласки облегчали мою первую болѣзнь. И теперь, когда она въ нищетѣ пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка, она хочетъ васъ видѣть... я умоляю, если мое счастье для васъ что-нибудь значитъ... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предрасудки.

Павелъ Григорьевичъ. Слушай, дерзкій! Я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться. Чтò скажутъ въ свѣтъ?

Владиміръ (*кусаетъ губы*). Чтò скажутъ въ свѣтъ!

Павелъ Григорьевичъ. И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Аннѣ Дмитревнѣ: я бы далъ тебѣ препорученье...

Владиміръ. Которое убило бы послѣднюю ея надежду? Не такъ ли?

Павелъ Григорьевичъ. Да, да! Она еще не довольно наказана, эта сирена, эта скверная женщина.

Владиміръ. Она моя мать.

Павелъ Григорьевичъ. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощеніе, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владиміръ. Отецъ мой, я не сотворенъ для такихъ препорученій.

Павелъ Григорьевичъ (*съ холодною улыбкой*). Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ и виноватъ не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ: тамъ я покажу тебѣ недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя, также дамъ тебѣ прочитать

письмо отъ графа насчетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше о своей матери. Я прошу, когда могу приказывать.

(Уходитъ).

Владимиръ. Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами; теперь прошу, прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди; есортятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренія, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокиѣмъ, чтобы жить съ людьми; они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!

Входитъ пріятель Арбенина, Бѣлинскій, которому открыта вся душа Арбенина. Арбенинъ жалуется ему на свою несчастную участь, жалуется на людей. Бѣлинскій старается утѣшить его и дать разговору другое направленіе. Онъ напоминаетъ Арбенину о его любви; но ему пора ѣхать; онъ оставляетъ Владимира одного. Послѣдній собирается ѣхать къ Загорскинымъ, въ семействѣ которыхъ есть дѣвушка, имѣ любимая. Вторая сцена происходитъ въ домѣ Загорскиныхъ. У нихъ гости; говорятъ объ Арбенинѣ; одни бранятъ его, другіе защищаютъ; въ числѣ послѣднихъ Наташа Загорскина, которая не равнодушна къ Арбенину. Но у Наташи есть кузина, княжна Софья, которая и сама имѣетъ притязанія на Арбенина, а потому всѣми возможными средствами старается разорвать еще неокрѣпшую связь между сердцами Арбенина и Наташи. Наташу хочетъ она запугать характеромъ Арбенина; въ видѣ предостереженія говоритъ она ей: «Умъ язвительный и выѣстъ глубокой, желанія, не знающія никакой преграды, и переменчивость склонностей,—вотъ что опасно въ твоѣмъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ—и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.»

Третья сцена въ квартирѣ матери Арбенина. Она говоритъ съ своею служанкой о сынѣ. Обѣ не находятъ онъ достаточно словъ, чтобы расхвалить молодого человѣка, но приходитъ докторъ, только что сдѣлавшій передъ этимъ визитъ Арбенину отцу и, не зная отношеній между двумя своими больными, начинаетъ говорить дурно о молодомъ Арбенинѣ. Онъ жалѣетъ, что у такого

почтеннаго человѣка, каковъ старикъ Арбенинъ, сынъ такой негодий. Его принимаютъ въ обществѣ только для отца, «а онъ еще позволяетъ себѣ смѣяться надъ моею ученостью», оканчиваетъ докторъ. Бѣдная мать, встревоженная началомъ рѣчи доктора, при послѣднихъ его словахъ отдохнула: она увидѣла, что тутъ вмѣшалась личность, что обиженное самолюбіе заставляетъ доктора говорить такимъ образомъ объ ея сынѣ. Она прощается съ докторомъ, говоря, что недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ ее возвратиться въ деревню. Напрасно убѣждаетъ ее докторъ остаться въ Москвѣ и лѣчиться. Она не хочетъ слушать его, и докторъ уходитъ недовольный. Между тѣмъ несчастная женщина чувствуетъ себя чрезвычайно слабою и проситъ свою дѣвушку довести ее до постели.

Сцена четвертая въ комнатѣ студента Рябинова, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ ихъ Заруцкій. Арбенинъ былъ тутъ же, но вдругъ ушелъ еще до начала сцены, не сказавъ никому ни слова. Одинъ изъ присутствующихъ молодыхъ людей спросилъ о причинѣ этого внезапнаго ухода Арбенина, который весь вечеръ былъ очень веселъ, много смѣялся; Заруцкій отвѣчаетъ, что такіе переходы отъ веселья къ грусти и отъ грусти къ веселью — вещь обыкновенная въ Арбенинѣ. На вопросъ того же молодаго человѣка: правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ, Заруцкій отвѣчаетъ утвердительно и читаетъ ему, по его желанію, нѣсколько піесъ Арбенина, бывшихъ у него въ карманѣ.

I.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенія свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ—
И тѣ мгновенья были мукъ полны:
И изседалъ таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ въка и жизни пной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,

Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ,
О нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

II.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословить. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ стануть повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать,
Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенія мечты?
Я буду веселъ, но—ошибкой;
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга;
Ты любишь шумный, холодный свѣтъ:
Я сердцемъ сытъ пустынь и юга!—
Ты счастлива, а я, я—нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой;
Въ немъ дышитъ чувство вѣкъ родное,
А я на свѣтъ вѣкъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ея надежды—бредъ больнова,
Имъ вѣрить—значить вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой;
Какъ счастье безъ тебя—онъ мраченъ.
Прости!.. прости же, ангелъ мой!..

Заруцкій прочиталъ еще третье стихотвореніе подъ названіемъ
Сонъ, подражаніе Байрону:

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутаго Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небѣсклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ, и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй!..

Но юный всадникъ не страшился, видно,
 Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
 Пылали смуглая его ланиты,
 И черный взоръ искалъ чего-то все
 Въ туманномъ отдаленіи. Въ безпорядкѣ
 Минувшее являлося ему—
 Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
 Пугающій доверчивую душу.
 Но вѣрилъ онъ одной своей любви
 И для любви своей не зналъ преграды!..

Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
 Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
 Онъ путника остановилъ, и этотъ
 Ему дорогу молча указалъ
 И удалился съ видомъ удивленья.
 И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
 Трепещущій на берегу другомъ;
 И проскакавъ тѣнистую дубраву,
 Онъ различилъ окно, окно и домъ,
 Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
 Рѣка темна, и мутны, шумны воды.

Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
 Плѣнительную руку, не слыжавъ
 Волшебный голосъ тотъ, хотя бѣ укоръ
 Произнесли ея уста? О нѣтъ!—
 Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
 Коня, — и шумныя плеснули воды,
 И съ пѣною раздвинулись онѣ.
 Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
 И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
 И на гору летитъ... И на крыльцо
 Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
 Въ старинные покои... нѣтъ ея!
 Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
 Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
 Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда бѣ
 Я могъ изобразить ея страданье!—
 Какъ мраморъ блѣдный и безгласный, онъ
 Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
 Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!..
 Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
 Какъ будто сердца лучшая струна
 Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо
 Прыгнувъ въ сѣдло и поскакавъ стремглавъ,

Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
 Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
 До самаго разсвѣта, безъ дороги,
 Безъ всякихъ опасеній, — наконецъ
 Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
 Есть вредная роса, которой кашли
 На листьяхъ оставляютъ пятна — такъ
 Отчаянья свинцовая слеза,
 Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
 Скатиться, — но очей не освѣжить...

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
 Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
 Къ существенности хладной? Нѣтъ!
 Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
 И какъ ни силится воображенье,
 Его орудья пытки, все — ничто
 Противъ того, что есть, и что имѣетъ
 Вліяніе на сердце и судьбу...

Мой сонъ переѣхался невзначай.
 Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
 Весенній, теплый день; и у окна
 Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
 Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
 И рядомъ съ ней сидѣлъ въ молчаньи, мнѣ
 Знакомый, юноша, и оба, оба
 Старались довольными казаться,
 Однакоже на ихъ устахъ улыбка,
 Едва родившись, томно умирала.
 И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
 Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
 И побѣждать страданья. Взоры дѣвы
 Блуждали по листьямъ открытой книги,
 Но буквы всѣ сливались подъ ними...
 И сердце сильно билось — безъ причины...
 И юноша смотрѣлъ не на нее, —
 Хотя она одна была царицей
 Его воображенія и причиной
 Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его, —
 На голубое небо онъ смотрѣлъ,
 Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
 И сжатою душой не смѣлъ вздохнуть,
 Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
 Не прекратить молчанья: такъ боялся
 Онъ услышать отвѣтъ холодный, или
 Не получить отвѣта на моленья!..

Окончивъ чтеніе, Заруцкій прибавляетъ, что все, здѣсь описанное, происходило съ Арбенинымъ. «*Странный человекъ Арбенинъ*», говорить на это его собесѣдникъ.

Пятая сцена происходитъ въ домѣ Бѣлинскаго. Бѣлинскій сидитъ одинъ и разсуждаетъ о своихъ дѣлахъ. Онъ торговалъ деревню, для покупки которой занялъ денегъ, но ему не достаетъ тысячи рублей; онъ думаетъ жениться и имѣетъ въ виду Наташу Загорскину. Онъ только что познакомился съ этимъ семействомъ, только разъ былъ въ домѣ, а Наташа ему нравится, тѣмъ болѣе что у ней и есть кой-что. Онъ знаетъ, что другъ его Арбенинъ страстно любитъ эту дѣвушку, и рѣшается однако попробовать, чья возьметъ. Въ то самое время, какъ Бѣлинскій мирится самъ въ себѣ съ этимъ рѣшеніемъ, входитъ Арбенинъ. Онъ мраченъ по обыкновенію. Его мучитъ неопредѣленность его отношеній къ Наташѣ. Съ полнымъ довѣріемъ открываетъ онъ свою душу Бѣлинскому, говоритъ ему, что никакъ не можетъ понять поступковъ этой дѣвушки, что она безпрестанно измѣняется, то бываетъ съ нимъ нѣжна и любезна, обращаетъ на него особенное вниманіе, съ чувствомъ нѣжнаго участія смотритъ ему въ глаза, то вдругъ становится равнодушною и холодною, не обращаетъ на него никакого вниманія, особенно въ обществѣ, и занимается гораздо болѣе другими, нежели имъ. Бѣлинскій, пользуясь этимъ случаемъ, хочетъ увѣрить Арбенина, что Наташа—кокетка; но Арбенинъ не вѣритъ этому. Онъ разсказываетъ потомъ своему пріятелю, что наканунѣ былъ у княжны Софьи и хотѣлъ просить ее доставить Наташѣ его письмо, въ которомъ объяснялъ ей свои страданія. Княжна хотѣла сама сначала прочесть это письмо и, прочитавъ его съ согласія Арбенина, сказала, что кузина вѣроятно будетъ очень смѣяться этому письму; тогда Арбенинъ схватилъ письмо и разорвалъ его. Бѣлинскій объясняетъ слова княжны хитростію и ревностію, и случайно угадываетъ истину: княжна Софья надѣялась этимъ устранить всякое объясненіе между Арбенинымъ и Наташей, и такимъ образомъ удалить ихъ другъ отъ друга. Но Арбенинъ не хочетъ вѣрить этому, равно какъ не вѣритъ онъ обману и хитрости со стороны Наташи.

Слуга Бѣлинскаго входитъ съ докладомъ, что какой-то мужикъ желаетъ видѣть его. Бѣлинскій велитъ его ввести. Это былъ

крестьянинъ той деревни, которую сторговалъ Бѣлинскій. Онъ упалъ въ ноги къ Бѣлинскому и просилъ его быть благодѣтелемъ ихъ деревни; онъ разказалъ, что ихъ барыня вмѣстѣ съ управляющимъ до такой степени притѣсняютъ и мучаютъ крестьянъ, что они молятъ Бога, чтобы онъ отдалъ ихъ скорѣе въ другія руки. Крестьянинъ привелъ нѣсколько примѣровъ жестокости, которые возмутили Арбенина и Бѣлинскаго. Арбенинъ спросилъ у Бѣлинскаго, есть ли у него деньги и, не дожидаясь отвѣта, досталъ изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него билетъ въ тысячу рублей и, подавая его Бѣлинскому, сказалъ: вотъ все, что у меня теперь есть; купи ихъ, если можешь. Бѣлинскій увѣрилъ крестьянина, что непременно купить ихъ деревню. По уходѣ крестьянина, Арбенинъ не упустилъ случая сравнить несчастную его судьбу съ своею. Когда Бѣлинскій сталъ говорить съ сожалѣніемъ объ участи бѣдныхъ мужиковъ, Арбенинъ возразилъ ему, что ихъ несчастье ничего не значить въ сравненіи съ несчастьемъ многихъ другихъ людей, которыхъ преслѣдуетъ судьба. «Опять за свое,» говорить ему Бѣлинскій..

Пришелъ слуга отъ матери Арбенина, съ извѣстіемъ, что она очень заболѣла, и просить сына поскорѣе къ себѣ. Арбенинъ поспѣшно прощается съ пріятелемъ и уходитъ.

Сцена шестая опять въ домѣ Загорскаго. Княжна Софья и Наташа вдвоемъ.

Княжна Софья. Ma chère cousine! Я тебѣ совѣтую остерегаться.

Наташа. Пожалуста, безъ наставленій. Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, и пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Княжна. Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться; онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа. Разумѣется, я сама свататься за него не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Княжна (*насмѣшливо*). Не правда ли какъ онъ интересенъ, какъ млы его глаза, полные слезъ?

Наташа. Да, для меня очень занимателенъ.

Княжна. Повѣрь, онъ только дурачится и шалить, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа. Ему не отчего быть увѣреннымъ.

Княжна. А попробуй показать холодность, тотчасъ отстанетъ.

Наташа. Я пробовала и онъ не отсталъ, а только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ.

Княжна. Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа. Повѣрь, не хуже тебя.

Княжна. Арбенникъ точно также куртизанилъ прошлаго года Лидиной Полнѣ, а тутъ и бросилъ ее и смѣется самъ надъ нею. Ты помнишь? то же и съ тобою будетъ.

Наташа. Я не Полина.

Княжна. Посмотримъ.

Наташа. Да что ты такъ на одно наладила?

Княжна. Ужъ что я знаю, то знаю... Вчера...

Наташа. Что такое? Впрочемъ я и знать не желаю.

Княжна. Вчера Арбенникъ былъ у насъ.

Наташа. Ну чтожъ?

Княжна. Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разказывалъ ей Богъ знаетъ что и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мушкетеры! Въ одну влюблены, а другой пишутъ письма! Вѣрь имъ послѣ этого. Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія?... А еще знаешь, мнѣ сказывали навѣрное, будто онъ хвалится, что ты показывала ему особенные знаки любви, но я не вѣрю.

Наташа (*въ сторону*). Онъ дѣлаетъ глупости. Я на него теперь такъ сердита, такъ сердита: хвалится! кто бы подумалъ, это слышкомъ. (*Громко*.) Ты знаешь кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій, un jeune homme charmant! Прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ. Вотъ ужъ не надуешь губы! Какъ воспитанъ, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Седьмая сцена въ кабинетѣ старика Арбенина. Владиміръ, блѣдный, быстро входитъ и говоритъ громко и скоро: «Батюшка!»

Павелъ Григорьевичъ. Что тебѣ надобно?

Владиміръ. Я пришелъ, чтобы... У меня есть одна, единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдьте со мною! поѣдьте! заклинаю васъ; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

Павелъ Григорьевичъ. Куда мнѣ ѣхать съ тобою? ты съ ума сошелъ....

Владиміръ. Не мудрено. Еслибъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остался при своемъ умѣ, то я бы удивился!..

Павелъ Григорьевичъ. Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, выводилъ меня изъ терпѣнія.

Владиміръ. Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? а я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина....

Павелъ Григорьевичъ. Что мнѣ за дѣло до нея!

Владиміръ. Она ваша супруга!

Павелъ Григорьевичъ *(съ досадою)*. Владимиръ!

Владиміръ. Вы вѣрно думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ, удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы: этотъ самый голосъ, приказывающій повиноваться мнѣ вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ! да! если вы будете долѣе противиться молебамъ моей матери!.. О! нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія: я говорю прямо! — Я вашъ сынъ и ея сынъ; вы счастливы, она страдаетъ на постели смерти; кто правъ, кто виноватъ,—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и послѣдній нищій называлъ бы меня подлецомъ, еслибъ я могъ еще любить васъ!...

Павелъ Григорьевичъ. Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви; но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

Владиміръ. Я уже просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ этихъ обвиненій передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Павелъ Григорьевичъ. Боже мой! до чего я дожилъ? *(Вмѣ)* Знаешь ли....

Владиміръ. Я знаю: вы сами терзаемы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ—вы виновны во многомъ....

Павелъ Григорьевичъ. Замолчи!...

Владиміръ. Не замолчу! не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право! Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память! Батюшка! *(бросается на колѣни)* батюшка! пойдемте со мною!

Павелъ Григорьевичъ. Встань! *(Онъ встревоженъ.)*

Владиміръ. Вы пойдете?

Павелъ Григорьевичъ *(въ сторону)*. Что если въ самомъ дѣлѣ? можетъ быть...

Владиміръ. Такъ вы не хотите? *(встаетъ.)*

Павелъ Григорьевичъ *(въ сторону)*. Она умираетъ, говоритъ Владимиръ!.. желаетъ получить мое прощенье... правда, а бы... потхать туда?.. Если узнаютъ, что скажутъ?

Владиміръ. Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея мольба къ Богу. Вы не хотѣли. Есть на небѣ судья. Вашъ подвигъ прекрасенъ; онъ показываетъ твердость характера; повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить;—и что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ.

(Горько улыбается.)

Павелъ Григорьевичъ *(принужденно)*. Оставь меня!

Владиміръ. Хорошо! Я пойду и скажу, что вы не можете, заняты. *(Горько:)* Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ! *(Тыто идетъ къ дверямъ.)* О, еслибъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? я приду — одинъ! — я сдѣлаюсь убійцею моей матери! *(Остается и смотритъ на отца.)* Боже! вотъ человекъ!

Павелъ Григорьевичъ *(про себя)*. Однако для чего мнѣ не вѣхать? что за бѣда? передъ смертью помириться ничего; смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше! да, такъ и быть, отправлюсь. Она вѣрно безъ памяти, и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю, и дѣлу конецъ! *(Громко:)* Владиміръ! послушай! погоди! *(Владиміръ недоверчиво приближается.)* Я пойду съ тобою... Я рѣшилъ! Насъ никто не увидитъ? но я вѣрно! пойдемъ... только смотри, въ другой разъ думай о томъ, что говоришь...

Владиміръ. Такъ вы точно хотите идти къ моей матери? — точно? это невѣроятно! нѣтъ, скажите, точно?

Павелъ Григорьевичъ. Точно!

Владиміръ *(кидается ему на шею)*. У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ! *(Плачетъ.)* Боже! Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! у меня есть отецъ! Вижу, вижу, что трудно бороться съ природными чувствами... О! какъ я счастливъ! Батюшка! какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро... ваши глаза прояснѣли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ! *(Обнимаетъ его.)* О мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни!

Павелъ Григорьевичъ *(хочетъ идти въ сторону)*. Итакъ я долженъ увидѣться... хорошо! Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако отчаяніе Владиміра... Но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ? развѣ женщинѣ, особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ, и теперь все ясно... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разказывать про такую жестокость! — она пожалуй его подобьетъ! Признаюсь! прехитрый планъ! прехитрѣйшій!... однако не на того напали! Хорошо, что я во время догадался! Не пойду же я! пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владиміръ. Вы медлите!

Павелъ Григорьевичъ *(холодно)*. Да, я медлю!

Владиміръ. Вы...

Павелъ Григорьевичъ *(гордо)*. Я остаюсь! скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... скажи, что я благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги. *(Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ.)*

Владиміръ. Какъ! *(Съ отчаяніемъ)* Это превзошло мои ожида-

ня! и съ такою открытою холодностью! съ такою адовою улыбкой!.. И я вашъ сынъ? Такъ я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности! О, еслибъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ... и отучилъ бы называть меня сыномъ!

Павелъ Григорьевичъ. Замолчи, сумашедшій! страшись моего гнѣва... Погоди, придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя... я тебя примѣрно накажу!...

Владиміръ (*закрываетъ лицо руками*). А я мечталъ найти жалость!...

Павелъ Григорьевичъ. Неблагодарный! неблагодарный! Чудовище! мнѣ ли ты не обязанъ? и съ такими упреками...

Владиміръ. Неблагодарный? вы мнѣ дали жизнь: возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ!

Павелъ Григорьевичъ. Вонъ скорѣй изъ моего дома! и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга. (*Со смѣхомъ.*) Посмотримъ скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ль болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шуму, и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность! Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говоришь, и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза!

(*Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою.*)

Владиміръ (*который стоялъ какъ вкопанный, смотритъ въ слѣдъ, послѣ краткаго молчанья*). Все кончилось!...

Сцена восьмая, въ спальнѣ матери Владиміра. Несчастная женщина лежитъ въ постели, умирающая; возлѣ нея сидитъ ея горничная. Больная съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія своего сына; она надѣется, что онъ привезетъ къ ней своего отца, что она умретъ помирившись съ своимъ мужемъ и получивъ отъ него прощеніе. Владиміръ приходитъ одинъ. Долго собирается онъ съ духомъ, чтобы сообщить своей несчастной матери жестокое рѣшеніе безчувственнаго отца; наконецъ онъ приходитъ въ какое-то лихорадочное состояніе и скороговоркой произносить: «Отецъ мой здоровъ и веселъ и не хочетъ васъ видѣть.» Бѣдная женщина поражена этими словами, она собирается съ послѣдними силами и исповѣдуетъ сыну свою душу. Она раз-

казываетъ ему, что любила еще до своего замужства, что встрѣтилась потомъ вторично съ тѣмъ же человѣкомъ, когда была уже замужемъ, что прежняя любовь возродилась, что была минута заблужденія, что сама она созналась въ этомъ его отцу, который не простилъ ей, и выгналъ ее изъ дому.

Владиміръ сначала молчитъ, потомъ читаетъ какую-то тираду, неприличную у смертнаго одра матери, противъ себя и противъ отца своего, котораго хочетъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ волосы дыбомъ. Пока онъ это говорилъ, мать его перестала уже дышать. Горничная первая замѣтила это. Владиміръ не плачетъ и уходитъ, грозя страшно отомстить отцу за эту смерть.

Девятая сцена въ домѣ Загорскиныхъ. Бѣлинскій пріѣзжаетъ просить руки Наташи. Онъ говоритъ сначала съ ея матерью, которая, оставивъ Бѣлинскаго въ другой комнатѣ, приходитъ сообщить дочери объ его предложеніи. Наташа сначала испугалась, когда отъ ней потребовали немедленнаго рѣшенія; прежнее чувство не совсѣмъ еще уступило въ ней новому, но слова матери успокоиваютъ и убѣждаютъ ее. Судьба дѣйствительно преслѣдуетъ Арбенина: жестокость отца, смерть несчастной матери, измѣна любви и дружбы—столько ударовъ вдругъ пало на его бѣдную голову; какъ-то устоитъ она противъ нихъ.

Сцена десятая ничего не прибавляетъ новаго къ движенію драматическаго дѣйствія, она лишняя. Слуги Арбенина разговариваютъ между собою и выражаютъ сожалѣніе о молодомъ баринѣ, котораго отецъ проклялъ.

То же самое нужно сказать и объ одиннадцатой сценѣ. Она происходитъ въ кабинетъ Владиміра между имъ и старымъ слугою, которому старикъ Арбенинъ приказалъ наблюдать за сыномъ, оставаясь при немъ безотлучно. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ предлагаетъ старому слугѣ кошелекъ съ деньгами, съ тѣмъ чтобы онъ оставилъ его одного; но слуга не беретъ: «Иуда продалъ Христа за тридцать сребрениковъ». Владиміръ бросаетъ кошелекъ въ окно; онъ думаетъ теперь о Наташѣ, здѣсь его послѣдняя надежда на жизнь.

Сцена двѣнадцатая въ домѣ Загорскиныхъ. Гости пріѣзжаютъ съ поздравленіемъ. Княжна Софья и Наташа возвращаются изъ магазиновъ съ покупками. Пріѣзжаетъ и Бѣлинскій, и между

тѣмъ какъ онъ занятъ разговоромъ съ своею невѣстой, одинъ изъ гостей разказываетъ княжнѣ случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ недавно въ домѣ Арбенина. «Нѣсколько дней тому назадъ, говоритъ онъ, я былъ у отца Арбенина, вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и вбѣгаетъ Владиміръ. Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ; я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолебѣлъ, но ни слова не могъ выговорить. Убійца! воскликнулъ Владиміръ, ты мнѣ не вѣрилъ — поди же поцѣлуй ея мертвую руку! и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю. Слуги вбѣжали, его подняли. Отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ, или старался показывать, что не былъ встревоженъ. . я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ; потомъ я узналъ, что Павелъ Григорьичъ его ужасно бранилъ, и даже проклиналъ, говорятъ, но я не вѣрю...» Далѣе разказчикъ прибавляетъ, что послѣ узналъ онъ, что у Владиміра умерла мать, которая жила въ разводѣ съ отцомъ, но что все-таки сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ, можетъ онъ приписать только одному сумашествію. Княжна разказываетъ Бѣлинскому о несчастіи Арбенина, и съ сожалѣніемъ прибавляетъ, обращаясь къ невѣстѣ: «какъ-то перенесетъ онъ новый ударъ, когда узнаетъ, что ты выходишь замужъ.» Бѣлинскій отвѣчаетъ на это, что Арбенинъ вовсе не такъ чувствителенъ, какъ онъ кажется, или какъ хочетъ казаться. Княжна напоминаетъ Наташѣ, что она имѣла къ Арбенину когда-то очень нѣжное чувство и носить даже на груди у себя стихи Арбенина, къ ней написанные. Наташа вынимаетъ бумажку и подаетъ ее Бѣлинскому, который читаетъ:

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставить межъ людей,

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда,
Но хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
 Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
 • Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
 Тобой оплаканный позоръ!

Почитатели таланта Лермонтова могутъ сличить это прекрасное стихотвореніе, относящееся къ 1834 году, съ его позднѣйшею редакціею 1844 года, какъ значится въ изданіи Смирдина на стр. 208—209 піеса, подъ названіемъ «Оправданіе». Въ ней первый куплетъ остался безъ измѣненія тотъ же самый, какъ въ этомъ раннемъ стихотвореніи; но всѣ послѣдующіе замѣнены новыми.

Между тѣмъ пріѣзжаетъ къ Загорскинымъ и Арбенинъ. Наташа первая встрѣчаетъ его; первое движеніе Бѣлинскаго было спрятаться отъ Арбенина. Начинается объясненіе между Наташей и Арбенинымъ. Онъ напоминаетъ прошлое, упрекаетъ ее въ томъ, что она забыла свои обѣщанія и обманула его, тогда какъ онъ вѣрилъ ей, какъ Богу. Арбенинъ наговорилъ Наташѣ много горькаго и жесткаго. Наташа сначала старалась утѣшить и успокоить его, но потомъ и сама разгорячилась, и стала отвѣчать на его упреки колкостями, и прямо сказала ему, что хотя она и любила его прежде, но теперь любитъ другаго. Арбенинъ говоритъ ей, что этотъ другой былъ его другомъ, что онъ измѣнилъ дружбу не для нея, не для Наташи, но для ея денегъ. Наташа не хочетъ болѣе его слушать и называетъ его несноснымъ человѣкомъ; она еще разъ пытается успокоить его, и выражаетъ надежду, что современемъ, когда пройдетъ этотъ первый пылъ раздраженія, они (Арбенинъ и Наташа) будутъ друзьями. Но когда Арбенинъ хочетъ истолковать ея послѣднюю фразу въ дурную сторону, Наташа оставляетъ его, говоря: «смѣшно желать, чтобы сумашедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ.» На мѣсто Наташи подходитъ къ нему Бѣлинскій, различными софизмами по своему утѣшаетъ Арбенина и надѣется, что его женитьба не измѣнитъ ихъ дружескихъ отношеній. Арбенинъ смѣется дико и говоритъ точно такъ же. Бѣлинскій хочетъ увлечь его опять къ Наташѣ, чтобы еще разъ Арбенинъ послушалъ ея успокоительныхъ рѣчей, но послѣдній • вырываетъ у него свою руку и убѣгаетъ.

Сцена тринадцатая составляетъ эпилогъ драмы. Она происхо-

идти въ домъ графа N; у него вечеръ; изъ гостей одни играютъ въ карты, другіе разговариваютъ о московскихъ новостяхъ. Самая свѣжая новость — свадьба Бѣлинскаго, назначенная на дняхъ. Потомъ разговоръ переходитъ на Арбенина; всѣ осуждаютъ его, хотя большая часть знаетъ его лишь по слухамъ; только одинъ изъ гостей, коротко его знающій, защищаетъ его. Вдругъ, посреди этого разговора, входитъ человѣкъ и подаетъ хозяину дома письмо отъ Павла Григорьевича Арбенина. Это приглашеніе на похороны его сына. Разговоръ получаетъ неожиданно другое направленіе: всѣ начинаютъ сожалѣть о молодомъ Арбенинѣ. Только одинъ изъ гостей говоритъ его прежнему защитнику: «Надѣюсь, однакожъ, вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ. Онъ былъ странный человѣкъ, вотъ и все.»

Такъ оканчивается драматическая фантазія. Въ ней есть все нужное для драмы: и характеры, и драматическое движеніе дѣйствія и эффектные сцены; но она чрезвычайно длинна. Много сценъ совершенно лишннихъ и не нужныхъ, которыя должны быть вовсе исключены; много такихъ, которыя необходимы, но требуютъ значительнаго сокращенія. Эта длиннота, общая всей піесѣ, эти лишніе эпизоды не только растягиваютъ піесу, но и нарушаютъ ея драматическое движеніе, которое безпрестанно перебивается вставкою новыхъ обстоятельствъ, вовсе не идущихъ къ дѣлу, вовсе не связанныхъ съ главнымъ событіемъ. Такова четвертая сцена у студента Рябинова, таковы сцена десятая и одиннадцатая, таковъ наконецъ эпилогъ. Длиннота прочихъ сценъ э зависитъ во первыхъ оттого, что нѣкоторымъ лицамъ дано большее участіе въ драмѣ, нежели какое имъ слѣдовало: таково лицо княжны Софьи; во вторыхъ оттого, что въ драму введено много вовсе нужныхъ лицъ. Много еще можно было бы сказать о внѣшней формѣ этого произведенія, но мы предложили себѣ другую задачу—прослѣдить внутреннее развитіе нашего поэта, или развитіе его идеала. Несчастная судьба начинаетъ рано преслѣдовать Арбенина. Еще въ младенчествѣ лишается онъ матери, которую отецъ ея выгоняетъ изъ дому. Но воспоминаніе о нѣжныхъ ласкахъ доброй матери живо сохранилось въ памяти ребенка. Несчастная женщина, жившая до сихъ поръ въ маленькой деревенькѣ, ей принадлежавшей, въ нуждѣ и лишеніяхъ, страдаетъ не только нравственно, но и физически; ея болѣзнь

становится опасною, и вотъ она прїѣзжаетъ въ Москву не для того, чтобъ лѣчиться, но чтобы примириться съ человѣкомъ, ею оскорбленнымъ. Она надѣется достигнуть этого примиренія при посредствѣ сына. Сынъ сначала раздѣляетъ ея надежду, но надежда скоро разбивается о непреклонный, сухой и черствый характеръ отца. Молодой человѣкъ теряется; его нравственные и умственные силы потрясены глубоко. Страшная исповѣдь матери передъ смертью и проклятія отца довершаютъ ударъ. Умъ его близокъ уже къ совершенному разстройству; сосуды сердца готовы разорваться. Но есть еще одно спасеніе для него, есть еще одинъ узелъ, крѣпко связывающій нить его жизни. Это любовь къ дѣвушкѣ, которой «онъ вѣритъ какъ Богу». Любовь измѣняетъ ему точно такъ же, какъ измѣнили ему всѣ другія надежды. Любимая имъ дѣвушка, обѣщавшая ему свою любовь, выходитъ замужъ за другаго, котораго онъ считалъ своимъ другомъ, отъ котораго онъ не скрывалъ ни одной мысли, ни одного чувства. Эта двойная измѣна рѣшаетъ жизнь несчастнаго—онъ сходитъ съ ума и умираетъ. Свѣтъ называетъ его *страннымъ человѣкомъ*,—что же думаетъ о немъ самъ поэтъ?

Если собрать въ одно цѣлое разсѣянные по всей драмѣ черты героя, то вотъ какимъ предстанетъ онъ намъ въ представленіи автора. Молодой Арбенинъ одаренъ отъ природы сильнымъ умомъ и непреклонною волей. Рано лишенный нѣжныхъ заботъ матери, успокоивающихъ мятежный умъ и утишающихъ тревоги сердца, воспитанный суровымъ отцомъ, взыскательнымъ и строгимъ, молодой Арбенинъ не поддался этому гнетущему игу, не палъ подъ нимъ въ безсиліи духа и тѣла, но вышелъ изъ-подъ него натурыю мощною и крѣпкою въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Строгое обращеніе отца не сломило его характера, не уничтожило его порывовъ, но только сдѣлало молодаго человѣка еще болѣе впечатлительнымъ и раздражительнымъ. Съ юныхъ лѣтъ мысль Владиміра была постоянно занята, умъ его постоянно работалъ. Суровое обращеніе отца съ нимъ самимъ и его жестокій поступокъ съ его матерью, нѣжныхъ ласкъ которой никогда не забывалъ Владиміръ, рано заставили его разбирать и судить характеръ и поступки отца. Помня свою мать нѣжною и доброю, онъ считалъ отца несправедливымъ въ отношеніи къ ней, а незаслуженная суровость отца съ нимъ самимъ еще болѣе утвер-

для его въ этой мысли. Видя несправедливость въ человѣкѣ, богѣ всѣхъ ему близкомъ, Владиміръ сталъ недоувѣрчиво смотрѣть и на другихъ людей. Вслѣдствіе этого умъ его получилъ злое, саркастическое направленіе, и сердце его, отъ природы мягкое и нѣжное, при малѣйшемъ непріятномъ впечатлѣніи, при малѣйшемъ видимомъ оскорбленіи, готово было перейти отъ чувства самой сильной любви и дружбы къ безграничной ненависти. Такъ образовался въ немъ характеръ непреклонный; умъ его не зналъ предѣловъ своему анализу, а воля не признавала границъ своимъ желаніямъ. Разъ вступивъ въ борьбу съ обстоятельствами, такой характеръ продолжаетъ борьбу до тѣхъ поръ, пока или побѣдитъ, или самъ падетъ. Общество называло его страннымъ человѣкомъ, потому что видѣло его только съ внѣшней стороны. Слишкомъ впечатлительный къ внѣшнимъ вліяніямъ, Арбенинъ не могъ быть ровень въ обществѣ: то былъ любезень и милъ, то мраченъ и суровъ, то веселъ и разговорчивъ, то задумчивъ и молчаливъ. Такіе переходы, иногда слишкомъ быстрые, изъ одного настроенія въ другое, соотвѣтствовавшіе его внутреннему состоянію, не могли не обратить на себя вниманія общества, въ которомъ Арбенинъ, несмотря на свою сосредоточенность, бывалъ охотно. Общество не затруднялось долгимъ приискиваніемъ объясненія этихъ несообразностей въ характерѣ Арбенина, и объясняло ихъ просто странностію. Обществу казалось достаточнымъ названіе *страннаго человека*. Этимъ названіемъ хотѣло оно выразить, что въ этомъ человѣкѣ есть что-то особенное, чего оно не понимаетъ и чего не хочетъ доискиваться, потому что оно щадитъ свое время и мысленную работу. Еслибы поэтъ пристально посмотрѣлъ на характеръ Арбенина съ точки зрѣнія общества, то онъ назвалъ бы своего героя несчастнымъ человѣкомъ, котораго гонитъ судьба, которому ничто не удастся. Тогда онъ пожалѣлъ бы о немъ — и только; но поэтъ смотрѣлъ на этотъ характеръ съ своей точки зрѣнія, привязался къ нему всею своею мыслию и всѣмъ своимъ сердцемъ, — словомъ, создалъ изъ него свой идеалъ, который и преслѣдовалъ его съ этихъ поръ неуклонно.

Мы говорили уже въ первой статьѣ объ этомъ идеалѣ нашего поэта, который постоянно давилъ его мозгъ и не давалъ ему покоя. Арбенинъ въ этой драмѣ, далѣе Радинъ — въ другой его юношеской драмѣ «Два брата», о которой мы будемъ сейчасъ

говорить, потомъ Печоринъ и наконецъ Арбенинъ, въ драмѣ «Ма-окарадъ», — все это различныя проявленія одного и того же идеала, это постепенное его развитіе. Полагать надобно, что это была первая піеса, написанная авторомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ его головѣ сталъ создаваться ясный образъ его идеала. Здѣсь этотъ идеалъ находится еще въ первой своей фазѣ. Здѣсь видимъ мы первые элементы, изъ которыхъ выработался мрачный, непроницаемый, демоническій эгоизмъ Печорина и другаго Арбенина; здѣсь еще онъ является жертвою судьбы и несчастія, здѣсь еще возбуждаетъ онъ къ себѣ симпатію. Драма эта похожа болѣе на повѣсть, чѣмъ на драму. Самъ авторъ не нашелъ возможности раздѣлить ее на дѣйствія, а писалъ отдѣльными сценами, какъ онѣ слѣдовали бы одна за другою и въ повѣсти. Въ формѣ повѣсти эта драма много выиграла бы; въ ней главное составляютъ событія, а событія теряются въ драматической формѣ, въ которой главное — характеры дѣйствующихъ лицъ.

III.

Перейдемъ теперь къ послѣдней юношеской драмѣ Лермонтова «Два брата». Дѣйствіе драмы въ Москвѣ, въ домѣ Дмитрія Петровича Радина. У него два сына, Александръ и Юрій. Первый живетъ съ отцомъ и управляетъ, за старостью старика, дѣлами, послѣдній служитъ въ гвардіи и живетъ въ Петербургѣ. Но старикъ слабъ и нечувствительно приближается къ гробу, и вотъ Юрій пріѣхалъ въ отпускъ порадовать больного отца, который любитъ его до безумія. Три года не былъ уже Юрій въ Москвѣ, многое съ тѣхъ поръ въ ней перемѣнилось. Между прочимъ, увѣзая въ послѣдній разъ изъ Москвы, оставилъ онъ въ ней дѣвушку, которую онъ страстно полюбилъ. Онъ увѣхалъ, признавшись ей въ своей любви, получивъ отъ нея такое же признаніе, и взявъ съ нея обѣщаніе сберечь эту любовь до его возвращенія. Какъ святыню хранилъ онъ самъ свою любовь и спѣшилъ въ Москву, надѣясь найти здѣсь награду за свое постоянство; но ожиданіе обмануло его: Вѣра Загорскина не сдержала даннаго ему

слова, не дождалась его и вышла замужъ за князя Лиговскаго, богатаго старика, владѣтеля трехъ тысячъ душъ. Это узнаетъ Юрій, тогчасъ послѣ своего прїѣзда, отъ своего отца, который предупреждаетъ его, что князь Лиговскій съ молодою женою недавно наняли квартиру у него въ домѣ. Съ этого разговора начинается пїеса. Юрій пораженъ этимъ извѣстіемъ. Между тѣмъ Лиговскіе приходятъ сдѣлать визитъ старику Радину. Юрій и княгиня Вѣра холодно раскланиваются другъ съ другомъ. Вѣра однакоже знакомитъ Юрія съ своимъ мужемъ. Въ общемъ разговорѣ Юрій находитъ случай кольнуть Вѣру злымъ намекомъ на ея бракъ съ милліонеромъ; онъ говоритъ, что богатство мужа есть первое условіе для счастья женщины. Въ концѣ сцены княгиня Вѣра остается одна съ другимъ сыномъ Радина — съ Александромъ. Тенерь оказывается, что Вѣра уже послѣ своего замужества любила и другаго Радина, и была увлечена имъ до забвенія своего долга. Въ настоящее время эта страсть уже кончилась, по крайней мѣрѣ со стороны Вѣры, но Александръ Радинъ все еще любитъ ее и не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ на нее.

Такимъ образомъ два брата являются соперниками въ любви къ одной и той же женщинѣ. Оба они одарены сильною волей, но одинъ изъ нихъ страстный и пылкій, откровенный и благородный, идетъ прямымъ путемъ къ своей цѣли, не думая ни отъ чего скрывать ее, другой холодный и разсчетливый эгоистъ, готовъ на всѣ средства, позволительныя и непозволительныя, для удовлетворенія своихъ желаній. Начинается борьба между ними, борьба, которая могла бы быть развита въ длинномъ рядѣ событій и сценъ, но которая слишкомъ коротка въ пїесѣ нашего автора. Первое дѣйствіе мы уже разказали. Второе дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ князя Лиговскаго. Князь показываетъ своей женѣ вещи, которыя онъ для ней купилъ; она благодаритъ его. Входитъ Юрій Радинъ, скучный и мрачный. Князь спрашиваетъ его о причинѣ такого расположенія духа. Юрій разказываетъ ему, что до него дошло одно непріятное для него извѣстіе, что дѣвушка, которую онъ любилъ и которая обѣщала ему быть вѣрною, измѣнила ему и вышла замужъ за другаго. Но можетъ-быть, говоритъ князь, она нашла другаго достойнѣе васъ и полюбила его. — Нѣтъ, отвѣчаетъ Юрій, мужъ ея старъ и

глухъ. — Въ такомъ случаѣ, говоритъ князь, совѣтую вамъ по-
волочиться за нею; можетъ-быть она васъ еще любить. — Не мо-
жетъ быть! проговорила невольно княгиня. — Нѣтъ, княгиня, ска-
залъ Юрій, теперь я увѣренъ, что она меня любитъ. Послѣ
этого князь предложилъ Юрію ѣхать куда-то съ нимъ вмѣстѣ.
Выходя, они встрѣтили Александра Радица. Князь извинился пе-
редъ нимъ, что онъ самъ ѣзжаетъ, и просилъ его войти къ
женѣ. Разговоръ между Александромъ Радинымъ и княгиней въ-
рой почти повтореніе ихъ разгара въ первомъ дѣйствіи: онъ тре-
буетъ отъ нея прежней любви, она настаиваетъ на томъ, чтобы
онъ довольствовался ея дружбою, потому что увлеченіе уже про-
шло и уступило мѣсто раскаянію. Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что
она хочетъ воротиться къ прежней любви; она увѣряетъ его, что
онъ ошибается. Онъ говоритъ, что готовъ ей доказать тѣмъ, что
уступить ее брату, готовъ быть ея повѣреннымъ....

— О! перестань меня мучить! Лучше убей меня, говоритъ она.

— Дитя, да развѣ я похожъ на убійцу?

— Ты хуже убійцы.

— Да, сказалъ Александръ, такова моя была участь со дня рож-
денія... всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ ка-
чествъ, которыхъ не было... Но ихъ предполагали—и они родились.
Я былъ скромнень, меня бранили за лукавство — я сталъ скрытенъ.
Я глубоко чувствовалъ добро и зло, никто меня не ласкалъ, всѣ
оскорбляли—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ
и открытенъ; я чувствовалъ выше его—меня ставили ниже, я сдѣ-
лался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, меня ни кто
не любилъ—и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость
протекала въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ. Мои лучшія чувства,
боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца... они тамъ и умер-
ли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго... меня обходили; я пу-
стился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, а ви-
дѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы: въ груди моей возникло
отчаяніе,—не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаяніе,
которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; на-
конецъ я сдѣлалъ послѣднее усиліе, — я рѣшился узнать хоть разъ,
что значить быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!...

Потомъ напоминаетъ онъ ей, какъ хорошо было время ихъ
любви, какъ полно было ихъ счастье. «Что жъ дѣлать, повто-
ряетъ она, теперь все кончилось». — Александръ еще разъ выра-
жаетъ свое подозрѣніе насчетъ ея любви къ его брату и уходитъ,

говоря, что онъ никогда не допустить того, чтобы брать его владѣть ею.

Дѣйствіе третье снова въ комнатахъ Радина. Александръ разказываетъ отцу, что Юрій все еще влюбленъ въ княгиню Вѣру, что она тоже, кажется, къ нему равнодушна, что эта любовь наконецъ грозитъ кончиться скандаломъ. Онъ совѣтуетъ отцу открыть все князю, и присовѣтовать ему увезти жену изъ Москвы на время отпуска Юрія. Старикъ не знаетъ на что рѣшиться, и хочетъ подумать. Но въ это время человѣкъ докладывааетъ о приходѣ князя. Старикъ Радинъ не успѣлъ обдумать и спѣшить сообщить князю слышанное отъ сына. Князь встревожился; онъ вспомнилъ недавній его разговоръ съ Юріемъ объ измѣнѣ его любимой дѣвушки, и рѣшился на другой же день увезти изъ Москвы свою жену. По уходѣ князя является Юрій. Отецъ сообщаетъ ему свой разговоръ съ княземъ и рѣшеніе князя. Юрій вѣетъ себя. Онъ упрекаетъ старика отца за то, что онъ отнялъ у него послѣднее счастье въ жизни, и наконецъ говоритъ: «Если онъ увозить ее завтра, то сегодня она должна быть моею». Старикъ дѣлается дурно, и онъ проситъ вошедшаго въ это время Александра отвести его. Между тѣмъ Юрій пишетъ письмо къ Вѣрѣ, назначая ей свиданіе въ пустой части дома, въ двѣнадцать часовъ ночи. Онъ зоветъ Ванюшку и говоритъ ему, что если черезъ часъ будетъ это письмо въ рукахъ княгини Лиговской, то онъ можетъ просить у него всего, чего захочетъ. Ванюшка общается положительно. Между тѣмъ Александръ Радинъ, входившій въ другую дверь, видѣлъ всю эту сцену, и когда ушелъ его братъ, схватилъ Ванюшку за руку, и требуетъ, чтобы онъ показалъ это письмо. Ванюшка сначала не хочетъ, но двадцать червонцевъ сдѣлали его уступчивѣе, и онъ показываетъ письмо, взявъ напередъ обѣщаніе съ Александра не рвать его. Александръ прочиталъ письмо и задумался.

Дѣйствіе четвертое въ пустой части дома, въ большой залѣ, въ темнотѣ. Александръ Радинъ входитъ и запираетъ за собою двѣ двери, чтобы такимъ образомъ замедлить приходъ брата. Онъ закутанъ въ плащъ, такъ что его нельзя скоро узнать. Онъ надеется на это и хочетъ воспользоваться вмѣсто брата ласками Вѣры, обманомъ хочетъ онъ получить эти ласки, когда нѣтъ уже болѣе надежды получить ихъ прямымъ путемъ. Ему ничего не

значить втоптать въ грязь женщину, которую онъ любилъ и любить, которая и сама любила его когда-то; онъ готовъ на все, чтобы только унижить гордость своего брата и посмѣяться надъ нимъ. Обманомъ, хитростію, даже, если нужно, силою, привлечь онъ бѣдную женщину въ свои объятія и постарается удержать ее до прихода брата. Но вотъ сходить съ лѣстницы Вѣра и, встрѣченная имъ, принимаетъ его сначала за брата. Она проситъ его оставить ей спокойствіе, быть ея другомъ и никогда не покушаться на честь замужней женщины. Мнимый Юрій выманиваетъ у ней одинъ прощальный поцѣлуй, и не получая на это согласія, привлекаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ. Въ это время лучъ мѣсяца падаетъ на его лицо, и несчастная женщина узнаетъ своего прежняго любовника и настоящаго врага. Александръ требуетъ, чтобы она объявила брату, что не любитъ его; въ противномъ случаѣ онъ станетъ между ними. Тутъ снова овладѣваетъ имъ та же адская мысль, и снова онъ отъ ней отступается. Между тѣмъ слышенъ стукъ ломаемаго замка; Юрій приближается; Александръ прячется въ темноту. Наконецъ входитъ раздраженный Юрій, не зная, что думать объ этихъ запертыхъ безъ нужды дверяхъ, кого подозрѣвать въ очевидномъ намѣреніи помѣшати ему. Онъ слышитъ шорохъ платья и находитъ въ темнотѣ Вѣру; она почти безъ чувствъ. Нѣсколько оправившись, она говоритъ Юрію продиктованные ей Александромъ слова, что она не любитъ болѣе Юрія, что она пришла на мѣсто свиданія только для того, чтобы спасти отъ его ярости своего безвиннаго мужа; такъ какъ въ своей запискѣ Юрій писалъ, что если она не придетъ, то онъ вызоветъ ея мужа на дуэль и непременно его убьетъ. Но страсть овладѣла всѣмъ существомъ Юрія, онъ не хочетъ болѣе слушать Вѣру, онъ хочетъ чтобы она принадлежала ему хоть на одно мгновеніе. Вѣра проситъ у него пощады, онъ не слушаетъ ея. Тогда она обращаетъ его вниманіе на шорохъ, который ей слышится, — и вслѣдъ за тѣмъ является передъ ними Александръ. Пользуясь минутой замедленія Юрія, Вѣра убѣгаетъ, и братья остаются одни съ глаза на глаза. Юрій спрашиваетъ брата, какъ онъ смѣлъ подсматривать за нимъ; Александръ отвѣчаетъ, что онъ не хотѣлъ, чтобы братъ его дѣлалъ глупости. Юрій грозитъ ему мщеніемъ. Александръ говоритъ, что братъ его напрасно горячится, что женщина эта вовсе не стоитъ такой при-

вѣзанности, что она совсѣмъ не такая чистая и святая, какою представляетъ ее себѣ Юрій, что она послѣ любви къ нему, уже будучи замужемъ, имѣла любовника. Юрій не вѣритъ этому и считаетъ это низкою клеветой, но Александръ общается ему показать на другой день письма Вѣры къ ея любовнику. Братья расстаются дозавтра врагами.

Первая сцена пятого дѣйствія въ квартирѣ князя Лиговскаго. Утро. Еще съ вечера князь распорядился, чтобы въ его подмосковной все было готово къ принятію его съ женою. Теперь онъ велитъ слугѣ просить къ себѣ княгиню и объявляетъ ей, что для спасенія своей чести увозить ее сначала въ подмосковную, а потомъ въ симбирскую деревню, гдѣ она можетъ любоваться въ тишинѣ природою; что онъ будетъ держать ее взаперти, что такихъ франтиковъ, какъ Юрій Радинъ, за версту отъ дому будетъ встрѣчать собаками и арапниками, что самъ все будетъ дѣлать ей вопреки, будетъ вывозить ее, когда ей хотѣлось бы остаться дома, будетъ сидѣть дома, когда ей хотѣлось бы выѣхать. Несчастная женщина отвѣчаетъ, что она готова все переносить съ покорностію, чтобы искупить свою вину. Князь велитъ ей быть черезъ два часа готовою къ отъѣзду.

Вторая сцена въ залѣ старика Радина. Старика вывозятъ въ креслахъ изъ кабинета въ залу: онъ слабъ, онъ умираетъ и требуетъ свѣта, а въ кабинетѣ темно. Возлѣ него Александръ, но онъ требуетъ своего любимца, своего Юрія, чтобы простить и благословить его передъ смертію. Юрій приходитъ, видитъ страшную переѣну въ лицѣ своего отца и падаетъ къ ногамъ его, моля его о прощеніи. Отецъ благословляетъ его. Въ это время Александръ, стоявшій у окна, подбѣгаетъ къ брату, схватываетъ за руку и тащитъ къ окну: княгиня Лиговская садится въ карету. Юрій совсѣмъ растерялся; здѣсь умирающій отецъ, тамъ... Бѣшенство вновь овладѣваетъ имъ. Онъ требуетъ у брата исполненія даннаго ему наканунѣ обѣщанія — назвать человека, котораго любила Вѣра. Александръ медлитъ, и Юрій хватается свою саблю, лежавшую на столѣ, и грозитъ брату. Умирающій отецъ видитъ это. — Дѣти, дѣти, говоритъ онъ; убійство... остановите ихъ... братъ на брата... Господи, возьми меня скорѣй. Въ это время Александръ, вырвавъ у брата саблю, говоритъ ему: я твой соперникъ, — твой счастливый соперникъ я! — Ты? воскли-

падаетъ Юрій и закрываетъ лицо руками, но въ это время слышитъ онъ голосъ умирающаго отца, произносящій: дѣти, Юрій, Юрій. Онъ бросается къ нему, но слуга, бывший подлѣ старика, говоритъ ему: скончался!.. Юрій падаетъ безъ чувствъ. Александръ говоритъ: Слабая душа... и этого не могъ перенести!

Кому принадлежитъ первая роль въ этой драмѣ? Кто въ ней главное дѣйствующее лицо? Гдѣ идеалъ нашего поэта? Отвѣтъ не будетъ, кажется, затруднителенъ. Герой драмы — главное дѣйствующее лицо — Александръ Радинъ, этотъ безжалостный эгоистъ, который, потерявъ самъ всякую надежду на счастье жизни, съ наслажденіемъ разбиваетъ и уничтожаетъ надежды другихъ. Это уже не несчастный человѣкъ, преслѣдуемый обстоятельствами, это человѣкъ самъ играющій роль судьбы въ жизни другихъ людей; это такой человѣкъ, который, зная, что одно его слово можетъ нарушить спокойствіе и разбить счастье нѣсколькихъ близкихъ ему людей, не только не поостережется произнести это слово, но еще громче и явственнѣе выговорить его именно потому, что счастье другихъ не выносимо для него; это человѣкъ, въ которомъ слышится отреченіе отъ человѣчества, который хочетъ быть существомъ демоническимъ. Какъ далеко ушелъ этотъ новый идеалъ нашего поэта отъ прежняго, который мы видѣли въ лицѣ молодаго Арбенина въ драмѣ «Станный человѣкъ»! Что это развитіе одного и того же идеала, на это указываютъ намъ слова самого героя послѣдней драмы, сказанныя имъ княгинѣ Вѣрѣ во второмъ дѣйствіи. Въ этихъ словахъ разказываетъ онъ ей исторію своего дѣтства и объясняетъ причину, почему характеръ его принялъ такое развитіе и направленіе. Почти тѣми же словами изображаетъ самъ себя другой позднѣйшій идеалъ нашего поэта Печоринъ, въ извѣстномъ романѣ «Герой нашего времени». Выпишемъ здѣсь эту замѣчательную страницу:

«Да, такова моя участь была съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скромнень — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понималъ; и?я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и

свѣтомъ : лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца : они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили : я началъ обманывать ; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе,—не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностію и добродушною улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой : одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины ; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе, если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста смѣйтесь : предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.» (Изд. Смирдина, т. II, стр. 357 и 358).

Стоитъ сличить два эти открывка, и мы увидимъ, что въ душѣ поэта существовала неразрывная связь между этими двумя лицами, что оба эти лица—воплощеніе одной и той же идеи, никогда не покидавшей нашего поэта, различные моменты проявленія одного и того же идеала, постоянно передъ нимъ носившагося. Идеаль челоѣка въ представленіи нашего поэта заключался преимущественно въ неодолимой волѣ, въ волѣ, не знающей преградъ, разрушающей и уничтожающей на своемъ пути все, что препятствуетъ ей къ достиженію ея цѣли, въ волѣ, которая, какъ древняя судьба, не щадитъ никого, безъ различія—виновнаго и невиннаго. Таковъ Радинъ, таковъ Печоринъ, таковъ наконецъ Арбенинъ, герой драмы «Маскарадъ». Мы сказали уже нѣсколько словъ объ этой личности въ первой нашей статьѣ, и столько было уже о ней говорено другими, что было бы излишнимъ распространяться о ней болѣе. Характеръ этотъ уже получилъ свое опредѣленное мѣсто въ ряду современныхъ характеровъ, и дѣло о немъ можетъ считаться поконченнымъ и отданнымъ въ архивъ. Можно надѣяться, что онъ не явится болѣе на сцену, потому что его время уже прошло.

Что касается до другихъ лицъ драмы «Два брата», то надо сознаться, что они нарисованы весьма блѣдно, за исключеніемъ

можетъ-быть князя Лиговскаго, въ которомъ хорошо изображенъ типъ мужа старика, женившагося на молоденькой женщинѣ для того только, чтобъ имѣть молоденькую жену, любящаго свою жену не по влеченію сердца, не за ея добрыя качества, которыхъ онъ и не успѣлъ еще въ ней замѣтить, но по долгу мужа, который обязанъ любить свою жену, угождающую своей женѣ и предупреждающую всѣ ея желанія, пока онъ ею доволенъ, и вдругъ изъ мужа-угодника превращающагося въ мужа-тирана. Сама княгиня Вѣра остается въ драмѣ лицомъ самымъ неяснымъ. Есть въ ней что-то похожее на Вѣру, встречающуюся въ «Герое нашего времени», но послѣдняя внушаетъ къ себѣ глубокую симпатію въ читателѣ, тогда какъ первая остается существомъ загадочнымъ, и читатель не знаетъ что о ней подумать. Дѣвушка, обѣщавшая свою любовь одному, выходитъ замужъ за другаго, за богатаго старика, потомъ отдается вся новой любви къ брату того человѣка, котораго она любила когда-то, и наконецъ чувствуетъ возвращеніе своей первой любви, когда онъ снова является передъ нею. Что думать о такой женщинѣ? Отвѣчать на это мы не беремся.

С. Шестаковъ.

ШОПЕНЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ (1)

III.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я коснулся упрековъ, дѣлаемыхъ Шопену въ сбивчивости его гармонизацій, то-есть въ «оригинальничаньи», и въ употребленіи имъ «часто неумѣстныхъ» диссонансовъ; пойдемъ теперь далѣе. Къ этимъ упрекамъ присоединяются еще два. Первое туманность, второе сентиментальность его стиля, Süssereien, какъ выражаются Нѣмцы.

Правъ Листъ, сказавъ, что не настало еще время истинной оцѣнки Шопена, а слѣдовательно и истиннаго наслажденія его произведеніями. Листъ также правъ, сравнивая его музыку съ дорогимъ цвѣткомъ, изливающимъ нѣжный ароматъ (Chopin rag Liszt, p. 1.). Дѣйствительно, надо имѣть изощренное обоняніе, чтобы наслаждаться этимъ тонкимъ ароматомъ. Но откуда взялось пошлое слово *сентиментальность* въ приложеніи къ произведеніямъ Шопена? Оно въ ходу, и даже дотого, что породило особый родъ фортепیانной игры, странной и не совсѣмъ надежной, похожей болѣе на дуновеніе вѣтерка, чѣмъ на прогулку десяти пальцевъ по клавишамъ. А пргоров, мнѣ это напоминаетъ забавный анекдотъ. Къ Шопену явился разъ какой-то

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» - 1857 г. № 9.

трехсаженный молодецъ и, объявивши себя его страстнымъ поклонникомъ (что, нужно думать, не мало польстило самолюбію великаго художника), попросилъ у него позволенія сыграть ему что-нибудь изъ его «очаровательныхъ сочиненій», для того, прибавилъ онъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ дѣйствительно ихъ понимаетъ, и услыхавъ отъ артиста обычное: «je vous en prie, jouez», усѣлся за рояль, прижалъ лѣвую педаль и прожужжалъ, почти прошепталъ страстное энергическое скерцо (en si mineur). Когда онъ окончилъ, Шопенъ, какъ мнѣ передавалъ очевидецъ этой комической сцены, измѣривъ своими насмѣшливыми, голубыми глазами трехсаженного пѣяниста, сказалъ ему, съ худо-скрытою досадою, но съ шутивою, милою улыбкою: ah, si j'avais vos muscles, comme j'aurais tapé dru, mon cher monsieur! (будь у меня ваши мускулы, какъ бы я приударилъ!) Баринъ поклонился и вышелъ, можетъ-быть, въ полной увѣренности, что «monsieur Chopin» остался очень доволенъ его игрой и даже позавидовалъ его мускуламъ.

Но пойдемъ далѣе. Мы оставили Шопена въ Парижѣ (въ 1831 году). Къ этому времени относятся появленіе тѣхъ произведеній двадцатилѣтняго музыканта, которыя возбудили такія жаркія пренія. Ни въ одной области наукъ или искусствъ не было еще примѣра, чтобы талантъ или геній сразу и въ первомъ своемъ произведеніи высказался вполне, со всѣми своими яркими особенностями. Положимъ, они и не спѣшаютъ знакомить публику съ своими ребяческими опытами, но даже то, что считаютъ они уже достойнымъ обнародованія, всегда почти служить только какъ бы введеніемъ къ тому, что въ послѣдствіи скажутъ они міру. Истина не новая. Не ново также и то, что всякій, вступившій на какое-либо поприще, избираетъ себѣ образцомъ одного, а иногда даже и нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей, ему предшествовавшихъ.

Бетговенъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ подражалъ Моцарту, а въ Моцартовскихъ начальныхъ опытахъ слышатся всѣ угловатости старой школы, и еще ни одного изъ великихъ достоинствъ ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ уже чувствуется, хотя и смутно, талантъ, и даже замѣчательный.

Шопенъ является подражателемъ Гуммеля, съ внѣшней стороны своихъ произведеній, и достойнымъ ученикомъ школы времени Себастіана Баха, относительно внутренней,—относительно разработки мелодій и гармоній; послѣднее сохранилось въ немъ

до конца его музыкальной дѣятельности, усиливалось съ теченіемъ времени.

Въ первомъ сочиненіи его (появившемся гораздо ранѣе пріѣзда его въ Парижъ, то-есть 1831 года) онъ является граціознымъ піанистомъ, но и только; въ немъ даже нѣтъ и намекъ на будущій сильный талантъ. Рондо это (Rondo op. 1) блѣдная копія Гуммелевскихъ тріо и отчасти концертовъ. За нимъ вслѣдъ появились: варіаціи на Моцартовское: «la ci darem la mano» (Variations op. 2), польскій (op. 3) и наконецъ соната (op. 4).

Но какъ между безцвѣтнымъ рондо и не менѣе безцвѣтнымъ польскимъ, этими почти-дѣтскими опытами (я говорю относительно), могло очутиться вдругъ такое глубоко-прочувствованное, осмысленное произведеніе, какъ его варіаціи, это кажется рѣшительно непонятнымъ, — казалось мнѣ прежде непонятнымъ, хотѣлъ я сказать, но теперь, благодаря посмертному изданію сочиненій его, хранившихся въ портфель автора, кажущаяся нелогичность въ началѣ музыкальной дѣятельности Шопена объясняется весьма легко. Изданіе это ознакомило насъ съ тремя изъ его польскихъ, писанныхъ въ 1827, 28 и 29 годахъ (польскіе: *en re mineur, si bemol majeure* и третье: *en fa mineur*). Въ первомъ изъ нихъ видна уже неподражаемая его манера, и конечно нельзя не поставить его гораздо выше польскаго (op. 3), но отчего предпочелъ онъ ознакомить публику съ послѣднимъ, а первые *вовсе* не обнародовалъ? Издатель, г. Фонтанъ, говоритъ, что Шопенъ часто удерживалъ подолгу свои сочиненія въ портфель, а иногда и *вовсе* о нихъ забывалъ (что мудренаго, что богачъ не дорожитъ червонцами?). Вотъ первая причина; но вторая, и самая главная, мнѣ кажется, та, что восемнадцати-лѣтній музыкантъ (польскій *en re* былъ имъ написанъ, какъ я уже сказалъ, въ 1827 г.), только-что начинавшій свою артистическую карьеру, не рѣшился представить на судъ публики піесу, въ которой онъ, конечно, сознавалъ вполне что-то «свое», ему *одному* принадлежащее; нужно-ли прибавлять, что онъ, воспитанный въ строгой школѣ Баховской, не совсѣмъ довѣрялъ тогда своему внутреннему голосу (отличительный признакъ таланта въ начинающемъ)? Этимъ легко объясняется, какъ мнѣ кажется, появленіе рондо и польскаго (op. 3). Обѣ піесы эти были во вкусъ тогдашней музыки фортепьянной. Но какъ же могъ онъ издать свои варіаціи, помѣтивъ ихъ № 2?

Дѣло въ томъ, что это образцовое произведеніе, не смотря на свои яркія достоинства, по формѣ своей невольно напоми-

наетъ модныя въ то время варіаціи Герца на тему изъ «Жозефа» Мегюля; тѣ же прыжки въ четвертой варіаціи (хотя тутъ и очень кстати употребленные въ дѣло), та же неизбежная каденца въ интродукціи (глубоко осмысленная однако, *comme un avant-goût* самой темы, за ней слѣдующей), и наконецъ тотъ же финалъ шумный и блестящій (поразительная картина оргіи). Все какъ должно! За то въ слѣдующихъ его произведеніяхъ, въ рондо «въ родѣ мазурки» (ор. 5), въ мазуркахъ (ор. 6 и 7) свѣтъ услышалъ что-то совершенно-новое; въ нихъ обозначился — будущій народный поэтъ. Піесы эти посвящены чуднымъ феямъ, познакомившимъ музыканта съ поэзіею жизни, и были, видимо, написаны подъ вліяніемъ сильнаго чувства. Вскорѣ потомъ явились его ноктюрны (ор. 9), о которыхъ мы поговоримъ послѣ, явились этюды (ор. 10) и наконецъ концертъ (ор. 11).

Первое рондо его, польскій и соната (ор. 4) обличали въ дебютантѣ талантъ, сказавшійся въ законныхъ, общепринятыхъ формахъ; рондо *à la mazur* заставило призадуматься иныхъ; мазурки (ор. 6) усилили задумчивость; когда же наконецъ появились ноктюрны его, этюды, а потомъ и концертъ, тогда произошла страшная сумятица въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ классиковъ и романтиковъ, и эта сумятица разразилась наконецъ громовыми статьями, чуть не дуэлями всякаго рода, порчею тысячи невинныхъ инструментовъ, а въ заключеніе, обсуждающіеся обѣихъ партій летѣли въ Парижъ послушать *dieses impossibilen Chopin*, этого невозможнаго Шопена.

Геній Шопена проявился въ самыхъ разнообразныхъ музыкальных формахъ. Онъ написалъ три сонаты, два концерта, тріо, дуэты, экспромты, вальсы, баркароллы, колыбельныя пѣсни, этюды, фантазіи, четыре скерцо, двадцать четыре прелюдіи, тарантеллу, краковякъ, множество польскихъ, безчисленное количество мазурокъ, пѣсни (которыя скоро появятся въ свѣтъ) и наконецъ свои неподражаемые ноктюрны. Начнемъ съ послѣднихъ нашу мечтательную болтовню.

Въ первомъ изъ нихъ, написанномъ Шопеномъ въ 1827 году (*mi mineur* въ посмертномъ изданіи Фонтана), слышится воспоминаніе о граціозныхъ Фильдовскихъ ноктюрнахъ.

Воздушныя очертанія, фантастическіе образы возстаютъ въ воображеніи при мысли о Шопеновскомъ ноктюрнѣ, въ немъ такъ и слышится: ночной шорохъ, страстный говоръ чей-то, какая-то исполненная звука тишина, дѣйствующая подчасъ такъ сильно и

раздражительно на нервы! Въ нихъ поэтъ обрисовывается въ какомъ-то туманѣ, какъ бы изъ облаковъ слышится удивительно-сладкія мелодіи и поразительныя гармоніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете вы, что поэтъ — сынъ земли, что онъ страдалъ, плакалъ нашими слезами, любилъ нашею любовью. Знаете ли, какой эпиграфъ поставилъ бы я надъ большею частію его ноктюрновъ?

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сяннхъ голубомъ:
Что же мнѣ такъ *больно* и такъ *трудно*?
Жду ль чего, жалю ли о чемъ?

Да, страстное желаніе, безпредѣльная жалость слышится въ нихъ; звуки дышать любовью.

Но какъ разнообразенъ былъ поэтъ въ выраженіи своей высоко-элегической грусти! Не могу не упомянуть здѣсь о ноктюрнахъ, посвященныхъ Кларѣ Шуманнъ (ор. 9).

Оба они — тихое, ночное пѣніе; но отъ перваго щемитъ вамъ сердце, а второе навѣваетъ на васъ сладкое раздумье.

Прислушайтесь. Въ первомъ (en si b mineur) вы, вмѣстѣ съ авторомъ, отдаетесь сначала какимъ-то неяснымъ мечтаніямъ... Но что за образъ возникаетъ передъ вами, что отдѣляется отъ туманнаго фона?... Какое-то воспоминаніе о лучшихъ дняхъ, а съ нимъ вмѣстѣ какой-то милый голосъ слышится вамъ (середина ноктюрна, поворотъ въ re mineur, sotto voce), сначала тихо, очень тихо, но потомъ все яснѣе и яснѣе становится смыслъ его словъ, быть-можетъ, словъ, давно забытыхъ вами!... Откуда вдругъ эти рѣзкіе звуки трубы, зачѣмъ покрываютъ они собою милый вамъ голосъ?... «Опять тоска, опять страданье» (поворотъ въ si b mineur), въ памяти вашей возстаетъ, какъ призракъ, послѣдній мучительный порывъ къ невозвратно-прошедшему (предпослѣдніе четвертый и пятый такты ff.), и вы пробуждаетесь, мечтанія улетаютъ, спокойный аккордъ (въ si majeur) возвращаетъ васъ къ дѣйствительности.

Гейне говоритъ, что, слушая Шопена, видѣлъ въ немъ своего дорогаго соотечественника, уроженца изъ области поэтическихъ грезъ (aus dem Traumreiche der Poësie). «Часто, говоритъ онъ, хотѣлось мнѣ спросить его: такъ же ли тамъ цвѣтутъ роскошно-пламенные розы, какъ бывало прежде? Такъ же ли поютъ деревья при лунномъ, чудномъ свѣтѣ? Онъ отгадывалъ мои вопросы и отвѣчалъ мнѣ, успокаивалъ мое тоскующее сердце, вдох-

новенный собратъ Моцарта, Гёте и Рафаэля» (1). Кстати, замѣчательно, что поэту Гейне, — à ce plus triste des humoristes, по мѣткому выраженію Листа, — каждый звукъ воплощался въ образъ, ему *почти* былъ ясень высоко-романтический языкъ музыки, хотя онъ и не былъ музыкантомъ de facto. Вспомнимъ его Florentinische Nächte. Впрочемъ, кто не обладаетъ этимъ даромъ въ большей или меньшей степени, тому всегда покажутся дикими, невозможными объясненія музыкальных произведеній, такъ же, какъ будетъ непонятна прелесть лирическаго стихотворенія... Воспринимать невыразимое есть дѣло врожденной способности, привить ее нельзя.

Въ ноктюрнахъ своихъ Шопенъ является тѣмъ мистикомъ, про котораго Жоржъ-Сандъ сказала, что «монастыри для него были полны привидѣній и ужасовъ» (2). Но иногда глубоко-религіозное чувство дѣйствовало на него успокоительно.

Болѣе говорить о ноктюрнахъ Шопена я не стану; прибавлю только еще два слова: въ нихъ онъ высказалъ всю свою высоко-поэтическую душу; въ нихъ, по выраженію Шумана, «вездѣ, на каждомъ тактѣ написано: *Фредерикъ Шопенъ.*»

Всю музыкальную дѣятельность Шопена можно, какъ мнѣ кажется, раздѣлить на два періода.

Въ первомъ онъ является то какъ бы историческимъ живописцемъ (первыя мазурки его, польскіе, краковскіе, фантазія на польскія мелодіи, рондо à la mazur и т. д.), то высоко-талантливымъ дѣятелемъ въ разныхъ родахъ музыкальных произведеній (концерты, сонаты, этюды, фантазіи, тріо и т. д.).

Во второмъ періодѣ сливаются въ немъ въ одно оба элемента, и историческій и чисто-музыкальный. Въ своихъ послѣднихъ польскихъ, ноктюрнахъ, прелюдіяхъ и мазуркахъ онъ становится неподражаемъ и недосыгаемъ. Здѣсь онъ является поэтомъ, достигаетъ полнаго своего развитія. Въ нихъ все принадлежитъ исключительно ему, и духъ и форма; въ нихъ слышится и историческая грусть, этотъ *żał*, слышатся музыкантъ, принадлежащій своему времени и описывающій «чудное давно-прошедшее», и музыкантъ будущихъ временъ, гений, проложившій новые пути и потому далеко еще не понятый своими современниками...

Скажемъ нѣсколько словъ о его польскихъ. Слушая нѣкоторые

(1) Heine, Salon B. IV. S. 341.

(2) G. Sand. Histoire de ma vie p. 147.

изъ нихъ (ор. 53, 71 №№ II и III), такъ и переносишься въ далекій, стародавній міръ прошедшаго; въ воображеніи развертывается, со всѣми чудными подробностями, картина старопольскаго быта, блещетъ роскошный балъ, встаютъ живые образы, складается цѣлая поэма.

Есть у него одинъ польскій, оставляющій тяжелое впечатлѣніе. Мрачный колоритъ его камнемъ падаетъ на душу, а веселая, свѣтлая мазурка, которую авторъ кинулъ посреди его, звучитъ, по выраженію Листа, такою грустною насмѣшкою, такою ироніею, что, прибавляетъ онъ, сердце и воображеніе успокаиваются, когда снова появляется мрачный мотивъ польскаго (ор. 44 en fa d mineur). Дѣйствительно, свѣтлый лучъ солнца и безоблачное небо почти непріязненны человѣку, душа котораго болитъ и ноетъ; они напоминаютъ собою веселый, ясный взглядъ холоднаго, хотя въ сущности и дружелюбнаго человѣка, останавливающій порывъ страдальца, начавшаго высказываться, для облегченія своихъ мученій.

Тебѣ извѣстны вѣроятно также два польскіе его (ор. 26). Во второмъ (1) есть эпизодъ (2), онъ какъ сновидѣніе во время бала. Богъ знаетъ, чтó мерещилось автору его; но этотъ эпизодъ раздражаетъ нервы своимъ невозмутимымъ и вмѣстѣ томительно-грустнымъ спокойствіемъ. Въ немъ сливаются звуки и балльные, и похоронные... Хотѣлось бы еще поговорить съ тобою о польскихъ, да это не такъ-то легко. Разборъ ихъ съ нотами въ рукахъ не займетъ тебя; тебѣ нужно только познакомиться съ общимъ характеромъ ихъ. Вообще характеръ ихъ, большею частію, героическій. Иные изъ польскихъ его—поэмы, которыя бы можно назвать: *poèmes sur la mort d'un héros*.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ его вальсамъ и мазуркамъ, кинемъ бѣглый взглядъ еще на два польскіе: на самый первый, появившійся въ посмертномъ изданіи его сочиненій (3), и на послѣдній (4), подъ именемъ *полонеза-фантазіи*.

Первый написанъ въ минорномъ тонѣ, а послѣдній въ мажорномъ. Но, Боже, какою отрадою вѣетъ отъ перваго, и какое неопреодолимое отчаяніе слышится въ послѣднемъ! Увы! первый

(1) En mi b mineur.

(2) Въ si majeur.

(3) En re mineur.

(4) Polonaise-fantaisie, op. 61.

польскій написанъ восемнадцатилѣтнимъ юношею, а послѣдній—человѣкомъ, измученнымъ и физическими и нравственными страданіями. Первый—авторъ не рѣшился издать при своей жизни, а второй издалъ, хотя въ первомъ все жизнь, все поэзія, а въ послѣднемъ вездѣ проглядываетъ мысль о смертельной болѣзни и тщетныя старанія насильно вырвать у музы ея чудныя пѣсни, которыми она прежде, съ такимъ избыткомъ, дарила своего любимца. Въ произведеніи этомъ мелькаютъ, говоря словами Гоголя, кончики и хвостики мыслей... Правда, на каждой страницѣ его видна рука неподражаемаго мастера, видны слѣды, хотя и неявные, великихъ мыслей; но болѣе всего слышится въ немъ упорная борьба поэта съ гордою музою; холодными лобзаніями отвѣчаетъ она на страстные заклинанія страдальца-музыканта...

Онъ писалъ его въ 1849 году: роковой годъ, унесшій съ собою незабвеннаго музыканта! Образъ смерти уже поселилъ въ его сердцѣ тотъ страшный холодъ, который разсѣвался только отъ звуковъ родной ему поэзіи, но какъ бы ни былъ человѣкъ преданъ своему искусству, онъ еще болѣе любить жизнь, и тоскливое ожиданіе скорой и вѣчной разлуки съ нею не можетъ не наложить печати на вдохновеннѣйшія произведенія его. За то съ какимъ наслажденіемъ прочитываешь вслѣдъ за этимъ невыносимо-грустнымъ польскимъ, его первый польскій!.. Онъ писался въ счастливую пору жизни Шопена, все ему улыбалось тогда, и любовь, и радости земныя. Минорный тонъ набрасываетъ на характеръ этой юной, свѣжей импровизаціи, что-то мечтательное. Отъ звуковъ его, сердце не бьется тревожно въ груди, оно нѣжится привольно и сладко. Какъ теплое солнышко, пригрѣваетъ его ясный, чудный колоритъ этого граціознаго польскаго, написаннаго юношею Шопеномъ въ 1827 г.

Valses par Frédéric Chopin,—какое скромное названіе! А чего нѣтъ въ этихъ вальсахъ?...

Шопенъ, истинный богачъ въ области искусства, скромно писалъ на своихъ произведеніяхъ: вальсъ, шутка (*scherzo*), мазурка и т. п. А вѣдь въ нихъ кроется неистощимый родникъ истинной поэзіи; внутри ихъ скрыты первоклассныя красоты, но онѣ не мечутся въ глаза, и хотя всякій найдетъ въ нихъ доброе, радушное слово хозяина дома (легкость, удобопонятливость самой формы произведеній), но... много званыхъ, да мало избранныхъ! Не малаго труда стоить войти во внутренніе покои художника, много надо усилій, чтобы постичь тайную прелесть его поэтическихъ разказовъ!.. Толпа терпѣть не мо-

жеть трудиться, ей нѣтъ времени доискиваться, добираться, и потому, повѣривъ на слово энтузіастамъ оригинальнаго Шопена, она, вѣчно жадная до блеска, до того, что такъ мѣтко называютъ Французы *le clinquant*, холодно проходить мимо неподражаемыхъ образцовъ творчества, произнося свое пошлое *charmant*, и съ восторгомъ раскупаетъ и наполняетъ столы свои, этажерки и бѣдныя головы дѣтей, съ музыкою, произведеніями, подъ заманчивыми заглавіями: «Разбитое сердце», «О ты, душа души моей», «Дикій конь», «О смерть, о разлука», «Жажда мести», «Борьба великановъ».

«*Le style c'est l'homme*» — слова эти какъ нельзя болѣе кстати въ приложеніи къ вальсамъ Шопена. Въ нихъ все изящно-благородно. Нигдѣ не натолкнешься на такъ-называемыя «общія мѣста». Но особенно поражаетъ въ нихъ, соединеніе пѣнія съ самыми быстрыми и блестящими пассажами. Одинъ музыкантъ сказалъ мнѣ разъ, что когда онъ слушаетъ Шопеновскіе вальсы, то ему представляется какой-то полетъ крылатыхъ духовъ, вращающихся въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи, при звукахъ упителныхъ мелодій.

Потолкуемъ теперь о его мазуркахъ. При словѣ: мазурка, невольно приходитъ въ голову Шопень, а говоря о Шопенѣ можно ли не остановиться съ глубокимъ удивленіемъ передъ неподражаемыми образцами его творчества, передъ его мазурками?

Чего не передаетъ намъ вдохновенный поэтъ въ этихъ звукахъ? Мазурки его — рядъ поэмъ, юмористическихъ очерковъ и чудныхъ пѣсенъ...

Этотъ родъ произведеній Шопена болѣе другихъ требуетъ подраздѣленія по двумъ періодамъ его музыкальной дѣятельности. Къ первому относятся тѣ мазурки, которыя можно назвать картинами, писанными съ натуры. Ко второму — тѣ, въ которыхъ за историческимъ ихъ колоритомъ, прячется поэтъ — психологъ. Кому неизвѣстны первыя его мазурки (1)? Ихъ пѣли и играли у насъ многіе извѣстные виртуозы: Віардо, Альбони, С. Бореръ, Листъ, Делеръ и другіе. Надъ ними подчасъ задумывались даже и такіе, которые никогда ни о чемъ не думаютъ; о нихъ уже много и потолковали. Но дѣло въ томъ, что въ числѣ мазурокъ, принадлежащихъ къ первому періоду, есть много рѣшительно неизвѣстныхъ большинству публики (2).

(1) Ор. 6 ор. 7.

(2) Напр. изъ той же тетради ор. 6, №№ 2, 3 и 4.

Тебѣ, вѣроятно, случалось, смотря на портретъ незнакомаго тебѣ человѣка, утверждать, что онъ должно-быть удивительно похожъ, и въ то же время быть вполне увѣреннымъ, что съ оригиналомъ его ты нигдѣ, никогда не встрѣчался, а не встрѣчался по очень простой причинѣ: онъ умеръ, положимъ, лѣтъ за десять до твоего рожденія. Мнѣ кажется, это объясняется очень легко. Если отъ портрета вѣсть «правдою» и «жизнію», то онъ не можетъ не походить на свой оригиналъ, въ немъ скажется «что-то», принадлежавшее живому человѣку.

Такъ и мазурки Шопена. Въ нихъ рисуются оживленные ландшафты, слышатся многимъ изъ насъ неизвѣстные инструменты, а вѣдь чувствуется, что содержаніе ихъ выхвачено прямо изъ дѣйствительности. вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что не грубою, рутинною кистью писались онѣ съ натуры; онѣ запечатлѣны высокимъ творчествомъ. Ни одной лишней черты, нигдѣ темнаго пятна, освѣщеніе не бьетъ въ глаза. Все строго обдуманно, ни одной угловатости. А если иногда и слышится что-то дикое въ говорящихъ краскахъ, то это дикое не оскорбляетъ уха, оно на мѣстѣ. Это та же бородавка на красивомъ лицѣ портрета неизвѣстнаго тебѣ оригинала. Дикое—это мѣстный колоритъ ландшафта, разстроенная скрипка, гудокъ, цимбалы странствующихъ бродягъ—артистовъ, отрывокъ Богъ знаетъ откуда принесшей пѣсни (1).

Какія истинно-комическія сцены передалъ намъ въ своихъ мазуркахъ художникъ! И балъная зала, и шинокъ, и деревенскій праздникъ—все служило ему предметомъ для наблюденій. Заглянемъ, напримѣръ, въ польскій шинокъ.

Сильно подгулялъ оборванецъ-шляхтичъ. Страшно пилить онъ смычкомъ по своей разстроенной, пьяной скрипкѣ (2). Онъ, вотъ видишь, силится наиграть давно ему знакомую мелодію, да вотъ не приходитъ она ему на память вся какъ есть...

«Да замолчи, чортъ!» слышится изъ другаго угла шинка, и квинты его покрываются довольно трезвою для шинка мазуркой (3). — Хорошо, думаетъ про себя оборванецъ-пьянчужка, продолжая пилить свои квинты и съ силою налегая все на одну и ту же ноту (4), — ладно, думаетъ онъ, вотъ замолчу... ужъ.

(1) Напр. мазурка № 4 изъ ор. 6.

(2) № 3 мазурка ор. 6 — квинты въ басу.

(3) Второй отдѣлъ мазурки ff.

(4) «Si» въ третьемъ отдѣлѣ.

Ахъ, оборвалась проклятая! А въ то время, какъ онъ хлопочетъ около своей оборванной струны, стараясь вновь навязать ее, мазурка, покрывшая его несносныя квинты, продолжается, прихотливо извиваясь изъ другаго угла шинка, стройно, удивительно стройно (1)! Глядь, а пьянчужка-шляхтичъ ужъ опять готовъ и пилить по-старому. Да мало того: услыхавъ, что мазурка, ненавистная ему, замолкла (2), вздумалъ снова наигрывать прежнюю мелодію... Каковъ пьянчужка! вѣдь набрелъ-таки на конецъ мотива (3). — Ну, а теперь, думаетъ онъ, — довольно, умаялся, полно, будетъ... Вдругъ раздались новыя квинты, съ звучащею верхнею нотой, гдѣ-то на чистомъ воздухѣ (4). Народъ посыпалъ изъ шинка. Посмотримъ на танцующихъ. Рослый дѣтина, схвативъ за руку хорошенькую дѣвушку, летитъ съ ней, поднимая за собою цѣлую тучу пыли. Какія онъ штуки выдѣлываетъ ногами! А дѣвушка, немного избоченясь, такъ и порхаётъ около своего рослаго мазуриста! Толпа обступила ихъ. И долго несется оттуда оживленный говоръ, свистъ, топотъ и то заунывные, то подчасъ нестройные звуки народнаго танца... Вотъ наконецъ потухли огни; и пьяные и трезвые, и молодые и старые, всѣ разбрелись по домамъ. Ночь. Все уснуло...

Но что за звуки слышатся издали? Какъ бы прорѣзывая густую тьму, несутся они откуда-то и пробуждаютъ ночную тишину (5)... Отчего же дрогнуло сердце? Отчего! оттого, что чуются слезы, вопли въ этихъ тихихъ звукахъ, разказъ о... не знаю о чемъ, но знаю только то, что какъ бы спокойно ни было на душѣ, а отъ него зашевелится на днѣ ея быть-можетъ давно ужъ уснувшее чувство, тяжелое чувство! Зашевелится — и уже не скоро выведешься изъ-подъ гнета его...

Помнится мнѣ одно петербургское утро. Меня разбудили ни свѣтъ, ни заря; дѣло было лѣтомъ; соннаго одѣли, дали трость въ руку... и только очутившись на улицѣ, опомнился я, прохваченный насквозь свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ. Опомнился, и почти побѣжалъ по пустыннымъ улицамъ еще не пробудившагося города, а побѣжалъ я оттого, что тогда только понялъ настоящій смыслъ словъ будившаго меня человѣка: «Извольте вставать, за

(1) Risvegliato въ третьемъ отдѣлѣ мазурки.

(2) Аккордъ la majeur.

(3) Послѣдніе четыре такта.

(4) Мазурка № 2 op. 6.

(5) Мазурка op. 17 № 4.

вами присылали отъ Б. Р..., они не очень здоровы.» — Вѣрно умираетъ, подумалъ я, и сердце во мнѣ упало... Извопикъ! закричалъ я отчаяннымъ голосомъ, — извопикъ! повторилъ я, задыхаясь отъ быстрой ходьбы. Въ это время примчался ко мнѣ съ вѣтромъ мотивъ Штраусовой *Катарина-польки*: должно-быть, подъ звуки ея шли солдаты учиться на Марсово поле. — Экъ флейта-то какъ высвистывается! подумалъ я. Извопикъ! крикнулъ я еще разъ, спотыкаясь на каждомъ шагу отъ волненія и усталости... Минуть черезъ десять, блѣдный, истомленный, входилъ я въ спальню больного, а часа черезъ три я читалъ ужъ отходную надъ умиравшимъ отъ страшной эпидемической болѣзни... Повѣришь ли? звуки *Катарина-польки* не оставляли меня въ покоѣ во все это время. Послышалась наконецъ паннихида, слезы и стenanія окружавшихъ покойника, сердце мое готово было разорваться на части... а неотвязчивый веселый мотивъ все звенѣлъ въ ушахъ, какъ бы поддразнивалъ меня, усиливая и безъ того невыносимыя мученія...

Въ мазуркѣ, о которой я сейчасъ началъ говорить, является, послѣ томительно-грустнаго разказа, свѣтлая мелодія (1). Веселая, спокойная, она какъ бы преслѣдуетъ страдальца. Когда я слышу эту мазурку, предо мною, какъ призракъ, встаетъ воспоминаніе о раннемъ утрѣ, о звукахъ той польки и о самыхъ горькихъ минутахъ моей жизни... Свѣтлый мотивъ ея раздражаетъ; сила этого раздраженія слышится въ сильно-звучащей нотѣ: это острая боль сердца (2)... Наконецъ исчезаетъ онъ, этотъ неотвязчивый мотивъ, слышатся опять вопли, разказъ о бывшихъ страданіяхъ, быть-можетъ тяжкихъ утратахъ... А кругомъ все тихо, все спокойно (3)... «О чемъ плачешь ты, о чемъ тоскуешь?... Усни, освѣженный пролитыми слезами и душистымъ дыханьемъ ночи, усни: пора, пора тебѣ забыться!» Минута — и все смолкло (4), только сердце бьетъ тревогу, поднятое тяжелыми воспоминаніями... Но и оно успокоится, замретъ въ больной груди...

Und die Herzen die vergessen

Und die Augen die schlafen ein...

«Сердца забываютъ, глаза засыпаютъ», сказалъ Гейне.

(1) La majeure, dolce. . .

(2) Средняя нота «mi» въ правой рукѣ.

(3) Модуляція въ лѣвой рукѣ.

(4) Последніе четыре такта pp. perdendosi.

Перейдемъ теперь къ мазуркамъ, относящимся ко второму періоду. Да вотъ бѣда, ты связалъ меня словомъ: не употреблять, говоря о произведеніяхъ Шопена, техническихъ терминовъ, рѣшительно непонятныхъ тебѣ, а вѣдь съ какимъ бы наслажденіемъ я повелъ тебя по лабиринту извилистыхъ, прихотливыхъ переходовъ; какъ весело было бы слѣдить за мелодіею, то исчезающею въ шумномъ потокѣ звуковъ, то снова всплывающею на поверхность спокойныхъ водъ! Подмѣтили бы мы съ тобою подчасъ и борьбу двухъ мотивовъ, старающихся сломить другъ друга; постарались бы объяснить себѣ и кажущуюся дисгармонію иныхъ аккордовъ, еслибы... Охъ, это «еслибы»!

Пѣвецъ безотраднaго, безупречнаго ропота, этого польскаго *śal*, является въ мазуркахъ втораго періода недосыгаемымъ. Словами не передашь ихъ невыразимой прелести. Нельзя, любезный другъ, обратить звуки въ плоть и кровь, ни на одномъ языкѣ нѣтъ выраженій, равносильныхъ музыкальнымъ выраженіямъ. Удивительныя картины рисуются предъ очарованными глазами, но не всегда удается описать ихъ глубоко-поэтическое содержаніе. Постарайся ознакомиться съ мазурками (ор. 41, 56, 59, 63, 50 и 33).

Довольно пока о мазуркахъ; въ послѣдствіи я еще упомяну объ одной изъ нихъ: о предсмертной (*en fa mineur*). Въ ней, хотя она далеко не изъ лучшихъ его произведеній, будто въ зеркалѣ отразился и художникъ, и человѣкъ-страдалецъ. Въ заглавіи ея можно бы поставить: «*ci-gît Frédéric Chopin*», здѣсь покоится Фредерикъ Шопень».

Но пора намъ въ Парижъ, заглянуть въ роскошную келью знаменитаго музыканта.

Да нѣтъ, зачѣмъ фантазировать? Я, какъ ты знаешь, никогда не слыхалъ знаменитаго маэстро, рвался въ Парижъ и... очутился въ моемъ сельцѣ Зловѣ. Лучше передамъ тебѣ разказъ одного моего пріятеля; онъ, счастливецъ, ни къ чему особенно не стремился, но успѣлъ уже многимъ насладиться... Всякому свое.

«Бывши въ Парижѣ—такъ началъ разказчикъ — и узнавъ случайно о томъ, что Шопень, такъ рѣдко игравшій въ публикѣ, то-есть «*devant le grand public*», дастъ скоро концертъ въ залѣ Шейеля, я поспѣшилъ взять билетъ и... не нашелъ ужъ ни одного, хотя до концерта оставалось еще дней девять. Плохо! Однако отыскался какой-то услужливый господинъ и за вѣсь золота преобязательно продалъ мнѣ право подивиться на париж-

ское чудо, la merveille de Paris (перевелъ мой пріятель). Насталъ желанный день. Я вошелъ въ залу за полчаса до начала концерта и едва-едва пробрался до третьяго ряда кресель... Наконецъ—никогда не забуду я этой минуты!—появился на эстрадѣ молодой человѣкъ средняго роста въ классическомъ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ; онъ былъ «вѣрный снимокъ du comme il faut», походка его мнѣ очень понравилась; въ ней было столько граціи, столько этого... знаешь чего-то, ну, пожалуй, аристократическаго (разкащикъ былъ князь), что по неволѣ лорнетки парижскихъ красавицъ прильнули къ вошедшему. Ураганъ аплодисментовъ встрѣтилъ всеобщаго любимца. Онъ поклонился и сѣлъ, потомъ... потомъ я забылъ (ты знаешь мою привычку слушать музыку съ закрытыми глазами), а очнувшись отъ треска и гвалта, «monstres!» чуть-было не крикнулъ я, но... взглянувъ на эстраду, понявъ, въ чемъ дѣло: концертъ кончился,—hélas! il était fini...

«Я подошелъ къ инструменту, только-что оставленному артистомъ. Какъ провинціалъ, принялся я осматривать и ощупывать клавиши; стыжусь сказать: мнѣ просто не вѣрилось, чтобъ это была обыкновенная рояль. Да какъ же, думалъ я, —вѣдь это не сонъ?—мнѣ слышались голоса, звуки органа, ропотъ падающихъ водъ, какой-то гулъ, точно отдаленный громъ; мнѣ мерещились цѣлые оркестры, и хотя звуки ихъ и доносились ко мнѣ, какъ бы изъ какой-то лѣсной чащи, но я слышалъ явственно и страстный голосъ виолончелей и вздохи гобоевъ, слышалъ даже трещотку-трубу, взвизгиванье скрипокъ и наконецъ глухіе удары тамъ — тамъ?.. «Mille pardons, monsieur, c'est ma voiture», послышался мнѣ голосъ у самаго моего уха. — Veuillez m'excuser, madame, проговорилъ я, быстро отступая отъ экипажа, въ который чуть было не утѣлся, и помогая граціозной, молоденькой барынѣ впорхнуть въ него... Представь, я вѣдь и не замѣтилъ, какъ вышелъ изъ залы, какъ очутился на подъѣздъ...»

— Счастливецъ, промолвилъ я, смотря на разкащика.

Князь слышалъ мое восклицаніе, оно ему понравилось, и съ одушевленіемъ продолжалъ онъ свой разказъ:

«Благодаря моему имени, я попалъ въ лучшіе парижскіе дома и даже — прибавилъ онъ немного напряженно-равнодушнымъ голосомъ — бывалъ не разъ на маленькихъ вечеринкахъ de la Cour. Понятно, что выѣзжая въ этотъ свѣтъ, я былъ принятъ у Потоцкихъ, Чарторижскихъ... У нихъ-то я познакомился и часто встрѣчался съ Шопеномъ. Ah! mon cher, продолжалъ онъ

Улыбаясь, — я право никогда не думалъ, чтобъ артистъ съ фамиліею какого-нибудь Шопена, могъ быть до того *grand seigneur*, — не говорю ужъ о томъ, что всѣ съ восхищеніемъ принимали музыканта Шопена: въ этомъ чтò мудренаго? онъ былъ знаменитость, любимецъ высшаго парижскаго круга, *il était en vogue*, — да человекъ-то Шопенъ былъ неотразимо привлекателенъ, разговоръ его до того былъ остеръ, языкъ его иногда такъ мѣтко...» Князь люперхнулся и, не кончивши рѣчи, продолжалъ: — «И мнѣ удалось разъ быть у него; я пріѣхалъ къ нему утромъ; лакей, чрезвычайно приличный, прибавилъ наивно мой пріятель, — ввелъ меня въ гостиную; роскошная простота ея меня поразила, только цвѣтовъ было въ ней ужъ слишкомъ много, совершенная оранжерея; вдали видѣлась рояль, а около нея на стѣнѣ портретъ Листа, единственный портретъ въ цѣлой комнатѣ. Минуты черезъ двѣ показался изъ-за портьеры хозяинъ дома, въ изящномъ *negligé de matin*; онъ меня усадилъ въ кресло, заговорилъ о Парижѣ, о его удовольствіяхъ, но — вотъ чему подивись! — всего болѣе говорилъ со мною о гербахъ, знатныхъ родахъ нашего дворянства, мало того, прибавилъ, что онъ, *simple artiste*, простой музыкантъ, всегда съ уваженіемъ смотритъ на тѣхъ, кто дорожить заслугами своихъ предковъ, будь онъ самъ хоть и ничтожный человекъ, наконецъ, что... Много говорилъ онъ на эту тему и потомъ, посмотрѣвъ минуты двѣ на меня, сказалъ съ любезною, откровенною улыбкою: — Какъ я люблю людей подобныхъ вамъ! вы живете счастливо, беззаботно, гоните отъ себя прочь тяжелыя мысли, воображеніе не заноситъ васъ Богъ-вѣсть куда... я вамъ завидую! прибавилъ Шопенъ, еще разъ улыбнувшись. А мнѣ прежде говорили, что онъ страшно гордъ со всѣми, продолжалъ разкащикъ, — я самъ видалъ его въ свѣтѣ; онъ, правда, немного... холодно говорилъ съ тѣми, кого мало зналъ, и вообще предпочиталъ кругъ женщинъ, въ которомъ его очень любили, и даже такъ... (князь сильно закашлялся) все это правда, но вѣдь я же живой человекъ! онъ меня такъ принялъ у себя, какъ только принимаютъ людей, которыхъ... enfin, *des gens d'un certain... mérite*, прибавилъ мой пріятель, едва сдерживая улыбку удовольствія — и... ай, ай, ай, опоздалъ!» вскрикнулъ онъ вдругъ, взглянувъ нечаянно на мои кабинетные часы, и съ этимъ словомъ, пославъ мнѣ на лету воздушный поцѣлуй, исчезъ.

Зачѣмъ однако ты ѣздилъ къ Шопену, мой добрый князь? подумалъ я, оставшись одинъ, да и вспомнилъ невольно слова Листа: «Шопенъ, хозяинъ дома, весь отдавался своему гостю, кто

бы онъ ни былъ, зная въ совершенствѣ, какъ съ кѣмъ говорить; многіе думали, что онъ невѣсть какъ дорожитъ ихъ знакомствомъ, цѣнить вполне высокія качества ихъ ума и сердца... добрые люди!—они не знали, что такое истинно-свѣтскій человѣкъ.»

Шопенъ, покинувшій свою родину и все дорогое его сердцу, искалъ въ музыкѣ и въ изящной, артистической жизни отдохновенія отъ тоскливыхъ порывовъ, мучившихъ его любящее существо. Сверхъ того поэтъ, художникъ—музыкантъ, мнѣ кажется, болѣе чѣмъ кто—либо, можетъ желать видѣть около себя жизнь въ ея лучшемъ проявленіи, то-есть желать окружать себя лучшими произведеніями природы и искусства. Ими возбуждается его творчество. Конечно, много безсмертнаго создано въ бѣдныхъ чердакахъ, при мерцающемъ свѣтѣ ночника.... это правда! Правда и то, что въ жалкихъ, полуразвалившихся лачужкахъ рождаются красивѣйшіе типы человѣческой породы; но не забудемъ, при этомъ, вовсе не бессмысленный обычай богатыхъ лордовъ окружать своихъ женъ, готовыхъ разрѣшиться отъ бремени маленькимъ лордомъ,—окружать ихъ замѣчательнѣйшими образцами искусства. Поэтъ, музыкантъ, художникъ, вѣчно-занятый трудной работой, вынашивающій въ себѣ плодъ своей фантазіи, дорожитъ изящною обстановкой; ему любо окинуть бѣглымъ взглядомъ свою рабочую комнату, если въ ней царствуетъ не пресловутый артистическій безпорядокъ и густые слои пыли на книгахъ и бумагахъ, а тотъ изящный комфортъ, который располагаетъ и къ тяжелому труду, и къ веселой лѣни. Шопенъ любилъ цвѣты, картины, бюсты, любилъ и хорошіе переплеты на тѣхъ нотахъ и книгахъ, которыя ему нравилось чаще другихъ перечитывать, онъ любилъ и дорогія растенія, и благовонную атмосферу въ своихъ комнатахъ; самъ онъ, по выраженію Шумана, являлся въ своихъ произведеніяхъ «весь въ шелкѣ и въ жемчугѣ, являлся, однимъ словомъ, блестящимъ и изящнымъ.....» Музыкантъ—педагогъ, онъ добросовѣстно отдаетъ большую часть своего времени своимъ многочисленнымъ ученикамъ. Музыкантъ—виртуозъ и сочинитель, онъ просиживалъ иногда цѣлыя ночи въ своемъ раздушенномъ кабинетѣ, переходя отъ инструмента къ рабочему столу и отъ рабочаго стола опять къ своему неизмѣнному и говорящему другу Плейелю (1). Остальное время онъ отдавалъ своимъ короткимъ знакомымъ, но болѣе

(1) Рояли работы Плейеля были любимыми инструментами Шопена.

всего любилъ онъ проводить досужные часы въ кругу своихъ соотечественниковъ и собратьевъ по искусству. Его неистощимая веселость и острый умъ дѣлали его желаннымъ собесѣдникомъ. Переходя внезапно отъ задушевныхъ разговоровъ и импровизаций, то блестящихъ, то задумчивыхъ, къ самымъ утомительнымъ фарсамъ, къ веселымъ, а подчасъ и презлымъ выходкамъ, онъ становился дорогимъ, неоцѣненнымъ гостемъ, приковывавшимъ все вниманіе того кружка людей, въ которомъ находился. Часто, разказываютъ Листъ и Жоржъ-Сандъ, онъ послѣ удивительныхъ импровизаций отходилъ отъ инструмента, и вдругъ превращался въ какого-нибудь оригинала Англичанина-туриста, въ нѣмецкаго «математика-музыканта», въ изступленнаго «романтика» новѣйшихъ временъ; превращеніе было полное, поразительное; тонъ, складъ рѣчи, самое лицо его совершенно измѣнялись... Но всегда, прибавляютъ оба его біографа, оставалась при немъ его изящная и аристократическая *manière d'être*; во всѣхъ его преднамѣренно — грубыхъ движеніяхъ проглядывалъ благовоспитанный чловѣкъ; въ шуткахъ и насмѣшкахъ его было много соли, дерзости не было никогда. Его особенно любили молодыя дѣвушки. Съ ними онъ превращался въ совершеннаго ребенка, прыгалъ, рѣвился, придумывалъ всевозможныя маленькія игры... однимъ словомъ, по выраженію Листа, онъ былъ съ ними просто обворожителенъ. И дѣйствительно, быть-можетъ, не одна изъ рѣзвившихся и весело прохохотавшихъ съ нимъ цѣлый вечеръ, проводила потомъ ночь безъ сна. Ей мерещилось выразительное лицо артиста, слышался его тихій, симпатичный голосъ, или волшебные звуки музыканта.... Онъ былъ счастливъ въ привязанностяхъ, его любили и тѣ, кого онъ любилъ, и тѣ, кого онъ вовсе не любилъ. Соотечественницы его чаще другихъ пользовались его сообществомъ, съ ними мечталъ онъ о родной землѣ, отъ нихъ получалъ свѣдѣнія о далекой родинѣ своей, имъ повѣрялъ онъ порою то, что таилъ въ душѣ отъ холодно-любопытныхъ людей, вѣчно преслѣдующихъ своимъ несносно-пытливымъ взглядомъ всякую и сколько-нибудь замѣчательную личность, и жалкую ничтожность, пользующуюся нѣкоторымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Доступъ къ нему былъ труденъ. Листъ разказываетъ, что его домъ былъ какъ заколдованный замокъ; многихъ усилій стоило пробраться въ него. За то, очутившись тамъ, не хотѣлось разстаться съ нимъ и съ его хозяиномъ. Постараюсь передать тебѣ въ нѣсколькихъ чертахъ вечеръ у Шопена. За фактическую вѣрность ручаются слова Листа о немъ. Листъ, искренній другъ Шо-

пена, описываетъ этотъ вечеръ подробно, съ всегдашнимъ своимъ увлеченіемъ (1).

Многіе изъ знаменитостей парижскихъ разъ собрались застать Шопена врасплохъ, и дѣйствительно имъ это удалось. Только одинъ уголъ гостиной его былъ освѣщенъ нѣсколькими свѣчами, горѣвшими около рояля Плейеля; изъ нея умѣлъ онъ извлекать тѣ удивительные звуки, которые, по словамъ Листа, напоминали собою звуки древне-германскихъ гармоникъ (*harmonica*), въ которыхъ старинные мастера такъ искусно соединяли стекло съ водою (*le cristal à l'eau*) (2).

Отъ угловъ, оставленныхъ въ темнотѣ, комната казалась огромною, безграничною. Струя свѣта, падавшая отъ свѣтъ, окружавшихъ рояль, скользила по паркету и соединялась съ мерцающимъ пламенемъ камина. Иногда внезапно освѣщались на мгновеніе то одно, то другое высокое кресло, покрытое сверху до низу бѣлымъ чехломъ, и тогда они казались какими-то привидѣніями, вызванными неизвѣстно откуда волшебными звуками... Въ зеркалѣ, висѣвшемъ въ гостиной, по странной игрѣ свѣта, отражался одинъ только ярко-освѣщенный чудный овалъ лица музыканта. Близъ самаго инструмента стоялъ поэтъ-юмористъ Гейнрихъ Гейне. Онъ слушалъ и наслаждался разказами собрата-поэта о томъ краѣ, въ которомъ ему было все знакомо, о краѣ, въ которомъ они такъ любили встрѣчаться другъ съ другомъ... (3)

Около Гейне стоялъ творецъ «Гугенотовъ», Мейерберъ, жадно слѣдя за едва-уловимою мыслию импровизатора, то прятавшеюся въ сѣтяхъ удивительныхъ арабесковъ, то вновь вырывавшеюся изъ нихъ... Далѣе видѣлся Нурри, извѣстный пѣвецъ и отличный музыкантъ, говорившій часто, что «истинная красота искусства заключается въ правдѣ музыкальной». Близъ него сидѣлъ Гиллеръ, піанистъ и замѣчательный композиторъ; съ глубокимъ вниманіемъ, съ тихимъ восторгомъ, слушалъ онъ неподражаемую игру Шопена. Далѣе, живописецъ де-Лакруа. Казалось, онъ при-

(1) F. Chopin par Liszt, p. 82—94.

(2) Эти инструменты теперь вовсе почти не существуютъ; многіе говорили мнѣ, что нервный человѣкъ рѣшительно не можетъ не только играть на нихъ, но даже и слушать раздражающихъ звуковъ ихъ. Въ настоящее время ихъ можно видѣть въ немногихъ домахъ Германіи. Когда-нибудь я сообщу о нихъ нѣкоторыя подробности; скажу теперь только одно, что играть на этихъ гармоникахъ нельзя иначе, какъ имѣя концы пальцевъ постоянно влажными.

(3) Heine, Briefe aus Paris.

думывалъ, какими красками и на какомъ бы полотнѣ передать чудные образы, возстававшіе въ его воображеніи, вызванные изъ невѣдомыхъ странъ чарующими звуками. Историкъ Нѣмцевичъ посѣдѣлый старецъ, весь перенесшійся въ прошедшее, мечталъ, погруженный въ глубокія думы... Около него сидѣлъ самъ біографъ Шопена — вѣчно-юный, восторженный Листъ. Отдѣлившись отъ всѣхъ, видѣлся мрачный Мицкевичъ, безсмертный творецъ «Гражины» и «Валленрода». Въ самомъ углубленіи комнаты сидѣла, облокотившись на столъ и глубоко задумавшись, одна изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ личностей, Жоржъ-Сандъ. Казалось всѣ ея собственныя поэтическія стремленія какъ бы исчезли; она жила въ то время мыслию и вдохновенною жизнію поэта-импровизатора... Долго игралъ онъ. Звуки то замирали, то вновь поднимались, какъ сердитыя волны моря, — и опять утихали, и опять наставалъ штиль. Поэтъ, вѣчный странникъ, выходилъ на пустынный берегъ. Мрачно, одиноко было все кругомъ его... Вдругъ раздавалась его пѣсня, тихая жалоба на неотразимую судьбу; она уносилась вдаль, и самъ онъ наконецъ, влекомый чудною силой, летѣлъ вслѣдъ за нею... Какія картины рисовались тогда его распаленному воображенію! Какъ пламенно описывалъ поэтъ появившійся ему роскошный образъ любимой женщины!.. Но полный ревнивой страсти, спѣшилъ онъ накинуть легкій, прозрачный покровъ на чудныя красы своего идеала... потомъ все исчезало, и берегъ, и сердитое море, и отважный пловецъ... слышались какіе-то непонятные, но влекущіе къ себѣ звуки. Были ли то слова любви, слова прощанія? Очарованное ухо слушателей не могло ихъ наслушаться...

Шуманъ (über Musik und Musiker) говоритъ, что «Шопень имѣлъ привычку, окончивъ играть и сѣдя въ раздумьи предъ только-что замолкнувшимъ инструментомъ, ударять тихо то по одной, то по другой клавишѣ. Онъ, прибавляетъ Шуманъ, какъ бы старался тѣмъ стряхнуть съ себя окончательно всѣ слѣды своихъ недавнихъ сновидѣній.»

Шопень былъ гордъ какъ *человѣкъ* и гордъ какъ *артистъ*, но онъ не былъ спѣсивъ или чванливъ. Свѣтъ не избаловалъ его, — такого рода людей нельзя избаловать... Бѣднякъ-труженикъ, артистъ-собрать, соотечественники знатные и незнатные, — всѣ они находили въ немъ чловѣка съ теплымъ сердцемъ, которое умѣло любить и сочувствовать (1). Но то правда, что

(1) Ссылаюсь на свидѣтельство Гейне, Листа, Жоржъ-Санда и др.

гордый Шопенъ былъ неумолимъ при видѣ шумливой и завистливой бездарности, когда она, вооружившись клеветой и ложью (своими единственными орудіями), нагло преслѣдовала и старалась язвить то, до чего и рукой-то достать не могла; дѣйствительно, онъ былъ жестокъ тогда; двумя, тремя ѣдкими словами, однимъ рѣзкимъ движеніемъ руки, какъ сталь холоднымъ взглядомъ отдѣлывался онъ отъ враговъ своихъ, срывалъ съ нихъ маску лицемерія, за которою пряталось такъ много враждебнаго ему. Онъ побѣждалъ ихъ... но увы, даже другъ, «случайно» побѣжденный, и тотъ выжидаетъ только удобнаго времени, чтобы сдѣлаться врагомъ-побѣдителемъ!

Къ тому же, Шопенъ, неутомимый работникъ на поприщѣ искусства, Шопенъ, постоянно слѣдившій за всѣмъ современнымъ, Шопенъ наконецъ, свѣтскій человѣкъ, то-есть отдававшій свое досужное время избранному кружку близкихъ ему людей, могъ ли онъ быть вмѣстѣ и артистомъ, увы! далеко не въ настоящемъ значеніи этого слова: артистомъ-цеховымъ, артистомъ-гулякомъ, артистомъ-спекуляторомъ, мало ли еще какими артистомъ? «Гордецъ, злобно шептали всѣ эти «артисты».—Какой онъ намъ собрать, этотъ вѣчно холодный, вѣжливый, «аристократъ» Шопенъ!» И клеветали на человѣка, отдавашагося душою искусству...

Есть на свѣтѣ спекуляторы, которые изъ денежныхъ интересовъ, но «безъ малѣйшей злобы», импровизируютъ небывалыя исторіи и распускаютъ самые невѣроятные слухи про людей, отдѣлившись отъ толпы. Ихъ ремесло — надувать почтеннѣйшую публику, благо она имъ платитъ за это.

Есть и такіе, которые дѣлаютъ это ради эффекта. Они лгутъ немилосердно, изъ желанія сказать что-нибудь интересное. Ихъ ремесло — забавлять салонную публику. Есть и еще разрядъ разскащиковъ, — это клеветники, большею частію или устарѣлые кандидаты въ великіе люди, или желчныя и бездушныя натуры, которымъ больно колютъ глаза яркія особенности истинно-замѣчательныхъ личностей. Имъ любо-дорого глядѣть на жалкія бездарности, которымъ они потакаютъ, льстятъ, даже дружатся съ ними (презирая ихъ въ душѣ). Онѣ имъ нужны, онѣ дѣлаются ихъ органами, онѣ вмѣстѣ съ ними осыпаютъ бранью людей, стоящихъ высоко надъ всѣми ими... Никого не щадили и не щадятъ клеветники, а толпа, жадная до слуховъ и сплетень, слушаетъ все, что ей ни скажутъ. Правда, подчасъ недовѣрчиво качаетъ она головою, но все же продолжаетъ слушать, никогда не за-

кроетъ рта поносителю громкаго имени, удивительно *терпливо* и безстрастно выносить нападки на знаменитости, даже своей родной земли! Чтѣ жь бы это значило? Грустно объяснять себѣ подобныя несообразности, грустно сознавать въ себѣ эту недостойную человѣка двойственность.

Въ минуту увлеченія, чувствуя себя подѣ неотразимымъ вліаніемъ гениальнаго таланта, мы преклоняемся передъ нимъ, энтузіазмъ сообщается какъ электрическая искра отъ одного къ другому; мы изъ художника готовы сотворить себѣ кумиръ, золотата тельца. Прошли часы восторга, отхлынула кровь отъ сердца, разумъ вступаетъ въ свои права. Онъ заговорилъ. Случается, что и онъ, признавъ законность увлеченія нашего сердца, становится на сторону таланта, возбудившаго въ насъ живой восторгъ. Но есть *что-то* еще въ насъ; это *что-то* молчить, не возвышаетъ голоса, когда говорятъ строгій разумъ и впечатлительное сердце; оно прячется въ тѣни, оно даже никогда не показывается на свѣтъ. . Это *что-то* и выгнать-то изъ себя нельзя, потому что не знаешь какое оно, не знаешь какъ его называть! Но оно сильно живуче... Какъ татъ ночной подкрадывается оно, и отравляетъ иногда самыя лучшія наши чувства, самыя сладкія минуты нашей жизни. Силень разумъ, сильно сердце, но *оно* часто сильнѣе и того и другаго. Чтѣ жь *это* такое? Слыхалъ я часто разныя названія, которыми величали это безыменное начало, кроющееся въ насъ. Одинъ господинъ выразился даже съ уваженіемъ о немъ, сказавъ, «что оно—законное стремленіе человѣка стать выше другихъ, но...». Того, чтѣ слѣдовало за этимъ «но», господинъ не договорилъ, за нимъ-то и находилась самая сущность дѣла.

Н. Хр—т—новичъ.

(До слѣдующаго №.)

ТАЛАНТЛИВАЯ НАТУРА

РАЗКАЗЪ

Горехвастовъ преспокойно развалился на диванѣ, между тѣмъ какъ Рогожкинъ и я скромно сидѣли противъ него на стульяхъ.

Горехвастовъ лѣтъ около сорока; онъ, что называется, видный мужчина, въ родѣ тѣхъ, которыхъ зрѣлище поселяетъ истому въ организмъ сорокалѣтнихъ капиталистовъ и убогихъ вдовъ-ростовщицъ. Росту въ немъ безъ малаго девять вершковъ, лицо бѣлое, одутловатое, украшенное приличнымъ носомъ и огромными, тщательно закрученными усами; сложенъе такое, о которомъ выражаются: «на одну ладонку посадить, другую прикроетъ — въ результатѣ мокренько будетъ»; голосъ густой и зычный; глаза, какъ водится, свиные и тусклые. Вообще замѣтно, что здѣсь матерія преобладаетъ надъ духомъ, и что страсти и неумѣренныя увеселенія плоти, говоря языкомъ старинныхъ русскихъ романовъ, «оставили на немъ свои глубокія бразды». Онъ замѣтно любитъ щеголять; на немъ надѣто что-то круглое: сюртукъ не сюртукъ, пальто не пальто, фракъ не фракъ, а что-то среднее, то, что въ провинціи называютъ «объденнымъ фракомъ»; сапоги лаковые, перчатки палевыя, жилетъ кашемировый пестроты ослѣпительной; на рубашкѣ столько складокъ, что умъ теряется. Но несмотря на все это, несмотря на множество кодець, украша-

ющихъ его пухлыя руки, и на немъ самомъ, и на его одеждѣ лежить какая-то печать поношенности, какъ будто и самъ онъ, и все, что на немъ, полиняло и выцвѣло. Когда я смотрю на него, мнѣ, не знаю почему, всегда кажется, что вотъ передо мной человѣкъ, который ночи три сряду не спалъ и не снималъ съ себя ни «объденнаго фрака», ни рубашки. Складки на рубашкѣ смяты и на сгибахъ покрыты какою-то подозрительною тѣнью, платье на швахъ поистерлось, самыя щеки одрябли и какъ-то, непріятно, хрящевато бѣлы. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ субъектовъ, которые называются «жуирами»: живали и въ роскоши, живали и въ нищетѣ, заставляли другихъ изъ окна прыгать, но и сами изъ онаго прыгивали.

Въ нравственномъ отношеніи, онъ обладаетъ многими неоцѣненными качествами: отлично передергиваетъ карты, умѣетъ подписываться подъ всякую руку, готовъ бражничать съ утра до вечера, и исполняетъ это безъ всякаго ущерба для головы, лихо поетъ и пляшетъ по-цыгански, и со всѣмъ этимъ соединяетъ самую добродушную и веселую откровенность. Одно только въ немъ не совсѣмъ пріятно: онъ любитъ иногда приходить въ какой-то своеобразный, дѣланный восторгъ, и въ этомъ состояніи лжетъ и хвастаетъ немилосердно.

Въ Крутогорскъ попалъ онъ совершенно случайно, и хотя это совершилось не добровольно, но онъ никогда не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ унынія или отчаянія.

— Произошло это дѣло вотъ какимъ образомъ, рассказывалъ онъ мнѣ однажды, въ минуту откровенности, когда я попросилъ его объяснить, по какимъ коммерческимъ или служебнымъ дѣламъ онъ осчастливилъ нашъ городъ:—затѣяли мы этакъ штуку, знаете, *en grand*. Собралась насъ цѣлая компанія, все народъ голодный, и притомъ жаждущій дѣятельности, жизненныхъ бурь... Собрались мы и начали обдумывать строго свое положеніе... А надо вамъ сказать, что, до этого времени, мы большую игру вели, а потомъ какъ-то вдругъ такъ случилось, что никто съ нами играть не сталъ. «Нѣтъ, чортъ возьми! сказалъ (какъ сейчасъ это помню) Петръ Бурковъ, лихой малый и загадочный мой другъ: — въ такомъ положеніи намъ, воля ваша, оставаться нельзя; мы, господа, люди образованные, имѣемъ вкусъ развитой; мы, чортъ возьми, любимъ вино и женщинъ!» Въ это

время—можетъ—быть слышали. вы?—имѣлъ въ Петербургѣ ре-
виденцію нѣкоторый Размахнинъ, негоціантъ тупоумнѣвшій, но
милліонеръ. Сынъ у него былъ—ну, этого никогда въ трезвомъ
видѣ никто не видывалъ; даже во снѣ, если можно такъ выра-
зиться, пьянъ былъ, потому что спалъ все урывками, и не успѣетъ,
бывало, еще проспаться, какъ и опять, смотришь, пьянъ. Про-
бывали мы его въ свою компанію залучить, однако пользы не
оказалось никакой; первое дѣло, что отецъ отпускалъ ему самую
малую сумму, всего тысячь десять на серебро въ годъ, и слѣдо-
вательно денегъ у него въ наличности не бывало; второе дѣло,
что хотя онъ заемныя письма и съ охотою давалъ, но уплаты по
нимъ приходилось ждать до смерти отца, а это въ нашемъ быту
не разсчесть; третье дѣло, чести въ немъ совсѣмъ не было ни-
какой: другой, если ткнуть ему кулакомъ въ рожу или назвать
при всѣхъ подлецомъ, такъ изъ кожи вылезетъ, чтобы достать
деньги и заплатить, а этого ничего, только смѣется. Слѣдовательно,
надо было дѣйствовать на отца. А старикъ хоть и держалъ своего
сына въ черномъ тѣлѣ, однакожъ любилъ его, но любилъ, если
можно такъ выразиться, утробою. Вотъ эту-то утробную любовь
и рѣшили мы эксплуатировать. Въ одинъ прекрасный вечеръ,
двое изъ насъ переодѣлись въ офиціальное платье и, перекре-
стившись, отправились къ Размахнину. Старикъ перепугался,
особливо, какъ мы ему объяснили, что цѣль нашего посѣщенія
заключается въ томъ, чтобы сына его, за такія-то и такія-то де-
боширства, взять и отвезти въ такое мѣсто, куда, можно-сказать,
вдронъ костей не нашивалъ... Проливаетъ слезы, валиется въ
ногахъ: «батьшки, говоритъ, что хотите возьмите, только Алешку
моего не трошьте! я, говоритъ, его сею минутою черезъ чухонскихъ
контрабандистовъ за границу отправлю». Ну, и смиловались мы
надъ положеніемъ злополучнаго старца—взяли сто тысячъ и ушли.
Только тутъ случилась съ нами самая скверная штука: выходимъ
мы на подъѣздъ, потихоньку даже посмѣиваемся, какъ вдругъ
передъ нами, словно изъ земли выросли три кавалера ужаснѣй-
шихъ размѣровъ... Ужь кажется, я не могу назваться слабонерв-
нымъ, а даже и со мной дурно сдѣлалось... И вотъ, какъ видите,
я въ Крутогорскѣ, прочіе въ другихъ тихихъ городахъ переплы-
ваютъ многоволнистое житейское море... Что дѣлать! il faut que
jeunesse se passe!

Такого рода добродушная откровенность дѣлала отношенія къ Горехвастову чрезвычайно легкими и пріятными. Въ крутогорскихъ салонахъ было рѣшено, что молодой человѣкъ «увлекался» — кто же не увлекался въ молодости? — но что во всякомъ случаѣ нельзя же увлеченіе въ порокъ ставить. И на совѣтѣ губернскихъ аристократовъ было рѣшено Горехвастова принимать, но въ карты съ нимъ не играть, и вообще держать больше около дамъ, для которыхъ онъ, своими талантами, можетъ доставить пріятное развлеченіе. А такъ какъ я также (говорю это не безъ нѣкоторой гордости) былъ всегда однимъ изъ ревностнѣйшихъ посѣтителей крутогорскихъ салоновъ, то слѣдуя за общимъ движеніемъ умовъ, тоже въ скоромъ времени сблизился съ Горехвастовымъ, и онъ даже очень полюбилъ меня.

— *Entre nous soit dit*, говаривалъ онъ мнѣ по этому случаю: — мы одни только и можемъ понимать другъ друга. Посмотрите кругомъ: что это за чудачки, что это за рожи, что за костюмы! Одинъ изъ своего фрака точно изъ брички выглядываетъ; другой курить свгары, отъ которыхъ воняетъ печеными раками; третій прибиваетъ къ носовому платку только для того, чтобы обтереть имъ пальцы; четвертый, когда карты сдаетъ, оба пальца первоначально въ ротъ засунетъ... Господи! какое безобразіе! Поэтому вы не удивляйтесь, Николай Ивановичъ, если я предпочитаю быть съ вами.

И я дѣйствительно, по врожденной мнѣ скромности, съ терпѣніемъ взиралъ на его посѣщенія, которыя иногда не на шутку меня одолевали.

Что касается до Рогожкина, то это маленькій человѣчекъ, совершенно кругленькій. Онъ когда-то служилъ въ военной службѣ, но вскорѣ нашелъ, что тутъ только одно разстройство здоровья, вставать надо рано, потомъ часовъ пять ходить, а куда идешь — не извѣстно, и потому рѣшился пріютиться по гражданской части, гдѣ, по крайности, хоть выпасться вволю даютъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ тотъ нѣсколько томный видъ, который невольнымъ образомъ приобрѣтаютъ искатели мѣстъ, не снабженные достаточно убѣдительными рекомендательными письмами. Но когда разговоръ заходитъ о какомъ-нибудь вакантномъ мѣстѣ, то въ глазахъ его внезапно зажигается плотоядный огонь и на устахъ показывается слюнотеченіе. Говорить онъ довольно вразу-

мительно, но съ околичностями, и усердно смѣется, когда того требуютъ обстоятельства, или когда видить, что другіе смѣются. Впрочемъ онъ малый добрый и привязанный, а на Горехвастова смотритъ какъ на высшее существо, и охотно исполняетъ его маленькія порученія, какъ-то: набиваетъ и закуриваетъ ему трубку, распоряжается насчетъ питейнаго и сѣдобнаго, и сопутствуетъ ему вездѣ, гдѣ только можетъ. Голосъ у него самый тоненькій, можно сказать дѣтскій, глазки маленькіе и съ глянцемъ, точно у пшеничныхъ жаворонковъ, которымъ вставляютъ, вмѣсто глазъ, можжевельовыя ягоды.

Въ то утро, когда начинается мой разказъ, Горехвастовъ былъ какъ-то особенно разговорчивъ. Онъ разлегся на диванѣ, закурилъ одну изъ прекрасныхъ сигаръ, которыя я выписывалъ для себя изъ Петербурга, и ораторствовалъ. Передъ диваномъ, на кругломъ столѣ, стояла закуска, хересъ и водка, и надо отдать справедливость Горехвастову, онъ не оставлялъ безъ вниманія ни того, ни другаго, ни третьяго, и хотя хвалилъ преимущественно хересъ, но въ дѣйствительности оказывалъ предпочтеніе зорной горькой водкѣ. Рогожкинъ, съ своей стороны, не столько пилъ, сколько, какъ выражаются, «потюкивалъ» водку.

— А скажите пожалуста, Николай Ивановичъ, сказалъ мнѣ Горехвастовъ: — откуда у васъ берутся всѣ эти милыя вещи: копченныя стерляди, индѣчья ветчина, оленье языки... и эта безцѣнная водка! — водка, отъ которой, я вамъ доложу, даже слеза прошибаетъ! Да вы Сарданапалъ, Николай Ивановичъ!.. нѣтъ, вы просто Сарданапалъ!..

Я сообщилъ ему, какъ умѣлъ, требуемыя свѣдѣнія.

— А что ни говорите, продолжалъ онъ: — жизнь — отличная вещь, особливо, если есть человѣкъ, который тебя понимаетъ, съ кѣмъ можешь сказать слово по душѣ! Я вамъ доложу про себя, Николай Ивановичъ; я вѣкъ свой прожилъ шутя... Бывали у меня, конечно, происшествія, бывали непріятности — ну, бывали! что жъ изъ этого! развѣ слѣдуетъ отъ этого унывать духомъ, приходитъ въ отчаянье? Живалъ я и въ Петербургѣ, ѣзжалъ и въ каретахъ, и сотнями тысячъ ворочалъ, и игру велъ, и Француженокъ содержалъ — ну, было, было все это! Ну, а теперь живу въ Крутогорскѣ, ѣзжу на безобразной долгушѣ, играю по копѣйкѣ въ ералашъ, и, получая отъ казны всего шесть цѣл-

ковыхъ въ мѣсяцъ содержанія, довольствуюсь, вмѣсто Француженки, повивальной бабкой! И между-тѣмъ, какъ видите, не унываю же и даже не отчаиваюсь въ своемъ будущемъ!

Онъ привсталъ на диванъ и налилъ себѣ рюмку зорной.

— А все оттого, что вотъ здѣсь, въ этомъ сердцѣ, жаръ обитаетъ! все оттого, хочу я сказать, что въ этой вотъ головѣ свѣтъ присутствуетъ, что всякую вещь понимаешь такъ, какъ она есть—ну, и спокоенъ! Я, Николай Ивановичъ, патриотъ! я люблю русскаго человѣка за то, что онъ не задумывается долго. Другой вотъ, Нѣмецъ или Французъ, надъ всякою вещью остановится, даже смотрѣть на него тошно, точно родить желаетъ; а нашъ братъ только подошелъ, глазами вскинулъ, руками развелъ: «этого-то не одолѣть, говорить: да съ нами крестная сила! да мы только глазомъ мигнемъ!» И дѣйствительно, какъ почнетъ топоромъ рубить—только щепки летятъ; гениальная, можно сказать, натура! безъ науки всѣ науки прошелъ! Люблю я, знаете, иногда посмотрѣть на нашего мужичка, какъ онъ тамъ дѣйствуетъ: лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да за то ужъ какъ примется, такъ у него словно горитъ въ рукахъ дѣло! откуда что беретъ!

— Да-съ... это точно... пріятное зрѣлище! пролепеталъ Рогожкинъ: — вотъ я однажды...

— Гениальная натура, доложу я вамъ, перебилъ Горехвастовъ: — науки не требуетъ, потому что до всего собственнымъ умомъ доходить. Спросите, напримѣръ, меня... ну, о чемъ хотите! на все отвѣтъ дамъ, потому что это у меня русское, врожденное! А потому я никогда и не зналъ, что такое горе!

Онъ задумался. Рогожкинъ въ это время умильно поглядывалъ на него и выражалъ свое наслажденіе тѣмъ, что усиленно терся спиной о спинку стула.

— А бывали-таки у меня случаи—такое сцѣпленіе, что даже описанія достойно! Надо вамъ сказать, что состояніе у меня было небольшое; отецъ и мать мои, безспорно, были благороднаго званія, но при настоящемъ развитіи цивилизаціи, при колоссальности нашего кругозора, это благородство, можно сказать, только путаетъ. Воспитаніе получилъ я отличнѣйшее; въ заведеніи, которое пріютило мою юность, было преимущественно обращено вниманіе на пріятность манеръ и на то, чтобы воспитанники

смотрѣли привѣтливо и могли говорить — *causer* — обо всемъ. Воспитывались со мной вмѣстѣ и графы и бароны; слѣдовательно, мы въ самомъ заведеніи вели жизнь веселую; ѣзжали, знаете, по воскресеньямъ къ Француженкамъ, и тамъ приобрѣли мало-помалу истинный взглядъ на жизнь и ея блага. Можете, стало-быть, представить себѣ мое положеніе, когда я, по выходѣ изъ заведенія, долженъ былъ затесаться куда-то въ четвертый этажъ, гдѣ воробьи чуть не на самой лѣстницѣ гнѣзда вьютъ! Конечно, я, какъ водится, поступилъ и на олужбу, но, между нами, это матерія скучная. Я понимаю, что можно служить, какъ служить, напримѣръ, князья Патрикѣвы, Щенятевы, Ижеславскіе, Оболену-Таракановы. Они, я вамъ доложу, посостоятъ крошечку, а потомъ и катаютъ внезапно въ государственные мужи. Этакъ служить пріятно, *il n'y a rien à dire*. Но сидѣть каждый день семь часовъ въ какой-то душной канурѣ, и облизываться на мѣсто помощника столоначальника—*ce n'est pas mon genre*... Другихъ карьеръ также въ виду не имѣется; то-есть, коли хотите, они и есть, но все это скучная матерія, черепословіе, а я, вы понимаете, славянинъ, хочу жить, хочу жуировать: *homo sum et nihil humani a me alienum puto*. Положеніе мое было, слѣдовательно, прескверное... И вотъ встрѣчается со мною, однажды, на жизненномъ пути тотъ самый Петръ Бурковъ, о которомъ я ужъ вамъ какъ-то говорилъ. Встрѣчается и держитъ такую рѣчь: «Грегуаръ, говоритъ онъ мнѣ, я вижу по твоимъ глазамъ, что ты жаждешь фортуны сдѣлать!» Я ему сознался, и сознался со всею откровенностью. Я былъ честолюбивъ, Николай Ивановичъ! я чувствовалъ, что стою выше общаго уровня. Я сознавалъ, что тутъ, въ этомъ сердцѣ, есть достаточно жару, чтобы сдѣлать изъ меня и поэта, и литератора, и прожектера, и капиталиста — *que sais-je enfin!* Оставалось только выбрать поприще, потому что, какъ я вамъ уже сказалъ, русскій человѣкъ на все способенъ. Поэтомъ или литераторомъ сдѣлаться легко, но невыгодно—это народъ все млекопитающійся; прожекторомъ быть тоже не трудно, но тутъ опять нужно ждать, прохаживаться, знаете, по переднимъ... Я рѣшился быть капиталистомъ. И вотъ тотъ же самый Бурковъ свелъ меня съ людьми... но что это за народъ былъ, Николай Ивановичъ! просто, я не умѣю даже выразить... Ахъ! да что объ этомъ и вспоминать—только себя дразнить!

Онъ залпомъ выпилъ рюмку хересу, и такъ сильно ударилъ ею о поднось, что подножка отвалилась.

— Я вамъ скажу, напимѣръ, Флорансъ—что это за женщина, что это за огонь быть! Сгарала, милостивый государь! сгарала, и вновь возраждалась, и вновь сгарала! однажды, прѣзжаю къ ней, и вижу, что есть что-то тутъ не ладное; губки блѣдныя, бровки, знаете, сдвинуты, а въ глазахъ огоньки горять. — Ah, c'est toi, monstre! говоритъ она, увидѣвъ меня: — viens donc, viens que je te tue!.. Повѣрите ли, насилу даже урезонить могъ — такъ и бросается! И вся эта тревога оттого только, что я на какомъ-то балѣ позволилъ себѣ сказать нѣсколько любезныхъ словъ Каролинѣ! Вотъ это такъ женщина! А! Николай Ивановичъ! вѣдь въ Крутогорскѣ такихъ не найдешь, сознайтесь?

Я вынужденъ былъ согласиться.

— Да-съ... славная штука эта Флорансъ была... хе-хе! проговорилъ Рогожкинъ. — А что, Григорій Сергѣичъ, еслибы этотъ Флоранчикъ... такъ сказать, на мѣсто Марины Ферапонтовны... хе, хе! сюжетъ былъ бы тово-съ... подходящий-съ!

Горехвастовъ свирѣпо посмотрѣлъ на него.

— А впрочемъ, Григорій Сергѣичъ, вамъ Бога гнѣвить нечего, продолжалъ Рогожкинъ: — Марина Ферапонтовна тоже-съ... дама плотная-съ... хе-хе!..

— Ну, ты что понимаешь!

— Помилуйте-съ, Григорій Сергѣичъ! какъ не понимать-съ: это и малый ребенокъ понимаетъ-съ... счастливчикъ вы, Григорій Сергѣичъ!.. однакожъ, извините-съ, извольте продолжать.

— Были у меня тогда деньги, началъ снова Горехвастовъ: — коммерсантъ такой проявился, котораго мы, можно сказать, безъ малѣйшаго напряженія мышцъ обобрали — деньги были, слѣдовательно, большія. Ну, что такое деньги? спрашиваю я васъ, — что такое деньги, какъ не презрѣнный металлъ? Ну, и точно, бросалъ я тогда этотъ металлъ пригоршнями, такъ что у Флорансъ, бывало, только глазки свѣтятся. Въ кружевахъ ее утопилъ, мебели incrusté завелъ; на столахъ бронзы, фарфоръ, на стѣнахъ Тинтореттъ, Поль Поттеръ, Ванъ Дейкъ. Словомъ сказать, en grand жили, чортъ побери! Прѣдешь, бывало, ночью съ работы домой измученный, и прямо къ ея постели. А она, знаете, ручонки протягиваетъ, глазенки открываетъ, и глазен-

ки, знаете, томные, влажные: «Eh bien, mon farceur d'homme, as tu beaucoup gagné ce soir!»—«Выигралъ, жизнь ты моя, выигралъ, только люби ты меня! любишь что ли?» А она, знаете, какъ кошечка, по тянется этакъ въ постелькѣ: «lioubliou» говорить... а! да вы поймите, какъ это нѣжно, какъ это воздушно *lioubliou!*.. А знаете ли, чортъ поberi, не выпить ли намъ съ горя по бокальчику!

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, сказалъ я, смущенный нѣсколь-ко моею недогадливостію: — Петръ Васильчичъ! распорядитесь пожалуйста.

— Да ты, братецъ, скажи человѣку, чтобъ завертѣлъ хорошенько, прибавилъ отъ себя Горехвастовъ: — а то они его такъ теплое и подають — vous n'avez pas l'idée comme ils sont brutes, ces gens là! Признаюсь вамъ, я грѣшный человѣкъ, люблю этакъ и поѣсть и выпить — въ мѣру, знаете, въ мѣру... Еслибъ вы сдѣлали мнѣ честь, побывали у меня въ Петербургѣ, въ то время, когда я былъ въ счастіи, я попотчивалъ бы васъ такимъ винцомъ, передъ которымъ и ваше, пожалуй, сконфузится. Въ горлѣ оно, знаете, точно атласъ, а между тѣмъ въ носъ бьетъ! Но возвращусь къ Флорансъ. Я принялъ ее у барона Оксендорфа, — знаете, извѣстный магнатъ есть, на островѣ Эзелѣ. Бѣловолосый сынъ Эстоніи сначала было заартачился, началъ было тамъ свои *was soll das heißen*, но я показалъ ему кулакъ такого колоссальнаго размѣра, о которомъ на островѣ Эзелѣ не имѣютъ никакого понятія. «Баронъ, сказалъ я ему, у меня течетъ въ жилахъ кровь, а у васъ лимфа; и притомъ видите вы эту машину?»—Вижу, сказалъ онъ мнѣ. «А если видите, сказалъ я ему, то знайте, что эта машина имѣетъ свойство, въ одинъ моментъ и безъ всякихъ посредствующихъ орудій, обращать въ ничто человѣческую голову, которая, подобно вашей, похожа на яйцо! Негг Барон! разойдемтесь!»—Разойдемтесь, Негг Граф, сказалъ онъ мнѣ, хотя я и не графъ. И мы разошлись... разошлись потому, что баронъ понялъ, что одна минута болѣе, и островъ Эзелъ лишился бы лучшаго своего украшенія...

Горехвастовъ самодовольно обнажилъ свою жилистую, покрытую волосами руку, и протянулъ ее, какъ будто хотѣлъ, чтобы мы понюхали, какъ она пахнетъ.

— Да-съ, устройство благонадежное, пролепеталъ Рогожкинъ.

— И надо было видѣть, какъ она любила меня! этакъ могутъ любить только Француженки! обовѣтся, бывало, около меня — и не выпускаетъ...

— Эхъ канальство! сказалъ Рогожкинъ, и сказавши это, какъ-то сладострастно хикнулъ, и неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній запѣлъ: «Ой вы уланы!»

— Или вотъ на диванъ раскинется...

— Нѣтъ ужъ, Григорій Сергѣичъ, сдѣлайте ваше одолженіе, прервалъ Рогожкинъ, поспѣшно разливая по стаканамъ принесенное вино: — мы тоже вѣдь люди, тоже человѣки — съ... чувствовать можемъ...

— Мастерница она была тоже гривуазныя пѣсни пѣть. *Un soir à la barrière* выходило у ней такъ, что пальчики облизать слѣдуетъ... Вотъ такую жизнь я понимаю, потому что это жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова! надо родиться для нея, чтобы наслаждаться ею какъ слѣдуетъ... А то вотъ и онъ, пожалуй, говорить, что живетъ! прибавилъ онъ, указывая на Рогожкина.

Рогожкинъ обидѣлся.

— Что же вы, Григорій Сергѣичъ, въ самъ-дѣлъ обижаете? сказалъ онъ. — Конечно, намъ до васъ далеко, потому какъ и размѣръ у насъ былъ не такой, однако, когда въ полку служили, тоже свои удовольствія имѣли-съ...

— Ну, какія твои удовольствія! чай кошку камнемъ на улицѣ зашибить!..

— Нѣтъ-съ не кошку зашибить-съ, а тоже Жидовъ собаками травливали-съ... Капитанъ Полосухинъ у насъ въ ротѣ былъ: «пойдемте, говоритъ, господа, шинокъ разбивать!» — и разбивали-съ.

— Ну, это еще туда сюда...

— Или вотъ тотъ же капитанъ Полосухинъ: «полюбилась, говоритъ, мнѣ Машка Цыплатева, надо, говоритъ, ее выкрасть!» А Марья Петровна были тоже супруга помѣщика-съ... И однако мы ее выкрали-съ. Такъ это не кошку убить-съ... Нѣтъ-съ! чтобъ одно только это дѣло замазать, Полосухинъ восемьсотъ душъ продалъ-съ!

— Ну, ужъ и восемьсотъ! вѣрно вдесятеро привралъ! ну, куда же армейскому офицеру, да еще пѣхотинцу, восемьсотъ душъ имѣть!

— Нѣтъ-съ, Григорій Сергѣичъ, не говорите этого! Этотъ Полосухинъ, я вамъ доложу, сначала въ гвардейской кавалеріи служилъ, но за буйную манеру переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армейскую кавалерію; тамъ тоже не заслужилъ-съ; ну, и приютился у насъ... Такъ это былъ человѣкъ истинно ужаснѣйшій-съ! «Мнѣ, говоритъ, все равно! Я, говоритъ, и по дорогамъ разбивать готовъ!» Конечно-съ, этому многіе десятки лѣтъ прошли-съ...

— Ну, а что же Флорансъ? спросилъ я.

Горехвастовъ, который совсѣмъ было и забылъ про Флорансъ, посмотрѣлъ на меня глазами нѣсколько воспаленными, на минутку задумался, провелъ какъ-то ожесточенно рукою по лбу и по волосамъ, и наконецъ ударилъ кулакомъ по столу съ такою силой, что нѣсколько рюмокъ полетѣло на полъ, а вино расплескалось на подносы.

— Извините, сказалъ онъ угрюмо:—д-да... Флорансъ...гм... Флорансъ...

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіи котораго Горехвастовъ то безпрестанно и усиленно вздыхалъ, то судорожно стискивалъ между пальцами какую-нибудь несчастную прядь своихъ собственныхъ волосъ, то искривлялъ свои губы въ горькую и презрительную улыбку. Очевидно, что онъ готовился произвести эффектъ.

— Обманула! закричалъ онъ наконецъ, вскакивая изъ-за стола, визгливымъ голосомъ, выходившимъ изъ всякихъ границъ естественности:—вы это понимаете: обманула! Обманула, потому что я въ это время былъ нищъ; обманула, потому что въ это время какая-то каналья обыграла нашу компанію до мозга костей... Обманула, потому что безъ денегъ я былъ только шулеръ! я былъ только гадина, которую надо было топтать, топтать и...

Онъ съ ожесточеніемъ рвалъ на себѣ волосы, и наконецъ упалъ въ изнеможеніи на диванъ.

— Пускай отдохнутъ, шепталъ между тѣмъ Рогожкинъ:—любопытнѣйшій ихній романъ-съ!

И дѣйствительно, минутъ черезъ десять, Горехвастовъ былъ уже спокоенъ: кровь, которая прилила было къ головѣ, опять получила естественное обращеніе, и минутное раздраженіе совершенно исчезло. Вообще онъ не выдерживалъ своей игры, потому

что игралъ какъ-то не внутренностями, а кожей; но для райка это былъ бы актеръ неоцѣненный.

— Въ одно прекрасное утро, продолжалъ онъ: — я очутился безъ хлѣба, безъ денегъ и безъ любовницы. Я вышелъ на улицу, выгнанный изъ собственной моей квартиры, изъ той самой квартиры, гдѣ наканунѣ еще какой-то шутникъ, желая заискать мое расположеніе, написалъ на стѣнѣ *ману-текель-фаресъ*. Ночь была зимняя и морозная, но я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ. Передо мною все мелькала блѣдная улыбка этого господина, который билъ карту за картой и постепенно лишалъ меня жизни... Эта улыбка затемняла всю мою мысль; она мѣшала придти въ себя! Я могъ только съ изумленіемъ смотрѣть на эту воображаемую улыбку и бессознательно слѣдить за бѣлыми худощавыми руками, которыя какъ-то бездушно щелкали по столу, высасывая ежемгновенно все мое существо... Въ эту минуту я былъ близокъ къ отчаянію, я готовъ былъ стать среди улицы на колѣни и просить прощенія... Я былъ похожъ на того жалкаго пропойца, который, пробезобразничавъ на пролетъ ночь въ дымной и душной комнатѣ, выбѣгаетъ утромъ, въ одномъ легонькомъ пальтишкѣ на морозный воздухъ, и спѣшитъ домой, бессознательно озираясь по сторонамъ, и не имѣя ни единой мысли въ головѣ... Но я, быть-можетъ, надѣждаю вамъ, господа, своими похожденіями?

— Помилуйте, какъ это можно! поспѣшилъ я сказать.

— И еслибъ не Бурковъ, то кто знаетъ, имѣлъ ли бы я теперь удовольствіе бесѣдовать съ вами, господа. Наше несчастіе было общее; я шелъ къ нему, твердо рѣшившись перенести всѣ удары, всѣ ругательства, потому что показалъ себя въ этомъ дѣлѣ не только опрометчивымъ, но даже глупымъ, и слѣдовательно заслуживалъ самыхъ тяжкихъ обидъ и истязаній. Но онъ поступилъ иначе... онъ побѣдилъ мою покорность своимъ великодушіемъ. Онъ не только не избилъ меня, какъ я былъ того достоинъ, но и подѣлился со мною тою небольшою суммой, которая у него осталась въ цѣлости.—Будемъ жить en artistes! сказалъ онъ мнѣ. И мы дѣйствительно наняли скромную квартиру, и начали жить en artistes... Такъ-вотъ-съ какіе со мной бывали переходы, господа! Жизнь мою можно уподобить петербургскому климату: сегодня оттепель, съ крышъ капѣль льетъ, на улицахъ почти

нолая вода, а завтра двадцати-градусный морозъ гвоздитъ... И однакожь живутъ-ухитряются люди!

— Да-съ, это точная истина, что живущею челоуѣка нѣтъ на свѣтѣ твари, вступился Рогожкинъ:—вотъ хоть бы, тотъ же капитанъ Полосухинъ, объ которомъ я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать: засталъ его однажды какой-то ревнивый старецъ... а старецъ, знаете, какъ не надѣлся на свою силу, идетъ и на всякій случай по пистолету въ рукахъ держать. Ну-съ, капитанъ точно что сконфузился, и живымъ манеромъ полѣзъ подъ кровать. «Выходи, подлецъ!» говоритъ старецъ. — Не выйду, кричить Полосухинъ. И точно-съ, три дня тамъ лежалъ, покуда старецъ самъ, что называется, плюнулъ. Послѣ мы его спрашивали, какъ онъ такую пытку вытерпѣлъ: «Ничего, говорить, облежался»...

— А если хотите, продолжалъ Горехвастовъ, расплываясь и впадая въ сентиментальность:—коли хотите, и житье en artistes—славное житье. Конечно, тутъ трюфелей не ищи, а есть эта безпечность, *cet imprévu*, это спокойствіе совѣсти, которое, согласитесь сами, дороже всѣхъ земныхъ благъ...

Рогожкинъ подмигнувъ мнѣ глазомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «знаемъ мы это спокойствіе совѣсти!» Но за всѣмъ тѣмъ въ этомъ подмигиваніи выражалось не осужденіе, а напротивъ того безгранично-нѣжное сочувствіе къ подвигамъ Горехвастова.

— Поселились мы въ четвертомъ этажѣ, на дворѣ... Конечно и высоко оно... ну, и запахъ, знаете... однимъ словомъ, нехорошо, очень нехорошо. Но счастье не въ каменныхъ палатахъ обитаетъ, сказалъ какой-то философъ, и это мудрое изреченіе оправдалось на насъ. Буркова полюбила Саша, а меня полюбила Катя. Немудренны были эти дѣвочки—il n'y a rien à dire, однако въ нихъ былъ тотъ запахъ дикаго, неделѣяннаго растенія, который на охотника, пожалуй, слаще всякаго оранжерейнаго цвѣтка дѣйствуетъ. И притомъ, знаете, эта преданность, эта готовность на всякаго рода жертвы... Согласитесь, что въ нашемъ грустномъ положеніи такая находка была просто безцѣнна. Званія наши возлюбленныя были не высокаго: всего-на-все горничныя какихъ-то господъ, жившихъ въ одномъ съ нами домѣ. Ходили онѣ къ намъ урывками, но объ этихъ урывкахъ я и до сихъ поръ вспоминаю съ наслажденіемъ. Я даже думаю, что тотъ, кто

хочетъ испытать всю силу пламенной любви, тотъ именно долженъ любить урывками: это сосредоточиваетъ силу страсти, даетъ ей тѣ знойные тоны, безъ которыхъ любовь есть не что иное, какъ грустный философическій трактатъ о безсмертіи души.

— Истинная правда! прервалъ Рогожкинъ:— вотъ у насъ въ полку служилъ поручикъ Живчиковъ, такъ онъ, какъ залучить, бывало, метресску, да станеть она ему свои резоны разказывать: «ты, говорить, мнѣ мо-мо-то не говори, а подавай настоящее дѣло...» Погубители вы! продолжалъ онъ, обращаясь къ Горехвостову и трепля его по ляшкѣ.

— Однажды приходитъ Катя и объявляетъ, что ея госпожа очень заинтересована мной. Какъ ни мила идилія, какъ ни прекрасны «ручейки и зелена мурава», но для широкихъ натуръ существуетъ на свѣтѣ своего рода фатумъ, который невольнымъ образомъ увлекаетъ ихъ изъ тѣсныхъ сферъ на иное, блестящее поприще. Коли хотите, я освоился съ своею скромною долей, то—есть склонилъ голову передъ судьбой, но все—таки чувствовалъ, что мѣсто мое не здѣсь, не на этой маленькой тѣсной аренѣ, гдѣ я имѣлъ видъ рыбы, выброшенной бурей изъ воды. Однимъ словомъ, я задыхался въ четвертомъ этажѣ, я жаждалъ блеску и свѣта, меня давила эта умѣренность, съ которою могутъ ужиться только убогія, посредственные натуры... Былъ у насъ сосѣдъ по квартирѣ; нѣкто Дремиловъ: этотъ, какъ ни посмотришь, бывало, все корпиль за бумагой; спросишь его иногда: «что же вы, господинъ Дремиловъ, высидѣли?» такъ онъ только покраснѣетъ да и бѣжитъ скорѣе опять за бумажку. Ну, что это за жизнь, спрашиваю я васъ? и можетъ ли, имѣетъ ли человѣкъ право отдавать себя въ жертву геморрою? И чего, наконецъ, онъ достигнетъ? «Я, говорить, буду ученымъ, хочу принести пользу наукѣ!» Хорошъ ученый, который не знаетъ практики, не имѣетъ понятія о жизни! Да я на первомъ словѣ докажу ему, что всѣ его затѣи не что иное, какъ грустное черепословіе, потому что намъ, наконецъ, не умозрѣнія эти тусклые нужны, а жизнь, вы понимаете ж-ж-изнь!.. Телемахидисты они всѣ!...

Вся фигура Горехвостова, во время этой выходки, выражала такое полное, глубокое презрѣніе къ бѣдному Дремилову, что мнѣ сдѣлалось даже въ чужѣ совѣстно за несчастнаго труженика.

— Да вы, Григорій Сергѣичъ, къ дѣлу-съ, сказалъ Рогожкинъ, припопывая ногой.

— Надо вамъ сказать, messieurs, продолжалъ Горехвастовъ, — что барыня, которой я имѣлъ честь поправиться, была очень безобразна... Признаюсь вамъ, я даже нѣсколько затруднился. Однако, Бурковъ и тутъ меня выручилъ. «Чтожь, сказалъ онъ мнѣ, надо быть снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ; вѣдь эта милая капиталистка представляетъ для насъ единственную надежду выйти изъ сквернаго положенія... Пожертвуй собой священнымъ узамъ дружбы! «И я пожертвовалъ; но это было непріятно, очень непріятно. Пришелъ я къ ней, по приглашенію, вечеромъ; она сидѣла, какъ сейчасъ помню, на диванѣ, во всемъ величіи своего безобразія, и когда я вошелъ, то осмотрѣла меня, въ лорнетъ, съ головы до ногъ, какъ товаръ. Должно быть, я очень ей пришелся по вкусу, потому что она то и дѣло повторяла: «charmant! charmant!» Но я былъ нестерпимо глупъ въ этотъ вечеръ; сердце у меня не то чтобы билось, а какъ-то, знаете, непріятно колотило грудь. Однимъ словомъ, я былъ робокъ, застѣнчивъ, нелѣпъ. Однако, это ей, повидимому, еще болѣе понравилось, потому что слово «charmant» не переставало сходять съ ея языка. И въ самомъ дѣлѣ, безъ хвастовства скажу, я былъ очень не дуренъ собой. Въ то время, знаете, все это было не измѣно, кровь обращалась быстро... А старушки всѣ эти подробности разбираютъ по-аматѣрски съ полнымъ знаніемъ дѣла: ихъ сентиментальничаньемъ да томными взглядами не удивишь... Конечно я и теперь могу нравиться, но все, знаете, нѣтъ этого огня, ce feu sacré de la jeunesse, который въ одну минуту зажигаетъ неугасимые пожары...

— Знаютъ себѣ цѣну! прервалъ Рогожкинъ: — полноте-съ, Григорій Сергѣичъ, скромничать-то! объ этомъ надобно допросить у Марины Ферапонтовны, какъ у васъ огня якобы нѣтъ.

— Въ одно прекрасное утро я видѣлъ себя обладателемъ небольшого капитала. Какимъ образомъ это произошло—это обстоятельство постороннее, но во всякомъ случаѣ, я счелъ уже возможнымъ бросить тяжелый образъ жизни, который положительно разстраивалъ мое здоровье. «И конечно, сказалъ Бурковъ, которому я сообщилъ о моихъ намѣреніяхъ: — всякому человѣ-

ческому милосердію есть границы: ну, потѣшилъ старуху—и чортъ съ ней!» Оставалось слѣдовательно рѣшить, какое употребленіе сдѣлать изъ пріобрѣтеннаго капитала. «Знаешь, мон сбер, сказалъ Бурковъ: — мнѣ надоѣлъ ужъ этотъ Петербургъ: все какъ-то здѣсь холодно, непривѣтливо, нѣтъ этой поэзіи, этого идеала, нѣтъ этой милой простоты, которой просить душа... Послѣ жизненныхъ тревоженій намъ нужно успокоиться, освѣжиться на лонѣ природы—будемъ ѣздить по армонкамъ!»

— Ай да молодецъ Петька Бурковъ! воскликнулъ Рогожинъ, приснувъ со смѣха: — нашелъ же природу... слышите ли, гдѣ? на армонкѣ! Ахъ ты шельма!

— Впервыхъ, такая скотина, какъ ты, отвѣчалъ Горехвастовъ сурово, — должна выражаться о геніальныхъ людяхъ съ почтеніемъ; вторыхъ, слѣдовало бы тебя, за твою продерзость, выбросить изъ окошка, а третьихъ, если тебѣ и прощается твой поступокъ на первый разъ, то единственно изъ уваженія къ слабости твоего разсудка... Цыцъ! молчать!

Рогожинъ хотѣлъ было оправдываться: онъ уже лепеталъ, что слово «шельма» употреблено имъ не въ осужденіе, но Горехвастовъ взглянулъ на него такъ грозно, что онъ присѣлъ и замолкъ.

— Однако мы не нашли покоя, котораго искали, продолжалъ Горехвастовъ нѣсколько сентиментально: — однажды я металъ банкъ, и металъ, по обыкновенію, довольно счастливо, какъ вдругъ одинъ изъ понтеровъ, незнакомецъ вершковъ этакъ десяти, схватилъ меня за руки и сжалъ ихъ такъ крѣпко, что кости даже хруснули. «Вы, сударь, подлецъ,» сказалъ онъ мнѣ. Я обидѣлся; но онъ такъ сжалъ мои руки, что я чувствовалъ себя совершенно въ клещахъ. «Вы подлецъ, продолжалъ онъ, и я сейчасъ это докажу.» Ну, и доказалъ... «Вы, говоритъ, должны сейчасъ выйти вонъ отсюда черезъ это окошко.» Дѣло было во второмъ этажѣ, а въ этихъ проклятыхъ провинціяхъ вторые этажи, Богъ знаетъ, какъ высоко отъ земли строятся. Я было протестовалъ, но тутъ поднялись такіе дикіе крики, что я внезапно озябъ, несмотря на то, что въ комнатѣ было даже душно. «Выбросить его, каналью!» кричали одни. «Да головой внизъ, а руки сзади связать!» предлагали другіе. — Нѣтъ, господа, возразилъ незнакомецъ: — такое важное дѣло надо въ порядкѣ

устроить: сначала оберемъ всѣ капиталы у господина промышленника и отдадимъ ихъ въ пользу бѣдныхъ, а потомъ предложимъ ему выпрыгнуть изъ окна самому...

Горехвастовъ остановился и углубился на минуту въ горестныя размышленія.

— Вина, Рогожкинъ! сказалъ онъ, какъ бы просыпаясь отъ непріятнаго сновидѣнія, и приходя въ дѣланный азартъ: — вина, чортъ поberi, вина!

Рогожкинъ засуетился.

— И такова несправедливость судьбы, продолжалъ Горехвастовъ:—что мнѣ же на другой день вѣрно было выѣхать изъ города...

— Ссть, произнесъ Рогожкинъ, качая головой.

— Чтѣ ужъ со мной послѣ этого было—право, не умѣю вамъ сказать. Разнообразіе изумительное! Былъ я и актеромъ въ странствующей труппѣ, игралъ роли королей и злодѣевъ, былъ и повѣреннымъ, и опять игрокомъ... Даже удивительно, право, какъ природа-то неистощима! Вотъ, кажется, упалъ и такъ упалъ, что разшибся въ прахъ—анъ нѣтъ, смотришь, опять вскочилъ и пошелъ шагать по столбовой дорогѣ, да еще бодрѣе прежняго.

—Нѣтъ-сѣ, Григорій Сергѣичъ, воля ваша, а вы расскажите про Машеньку-то! сказалъ Рогожкинъ.

— Да, это было чудное, неземное существо! отвѣчалъ сентиментально Горехвастовъ:—она любила меня, любила такъ, какъ никто никогда любить не будетъ... да, это было чудное, неземное существо!

Была она купеческая жена... но вы не повѣрите, до какой степени она любила меня! Казалось бы, «купеческая жена» и «любовь»—два понятія несовмѣстныя, а между тѣмъ, знаете ли, въ этомъ народѣ, въ этихъ *gens de bien* есть много хорошаго... право! Въ ней было столько этой женственности, этого самоотверженія! Бѣдная Мери! она пожертвовала мнѣ всѣмъ: «ты и хижина на берегу моря!» говорила она мнѣ, и я увѣренъ, что она была искренна, и въ крайнемъ случаѣ могла бы даже обойтись и безъ моря. Я въ то время принадлежалъ къ странствующей труппѣ актеровъ, и мы видались довольно часто. Но что это были за свиданья, Николай Ивановичъ, я даже приближи-

тельно не могу описать вамъ! Это было нѣчто знойное, душное, саднящее... почти нестерпимое! Я блаженствовалъ. Однакожь, въ одно прекрасное утро она приходитъ ко мнѣ совершенно растерянная. «Знаешь ли, говорить, мой идолъ, мы открыты!» Оказалось, что ея гнусный мужъ, эта сивая борода, замѣтилъ посѣщенія и туда же вздумалъ оскорбляться! Я задумался. «Мери, сказалъ я ей, хочешь на вѣки быть моею?» Ну, разумѣется, клятвы, увѣренія; положили на томъ, чтобы ей захватить какъ можно больше денегъ, и бѣжать со мной... Но нѣтъ, я не въ силахъ продолжать, Николай Ивановичъ...

Горехвастовъ поникъ головой и началъ горько подергивать губами, а черезъ нѣсколько времени сдержаннымъ и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— И я ее оставилъ!.. я взялъ всѣ ея деньги, и бросилъ ее на первой же станціи! Онъ вскочилъ съ дивана и обхвативъ обѣими руками голову, зашагалъ по комнатѣ, безпрестанно повторяя:—нѣтъ! я подлецъ! я не стою быть въ обществѣ порядочныхъ людей! я подлецъ, я погубилъ свою молодость! я долженъ просить прощенія у васъ, Николай Ивановичъ, что осмѣлился осквернить вашъ домъ своимъ присутствіемъ!

Въ это самое время мой камердинеръ шепнулъ мнѣ на ухо, что меня дожидается въ передней полицеймейстеръ. Хотя я имѣлъ душу и сердце всегда открытыми, а слѣдовательно не зналъ за собою никакихъ провинностей, которыя давали бы поводъ къ знакомству съ полицейскими властями, однакожь встревожился таинственностью пріемовъ, употребленныхъ въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что Горехвастовъ внезапно поблѣднѣлъ и началъ дрожать, а Рогожкинъ оказалъ малодушіе даже неприличное.

— Извините, Николай Ивановичъ, началъ господинъ полицеймейстеръ:—но у васъ, въ настоящее время, находится господинъ Горехвастовъ.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я, невольнымъ образомъ робѣя:—но какое же отношеніе между господиномъ Горехвастовымъ и вашимъ посѣщеніемъ?... да не угодно ли закусить... сдѣлайте одолженіе...

— Благодарю покорно-съ; у меня до господина Горехвастова

есть дѣльце... Вчерашній день обнаружилась въ одномъ мѣстѣ пропажа значительной суммы денегъ, и такъ какъ господинъ Горехвастовъ находился въ неопозволительной связи съ женщиною, которая навлекаетъ на себя подозрѣніе въ кражѣ, то... Извините меня, Николай Ивановичъ, но я долженъ вамъ сказать, что вы очень, очень неразборчивы въ вашихъ знакомствахъ!

Я поникъ головой.

— Я какъ отецъ говорю вамъ это, продолжалъ господинъ полицеймейстеръ (мнѣ даже показалось, что у него слезы навернулись на глазахъ):—потому что вы человѣкъ молодой еще, неопытный, вы не знаете, какъ много значатъ дурные примѣры...

— Помилуйте, вѣдь и князь Левъ Михайлычъ принимаетъ господина Горехвастова! рѣшилъ я сказать.

— Князь Левъ Михайлычъ особа престарѣлая-съ; они, такъ сказать, закалены въ горнилѣ опытности, все равно какъ желѣзо-съ, а у васъ душа мягкая-съ, Николай Ивановичъ!.. Вы все равно какъ дѣти на огонь бросаетесь, потому что онъ блещетъ, прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.

— Такъ вамъ угодно...

— Да-съ; я бы желалъ произвести арестъ-съ... Господинъ Горехвастовъ! сказалъ онъ, входя въ комнату:—вы обвиняетесь, милостивый государь, въ кражѣ казенныхъ денегъ... благоволите слѣдовать за мной!

Горехвастовъ не прекословилъ; онъ внезапно упалъ духомъ до такой степени, что какъ будто потерялъ всякое сознаніе. Мнѣ даже жалко было смотрѣть на его пожелтѣвшее лицо и на вялые, какъ бы машинальныя движенія его тѣла.

— А! и ты здѣсь, Рогожка! продолжалъ господинъ полицеймейстеръ, замѣтивъ Рогожкина, который забился въ уголъ и тресся всѣмъ корпусомъ.

Рогожкинъ началъ усиленно кланяться и топтаться на одномъ мѣстѣ.

— Захватить кстати и его, сказалъ господинъ полицеймейстеръ, обращаясь въ переднюю, изъ которой выѣзли два кавалера колоссальныхъ размѣровъ.

Я невольнымъ образомъ вспомнилъ возвращеніе отъ Размахнина.

Н. Щедринъ.

ПОРОДА ХИЩНИКОВЪ ¹

III.

Мы оставили Сергія Петровича Широкова въ самыя критическія минуты. Чтò дѣлать, любезный читатель! нельзя писать, когда на сердцѣ накапливаетъ желчь, а къ глазамъ приливаютъ слезы, а это иногда случается съ вашимъ покорнѣйшимъ разкащикомъ. Примись въ подобныя часы за перо, и тогда очень легко, пожалуй, всё лица, всё предметы явятся въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Притомъ, въ минуты необъяснимой тоски и злобы, отъ человѣка, по крайней мѣрѣ отъ меня, отлетаетъ всякая дѣятельность и нападаетъ какая-то непреодолимая лѣнь (лѣнь, впрочемъ, моя природная хроническая болѣзнь). Въ извиненіе себѣ однако скажу, что многое, очень многое на свѣтѣ оставляется въ самыя критическія минуты. Иногда оставленное гибнетъ; иногда является добрый геній и спасаетъ погибающее изъ безвыходнаго положенія. Вашъ покорный слуга однажды, считая себя на верху блаженства, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, былъ тоже оставленъ... Когда-нибудь я разкажу этотъ грустный и печальный эпизодъ изъ моей угрюмой жизни.

Вотъ и опять при воспоминаніи о прошломъ, можетъ-быть, навсегда потерянномъ, погибшемъ счастьи, желчь и слезы прихлынули къ сердцу и глазамъ, и думается: бьюсь и мучусь я словно чайка морская въ туманѣ надъ бездною. Въ грядущемъ мракъ и сомнѣніе; отъ прошлаго тяжело, какъ будто сердце нарываетъ. Знаю я, твердо знаю, что не проглянетъ для меня ужъ больше солнышко, а все жду... Чего же?

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 1.

Нельзя ли, г. авторъ, говорить соскучившійся читатель, уволить насъ отъ вашихъ личныхъ впечатлѣній; намъ право нѣтъ никакой надобности ни до вашихъ чувствъ, ни до тревогъ душевныхъ; вы намъ дайте скорѣй на сцену героя вашего разказа.

Сейчасъ, сію минуту, мой благосклонный читатель... Но вотъ, при словѣ герой, меня вновь беретъ раздумье, только ужъ совсѣмъ иного рода. Гдѣ жъ, думаю, въ моемъ разказѣ герой? Есть въ немъ просто проигравшійся молодой человѣкъ. Есть специалисты, а героемъ рѣшительно нѣтъ. Да и никогда въ жизни моей я не встрѣчалъ героевъ. Встрѣчалъ я ученыхъ и трезвыхъ помѣщиковъ, видалъ также пьяныхъ и неученыхъ; встрѣчалъ пройдохъ и честныхъ управляющихъ, плутовъ бурмистровъ, умныхъ, смѣливыхъ, трудолюбивыхъ крестьянъ; любовался на правдивыхъ, не подкупныхъ судей и проч.; но всѣ они были люди самые обыкновенные, и ни сколько не герои (не должно забывать, что я говорю о герояхъ современныхъ романовъ, повѣстей, поэмъ и т. п., а не о тѣхъ, которые составляютъ достояніе исторіи); герой, по моимъ, разумѣется, понятіямъ, есть существо мрачное, гордое, необщительное, неуживчивое, любящее одиночество, разочарованное, молчаливое. Дѣвицы, это я знаю, думаютъ иначе; у нихъ въ головѣ, какъ скоро звякнули шпоры, или блеснулъ эполетъ, сейчасъ рождается мысль: вотъ и герой! Итакъ, по моему понятію и опредѣленію, къ героямъ можно скорѣй причислить судейскихъ и полицейскихъ. Зналъ я, правда, необыкновенно-замѣчательнаго человѣка, который ужъ умеръ лѣтъ десять. Человѣкъ этотъ былъ Латышъ по происхожденію, Юрка по имени, будочникъ по званію, и философъ, именно философъ практическій. Любилъ онъ очень заниматься домашнимъ хозяйствомъ и, повидимому, крѣпко радѣлъ о народномъ здоровіи; собираетъ, бывало, постоянно въ базарные дни верхніе капустные листы, которые торговцы за негодностію выбрасываютъ на рыночныхъ площадяхъ. Принесетъ, бывало, эти листы мой философъ къ себѣ домой и начнетъ ихъ крошить. Спросишь, проходя мимо его обители: Юрка! чтѣ дѣлаешь? «А хочу щи варить.»—Чтожь ты еще въ нихъ положишь? «Воды налью.»—А еще ничего? «Какъ ничего? Соли положу.»—Ну, а еще чего? При этомъ третьемъ «чего?» Юрка обыкновенно становился, какъ говорится, въ тупикъ, долго молчалъ, какъ бы соображая и припоминая, что бы такое могло быть еще, чтѣ кладется во щи, и наконецъ, послѣ долгаго размышленія, восклицалъ: «Чтожь, масло что ли?»—Ну хоть бы и масло, скажешь, бывало, ему. «Не годится, отвѣчаетъ, не въ потребу!»—Почему же? Тутъ Юрка начиналъ мнѣ доказывать, почему масло не въ потребу,

то—есть объясналъ, какія мѣры принимаетъ городничій, чтобъ «о-варщики не воровали казеннаго масла... Или: встрѣтишь, бывало Юрку съ огромнымъ мѣшкомъ щепокъ, набранныхъ на берегу рѣки. —Это зачѣмъ? «Какъ зачѣмъ, топить, холодно.»—Да развѣ начальство вамъ дровъ не отпускаетъ? «Какъ не отпускать, начальство извѣстно отпускаетъ, вонъ за будкой и теперь два сажня стоятъ.» —Для чего же ты ими не топишь? «Нельзя, частный говорить, что они застрахованы отъ огня въ третьемъ обществѣ. Тебѣ, говорить, только позволю, ты сдуру—то и будку, и весь городъ пожалуй спалишь, дрова же такіе сухіе; а какой тебѣ сухіе! сырые, въ три дня не разожжешь: вѣстимо радчикъ ставилъ.»

И героини у меня нѣтъ ни одной. Есть много знакомыхъ барышень, очень умныхъ и миленькихъ, съ розовыми щечками, съ голубыми, карими, черными глазками, съ малиновыми губками, которыя бы вотъ такъ бы взяли да и разцѣловалъ, а разцѣловать—то именно и не позволяютъ. Знаю также очень много милыхъ и любезныхъ дамъ, но всѣ онѣ не героини, только, пожалуй, и есть изъ нихъ нѣкоторыя, героически распорядившіяся съ своими горничными и мужьями; но это семейныя тайны, которыя я не имѣю никакого права обнародовать...

Надо однако кончить эту болтовню, и возвратиться къ дѣйствующимъ лицамъ моего разказа.

— Вы, Сергій Петровичъ, вѣрно на порошу собрались? сказалъ вошедшій господинъ:—а какъ на дворѣ слѣшкомъ двадцать градусовъ, то чтобъ не озябнуть, и стаканъ съ хересомъ приготовили; или съ ромомъ, что ли? по цвѣту—то не узнаешь. А! и письмецо къ матушкѣ написано, вѣрно прощальное, и начинается должно—быть такъ: не проклинайте, милая маменька, вашего... какъ тутъ? безумнаго или погибшаго сына, такъ что ли?..

Господину, сказавшему это не совсѣмъ—то лестное для хозяина привѣтствіе, было на видѣ лѣтъ за шестьдесятъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, при взглядѣ на которыхъ видимъ, что вся жизнь ихъ прошла, какъ ясный майскій день, а старость похожа на теплый рушійный вечеръ; вдали для нихъ видится ясная зоря, позади не осталось ни одного облачка; вездѣ и всюду чисто и свѣтло. Глядя на такія личности, какъ—то отраднѣе становится на душѣ, легче на сердцѣ.

— Я никакъ не ожидалъ, добрый Иванъ Семеновичъ (тотъ самый, который, если читатель не забылъ, далъ двадцать тысячъ для выкупа нѣвня), никакъ не ожидалъ видѣть васъ у себя, сказалъ совершенно растерявшійся и сконфуженный Широковъ.

— Признаться и я, любезный мой Сергій Петровичъ, тоже не-

какъ не ожидалъ найдти тебя—прости за откровенность, я не умѣю золотить горькія пилюли,—въ тѣкомъ жалкомъ, гадкомъ и скверномъ положеніи.

Широковъ зашевелилъ губами, желая что-то сказать.

— Пожалуста безъ извиненій и безъ запираТЕЛЬствъ, предупредиЛъ старикъ:—пжалуста безъ запираТЕЛЬствъ; я знаю все, рѣшительно все знаю. Какъ и отъ кого?—это ужъ мое дѣло.

Широковъ молчалъ, какъ уличенный преступникъ передъ грознымъ, но правдивымъ судьей.

— Неужели ты думаешь, началъ опять Иванъ Семеновичъ, пристально смотря въ глаза Сергѣю Петровичу, изъ которыхъ готовы были брызнуть слезы,—неужели ты думаешь, что сдѣлавъ неблаго-родный, низкій, безчестный поступокъ можно поправить его, дѣлая гадость, противную какъ божескимъ, такъ и человѣческимъ законамъ, противную самой природѣ? Кто-то, не упомяну, сказалъ, что совершались преступления для поправленія неловкости, и сказалъ правду; замѣчаніе это отчасти оправдывается теперь на тебѣ.

Широковъ стоялъ безмолвно, поникнувъ головою.

— Ты, конечно, воображаешь, что раскrojивъ себѣ голову, сдѣ-
лалъ бы доброе дѣло: успокоилъ бы мать и все любящее тебя се-
мейство; выручилъ бы выстрѣломъ-то всѣхъ изъ бѣды? Или полагалъ
только самъ успокоиться, думалъ только о себѣ?

Добрая натура Широкова взяла наконецъ свое: слезы хлынули, какъ говорится, ручьемъ.

— Плачешь, сказалъ Иванъ Семеновичъ, не выдержавъ строгой роли моралиста и прослезившись самъ,—плачешь—это добрый знакъ, значитъ совѣсть еще не совсѣмъ потеряна и есть возможность во-
ротиться на прямую дорогу. А вѣдь и слезы всякія бываютъ. Быва-
ютъ слезы отчаянія, раскаянія, сожалѣнія, горя, радости, зависти, ненависти; есть даже слезы такъ-себѣ, просто отъ привычки. У меня былъ одинъ пріятель; при немъ, бывало, о чемъ хочешь заговори, скажи хоть, что нынче по утру встрѣтилъ секретаря гражданской палаты на ворономъ орловскомъ жеребцѣ, или совѣтника казенной палаты, питейнаго отдѣленія, на пути съ торговъ, Иванъ Мироновичъ и заплачетъ: ужъ такая натура мягкая. Начнетъ, бывало, хлестать своего камердинера старика по щекамъ, а самъ сейчасъ же въ слезы и приговариваетъ:—вотъ до чего я дожилъ, до чего ты, мошенникъ, довелъ, что я на старости лѣтъ тебя, собаку, колотить долженъ! Про-
живъ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, пошатавшись довольно по свѣту, повертѣвшись въ разныхъ слояхъ общества, пробывъ шесть лѣтъ

судей, а потомъ столько же председателемъ въ уголовной палатѣ нашей губерніи, а въ мою жизнь понасмотрѣлся кое на что. Однако, я все-таки, Сергѣй, долженъ тебѣ сказать еще очень и очень многое. О томъ, что деньги внесены въ совѣтъ, говорить не стоить, — это дѣло уже конченное. Стало-быть имѣнье съ молотка не продадутъ, и ружье свое ты можешь повѣсить на стѣнку до будущихъ подвиговъ, то-есть до Петрова дня. Но ты долженъ знать, во-первыхъ, какія деньги я внесъ за твой, извини, безразсудный и безчестный проигрышъ; это необходимо, чтобъ показать тебѣ, какъ иногда проступокъ одного человѣка вовлекаетъ и другихъ въ дѣла, противныя совѣсти. Банкротство самый рѣзкій примѣръ былъ бы для развитія этой темы; но мы оставимъ банкротство въ сторонѣ. Во-вторыхъ, тебѣ нужно также знать, почему я рѣшился вторично заплатить въ опекуновскій совѣтъ деньги, на которыя, по совѣсти, не имѣю никакого права.

«Слушай же! Начну со втораго, то-есть, почему я заплатилъ за тебя. Съ покойнымъ отцомъ твоимъ мы были всегда пріатели, пріатели не на словахъ, а на дѣлѣ. Вмѣстѣ росли, учились, шалили и служили; однимъ словомъ, что называется. Жили душа въ душу. Онъ даже и умеръ на моихъ рукахъ. Я любилъ его, какъ только можетъ любить братъ брата. Отецъ твой платилъ мнѣ тѣмъ же. По выходѣ изъ университета, мы поступили въій полкъ. Полковой командиръ былъ у насъ человѣкъ отличный, честный, благородный; всѣ его любили. Общество офицеровъ въ нашемъ полку было хорошее и, что большая рѣдкость, довольно образованное. Жили мы всѣ вообще дружно и весело. Вдругъ изъ Петербурга, изъ гвардіи, перевели къ намъ въ полкъ князя Раструбаева, большого фанфарона и озорника; князь принадлежалъ къ числу тѣхъ молодцовъ, которые, пріѣзжая въ провинцію, ко всякому почти слову, кстати и не кстати, прибавляютъ пошлую фразу: у насъ въ Петербургѣ не такъ, или: мы петербургскіе вотъ какъ. Много такихъ шалапаевъ и пустозвоновъ встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ, какъ изъ военныхъ, такъ и изъ статскихъ. Статскіе при этомъ любятъ обыкновенно еще чѣмъ-нибудь щегольнуть, красными, напримѣръ, чулками, брелоками, обѣдомъ для пріателей, цѣлковыхъ въ пятьсотъ, шестьсотъ и т. п. А глядишь, на брелоки-то или на обѣдъ пошелъ оброкъ душъ съ тридцати или сорока: и экономно, и похвально!.. Да, много есть на бѣломъ свѣтѣ подобныхъ господъ: когда-то они повыведутся на святой Руси! Все бы это еще ничего; но дѣло въ томъ, что кромѣ пустаго самохвальства и самоуверенности, Богъ знаетъ на чемъ основанныхъ, князь былъ высо-

комѣренъ и до крайности дерзокъ. Разумѣется, общество о-ниперовъ не влюбилло вновь-прибывшаго, каждый держалъ себя отъ него какъ можно подалѣе, старался быть осторожнымъ. А князь принялъ это совершенно въ другую сторону, подумалъ, что всѣ питаютъ невольное уваженіе къ его титулу и связямъ.

«Разъ всѣ мы, о-ниперы, были приглашены на именинный пирогъ къ одному старшему ротмистру, котораго, несмотря на то, что онъ былъ изъ Нѣмцевъ, всѣ мы любили и уважали. Князь тоже былъ въ числѣ приглашенныхъ, но явился на завтракъ позднѣе всѣхъ, въ сюртукѣ, на распашку, и съ лагавою собакой, то-есть сдѣлалъ два невѣжества—передъ именинникомъ и передъ товарищами, которые, изъ уваженія къ старшему товарищу были въ мундирахъ. Во время завтрака, мой человекъ, позванный именинникомъ для прислуги, подавая кушанье, наступилъ какъ-то нечаянно на ногу или на хвостъ княжеской собаки. Собака визгнула, а князь вскочилъ, и забывъ всякое приличіе, началъ ругать моего человека свиньей, скотиной и т. п. Ну, думаю, невѣжность; это просто одна привычка; многіе изъ нихъ людей скотами величаютъ. Только дѣло этимъ не кончилось; князь, замѣтивъ на многихъ лицахъ улыбку и принявъ ее за одобреніе или оскорбленіе, схватилъ стоявшій на окнѣ толстый черешневый чубукъ и принялся имъ колотить моего человека. Всѣ, начиная съ хозяина, выскочили изъ-за стола и остановили безумца. Я, естественно, былъ взбѣшенъ до крайности, къ тому же былъ еще тогда очень молодъ, кровь волновалась не такъ, какъ теперь; я принялъ поступокъ князя за личное оскорбленіе и наговорилъ ему много колкаго и обиднаго. Онъ, разумѣется, отвѣчалъ мнѣ дерзостью. Кончилось тѣмъ, что рѣшено было на другой день драться. Я никогда, даже въ молодости, не терпѣлъ дуэлей, хотъ на нихъ тогда была мода, но вызовъ былъ сдѣланъ не мной, и отказаться не было никакой возможности, помириться — еще менѣе. Отецъ твой, величайшая флегма, какихъ я только встрѣчалъ, во время всей этой суматохи не сказалъ ни слова, и когда я, естественно, обратился къ нему, какъ къ другу, прося быть моимъ секундантомъ, отвѣчалъ: «хорошо, хорошо, все устрою, а ты ступай лучше теперь домой, успокойся да напиши-ка письмо къ твоей старушкѣ,—не ровенъ часъ.» Надо тебѣ замѣтить, что у меня въ то время была еще жива старуха мать, любившая меня безъ памяти, а отецъ твой былъ на бѣломъ свѣтѣ одинъ-одинешенекъ, какъ перстъ. Слова твоего отца имѣли для меня глубокое значеніе; но я ихъ тогда не понялъ и вспомнилъ только на слѣдующее утро. Не стану говорить, какъ провелъ я ночь наканунѣ дня, въ который, по словамъ Гамлета, должно

было рѣшиться: «быть, или не быть?» Трусомъ я не былъ никогда; но откровенно сознаюсь, что умирать мнѣ крѣпко не хотѣлось. Больше же всего тревожила меня старушка моя; я былъ твердо увѣренъ, что смерть сына положить въ гробъ и мать. На другой день поутру, собравшись, отправился я на квартиру твоего отца, но не засталъ его дома. Камердинеръ объявилъ, что онъ уѣхалъ съ часъ уже, и велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ я прямо ѣхалъ на условленное мѣсто. Я отправился; но прибывъ на мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ города, нашелъ, что все дѣло было уже кончено. Полковой хирургъ перевязывалъ твоему отцу прострѣленную руку; секунданы укладывали въ ящикъ лепажевскіе пистолеты, а князя въ карету. Ему не нужна уже была помощь медика, потому что пуля прошла навывлетъ сквозь сердце. Я взглянулъ на моего друга съ упрекомъ и со слезами благодарности. «У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, а у тебя есть мать, которую надо и поберечь!» сказалъ онъ. Тогда мнѣ стали понятны слова, сказанныя твоимъ отцомъ наканунѣ. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались и полюбили другъ друга, если только это возможно, еще болѣе. Я далъ себѣ клятву, ежели только представится случай, заплатить твоему отцу хоть немного за его благородный, истинно-пріятельскій поступокъ; но до сихъ поръ былъ у него въ долгу, потому что деньги, которыя иногда давалъ займы твоей матери, я не считалъ за одолженіе. Но часъ расчета и для меня наконецъ насталъ; я могу теперь сказать себѣ, что спасая сына отъ преступленія, а мать отъ тяжкаго, жестокаго горя и, быть-можетъ, даже отъ смерти, я хоть немного поквитался съ моимъ другомъ. Понимаешь ли теперь, любезный мой Сергѣй Петровичъ, почему я не могъ не внести въ совѣтъ проигранныхъ тобою денегъ?

— Благодарѣть! отецъ мой второй! воскликнулъ Широковъ, бросаясь на грудь старика. Но Иванъ Семеновичъ остановилъ этотъ порывъ.

— Пожалуста безъ изліянія нѣжностей, безъ благодарностей; за возвращеніе долга благодарить не стоить, да и откровенно тебѣ скажу, мнѣ вообще не нравятся люди, которые слишкомъ нѣжничаютъ. Чтò дѣлать? это ужъ капризъ старика. Теперь объясню тебѣ первое, то-есть какія именно были деньги, которыя я заплатилъ за тебя, продолжалъ Иванъ Семеновичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — хотя крѣпко бы мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ предметѣ, потому что я помню русскую пословицу: «ржаная каша сама себя хвалить.» Но ты меня на это вынудилъ. Тебѣ извѣстно, началъ старикъ, послѣ минутнаго отдохновенія, — что отецъ мой оставилъ мнѣ послѣ своей смерти двѣсти не заложенныхъ душъ, онъ и

теперь не заложены. Мужички у меня почти всѣ хорошіе, исправные и зажиточные; участь ихъ, въ случаѣ моей смерти, обезпечена. Родныхъ у меня, кажется, нѣтъ, выключая твоего семейства, которое я считаю самою ближнею родней. Оброкъ съ крестьянъ я получаю самый умеренный, но съ меня довольно, потому что хоть я привыкъ измала жить чисто и опратно, ѣсть сытно и вкусно, но роскоши не люблю; да къ тому же мнѣ, старику, теперь нуженъ болѣе всего покой. Послѣ отца мнѣ достался еще небольшой капиталъ, тысячь съ пятьдесятъ, на ассигнаціи. Больше половины его въ мое управленіе кое-куда истрачено, а остальные двадцать тысячъ, какъ я уже сказалъ, по совѣсти, мнѣ не принадлежавшія, внесены сегодня по утру въ совѣтъ.

Широковъ опять было заникнулъ о благодарности, но Иванъ Семеновичъ вновь остановилъ его словами:

— Пожалуста оставь! Я вѣдь ужъ сказалъ тебѣ, что не терплю нѣжностей; садись и дослушай! я былъ страстный охотникъ съ ружьемъ, въ особенности на крупнаго краснаго звѣря. Жду не дождусь, бывало, когда начнутся порошн, скоро ли дадутъ знать, что обложенъ медвѣдь, или обошли лосей.

Гостилъ я однажды у одного пріятеля въ деревнѣ, въ Калужской губерніи. Сторона тамъ лѣсная, злодѣй-топоръ тогда еще разгуливалъ по лѣсамъ не такъ бойко, какъ нынче, а стало быть и звѣрю было привольнѣе. Пріятель мой охотникомъ не былъ, но желая сдѣлать для меня сюрпризъ, послалъ въ село, отъ его имѣнія верстахъ въ десяти, за мужичкомъ медвѣжатникомъ и, переговоривъ съ нимъ, привелъ его въ мою комнату. Можешь представить мое восхищеніе, когда я услышалъ, что есть готовый, обложенный медвѣдь. Въ эту же ночь, приготовивъ ружье, безъ котораго я никуда не ѣзжалъ, мы вдвоемъ съ окладчикомъ отправились въ путь, и къ разсвѣту были на мѣстѣ. Облава была не нужна, потому что логово было извѣстно. Итакъ, зарядивъ ружья,—тогда еще они были съ кремнями,—мы вдвоемъ съ обходчикомъ поѣхали на крестьянскихъ развальняхъ къ милому другу; лошадь съ санями и возчикомъ оставили на опушкѣ лѣса, потому что снѣга были глубокіе, и дорога кончилась, а сами, подвязавъ лыжи, побѣжали прямо къ берлогу. Сердце билось у меня словно птичка въ клеткѣ. Звѣрь, судя по слѣдамъ, которые еще были не много видны, и по словамъ обходчика, былъ огромный, что и дѣйствительно оказалось такъ. Вбуждали мы наконецъ медвѣдя холостымъ выстрѣломъ изъ пистолета. Вылѣтъ непріятель изъ своей засады и прямо на меня. Я приложился и спустилъ курокъ—осѣчка. Изъ другаго ствола выстрѣлъ однако последовать

и угодилъ звѣрю подѣ лѣвую лопатку. Пуля, какъ послѣ разсмотрѣли, прошла ниже сердца на полвершка; но звѣрь не упалъ, а только споткнулся, рывкнулъ и пустился стрѣлой на меня. Я хотѣлъ посторониться и отскочить за толстую сосну, но поскользнулся, — тогда былъ сильный *настѣ*, — и я ткнулся головой въ снѣгъ, чувствуя въ то же время, что на меня навалилось что-то тяжелое. Степанъ — такъ звали охотника — сначала выстрѣлилъ изъ своей одностовки, цѣля медвѣдю въ голову, но пуля сорвала только клочокъ шерсти. Товарищъ мой, видя, что дѣло не ладно, на первыхъ порахъ бросилъ ружье и хотѣлъ бѣжать; услышавъ же мой голосъ, и вспомнивъ, что съ нимъ былъ топоръ, выхватилъ его изъ-за пояса, и началъ гвоздить медвѣдя поголовѣ. Степанъ былъ парень не сильный, топоръ тупой, къ тому же страхъ еще отымалъ руки, а потому и голова непріятеля нашего пострадала не сильно. Однакожъ звѣрь, бросилъ меня, не успѣвъ сдѣлать большаго вреда, кромѣ неважной царапины на самомъ не опасномъ мѣстѣ, опрокинулся на Степана, подмывъ его подѣ себя и началъ отрабатывать по-своему. Пока я успѣлъ образумиться, встать и подняться, — на лыжахъ-то, знаешь, неловко, — дѣло было кончено. Гляжу: медвѣдь лежитъ и только ногами подрыгиваетъ; товарищъ мой тоже не встаетъ, блѣдный такой. «Подымайся, говорю, бояться нечего, звѣрь ужъ приказалъ долго жить.» — Батюшка Иванъ Семенычъ, простоналъ Степанъ: — смерть моя, умираю, отецъ родной, не дай погибнуть безъ покаянія! — Я сначала думалъ, что это съ испугу. Спрашиваю: «Чтѣ съ тобой?» — Бокъ, батюшка, бокъ очень... Взглянулъ я на бокъ, вижу: кафтанъ располосованъ, рубашка тоже, а на снѣгу кровь. Впопыхахъ-то я этого и не замѣтилъ. Привезли мы бѣднягу домой, въ деревню, послали за священникомъ. Я полагалъ, что Степанъ и часу не проживетъ — такъ онъ былъ изуродованъ, — исповѣдалъ его священникъ, пріобшилъ Святыхъ Таинъ. Вотъ какъ будто и поуспокоился больной немного, а часа черезъ три — я все время ни на шагъ отъ него не отходилъ — началъ метаться, стонать, сдѣлался, значитъ, антоновъ огонь. Все, сердечный, просилъ, чтобъ я его семьи не оставилъ. Разумѣется, я успокаивалъ, сколько могъ, больного, хотя и самъ мучился душевно. Къ вечеру товарищъ мой скончался. Я выкупилъ на волю всю его семью, которая состояла изъ жены и двоихъ дѣтей, купилъ имъ землицы, выстроилъ постоянный дворъ, далъ деньжонокъ, и они до сихъ поръ, благодаря Бога, живутъ напорядкахъ. Но я далъ еще клятву, что каждый годъ, въ Благовѣщеніе — это происшествіе случилось наканунѣ Благовѣщенія — буду дѣлать какое-нибудь добро. Понимаешь ли ты теперь, какія это были двадцать ты-

сячь? Проценты съ нихъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ шли на исполненіе моего обѣщанія, и капиталъ, слѣдовательно, не принадлежитъ мнѣ. Ты знаешь, можетъ-быть, что у русскаго народа есть прекрасный обычай въ этотъ веселый праздникъ покупать птичекъ и выпускать на волю. Помнишь также, можетъ-быть, что сказалъ Пушкинъ:

Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Немного, братъ Сережа, сказано, а вѣдь хорошо!

Тутъ Широковъ не выдержалъ, бросился къ старику, и обнявъ его, зарыдалъ.

— Полно, полно! дѣло, слава Богу, обошлось. Но я еще долженъ отъ тебя кое-чего потребовать.

— Все, все, отецъ мой!

— Впервыхъ все это должно остаться между нами. Я не хочу, чтобъ кто-нибудь зналъ обо всемъ этомъ; вовторыхъ, сколько ты получаешь изъ дому денегъ?

— Три тысячи ассигнаціями.

— А жадованья?

— Восемьсотъ.

— Вотъ, эти-то восемьсотъ, я требую, чтобъ до моей смерти присылались ко мнѣ, это ровно проценты съ тридцати тысячъ; а дослѣ, когда меня не будетъ, предоставляю на твою совѣсть. Ну, теперъ прощай, до завтра, ложись и спи спокойно...

IV.

Теперь, читатель, мы перенесемся въ домъ Сулаева, — того самаго Сулаева, котораго графъ Иванъ Ѳедоровичъ предлагалъ Аричу захватить съ собой на Нижегородскую ярмонку.

Александръ Петровичъ Сулаевъ представляетъ для мыслителя много занимательнаго, любопытнаго и поучительнаго въ отношеніи того, какъ иногда изъ порядочнаго человѣка можно сдѣлаться мерзавцемъ, встрѣчая на жизненной дорогѣ не то, что проповѣдовали намъ въ классной комнатѣ учителя, гувернеры и родители.

Сулаевъ былъ сынъ благородныхъ и богатыхъ родителей; воспитывался дома и подавалъ, какъ говорится, блестящія надежды на будущность; но увы! судьба или что другое рѣшили иначе.

Молодой человекъ не имѣлъ прямого понятія о жизни, о людяхъ, объ отношеніяхъ къ нимъ, о всѣхъ дразгахъ и мелочахъ такъ-называемаго свѣта.

Мать Сулаева была женщина рѣдкихъ правилъ, съ прямымъ взглядомъ на вещи, съ большимъ умомъ и образованьемъ.

«Учись, трудись, будь справедливъ, дѣлай добро, говори всегда правду, не лести и не подличай передъ вышшими тебя, не задирай носъ передъ низшими, не обижай, не оскорбляй ихъ, потому что обстоятельства измѣнчивы,» вотъ афоризмы, которыя безпрестанно твердила мать сыну. А сынъ, страстно любя и уважая мать, исполнялъ свято эти наставленія.

Но, увы! ни мать, ни сынъ, ни гувернеръ-швейцарецъ не знали, что есть теорія низкопоклонничества, лести и разумнаго молчанія, которыя такъ хорошо, до такой утонченности развиты въ наше время. Ни мать, ни сынъ не имѣли понятія, что нѣкоторые лѣкарства, какъ напримѣръ хининъ, имѣютъ свойства уничтожать и производить одну и ту же болѣзнь, какъ учить Ганеманъ, не знали, что лести, низкопоклонничество и безсловесность очищаютъ путь къ разнымъ повышеніямъ, и что при хорошемъ, сознательномъ употребленіи этихъ специфическихъ средствъ, можно идти далеко, все въ гору и въ гору, и что есть еще русская поговорка: «правда глаза колетъ», объясняющая, какъ опасно бываетъ иногда говорить правду.

Окончивъ домашнее воспитаніе, молодой Сулаевъ опредѣлился въ полкъ и, разумеется, имѣлъ безпрестанное столкновеніе съ товарищами за убѣжденія; нерѣдко доходило до ссоры. Но все бы это еще ничего; а главное, что командиръ полка, какой-то отчаянный формалистъ (изъ Нѣмцевъ), имѣлъ сверхъ этихъ качествъ тридцатилѣтнюю дочь, блѣдную дѣву съ постоянно-подвязанною щекой, сѣро-мутными глазами, съ непреодолимымъ желаніемъ достать себѣ мужа и необыкновенною способностью подругивать щеки своимъ горничнымъ.

Родитель вышереченной милой дѣвицы, разузнавъ о состояніи Сулаева, обратилъ на него свои виды.

Зинаида Федоровна тоже начала бросать свои томные, мутно-сѣрые взгляды на молодого, богатаго, красиваго корнета. Атакъа однакожь была неудачна. Преслѣдуемый сначала вертѣлся, лавировалъ, но видя, что непріятель готовится на рѣшительный штурмъ, заблагоразсудилъ ретироваться, и пересталъ посѣщать домъ полковника. Тогда, естественно, со стороны послѣдняго начались мелочныя придирки по службѣ (Нѣмецъ былъ очень сварливаго характера); наконецъ придирки превратились въ совершенное го-

неніе. Молодой Сулаевъ не зналъ, что ему дѣлать, да и не могъ понять, за что его преслѣдуютъ. Служу я, думалъ корнетъ, кажется, хорошо, по крайней мѣрѣ стараюсь исполнять свои обязанности; а отъ полковнаго командира мнѣ просто житья нѣтъ. Но разсужденія эти не повели ни къ чему; непріятности съ каждымъ днемъ усиливались и усиливались. Александръ Петровичъ терпѣлъ и думалъ уже подать просьбу о переводѣ въ другой полкъ, какъ въ одно утро случилось неожиданно самое непріятное происшествіе. Полковникъ назначилъ ученіе. Сулаевъ на ученіе не явился, потому что у него захромала верховая лошадь и самъ онъ былъ не очень здоровъ. Полковникъ обрадовался случаю придрататься; явился на квартиру Сулаева самъ и, заставъ его книгой да за завтракомъ, принялся распекать. Сулаевъ молчалъ; Нѣмецъ горячился все болѣе и болѣе. «Отчего вы не были на ученіи? какъ вы смѣете манкировать службой? — Я чувствую себя не очень здоровымъ, отвѣчалъ корнетъ. «Почему же вы не подали рапортъ о болѣзни?» — Не успѣлъ еще, завтра подамъ. «То будетъ завтра, а сегодня я велю посадить васъ подъ арестъ.» Сулаевъ началъ выходить изъ терпѣнія. «Почему же вы не сажаете подъ арестъ Зонина? онъ почти на одномъ ученіи не бываетъ?» замѣтилъ Сулаевъ. (Зонинъ былъ племянникъ полковника.) — Вы смѣете еще грубить, учить меня вздумали, молодой человекъ? *кураца лица учить!* (Нѣмецъ любилъ русскія пословицы, но всегда ихъ ворочалъ наизнанку.) Мальчишка! лжець! Последнее слово окончательно вывело Александра Петровича изъ себя, и въ отвѣтъ на него послѣдовала оплеуха. Полковникъ подавъ рапортъ начальству, въ которомъ объяснялъ, что такой-то корнетъ не является на ученіе, не занимается службой, и что когда онъ, полковникъ, началъ увѣщевать его, принимая въ немъ отеческое участіе, то вмѣсто благодарности офицеръ наговорилъ ему дерзостей, ругательствъ и даже грозилъ привести въ дѣйствіе болѣе-недостойныя дворянина угрозы.

Нарядили судъ. Когда при допросѣ спросили Сулаева:—какъ онъ осмѣлился говорить дерзости и грубить начальнику? то Сулаевъ, не привыкнувъ лгать, отвѣчалъ: «Я не грубилъ и не говорилъ дерзостей, а просто далъ г-ну полковнику пощечину и сознаюсь въ моей винѣ откровенно, не запираюсь, зная, что запирательство дурное свойство человѣка и притомъ нисколько не уменьшаетъ вины, а напротивъ увеличиваетъ ее.»—Вы опять лжете! воскликнулъ полковникъ, находившійся тутъ же, и желая скрыть тяжкое оскорбленіе, — вы не били меня, а только страшали и грубили.» Я никогда не лгалъ и не лгу, возразилъ подсудимый, вспыхнувъ и забывъ гдѣ онъ нахо-

дится:—и въ доказательство, что я говорю правду, вотъ вамъ!... Раздалась вторая пощечина. Каковъ былъ результатъ такой неслыханной дерзости, угадать не трудно...

Для молодого, образованнаго человѣка, привыкшаго быть въ кругу порядочныхъ людей, любящаго книги и умную, образованную бесѣду, жизнь въ какой-нибудь крѣпости, куда разъ въ мѣсяцъ или въ два приходитъ почта съ *оказіей*, жизнь не веселая. Въ подобныхъ крѣпостяхъ обыкновенно живутъ два, три офицера, можетъ-быть закаленные въ бою, очень храбрые и честные, но не свѣтскіе, а потому для франтовъ, попадающихъ туда невзначай, неожиданно, не по собственному желанію, остаются два утѣшенія: чихирь и, если представится случай, карты, да еще, правда, третье развлеченіе—чеченскія пули, которыхъ музыка довольно однообразна, да и не всѣмъ приходится по вкусу.

Долго ли находился Сулаевъ въ крѣпости, я не могу опредѣлить съ точностью; знаю только, что онъ получилъ много наградъ, былъ произведенъ въ офицеры (потому что дѣйствительно былъ храбръ), привыкъ къ вину и сдѣлался игрокомъ. Однимъ словомъ, прежняго Сулаева не осталось и тѣни. Это произошло, можетъ-быть, частью оттого, что онъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій, или потому, что новыя убѣжденія смѣнили старыя, а прежнихъ правилъ поддержать было некому, потому что мать его уже умерла, а отецъ Александра Петровича былъ хотя и добрый, но слабый и малодушный старикъ.

Александръ Петровичъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи (материнскомъ) и повелъ самую буйную жизнь: каждый день нынство, игра, и тому подобное.

Чтобъ показать, до чего измѣнился Сулаевъ, приведу одинъ примѣръ. Болѣе всѣхъ страдали въ имѣніи отставнаго ротмистра мумья молодыхъ бабъ и отцы красивыхъ дочерей. До старика Сулаева, который жилъ въ томъ же уѣздѣ и, кажется, былъ еще предводителемъ, стали доходить жалобы. Старикъ, какъ сказано выше, былъ хотя и пустой человѣкъ, но слыша ежедневно разказы о поступкахъ сына, унижающихъ званіе дворянина, рѣшился задать молодцу, какъ говорится, головомоיקу. Онъ пріѣхалъ къ сыну въ деревню и напалъ на буйнаго помѣщика со всею энергіей. Сынъ долго слушалъ, но вѣроятно, соскучившись слишкомъ продолжительною лекціей о нравственности, крикнулъ:—Эй кто тамъ? розогъ!—«Это зачѣмъ?» спросилъ оторопѣвшій и сконфузившійся старикъ.—Да хочу немножко, васъ, папенька, поучить, какъ должно обращаться съ офицеромъ, имѣющимъ столько ранъ и... Тутъ Александръ Петровичъ показалъ на грудь свою; а старикъ давай Богъ ноги. Тѣмъ дѣло и

кончилось. Спустя нѣсколько времени послѣ этой исторіи одинъ изъ друзей молодого Сулаева спросилъ: «Ну, что, какъ теперь твой па-теръ?» Ничего, отвѣчалъ Сулаевъ:—помирнѣе сталъ.

Для полноты краткой біографіи Александра Петровича, я считаю великимъ прибавить нѣсколько словъ о его наружности, которую онъ имѣлъ въ то время, когда совершались происшествія, мной описы-ваемые.

Ежели и не совершенно справедливо мнѣніе, что каждый человекъ имѣетъ сходство съ какимъ-нибудь животнымъ, то все-таки Сулаевъ, подъ старость, по моему мнѣнію, походилъ на матерого волка. Александръ Петровичъ имѣлъ высокій ростъ, соразмѣрную полноту, былъ немного сутуловатъ. Глаза у него были сѣрые, съ небольшими красноватымъ отливомъ; волосы на головѣ совершенно сѣдые, стриженные постоянно подъ гребенку, торчавшіе дыбомъ. Глядѣлъ Сулаевъ всегда изподлобья. И отъ этихъ взглядовъ, у человека слабонервнаго, пульсъ иногда бился не нормально, и на сердцѣ холодило. Настоящій волкъ! Одинъ мой хорошій знакомый и большой острякъ, котораго я однажды просилъ показать двухъ ново-куплен-ныхъ борзыхъ кобелей, отвѣчалъ, взглянувъ на Сулаева, который случился тутъ же:—нельзя, опасно! «По чему же?» спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло. — А потому, что собаки злобныя, волкодавы, сейчасъ примутъ въ шиворотъ, отвѣчалъ мой пріятель, показывая съ улыбкой на отставнаго ротмистра.

Посмотримъ же теперь, что дѣлается въ домѣ Сулаева.

Въ довольно обширной, хотя не щегольски, но изрядно меблиро-ванной комнатѣ, около стола, на которомъ поставлены были водка и закуска, сидѣлъ Сулаевъ съ Андреемъ Андреевичемъ. Графъ стоялъ нѣсколько поодаль, у окошка, выходившаго на дворъ, и внимательно пересматривалъ пять или шесть листовъ вексельной бумаги.

— Полно тебѣ, ступай завтракать, сказалъ Сулаевъ, обращаясь къ графу: — котлеты остынутъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ графъ.

— Что это вы такъ внимательно разсматриваете? спросилъ Андрей Андреевичъ.

Графъ обратился къ Милову и, поглядѣвъ на него съ нѣкотораго рода недоумѣніемъ, сказалъ:—Спрашивалъ бы кто-нибудь другой, а не ты, Андрей; отъ тебя я подобной глупости, признаться, слышать не ожидалъ.

Миловъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на графа съ любопытствомъ и прибавилъ: — Право же не понимаю.

— Да разглядываю, братецъ, на свѣтъ бумагу, какихъ она годовъ.

Андрей Андреевич пожалъ только плечами, что означало: «хоть убей, ничего не понимаю!»

— Ну, ужъ если ты и теперь не сообразилъ, въ чемъ дѣло, такъ я лучше тебѣ разкажу анекдотъ. Былъ у меня одинъ знакомый фабрикантъ, дѣла велъ большія; только вотъ затѣялъ онъ банкротиться. Надавалъ пріятелямъ и родственникамъ безденежныхъ векселей: порядокъ этотъ тебѣ извѣстенъ. Учредили конкурсъ; кредиторы представили свои документы, и пошла работа. Кончилось дѣло тѣмъ, разумѣется, что всѣ согласились взять по пятнадцати копѣекъ за рубль, а какъ безденежныхъ векселей было впятеро больше, чѣмъ настоящихъ, то пріятель мой и остался съ капиталцемъ. Только во время конкурса, переборки бумагъ и векселей, случилась уморительная штука. Сидимъ мы какъ-то разъ вдвоемъ съ купцомъ у него на квартирѣ, да пуншъ попиваемъ. Входитъ человѣкъ и докладываетъ: «Аѳанасій Савельевичъ! къ вамъ какой-то чиновникъ пришелъ, желаетъ видѣться; дѣло, говоритъ, есть.» — Какой тамъ еще чиновникъ? отвѣчаетъ съ сердцемъ Аѳанасій Савельевичъ: — много ихней братьи шатается ко мнѣ; теперь, видишь, некогда, мы знаемъ со старшими, а эта мелюзга намъ тѣфу!.. «Что жъ, говорю я, за бѣда, вели позвать, можетъ и въ самомъ дѣлѣ есть дѣло.» — Какое къ шути дѣло! Мы съ Петромъ Макарычемъ *каждый* день выдаемся: коли бы что было, такъ сказалъ бы; такъ, пустяки какіе-нибудь, на чай сорвать хочеть. «Да пусть войдетъ, не важность!» — Ну, инъ скажи, чтобъ вошелъ. Чиновникъ явился, такой невзрачный, маленькій, гаденькій, опципанный. «Ты отъ Петра Макарыча что ль присланъ?» спрашиваетъ Аѳанасій Савельичъ. — Нѣтъ-съ, я самъ по себѣ. «А нельзя ли узнать, зачѣмъ это пожаловать извоили?» — Есть дѣльце до васъ, только мнѣ нужно потолковать по секрету. «Полно, братъ, калякать, говори! это нашего поля ягода! свой человѣкъ. Ну, разказывай, что такое за дѣло у тебя?» — Да одинъ векселекъ, Аѳанасій Савельевичъ, въ тридцать пять тысячъ, на имя Балотонова, у васъ нечистъ; такъ какъ будетъ угодно?.. Разозлился, гляжу, мой Савельичъ. «Какъ, кричитъ, нечистъ? Ахъ ты, крыса этакая! Я вотъ завтра скажу Петру Макарычу, такъ ты и пристанища нигдѣ не найдешь; ишь съ чѣмъ подѣхалъ! У меня векселя всѣ денежныя; тутъ, братъ, дѣло начистоту, иголки не подпустишь.» — Какъ угодно, отвѣчаетъ чиновникъ: — только вексель данъ отъ 22-го мая 1821 года, а бумага 22-го года, — больно ужъ что-то мудрено. Ну, тутъ, разумѣется, медаль перевернула, какъ говорятъ Французы, и дѣло кончилось мировой.

Сулаевъ и Андрей Андреевичъ засмѣялись, а графъ принялся за котлеты.

Здѣсь, для большей ясности моего разказа, я долженъ замѣтить, что Мурзановъ, состояніе котораго, какъ я уже замѣтилъ, расло не по днямъ, а по часамъ, началъ поступать слишкомъ деспотически съ своими помощниками, а что самое главное — сталъ давать имъ мало денегъ, и они всѣ мало-по-малу перешли на сторону графа, который дѣйствовалъ отдѣльно, съ Аричемъ и Сулаевымъ, также уже въ большихъ размѣрахъ. Одинъ Андрей Андреевичъ еще не оставилъ Мурзанова, но былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ графомъ, о чемъ однако не считалъ нужнымъ объяснять Алексѣю Степановичу. Мурзановъ же, думая совсѣмъ бросить игру (достойно замѣчанія, что человекъ наконецъ удовлетворился), отчасти былъ и радъ освободиться отъ своихъ пріятелей, знавшихъ всѣ его дѣйствія. Вообще вѣдь неприятно имѣть постоянно передъ глазами людей, которымъ извѣстны наши дѣла, да еще, сохрани Богъ! и помышленія.

Кончивъ расправу съ котлетами и бутылкою бургонскаго, графъ обратился къ Андрею Андреевичу съ вопросомъ:

— Такъ ты навѣрное полагаешь, что Мурзановъ нынче сюда явится?

— Навѣрное, отвѣчалъ Миловъ: — по крайней мѣрѣ онъ такъ сказалъ мнѣ вчера. «Я, говоритъ, еще съ отцомъ Сулаева былъ знакомъ: какъ же не навѣстить больного сына?»

— Хорошо больной! сказалъ съ улыбкой Сулаевъ.

— Я вспомнить до сихъ поръ не могу объ обидѣ, которую повесъ отъ этого подлеца, прервалъ графъ: — вся кровь подымается къ головъ; страдать меня кучерами и лакеями! Ну, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, мы съ вами нынче по квитаемся!

— Кровь-то у тебя больно ужъ горяча, арабская должно-быть!

Во время этихъ разсужденій, изъ передней послышались голоса: «Дома?» — У себя-съ, пожалуйста.

Графъ выбѣжалъ въ смежную комнату.

Вошелъ Алексѣй Степановичъ Мурзановъ.

— А я до сихъ поръ, мой почтенный Александръ Петровичъ, началъ гость, — не зналъ, что вы обрѣтаетесь въ Москвѣ, и еще имѣете свой домъ.

— Третьяго дня продалъ, отвѣчалъ Сулаевъ, злобно улыбаясь.

— Кому же?

— Мнѣ, сказалъ вошедшій въ эту минуту графъ: — вы, мой дражайшій Алексѣй Степановичъ, находитесь у меня въ гостяхъ; извините, что я не могу принять васъ съ такими почестями, съ какими вы меня провожали; у васъ тридцать человекъ прислуги, а у меня такой роскоши нѣтъ: всего пятеро, но, увѣряю васъ, народъ исправный, подобраны молодецъ къ молодцу.

Алексѣй Степановичъ поблѣднѣлъ, взглянувъ на отворенную дверь въ переднюю, гдѣ дѣйствительно шевелились человѣкъ пять усачей и бакенбардистовъ, изъ которыхъ каждаго можно бы поставить въ первую роту Преображенскаго полка.

— Я надѣюсь однако, проговорилъ съ разстановкой дрожащимъ, тихимъ голосомъ Мурзановъ: — надѣюсь, что мнѣ не будетъ сдѣлано никакихъ оскорбленій и насилій?

— Рѣшительно никакихъ, если вы намъ напишете, то-есть подпишете нѣсколько *billets doux*, сказалъ графъ. — Къ чему насилія и оскорбленія? Мы, слава Богу, люди здѣсь всѣ образованные, не мужики, не мастеровые. Чтѣ это, милый Алексѣй Степановичъ, продолжалъ графъ нѣсколько ироническимъ тономъ: — изволите поглядывать въ окошко, вѣрно на моихъ бульдоговъ любуетесь? Не правда ли, какія превосходныя собаки? Каждую изъ четырехъ въ одиночку на медвѣдя сажаю; а ужъ злобы, право, непоимѣрной! Вонъ, видите, чубарый, чтѣ около калитки прохаживается, никого даже изъ домашнихъ не знаетъ, кромѣ кучера Федота. Намедни какъ-то онъ сорвался, а на ту бѣду корова на дворъ была: насилу отбить могли, такъ горло и перехватилъ.

— Стало-быть надо послать за маклеромъ, потому что сами, графъ, вы вѣрно не поѣдете, началъ Мурзановъ, видя невозможность прыгнуть въ окно и перескочить черезъ заборъ.

— Посылать за маклеромъ нѣтъ никакой надобности, дражайшій Алексѣй Степановичъ. Вамъ должно-быть извѣстно, что есть семидневный срокъ, до истеченія котораго можно жаловаться на несправильно выданныя заемныя письма; такъ я для этого разсудилъ лучше приготовить векселя. Вѣдь мы съ вами временные купцы, за гильдію платимъ; намъ безъ этого нельзя, мы народъ торговый, коммерческій. Поди, въ другомъ мѣстѣ и маклера-то еще не отыщешь, и въ книгѣ мѣста, пожалуй, свободнаго не найдешь, а вексель, знаете, любезное дѣло, особенно какъ бумага разныхъ годовъ припасена, такъ хоть на большой дорогѣ выдать можно.

— Давайте, сказалъ Мурзановъ, понявъ, что и на этомъ пунктѣ для него ретирада отрѣзана.

Графъ вынулъ изъ кармана венгерки нѣсколько векселей, и подалъ ихъ Мурзанову, приглашая движеніемъ руки подойти къ письменному столу.

Векселей было шесть, каждый въ двадцать пять тысячъ.

— Все ли теперь? спросилъ Алексѣй Степановичъ, возвращая графу подписанные векселя.

— Нѣтъ, не все, отвѣчалъ графъ.

Мурзановъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Не все, повторилъ истязатель: — потрудитесь еще присѣсть къ столу и написать, что я вамъ продиктую.

Алексѣй Степановичъ сѣлъ и взялся за перо.

— Пишите: Любезный графъ Иванъ Ѳеодоровичъ. Посылаю вамъ четыре векселя отъ... (слѣдуетъ годъ и число), что съ выданными двумя прежде отъ... (опять годъ и число), составляетъ всего на полтора тысячь. Расчетъ слѣдующій: у Широкова выиграно двадцать тысячь, у казначея Вермишелева, который проигралъ казенную сумму и зарѣзался, восемьдесятъ тысячь (изъ этихъ денегъ на погашеніе дѣла употреблено десять тысячь), у ремонтера Зарубаева сорокъ двѣ тысящи, у старика Минукина, который былъ опекуномъ у малолѣтнихъ Безпаловыхъ, шестьдесятъ восемь; да еще сотня набралась въ разное время по мелочамъ, — слѣдовательно, на вашъ пай приходится полтора, которыя, по истеченіи полугода, вы получаете сполна. Я бы и теперь ихъ прислалъ, но знаю, что вы нужды не имѣете, а мнѣ даютъ за полгода полтину на рубль процентовъ. Будьте здоровы. Вашъ истинный другъ Алексѣй Мурзановъ.

— Все ли наконецъ? спросилъ Мурзановъ, подавъ графу письмо и взявшись за шляпу.

— Нѣтъ еще, не все, отвѣчалъ графъ, наслаждаясь, повидимому, мученіями своего врага.

— Что жъ еще нужно? воскликнулъ Алексѣй Степановичъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Нужно еще... сказалъ мучитель, нарочно растягивая слова: — нужно еще прежде велѣть кучеру Ѳеодоту... убрать собакъ, а то вы не попадете домой.

Черезъ двѣ минуты Алексѣй Степановичъ былъ уже за воротами, которыя ему отперли, и сѣлся въ свою коляску. Только когда Мурзановъ проходилъ переднюю, одинъ изъ присутствующихъ въ ней усачей сказалъ: «не будетъ ли отъ вашей милости на водку?» но Алексѣй Степановичъ не обратилъ уже на эту насмѣшку никакого вниманія, а графъ крикнулъ какъ будто съ сердцемъ: «Я однажды и навсегда сказалъ, что на водку только позволяю просить у тѣхъ, кто возвращается отсюда съ выигрышемъ.»

— Много же получаютъ! замѣтилъ шутя Андрей Андреевичъ.

— Получать свое, небось, перебилъ графъ: — эй! сколько васъ тамъ?

— Шестеро, отвѣчалъ вошедшій на зовъ камердинеръ.

— Возьми! сказалъ графъ весело, бросая пачку ассигнацій, заклю-

чавшую въ себѣ шестьсотъ рублей. — Трое могутъ гулять нынче, а трое завтра, по очереди; бросьте жеребій.

Когда коляска Мурзанова проѣзжала мимо оконъ дома, выходявшихъ на улицу, то графъ, Сулаевъ и Андрей Андреевичъ привѣтливо раскланились Алексѣю Степановичу, и потомъ всѣ захохотали.

V.

Въ небольшой квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и передней, убранныхъ однако со всевозможною роскошью, происходило застѣбаніе двухъ друзей, знакомыхъ уже читателю.

— Да разкажи ты мнѣ, Андрей Андреевичъ, толкомъ, какъ все это случилось.

— Какъ бы ни случилось, Иванъ Карловичъ, только дѣло вышло самое гадкое, и чуетъ мое сердце, что насъ всѣхъ, рабовъ Божіихъ, не нынче, такъ завтра заберутъ.

— Да разкажи, какъ дѣло-то было.

— А вотъ какъ. Пріѣзжаетъ вчера къ Сулаеву этотъ проклятый купчикъ, чтобъ ему ни дна, ни покрывши не было, немного подхмѣлькомъ; а познакомился онъ съ Сулаевымъ и съ графомъ еще на Макарьевской; только видно они тамъ его обработать не успѣли. На ярмонкѣ-то отецъ самъ былъ, старикъ, братецъ мой, съ норовомъ, старикъ умный; выходитъ, сыну ходу большаго онъ не давалъ. Только сынокъ вчера явился съ денежками, откуда-то съ фабрики по довѣренности отъ отца получилъ. Пріѣхалъ и началъ хвастать, извѣстное дѣло спьяну: вотъ дескать онъ миленькія, — а денегъ было тысячъ сорокъ. У Арича глаза такъ и разгорѣлись; лакомъ больно до денегъ-то. Началась попойка; шампанскимъ то и дѣло накачиваютъ. Вотъ какъ Маслобоева разобрало ужъ порядкомъ, Сулаевъ ему и говоритъ: «что жъ не срѣзаться ли?» — Изволь, отвѣчаетъ, мы съ нашимъ удовольствіемъ, вели грамотку подавать. — Принялись они въ штось, а шампанскаго все поддаютъ, да поддаютъ. Лушится, смотрю, Сулаевъ дурью голову, мечетъ противъ него *круллы штось*, а тотъ знай кушъ увеличиваетъ, все въ дублетъ да въ дублетъ идетъ; въ разумѣ-то, значить, еще было: сразу дескать отыграюсь, а ужъ куда тутъ отыгаться! хоть всю Австралію на карты поставь, и той бы не хватило. Вотъ какъ по расчету сорокъ тысячъ Сулаевъ записалъ, и говоритъ: «Баста, братъ, а то ты нынче не въ ударѣ, что-то не везетъ тебѣ, этакъ пожалуй все проиграешь.» Маслобоевъ

вытаращилъ глаза да ему въ отвѣтъ:—Мечи еще! «Не хочу; на сегодняшній день будетъ, сперва расплатись; а завтра, если охота будетъ, опять поиграемъ.» Только Маслобоевъ вдругъ — отуманило его что ли ужъ очень шампанскимъ-то — и началъ:—Ты все передергиваешь.—«Для какого чорта, отвѣчаетъ Сулаевъ, мнѣ противъ тебя передергивать, я просто *круилый штосъ* металъ, а ты давай-ка денежки.»—Нѣтъ ты все передергиваешь! Наладилъ одно: передергиваешь да передергиваешь. Посмѣиваемся мы, глядя на эту комедію; чѣмъ-то, думаемъ, кончится похождение блуднаго купеческаго сына. Только Давыдъ ни съ того, ни съ сего и брякни: «Вы здѣсь всѣ подлецы и мошенники!» да возьми еще, плесни виномъ въ лицо Сулаеву... Ну и разсвирѣпѣлъ же мой Сулаевъ. — «Такъ я жъ тебя, говоритъ, передерну.» Сгребъ это онъ моего Давыда Иванова за затылокъ, то-есть за Самсонову-то силу,—волоса же такіе густые, курчавые,—и давай харей со стола мѣлъ стирать, принявъ видно за щетку. «Вотъ мы, кричитъ, съ тобой поквитаемся.» Ну и началась у нихъ тутъ, батюшка ты мой, настоящая травля, словно за Рогожскою заставой въ сборное воскресенье. Гляжу, вся компанія честная подвалила: кто въ волоса вѣпился, кто подъ бока суетъ. Грѣшный человѣкъ, и я тычка два далъ. Только и Давыдъ здоровъ, впился въ Сулаева словно клещъ; а Швенкелю лѣвую бакенбарду такъ и выхватилъ. Аричъ же сейчасъ въ карманъ за деньгами, тотъ свою штуку знаетъ. А Семень Семеновичъ Ветчина въ другой комнатѣ былъ, да только покрикиваетъ: меня не нужно ли? совладаете ли? Обычай Семена Семеновича тебѣ извѣстенъ, пока *стекло* на столѣ, такъ его отъ стола арканомъ не оттащишь. Только на тотъ грѣхъ, видно, въ бутылкахъ и графинахъ чисто ужъ было, смотрю и валить онъ это своею тушей на мѣсто побоища, словно буря какая. Постойте-ка, говоритъ, я его немножко давну. Я хотѣлъ удержать, такъ куда тебѣ, и меня было за шиворотъ прихватилъ. Ну и давнулъ онъ это раза, звать, два, три, не больше; слышимъ, Давыдка и захрипѣлъ. Графъ, грѣха брать на душу нечего, участія въ свалкѣ не принималъ, стоитъ поодаль да посмѣивается, воровать больно! Видитъ однако, что дѣло плохо, остервенились всѣ такъ, что ни на чтѣ не похоже, точно бѣлены обѣялись. «Будетъ, кричитъ, довольно, достаточно! Сказано: блаженъ, кто и скоты милуетъ; нынче же и книги стали писать о челоуѣколюбивомъ обращеніи съ животными; а въ Англіи и Германіи даже и штрафы берутъ.» — Бросили наконецъ. Глядимъ, парень нашъ почти не дышитъ. Перепугались всѣ страшно; азартъ-то, знаешь, ужъ посвалилъ немного. Графъ обратился ко мнѣ: «вези, говоритъ его домой.»—Да помилуй-

те, отвѣчаю, куда жъ я повезу его, я и квартиры даже не знаю. — «Вези, кричитъ, квартирз вотъ тамъ и тамъ, кому-нибудь сдашь, съ нимъ какая-то мамонка живетъ и человекъ при немъ есть; скажешь, что пьянъ.» Дѣлать нечего, запрягли лошадь Сулаевскую; умыли молодца, привели немножко въ порядокъ. Отправился я съ нимъ; а самъ все прислушиваюсь: дышитъ ли. Квартира отъ дома Сулаева — даль страшная, на какой-то, прахъ ее возьми, Раскисаевкъ, что ли, ужъ хорошенько не упомию. Привезъ наконецъ. Постучался въ двери. Вышелъ человекъ ко мнѣ на встрѣчу со свѣчкой, а за нимъ дѣвочка, лѣтъ, знать, семнадцати или осмнадцати, не болѣе, да пре-хорошенькая бестія, словно розанчикъ. Взглянула она на Давыда, да какъ всплеснетъ ручонками, а сама такъ и залилась. «Господи! говоритъ, когда это только кончится! Всякой-то Божій день въ такомъ видѣ вотъ возвращается! не стыдно ли вамъ такъ поить человека!» Ну, думаю, въ такомъ видѣ еще впервой возвращается, а самъ сѣлъ въ сани, да дай Богъ скорѣе улепетывать. Только и жалко же мнѣ стало дорогой эту дѣвушку, чай обманулъ, разбойникъ, бѣдняжку, вѣдь они на чтѣ другое, а на банкротство да на эти дѣла — доки. Ночевалъ я у графа; всю ночь напролетъ хоть бы глазъ сомкнулъ. Нынче ранехонько поутру отправились мы развѣдывать: чтѣ и какъ? а тамъ ужъ дымъ коромысломъ идетъ, и частный докторъ пріѣхалъ, и слѣдователь, — кутерьма страшная!.. Камердинеру-то ужъ и руки назадъ; сударку тоже прибрали. Я скорѣй тагу.

— Да зачѣмъ же слѣдователь-то? спросилъ Иванъ Карловичъ.

— Какъ зачѣмъ? вѣдь Давыдъ-то отправился жаворонковъ слушать, ну и дали знать, еще ночью, отцу: старикъ пріѣхалъ; говоритъ: съ сыномъ сорокъ тысячъ денегъ было. Вотъ по этому случаю человека съ дѣвушкой и прихватили. Куда же дескать иначе дѣваться деньгамъ? они, значить, украли, а можетъ и убили Давыда.

— Скверно! сказалъ Иванъ Карловичъ, выслушавъ во всей подробности эту милую исторію.

— Да ужъ такъ-то скверно, добавилъ, Андрей Андреевичъ, — что умъ за разумъ заходитъ; не знаю, чтѣ и дѣлать, просто подхватить полы да и бѣги вонъ изъ Москвы куда-нибудь, хоть на острова Тихаго океана. Кусокъ въ горло нейдетъ; отъ водки даже отбило; кажется, вотъ и адмиральскій часъ наступилъ, а не позываетъ.

— Ну, а чтѣ же графъ? спросилъ Иванъ Карловичъ.

— Да чтѣ графъ, ничего. «Я, говоритъ, къ этому дѣлу не причастенъ; хлопотать буду, денегъ не пожалѣю; если чтѣ съ вами послѣдуетъ, то и на дорогу пенензами снабжу, и послѣ не оставляю; а если вы вздумаете въ эту исторію меня путать, то хоть сто тысячъ,

говорить, брошу, и все-таки останусь правъ, а вамъ тогда ужъ отъ меня не видать ни полушки.» Что ты будешь тутъ дѣлать! померекали мы, померекали, и рѣшили, что въ случаѣ чего графа не выдавать, принять все на себя, по крайности съ деньгами будемъ. Да и сказать по совѣсти, дѣйствительно графъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, — былъ въ сторонѣ.

— Ну, Андрей, накутили вы ловко! какъ-то отдѣляетесь. Поѣдемъ-ка къ графу, тамъ теперь можетъ что и поразвѣдали. А не знаешь, кто слѣдователемъ назначенъ?

— Прахъ его знаетъ! да вѣдь они почитай всѣ на одинъ покрой.

VI.

Между тѣмъ, какъ частный докторъ въ квартирѣ Маслобоева отыскивалъ причины смерти безвременно погибшаго купеческаго сына, и, разумѣется, не находилъ ихъ, потому что причины спокойно, а можетъ и не совсѣмъ спокойно завтракали въ домѣ графа; слѣдователь, очень похожій, какъ наружностью, такъ и характеромъ на американскаго бульдога, готовый вцѣпиться въ горло каждому, творилъ допросъ камердинеру покойнаго и еще молоденькой дѣвушкѣ.

Послѣ тщетно-предлагаемыхъ вопросныхъ пунктовъ, увѣщаній и, какъ объяснялъ слѣдователь, запираТЕЛЬствъ со стороны допрашиваемыхъ, подобіе бульдога обратилось къ находившемуся тутъ же мѣстному квартальному надзирателю, съ слѣдующими словами:

— Ну, Иванъ Кузмичъ, отправьте этихъ двухъ невинныхъ пока по принадлежности и разсадите врозь, не забудьте также крендельки надѣть.

— Что угодно дѣлайте съ нами, ваше высокоблагородіе, воля ваша, только мы тутъ ни въ чемъ не повинны.

— Знаю, знаю, любезный, отвѣчалъ слѣдователь, и, обратившись опять къ квартальному, прибавилъ: — а эту старую шельму посадите въ угольную, знаете?..

— Знаю-съ, отвѣчалъ надзиратель, улыбнувшись.

— Это, братъ, похлеще селедокъ-то будетъ! замѣтилъ шопотомъ и безо всякой улыбки сторожъ своему товарищу.

— А что такое?

— Да меня однажды частный пьянаго вельѣдъ запереть въ угольную, такъ даромъ что я безъ памяти былъ, а черезъ полчаса вско-

чигъ, какъ вострепанный, куда и хмѣль дѣвался, рубаху словно кто въ клюковный морсть окунулъ.

— Да отчего же?

— Да клопы такъ кишмя и кишатъ.

— И вы, моя красоточка, прибавилъ слѣдователь: — извольте отправляться. Оно хоть и жалко на такіа бѣленькіа и нѣжныа ручки наши браслетки надѣвать, а дѣлать нечего.

Дѣвушка, испуганная, блѣдная, съ ужасомъ въ глазахъ, упала на колѣни и залилась слезами.

— Чтò? хочешь показаться, моя милочка, правду открыть? Давно бы такъ; это похвально! признаніе уменьшаетъ вину, стало быть и мѣру наказанія.

— Боже милосердый! Да за чтò жь это? Я ни въ чемъ тутъ невиновата, могла только проговорить оеужденная, зарыдавъ какъ ребенокъ. Она и дѣйствительно была еще ребенокъ.

— Невиновата, такъ и оправдаешься, а пока нужно еще собрать о тебѣ справки. Не пустить же мнѣ тебя, мою крошечку, гулять по бѣлу свѣту съ сорока тысячами; ты даромъ что принадлежишь къ породѣ длиннохвостыхъ, а шмыганешь такъ, что тебя и самъ чортъ не отыщеть; такъ-то, сударыня-барыня!

— А! Ѳедоръ Ивановичъ! мое вамъ почтеніе! какими судьбами сюда попали?

— Ъхалъ мимо, отвѣчалъ Швенкель:—вижу стоятъ ваши дрожки, спрашиваю кучера, чтò такое здѣсь? онъ объяснилъ мнѣ, а я и забѣжалъ: кстати, давно не видался...

— Очень радъ, я на нынѣшній день свободенъ, мы съ вами не ударимъ ли въ клубъ пообѣдать?

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, бутылочку шампанскаго выпьемъ, сказалъ Швенкель, обрадовавшись случаю узнать, какой оборотъ приняло дѣло, такъ его интересовавшее.

— Ну, чего еще стоите? маршъ!

Старика камердинера и дѣвушку повели...

Слѣдователь, оставшись вдвоемъ со Швенкемъ, началъ объяснять сущность дѣла, и доказывать, какой нынче развратный вѣкъ, что такая еще молоденькая и хорошенькая дѣвочка покусилась на воровство и убійство, въ чемъ хотя собственнаго сознанія ея и нѣтъ, но сомнѣнія никакого не имѣется.

Во время этого назидательнаго разказа, вошелъ жандармскій полковникъ, и, отозвавъ слѣдователя къ сторонѣ, началъ ему что-то шептать.

— Скажите, пожалуйста, проговорилъ слѣдователь, внимательно вы-

слушать полковника,—а я ужь распорядился ихъ отослать. Впрочемъ къ слѣдствію они все-таки будутъ пужны; такъ пусть посидятъ, не-важность какая; къ тому же у дѣвицы и паспорта нѣтъ.

— Нѣтъ, извините, Ѳедотъ Ѳедотовичъ, ихъ надо освободить. Дѣвушку беретъ на поручительство мой одинъ хорошій знакомый, а камердинера-старика возьму на свою отвѣтственность хоть я, возра-зилъ полковникъ.

— Какъ вамъ угодно! Эй, сторожъ! ступай сейчасъ съ этою запи-ской къ частному, сказалъ слѣдователь.

— Это кто? спросилъ полковникъ, указывая на Швенкеля: — при-частный къ дѣлу, что ли?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ сконфуженный Швенкель:—я по своей надобности.

— Здѣсь не мѣсто, замѣтилъ полковникъ, довольно сурово и при-стально всматриваясь въ жидовскую фizioномію Ѳедора Ивановича:— не мѣсто для своихъ надобностей. Какъ ваша фамилія?

— Ѳедоръ Ивановичъ Швенкель.

— А! такъ это очень кстати; я былъ ужь у васъ на квартирѣ, но къ сожалѣнію не засталъ дома; не угодно ли пожаловать со мной сей-часъ же къ генералу.

— Къ какому генералу? зачѣмъ? пробормоталъ Швенкель, поло-ловѣвъ.

— Я васъ познакомлю съ нимъ; человекъ отличный: къ тому же вы у него встрѣтите нѣкоторыхъ короткихъ вашихъ пріятелей...

VII.

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ.

Строе небо; изморозь, гололедица; на улицахъ грязно; на троту-арахъ скользко, прохожіе, скользя и падая, сердятся, и кого-то (дол-жно-быть песокъ) побраниваютъ.

Комната, въ которую я васъ, мой читатель, попрошу мысленно войти со мною, хотя суха и тепла; но не совсѣмъ свѣтла и опрятна. Здѣсь безошибочно вы можете примѣнить пословицу: «крѣпка тюрь-ма, да кто ей радъ». Видъ изъ окна этой комнаты не живописные и не привлекательные; вопервыхъ снаружи окна желѣзная рѣшетка и «окно высоко надъ землею». Изъ комнаты виденъ дворъ, пятающій видъ прямоугольника и огороженный со всѣхъ четырехъ сторонъ вы-сокими, превысокими стѣнами, которыя идутъ къ верху все шире и шире, и похожи на усѣченный треугольникъ, обернутый основаніемъ

въ высъ. Со двора, къ выходу, ведетъ довольно крутая лѣсенка, мимо комнаты зрителя. При выходѣ разгуливаетъ часовой съ ружьемъ и полицейскій служитель, ощупывающій, чтобъ сверху внизъ не приносили хлѣбныхъ и виноградныхъ удовольствій, веселящихъ сердце человека и приводящихъ духъ его въ нѣкотораго рода буйное движеніе.

Итакъ, снисходительный читатель, мы входимъ въ комнату, и въ ней встрѣчаемъ нашихъ старыхъ знакомыхъ: Сулаева, Арича, Швенкеля, Андрея Андреевича, Семена Семеновича Ветчину и даже, кто бы могъ подумать? скромнаго и мирнаго художника — Ивана Спиридоновича. Иванъ Спиридоновичъ сильно углубленъ въ самое невинное занятіе; онъ держитъ въ одной рукѣ замасленную карту и повременамъ чиститъ ее кусочкомъ бѣлаго хлѣба; въ другой рукѣ у него находится карандашъ, Эренбергъ, № 11-й, которымъ ставитъ иногда на картѣ точку и пристально ее разсматриваетъ, потомъ вычищаетъ эту точку и вновь опять ставитъ. Къ чему бы кажется въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ *тѣсныхъ обстоятельствахъ* подобное занятіе? Но, увы, такова сила привычки!

Бьетъ двѣнадцать часовъ, то-есть полдень.

Аричъ, прихрамывая, ходитъ изъ угла въ уголъ; Швенкель читаетъ какую-то назидательную книгу, Семенъ Семеновичъ завтракаетъ, Сулаевъ грызетъ ногти, Андрей Андреевичъ ничего не дѣлаетъ — глядитъ въ окно.

Въ этой же комнатѣ присутствуетъ еще новое, незнакомое читателю лицо, именно Карлъ Ивановичъ, преподаватель нѣмецкаго языка, бывшій во многихъ домахъ гувернеромъ. Карлъ Ивановичъ тоже ходитъ по комнатѣ и повременамъ нюхаетъ табакъ.

— Вы за чтò, почтеннѣйшій Карлъ Ивановичъ, попали сюда?

— За долги, отвѣчаетъ Карлъ Ивановичъ, понюхивая табакъ. Я долженъ двѣ тысячи купцу Ворокуеву: отличный добрый человекъ.

— Вѣрно по добротѣ онъ васъ и спустилъ въ этотъ ридикюль?

— О! это сынъ Ворокуева: старикъ недавно умеръ. Ивану Карловичу нужны были деньги. Я и занялъ у купца, у старика Ворокуева.

— Да у васъ, кажется, прежде свои деньжонки важивались?

— Свои я тоже отдалъ Ивану Карловичу, ему очень нужно было; а потомъ еще нужно двѣ тысячи, я и занялъ. Иванъ Карловичъ мой ученикъ былъ, славный мальчикъ такой, славный мальчикъ!

— Мальчикъ не дуренъ, замѣтилъ Швенкель: — попуталъ Божьяго народу довольно, добрался наконецъ и до наставника.

— Онъ честный шеловѣкъ, онъ отдастъ.

— Дождайся! прибавилъ Сулаевъ, — отдастъ, на томъ свѣтѣ угольками.

— Я впрочемъ князю въ Петербургъ писалъ. Князь, я знаю, не откажетъ. Князь тоже ученикъ мой, отличный человѣкъ!

Входить сторожъ какого-то присутственнаго мѣста и подаетъ Аричу письмо.

— Отъ кого?

— Отъ секретаря.

Сторожъ, получивъ на водку, уходитъ.

Молчаніе и чтеніе.

— Вотъ насъ всѣхъ наконецъ и порѣшили, говоритъ Аричъ, кончивъ чтеніе присланной записки.

— Куда же? спрашиваетъ, блѣднѣя, Андрей Андреевичъ.

— Извѣстно куда, отвѣчаетъ Аричъ сквозь зубы и немного вздрагивая:—на дачу переселяютъ, на вольный воздухъ, на лѣтнія квартиры и травяное продовольствіе. Такъ что ли, Федоръ Ивановичъ, вѣдь вы, кажется, въ гусарахъ служили? Одно только жаль, что изъ сѣверъ, а не на югъ: мнѣ съ ревматизмами будетъ не очень удобно.

— Однакожъ это совершенно несправедливо, замѣчаетъ Швенкель.

— Что и говорить, Федоръ Ивановичъ, перерываетъ Аричъ:—какая же тутъ справедливость! ты вѣроятно полагаешь, что правитель-ство намъ, по крайней мѣрѣ, десятилѣтнюю привилегію вышлетъ за наши геніальныя изобрѣтенія. Вотъ поди жъ ты; нигдѣ поощренія не найдешь!

— Меня-то, меня-то за что? говоритъ, всхлипывая и проглатывая послѣдній кусокъ колбасы, Семенъ Семеновичъ.

— «Не ходи по лавкѣ, не гляди въ окно!» вотъ за что, отвѣчаетъ съ невольною улыбкой Аричъ.—Эхъ Семенъ, Семенъ! какой ты большой да тучный, а разрюмился. Хочешь я тебѣ спою: «Что ты, милая, то-скуешь?»

— У тебя, братъ, характеръ такой, ты и въ аду не будешь уны-вать, а я что? развѣ участіе какое принималъ въ вашихъ дѣлахъ.

— Вотъ отпираться,—ужь не хорошо. Участіе ты принималъ, и большое: одной водки, я думаю, на тебя пошло, сколько *Самсонъ*, во время петергофскаго гулянья, и воды не выкинетъ.

— Семенъ Семеновичъ, выѣшивается Андрей Андреевичъ,—о томъ и грустить, что *тамъ* водка очень дорога, а можетъ и совсѣмъ не-льзя достать.

— Что правда, то правда, добавляетъ Аричъ:—сторона, Сенничка, тамъ не хлѣбобродная, даромъ что серебра и золота вдоволь, а кромѣ воды—ни, ни... А напитокъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно, шель у тебя только для наружнаго употребленія.

— Откупщики, замѣчаетъ Швенкель, — давно хлопочутъ, какъ бы этотъ напитокъ сдѣлать также и народнымъ. Постепенность, говорить они, постепенность нужна...

— Господа! возглашаетъ вошедшій во время этого разговора чиновникъ: — не угодно ли вамъ послѣдовать за мною для выслушанія рѣшенія.

— А нельзя ли не выслушивать? замѣчаетъ Аричь: — вѣдь тамъ, я полагаю, нашего мнѣнія и согласія требовать не будутъ; стало быть можно бы обойтись и безъ насъ.

— Нельзя-съ; на все есть своя форма. А вамъ, Карлъ Ивановичъ, присовокупляетъ чиновникъ, обращаясь къ Нѣмцу-губернеру, предоставляется свобода на всѣ четыре стороны. Вчера изъ Петербурга отъ князя Немицина въ управѣ получены деньги для удовлетворенія вашего кредитора.

— О, я зналъ, я очень хорошо зналъ, что князь меня вспомнить. Князь добрый человекъ, такой славный изльчикъ былъ; мы съ нимъ все Шиллера читали.

— Вспомнить ли насъ графъ Иванъ Федоровичъ? прибавляетъ Сулаевъ, натагивая сюртукъ на свои могучія плеча.

— Вѣрно уже давнымъ-давно забылъ, отвѣчаетъ Швенкель, и все почтенное общество выходитъ изъ комнаты.

Предчувствую, что читатель останется недоволенъ окончаніемъ моего разказа и, можетъ быть, спроситъ: что же случилось съ Широковымъ, съ Мурзановымъ, съ графомъ?

Бжели, мой снисходительный читатель, я не надобѣл вамъ, то потрудитесь прочесть еще страничку, гдѣ получите на предлагаемые вами вопросы удовлетворительный отвѣтъ.

Мурзановъ приказалъ долго жить, оставивъ наслѣдственное и благопріобрѣтенное какимъ-то троюроднымъ племянникамъ. Онъ умеръ въ деревнѣ, на шестьдесятъ-пятьмъ году отъ рожденія, какъ гласитъ надпись на великолѣнномъ памятникѣ, — умеръ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, выражаясь офиціальнымъ слогомъ, послѣ кратковременной, но не тяжелой болѣзни, отъ апоплексическаго удара.

Графъ тоже окончилъ свою многотрудную, дѣятельную жизнь. Историческая достовѣрность требуетъ однакожь добавить, что подъ конецъ своихъ дней онъ сдѣлался очень набоженъ и богомоленъ, началъ ѣздить по монастырямъ. Это иногда случается...

Объ участи Широкова пусть лучше отвѣчаетъ письмо его матери, печально имъ доставшееся:

«Итакъ свадьба твоя, милый Сережа, назначена на 29-е. Буду молиться объ васъ въ этотъ день. Образъ Спасителя при семъ посылаю, а съ нимъ также и мое благословеніе. Ты можешь себѣ вообразить, какъ всѣмъ намъ хотѣлось бы пріѣхать въ Москву, попить у тебя; но долгъ, и при томъ самый священный долгъ, прежде всего. Въ послѣднемъ письмѣ ты съ первыхъ же словъ—это дѣлаетъ тебѣ честь—спрашиваешь о здоровьѣ Ивана Семеновича. Каждый день, каждый часъ хуже и хуже; таетъ и гаснетъ, какъ свѣча. Докторъ вчера рѣшительно объявилъ мнѣ, что врядъ ли промаячитъ еще недѣлю. Такъ грустно, такъ грустно!.. Каждый изъ насъ съ радостью готовъ бы уступить половину своей жизни, но, что дѣлать! судьбы Божіи неисповѣдимы! А старикъ твердитъ свое: что онъ пожилъ довольно, дѣлалъ, что могъ, и умираетъ съ спокойною совѣстью (еще бы!) Надо быть здѣсь, чтобъ понять, какъ онъ любимъ всѣми, и какъ всѣ чувствуютъ и понимаютъ, кого лишаются. Съ утра до глубокой ночи, несмотря на рабочую пору, дворъ Ивана Семеновича полонъ народомъ. Крестьяне толкуются, все желая узнать: не полегче ли, и удалятся со слезами. Замѣть при этомъ, что въ числѣ посѣтителей, выключая всѣхъ своихъ, большая часть крестьянъ не принадлежитъ Ивану Семеновичу. Есть очень много приходящихъ издалика, изъ другихъ уѣздовъ. У Сонечки отъ слезъ глаза опухли; а мужъ ея, Анатолій, получилъ даже отъ начальства замѣчаніе за то, что, по случаю болѣзни общаго нашего друга и благодѣтеля, манкировалъ присутствіемъ, чего прежде за нимъ никогда не водилось. Такъ вотъ, милый мой Сережа, какія дѣла у насъ происходятъ: одной половиной души полетѣла бы къ-вамъ, другая же прикована здѣсь; а души—то пополамъ на раздѣлишь. Да притомъ, какъ разсудила, что вы, благодаря Всевышнему, и здоровы, и веселы, и счастливы, такъ и рѣшилась ужъ лучше остаться у постели больного. Оленьку за меня разцѣлуй; впрочемъ, это съ моей стороны, я думаю, лишнее порученіе. Всѣ наши тебѣ кланяются и цѣлуютъ. Иванъ Семеновичъ при объявленіи ему о твоей свадьбѣ улыбнулся, перекрестился и велѣлъ приписать въ моемъ письмѣ, чтобъ ты никогда впередъ не забывалъ рожденія будущей твоей жены. Это ужъ для меня что-то и непонятно.

«Прощай, будь здоровъ! авось, Богъ дастъ, скоро увидимся. Мать твоя А. Ш.»

Н. Основскій.

РАЗКАЗЫ КАСПІЙСКАГО МОРЯКА

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА НА КОМАНДИРСТВѢ

Лѣта тысяча-восемьсотъ-сорокъ-четвертаго, мѣсяца марта, былъ по Астраханскому порту отданъ приказъ, которымъ меня назначили командиромъ баржи № 2-й. Я былъ тогда молодой, очень молодой мичманъ, только два года офицеръ, и потому это назначеніе очень льстило моему самолюбію, хотя, правду сказать, оно выпало на мою долю оттого, что не было другихъ офицеровъ постарше; но объ этомъ я тогда не думалъ, а какъ водится, считалъ себя достойнѣйшимъ.

Баржа, которую дали мнѣ въ командованіе, была назначена въ отрядъ судовъ, составленный для того, чтобы принять въ Астрахани одинъ баталіонъ пѣхоты и отвезти его на Кизлярскую пристань. Днемъ отправленія нашего назначенъ былъ второй день Пасхи. Погода стояла чудесная, — тихо, ясно; весь отрядъ состоялъ изъ шести баржъ, 35-ти-сильнаго парохода *Волга*, шкуны *Опытъ* и одномачтоваго транспорта *Кума*. Мы стояли на рейдѣ двумя линіями, подистанціи прежде назначенной.

Солдаты привели въ адмиралтейство и тотчасъ стали сажать на шлюпки и перевозить на наши корабли; весь берегъ былъ покрытъ народомъ; по рейду разъѣзжали военные шлюпки, чтобы не допускать частныхъ лодокъ приставать къ нашимъ судамъ; плачь женщинъ, крикъ дѣтей и пѣсни солдатъ сливались въ одинъ нестройный хоръ. Мы заранѣе получили приказаніе, чтобы каждый, какъ только къ нему посадятъ назначенную долю десанта, тотчасъ снимался съ якоря и

спускался внизъ по Волгѣ. Я былъ изъ первыхъ, которому привезли полный комплектъ солдатъ, и потому поднявши якорь, сталъ буксироваться внизъ по рѣкѣ; за мною снялась баржа № 3-й, и такъ далѣе, одинъ за однимъ, уходили мы съ Астраханскаго рейда.

Двое сутокъ шли мы такимъ образомъ до острова Бирючей Косы, лежащаго на взморьѣ; дни были праздничные, и потому едва только проходили мимо какого-нибудь приволжскаго селенія, народъ сбѣгался на берегъ, и женщины начинали голосить, оплакивая участь солдатъ, которые толпились на палубѣ. Выбравшись изъ Волги, мы не медлили; каждый спѣшилъ поскорѣе дойти до мѣста, чтобы высадить свой десантъ, котораго было по 130 человекъ на каждой баржѣ, и потому тѣснота была ужасная.

Погода благопріятствовала намъ, когда мы вышли въ море, легкій попутный вѣтерокъ гналъ нашу эскадру, такъ что ровно черезъ сутки мы были у пристани Шандруковской, или Кизлярской. Тутъ встрѣтилось большое затрудненіе въ гребныхъ судахъ; каждый изъ насъ имѣлъ по одному такому, на которое нельзя было посадить больше шести человекъ; къ счастью, около пристани, на рейдѣ, стояло много коммерческихъ судовъ, у которыхъ были большія лодки. Такъ какъ я прежде всѣхъ всталъ на якорь, то тотчасъ распорядился послать унтеръ-офицера собрать всѣ лодки для перевозки десанта, и надобно отдать справедливость каспійскимъ лодчанамъ, что не было случая, когда бы они не тотчасъ подали требуемую казеннымъ судномъ помощь.

Послѣ меня постепенно стали приходить съ десантомъ другія суда; между тѣмъ вѣтерокъ порядочно засвѣжѣлъ, и у берега начали ходить буруны.

Пароходъ *Волга*, сопровождавшій нашъ отрядъ, также пришелъ къ пристани; на немъ сидѣли семейства офицеровъ баталіона. Покуда пароходъ шелъ по вѣтру, качки не было, и погода казалась тихою; дамы расположились на палубѣ наслаждаться видами моря, а чтобы ихъ подсластить, приказали подать себѣ варенья. Въ ту минуту, когда пароходъ, чтобы стать на якорь, началъ приводить къ вѣтру и пришелся бокомъ къ бурунамъ, его нѣсколько разъ качнуло; прекрасный полъ, не ожидавшій такой помѣхи своему удовольствію, растерялся совершенно; раздались крики испуга,—всѣ блюдечки съ вареньемъ попадали на палубу...

Какъ ни мѣшали намъ буруны, однакоже къ вечеру у насъ не оставалось ни одного человека изъ десанта и никакого багажа; надобно было только получить квитанцію отъ командира баталіона въ продовольствіи его солдатъ, и для этого я и нѣсколько моихъ товарищей отправились на берегъ.

Шандруковская пристань лежитъ на песчаномъ берегу Кавказа, въ сѣверной части Каспійскаго моря; рейдъ ея открытый, но такъ какъ глубина невелика, — только девять футовъ, — то большаго волненія не бываетъ. Недалеко отъ берега лежитъ небольшой островокъ Шандруковъ, отъ котораго тянется, на разстояніи версты, подводная коса параллельно берегу; за косою глубина 4 и 5 футовъ, и почти всѣ суда, приходящія къ пристани, такъ не глубоко сидятъ въ водѣ, что могутъ заходить за эту косу. За нею совершенно тихо, суда становятся близко одно къ другому, ошвартавливаются, и тогда Кара-Ногаи на своихъ высокихъ двухъ-колесныхъ арбахъ, запряженныхъ парюю воловъ, подѣзжаютъ прямо къ борту судна и принимаютъ отъ него грузъ. Черезъ Шандруковскую пристань идетъ много товаровъ въ Кизляръ, а оттуда по всему Кавказу. Плоскодонныя небольшія суда, извѣстныя въ Каспійскомъ морѣ подъ именемъ разшивъ, приходятъ изъ Астрахани съ грузомъ и передаютъ его Кара-Ногаимъ, которые на своихъ арбахъ везутъ его далѣе. Предметы торговли преимущественно: ишеничная и ржаная мука, строевой лѣсъ, фарфоровая и глиняная посуда, мыло, свѣчи и вообще всѣ потребности роскоши. Изъ Кизляра вывозятъ черезъ пристань: красное и бѣлое виноградное вино, называемое чихирь, фруктовый спиртъ, водку, извѣстную подъ именемъ «кизлярской», и грѣцкіе орѣхи; чихирь, по привозѣ его въ Астрахань, частью употребляется на мѣстѣ, а большую часть его отправляютъ по Волгѣ на Нижегородскую ярмарку, гдѣ уже изъ него выдѣлываютъ всѣ возможные европейскія вина.

До Кизляра отъ пристани считается пятьдесятъ верстъ; дорога идетъ полями и въ сухое время очень хороша, но осенью бываетъ большая грязь. Транспорты съ товарами никѣмъ не конвоируются, хотя и случается иногда, что Чеченцы нападаютъ и грабятъ ихъ; особенно, если какъ-нибудь пронюхаютъ, что есть цѣнные товары.

На Шандруковской пристани между буграми песку, лѣса и хлѣба, сложенного бунтами стоитъ домикъ, гдѣ живетъ смотритель таможенной заставы, съ казаками. Домикъ оригинальный: онъ построенъ изъ камыша, обмазанъ глиною, а крыша, почти плоская, составлена изъ тонкихъ жердей, на которыя, толщиною въ поларшина, положена земля; на ней растетъ трава и связываетъ ее такъ, что отъ времени крыша дѣлается довольно плотною и не пропускаетъ дождевой воды. Внутри, потолка нѣтъ, а только стѣны и крыша обмазаны глиною; постройка не затѣйливая, но жить можно.

Хороша была картина въ первый день высадки: баталіонъ расположился по берегу лагеремъ, и ночью загорѣлись бивачные огни; пѣсни солдатъ, крики Ногаевъ, которые собирали своихъ воловъ, все

оживило на время пустынную пристань. Когда всѣ расчеты съ батальономъ были кончены, начальникъ отряда, капитанъ-лейтенантъ К., приказалъ всѣмъ судамъ сниматься съ якоря и идти въ Астрахань, а самъ на транспортѣ отправился въ заливъ Аграханскій, чтобы разузнать тамъ, нѣтъ ли какихъ средствъ снять съ мели транспортъ *Кура*, пропшою осенью выброшенный на Учинскій берегъ, противъ залива Астраханскаго. Шкуна также отправилась въ тотъ же заливъ, имѣя порученіе описать его.

На другой день по высадкѣ десанта, тихій юго-восточный вѣтерокъ далъ намъ возможность поднять паруса и идти въ Астрахань; до ночи мы шли всѣ вмѣстѣ, а потомъ разлучились. Около полуночи вѣтеръ сталъ стихать, небо заволокло тучами, и все предвѣщало грозу. Смотри на эти нависшія массы облаковъ, право, казалось, будто только и мѣста оставалось на водѣ, что для моего утлаго корабля; невольный ужасъ проникалъ въ сердце; давно уже я развѣзжалъ по Каспію, но всегда подъ командою, а теперь совсѣмъ иное дѣло, да тутъ же и некого было спросить, не съ кѣмъ посоветоваться.

Тишина стояла не долго; раздался сильный громовой ударъ, и порывъ вѣтра наполнилъ паруса баржи.

— Ваше благородіе! вскричалъ рулевой:—компасъ испортился.

— Какъ испортился? спросилъ я, подбѣгая къ нактаузу.

Рулевой былъ правъ: компасъ потерялъ свою силу, и картушка вертѣлась на шпилькѣ во всѣ стороны. Я читалъ прежде, въ описаніи морскихъ путешествій, что иногда во время грозы магнитъ теряетъ свою силу, и потому явленіе это меня не испугало. Матросы крестились.

— Это отъ грозы, сказалъ я рулевому,—сейчасъ все пройдетъ, и компасъ будетъ показывать по-прежнему; держи такъ, чтобы вѣтеръ дулъ тебѣ въ правое ухо.

Минуть черезъ пять компасъ исправился и сталъ служить какъ слѣдуетъ. Это рѣдкое явленіе не каждому случается видѣть.

Гроза скоро миновала, свѣжій юговосточный вѣтеръ разогналъ тучи, и такъ какъ онъ былъ попутный, то съ разсвѣтомъ мы были уже въ виду Четырехъ-бугорнаго маяка, поставленнаго при устьѣ Волги.

У острова Бирючья-Коса, гдѣ былъ тогда центральный карантинъ, я пробылъ часа три, покуда разсматривали карантинныя свидѣтельства, взятыя мною отъ смотрителя Шандруковской пристани, и освободили мой корабль отъ очищенія. Я спѣшилъ всѣми мѣрами уйти въ Волгу, чтобы скорѣй возвратиться въ Астрахань, но недалеко ушелъ, потому что тотъ вѣтеръ, который былъ попутнымъ въ морѣ, въ

Волгѣ сталъ совершенно противнымъ, такъ что я, по необходимости, сталъ на якорь; попробовалъ было тянуться, то—есть завозить впередъ якорь, и потомъ подвигаться къ нему, но сила не беретъ. Къ вечеру всѣ остальные баржи нагнали меня въ этомъ мѣстѣ. На другой день было 1-е мая, и мы сговорились, что если по обстоятельствамъ будемъ оставаться на мѣстѣ, то ѣхать на берегъ завтракать, забравши все, что у кого найдется. Этого однакожъ не случилось, ночью вѣтеръ стихъ, и мы съ разсвѣтомъ начали тянуться.

Скучная это вещь, идти завозами, особенно если команды мало и шлюпка одна: положить на нее небольшой якорь и триста сажень тонкихъ веревокъ; шлюпка отправляется вверхъ по рѣкѣ и отъѣхавши на такое разстояніе, чтобы веревки достали до судна, что всегда зависить отъ вѣрности взгляда рулевого, бросаетъ якорь и начинаетъ спускаться внизъ по теченію, къ судну, выпуская понемногу свои веревки. Когда шлюпка дойдетъ до судна, то отъ нея принимаютъ конецъ веревки, потомъ люди выходятъ на палубу и начинаютъ поднимать якорь, и какъ только его вытащатъ изъ воды, то вся команда, вооружается лямками; и идетъ нога въ ногу по палубѣ, вытягивая въ судно веревки, такимъ образомъ подтаскиваютъ его къ брошенному якорьку. Когда веревки будутъ приходить къ концу, тогда бросаютъ опять якорь, чтобы удержать судно на мѣстѣ, а прежній снова завозить впередъ. Работа трудная и мѣшкотная; трудившись безъ усталы цѣлый день, отъ восхода до заката солнца, можно пройти не болѣе семи верстъ.

Такимъ образомъ, отъ Бирючей косы до Астрахани, на разстояніи ста верстъ, мы плыли недѣлю, и хорошо еще, что по временамъ дулъ попутный вѣтеръ, который въ нѣсколько часовъ замѣнялъ труды многихъ дней. По прибытіи въ Астрахань, нѣкоторымъ изъ баржъ приказано было погрузить каменный уголь и идти въ Баку, а другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, войти въ гавань и прекратить кампанію. Это было въ началѣ мая, и хотя въ тайнѣ я завидовалъ товарищамъ моимъ, отправлявшимся въ море, однакожъ утѣшался тѣмъ, что увижу спускъ двухъ желѣзныхъ пароходовъ, которые были совершенно отстроены и готовились сойти на воду. Случай былъ крайне любопытенъ не для меня одного: пароходы были первыя желѣзныя суда, построенныя въ Россіи; они были доставлены въ Астрахань по частямъ изъ Англіи и Голландіи, и тутъ собраны на обыкновенныхъ элинггахъ, которые не совсѣмъ-то удобны для этого, потому что очень коротки, такъ что иностранные мастеровые, работавшіе при сборкѣ, не были увѣрены въ благополучномъ спускѣ пароходовъ на воду. Одинъ изъ парохо—

довѣ былъ длиною въ 160 футовъ, тогда какъ прежнія суда каспійской флотиліи, строившіяся на элингахъ, не превышаютъ 86.

9-го мая назначенъ былъ день спуска; въ портъ пускали всѣхъ свободно, и недостатка въ зрителяхъ не было. Я командовалъ почетнымъ карауломъ. Первый къ спуску назначенъ былъ сто-сильный пароходъ *Тарки*, англійской постройки. Отслуживши молебень, священникъ освятилъ пароходъ, флагъ его, и тогда, по командѣ строителя, обрубили веревки, удерживавшія пароходъ; однакожь онъ не шевелился, рабочіе засуетились, нѣсколько домкратовъ уперлись въ носъ парохода, и только что тронули его немножко съ мѣста, какъ онъ плавно и величественно самъ сошелъ въ воду. Приступили къ другому пароходу. Онъ былъ голландской постройки. Только что обрубили веревки, какъ пароходъ быстро двинулся съ мѣста, но не успѣли мастеровые разинуть ротъ и закричать ура! какъ онъ опять остановился. Сердце замерло у всѣхъ отъ ожиданія, однакожь только что хотѣли приступить къ пароходу съ домкратами и другими средствами помощи, какъ онъ самъ опять двинулся и покойно сошелъ въ воду; надобно было видѣть радость Голландцевъ: они бросали вверхъ шапки, обнимались и поздравляли другъ друга съ успѣхомъ. «Настоящій Нѣмецъ, говорили наши матросы:—все подумавши дѣлаетъ.»

Вновь построенные пароходы назначались для почтоваго плаванія между портами Каспійскаго моря, на которомъ пароходство было тогда еще въ дѣтствѣ.

Въ половинѣ мая пріѣхалъ въ Астрахань бывшій начальникъ нашего отряда. Онъ ходилъ, какъ я уже сказывалъ, въ Аграханскій заливъ для осмотра разбившагося тамъ казеннаго судна, и по возвращеніи донесъ, что стащить его съ мели невозможно, но надобно разобрать и привезти на ногайскихъ арбахъ черезъ мысъ Учъ, на берегъ Аграханскаго залива, и тамъ уже погрузить на судно, такъ какъ якорная стоянка въ этомъ заливѣ совершенно безопасна, и что, по его соображенію, вся сухопутная доставка лѣсу и желѣза чрезъ мысъ Учъ обойдется не болѣе ста рублей серебромъ.

Командиръ порта, согласившись съ мнѣніемъ капитанъ-лейтенанта К., приказалъ мнѣ тотчасъ изготovitъ идти съ баржею въ Аграханскій заливъ, и тамъ, при содѣйствіи шхуны, разломать транспортъ, перевезти черезъ мысъ и погрузить на баржу. Отъ порта снабдили меня всѣми инструментами и деньгами для платы Кара-Ногаймъ за арбы.

Сборы не долги: черезъ пять дней послѣ назначенія, портовой пароходъ взялъ меня на буксиръ и отвелъ за Бирючью косу на взморье; нечего и говорить, какъ былъ я радъ данному порученію идти одному

въ море, тѣмъ болѣе, что командиръ порта объявилъ мнѣ, что если я исправно выполняю порученіе, то онъ пошлетъ меня въ Баку съ грузомъ; а это въ то время была не шутка. Баржи только первый разъ пускались по Каспію, гдѣ еще существовало мнѣніе, что по немъ на мелкихъ судахъ плавать невозможно, и потому попасть въ это число первыхъ было для меня очень лестно.

Вѣтеръ дулъ противный, когда пароходъ оставилъ меня, а такъ какъ лавировать на баржѣ выгоды мало, то я и остался на якорѣ ожидать попутнаго вѣтра; это случилось на другой же день. Я поднялъ свои паруса и поплылъ въ даль.

Заливъ Аграханскій, къ которому я шелъ, лежитъ у сѣверо-западнаго берега Каспійскаго моря, въ двухъ стахъ верстахъ отъ Бирючей косы; заливъ вдается глубоко въ кавказскій берегъ, который, съ южной стороны залива, выходитъ въ море мысомъ, называемымъ Учъ; противу его въ небольшомъ разстояніи лежатъ два островка: Большой и Малый Лопатинъ, соединенные подводною косою, а сѣвернѣе ихъ островъ Чечень, отъ котораго также идетъ къ сѣверо-востоку длинная подводная коса. Мысъ Учъ, острова Лопатины, Чечень и коса его стѣсняютъ въ этомъ мѣстѣ море, образуя какъ бы ворота, отдѣляющія сѣверную часть отъ средней.

Не бывавши никогда въ заливѣ Аграханскомъ, я вполне положился на карту и взялъ курсъ прямо на островъ Чечень, чтобы обойти лежащій на пути островокъ Тюленій, нисколько не рассчитывая, что около Чечни изъ залива бываетъ сильное теченіе, а между тѣмъ оно порядочно сносило меня въ море, такъ что когда мы приблизились къ Чечню, то онъ былъ далеко отъ насъ на вѣтрѣ, и подойти къ нему не было никакой возможности. Чтò тутъ дѣлать? Мнѣ оставалось или стать на якорь на глубинѣ пятнадцати сажень и испытать жестокую качку, или идти въ море и держаться до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не переѣмнится; но это также невыгодно на баржѣ, которая была совершенно безъ груза, и меня легко могло увести къ персидскимъ берегамъ, если вѣтеръ не скоро стихнетъ.

Раздумывая, на чтò бы мнѣ рѣшиться, я вспомнилъ, какъ одинъ старый штурманскій полковникъ Барановъ, разказывая мнѣ о своихъ плаваніяхъ по Каспійскому морю, говорилъ, что между мысомъ Учъ и Лопатиннымъ есть проходъ, которымъ изъ Аграханскаго залива можно прямо выходить въ море, не обходя острова Чечень и его косы; но только при свѣжемъ вѣтрѣ съ моря отыскать этотъ входъ очень трудно, потому что отъ идущаго волненія по немъ гуляютъ большіе буруны. Припомнивъ все, чтò разказывалъ мнѣ старый полковникъ,

я рѣшился идти за Чеченскую косу и противъ мыса Учъ стать на якорь, рассчитывая, что при настоящемъ вѣтрѣ я буду прикрытъ островомъ, а въ случаѣ переменъ его, когда стоять будетъ уже опасно, отыщу проходъ и уйду чрезъ него въ заливъ. Молодость рѣшительна, а тутъ еще и та мысль, что никто не ходилъ этимъ проходомъ, сильно разжигала мое желаніе.

Обогнувши Чеченскую косу, я сталъ держать сколько можно круче, чтобы поближе подойти къ мысу Учъ, и когда волненіе сдѣлалось мельче, что показывало близость берега, я сталъ на якорь. Трое сутокъ вѣтеръ не переменялся и дулъ съ прежнею силою, такъ что ничего нельзя было предпринять; но на четвертый сталъ стихать и около полудня перешелъ къ юговостоку; я тотчасъ снялся съ якоря и пошелъ на сѣверозападъ, къ предполагаемому проходу. Черезъ нѣсколько часовъ открылись возвышенности Учинскаго мыса, но самой оконечности его и острововъ не было видно. Осматривая въ зрительную трубу горизонтъ, я замѣтилъ мачту судна: по всѣмъ вѣроятіямъ, это былъ выброшенный транспортъ; хотѣлось мнѣ подойти къ нему ближе, но вѣтеръ дулъ очень тихо, и баржа подвигалась не скоро. Солнце клонилось уже къ западу, и тогда только съ вершины мачты усмотрѣли мы острова; я приказалъ держать прямо на нихъ, все еще надѣясь засвѣтло подойти; но, увы! вѣтеръ дулъ такъ лѣниво, что это было совершенно невозможно; въ сумерки, однакожь, можно было видѣть ихъ уже съ палубы, и такъ какъ они находились отъ насъ къ сѣверозападу, то заря, освѣщая въ этомъ мѣстѣ горизонтъ, долго позволяла намъ видѣть ихъ. Мы продолжали приближаться къ островамъ, какъ вдругъ глубина стала быстро уменьшаться и дошла до двѣнадцати футовъ, грунтъ также измѣнился изъ иловатаго въ чистый песчаный, — все это давало поводъ думать, что я близко къ цѣли; но вѣтеръ затихъ совершенно, и баржа остановилась на мѣстѣ.

Наступила ночь ясная и тихая; кругомъ все спокойно; но не то было у меня на сердцѣ: если поднимется юговосточный вѣтеръ, то ужъ мнѣ никакъ не удержаться на своемъ якорѣ; волненіе, идущее съ открытаго моря, разбивается объ отмель и превращается въ бурю, а на твердомъ пескѣ и якорь очень худо держитъ. Дѣлать, однакожь, было нечего: идти некуда въ штиль. Безпокойна была эта ночь, сонъ бѣжалъ отъ глазъ, а тревожный умъ безпрестанно напоминалъ всѣ случаи гибели судовъ, разбившихся у Чеченской косы и мыса Учъ. Я ходилъ по палубѣ, всматриваясь въ небо, не видно ли гдѣ зловѣщаго облачка; медленно тянулись часы; казалось, время остановилось

въ своемъ теченіи; я подозрѣвалъ часовыхъ, что они худо наблюдаютъ склянки (1), подозрѣвалъ свои часы. что они неровно идутъ...

Такъ прошла ночь. На разсвѣтѣ усмотрѣли мы, что стоимъ противу Большаго Лопатина; вправо Малый Лопатинъ, а влѣво мысъ Учъ; но между которыми изъ нихъ проходъ? — я навѣрно не зналъ. Вѣтру совершенно не было, но чтобы не остаться еще разъ на ночь въ такомъ невыгодномъ мѣстѣ, я рѣшился идти къ проходу завозами, надеясь до ночи войти въ него и быть въ безопасности.

Цѣлый день команда работала безъ отдыха, и хотя мы подвигались, но такъ медленно, что только къ закату солнца приблизились къ острову; тогда, ставши на якорь, я отправился на шлюпкѣ отыскивать проходъ, и скоро нашелъ его. Онъ находился между двумя подводными косами, гдѣ самая меньшая глубина шесть футовъ; но только проходъ этотъ такъ узокъ, что малѣйшее уклоненіе въ сторону ставило на мель. Замѣтивши хорошенько, на какой румбъ находится баржа отъ прохода, поѣхали мы назадъ, и когда пристали къ судну, солнце уже совершенно скрылось; намъ оставалось сдѣлать еще два завоза для того, чтобы стать противу входа такъ, чтобы даже и ночью, если сдѣлается вѣтеръ, можно было войти въ него.

Въ это время замѣтили мы рыбацкую лодку, которая отъ острова Чечень шла къ намъ; она скоро подошла, и я очень обрадовался, увидѣвъ на ней командира шхуны, лейтенанта Ф., который пріѣхалъ ко мнѣ съ лопманомъ, взятымъ съ ватаги, чтобы провести баржу въ заливъ.

— Здравствуйте, сказалъ Ф., выходя на палубу баржи, гдѣ я встрѣтилъ его и отрапортовалъ о благополучномъ состояніи судна: — я давно васъ вижу, но все не могъ догадаться, что вы ищете прохода; мнѣ уже сказали объ этомъ на ватагѣ, и я поскорѣ взялъ лодку, лопмана, и привезъ его къ вамъ. Но какъ вы попали по эту сторону Чечня?

— Я нарочно хотѣлъ пройти прежде сюда, чтобъ посмотреть мѣсто, гдѣ выкинуть транспортъ, отвѣчалъ я, скрывая настоящую причину, почему попалъ за Чечень: стыдно было признаться.

— Что же вы видѣли? спросилъ Ф.

— Видѣлъ только въ трубу, а близко не подходилъ: вѣтеръ не допустилъ.

— Какъ же распорядился портъ насчетъ транспорта? спросилъ онъ.

(1) На судахъ время измѣряется песочными часами, которые технически называютъ склянками.

— Да приказано его разобрать съ вашею помощью и привезти въ Астрахань, отвѣчалъ я.

— Но какъ же это сдѣлать? надобно нанимать арбы?

— Да, отвѣчалъ я: — у меня на этотъ предметъ отпущено вамъ сто рублей серебромъ; К., осматривавшій транспортъ, увѣрилъ, что доставка не обойдется дороже.

— Не знаю, отвѣчалъ Ф.: — а я такъ думаю, что Ногаи вовсе не возьмутся возить: у нихъ мало и арбъ и воловъ, а впрочемъ увидимъ. Завтра мы пойдемъ съ вами въ заливъ, сами осмотримъ транспортъ и поторгуемся съ Кара-Ногаями.

Такъ какъ лоцманъ, котораго привезъ Ф., брался даже ночью провести баржу къ тому мѣсту, гдѣ стояла шхуна, то я съ удовольствіемъ передалъ ему начальство; тутъ же кстати подулъ и вѣтерокъ попутный, такъ что мы, часу въ 11-мъ вечера, стояли на якорѣ недалеко отъ шхуны на Чеченскомъ рейдѣ, а на другой день, рано утромъ, пошли въ заливъ.

Кара-Ногаи кочуютъ по всему южному берегу Аграханскаго залива; они находятся подъ властію шамхала Тарковского, и хотя стараются показать особенную преданность къ намъ, но втайнѣ больше помогаютъ горцамъ, съ которыми въ постоянныхъ сношеніяхъ. Они живутъ небольшими аулами, кибитокъ въ тридцать; народъ вообще очень бѣдный и питается отъ небольшого количества скота, который самъ едва прокармливается на песчанной почвѣ мыса Учъ. Кибитки Ногаевъ имѣютъ форму, почти одинаковую всѣмъ жилищамъ кочевыхъ народовъ Азіи, только онѣ гораздо меньше въ окружности нежели кибитки Калмыковъ, Киргизовъ и Туркменъ; за то во время перекочевки аула, съ одного мѣста на другое, Ногаи не разбираютъ своей кибитки по частямъ, какъ это дѣлаютъ другіе, а цѣликомъ ставятъ ее на двухколесную арбу, такимъ образомъ, что она держится только на задкѣ и на концахъ оглобелъ, колеса же и лошадь находятся внутри кибитки. Любопытно видѣть, когда цѣлый аулъ Кара-Ногаевъ движется съ одного мѣста на другое, ни колесъ ни животныхъ не видно, какъ будто сами кибитки одарены способностію двигаться.

Посылая постоянно матроса на самый верхъ мачты, для того чтобы черезъ мысъ Учъ видѣть мачты транспорта, мы остановились въ ближайшемъ разстояніи противъ большаго ногайскаго аула. Было еще довольно рано для обѣда, и потому Ф. пріѣхалъ ко мнѣ на завтракъ, такъ какъ у меня, недавно пришедшаго, могли еще быть свѣжіе запасы.

— Когда же мы отправимся на транспортъ? спросилъ онъ, спускаясь въ мою каюту.

— Я думаю теперь же, только напередъ закусимъ хорошенько, а то придется идти пѣшкомъ версты три по песку, отвѣчалъ я.

— Хорошо, сказалъ онъ, — вы человѣкъ новый и можете еще найти что закусить, а у насъ такъ ровно ничего нѣтъ; вотъ уже недѣля, какъ мы питаемся солониной и гречневою кашей. Ногаи рѣшительно ничего не продаютъ, даже барановъ нѣтъ.

— Отчего же вы не пошлете за рыбой?

— Куда? на ватагу далеко, и шляпки нужны мнѣ для описи; впрочемъ третьяго дня, въ одной небольшой рѣчкѣ, въ глубинѣ залива, мы нашли множество черепахъ, изъ нихъ былъ славный супъ, сказалъ онъ.

— Можеть-быть, и хорошѣ, отвѣчалъ я, — но ужъ лучше, покуда у меня еще есть кое-что, вы пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать.

Позавтракавши съ Ф., мы сѣли на шляпки и — на берегъ; съ нами было шесть человѣкъ вооруженныхъ матросовъ и въ числѣ ихъ одинъ Татаринъ, служившій намъ за переводчика. Въ аулъ пристали къ намъ еще нѣсколько Кара-Ногаевъ, которые желали взять на себя перевозку дѣса. Надобно было идти цѣликомъ поперекъ мыса, черезъ песчаные холмы; ноги вязнуть, а июньское солнце безъ милосердія печетъ головы. Черезъ полтора часа, измученные и усталые, едва вышли мы на морской берегъ, не подалеку отъ транспорта. Онъ стоялъ вдоль берега, такъ что одна сторона его была совершенно на сухомъ, а другая только касалась воды, и мы нашли, что его обобрали, какъ только возможно, караульные изъ Ногаевъ, приставленные по распоряженію пристава; они оторвали все желѣзо, какое только было снаружи и внутри. Въ трюмѣ транспорта оставалось нѣсколько кулей муки, и она, испортившись отъ подмочки, причиняла такой душливый запахъ, что туда невозможно было спуститься. Чтобы уничтожить этотъ вредный газъ, прорубили снаружи дыру, для того чтобы волны, вливаясь въ транспортъ, очистили его хоть немного. Долго оставаться намъ было нечего, но насъ мучила жажда, а по непростительной оплошности, мы забыли взять съ собой прѣсной воды для питья. Кара-Ногаи, знавшіе свою землю, разбрелись въ разныя стороны и стали разгребать руками песокъ, чтобы отыскать прѣсной воды, но она хотя и скоро показывалась изъ земли, да была очень солоня; наконецъ, въ одномъ мѣстѣ нашли почти прѣсную воду, только она вкусомъ походила на щелокъ и была очень мутна, а такъ какъ отогнать ее было не въ чемъ, то мы горстями принялись пить эту отвратительную воду. Нужда не разбираетъ. Отдохнувши съ часъ у

транспорта, мы отправились обратно, объявивъ Кара-Ногаамъ, чтобы они на другой день собрались на шхуну, торговаться на перевозку. Нечего и говорить, какъ сладко было отдохнуть послѣ утомительнаго дня.

На другой день человекъ десять Ногаевъ явились на шхуну; толковали, толковали и кончили тѣмъ, что отказались взять перевозку лѣса оптомъ, а требовали, чтобы платить имъ по пятидесяти коп. сер. съ арбы; но намъ это казалось очень неудобнымъ, потому что арбы ихъ не велики, и они не много будутъ на нихъ класть, нарочно стараясь дольше возить.

Торги наши не состоялись, и Ногаи уѣхали.

— Что мы будемъ теперь дѣлать? сказалъ Ф.,—если платить за каждую арбу, то, пожалуй, привезенныхъ вами денегъ не хватитъ; тогда что?

— Тогда будетъ очень скверно, отвѣчалъ я,—и потому не лучше ли бросить всю эту перевозку и идти съ моря разобрать транспортъ?

— Какъ можно, сказалъ онъ,—это очень опасно, тамъ ходятъ буруны, и если что случится, то я буду отвѣчать.

— Впервые теперь лѣто и погода стоитъ тихая, а восторыхъ я слышалъ отъ многихъ купеческихъ лоцмановъ, что у мыса Учъ хорошо стоять, грунтъ надежный, и такъ какъ глубина уменьшается постепенно, а не вдругъ, то волненіе не очень убойно. Купеческія суда часто тамъ останавливаются на якорѣ.

— А что вы думаете! вскричалъ онъ:—вѣдь это было бы очень хорошо и ничего не стоило бы казнѣ. Подождемъ до завтра, если Ногаи не рѣшатся взять перевозку гуртомъ, то пойдемъ къ Учъ.

На другое утро Кара-Ногаи не явились. Послали переводчика на берегъ спросить ихъ, и онъ узналъ что тѣ, которые торговались съ нами, уѣхали изъ аула, а другіе совсѣмъ не берутся возить. Надобно было рѣшиться идти разбирать и грузить лѣсъ съ моря.

Хотя берегъ, гдѣ выкинуть былъ транспортъ и принадлежить шамхалу Тарковскому, но по немъ такъ часто бродятъ шайки Чеченцевъ, что для безопасности Ф. писалъ начальнику сѣвернаго Дагестана, прося его прислать конвой изъ ближайшей крѣпости, для охраненія нашихъ матросовъ въ то время, когда они будутъ ломать транспортъ; такъ какъ ихъ было очень немного: шесть человекъ съ шхуны и двое отъ меня, остальная же моя команда, то—есть девять человекъ, должна была грузить лѣсъ на шлюпки и перевозить на баржу.

Недѣлю черезъ двѣ мы получили извѣстіе, что конвой, назначенный для охраненія нашего, выступилъ изъ крѣпости Кази-Юрта и скоро будетъ на мѣсто; тогда мы съ шхуной отправились къ мысу

Учь, она пошла вокруг острова Чечень, а я, знакомымъ уже проходомъ, прямо вышелъ въ море, и слѣдовательно, гораздо прежде прибылъ на мѣсто. Я сталъ на якорь противу самага транспорта, на глубинѣ 4½ сажень, не далеко отъ берега; шхуна подошла въ тотъ же день, но стала на якорь гораздо дальше въ морѣ.

На другой день, около полудня, прибылъ назначенный намъ конвой; онъ состоялъ изъ тридцати человекъ пѣхоты и девяти казаковъ. Капитанъ, начальствовавшій конвоемъ, расположился бивакомъ около разбившагося транспорта, и мы тотчасъ приступили къ работѣ.

Погода стояла тихая, и такъ какъ берегъ въ этомъ мѣстѣ довольно приглубъ, то я подошелъ къ нему на разстояніи одной версты, такъ что съ баржи почти къ самому берегу можно было протянуть веревку, по которой могли тянуться лодки, нагруженные лѣсомъ. Работа шла успѣшно, хотя и дулъ иногда свѣжій вѣтеръ, но не было большого волненія, такъ что на пятый день транспортъ былъ разобранъ совершенно, и для того, чтобы перевезти весь лѣсъ на баржу, требовалось не болѣе одного дня.

Въ полдень я съѣхалъ на берегъ, чтобы посмотрѣть, сколько еще осталось лѣсу, и нашелъ Ф., сидящаго въ палаткѣ капитана за завтракомъ, состоявшимъ изъ кусковъ баранины, поджаренныхъ на угляхъ на ружейномъ шомполѣ.

— Знаете ли что? сказалъ Ф.:—капитанъ говоритъ, что ему завтра непременно надобно уйдти, у солдатъ нѣтъ больше провіанта.

— Что же! отвѣчалъ я:—завтра къ вечеру я погружу весь лѣсъ, и тогда ужъ намъ конвой не нуженъ.

— Да дѣло въ томъ, возразилъ Ф.,—что онъ не можетъ остаться и до вечера, у нихъ только на два дня провіанта, а столько времени нужно, чтобы дойти до Кази-Юрта.

— Но вѣдь вы просили конвой на десять дней, а теперь только пятый? спросилъ я.

— Нашему коменданту не такъ передали ваше требованіе, отвѣчалъ конвойный начальникъ:—ему приказано послать конвой на десять дней, и онъ полагалъ, что тутъ включено время на переходъ, а потому и велѣлъ взять на столько провіанта. Я думаю вотъ что. Завтра, если будетъ тихо, то вы еще до вечера успѣете забрать весь лѣсъ; до сихъ поръ мы видѣли, что никто кромѣ мирныхъ Ногаевъ не показывается здѣсь: такъ пусть конвой идетъ, и я съ нимъ уѣду, потому что мнѣ нужно по своему порученію, осмотрѣть дороги; мнѣ будетъ безопаснѣе съ конвоемъ, а вы оставайтесь и доканчивайте погрузку. Только советую отойти подальше отъ берега, лодка съ

лѣсомъ можетъ ходить на веслахъ, а вамъ безопаснѣе, въ случаѣ, если захватить вѣтеръ.

Я былъ молодъ,—одна мысль, что могутъ усомниться въ моей храбрости, заставила бы рѣшиться не на такой поступокъ. Недолго думая, согласился я на предложеніе Ф., нисколько не разсчитывая, что какъ только останусь одинъ, то что бы ни случилось, и отвѣчать за все буду одинъ. Я даже не думалъ попросить Ф., чтобы онъ не отправлялъ шхуны въ заливъ, прежде чѣмъ я буду готовъ и уйду отъ опаснаго берега.

На другой день было воскресенье, погода стояла совершенно тихая, и я, еще до восхода солнца, оттянувшись подальше отъ берега, началъ перевозить лѣсъ; конвой уже не было, и шхуна также снялась съ якоря и ушла въ Аграханскій заливъ; работа наша шла довольно успѣшно, только меня немного беспокоило, что около разбросаннаго лѣса собралось много Татаръ, чего прежде, когда былъ конвой, не случалось. Я тотчасъ самъ поѣхалъ на берегъ, и унтеръ-офицеръ мой сталъ жаловаться, что Ногаи сдѣлались очень дерзки и въ глазахъ воруютъ лѣсъ; въ это самое время одинъ Ногай, положивши себѣ на плечи доску, хотѣлъ съ ней идти; я тотчасъ бросился къ нему и ударилъ его бывшею у меня въ рукахъ палкой, онъ бросилъ доску и пустился бѣжать. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ, и Ногаи присмирѣли; но однакожь они не уходили, и я — нечего было дѣлать! — остался самъ караулить лѣсъ, покуда лодка ходила на баржу. Видя, что ничего нельзя украсть, Ногаи понемножку разошлись; тогда мнѣ можно было возвратиться на свой корабль.

Передъ закатомъ солнца, унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что лѣсу осталось очень мало, не больше какъ на одну лодку. Удача балуетъ человѣка,—мнѣ не хотѣлось оставлять что-нибудь Ногаямъ, и я послалъ всѣхъ людей, чтобы они поскорѣе забирали все и возвращались; на баржѣ кромѣ меня остались только три матроса, изъ нихъ одинъ больной. Лодка ушла, и я до самыхъ сумерокъ наблюдалъ въ зрительную трубу, какъ нагружали ее лѣсомъ, а когда ничего не стало видно, спустился въ каюту, надѣясь, что она скоро возвратится, и мечтая объ удовольствіи уйти отъ этого берега, гдѣ я ни одной ночи не могъ уснуть спокойно.

Послѣ хлопотливаго дня, необыкновенно пріятно было сбросить верхнее платье и съ кейфомъ пить чай. Мысль уносила меня въ Астрахань, и я уже воображалъ, какъ пріятно будетъ мнѣ отдохнуть съ своею семьей; какъ главный командиръ будетъ доволенъ мною, что я соблюлъ выгоды казны: и дешево, и скоро погрузилъ лѣсъ.

Мечты мои были не продолжительны.

— Ваше благородіе, на берегу сигналъ подають! раздался позади меня голосъ.—Я оглянулся, усатая фізіономія матроса Петрова выглядывала въ дверь каюты.

— Какой сигналъ? спросилъ я.

— Да на берегу что-то не ладно, ребята два огня зажгли, отвѣчалъ онъ.

Какъ былъ, полуодѣтый, захвативъ только зрительную трубу, выскочилъ я на палубу.

Вѣтру не было, только небольшая зыбъ шла съ моря.

Первою моею мыслію было, что лодку очень нагрузили лѣсомъ, и она потекла, такъ что матросамъ не на чемъ переѣзжать.

— Садись двое въ четверку! закричалъ я:—а ты, больной, оставайся здѣсь, мы сейчасъ вернемся; если же подуетъ вѣтеръ, то потрави канатъ. Достанетъ у тебя силы?

— Достанетъ, отвѣчалъ больной матросъ, — канатъ разведень, а перевести его я и одинъ смогу.

Мы сѣли въ четверку, самъ я на руль, а два единственные матроса въ весла, и отправились къ берегу.

Я столько разъ упоминалъ слово буруны, что, думаю, нужно немножко поподробнѣе описать ихъ. Морская волна, идущая съ глубины, взрываетъ одну лишь поверхность моря, не касаясь дна, которое глубоко, и потому катится плавно и ровно; но если на пути ея встрѣтится возвышенность грунта, такъ что она касается ея, то волна тотчасъ поднимается вверхъ совершенно вертикально, и, достигнувши извѣстной высоты, верхушка ея загибается впередъ гребнемъ и падаетъ каскадомъ; чѣмъ больше глубина и круче встрѣченная мель, тѣмъ выше поднимается бурунь. Превосходная картина—смотреть на буруны вблизи, какъ они кипятъ и клокочуть около подводныхъ камней и мелей. Хотя бурунь бываетъ у каждаго морскаго берега, но если берегъ низменный и понижается въ море постепенно, то буруны не поднимаются высоко; если же есть яръ, тогда они въ полномъ рззгарѣ.

Когда мы стали подъѣзжать къ берегу, уже стало темно, и адскій шумъ отъ буруновъ поразилъ мой слухъ; зыбъ, едва замѣтная около судна, у берега дѣлалась очень опасною; но желаніе узнать, что сдѣлалось съ моею командой, было сильнѣе, и я продолжалъ держать поперекъ буруновъ. Лишь только шляпка вошла въ первую граду, какъ позади насъ поднялся водяной столбъ; мы не успѣли уйти, и половина его была въ шляпкѣ; отливать воду было некому да и некогда, потому что толчокъ, который далъ намъ бурунь, быстро

бросилъ насъ во вторую гряду; тамъ еще прибыло къ намъ воды и бросило въ третью, такъ что не успѣли мы опомниться, какъ шлюпка была уже выброшена на берегъ.

Только что я выскочилъ на землю, какъ сбѣжались полураздѣтые матросы и рассказали, что лодка съ лѣсомъ погибла въ третьей грядѣ буруновъ, а они едва спаслись вплавъ; тогда приказавши поскорѣй вылить воду изъ своей четверки, я велѣлъ еще тремъ челоукамъ сѣсть въ шлюпку; четверо должны были грести, а одинъ отливать воду. Больше взять людей я опасался, потому что на грузной шлюпкѣ трудно переходить черезъ буруны, а рѣшился лучше еще нѣсколько разъ съѣздить на берегъ.

Первую гряду буруновъ мы миновали благополучно, но когда приблизились ко второй, то въ темнотѣ я худо разсчиталъ и въѣхалъ въ нее именно въ то время, когда только что нашедшая волна стала подниматься буруномъ. Въ одно мгновеніе вышибло изъ рукъ гребцовъ весла, залило шлюпку до половины и отбросило назадъ. Всѣ кинулись отливать воду изъ шлюпки, которая начинала тонуть, между тѣмъ какъ быстрое теченіе, идущее между бурунами, понесло насъ вдоль берега, такъ что когда я это замѣтилъ, то огни, у которыхъ грѣлась моя команда, были далеко. Тогда потерявши надежду выбиться изъ буруновъ въ море, я приказалъ бросить выливать воду, а скорѣе взять весла, и давши ходъ шлюпкѣ, направилъ ее прямо въ берегъ черезъ буруны; насъ выбросило въ разстояніи около полуверсты отъ того мѣста, откуда мы поѣхали.

Вытащивъ шлюпку подальше на песокъ, чтобы до нея не доходили буруны, совершенно мокрые отправились мы къ огнямъ своихъ сотоварищей. Они не видѣли всего, что происходило съ нами, и не знали, что мы на берегу, а потому очень перепугались, когда увидѣли шедшую по берегу толпу людей; всѣ были совершенно безъ всякаго оружія.

Я закричалъ имъ, что это мы, и бросился къ огню, потому что хотя было лѣто, но въ мокромъ платьѣ дрожь пробирала до костей, и уже отогрѣвшись, сталъ раздумывать о своемъ горестномъ положеніи. Больше всего смущала меня мысль, что на баржѣ остался только одинъ больной матросъ, и если засвѣжѣетъ вѣтеръ, то Богъ вѣсть, что можетъ случиться. Съ боязнію посматривалъ я на небо, а оно, на горе мнѣ, было зловѣщее, отъ юго-востока поднимались черныя тучи, и сталъ накрапывать мелкій дождь.

На берегу оставалось много мелкаго лѣсу отъ разломки транспорта, и матросы развели большой огонь; бѣдняки были въ однихъ рубашкахъ, а остальное платье сушилось.

Вмѣстѣ съ нами грѣлся у огня старый Ногаецъ, бывшій караульщикомъ у транспорта; онъ еще днемъ выпросилъ у меня остатки лѣсу и берегъ его, чтобы другіе не украли.

Господинъ, сказалъ онъ мнѣ, иди почевать въ аулъ, кибитка спать хорошо, а здѣсь не хорошо; днемъ два Лезгинъ приходилъ, все спрашивалъ, сколько Русскихъ и зачѣмъ ушли солдаты. Ступай въ аулъ; если Лезгинъ придетъ, не хорошо будетъ, они мошенники, въ горы уведутъ васъ.

Я понималъ, что Ногай говоритъ дѣло, но рѣшиться идти въ аулъ не могъ; уйдти, не зная объ участи баржи, было для меня совершенно невозможно. Чтѣ бы ни случилось, думалъ я, по крайней мѣрѣ все самъ увижу.

Надобно было однакожь подумать о предосторожности, въ случаѣ если придутъ незваные гости. Такъ какъ оружія у насъ не было и защищаться не чѣмъ, то я приказалъ людямъ, если на насъ нападутъ, бросаться въ воду и скрываться въ бурунахъ, а Ногаю велѣлъ между тѣмъ тотчасъ бѣжать въ свой аулъ и извѣстить о нападеніи. Хотя это было самое ненадежное средство, потому что Ногаи съ абреками (1) дѣйствуютъ заодно, но другаго не было.

Поставивъ часового подальше отъ огня, чтобы онъ лучше могъ видѣть въ темнотѣ, я позволилъ остальнымъ ложиться спать и самъ легъ межъ ними, хотя и зналъ, что ужъ никакъ не засну. Мысли мои попеременно блуждали, переходя отъ баржи къ собственному моему положенію и обратно; дождь пошелъ сильнѣе, и молнія, изрѣдка прорѣзывая темноту, освѣщала мой корабль. Вѣтра совершенно не было, но въ этой тишинѣ было много опаснаго. Меня порядочно смочило дождемъ, и старикъ Ногай, сжалившись, покрылъ меня своимъ тулупомъ.

Тутъ въ первый разъ взглянулъ я на своихъ людей и, несмотря на всю тяжесть моихъ заботъ, невольно разсмѣялся; картина была въ своемъ родѣ единственная. Бѣдняки, не имѣя чѣмъ прикрыться отъ дождя, придумали себѣ одѣяла изъ оставшихся нѣсколькихъ досокъ, и въ разныхъ направленіяхъ лежали на спинѣ, положивши на себя по доскѣ; а такъ какъ онѣ были очень не широки, то каждый старался вытянуться какъ можно болѣе, чтобы спрятать подъ доску всѣ свои члены, потому что больше одной на брата не доставало.

Легко мнѣ описывать эту ночь теперь, но никому не желаю испы-

(1) Абреками въ Чечнѣ называютъ шайки отчаянныхъ Чеченцевъ, которые не имѣютъ совершенно ничего и живутъ только грабежемъ.

татъ подобной. Служба моя только—что начиналась; въ Астрахани меня ждали мать и сестры, для которыхъ я былъ надеждою и подпорою. Если я и останусь живъ, то что ожидаетъ меня за мою неосторожность, когда она повлечетъ за собою гибель судна или потерю людей?

Медленно, долго тянулася ночь, воображеніе было разстроено, и я ни на минуту не могъ заснуть. Мнѣ чудился то конскій топотъ, то свистъ вѣтра; безпрестанно вскакивалъ я и прислушивался. Даже самая заботливость Ногай мало была полезна; его тулупъ содержалъ въ себѣ много насѣкомыхъ, къ которымъ я вовсе не привыкъ. Такое ужъ было несчастіе во всемъ.

Вѣтра не было всю ночь, хотя бурунъ не уменьшался, но лишь только показалась заря и можно было видѣть окружающіе предметы, подулъ съ моря вѣтерокъ. Опасаясь, чтобы онъ не засвѣжилъ и не принудилъ меня провести еще мучительную ночь, я кликнулъ матросовъ и приказалъ имъ идти къ шлюпкѣ. Осмотрѣвши ее, мы нашли, что она порядочно пострадала отъ ударовъ о песокъ, однакожь еще держалась на водѣ. Выбравъ двухъ гребцовъ и третьяго, чтобы выливать воду, я рѣшился опять попытаться проѣхать черезъ бурунъ, надѣясь, что днемъ лучше угадаю вѣхъ въ него въ ту минуту, когда волна опадетъ, а слѣдующая еще не успѣетъ подняться.

Я простился съ остававшимися на берегу, общая тотчасъ прислать шлюпку за ними, какъ только буруны улягутся. Мы сѣли въ четверку, гребцы приготовили весла, а остальные матросы, дружно приподнявши ее, столкнули въ воду.

Вѣроятно, не каждому случалось проѣзжать черезъ буруны на маленькой шлюпкѣ; какой страшный шумъ оглушаетъ тогда бѣднаго пловца! оно конечно ничего, если это только катанье или, пожалуй, даже и необходимость, но когда знаешь, что если выброситъ тебя назадъ, то выброситъ на гостепріимный берегъ. У меня назади не было гостепріимнаго берега; я долженъ былъ во что бы то ни стало переѣхать на судно, а если единственная шлюпка разобьется, то не было уже никакой надежды попасть на него.

Въ двадцати саженахъ отъ берега налетѣлъ на насъ страшный бурунъ и прикрылъ совершенно. «Не робѣй! держи крѣпче весла!» только успѣлъ я закричать своимъ гребцамъ, какъ ротъ былъ полонъ соленой воды. Въ эту минуту мнѣ послышался далекій, какъ бы заглушенный крикъ: «прошайте, ваше благородіе!» мнѣ даже казалось, что это мечта, но не до того было, чтобы думать въ это время: смерть близко, а умирать не хотѣлось.

Къ счастью нашему, гребцы не выпустили изъ рукъ веселъ, и лишь только волна опала, какъ они двинули дружно шлюпку, и она

перескочила черезъ первую гряду; шляпка была полна воды, но мы скоро отлили ее фуражками и сапогами, держась между двумя стѣнами буруновъ; потому что вѣхать въ нихъ, когда шляпка отъ воды отяжелѣла, было было бы безумно. Ни берега, ни оставшейся команды, намъ не было видно.

Оправившись наскоро, мы пустились опять впередъ и въѣхали во вторую гряду; этотъ переѣздъ былъ удачнѣе, такъ что только немного воды попало къ намъ, и мы, не останавливаясь уже, переѣхали третью гряду; на ней бурунъ былъ меньше и не поднимался такими высокими гребнями.

Только-что проѣхали буруны, какъ опасность миновалась совершенно; хотя съ моря и дулъ вѣтеръ, но волненіе было правильное, и мы благополучно доѣхали до баржи.

— Здравствуй! все ли у тебя благополучно? спросилъ я своего больного.

— Все благополучно, ваше благородіе, слава Богу! ночь прошла тихо, да я и не спалъ, дихорадка трусила, такъ ужъ не прозѣвалъ бы потравить канату, еслибы сдѣлался вѣтеръ, отвѣчалъ матросъ.

Первая минута когда я вступилъ на палубу, была радость спасенія: человѣкъ всюду эгоистъ; во вторую я съ тоскою взглянулъ на берегъ и увидѣлъ моихъ бѣдныхъ матросовъ, которыхъ никакъ не могъ перевести на баржу. Я зналъ, что бѣдняки голодны, но какъ было помочь? попробовалъ было положить въ бочонокъ сухарей и пустилъ его, но увы! онъ плылъ не къ берегу, а по теченію, вдоль его.

Я полагаю, что не ошибусь въ сравненіи, если скажу, что только влюбленный можетъ такъ внимательно смотрѣть на свою милую, какъ смотрѣлъ я на завѣтный берегъ. Я помѣстился на палубѣ, положилъ зрительную трубу на бортъ и черезъ нее слѣдилъ за малѣйшими движеніями на берегу.

Около полудня, начали со всѣхъ сторонъ сѣзжаться Ногаи на арбахъ и разбирать оставшійся лѣсъ; матросы какъ будто говорили имъ что-то и размахивали руками, но потомъ всѣ вдругъ столпились въ кучу, какъ испуганное стадо, и отошли въ сторону. Наконецъ, стали появляться вооруженные всадники въ черкесскихъ платьяхъ; они подъѣзжали къ матросамъ и казалось о чемъ-то спрашивали ихъ. Часа въ три пополудни матросы вдругъ пошли отъ берега къ песчанымъ буграмъ и скрылись за ними.

Куда они пошли? вотъ вопросъ, который задалъ я себѣ и не могъ рѣшить; больше нечего мнѣ было смотрѣть на берегу, и я сталъ ждать...

Ночь прошла спокойно, хотя вѣтеръ продолжалъ дуть попрежнему. Природа взяла верхъ, и я уснулъ на палубѣ, но какой это былъ тревожный сонъ! При первомъ разсвѣтѣ, какъ только можно было смотрѣть вдаль, я опять навелъ трубу на берегъ; но онъ былъ пустъ, на немъ ни души не было. Вѣтеръ не стихалъ, буруны не умевышались, и я боялся рисковать еще разъ ѣхать на берегъ для развѣдки.

Весь день прошелъ въ томительномъ ожиданіи, матросы не появлялись на берегу, и Ногаи также не показывались, потому что лѣсу уже ничего не оставалось.

Долго, невыносимо долго, тянулся этотъ день и слѣдующая за нимъ ночь.

Такъ, безъ всякой перемѣны, прошелъ еще день и еще одна ночь. Я упалъ духомъ.

Съ половины третьей ночи вѣтеръ сталъ стихать и измѣняться отъ берега; это скорѣй всего могло уничтожить буруны, и надежда стала оживать во мнѣ. Съ разсвѣтомъ точно я замѣтилъ, что волненіе стало тише, и буруны не поднимались уже такъ высоко какъ прежде; поджидая, чтобы они еще болѣе утихли, я ходилъ по палубѣ, все надеясь, что вотъ появятся матросы, но ихъ не было. Мысли, одна другой мрачнѣе, сжимали голову, и я уже потерялъ надежду еще разъ увидѣть свою команду,—какъ вдругъ крикъ: ваше благородіе, ребята идутъ! въ одно мгновеніе пробудилъ меня къ жизни, я схватилъ трубу и увидѣлъ матросовъ выходившихъ изъ-за песчаныхъ бугровъ; сосчиталъ ихъ, они были всѣ!.. Какая жаркая молитва благодарности изливалась изъ измученной души моей.

— На четверку! закричалъ я бывшимъ при мнѣ четвернымъ матросамъ, и трехъ изъ нихъ, кромѣ больнаго, отправилъ на берегъ. Перевозка кончилась благополучно, и я вздохнулъ свободно, увидѣвши всѣхъ людей своихъ на палубѣ баржи.

Унтеръ-офицеръ разказалъ мнѣ, что когда шляпку мою покрыло буруномъ, то они, думая, что я погибъ, закричали мнѣ: «прощайте»; но потомъ увидѣли, какъ мы выбрались изъ буруновъ и пристали къ баржѣ; тогда, не безпокоясь уже о нашей участи, стали думать о себѣ. Сначала они бранили Ногаевъ, которые брали самовольно лѣсъ, но тѣ не хотѣли ихъ слушать и говорили: «чего вы бережете, сами будете ли цѣлы?» Конные, которые пріѣзжали къ берегу, были мирные Черкесы; они спрашивали матросовъ, зачѣмъ они здѣсь и отчего не ѣдутъ на судно, гдѣ ихъ лодка? Потомъ подошелъ къ нимъ старикъ Ногай, сказалъ, что онъ старшина изъ ближайшаго аула и сталъ звать ихъ съ собою въ аулъ, говоря, что если они останутся на ночь на берегу, то ихъ или убьютъ или увезутъ въ горы;

что тѣ, которые прїѣзжали на лошадяхъ, не добрые люди, они слухать переметчиками абрекамъ и непременно приведутъ ихъ сюда. Матросы послушались старшины и пошли съ нимъ въ аулъ, расположенный верстахъ въ четырехъ отъ того мѣста. Ногай привелъ ихъ въ свою кибитку и запретилъ имъ выходить изъ нея даже днемъ, а на ночь далъ всѣмъ оружіе и велѣлъ ложиться спать въ кибиткѣ; самъ же, тоже вооруженный, легъ въ дверяхъ. Такъ провели они три дня; старикъ берегъ ихъ, но только не могъ дать имъ порядочной пищи, потому что былъ очень бѣденъ, а предложилъ имъ то, что самъ ѣлъ: немного ржаной муки, вскипяченной въ морской водѣ, потому что прѣсной въблизи аула нѣтъ.

— Двадня мы терпѣли голодъ, говорили матросы, — и не могли ѣсть этого варева: больно нечисто, столько въ него нападало мухъ, точно варенье сдѣлалось; на третій уже день очень отошали, такъ поѣли немного, а вотъ Бердѣеву было хорошо: ему бабы молока носили.

Бердѣевъ былъ нашъ канониръ изъ Татаръ, служившій намъ переводчикомъ съ Ногаями.

Какъ только вѣтеръ стихъ, Ногай тотчасъ проводилъ матросовъ до берега и очень былъ радъ, что уберегъ ихъ отъ абрековъ.

Минуты лишней не мѣшкалъ я у негостепріимнаго берега, и хотя вѣтеръ былъ очень тихій, однакоже до ночи успѣли мы отойти подалее въ море и тамъ выжидать попутнаго вѣтра. До Бирючей Косы дошелъ я благополучно и, выполнивъ тамъ всѣ обряды карантинна, пошелъ въ Волгу; до Астрахани оставалось только сто верстъ, и мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе пройти ихъ. Вѣтеръ дулъ попутный, что большая рѣдкость въ Волгѣ; только наступала уже ночь, хотя и лунная. Даже люди, хорошо знающіе всѣ фарватеры Волги, не рѣшались идти въ устье ея ночью; въ ней очень много отмелей, которыя ежегодно измѣняютъ свое положеніе; но я не подумалъ объ этомъ и, надеясь, что хорошо знаю всѣ мели, поставилъ всѣ паруса и полетѣлъ вверхъ по рѣкѣ. Баржа шла отлично, мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ, я расхаживалъ по палубѣ и мечталъ объ удовольствіи свиданія съ дорогими людьми, какъ вдругъ, — такое ужъ было мнѣ тогда несчастіе во всемъ! — баржа со всего ходу плавно нашла на песчаную отмель, идущую отъ праваго берега; ударъ былъ очень легкій, потому что мель не крута, и судно постепенно теряло ходъ, такъ что я этого не замѣтилъ вовремя. Мечты разлетѣлись въ прахъ, когда баржа остановилась, и мнѣ представилась самая непріятная дѣйствительность — сидѣть, какъ ракъ на мели.

Закрѣпивъ наскоро всѣ паруса, чтобы они еще больше не тащили на мель, я тотчасъ сдѣлалъ завозъ въ лѣвую сторону, гдѣ глу-

бина была больше; но баржа не трогалась съ мѣста, она была плоскодонная и сидѣла на землѣ всѣми точками своего дна. Оставалось одно дѣйствительное средство — выгрузить на берегъ часть груза и облегчить судно, но берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ не близко, а у меня нѣтъ шлюпокъ; только одна поврежденная четверка, и надобно было посылать на ближнюю ватагу, верстъ за пять, за лодками; но я пожалѣлъ матросовъ и рѣшился дожидаться утра.

Такъ какъ въ рѣкѣ, хотя и на мели, опасности нѣтъ никакой, а день трудовъ было не мало, то я заснулъ крѣпко, приказавши разбудить себя на разсвѣтѣ. Встаю, и что же? день чудесный, тишина, вѣтру нѣтъ, а съ нимъ нѣтъ и воды, которую онъ нагналъ вчера, она вся скатилась, и вокругъ баржи преспокойно расхаживаютъ вороны.

Какое это было для меня непріятное зрѣлище! Хотя я и не могъ подвергнуться большой ответственности за то, что сталъ на мель въ рѣкѣ, по которой мы всѣ ходимъ ощупью, но одного стыда уже было довольно.

Времени впереди много, надобно было выжидать, чтобы снова нѣсколько дней дулъ съ моря вѣтеръ и пригналъ воду, — тогда только баржа могла сойти съ мели; а чтобы воспользоваться самою малѣйшею прибылью, я началъ выгружать постепенно все. Для этого дали мнѣ съ ватаги плоскодонную лодку, и на ней я перевезъ на берегъ не только весь грузъ, но даже всѣ принадлежности судна; а наконецъ и самыя мачты вынулъ и спустилъ въ воду. Когда ужъ нечего было выгружать, я во второй разъ, въ эту несчастную кампанію, сталъ ждать; хотя теперь это было не такъ мучительно какъ прежде, за то вдвое досаднѣе: тогда было горе, а тутъ досада.

Каждый вечеръ я думалъ: завтра, быть-можетъ, подуетъ нагонный вѣтеръ; иногда онъ точно начиналъ дуть, но скоро стихалъ, не успѣвая нагнать довольно воды.

Изъ всѣхъ невыгодъ, какія падаютъ на долю каспійскихъ моряковъ, самое непріятное есть плаваніе по Волгѣ, отъ Астрахани до заморья. Частые извороты рѣки, такъ что одинъ и тотъ же вѣтеръ становится и противнымъ, и попутнымъ, мели, которыми изобилуетъ рѣка, дѣлаютъ плаваніе несноснымъ. Мели Волги моряки дѣлаютъ на законныя и не законныя. Законныя находятся при самомъ выходѣ изъ устья, миновать ихъ нельзя, и каждое судно должно простоять на нихъ нѣсколько дней, а иногда и мѣсяцевъ, чтобы дожидаться, когда вѣтромъ съ моря подниметъ воду. Хорошо еще, если оно сидитъ не глубоко, и ему немного надобно воды, а то большія суда,

вышедши изъ Астрахани въ маѣ мѣсяцѣ, иногда только въ сентябрѣ успѣваютъ переташиться черезъ мель.

Незаконными мелями называютъ тѣ, на которыя можно стать и не стать, если фарватеръ хорошо знаешь, или лучше сказать, если есть хорошіе ружевые, поступившіе въ матросы изъ астрѣханскихъ рыбаковъ; они знаютъ Волгу, какъ свою постель. У меня на бѣду не было такого ни одного.

Такимъ образомъ, каждый вечеръ надѣясь и каждое утро теряя надежду, я провелъ мѣсяцъ, не подвинувшись ни на вершокъ впередъ. Отъ порта прислали ко мнѣ пароходъ, чтобы онъ помогъ мнѣ стащить, когда прибудетъ вода, но ея не было, и пароходъ стоялъ безъ дѣйствія.

Командиръ ворчалъ и сердился на меня, что изъ-за другаго онъ долженъ былъ сѣлчать въ камышахъ, отдавая себя на жертву комамъ. Наконецъ, его потребовали для другаго порученія, онъ ушелъ, и я, попрежнему, остался одинъ, бесѣдовать самъ съ собою и съ завистью любоваться, какъ не далеко отъ меня летѣли суда и лодки подъ парусами, а я сидѣлъ, будто невольникъ на цѣпи. Всего бы только сажень на пятьдесятъ подвинуться, и былъ бы на свободѣ; да какъ ихъ перескочишь?

Какъ теперь помню: 29-го августа, поѣхалъ я на ватагу къ обѣднѣ и тамъ еще замѣтилъ, что вѣтеръ перемѣнился и подулъ съ моря, но это меня не обрадовало, я усталъ надѣяться. Возвращаясь на баржу, и первый вопросъ: «Какъ вода?»—«Прибываетъ»; отвѣчали мнѣ, и судно стало шевелиться. Наученный горькимъ опытомъ, я не упустилъ на этотъ разъ уже ничего, чтобы воспользоваться временною прибылью воды, и къ вечеру былъ уже на свободѣ. Черезъ три дня баржа была совершенно нагружена, за мною пришелъ пароходъ и довелъ до Астрахани.

Такъ неудачно кончился для меня первый годъ на поприщѣ командирства; у молодаго командира, за его неловкость, отняли судно и посадили на нѣсколько мѣсяцевъ на береговое содержаніе.

Стыдно было передъ товарищами.

К. ПЕТРИЧЕНКО.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ

I.

ТРАГЕДІЯ

1.

«Бѣги со мной! будь мнѣ женой!
На сердцѣ отдохни моемъ!
Оно тебѣ въ странѣ чужой —
Родимый край, родимый домъ.
Иль лягу я въ землѣ сырой,
И будешь въ мірѣ ты одна,
И будетъ домъ родимый твой
Тебѣ чужая сторона.»

2.

На поляну иной палъ
Середь вешней почки:
Познобилъ онъ, погубилъ
Алые цвѣточки.
Темной ночью съ молодцомъ
Дѣвушка бѣжала:
Ни родимой, ни отцу
Слова не сказала.
Въ чужедальной сторонѣ
Горе да несчастье...
И повянули они,
Какъ цвѣты въ ненастье.

3.

Лица ихъ могилу тѣнью покрываетъ;
 Межъ кудрявыхъ вѣтокъ пташка распѣваетъ.
 На травѣ зеленой сѣли у могилы,
 Парень деревенскій со своею милой.
 Тихо и печально вѣтерокъ лепечетъ,
 Сладко и уныло пташечка щебечетъ...
 Приумолкли парень и его зазноба —
 Отчего — не знаютъ, только плачутъ оба.

II.

Глазки весны голубые
 Кротко глядятъ изъ травы.
 Любы вы милой, фѣялки:
 Съ полемъ разстанетесь вы.
 Рву я цвѣты, и мечтаю...
 Въ роцѣ поютъ соловьи...
 Боже мой! кто разказалъ имъ
 Думы и грезы мои!
 Громко они разглашаютъ
 Все, что я въ сердцѣ таю...
 Цѣлая роща узнала
 Нѣжную тайну мою.

III.

Какъ трепещетъ, отражаясь
 Въ морѣ плещущемъ, луна,
 А сама идетъ по небу
 И спокойна и ясна:
 Такъ и ты идешь, спокойна
 И ясна, своимъ путемъ;
 Но дрожить твой свѣтлый образъ
 Въ сердцѣ трепетномъ моемъ.

IV.

Священный союзъ заключили
 Горячія наши сердца —
 И тѣсно другъ съ другомъ сомкнулись,
 Чтобъ биться вдвоемъ до конца.
 Была на груди твоей роза
 Посредницей нашихъ сердець...
 Мы очень тѣснили бѣдняжку —
 И смяли совѣтъ наконецъ.

V.

Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть:
 Въ минуты, въ секунды все время расчестъ?
 — Холодный и мрачный то былъ нелюдимъ:
 Онъ въ зимнія ночи, хандрою томимъ,
 Все слушалъ, какъ мышка скребется въ подпечекъ,
 Да въ щелкъ куетъ запоздалый кузнечикъ.
 А кто изобрѣлъ поцѣлуй, и когда?
 — Плавашіе счастьемъ и нѣгой уста:
 Безъ счету, безъ думъ цѣловались они.
 То было въ прекрасные майскіе дни...
 И солнце играло, и птицы запѣли,
 И ярко цвѣтами луга запестрѣли!

VI.

Тотъ же сонъ, что снился прежде!
 Препжнимъ счастьемъ вновь живу я...
 Въ той же внешней міръ одеждѣ,
 Та же нѣга поцѣлуетъ.
 Тотъ же мѣсяцъ все двурогій
 Свѣтитъ намъ; бесѣдка та же;

Тѣ же мраморные боги
У дверей стоятъ на стражѣ.
Сладкій сонъ—увы!—минуетъ,
И сердечные обманы
Осень холодомъ обдуетъ,
Какъ весеннія поляны.
Да! цвѣсти не долго счастью:
И поблекнетъ, и сомнется...
И, покинутое страстью,
Сердце къ сердцу не прижмется.

VII.

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое...
Когда умру, на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!
Мы были долго съ моремъ дружны:
Волною ласковой, бывало,
Такъ часто скорби утѣяло
Оно въ груди моей недужной!

Мих. Михайловъ.

ВОСТОЧНАЯ КАРТИНА

Солнечный лучъ догоралъ, раздроблялся въ брызгахъ фонтана:
Ярче каменьевъ бездѣльныхъ горѣли жемчужныя брызги..
Садъ разливалъ благовоніе всѣхъ ароматовъ Востока;
Сладко дышалъ онъ въ уста, наполя забвеньемъ и нѣгой.
Чуденъ былъ вечеръ, и садъ былъ прекраснѣ райа земнаго! —
Царь любовался вечерней красою, покоясь на кровлѣ;
Пилъ онъ дыханіе сада и былъ упоенъ сладострастьемъ...
Очи тускнѣли, блаженствомъ и нѣгой безпечною полны;
Вдругъ заблесталъ въ нихъ огонь, и блуждавшіе взоры вперились
Въ воды фонтана, казалось, съ жадностью ихъ пожирая.
Женщина мылась въ фонтанѣ, роскошно и страстно плескалась:
Полная нѣги, она то раскинувшись на воду ляжетъ,
То погрузится, то грудь надъ прозрачной водою подыметъ;
Чудно трепещетъ лилейная грудь, воздымаясь высоко;
Плавно она утопаетъ въ водѣ, колыхаясь волною...
Женщины дивной купанье царь, пораженъ, созерцаетъ;
Царь очарованъ роскошнымъ видѣньемъ — и нѣмъ, и недвижимъ;
Царь обольщенъ красотой, сладострастія нѣгою полной.
Сердце царя запылало желаньемъ и страстію бурной;
Слово онъ рекъ — и да будетъ закономъ могучее слово...

1852.

П. Е.

СѢВЕРО-УРАЛЬСКІЙ КРАЙ

Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Изслѣдованія экспедицій, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1847, 48 и 50 годахъ. 2 тома. Санктпетербургъ. 1853 и 1856 г. въ 4-ку. Съ литографированными таблицами и полиטיפажами.

Въ прошломъ году вышелъ въ свѣтъ второй и послѣдній томъ сочиненія, изданнаго уральскою экспедиціей, окончившею еще въ 1850 г. трехлѣтніе труды свои. Начальство надъ этою экспедиціей, снаряженною Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, было поручено полковнику Гофману. Въ числѣ членовъ находились: г. Ковальскій, нынѣ профессоръ Казанскаго университета, но тогда еще только выступавшій на ученое поприще; маіоръ Стражевскій, уже прежде посѣщавшій уральскія страны; два топографа, изъ которыхъ особую даровитость выказалъ господинъ Брагинъ; одинъ художникъ, и наконецъ натуралистъ-коллекторъ, Брандтъ, уже совершившій одно путешествіе къ Охотскому морю.

Первый томъ сочиненія составленъ г. Ковальскимъ: онъ содержитъ краткій, но чрезвычайно ясно написанный обзоръ путешествія въ 1847 и 1848 годахъ, съ замѣчаніями о странѣ и ея обитателяхъ. Тутъ же находимъ описаніе превосходной карты сѣвернаго Урала и береговаго хребта Пай-Хоя, составленной экспедиціею; ббльшая же часть тома занята таблицами, изъ которыхъ однѣ относятся къ астрономическимъ наблюденіямъ, опре-

дѣляющимъ географическое положеніе разныхъ мѣстъ, а другія заключаютъ магнитныя наблюденія. Второй томъ составленъ г. Гофманомъ по-нѣмецки и есть, слѣдовательно, переводъ. Онъ содержитъ весьма любопытный дневникъ путешествія той части экспедиціи, которая слѣдовала за своимъ начальникомъ въ 1847, 48 и 50 годахъ. Хорошія литографіи, при немъ приложенныя, изображаютъ разные виды страны, посѣщенной экспедиціею, и типы обитателей ея. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ спеціальныхъ статей, содержащихъ изслѣдованія по геологій, геогнозій, минералогій, ботаникѣ, зоологій, и метеорологическихъ таблицы. Однѣ изъ этихъ статей составлены самимъ полковникомъ Гофманомъ; въ составленіи остальныхъ участвовали академики Ленцъ, Брандтъ и Рупрехтъ, и иностранные ученые, гг. Густавъ Розе и графъ Кейзерлингъ.

Это сочиненіе содержитъ полное физическое описаніе сѣверной части Уральскаго хребта, отъ 61° с. ш. до Ледовитаго моря. Страны, лежація по обѣимъ сторонамъ этого хребта, на нѣкоторое разстояніе, также изслѣдованы экспедиціею. Выполнивъ свое назначеніе, экспедиція пополнила пробѣлъ, существовавшій до нея, въ землѣвѣдѣніи Россіи, — потому что свѣдѣнія о сѣверномъ Уралѣ и о прилежащихъ къ нему странахъ были весьма неудовлетворительны и частію ошибочны. Обширная страна, изслѣдованная уральскою экспедиціею, несмотря на суровость своего климата, представляетъ немало любопытнаго: это, можно сказать, особый міръ. Люди тамъ продолжаютъ жить такъ, какъ жили тому назадъ тысячу лѣтъ, если только тамъ были люди въ это время. Однообразіе, простота и скудость обстановки обвели здѣсь человѣка тѣснымъ кругомъ, изъ котораго онъ можетъ выйдти только перейдя въ новый міръ, окружившись новыми, болѣе разнообразными условіями, хотя на короткое время. Полагаемъ, что многіе найдутъ не лишнимъ желаніе наше познакомить русское общество съ Сѣверо-уральскимъ краемъ; обширное сочиненіе членовъ уральской экспедиціи не всѣмъ доступно, какъ по цѣнѣ, такъ и по спеціальности большей части статей: даже самый дневникъ содержитъ чрезвычайно много излишняго, для людей, не пользующихся спеціальною ученостью и составляющихъ большинство.

I.

Начиная отъ широты города Чердыни, Пермской губерніи, — бывшего самымъ южнымъ пунктомъ для экспедиціи — до Вайгачскаго пролива, Сѣверо-уральскій край имѣетъ по прямому направленію болѣе 1000 верстъ въ длину. Принявъ ширину изслѣдованной страны въ 400 верстъ, получимъ площадь ея приблизительно въ 40,000 квадратныхъ верстъ. Съ запада она ограничится притоками Печоры и Камы, съ востока притоками Оби.

Уральскій хребетъ, или, какъ называютъ его туземцы, *Полюсой Камень*, сохраняетъ въ сѣверной части своей то же направленіе, которое имѣетъ онъ въ южной: онъ тянется прямо къ сѣверу на протяженіи болѣе 400 верстъ, считая отъ вершины Ишерима до сѣверной отлогости горы Сабли. Тутъ онъ расширяется и достигаетъ наибольшей ширины своей, то-есть семидесяти пяти верстъ. Тутъ же находятся высочайшія его вершины, поднимающіяся болѣе нежели на 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Отъ этого мѣста хребетъ поворачиваетъ къ сѣверовостоку, направляясь такимъ образомъ до широты Обдорска, гдѣ поворачиваетъ опять къ сѣверу, и, не доходя нѣсколькихъ десятковъ верстъ до моря, падаетъ вдругъ Константиновымъ Камнемъ (1) въ тундру. Почти къ западу отъ Константинова Камня, верстахъ въ 45 начинается отдѣльный хребетъ Пай-Хой, который тянется къ западу-сѣверо-западу параллельно морскому берегу; — горы, его составляющія, весьма не высоки; высочайшія вершины едва превосходятъ 1,000 футовъ. Онѣ имѣютъ округленный видъ, поросли дерномъ, и только мѣстами поднимаются на нихъ отдѣльные каменистые пики и стѣны. Пай-Хой переходитъ черезъ Вайгачскій проливъ на островъ того же имени.

Сѣверная оконечность Уральского хребта совершенно безлѣсна, потому что линія распространенія древесной растительности кон-

(1) Эта гора названа экспедиціею въ честь Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича. По опредѣленіямъ полковника Гошмана, она возвышается на 1491 футъ надъ уровнемъ моря.

чается не доходя около двухсотъ верстъ до берега Карскаго моря. Въ остальной части хребта лѣсъ подымается отъ 1,600 до 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря. Поэтому большая часть вершинъ лишена лѣса; онѣ скалисты, зубчаты, представляютъ разнообразныя обрывы и глубокия ущелія. Издали хребетъ кажется какъ бы разорваннымъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся многочисленныя горныя проходы, гдѣ начинаются обильныя рѣки, несущія воды свои на западъ и на востокъ, съ одной стороны—къ Оби, съ другой—къ Печорѣ и Карѣ. Ручьи и горныя потоки прозрачны, холодны, мѣстами шумны и пѣнисты, тамъ и сямъ образуютъ водопады, но озеръ вообще нѣтъ. Склоны Урала переходятъ въ ровную, болотистую тундру, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Западная, такъ-называемая Большеземельская тундра, начинается отъ самой Печоры и со всѣхъ сторонъ окружаетъ хребетъ Пай-Хой, простираясь такимъ образомъ до Ледовитаго моря. Мѣстами, на ней подымаются высокія плоскости, даже небольшіе, низкіе хребты, поросшіе, въ сѣверной части Уральскаго края, ивнякомъ, кустарною березой, иногда приземистою лиственницей; въ южной же части эти высокія мѣста бываютъ одѣты хвойнымъ лѣсомъ и называются вообще *пармами*.

Въ глубокихъ горныхъ оврагахъ Урала, куда лишь изрѣдка проникаютъ солнечныя лучи, снѣгъ во все лѣто лежитъ огромными толщами: пятна его долго остаются на вершинахъ, несмотря на то, что ни одна изъ нихъ не достигаетъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Снѣговыя толщи весною придаютъ особую живописность Уральскимъ горамъ: весеннія воды, стремясь по оврагамъ, занесеннымъ снѣгомъ, пробиваютъ толщу сначала въ верхней части и текутъ подъ снѣговымъ покровомъ какъ въ тоннелѣ, иногда на большомъ протяженіи; потомъ, когда часть снѣга растаетъ и русло потока понизится, воды его устремляются ниже и пробиваютъ себѣ новый путь, подъ прежнимъ; отъ этого происходятъ снѣговыя арки, или мосты, нагроможденные одинъ надъ другимъ: изъ-подъ самой нижней арки стремится вода шумнымъ и часто очень большимъ каскадомъ; верхнія же дотога крѣпки, что по нимъ можно не только ѣздить въ легкихъ нартахъ, но и проводить цѣлыя стада, оленей. Суровость климата и краткость лѣта опредѣляютъ бѣдность здѣшней растительности; преобладающія деревья суть хвойныя: сосна, лиственница, пихта, ель,

а мѣстами, особенно на восточной сторонѣ хребта, сибирскія недрѣ.

Тундра покрыта лишайникомъ и мхами. Тамъ и сямъ весьма большія болотистыя пространства заросли морошкой: во время зрѣлости ягодъ ея, мѣста эти еще издали обозначаются ярко-оранжевымъ цвѣтомъ. Изъ широколиственныхъ деревьевъ попадаютъ разные ивняки, береза и осина. Короткое лѣто вызываетъ, впрочемъ, при яркомъ солнцѣ и весьма длинныхъ дняхъ, развитіе многихъ крупноцвѣтныхъ травъ. Даже на самомъ берегу Карскаго моря попадаютъ рѣдкія незабудки и фіалки. Южная часть СѢверо-уральскаго края густо поросла прекрасными лѣсами, одѣвающими склоны горъ и даже вѣнчающими нѣкоторыя вершины. Не будемъ распространяться о суровости климата: краткій обзоръ, сдѣланный нами доселѣ, назначенъ единственно для того, чтобы въ главныхъ чертахъ представить страну, обитаемую сѢверо-уральскими народами. Описывая ихъ, мы не разъ коснемся и природы, ихъ окружающей.

Кромѣ Русскихъ, живущихъ въ южной и западной части края, и заходящихъ въ тундру только на время, остальные жители Урала суть монгольскаго происхожденія: Остяки, Самоѣды, Вогулы и Зыряне. Первые занимаютъ сѢверную часть края, вторые югозападную и юговосточную; Вогулы и Зыряне по одеждѣ и облику походятъ на Русскихъ, хотя образъ жизни ихъ во многомъ совершенно отличенъ отъ быта нашихъ крестьянъ. Остяки же и Самоѣды, которыхъ можно считать первобытными обитателями этихъ странъ, фizioномію, одеждою и образомъ жизни нисколько не походятъ на Русскихъ, и совершенно гармонируютъ съ дикостью суровыхъ горъ и обширныхъ тундръ, среди которыхъ обитаютъ. Народы эти сохраняютъ древнюю дикость свою, несмотря на приближеніе врывающейся къ нимъ цивилизаціи. Сами же они нейдутъ къ ней навстрѣчу, напротивъ уклоняются отъ ея вліянія, отодвигаясь въ самую глубь своей пустыни и мало-по-малу исчезаая. «Свѣтъ долженъ изгнать тьму—вотъ причина уменьшенія остяцкихъ, самоѣдскихъ и даже вогульскихъ племенъ», говоритъ полковникъ Гофманъ. Несмотря на то, что эти народы никогда не были преслѣдуемы съ такимъ ожесточеніемъ, какъ, напримѣръ, Испанцы преслѣдовали краснокожихъ Индейцевъ: несмотря на то, что въ настоящее время они пользуетъ

ются защитой закона и находятся въ совершенно мирныхъ отношеніяхъ съ преобладающимъ племенемъ въ Россіи; несмотря на все это, они, подобно американскимъ дикарямъ, вѣроятно исчезнутъ съ лица земли и врядъ ли оставятъ по себѣ какое-либо воспоминаніе.

Остяки раздѣляются на два племени: на Остяковъ—Ляпинскихъ (*Ейралъ*, какъ они сами называютъ себя) или древнихъ Югровъ, и на Остяковъ—Обдорскихъ. Оба племени имѣютъ свою осѣдность на востокъ отъ Уральскаго хребта, хотя и переходятъ лѣтомъ на западъ отъ него, особенно Ляпинцы, пасущіе стада свои до самой Печоры.

Обдорскіе Остяки населяютъ оба берега рѣки Оби, начиная отъ 65° с. ш. Отсюда почти къ югу югрскія зимовья. Названіе *Юры*, по всей вѣроятности, есть исковерканный *Ейралъ* и произошло во время древнихъ Новгородцевъ, имѣвшихъ дѣло съ этими народами и отодвинувшихъ предѣлы ихъ за Сибирскій или Поясовой Камень.

Ляпинскіе Остяки суть самые развитые изъ пастушескихъ и звѣроловныхъ племенъ Сѣверо-уральскаго края. Остякъ вообще худощавъ, довольно высокаго роста, лицо у него широкое, лобъ низокъ и уклоненъ назадъ, скулы выдаются, глаза узкіе, волосы плоскіе, чернаго цвѣта, борода и усы рѣдкіе; цвѣтъ кожи желтоватый. Все это указываетъ на монгольское ихъ происхожденіе. Одежда состоитъ изъ рубахъ различной длины, сшитыхъ оленьими жилами изъ оленьихъ же шкуръ, и надѣвающихся черезъ голову. Только женщины носятъ *паницы*, распахивающіяся спереди. Такихъ оленьихъ шубъ Остяки употребляютъ три. *Лѣтняя—парка*, доходящая только до колѣнъ и обращенная шерстью внутрь. Зимняя, также обращенная шерстью внутрь, но доходящая до щиколотки, называется *мальцею*. *Парка* имѣетъ капшонъ, котораго нѣтъ у *мальцы*, снабженной рукавицами, съ отверстіями по сторонамъ для высовыванія рукъ. Сверхъ *мальцы* надѣвается обыкновенно родъ чухла, изъ какой-нибудь ткани, для предохраненія ея отъ сырости. Третью шубу можно назвать морозною, потому что она надѣвается только въ сильнѣйшіе морозы; Русскіе называютъ ее *зусемъ*; мѣхъ этой шубы обращенъ наружу, а большой капшонъ, пришитый сверху, имѣетъ только отверстія для глазъ, носа и рта. Шапокъ Остяки вовсе не но-

сать. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они занимаются рыбною ловлей, болѣе нежели пастушествомъ, такая же одежда сшивается изъ налимьихъ шкуръ, издающихъ отвратительный запахъ, и дѣлающихъ присутствіе такихъ щеголей невыносимымъ.

Парка и мальчика, снизу и сверху, украшаются мѣховыми выпушками изъ выдры, или разноцвѣтныхъ оленьихъ шкуръ. На ногахъ Остяки носятъ лѣтомъ сапоги изъ замши, зимою же надѣваютъ длинные чулки — *пымы* — изъ оленьей кожи, мѣхомъ вверхъ, доходящіе до бедръ. Эти *пымы* украшаются по швамъ краснымъ сукномъ. Все это платье надѣвается на голое тѣло, потому что рубашки, и вообще всякое бѣлье, Остякамъ не извѣстны. Женщины раздѣляютъ волосы въ нѣсколько косъ, вплетая въ нихъ красные снурки, разныя погремушки и монеты.

Остяки живутъ въ деревянныхъ шалашахъ, или *юртахъ*, весьма легкихъ и небрежно построенныхъ изъ тонкихъ бревенъ, или плетня, вымазаннаго глиною внутри и снаружи. Крыша у юрты плоская и покрыта дерномъ; печь есть не что иное, какъ огромный каминъ съ большою трубой; она дѣлается изъ плетня, густо обмазаннаго глиною. Въмѣсто оконъ есть отверстія, затянутыя тонкою налимьею кожей; иногда такое отверстіе продѣлывается въ крышѣ и закрывается плоскою льдиной. Печная труба закрывается, по истопленіи, связкою камыша. Изъ маленькихъ сѣней входятъ въ одинокую горницу, имѣющую по сторонамъ скамейки; подъ ними стоятъ коробки съ домашнею утварью, а на стѣнахъ развѣшивается платье и оружіе. Нечистота и зловошіе царствуютъ въ этихъ незатѣйливыхъ обиталищахъ, которыя, впрочемъ, безпрестанно покидаютъ ихъ хозяева, — на лѣто для пастушества, а зимою для охоты и рыболовства, и иногда весьма надолго. Кромѣ юртъ, или постоянныхъ жилищъ, Остяки имѣютъ еще переносныя жилья, или *чумы*. Это конусообразныя шалаши, сдѣланные изъ бересты или изъ оленьихъ шкуръ. Такой *чумъ* весь разнимается и раскладывается на *нарты* (оленьи сани) особаго устройства, въ случаѣ перекочевки.

Наружность Самоѣдовъ въ нѣкоторомъ отношеніи отличается отъ остяцкой: они вообще ростомъ меньше, приземистѣе и плотнѣе; черты лица тупѣе и еще съ большею ясностію указываютъ на монгольское ихъ происхожденіе. Несмотря на то, что Самоѣды занимаютъ самую сѣверную часть тундры и хребта, они не

живуть въ постоянныхъ юртахъ, а кочуютъ и зимою и лѣтомъ со своими стадами. Таковы съ виду обитатели значительной части Сѣверо-уральскаго края. Религія большей половины жителей есть идолопоклонство, главные занятія — оленеводство, рыбная и звѣрная ловля.

Вотъ что сообщаетъ намъ г. Ковальскій о религіи Остяковъ, по словамъ обдорскаго священника, А. П. Попова. Главный, верховный ихъ богъ, самый храбрый и самый милостивый, называется *Мастерко*. Этотъ идолъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самый древній и богатый, находится въ настоящее время въ окрестностяхъ Троицкаго селенія, въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ. Остяки скрываютъ мѣста своихъ идоловъ, потому что поселенцы, открывъ мѣстопробываніе ихъ, не преминули бы обратить тѣ приклады, которые Остяки приносятъ имъ въ видѣ денегъ, мѣховъ и прочаго. *Мастерко*, заботясь о счастіи Остяковъ, опредѣлилъ для каждаго селенія меньшихъ боговъ, и въ одномъ какомъ-то мѣстѣ назначилъ четырехъ, которые между собою перессорились и разошлись. Одинъ изъ нихъ поселился въ окрестностяхъ Обдорска, другіе въ иныхъ юртахъ. Всѣ четверо считаются дѣтьми *Мастерко* и уважаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились. Напротивъ того, *Мастерко* почитается всѣми Остяками. Кромѣ добровольныхъ жертвованій, есть еще особые сборщики, которые собираютъ съ Остяковъ приношенія, складываемыя въ его храмъ. Не менѣе щедрые дары достаются и меньшимъ богамъ: для этихъ идоловъ строятъ особые амбары на высокихъ столбахъ, среди лѣсовъ. Тутъ хранится идолъ, наряженный въ кафтанъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ сукна съ обшивкой изъ позумента. Мелкая серебряная монета и разные мѣха собраны около него въ видѣ приношеній. Въ честь богамъ совершается религіозный праздникъ, въ которомъ шаманъ—главное дѣйствующее лицо. Въ день праздника Остяки собираются около священной избы съ запасомъ пищи и оленины. Шаманъ выноситъ на рукахъ почитаемаго идола и представляетъ его народу. Затѣмъ начинается пиръ — убіеніемъ на мѣстѣ оленей: кровь и мясо Остяки сѣдаютъ на мѣстѣ, а кожа переходитъ въ собственность шамана. Говорятъ, что число убитыхъ оленей должно быть семь, или семь семи-ковъ. Послѣ пира Остяки входятъ въ священную избу, строятся въ два ряда и восклицаютъ: *гой! гой!* раскачиваясь и хлопая ру-

ками. Крикъ возрастаетъ, пока станетъ силы; послѣ того начинаются разказы о воинскихъ подвигахъ и благодареніяхъ Мастерко. Въ теченіе разказовъ появляется самъ Мастерко, и черезъ посредничество шамана хвалитъ усердіе присутствующихъ, внушаетъ имъ крѣпкую вѣру въ себя и повелѣваетъ помогать другъ другу. Затѣмъ начинаются пляски замаскированныхъ женъ и дѣвицъ, остававшихся до тѣхъ поръ внѣ избы. Этотъ праздникъ продолжается семь ночей сряду, но бываетъ только разъ въ годъ. Кромѣ его, бываютъ еще другіе, мѣсячные, состоящіе впрочемъ изъ ворожбы, а не изъ религіозныхъ обрядовъ.

Около конца мая или начала іюня Остяки собираются къ назначенному шаманомъ мѣсту; начинаютъ пиромъ, потомъ всѣ становятся кругомъ шамана, одѣтаго въ пеструю рубаху съ побрякушками, и стоящаго при огнѣ, потому что дѣйствіе всегда совершается ночью. Шаманъ, припѣвая, начинаетъ бить кестяною палочкой въ барабанъ. Этимъ пѣніемъ онъ призываетъ идола; барабанный бой и пѣніе постепенно возрастаютъ, и жрецъ переходитъ наконецъ въ экстазъ, выражая это состояніе судорожными движеніями. Пришедъ въ себя, онъ разказываетъ внимательнымъ слушателямъ, какъ ему явился богъ, и что было объявлено ему. Предсказанія, относящіяся по большей части къ времени прихода рыбы и т. п., часто оправдываются, потому что шаманы по опыту знаютъ, когда рыба вступаетъ въ рѣки, въ какихъ мѣстахъ больше водится, и такъ далѣе. Ворожбы частнымъ лицамъ, желающимъ узнать причину несчастія, потерь или неудачъ, совершаются такимъ же образомъ. Шаманъ призываетъ сначала своего идола, а если не получить отъ него отвѣта, то обращается къ богамъ другихъ племенъ, пока не удовлетворится. Отвѣтъ шамана состоитъ не только въ изясненіи причинъ самаго несчастія, но и въ показаніи средствъ къ отвращенію его; разумѣется, гадающій напередъ приносить даръ шаману. Г. Ковальскій объясняетъ уваженіе и слѣпую вѣру Остяковъ къ шаману тѣмъ, что эти жрецы посвящены во всѣ таинства религіи, и далеко превосходятъ своихъ соотечественниковъ какъ по уму, такъ и по хитрости. Шаманы представляютъ сильную преграду къ распространенію христіанства между этими народами, потому что даже крещенные Остяки не освобождаются отъ ихъ вліянія.

Въ случаѣ смерти шамана, мѣсто его заступаетъ шаманъ другого селенія, но не болѣе нахъ на годъ; по истеченіи этого срока, временной жрецъ объявляетъ собравшимся Остякамъ, что богъ, явившійся ему во снѣ, назначаетъ ему въ преемники такого-то; избранный не можетъ отказаться отъ призванія, и ему вручаются всѣ принадлежности достоинства: барабанъ, сабля и особая одежда. Вскорѣ новоизбранный объявляетъ, что богъ, въщавшій къ нему во время сна, приказалъ служить себѣ вѣрно. Впрочемъ это должно быть подтверждено еще удачною ворожбой: иначе, чтобы удержаться въ своей должности, онъ прибѣгаетъ къ крайнему и весьма дѣйствительному средству: прокалываетъ себѣ бокъ ножомъ въ присутствіи народа, чѣмъ пріобрѣтаетъ себѣ неотъемлемое право криваться на всѣхъ публичныхъ сходбищахъ и за то получать приношенія. Чрезвычайно забавна присяга Остяковъ: они берутъ голову или ногу медвѣдя и, откусивъ частицу, сѣдаютъ ее. Женщины только цѣлуютъ эти эмблемы; полагаютъ, что ложно-присягающій будетъ растерзанъ медвѣдемъ. Этой присягѣ вполне вѣрятъ мѣстные власти, и пользуются ею въ случаѣ нужды.

Начало христіанства между обдорскими Остяками положно въ 1727 году, схимникомъ Θεодоромъ, бывшимъ митрополитомъ тобольскимъ. Первая церковь была выстроена только въ 1746 г., во имя Св. Василія Великаго, по всей вѣроятности, на казенный счетъ. Въ Обдорскѣ теперь двѣ церкви, изъ которыхъ послѣдняя, во имя Свв. Апостолъ Петра и Павла, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Остяки приносили прежде жертву своимъ идоламъ.

Обряды, совершаемые языческими Остяками при важныхъ случаяхъ жизни, довольно просты. Свадебные основаны на монгольскомъ обыкновеніи покупать невѣсту у ея родителей; величина калыма, или плата за жену, увеличивается по мѣрѣ знатности ея происхожденія. Женихъ посылаетъ обыкновенно родъ повѣреннаго къ отцу своей суженой, который уговаривается напередъ о цѣнности невѣсты. Затѣмъ входитъ самъ женихъ со свитой, и начинается пиръ. По полученіи калыма, отецъ невѣсты везетъ ее, скрывающуюся подъ большимъ платкомъ, въ юрту или чумъ жениха. Тамъ встрѣчаетъ ее свекровь и вводитъ въ новое жилище. Тѣмъ дѣло и оканчивается. Родители никогда не справляются о

желаніи дочерей относительно замужства: случается также, что десятилѣтнюю дѣвочку отдаютъ за малолѣтняго.

Вообще, нравственность у Остяковъ не процвѣтаетъ: мужья съ женами часто ссорятся, развѣзжаются, или имѣютъ любовницъ и любовниковъ въ чужихъ юртахъ.

Обрядовъ при рожденіи не бываетъ. Въ случаѣ трудности родовъ, призываютъ на помощь боговъ своихъ, а въ крайности обращаются съ молитвами и къ чужимъ идоламъ. За оказанную помощь новорожденный посвящается богамъ, то-есть одежду его отдаютъ идолу. Присмотръ за ребенкомъ весьма плохъ; его рано приучаютъ къ нуждѣ и холоду. Отецъ совершенно равнодушно слушаетъ плачъ изнывающаго отъ стужи ребенка, пока наконецъ на крикъ его не приходитъ мать и не вноситъ малютку въ юрту.

Хоронятъ Остяковъ, закутывая мертвому голову и одѣвая его въ лучшее платье: въ могилу помѣщаютъ при немъ новое платье, оружіе, хозяйственную утварь и проч. На тундрахъ, гдѣ земля не оттаеиваетъ, и потому трудно копать яму, покойника кладутъ въ ящикъ, укрѣпленный надъ землею на четырехъ высокихъ колыяхъ, такъ что гробъ стоитъ на воздухѣ. Въ мѣстахъ же, гдѣ земля талая, выкапываютъ неглубокую могилу, облачиваютъ ее дерномъ, и просто кладутъ покойника, надѣливъ его посудой и необходимыми, по мнѣнію Остяковъ, припасами. На могилу наваливаютъ тяжелый камень. На мѣстѣ погребенія совершается тризна: оленей, везшихъ умершаго, убиваютъ на кладбищѣ; часть мяса и кровь съѣдается на мѣстѣ родственниками и другими Остяками, провожавшими покойника; остальная часть мяса, а также нарта, на которой везли усопшаго, вмѣстѣ съ упряжью оставляются на кладбищѣ.

Остяки полагаютъ, что покойникъ не перестаетъ на томъ свѣтѣ заниматься тѣми же дѣлами, какъ и на землѣ; онъ употребляетъ пищу, и потому семейство умершаго, въ память его, дѣлаетъ маленькую куклу изъ разныхъ тряпокъ и разноцвѣтныхъ кусковъ сукна, съ металлическимъ изображеніемъ лица, нисколько впрочемъ не похожимъ на лицо. Эта кукла держится въ чумѣ или юртѣ, на любимомъ мѣстѣ покойнаго; во время обѣда помѣщаютъ куклу на то мѣсто, которое занималъ покойникъ, — словомъ, дѣлаютъ съ куклой все то, что онъ дѣлалъ, и продолжаютъ эти поминovenія цѣлый годъ, а у иныхъ и три года; послѣ этого куклу тоже

хоронять или кладутъ въ особо-устроенный для этого амбарикъ. Если въ одной юртѣ совершается поминаніе по нѣсколькимъ усопшимъ, то куклы дѣлаются разныхъ величинъ, сообразно возрасту умершихъ.

Остяки вообще народъ довольно смѣтливый; это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что на языкѣ ихъ существуетъ подробная и очень опредѣлительная географическая терминологія; ею воспользовалась экспедиція при составленіи своей карты, и во введеніи къ первому тому изданныхъ экспедиціею записокъ, г. Ковальскій помѣстилъ объясненіе этой карты.

Весьма замѣчательна также ловкость Остяковъ при исполненіи обыденныхъ занятій: все у нихъ приспособлено какъ нельзя лучше, хотя это все ограничивается весьма малымъ, потому что самыя занятія ихъ очень однообразны. Мужчины занимаются оленеводствомъ, рыболовствомъ, охотою; женщины—всѣмъ остальнымъ: онѣ топятъ печи, варятъ кушанье, выдѣлываютъ кожи, шьютъ изъ нихъ платье для всего семейства, изготовивъ напередъ родъ веревокъ изъ оленьихъ жилъ, служащихъ имъ нитками; онѣ собираютъ чумы и укладываютъ ихъ на нарты при перекочевкахъ; онѣ же ставятъ шалаши на мѣсто временнаго жилья.

У Остяковъ, какъ и у всѣхъ дикихъ народовъ, пляски въ большой модѣ; между прочимъ, есть у нихъ одна пляска, для которой они обвязываютъ себѣ голову, руки и ноги разноцвѣтными продолговатыми лоскутками или флагами, которые, по словамъ полковника Гофмана, придаютъ танцующимъ видъ флаговыхъ телеграфовъ въ полномъ дѣйствіи. Остяки упражняются также и въ музыкѣ: музыкальные инструменты ихъ состоятъ по большей части изъ пустыхъ ящичковъ различной формы, на которые натянуты оленьи кишки въ видѣ струнъ. По нимъ играютъ пальцами или смычкомъ.

Олень составляетъ, какъ извѣстно, главное богатство этихъ народовъ; можно сказать, что безъ сѣверныхъ оленей сѣверныя тундры были бы необитаемы. До сихъ поръ еще попадаются дикіе олени, скрывающіеся въ самыхъ неприступныхъ ущельяхъ сѣверной отлогости Урала, Пай-Хоя и въ особенности на островѣ Вайгачѣ. Они составляютъ цѣль трудной охоты; въ домашнемъ же состояніи значительно размножаются.

Самоѣды, повидимому, первые занимались оленеводствомъ; отъ нихъ это ремесло перешло къ Остякамъ, затѣмъ уже къ Вогуламъ, Зырянамъ и даже къ нѣкоторымъ Русскимъ. Впрочемъ Самоѣды-учители давно уже отстали и въ этомъ отношеніи отъ учениковъ своихъ; вѣроятно, для оленеводства не требуется никакого искусства, но заботливость необходима: безъ нея владѣлецъ стада рискуетъ потерять его. Олени въ домашнемъ состояніи сохраняютъ необыкновенную дикость и пугливость. Это животное на сѣверѣ могло бы сдѣлаться источникомъ не только благосостоянія, но даже и богатства, что доказываютъ болѣе цивилизованные и умные Зыряне села Ижмы, нерѣдко обладающіе большими капиталами, нажитыми оленеводствомъ. Остяки же, напротивъ, не умѣютъ богатѣть, и столь же быстро тратятъ свои деньги, какъ жаживаютъ ихъ. Водка и лѣнь губятъ это племя.

Все лѣто олени пастухи кочуютъ въ горахъ или въ тундрахъ, перегоняя стада свои съ мѣста на мѣсто, стараясь выбирать такія лощины, гдѣ есть снѣгъ, который въ глубокихъ ущельяхъ остается на весь годъ. Жаръ для оленя нестерпимъ. Пригнанное на мѣсто отдыха, стадо бросается тотчасъ на снѣжные толщи и располагается на нихъ для жвачки. Не менѣе лѣтняго жара мучать оленей рои комаровъ, которые отравляютъ жизнь даже и человѣку, среди лѣсовъ, часто живописныхъ и величавыхъ.

Зимою и лѣтомъ Остяки и Самоѣды ѣздятъ въ легкихъ саняхъ или *нартахъ*, состоящихъ изъ двухъ тонкихъ полозьевъ, съ такими же перекладами. Эти нарты дотога легки, что ничего не стоитъ поднять ихъ одною рукою; въ нихъ впрягаютъ отъ двухъ до четырехъ оленей, и для этого употребляютъ чаще всего оленей выложенныхъ. Вся сбруя состоитъ изъ ремней. Управление впряженными животными производится одною вожжей, привязанною къ шеѣ лѣваго пристяжнаго оленя, который служить водоконъ. Нарты съ поклажею привязываются одна за другую, и только на передней сидитъ возница, съ длиннымъ и тонкимъ березовымъ шестомъ въ рукѣ, употребляемымъ вмѣсто кнута. Если ему нужно отойти отъ саней, то онъ втыкаетъ свой шестъ въ землю и къ нему привязываетъ вожжу. Стадо бѣжитъ по бокамъ и сзади на волѣ; при немъ всегда пастухъ, на саняхъ, запряженныхъ тройкою оленей; за нимъ нѣсколько собакъ. Такимъ образомъ караванъ шествуетъ по снѣгу и по травѣ, въ болотѣ и въ

лѣсу, освѣщенный стѣвернымъ сіяніемъ, отблесками снѣга и блѣдыми лучами солнца.

Возница долженъ быть чрезвычайно внимателенъ къ своей упряжкѣ: если сани за что-либо зацѣпятся или опрокинутся, то какъ разъ разлетаются въ дребезги; если олень упадетъ, то его тотчасъ же задушить кожаный ошейникъ, служащій хомутомъ. Если дорогою оборвется вожжа, то нужно скорѣе набрасывать арканъ на рога водоку, въ противномъ случаѣ вся тройка пускается бѣгать по тундрѣ, совершая огромные круги—и тутъ только держись: такая скачка продолжается до совершеннаго утомленія животныхъ.

Запрягаютъ оленей весьма быстро; но поимка ихъ продолжается иногда часа два. Для этого все стадо обводятъ кругомъ веревкою, держа ее на нѣкоторой высотѣ, что стѣсняетъ оленей въ кучу; тогда пастухи входятъ въ средину стада и хватаютъ назначенныхъ въ упряжь за рога: это на время совершенно обуздываетъ дикихъ оленей и дѣлаетъ ихъ послушными.

Владѣльцы оленьихъ стадъ питаются преимущественно ихъ мясомъ, составляющимъ любимую ихъ пищу; къ этому мясу присоединяютъ также рыбу и дичь, которыми многіе Остяки принуждены довольствоваться, за неимѣніемъ оленей. Вообще говоря, Остяки и Самоѣды не чувствуютъ никакой нѣжности къ животному, доставляющему имъ всѣ средства къ существованію,—здесь незамѣтно ничего похожаго на романическую страсть бедуина къ коню своему. Напротивъ того, оленя убиваютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Упадетъ ли онъ отъ усталости дорогой, или переломитъ себѣ ногу — его тотчасъ пришибаютъ и ѣдятъ, никогда не думая подать ему помощи. Картина остякаго пира не имѣетъ ничего привлекательнаго: приводятъ оленя на арканъ, въ сопровожденіи жадной толпы, уже пожирающей его глазами; притягиваютъ его голову къ землѣ, ударяютъ обухомъ по затылку, и когда животное упадетъ на колѣна, ему вонзаютъ ножъ прямо въ сердце; мигомъ сдираютъ кожу, прорѣзываютъ отверстіе въ боку, вынимаютъ внутренности и потомъ перерѣзываютъ крупныя вены, изъ которыхъ кровь течетъ въ пустоту тѣла, очищенную отъ внутренностей. Затѣмъ каждый принимается за работу, вооружась острымъ ножомъ. Остяки вырѣзаютъ длинныя куски мяса, макаютъ ихъ въ теплую кровь, и

схвативъ зубами, отрѣзываютъ у самыхъ губъ. Такое поѣденіе оленя продолжается до тѣхъ поръ, пока остаются однѣ кости. Изумительны ловкость и проворство, съ которыми даже маленькія дѣти владѣютъ ножомъ, при этой операціи: полковникъ Гофманъ говоритъ, что онъ безпрестанно ждалъ, что ребенокъ отрѣжетъ себѣ носъ и губы, — на что матери отвѣчали только смѣхомъ.

Скопище жадныхъ Остяковъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры и пожирающихъ сырое мясо, въ виду дикихъ горъ и безлѣсной тундры, имѣетъ въ себѣ нѣчто отвратительное. Эти дикари съ такою поспѣшностью предаются удовольствію своего каннибальскаго аппетита, что при этомъ ихъ лица, руки и все платье, забрызганы кровью. Полунагія дѣти ихъ, ползая вокругъ оленьяго трупа, не отстаютъ отъ своихъ родителей и придаютъ картинѣ еще болѣе непріятный видъ. Впрочемъ, говоритъ полковникъ Гофманъ, если вспомнить, что у Остяковъ нѣтъ ни вилокъ, ни ложекъ, то способъ ихъ окажется весьма удобнымъ, а мясо оленья съ кровью дѣйствительно очень вкусно. Остяки и Самоѣды особенно лакомы до сырой или жареной кожи съ молодыхъ оленьихъ роговъ. Жадность ихъ до этого яства такъ велика, что дорогою Остякъ иногда останавливаетъ свою упряжь и отрѣзываетъ у живаго оленя кусокъ молодаго рога, а такъ какъ эта операція весьма опасна и кровь изъ изуродованнаго рога стремится съ силою, то его напередъ перевязываютъ крѣпко веревкою или жилою. Для оправданія себя Остякъ говоритъ, что это здорово оленю, потому что кровь, которая копится въ рогахъ во время ихъ роста, возвращается опять въ тѣло и способствуетъ къ его укрѣпленію.

Образъ жизни Самоѣдовъ не многимъ отличается отъ остяцкаго: они стоятъ еще одною степенью развитія ниже Остяковъ. Наружность ихъ сохраняетъ болѣе рѣзкій монгольскій типъ; они ростомъ меньше, тѣломъ плотнѣе, особенность же ихъ состоитъ въ томъ, что нижняя часть спины сильно вдается впередъ, а тазъ оттопыривается назадъ, такъ что въ этомъ отношеніи они сходятся съ нѣкоторыми Готтентотами. Вообще они еще дѣлнвѣе и неопрятнѣе Остяковъ, кочуютъ груглый годъ, перенося свои жилища, которыя на лѣто дѣлаются изъ березовой коры, а на зиму изъ оленьихъ шкуръ. Одежда Самоѣдовъ почти та же, что

и у Остяковъ. Новорожденныхъ дѣтей завертываютъ въ оленьи шкуры, обращенныя шерстью внутрь. Такихъ пеленокъ для сѣбѣ только двѣ: можно себя представить, въ какой грязи пребываютъ несчастныя дѣти, которыхъ притомъ никогда не моютъ; они дѣлаются жертвою нечистоты и насѣкомыхъ, и большею частію умираютъ. Тѣ же, напротивъ, которые переживаютъ испытаніе пеленокъ, развиваются необыкновенно быстро, — разумѣется только физически. Полковникъ Гофманъ не мало удивлялся тому, что дѣти, еще не умѣющія ни ходить, ни говорить, сами подползали къ посудѣ съ водою и, зачерпывая воду ковшомъ, удовлетворяли своей жадѣ. Обжорство этихъ дѣтей неимоверно: самоѣдскій ребенокъ никогда не сытъ, говоритъ полковникъ Гофманъ; одинъ изъ такихъ дѣтей, находившійся нѣкоторое время при членахъ экспедиціи, дотого наѣдался, что, смотря на него сзади, можно было видѣть раздувшійся на обѣ стороны животъ его. Лица самоѣдскихъ дѣтей не лишены пріятности; отъ рожденія и до пяти лѣтъ они всегда ходятъ нагіе.

На югъ отъ земель, населенныхъ Остяками, — къ востоку и югу отъ истоковъ рѣки Вишеры, — слѣдовательно въ горахъ и за горами, живутъ Вогулы, народъ также монгольскаго происхожденія, но несравненно уже болѣе развитой, нежели Остяки и Самоѣды. Одежда ихъ по матеріалу и покрою походитъ на русскую, фізіономія мало напоминаетъ монгольскій типъ, хотя языкъ почти тотъ же, что у лапинскихъ Остяковъ. Они живутъ въ избахъ. Охота и рыболовство составляютъ главные ихъ занятія, которыми они съ жаромъ и увлеченіемъ предаются во всю зиму. Лѣтомъ же отправляются по домамъ и отдыхаютъ среди довольства.

Уединенный образъ жизни, среди лѣсовъ и тундръ, слѣлалъ Вогула суровымъ, молчаливымъ и упрямымъ. Онъ не любитъ тратить пустыхъ словъ и вообще совсѣмъ не общителенъ; но неутомимъ въ трудахъ, также какъ невозмутимъ во время отдыха.

II.

Теперь остается намъ говорить о Зырянахъ и Русскихъ, которыхъ повидимому суждено въ послѣдствіи и на тундрахъ заступитъ мѣсто Самоѣдовъ и Остяковъ.

Зыряне дѣлятся на два народа: на Зырянъ вологодскихъ и Зырянъ архангельскихъ, или ижемскихъ. Первые считаютъ себя выходцами новгородскими, потомками бѣжавшихъ изъ-подъ Новгорода, во время осады его царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Они населяютъ берега верхней Печоры. Этотъ народъ отличается большою дѣятельностью. Живутъ они по-русски, вѣра ихъ грекороссійская—большею частію старообрядская; занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, присоединяя къ тому охоту и рыбную ловлю. Безпечность и наклонность къ веселой жизни причиною тому, что они рѣдко накапливаютъ себѣ нѣкоторый капиталъ. Когда вологодскій Зырянинъ собирается на долгую охоту, то хозяйка нагружаетъ его сани или телегу всевозможными матеріалами: все, что есть въ домѣ съѣстнаго, выкладывается ему за разъ. Съ нимъ же отправляется несчетное число звѣриныхъ и оленьихъ шкуръ, для постели и одѣяла. Передъ отъѣздомъ Зырянинъ отправляется въ баню, откуда прямо, въ одной рубахѣ, онъ залегаетъ въ сани, покрывается мягкими мѣхами, между тѣмъ какъ жена его садится верхомъ на запряженную лошадь и везетъ на первый привалъ.

Ижемцы несравненно энергичнѣе, не такъ любятъ нѣжиться и веселиться. Самая фizioномія ихъ выражаетъ предприимчивость и твердость. Они населяютъ берега рѣки Ижмы, по имени которой и себя называютъ, такъ же какъ живущіе на Печорѣ зовутся Печорцами. Ижемцы отличаются смѣлливостью въ торговыхъ оборотахъ, вслѣдствіе чего нерѣдко наживаютъ большіе капиталы. Въ настоящее время главнѣйшимъ ихъ занятіемъ сдѣлалось оленеводство, перенятое ими у Самоѣдовъ. Вотъ что говоритъ полковникъ Гофманъ о дѣятельности ижевскаго Зырянина:

«Бойкій умъ, вмѣстѣ съ расчетливостью, равнодушіе къ опасности, трудностямъ, и неимовѣрное стремленіе къ корысти тотчасъ проявляются въ рѣчахъ Ижемца. Орлиный носъ его, атлетическіе члены, смѣлый взглядъ, вѣрная походка, бросаются въ глаза и тотчасъ напоминаютъ о разности происхожденія ижевскихъ и печорскихъ Зырянъ. Съ помощью своей бойкости и благо-разумія, Ижемцы извлекаютъ изъ полярной тундры такіе плоды, какихъ никто не могъ ожидать, до ихъ прибытія. Постоянная твердость въ надзорѣ за стадами и искусное обхожденіе съ ними, такъ же какъ умѣніе ими пользоваться, достойны удивленія. Въ

ясную погоду и днемъ хозяинъ-Зырянинъ вѣрять присмотръ за стадомъ пастуху-Самовѣду; но въ туманъ, дождь или метель онъ бодрствуетъ при немъ лично, день и ночь, на запряженныхъ нартахъ, съ своими собаками; смѣло отгоняетъ волковъ и какъ бы далеко ни отошли олени отъ чума, онъ непременно отыщетъ и пригонитъ ихъ назадъ. Съ особою заботливостью ухаживаетъ онъ за молодыми оленями, и потому стадо его быстро размножается. Такъ какъ главная цѣнность оленя заключается въ шкурѣ, а шкура дѣлается годною къ выдѣлкѣ только осенью, то Ижемцы въ продолженіе лѣта питаются соленою рыбой, дичью и т. под., оленей же убиваютъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Когда же, въ концѣ сентября, начинаются зимніе морозы, хозяинъ бьетъ нѣсколько сотъ и даже болѣе тысячи оленей, смотря по величинѣ стада. Мясо частію солится впрокъ, частію отвозится черезъ Уралъ на берега Оби, гдѣ за каждую тушу онъ выручаетъ до двухъ рублей серебромъ. На эти деньги хозяинъ покупаетъ: осетровъ, доставляемыхъ имъ въ Архангельскъ и Петербургъ; пушный товаръ, идущій въ Ирбитъ и Нижній Новгородъ; муку, сплавляемую по Печорѣ, и другіе товары, служащіе для мѣны съ кочующими племенами, что доставляетъ ему огромныя выгоды. Изъ оленьихъ шкуръ дѣлаетъ Ижемецъ мѣховое платье и обувь, или выдѣлываетъ замшу, которую сбываетъ въ Нижній и въ Москву, получая за шкуру отъ полутора до двухъ рублей серебромъ. Такимъ образомъ, во-время убитый олень доставляетъ Ижемцу до 4 р. сер., не считая прибыли отъ оборота этихъ денегъ. Есть Зыряне, владѣющіе стадомъ въ шесть и даже въ семь тысячъ головъ. Изъ такого стада ежегодно позволяется убивать тысячи полторы, слѣдовательно доходъ равняется 6,000 р. сер., безъ малѣйшихъ издержекъ, кромѣ личныхъ заботъ и трудовъ. Такъ какъ Зырянинъ проживаетъ не болѣе 500 р. сер. въ годъ, то не мудрено, что есть Ижемцы, владѣющіе капиталами отъ 30 до 50 тысячъ рублей серебромъ, и распространяющіе богатство по всему приходу. Никакое торговое или промышленное предпріятіе не чуждо Ижемцу: его предпримчивость и настойчивость такъ сильны, что даже неудача неспособна сбить его съ избраннаго пути, лишь бы онъ былъ убѣжденъ въ пользѣ принятаго дѣла.»

Русскіе, живущіе по верхней Печорѣ и Вишерѣ, кромѣ земле-

дѣла и скотоводства, занимаются съ особымъ рвеніемъ охотою. Обратимся теперь къ этому промыслу, общему всѣмъ сѣверо-уральскимъ народамъ, и производящемуся тамъ повсюду одинаковымъ образомъ.

Охота и рыболовство сѣверо-восточной Россіи важны отнюдь не менѣе оленеводства; можно сказать, что они даже важнѣе, потому что распространены повсюду, и ими живетъ болѣе народа, нежели оленеводствомъ. Последнее, будучи въ рукахъ дикарей, далеко не приноситъ той пользы, какую могло бы приносить; однако можно надѣяться, что въ послѣдствіи сѣверный олень не только будетъ источникомъ богатства суровой страны, приходящейся ему такъ по вкусу, но что и всякія произведенія, извлекаемыя изъ этихъ животныхъ, распространятся несравненно болѣе нежели теперь. И теперь уже въ ходу замша, выдѣлываемая изъ оленьихъ шкуръ: такъ-называемыя *шведскія* перчатки шьются изъ нея; оленье мясо уже очень охотно раскупается на нѣкоторыхъ сѣверныхъ рынкахъ: но все это еще въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Кожа, мясо, рога, молочные скопы, даже крѣпкія жилы этихъ животныхъ,—вотъ предметы, которые вездѣ найдутъ потребителей, и слѣдовательно распродажа ихъ должна увеличить благосостояніе сѣверо-уральскихъ жителей.

Въ тамошнемъ краю охота производится двоякимъ образомъ: посредствомъ западней и ловушекъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Русскіе повидимому предпочитаютъ настоящую охоту; Самоѣды же и Остяки, употребляющіе до сихъ поръ лукъ и стрѣлы, за неимѣніемъ ружей, охотятся преимущественно съ помощью сѣтей и западни.

Важнѣйшія отрасли охоты суть ловля пушныхъ звѣрей и птицеводство. Пушные звѣри Сѣверо-уральскаго края хотя и несравненно хуже сибирскихъ, и количество ихъ ежегодно уменьшается, но тѣмъ не менѣе торговля мягкою рухлядью оказывается тамъ еще весьма прибыльною.

Охотникъ вооружается обыкновенно двумя огнестрѣльными оружіями: винтовкою и ружьемъ съ широкимъ дуломъ, называемымъ *туркою*. Стволы этихъ ружей такъ дурно устроены и такъ невѣрны, что только терпѣніе и сноровка при-уральскихъ охотниковъ могутъ сдѣлать ихъ къ чему-либо годными. Винтовка употребляется для мелкихъ звѣрей и птицъ, а ружье

или турка для крупныхъ. Какой-нибудь кузнецъ выкуетъ этотъ стволъ, потомъ охотникъ уже самъ его выѣряетъ по-своему; самъ скоблитъ, чиститъ, выправляетъ, придѣлываетъ къ нему грубое ложе, потомъ изучаетъ его причуды и наконецъ стрѣляетъ очень мѣтко съ подставки: въ летъ здѣсь стрѣлять не умѣютъ. Винтовка заряжается кускомъ свинца, который охотникъ носить при себѣ, въ видѣ толстой проволоки, и откусываетъ каждый разъ какъ понадобится. Для турки отливаются особые пули.

Самоѣды и Остяки охотятся урывками, какъ вздумается. Въ этомъ случаѣ цѣль ихъ—добыть ясакъ, или подать, уплачиваемую казнѣ шкурами. Торгъ мѣхами здѣсь запрещенъ до тѣхъ поръ, пока ясакъ не выплаченъ. Его собираютъ особые старшины, разѣзжающіе для этой цѣли по округу, каждому изъ нихъ назначенному, и ожидаютъ полного сбора въ назначенныхъ пунктахъ. Сюда пріѣзжаютъ купцы съ разными товарами, и такимъ образомъ составляются очень многолюдныя ярмарки, на которыхъ производится весьма оживленная мѣховая торговля. Мѣха, собранные для ясака, оцѣниваются особыми чиновниками отъ казны. Излишекъ противъ положенной цѣнности выплачивается вручителямъ ясака. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Гофманъ, это рѣдко случается, потому что оцѣнщики цѣнятъ мѣха въ массѣ, а не для каждого лица въ отдѣльности; Остяки же и Самоѣды вѣнчаютъ себѣ въ особую честь представлять въ видѣ ясака лучшіе мѣха, не заботясь о цѣнности ихъ или излишкѣ. Такъ одинъ Остякъ, «князь обдорскій», доставляетъ ежегодно за себя и за свое семейство въ казну превосходную черную лисицу, которой цѣнность далеко превышаетъ слѣдующій за него ясакъ. Въ казначействѣ мѣха сортируются, и изъ нихъ простые отсылаются въ Ирбитъ, а отборные отсылаются въ кабинетъ Его Императорскаго Величества, въ С. Петербургъ, гдѣ часть ихъ ежегодно продается съ публичнаго торга. Вымѣненные торговцами мѣха также отправляются на ярмарку въ Ирбитъ и въ Нижній-Новгородъ, гдѣ ихъ покупаютъ гуртомъ московскіе и петербургскіе купцы, сортируютъ еще разъ и потомъ распродаютъ по частямъ. Такимъ образомъ эти богатые мѣховщики дѣлаютъ выборъ изъ всей массы мѣховъ, добываемой въ Россіи, и потому не удивительно, если въ обѣихъ русскихъ столицахъ можно достать лучшія шубы, и притомъ по меньшей цѣнѣ, не-

жели на самомъ Уралѣ, гдѣ мѣха находятся, такъ-сказать, у себя дома.

Главное время охоты зимою, потому что пойманную или убитую птицу въ это время легче перевозить въ отдаленныя мѣста; мѣха же пушныхъ звѣрей получаютъ свое настоящее достоинство только съ октября до половины января.

Вотъ какъ полковникъ Гофманъ описываетъ жизнь свѣро-уральскихъ охотниковъ.

«Въ ноябрѣ и декабрѣ, когда морозъ прогоняетъ звѣрей изъ горъ, а птицъ изъ тундръ въ лѣса; когда древесныя вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣга, покрывающаго землю на нѣсколько футовъ; въ это время начинается охота въ большихъ размѣрахъ. Двое, трое и болѣе охотниковъ выходятъ вмѣстѣ на промыселъ; провіантъ берется на нѣсколько недѣль и складывается на легкія, ручныя нарты, длиною отъ восьми до девяти, а шириною около одного фута. Въ числѣ провизіи находятся огнестрѣльные припасы, разнаго рода одежда, тулупы, посуда, соль, крупа, мука, сухари и проч. Охотникъ собственною особою запрягается въ нарты, привязываетъ къ ногамъ длинныя, тонкія лыжи, которыхъ нижняя часть обтянута кожей съ оленѣихъ ногъ, чтобъ не скользили при всходѣ на гору, и въ короткой мѣховой одеждѣ, съ ножомъ за поясомъ, отправляется въ лѣса. У каждаго охотника есть собаки. Если мѣстность, избранная для охоты, обильна дичью, то наскоро устраивается изъ бревенъ шалашъ, для складки добычи. Если же на долгое время лѣсъ не общаетъ поживы, то охотники оставляютъ свой провіантъ гдѣ-нибудь въ безопасности отъ дикихъ звѣрей, что гораздо легче сдѣлать зимою, когда самый опасный хищникъ, медвѣдь, залегаетъ въ свою берлогу. Часть припасовъ берутъ съ собою въ лукошкахъ и прячутъ въ такія мѣста, гдѣ намѣрены ночевать. Тутъ, во время отдыха, устраиваютъ два балагана, которыхъ переднія, открытыя стороны обращены одна къ другой, такъ, что между ними остается очень малое пространство, на которомъ разводять огонь. Балаганы окутываются еловыми вѣтвями, мелкими же вѣточками устилаютъ полъ, то-есть крѣпко-притоптанный снѣгъ. Тутъ охотники варятъ въ котлѣ дичину, или жарятъ ее на вертелѣ; сдираютъ шкуры съ убитыхъ въ продолженіе дня звѣрей, что исполняютъ они необыкновенно ловко и проворно.

«Шкуры распячиваются и вѣшаются на открытомъ воздухѣ для просушки. Потомъ охотники берутъ два бревна и во всю ихъ длину вырубаютъ по желобу. Одно бревно кладется на снѣгъ вдоль обоихъ балагановъ, въ желобъ насыпаютъ горячихъ угольевъ и накрываютъ другимъ выдолбленнымъ бревномъ. Огонь отъ угольевъ сообщается обоимъ бревнамъ, но вспыхнуть не можетъ, по недостатку воздуха; съ обоихъ сторонъ вылетаетъ теплый дымъ, который кружится надъ спящими охотниками всю ночь, пока они, укутавшись въ тулупы, спокойно отдыхаютъ отъ тяжелыхъ трудовъ прошедшаго дня; должно замѣтить, что они всегда разуваются на ночь, чтобы дать просохнуть своей обуви, и несмотря на то, имъ очень тепло въ балаганѣ.

«На другой день, приведя въ порядокъ свои охотничьи орудія, охотникъ плотно завтракаетъ и вслѣдъ затѣмъ опять пускается рыскать цѣлый день за добычею. Такъ живетъ мужественный обитатель здѣшнихъ пустынь, до тѣхъ поръ пока огнестрѣльные припасы его не истощатся, или пока не удовлетворится совершенно своею добычею. Въ теченіе зимы они выручаютъ до 60 р. сер. Если сначала охоты посчастливится имъ убить нѣсколько крупныхъ звѣрей, то они тѣмъ и ограничиваются, и все остальное зимнее время покоятся дома. Если же попадаютъ имъ только птицы и бѣлки, то охотники остаются въ лѣсахъ очень долго, и иногда переходятъ за предѣлы своей родины. Если же и тутъ не удастся поправить дѣла, то входятъ въ долги, и одна надежда у нихъ остается на рыбную ловлю. Остяки и Самоѣды, какъ я уже сказалъ выше, охотятся урывками, какъ имъ вздумается. Вогулы странствуютъ на охотѣ всю зиму.»

По возвращеніи въ избу свою, охотникъ дня два проводитъ въ отдыхѣ, а потомъ снова принимается за труды: выдѣлываетъ окончательно шкуры, для мѣноваго торга, а дичину хранить на ледникъ до прибытія покупателя, то-есть сельскаго торговца или купческаго прикащика изъ ближайшаго города. Эти торговцы развѣзжаютъ по селеніямъ и вымѣниваютъ мѣха на товары или забираютъ шкуры въ счетъ денегъ, выданныхъ звѣреловамъ впередъ. Рѣдкій охотникъ не долженъ какому-нибудь купцу, который, съ своей стороны, находитъ выгоднымъ, чтобы покупатель всегда оставался хотя въ небольшомъ долгу.

Такимъ образомъ купецъ всегда находитъ обить своему товару,

а охотникъ получаетъ все необходимое для своего домашняго быта, и могъ бы быть совершенно доволенъ своею судьбой, если бы не вода, которая несмотря на все завращенія мѣстнаго начальства, входитъ въ составъ мѣноваго торгоу и рѣшительно губитъ тамошнихъ жителей.

Но обратимся къ охотѣ. Собаки, употребляемыя здѣсь, служать и гончими и лягавыми, а иногда бываютъ одарены драгоценною неустрашимостью, вслѣдствіе которой бросаются даже и на медвѣдя и до тѣхъ поръ рвутъ и беспокоятъ его, пока пуля охотника не повалитъ звѣря замертво. Эти собаки болѣею частію бываютъ черныя или пѣгія, и съ виду походятъ на найникъ овчарокъ, имѣющихъ длинную шерсть и остроконечную морду. Ихъ не подвергаютъ никакой особой дрессировкѣ, а берутъ на охоту попарно, чтобы одна другой придавала жару, и такимъ образомъ онѣ постепенно привыкаютъ къ своему дѣлу. Ихъ весьма дурно кормятъ и вообще за ними нѣтъ никакого ухода; за то охотникъ долженъ держать ухо востро: если такому псу попадется подъ лапу убитый звѣрь или птица, онъ не преминетъ съѣсть ихъ.

Пушные звѣри Сѣверо-уральскаго края суть медвѣди, росомахи, волки, лисицы, песцы, иначе называемые *крестовиким*, соболі, куницы, горностаи, выдры и бѣлки.

Медвѣдей два вида: бурый и бѣлый или полярный. Первый водится здѣсь въ трехъ разностяхъ: черный, котораго мѣхъ цѣнится дороже всехъ остальныхъ (отъ 8 до 10 р. сер.); коричневый, коего шкура стоитъ 4 р. сер.; и *муравейникъ* или мелкій медвѣдь, котораго названіе произошло оттого, что онъ разгребаетъ муравьиныя кучи и лакомится муравьиными яйцами. Охотники отзываются о немъ съ презрѣніемъ. Бѣлый медвѣдь рѣдко заходитъ на тундру со льдовъ Карскаго моря.

Медвѣдей здѣсь стрѣляютъ изъ ружей, съ подмоетковъ, устроенныхъ гдѣ-нибудь на деревѣ, или подстерегаютъ ихъ около задранный коровы (къ которой непременно медвѣди возвращаются, если не успѣли съѣсть ее); или же охотятся за ними по формѣ: съ ружьемъ и собаками.

Росомахи, которыхъ шкуры цѣнятся недорого и употребляются туземцами преимущественно на шапки и женскія платья, ловятся западнями. Волковъ туземцы весьма опасаются, потому

что они опаснѣе всякаго другаго звѣря для оленей. Они такъ смѣливы, что не попадаютъ ни въ какую западню, а охотника чуютъ издалека. Смѣлость и ловкость ихъ такъ велики, что они жерѣдко сѣдаютъ другихъ животныхъ, попавшихъ въ западню. Здѣшніе охотники считаютъ ихъ хитрѣе лисицы: «лиса», по ихъ выраженію, *плутоска*, а волкъ настоящая *шалыма*. Поэтому волки попадаютъ рѣдко, да и мѣхъ ихъ малоцѣненъ. Напротивъ того лисицы Сѣверо-уральскаго края даютъ самыя дорогіе мѣха. Ихъ нѣсколько разновидностей одного и того же вида. Въ каменистыхъ горахъ лисицы почти совершенно бѣлыя; остальные представляютъ всевозможныя оттѣнки отъ желторыжаго къ чернобурому; есть даже совершенно черныя, какъ уголь. Последнія цѣнятся всѣхъ дороже: иногда до 30 р. сер. за шкуру. Туземцы увѣряютъ, что въ одной и той же норѣ находятъ часто лисятъ всѣхъ оттѣнковъ, и красныхъ и чернобурыхъ. Лисицъ ловятъ капканами, подстерегаютъ и стрѣляютъ изъ ружей или гоняютъ въ нартахъ. Последний родъ охоты употребляется особенно Самоѣдами: онъ весьма живописенъ и забавенъ.

Нѣсколько нартъ, запряженныхъ рѣзвыми оленями, ѣдутъ по слѣдамъ звѣря, и завидѣвъ его пускаются за нимъ съ разныхъ сторонъ, стараясь выгнать въ чистое поле. Когда загнанная лиса утомится, ее убиваютъ шестами съ желѣзными остріями на концахъ, употребляемыми вмѣсто кнута для понуканія оленей. Лисятъ также выбираютъ изъ норъ и такъ дорожатъ ими, что держать дома на цѣпи, съ мягкими ошейниками. Такъ кормятъ ихъ до осени и тутъ уже убиваютъ. Шкура выкормленныхъ звѣрей цѣнится гораздо ниже, но охотникъ употребляетъ всевозможныя заботы и даже совершенно особую пищу, чтобы довести шерсть до лучшаго состоянія пушистости и тонины.

Песцовъ или *крестовиковъ* ловятъ большею частію капканами; но ихъ мѣхъ не цѣненъ, и потому употребляется чаще туземцами.

По рѣкамъ водится здѣсь множество выдръ, которыхъ ловятъ собаками и убиваютъ острогами; ихъ мѣхъ цѣнится отъ 7 до 10 р. сер. на мѣстѣ, за каждую шкуру. Соболі, куницы и бѣлки добываются стрѣльбою изъ ружей, или изъ лука; шкуры ихъ довольно цѣнны. Эти мелкія животныя держатся обыкновенно по деревьямъ: тутъ ихъ и стрѣляютъ. Бѣлки особенно многочис-

еленны: сѣрыя, зимнія шкурки ихъ составляютъ главный предметъ сѣверо-уральской охоты и главный мѣховой товаръ. Поэтому, несмотря на малоцѣнность каждой шкурки, стбщей отъ 5 до 6 р. сер., добыча эта вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ.

Въ тѣ года, когда бываетъ урожай на еловые и кедровыя шишки, бѣлки размножаются неимоვნно. Причиною тому, между прочимъ, и необыкновенная плодовитость ихъ: каждая приноситъ отъ 10 до 14 дѣтенышей въ годъ. Уральскій пушной товаръ, какъ мы уже замѣтили выше, цѣнится вообще ниже сибирскаго. Такъ самыя лучшія соболи стоятъ здѣсь 7 р. сер. за мѣхъ, въ Иркутскѣ же до 30. Куница уральская, напротивъ того, цѣнится весьма высоко, отъ 3 до 4 р. сер. Горностаи, водящіеся необильно на Уралѣ, разыскиваются однако весьма тщательно, потому что цѣнны. Такъ какъ они живутъ подъ древесными корнями или подъ камнями, то ихъ очень трудно бить, а потому для нихъ устраиваются западни.

Кромѣ пушныхъ звѣрей, въ Сѣверо-уральскомъ краю водятся также лоси и сѣверные, дикіе олени. За ними охотятся съ ружьями и собаками. Лосиная охота начинается въ августѣ, потому что мясо этихъ животныхъ особенно вкусно въ это время. Дикихъ оленей ловятъ и стрѣляютъ зимою; весною же и лѣтомъ они уходятъ далеко на сѣверъ, потому что боятся и не могутъ сносить жара. Ихъ всего болѣе на островѣ Вайгачѣ, куда они ежегодно переправляются. Шкуры лосей и оленей выдѣлываютъ въ мѣха или въ замшу, мясо потребляется на мѣстѣ, частію же замораживается и идетъ въ продажу. Кромѣ вышепоименованныхъ звѣрей водятся здѣсь еще норки, составляющія также одинъ изъ предметовъ охоты; но ихъ очень мало. Бобры, нѣкогда здѣсь обитавшіе, исчезли совершенно.

Теперь перейдемъ къ птичьей охотѣ, которая также доставляетъ значительные доходы сѣверо-уральскимъ жителямъ. Въ особенномъ изобиліи водятся здѣсь тетерева, куропатки и рябчики; за тѣмъ слѣдуютъ водяныя: гуси, утки, лебеди, а также разныя кулики.

Тетеревовъ здѣсь четыре вида: обыкновенный *рябчикъ*; всѣмъ извѣстный *глухарь*—огромная и красивая птица съ чернобронзовыми перьями у самцовъ и рябчатокрасными у самокъ; *те- жеревъ-косачъ*, или *сосачъ*, также чернобронзовый, но отличаю-

иди́йся двукра́внистымъ хвостомъ; и наконецъ самый замѣчательный по виду сляжскій тетеревъ (*Tetrao lagopus*), живущій только въ сѣверо-восточной Россіи. Эта птица, лѣтомъ рябчатобурая, зимою становится совершенно бѣлою какъ снѣгъ; ноги ея до самыхъ когтей, чрезвычайно густо одѣты перьями. Она водится несмѣтными стаями на тундрахъ и поляхъ, но несмотря на крупность ея роста, ее очень трудно отличить отъ снѣга, на второмъ она постоянно держится зимою.

Всѣхъ этихъ птицъ стрѣляютъ изъ ружей, но самая прибыльная охота производится разнообразными силками и западнями. Стрѣльба тетеревовъ въ Сѣверо-уральскомъ краю очень занимательна; но птица эта водится въ такомъ множествѣ, что истый охотникъ нашелъ бы, можетъ-быть, уральскую охоту недостойною искусства, и назвалъ бы ее бойнею.

При стрѣляніи тетеревовъ, говоритъ г. Гофманъ, собака необходима: ея лай приковываетъ ихъ къ дереву какъ бы волшебною силой. Тетерева, не трогаясь съ мѣста, смотрятъ на прыгающаго внизу пса до тѣхъ поръ, пока зоркій глазъ ихъ не откроетъ приближающагося охотника. Осенью тетерева цѣлыми стадами садятся на дерево. При первомъ выстрѣлѣ, сбившись одного изъ нихъ съ вѣтки, всѣ косачи поднимаются и садятся опять на другое дерево, не вдалекѣ отъ прежняго; глухари же до того глупы или ошеломлены страхомъ, что не двигаются съ мѣста; ихъ можно почти всѣхъ перестрѣлять по-одиночкѣ. Такъ напримѣръ г. Брандтъ, коллекторъ экспедиціи, застрѣлилъ этихъ способомъ восемь штукъ глухарей, сидѣвшихъ на одномъ и томъ же деревѣ, и зарядилъ въ это время три раза свое ружье.

Западни и силки, употребляемые для изловленія тетеревовъ, довольно разнообразны, и посредствомъ ихъ ежегодно истребляются милліоны тетеревовъ и рябчиковъ. Особенно достается снѣжнымъ тетеревамъ и бѣлымъ куропаткамъ, гнѣздящимся во множествѣ въ извѣстѣ на сѣверной тундрѣ. Уловъ этой птицы необычаенъ: на островѣ Просканѣ (на Печорѣ) есть пять дворовъ, и каждый изъ хозяевъ, въ продолженіе зимы и осени, въ среднемъ изловляетъ до 10,000 бѣлыхъ куропатокъ. Въ ноябрѣ 1848 года, во время пребыванія тамъ полковника Гофмана, у хозяина его было уже припасено ихъ 7,000. Впрочемъ цѣнность этой птицы весьма не велика: на Печорѣ пара снѣжныхъ тетеревовъ

стоятъ отъ 3 до 4 к. сер., пара рябчиковъ отъ 7 до 8 к., пара косачей отъ 8 до 9 к., пара глухарей отъ 12 до 13 к. сер., такъ что каждый изъ просианскихъ крестьянъ ежегодно можетъ выручить отъ 1,500 до 2,500 руб. сер., — доходъ, которымъ не пренебрегли бы люди и съ болѣ развитыми потребностями!

Гусей и лебедей, во время пролета ихъ, стрѣляютъ изъ ружья; на самомъ свѣрлѣ лебедей бьютъ пулями. Шкуры ихъ выдѣлываются мѣхами и цѣнятся въ 30 к. сер. за штуку. Полковникъ Гофманъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ привязанности лебедей къ дѣтенышамъ. Быстро плывя на лодкѣ внизъ по рѣкѣ, г. Гофманъ и спутники его завидѣли пару лебедей съ тремя молодыми. Гребцы тотчасъ погнались лодку на эту облюбованную пару. Самецъ-лебедь, или, какъ его здѣсь называютъ, казакъ, не допустивъ лодку на десять шаговъ, взлетѣлъ и недалеко опустился на воду; самка же прикрывала отступленіе дѣтей своихъ, сильнѣе нырнуть въ воду, но еще не имѣвшихъ для того достаточно силы. Туземные охотники сообщили г. Гофману, что если въ пары лебедей, еще не имѣющихъ дѣтенышей, убьютъ лебедку, то казакъ не улетаетъ, но гибнетъ при ней; если же, напротивъ, убить лебедя, то самка улетаетъ. «Такимъ образомъ, прибавляетъ г. Гофманъ, въ казакъ-лебедѣ любовь супружеская сильнѣе любви къ дѣтямъ, въ самкѣ же напротивъ преобладаетъ чадолюбіе, и можетъ-быть это законъ общій.»

Утки, которыхъ здѣсь нѣсколько видовъ, водятся во множествѣ. Ихъ стрѣляютъ изъ ружей и ловятъ сѣтями, западками и силками. Въ инныхъ мѣстахъ устраиваютъ даже нѣчто въ родѣ искусственныхъ утиныхъ гнѣздъ, для извѣстныхъ породъ, которыя ими пользуются охотно. Хозяева такихъ гнѣздъ отъ времени до времени приходятъ къ нимъ и выбираютъ оттуда всѣ яйца. Странно, что гнѣзда эти, имѣющія видъ высокихъ корзинъ, становятся на довольно возвышенныхъ пняхъ, у береговъ рѣки или озера.

Обиліе дичи вообще такъ велико въ Уральскомъ краю, что безъ всякаго опасенія можно пускаться въ довольно далекій путь, не взявъ съ собою никакихъ припасовъ кромѣ ружья, несмотря на то, что селенія въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно рѣдки и малочисленны. Охотники-промышленники болѣею частію такъ небрежны и безпечны, что долго не ходятъ осматривать своихъ сѣтей или западней; отъ этого случается, что бездна птицъ,

въ нихъ попавшихся, умираетъ съ голода, или въ мученіяхъ, отчего и самое мясо, вѣроятно, портится. Особенно жестоки въ этомъ отношеніи сѣлки, въ которые тетерева попадаютъ часто ногами и остаются въ одномъ положеніи, не будучи въ состояніи достать пищи.

Мясо крупныхъ животныхъ, какъ-то оленей и лосей, отправляется съ сѣвернаго Урала преимущественно въ обѣ столицы. Мерзлая дичина всякаго рода препровождается сначала на Пинежскую ярмарку, а оттуда купцы развозятъ дичь по всѣмъ большимъ городамъ. Въ столицахъ держатъ дичь до самаго лѣта въ огромныхъ ледникахъ и продаютъ вдесятеро дороже того, что она стѣбитъ на мѣстѣ.

Обращаемся теперь къ рыболовству сѣвернаго Урала, которое, повидимому, важнѣе въ сибирской его части, нежели въ европейской. Въ рѣкахъ, текущихъ въ Ледовитое море, по сю сторону хребта, замѣчаетъ г. Гошманъ, — вовсе нѣтъ осетровъ, тогда какъ по ту сторону они довольно обильны. Замѣчательнъ фактъ, сообщаемый г. Гошманомъ относительно стерлядей: эта рыба только съ недавняго времени стала водиться въ рѣкахъ Бело-морскаго и Ледовитаго бассейновъ; она пришла сюда изъ Камы, черезъ Южную Кельтму, въ Сѣверную Кельтму и еще далѣе, именно съ тѣхъ поръ, какъ Екатерининскій каналъ, соединяющій обѣ эти рѣки, признанъ не соответствующимъ своему назначенію, и шлюзы на немъ уничтожены.

Зыряне, прежде вовсе не знавшіе стерляди, называли ее *долюносымъ чортовымъ отродьемъ* и бросали назадъ въ воду, что еще способствовало къ ея размноженію. Теперь же она начинаетъ входить въ число наиболѣе ловимой рыбы и вѣрно будетъ одною изъ самыхъ прибыльныхъ отраслей промышленности.

Кромѣ осетра и стерляди, главнѣйшія рыбы, водящіяся въ сѣверо-уральскихъ рѣкахъ и озерахъ, суть: семга, особенно вкусная въ Печорѣ; разные сиги, какъ-то: сигъ обыкновенный, нельма, ряпушка, омуль; корюшка, хариусъ (*Thymallus vexillifer* Agass.), щуки, караси, налимы, окуни и ерши.

Рыбаки-Зыряне ведутъ жизнь еще болѣе уединенную, нежели охотники. Они отправляются на промыселъ или совершенно поодиночкѣ или съ однимъ работникомъ; выходятъ весною, при первой возможности, и берутъ съ собою соль, муку, крупу,

рыболовные и охотничьи снаряды, кухонную посуду и плотничьи инструменты. Домъ же оставляютъ на попеченіе жены. Тамъ, гдѣ уловъ предполагается прибыльнымъ, рыбакъ устраиваетъ себѣ временный балаганъ, основываетъ въ немъ средоточіе своей дѣятельности. Такъ какъ съ нимъ нѣтъ никакой посуды, кромѣ кухонной, то онъ дѣлаетъ на мѣстѣ бочки изъ сосновыхъ и еловыхъ досокъ и ивовыхъ обручей; также приготовляетъ жерди для просушки рыбы; все это дѣлается въ свободное отъ рыболовства время.

Въ началѣ весны всего больше ловится щука, которую вялятъ, разпластывая со спины, расправляя поперечными палочками, и укладывая на солнцѣ рядами. Затѣмъ начинаютъ попадаться хариусы, сиги и изрѣдка нельма. Эту рыбу по величинѣ сортируютъ и солятъ. Изъ рыбьихъ внутренностей вывариваютъ жиръ. Вся добыча, по мѣрѣ изготовленія, складывается въ балаганъ. Опаснѣйшій хищникъ для рыбака — медвѣдь, который иногда забирается въ самый балаганъ или избу, проломивъ дыру въ крышѣ, и тогда онъ поѣдаетъ всю рыбу. Рыбакъ безпрестанно на воздухъ: развѣзжаетъ по рѣкѣ отъ одного мѣста до другаго, ночуетъ большею частію подъ открытымъ небомъ, и только изрѣдка возвращается въ избу, находящуюся при балаганахъ, гдѣ напекаетъ себѣ хлѣба, парится въ банѣ и потомъ снова обращается къ своимъ занятіямъ. Охота съ ружьемъ и ловля выдръ капканами составляютъ для него дѣла побочныя, которыми онъ впрочемъ не пренебрегаетъ. Такая суровая дѣятельная жизнь сдѣлала изъ уральскаго рыбака необычайно крѣпкаго и здороваго чело-вѣка. Все лѣто проводитъ онъ вдали отъ дома и только передъ осенью съ добычею своею возвращается внизъ по теченію рѣки. Для этого онъ строитъ себѣ плотъ, на который нагружаетъ плоды четырехмѣсячныхъ трудовъ своихъ. Въ счастливое лѣто выручка одинокаго рыбака равняется 60 или 70 р. сер.

На берегахъ Щугоры (одного изъ притоковъ Печоры), полковникъ Гофманъ видѣлъ много высокихъ сибирскихъ кедровъ, величаво подымавшихся среди лѣса, вѣнчающаго высокіе, каменистые берега рѣки. Эти деревья составляютъ довольно важный предметъ дохода окрестныхъ жителей. Къ несчастію, они съ каждымъ годомъ значительно уменьшаются; причиною тому варварскій способъ добыванія кедровыхъ орѣховъ. Сѣверо-ураль-

скіе собиратели кедровыхъ шишекъ напоминаютъ американскихъ *маскариллеросовъ* или собирателей хинной коры, истребляющихъ въ своемъ отечествѣ драгоценныя цинхоны, также какъ наши выводятъ или почти уже вывели по сю сторону Уральскаго хребта, сѣверныя кедры, впрочемъ далеко не столь драгоценныя.

Собираніе кедровыхъ орѣховъ производится обыкновенно осенью. Промышленникъ снаряжается какъ на охоту и отправляется въ лѣсъ съ топоромъ. Найдя кедръ, обильный шишками, онъ его срубаетъ и обираетъ до-чиста; тутъ же какъ можно тщательнѣе прячетъ свой сборъ и идетъ искать новой жертвы. Кромѣ бѣлокъ, которыя непременно истребляютъ запасъ кедровыхъ орѣховъ, если найдутъ его, особенно опасна въ этомъ отношеніи *кедровка*, небольшая птица, которая питается ими. Если она нападетъ на орѣховый складъ, то съ необыкновенною быстротою перетаскиваетъ его въ свою запасную кладовую. Въ такихъ кладовыхъ нерѣдко находили до пуда орѣховъ. На возвратномъ пути промышленники вычищаютъ орѣхи изъ шишекъ. Въ хорошій годъ одинъ человѣкъ—дѣятельный и старательный—набираетъ отъ 8 до 10 пудовъ.

III.

Мы уже представили читателю краткую характеристику полудикихъ Остяковъ и Самоѣдовъ, а также и болѣе цивилизованныхъ Зырянъ; мы познакомили его съ тремя главными отраслями дѣятельности сѣверо-уральскихъ народовъ: оленеводствомъ, охотою и рыболовствомъ; теперь, для полноты характеристики, слѣдуетъ еще указать на тѣ черты сѣверо-уральскаго быта, которыя отличаютъ общественную жизнь тамошнихъ жителей.

Собственно говоря, общественная жизнь развита здѣсь чрезвычайно мало, что уже видно изъ предыдущаго разказа. Развитію общественности препятствуютъ, между прочимъ, и самыя физическія свойства страны. Рѣдкость населенія, огромность разстояній, раздѣляющихъ человѣческія жилища, болшею частію вовсе не соединенныя дорогами, воспрепятствуютъ частымъ сношеніямъ. Впрочемъ тѣ же обстоятельства пробуждаютъ въ благородной природѣ дѣятельность, предпріимчивость и неутомимость. За-

труднѣе положеііе, въ которомъ находилась уральская экспедиція, не разъ вызывало наружу качества русскаго человѣка. Для изслѣдованія горныхъ притоковъ Печоры полковникъ Гофманъ составилъ планъ, начало исполненія котораго, а слѣдовательно и все остальное, зависѣло отъ разысканія какихъ-то истинскихъ амбаровъ на рѣкѣ Егра-Лягъ. Тамъ должны были ожидать членовъ экспедиціи заранее подговоренные Зыряне съ людьми. Изъ лагеря, при истокахъ Малой Печоры, г. Гофманъ намѣревался послать за ожидающими его Зырянами, какъ вдругъ оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ за рѣка Егра-Лягъ, и гдѣ находятся истинскіе амбары. Объяснить все это также было не легко, потому что карты, имѣвшіяся въ рукахъ экспедиціи, были не полны. Туземцы, бывшіе въ лагерь, отказались отъ такого порученія, какъ вдругъ вызвался штейгеръ Трофимъ Лишенко. Взявъ съ собою 10 ф. сухарей, 2 ф. крупы, и въ сопровожденіи переводчика для разспроса Остяковъ, Лишенко перекрестился и отправился въ путь, разумѣется вооруженный туркою.

«Работы наши, говорить г. Гофманъ, приходили къ концу: на пятый день явился ко мнѣ въ палатку Лишенко и спокойно, какъ будто пробылъ въ отлучкѣ только одинъ часъ, отапортовалъ, что нашелъ Зырянъ и даже одного привелъ съ собою. Лишенко прибавилъ, что Зыряне, не имѣя вѣстей отъ экспедиціи, хотѣли было воротиться, такъ какъ запасы ихъ приходили къ концу. На вопросъ: не голодалъ ли онъ въ пути? Лишенко отвѣчалъ, что онъ еще и Зырянамъ принесъ трехъ тетеревей. «Глупый народъ, прибавилъ онъ, пускается въ путь безъ ружья и сѣти, вмѣсто того набрали полстей (войлоковъ) и посуды съ молокомъ.»

Увѣренность членовъ экспедиціи въ ловкости и смѣливости Лишенки были такъ велики, что по отправленіи его на поиски они совершенно успокоились, и, какъ видно, имѣли на то достаточныя причины.

Съ этого времени, продолжаетъ полковникъ Гофманъ, настала для насъ въ лагерѣ жизнь полная дѣятельности и веселья. Описаніе лагеря, или стоянки, будетъ не лишнее: оно дастъ понятіе о странѣ. Палатки стояли на высотѣ, между деревьями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ шумный ручей ниспадалъ и раздроблялся, образуя красивый водопадъ. Подъ нимъ стояли ша-

лаши изъ зеленыхъ вѣтвей, служившіе жилищемъ для рабочихъ. Съ двухъ сторонъ возвышались вершины горъ, загроможденные скалами; за ручьемъ, передъ лагеремъ, простиралась покатая поляна, заросшая молодыми березами. За нею открывался далекій видъ на темный еловый лѣсъ, въ которомъ тамъ и сямъ серебряною лентой проглядывала Печора. Весь пейзажъ замыкался живописнымъ конусомъ горы Коипа. Время стояло прекрасное, и путешественники были бы совершенно довольны своею судьбой, еслибы не комары, которые составляютъ настоящую язву Сѣверо-уральскаго края, и образуютъ несмѣтные рои въ воздухѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ докучныхъ наѣдомыхъ, путники принуждены постоянно поддерживать дымный огонь. Полковникъ Гофманъ говоритъ, что онъ никогда не видывалъ такого количества комаровъ,—ни даже близъ Каспійскаго моря, коего влажные берега слывутъ главнымъ пристанищемъ этихъ мелкихъ мучителей челоуѣка и звѣря.

Г. Гофманъ упоминаетъ при этомъ о благородномъ поступкѣ одного обдорскаго купца, г. Трофимова. Въ 1848 г. часть экспедиціи занималась изслѣдованіемъ сѣверной половины Уральскаго хребта. Для этого нужно было изъ Обдорска отправляться на оленяхъ. Когда пришлось нанимать нарты, ни у одного обдорскаго Остяка или Самоѣда нельзя было нанять оленей,—потому что они не соглашались подвергать своихъ животныхъ трудностямъ пути: экспедиціи предстояло ѣхать на протяженіи двухсотъ верстъ страну, которой лѣтомъ всѣ избѣгали, по причинѣ неимовернаго количества комаровъ. — Но, говоритъ г. Гофманъ, чего не хотѣли номады сдѣлать за деньги, то обдорскій купецъ Трофимовъ вызвался выполнить изъ любви къ своей родинѣ, для которой онъ давно уже желалъ подробнаго изслѣдованія сѣверныхъ странъ.

Г. Трофимовъ отдалъ въ распоряженіе экспедиціи все свое стадо, состоявшее изъ 300 головъ оленей. Въ послѣдствіи онъ присоединилъ къ нимъ еще пятьдесятъ, и вмѣсто обѣщанныхъ пятнадцати нартъ, снарядилъ двадцать три. Но въ самомъ началѣ путешествія, олени, изнуренные тощимъ зимнимъ кормомъ и еще не успѣвшіе оправиться, стали хилѣть, и мало-по-малу большая часть изъ нихъ пала. Изъ 170 упряжныхъ оленей, съ которыми экспедиція перешла черезъ горы, осталось только 50

штукъ, да и тѣ въ послѣдствіи почти всѣ пали. Г. Трофимову, чело­вѣку съ посредственнымъ состояніемъ, неудача экспедиціи стоила около 2,000 руб. сер. Но потерю эту онъ перенесъ съ благородною твердостью. Полковникъ Гофманъ писалъ къ нему, выражая свое сожалѣніе, и предлагая, какъ слабое вознагражде­ніе за убытокъ, 300 р. сер. Но Трофимовъ отказался отъ де­негъ, и отвѣчалъ просто: «Правда, что уронъ мой чувствите­ленъ,—на то воля Божія, но чтобы служить Великому Государю и быть полезнымъ моей укроной родинѣ, я не пожалѣлъ бы ни собственной, ни дѣтей моихъ крови.» — «Да простить мнѣ почтенный гражданинъ, прибавляетъ г. Гофманъ, обнародованіе его безпритязательно выраженныхъ чувствъ; — это оставалось для меня единственнымъ средствомъ выразить ему великую мою благодарность за его огромную услугу.»

Обратимся къ характеристикѣ самихъ туземцевъ, СѢверо-уральскаго края.

Между коренными жителями этой страны, первое мѣсто по цивилизаціи безспорно занимаютъ Зыряне. Мы уже говорили о нихъ выше. Ко всѣмъ своимъ похвальнымъ качествамъ Зыряне присоединяютъ еще любознательность, и оказываютъ совершенную способность принять самое высшее образованіе. Г. Ковальскій зналъ одного Зырянина, Ижемца, который самоучкою приобрѣлъ порядочныя свѣдѣнія въ астрономіи. «Въ нашихъ частыхъ съ нимъ разговорахъ, говоритъ г. Ковальскій, онъ постоянно сводилъ рѣчь на движеніе планетъ и не довольство­вался однимъ поверхностнымъ описаніемъ, которое было бы до­статочно для большей части дилеттантовъ; напротивъ того, ну­жно было объяснять ему все въ величайшей подробности, иначе онъ останавливалъ меня на каждомъ словѣ. Такъ какъ онъ ни­гдѣ не учился математикѣ, то разговоръ переходилъ обыкновенно отъ астрономіи къ свойствамъ геометрическихъ фигуръ.» Такія лекціи продолжались иногда по нѣсколько часовъ, и на дру­гой день Ижемецъ опять являлся къ г. Ковальскому и даже пе­рѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, чтобы съ нимъ встрѣчаться. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ этотъ любознательный чело­вѣкъ ѣздилъ въ Петербургъ и не преминулъ познакомиться съ С. И. Зеленымъ, коего лекціи популярной астрономіи были ему из­вѣстны. Надо было слышать, съ какимъ удовольствіемъ разка-

зываетъ онъ обо всемъ, что видѣлъ въ Петербургѣ, и съ какою основательностью изучилъ книги, подаренныя ему С. И. Зеленымъ!

Дикость Остяковъ и Самоѣдовъ еще болѣе выдается, если поставить ее въ параллель съ развитостію Зырянъ. Особымъ доказательствомъ совершенной дикости этихъ кочующихъ племенъ служатъ ихъ шаманство и жертвоприношенія. О шаманахъ мы уже имѣли случай говорить; что же касается до жертвоприношеній, то ничего уродливѣе, кажется, и придумать невозможно: оленю, назначенному въ жертву, затыкаютъ сначала ротъ, уши, ноздри и всѣ отверстія деревянными клиньями и уже потомъ закалываютъ его! Можно себя представить, какъ отвратительна должна быть картина этихъ жертвъ, при кривляніи шамановъ, въ глухомъ лѣсу или въ какой-нибудь глубокой тѣснинѣ, сокрытой отъ постороннихъ свидѣтелей обряда...

Общее всѣмъ сѣверо-уральскимъ жителямъ качество есть старинное гостепріимство. Богатый Самоѣдъ отъ такого гостепріимства нерѣдко даже совсѣмъ разоряется, потому что считаетъ своею обязанностью кормить всякаго приходящаго; а такъ какъ соотчичи его вообще бѣдны, и главное—крайне лѣнны, то онъ едва успѣваетъ бить оленей. Такимъ образомъ стадо въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ головъ, въ буквальномъ смыслѣ, пожирается въ нѣсколько лѣтъ. Когда путешественникъ является въ чумъ, то хозяинъ поставляетъ себя за правило убить оленя; охотниковъ до пиршества всегда много, и если гость одинъ, то сосѣди какъ разъ набѣгутъ воспользоваться приготовленнымъ для него яствомъ.

Въ лѣтнее время Ижемцы отличаются бережливостію относительно оленей; но и тѣ, въ случаѣ прибытія гостя, непременно жертвуютъ скотиной. Этотъ обычай убіенія оленя въ честь гостя такъ укоренился, что если иной Остякъ или Вогуль изъ скупости уклоняется отъ того, то сосѣди принуждаютъ его къ тому насильственными средствами. Не разъ случалось членамъ экспедиціи пользоваться даровымъ угощеніемъ Зырянъ; всякій потчивалъ соотвѣтственно своему ремеслу: рыбакъ—свѣжею рыбой, пастухъ—олениной, охотникъ—дичью. «Что дашь

дорожному человѣку, то Богъ возвратитъ,» говорили они, добродушно отказываясь отъ платы.

Впрочемъ патріархальность тамошняго быта выражается во всемъ. Дороги, какъ мы уже сказали выше, тамъ почти не существуютъ. На оленяхъ ѣздятъ цѣликомъ; если лѣсомъ, то прорубаютъ прѣсѣку. Гдѣ есть лошади, тамъ ѣздятъ верхомъ; тѣ же, которые не любятъ верховой ѣзды, придумали преоригинальный способъ успокоенія себя, за неимѣніемъ экипажа: берутъ двѣ толстыя жерди, привязываютъ ихъ концами къ двумъ лошадямъ; на жерди укладываютъ постилку и вещи путешественника; самъ онъ весьма покойно помѣщается сверху, помахивая кнутомъ на переднюю лошадь, тогда какъ на задней сидитъ проводникъ.

Путешествіе водою совершается еще проще. Мѣстами нѣтъ даже килевыхъ лодокъ, а вмѣсто нихъ плоскодонныя, такъ что если предстоитъ переѣхать хоть нѣсколько значительное озеро, то выжидаютъ безвѣтрія. На рѣчкѣ Вогулкѣ, лодки, возвращающіяся осенью изъ Печоры, безпрестанно задерживаются мелководьемъ. Для отвращенія бѣды прибѣгаютъ къ очень оригинальному средству: всѣ гребцы, со всѣхъ лодокъ, собираются и запруживаютъ рѣчку: черезъ нѣсколько времени накопившаяся вода прорываетъ плотину и стремительно мчитъ лодки впередъ. Такая операція нѣсколько разъ повторяется. Въ другихъ мѣстахъ плаваніе бываетъ наоборотъ затруднено быстриною. На одной рѣчкѣ, черезъ которую члены экспедиціи должны были переѣхать на плоту, этотъ плотъ такъ сильно ударился о скалистый берегъ, что часть его даже разсыпалась.

Всего замѣчательнѣе въ сверо-уральскихъ народахъ первобытная честность и вслѣдствіе ея установившійся кредитъ, повсюду равно распространенные. Рыбаки оставляютъ свои балаганы въ глухихъ мѣстахъ, совершенно безъ присмотра и даже безъ замка. Въ этихъ балаганахъ хранится всякая посуда, а иногда даже большое количество другихъ припасовъ. Никто и никогда не трогаетъ этихъ складочныхъ магазиновъ, такъ что русская пословица: *«что упало, то пропало,»* или *«что плохо лежитъ, по томъ брюхо болитъ»*, вовсе не приложима въ этомъ случаѣ.

Однажды полковникъ Гофманъ, со спутниками своими, остано-

вился на берегу рѣки Илыча, около бревенчатого струба и двухъ балагановъ, принадлежавшихъ одному Печорцу, выѣзжавшему сюда ежегодно для рыболовства: изба была пуста, и дверь въ нее заперта съ внутренней стороны засовомъ; но ключъ тутъ же торчалъ изъ стѣны. Внутренность избы была раздѣлена перегородкой на двѣ части, изъ коихъ одна служила баней, а другая кладовой. Тутъ стояло множество кадушекъ съ соленою рыбой, повсюду навалены были большими кучами вяленыя щуки и берестовые короба съ рыбимъ жиромъ. Въ балаганахъ висѣли мальцы, на доскахъ стояло множество новой посуды. Гребцы, бывшіе на лодкахъ при членахъ экспедиціи, знали, что все это готовится въ продажу, назначали каждой вещи цѣну и просили купить нѣсколько фунтовъ щуки и жиру. Деньги за все были положены въ избѣ, на видномъ мѣстѣ, и безъ всякаго сомнѣнія попали въ руки хозяина, потому что подобныя сдѣлки здѣсь во все не рѣдкость. На другой день хозяинъ амбаровъ былъ встрѣченъ путешественниками въ верховьяхъ рѣки, и дѣйствительно остался очень доволенъ распоряженіемъ гребцовъ.

Въ дополненіе къ характеристикѣ нравовъ прибавимъ, что они однако не во всемъ здѣсь отличаются чистотою, и не только у полудикихъ Остяковъ и кочующихъ Самоѣдовъ, но и у остальныхъ жителей этого края. На невѣрность супружескую смотрятъ здѣсь довольно равнодушно, такъ же какъ и на преждевременное сближеніе дѣвушки съ мужчиною. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, Сѣверо-уральцевъ должно извинить грубостію понятій, ибо развратными ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать.

Зыряне отличаются религіознымъ усердіемъ, и будучи богаты, не только много содѣйствуютъ украшенію храмовъ, но также дѣлятся частію своего богатства съ неимущими соотчичами.—Словомъ, изъ всего, что мы почерпнули, изъ сочиненій членовъ ученой экспедиціи, насчетъ этого народа, можно заключить, что ему предназначено занять видное мѣсто, между многочисленными племенами Россійской Имперіи.

А. Бекетовъ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА

ВЕДЕННАГО

ВЪ ПЕКИНѢ.¹

1849 ГОДЪ

Января 14-го. Представляемъ здѣсь списокъ подаркамъ, которые императоръ послалъ двумъ главнымъ лицамъ въ Пекинѣ, именно министру-канцлеру, Китайцу Пань-ши-эню и оберъ-прокурору (цзо-ду-юй-ши) Вэй-нань-лану по случаю наступленія ихъ семидесятилѣтія. Надобно замѣтить, что, начиная съ шестидесяти лѣтъ, каждый новый десятокъ лѣтъ составляетъ у Китайцевъ періодъ торжества. Къ императору и императрицѣ по этому случаю отправляются нарочныя посольства для поздравленія; издаются милостивые манифесты (мы видѣли уже это по случаю семидесятилѣтія императрицы-матери). Равнымъ образомъ и императоръ изливаетъ на главныхъ лицъ свои милости, когда они достигаютъ этого термина; это знакъ уваженія, которое, какъ извѣстно, Китайцы питаютъ къ старости; а императоръ кромѣ того считаетъ ее украшеніемъ своего престола. По случаю семидесятилѣтія Пань-ши-эня, императоръ издалъ даже особенный рескриптъ, въ которомъ изъявляетъ свое удовольствіе, что этотъ министръ, служащій уже при третьемъ императорѣ, еще крѣпокъ и бодръ (и при этомъ случаѣ раздаетъ должности его сыновьямъ и внукамъ).

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 10.

Вотъ подарки, которые императоръ прислалъ къ этимъ двумъ лицамъ: кумиръ Будды долготѣія (Амитабы), говорятъ, яшмовый, яшмовые жу-и, коралловые и янтарныя четки, соболя курма, кафтанъ, павлинье перо, доска (на которой надписывается отъ имени самого императора, что онъ ставитъ ее въ изъясненіе своей радости), дуйцзы (двѣ параллельныя надписи съ изреченіями, которыя выдаются всегда за собственноручное письмо императора,—говорятъ, что ихъ обводятъ искусные каллиграфы, а императоръ чертитъ по обведенному кистью), фарфоровая и мѣдная (вѣроятно бронзовая) вазы, горка и море, сдѣланныя изъ яшмы, мѣдный треножникъ (динъ), употребляемый при жертвахъ, нѣсколько кусковъ разныхъ шелковыхъ матерій и различныя бездѣлки изъ яшмы.

— Ци-инъ еще въ Шань-дунѣ и, кажется, серьезно занимается своимъ порученіемъ, потому что недавно выписывалъ себѣ чиновниковъ. Цзай-ванъ напротивъ уже давно воротился, и незамѣтно, чтобы онъ представилъ какіе-нибудь важныя результаты своей поѣздки, — по крайней мѣрѣ его главное донесеніе не обнародовано. Императоръ издалъ только указъ объ отмѣнѣ, въ двадцати четырехъ приморскихъ уѣздахъ, откупныхъ билетовъ *инь* и о сокращеніи вообще ихъ выпуска.

Вчера Ци-инъ прислалъ императору списокъ подарковъ, которые подносились были въ разные времена торговцами соли шань-дунскимъ губернаторамъ и другимъ, участвовавшимъ въ соляныхъ дѣлахъ лицамъ, какъ образчикъ и причину, отчего купцы разорились. Въ числѣ этихъ лицъ много такихъ, которыя и теперь въ силѣ, и вѣроятно потому императоръ не слишкомъ строго поступилъ съ виновными. Онъ велѣлъ только взыскать съ нихъ суммы, равныя цѣнности подарковъ; а съ *меньшихъ*—вдвое. Только на одного Ши-лана въ синъ-бу, бывшего прежде тоже губернаторомъ въ Шань-дунѣ, какимъ-то образомъ не пало обвиненіе, и зато императоръ рассыпался въ похвалахъ ему, пожаловалъ шарикъ первой степени, и далъ позволеніе вѣзжать на лошади во дворецъ. Это Чань-фоу-анъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть членъ государственнаго совѣта. Можетъ-быть, Ци-инъ поэтому-то и пропустилъ его. Китайцы весьма сомнѣваются въ его честности и только говорятъ, что онъ умѣетъ брать.

Мы были на дняхъ свидѣтелями событія, неважнаго, но такого,

какого не запомнать пекинскіе жители; это колебаніе денежной системы. Извѣстно, что въ Китаѣ нѣтъ другой монеты (по крайней мѣрѣ для правительства, хотя на югѣ и употребляются талеры), кроме мѣдной, самаго низшаго достоинства. Но главная часть доходовъ и расходовъ государства состоитъ въ серебрѣ, которое принимается на вѣсъ и не должно содержать въ себѣ примѣси. А серебро, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Англичане стали брать его слитками, убывая въ Китаѣ, стало дорожать, то-есть размѣниваться на большее число мѣдныхъ монетъ, которыя мы привыкли называть *чохами*. Когда мы пріѣхали сюда, на лану серебра давали намъ отъ 1300 до 1500 чоховъ, а подконецъ прошлаго и въ нынѣшнемъ году уже около 2000. Это постепенное возвышеніе заставило даже и правительство сравнивать лану серебра не съ 1000, какъ было прежде, а съ 1500 чоховъ. Между тѣмъ, какъ ни гадка китайская мѣдная монета, но и на нее находятся поддѣльватели, только не такіе, какъ въ другихъ мѣстахъ. Они не скрываютъ своего обмана и дѣлаютъ чохи тоже изъ мѣди, но меньше и тоньше обыкновенныхъ. Такой монеты, говорятъ, привозятъ множество на хлѣбныхъ судахъ съ юга, и здѣшніе лавочники платятъ отъ 250 до 300 большихъ монетъ за 1000 малыхъ чоховъ, то-есть поддѣльныхъ. Этими-то малыми чохами здѣшніе содержатели мѣняльныхъ лавокъ (мы не смѣемъ величать ихъ банкирами) пересыпаютъ большіе и нанизываютъ на веревки, такъ что на связку изъ 500 чоховъ въ послѣднее время приходило до 40 и 50 малыхъ чоховъ. При возвышеніи серебра, нѣкоторые словоохотливые Китайцы разказывали, что подконецъ минской династіи лана серебра дошла до 4000 большихъ чоховъ. Поговаривали о всеобщемъ истощеніи и застоѣ торговли, о томъ, что капиталисты собираютъ свои суммы и увозятъ изъ Пекина. По всему должно было ожидать возрастанія цѣнности серебра, а такъ какъ въ Пекинѣ всякая купля производится на чохи, то мы не могли отчасти не радоваться этому, получая жалованье серебромъ. Вдругъ мы слышимъ, что серебро пало; за лану даютъ только 1950; потомъ 1900, на другой день 1800, на третій 1500 и даже доходило, говорятъ, до 1400 и 1200 чоховъ, то-есть ниже даже назначенной правительствомъ цѣны. Все это совершилось въ нѣсколько дней, и все, что возрасло въ десять лѣтъ, вдругъ пало!

Причиною этому было запрещеніе употреблять малые чохи,

чего требовали сами купцы, которые, говорятъ, подкупили даже одного юйши (ценсора) представить объ этомъ богдохану. Понятно, что капиталистъ, принимавшій серебро за билеты, которые выплачивались уже не серебромъ, а монетой, имѣя прежде 100,000,000 чоховъ, долженъ былъ теперь считать у себя въ наличности только 30 милл., и потому понизилъ цѣну и на серебро. Понижая сначала каждый день сотнями, они произвели въ народѣ страхъ, что серебро еще больше понизится. Всѣ бросились мѣнять и тѣмъ еще болѣе уронили цѣну, такъ что въ одинъ день серебро упало на 300 чоховъ. Сверхъ того говорятъ, что мѣняльные лавки согласились понизить цѣну серебра. Какая же была отъ этого выгода? Наступалъ новый китайскій годъ. Въ это время всѣ получаютъ жалованье серебромъ и тотчасъ мѣняютъ; такимъ образомъ купцы успѣли закупить серебро какъ можно дешевле; никто не могъ удержаться отъ мѣны, потому что въ это время у Китайцевъ идутъ страшные расчеты, расплата за набранное по обыкновенію въ долгъ за послѣднюю треть и даже за весь годъ, закупка различныхъ припасовъ и вещей къ празднику. Смѣтливые люди, понявъ, что такое пониженіе произведено искусственно и не можетъ быть продолжительно, бросились было закладывать вещи, даже самое серебро, рассчитывая навѣрное, что они заплатятъ въ мѣсяцъ процентовъ менѣе, нежели на сколько понизилось серебро. Но заложныя лавки были не въ силахъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ и давали самое малое количество, и то самымъ постояннымъ и исправнымъ своимъ должникамъ. Дѣйствительно, серебро, дойдя до наивозможнаго пониженія, на другой день вдругъ повысилось на 300 чоховъ и, въ послѣдніе дни передъ новымъ годомъ дошло до 1850 чоховъ и даже, если вѣрить слухамъ, выше. Говорятъ также, что снова объявлено позволеніе употреблять по десяти малыхъ чоховъ въ связкѣ; безъ сомнѣнія, если позволено десять, то скорѣе разрѣшатъ и прежнее количество. Итакъ все это была продѣлка мѣняль. Ничего нѣтъ мудренаго, что они подкупили юйши; а правительство, увидавъ свою ошибку и отмѣнивъ запрещеніе, исполнило этимъ расчетъ купцовъ. Нельзя въ этомъ случаѣ не удивляться кротости Китайцевъ и даже Маньчжуровъ. Въ иномъ западномъ государствѣ это произвело бы бунтъ, тѣмъ болѣе, что мѣняльныя лавки были набиты во всѣ дни толпами, не столько мѣ-

няющихъ, сколько прислушивающихся къ разнымъ толкамъ. Стоило раздаться одному дерзкому голосу, и толпы эти въ одно мгновеніе расхитили бы все богатство мѣняль.

Кстати постараемся начертить здѣсь, въ краткихъ словахъ, картину обращенія китайскихъ капиталовъ. Главными артеріями движенія служатъ тѣ дороги, которыя ведутъ отъ провинцій къ столицѣ. Къ ней обращается самая большая часть государственныхъ доходовъ, потому что ни одна провинція, собственно китайская, каковы бы ни были ея доходы, не только не требуетъ себѣ вспомошествованія отъ государства (исключая бѣдственное время), но сама удѣляетъ ему большую часть своихъ доходовъ, и почти всѣ мѣстные доходы сосредоточиваются въ Пекинѣ. Говоримъ почти, потому что западная только линія требуетъ постоянной присылки серебра изнутри Китая; но и это количество уменьшается съ каждымъ годомъ по мѣрѣ разработки новыхъ земель и усиленія торговли, такъ что нынѣ требуется обыкновенно менѣе 3,000,000 руб. сер. Вся Монголія, которой князья получаютъ жалованье отъ правительства, требуетъ не болѣе 250,000 р. сер. Доходы Маньчжуріи, кажется, давно уже достаточны для ея продовольствія; здѣсь развилось сильное народонаселеніе и съ нимъ хлѣбопашество, которое отчасти кормить и югъ Китая. Сверхъ того если сосчитать доходы, получаемые отъ пріисковъ женьшеня, унцъ котораго правительство заставляетъ иногда покупать у себя за 300 ланъ серебра, то можно даже положить, что оно не въ накладѣ, содержа на свой счетъ, кромѣ Маньчжуровъ, еще Дауровъ и Солоновъ, которые также сформированы въ полки и знамена. Вглядитесь пристальнѣе: не видите ли, что Китай, молча, потому что стыдится признаться въ своей трусости, укрѣпляется противъ насъ и думаетъ поставить намъ преграду? Всѣ издержки его направлены къ нашей границѣ. Или, Тарбагатай, Кобдо на западѣ, Кайларъ, Мэргень, Хэйлунъ-цзянь на востокъ, въ срединѣ номады Монголіи,—вотъ силы, которыя сторожатъ насъ!

Про Маньчжурію Китайцы разносятъ лукавые слухи, что правительство отсылаетъ туда ежегодно большое количество суммъ не для расходовъ, но на сохраненіе; говорятъ, что это запасъ на всякій случай: не все же царствовать маньчжурской династіи; когда-нибудь придется ей пасть, и тогда всего вѣроятнѣе, по

крайней мѣрѣ по мнѣнію Китайцевъ, богдоханъ съ своими Маньчжурами, совершенно забывшими родной языкъ, уберется во-свояси. Разказываютъ, что въ тайныхъ мугденскихъ кладовыхъ устроены подземные погреба, въ которые проведена вода. Сюда-то опускаютъ запасное серебро, чтобъ не тревожить его до скончанія маньчжурскаго міра. Но вѣрить ли этимъ слухамъ? Конечно, они вѣроятны для первыхъ временъ династіи, но тогда могли ли быть велики запасныя суммы? Правительство, какъ извѣстно, постоянно нуждалось въ деньгахъ, чему доказательствомъ служить продажа чиновъ, почти непрерывная во времена Канси. Цянь-лунъ былъ такъ тщеславенъ, что ему навѣрно не приходило въ голову подобной мысли; сверхъ того, онъ велъ безпрестанныя войны, а война въ Китаѣ, какъ бы она ни была ничтожна, всегда сопровождается ужаснѣйшими издержками. Чего ближе послѣдняго возстанія въ Кашгарѣ, которое было мгновенно потушено? Правительство немного уберегло отъ двухъ мил. руб. сер., ассигнованныхъ имъ по первому слуху, а въ существѣ дѣла все это дѣло было менѣе важно, чѣмъ какая-нибудь наша экспедиція внутри киргизскихъ степей, состоящая изъ трехсотъ чело-вѣкъ.

Какъ бы то ни было, правительство само объявляетъ, что въ Маньчжуріи въ Мугденѣ лежитъ запасныхъ суммъ 10 милліоновъ ланъ серебра. Такого рода запасныя суммы находятся во всякой провинціи, во всякомъ уѣздѣ; но онѣ нигдѣ такъ не значительны, какъ въ Мугденѣ. Можно думать однако, что эти суммы существуютъ только на словахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно если есть водяныя кладовыя, и не мудрено, что маньчжурскій императоръ попадется впросакъ, если вздумаетъ бѣжать къ запаснымъ суммамъ. Впрочемъ не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію это обстоятельство. Господа завоеватели, вотъ вамъ запасныя суммы для войны съ Китаемъ! Чего стоитъ вамъ подъѣхать на корабляхъ къ устью Ляо-хэ, откуда до Мугдена нѣтъ и 200 верстъ; пошлите двѣ или три тысячи солдатъ и вы обезпечите себя на всю войну; кромѣ того вы можете быть увѣрены, что найдете богдохана во всякое время въ Пекинѣ. Хлопотливо бы было въ самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ сталъ бѣгать изъ мѣста въ мѣсто!

Самая большая часть всѣхъ государственныхъ доходовъ стекается въ Пекинъ; здѣсь дворъ, расходы котораго, конечно, не

уступать ни одному европейскому и азіатскому по огромному числу тунеедцевъ; не считая евнуховъ, сколько здѣсь еще носящихъ названіе различныхъ ремесленниковъ, музыкантовъ, актеровъ, носителей знаковъ императорскаго достоинства и проч. До послѣдняго времени у императора, почти при каждой кумирнѣ въ западныхъ горахъ, были особенные дворцы, которые должно было содержать и поддерживать; но нынѣ, по надобности въ деньгахъ, они уничтожены; однакожъ все же, кромѣ главнаго дворца въ столицѣ, который равенъ городу, есть такой же загородный: Юань-минъ-юань: отдѣльно отъ него стоитъ тамъ же другой дворецъ на горѣ Вань-шоу-шань; прежде намъ не разъ удавалось говорить о дворцѣ на горячихъ минеральныхъ водахъ въ Тань-шанѣ; не забудемъ еще огромныхъ дворцовъ въ Жэ-хэ, и на кладбищахъ къ западу и востоку отъ Пекина, съ промежуточными дворцами, лежащими на каждой станціи по дорогѣ къ нимъ. На содержаніе всего этого потребно не мало денегъ; количество женщинъ во дворцѣ простирается говорить до 2,500. Въ Пекинѣ, кромѣ двора, сосредоточены всѣ высшія власти, которыхъ частные доходы съ провинцій или подарки, присылаемые губернаторами, управляющими рѣчными работами и повышающимися на должности, равняются всѣмъ казеннымъ суммамъ, отправляемымъ въ Пекинъ, а можетъ-быть и превышаютъ ихъ. Не меньшее должно быть количество суммъ, привозимыхъ мелкими и высшими чиновниками, возвращающимися въ Пекинъ съ должностей, которыя занимали во внѣшнихъ провинціяхъ. Въ Китаѣ отношенія столицы къ провинціямъ совсѣмъ другія, чѣмъ въ прочихъ государствахъ. Въ послѣднихъ обыкновенно пріѣзжаютъ въ столицу затѣмъ, чтобъ, послуживши тамъ, воротиться когда-нибудь на родину съ нажитымъ капиталомъ; въ Китаѣ напротивъ, какъ нѣкогда въ Римѣ, для наживы отправляются въ провинцію, чтобъ оттуда возвратиться со средствами въ столицу. Несмотря на то, что Китайцы, родившіеся въ другихъ провинціяхъ, допущены къ участию въ правленіи, и ихъ можно встрѣтить во всѣхъ должностяхъ, начиная отъ уѣзнаго правителя до министра, число такихъ, которые родились во внѣшнихъ провинціяхъ и возвращаются туда съ накопленными капиталами, никогда не можетъ быть такъ значительно, какъ число Китайцевъ и Маньчжуровъ, приписанныхъ къ Пекину. Для первыхъ открытъ путь

къ занятію должностей только черезъ полученіе званія цзинь-ши (доктора); но на каждомъ экзаменѣ только ограниченное число лицъ получаетъ это званіе, да и экзаменъ сверхъ того бываетъ черезъ три года. Много ли изъ этихъ докторовъ бываетъ молодыхъ людей? большей части изъ нихъ уже за сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ, а они должны только—что начать службу, которая однакожь не скоро достанется, такъ что нѣкоторые могутъ умереть, а другіе будутъ скоро исключены за неспособность и неправду. Итакъ самое большое количество должностныхъ лицъ во всей имперіи должно происходить изъ Пекина; только въ Пекинѣ кромѣ докторскихъ экзаменовъ, есть еще и другіе пути для поступленія на службу, какъ—то знатное происхожденіе и связи, существованіе различныхъ училищъ для обученія иностраннымъ языкамъ и проч. По непреложному закону, не позволяющему чиновникамъ проживать внѣ службы въ другомъ мѣстѣ кромѣ родины, эти должностныя лица рано или поздно возвращаются наконецъ въ Пекинъ; здѣсь ихъ родные, отецъ, братья, которымъ они и до возвращенія присылаютъ вспомошествованія; еслибы чиновникъ и умеръ въ провинціи, то его имущество тамъ не останется; семейство умершаго также должно возвратиться на родину. Слѣдовательно, Пекинъ есть не только столица имперіи, но и столица взятокъ. О количествѣ взятокъ можно заключить по слѣдующему примѣру: Подъ стѣнами краснаго или императорскаго города васъ непременно поразитъ по своей красивой наружности одинъ домъ, когда вы проѣзжаете мимо его. Домъ этотъ принадлежитъ не другому кому, какъ камердинеру одного генералъ-губернатора; простившись съ бариномъ, онъ имѣлъ, говорятъ, не менѣе 600,000 ланъ. Спрашивается, сколько же вывезъ самъ генералъ-губернаторъ. Замѣтимъ здѣсь, что подъ генералъ-губернаторами мы разумѣемъ такихъ администраторовъ, которыхъ Европейцы называютъ вице-королями или намѣстниками.

Если бѣольшая половина государственныхъ расходовъ, какъ мы видѣли выше (1), идетъ на содержаніе арміи, то не надобно забывать, что самую главную часть этой арміи составляютъ знаменныя, живущіе въ Пекинѣ; мы говоримъ главную не по отношенію къ коли-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» № 10.

честву, — потому что число земскаго или китайскаго войска, называемаго зеленымъ знаменемъ, превышаетъ число знаменныхъ, — но по отношенію къ жалованью: *зеленый* солдатъ получаетъ очень ограниченное жалованье и небольшой паякъ, хотя сами Китайцы думаютъ, что онъ искуснѣе знаменнаго. Послѣдній не *лѣтъ* меньше трехъ ланъ (7 р. сер.) въ мѣсяцъ деньгами и на столько же пайку; сверхъ того, къ новому году онъ получаетъ всегда въ видѣ награды мѣсячное жалованье, такъ что китайскіе цижени (знаменные) одни въ мірѣ имѣютъ счастье получать нерѣдко въ одинъ годъ жалованье за *четырнадцать мѣсяцевъ* (когда бываетъ высокосная луна). Какъ велико количество знаменныхъ, живущихъ въ Пекинѣ, можно судить по тому, что ихъ 24 знамени (8 манчжурскихъ, 8 монгольскихъ и столько же китайскихъ), изъ которыхъ въ иномъ знамени считается болѣе ста ротъ; сверхъ того въ Пекинѣ есть еще корпуса артиллерійскій, гвардейскій конный, которые получаютъ жалованья еще болѣе. Каждый солдатъ въ ротѣ на старости имѣетъ право на пенсіонъ; для каждой роты есть еще положенное число вакансій *малолѣтковъ*, которымъ выдается жалованье, больше чѣмъ другому солдату *зеленаго* знамени.

Прибавимъ ко всему этому дворцы князей императорскаго дома, князей несмѣнныхъ, наконецъ *желтополыхъ*, расплодившихся до 30 тысячъ, которые получаютъ не менѣе восьми рублей серебромъ въ мѣсяцъ, не считая соразмѣрнаго пайка.

Послѣ этого не удивительно, что изъ числа сорока *милліоновъ* ланъ всего государственнаго дохода, почти половина обращается къ Пекину; сверхъ того столько же, мы полагаемъ, присылается и привозится въ видѣ подарковъ высшимъ и низшимъ чиновникамъ, да еще столько же какъ проживающими здѣсь частными лицами, такъ и чиновниками, уроженцами другихъ провинцій; сюда же относятся и суммы, привозимыя возвращающимися съ провинціальныхъ должностей. Итакъ количество всѣхъ суммъ, ежегодно обращающихся въ Пекинѣ, никакъ нельзя полагать менѣе пятидесяти *милліоновъ* ланъ, или ста *милліоновъ* рублей серебромъ, и если народонаселеніе Пекина положить въ два *милліона*, то на каждого жителя приходится круглымъ числомъ по пятидесяти рублей. Въ Пекинѣ, не такъ какъ въ другихъ столицахъ, нѣтъ множества уроженцевъ другихъ

провинцій, проживающихъ безъ дѣла. Праздношатающіеся здѣсь все мѣстные жители и здѣшніе уроженцы: это или отслужившіе чиновники или ихъ дѣти, занимающіеся проматываніемъ награбленнаго отцами; за ними слѣдуютъ знаменныя, которые всѣ почти ничего не дѣлаютъ, какъ скоро получаютъ по экзамену жалованье; наконецъ ламы, хашаны и даосы. Первые большею частію на содержаніи правительства, или живятея на счетъ Монголовъ; въ Пекинѣ съ окрестностями считается до 5000 большихъ и малыхъ кумирень съ 80,000 хашановъ; даосовъ также не мало, хотя и не столько какъ поклонниковъ буддизма.

Всѣ прочіе жители Пекина, какъ постоянные, такъ и временные: банкиры, купцы, мелкіе торгаши, ремесленники, слуги, актеры и проч. заняты теперь добываніемъ или переводомъ въ свои карманы поступающихъ въ пекинскій бюджетъ пятидесяти милліоновъ ланъ. Еслибы Пекинъ только собиралъ серебро съ провинцій, и оно не шло бы туда обратно, то тамъ давно не осталось бы уже ни одного слитка; но Пекинъ потребляетъ только хлѣбъ и матеріалы провинцій, пользуется ихъ услугами во всѣхъ возможныхъ видахъ, а серебро отсылаетъ имъ назадъ для того, чтобъ оно было переслано такимъ образомъ еще безсчетное число разъ. Здѣсь только одинъ хлѣбъ потребляется не въ счетъ сказанныхъ суммъ; потому что хлѣбъ, кромѣ мѣстнаго производства, поступаетъ въ продажу изъ остатка провіанта, получаемого солдатами, чиновниками и князьями; хлѣба привозится сюда въ казенные анбары до четырехъ милліоновъ мѣшковъ въ годъ; считая по два мѣшка въ годъ, что очень достаточно на душу, мы можемъ довольно вѣрно опредѣлить количество народонаселенія. Пекинъ — мѣстность не производительная; для него недостаточно даже *дабу* (холста) изъ самой лучшей въ свѣтѣ хлопчатой бумаги, родящейся въ его окрестностяхъ: онъ получаетъ съверху того большое количество холста изъ Шань-дуна и всѣхъ другихъ провинцій; шелковыя ткани, фарфоръ, желѣзо, чай, ветчина, соя, фрукты, даже дерево и кирпичъ (цзинь-чуань), все это привозится въ Пекинъ съ юга, востока и запада. Шань-дунъ представляетъ ему къ услугамъ плечи своихъ крѣпкихъ работниковъ, Шань-си посылаетъ своихъ искусныхъ ремесленниковъ и ловкихъ торгашей. Съверъ и востокъ Монголіи вмѣстѣ съ Маньчжуріей гонятъ сюда стада лошадей, барановъ, свиней, приво-

зять горы козъ , кабановъ , рыбы и дичи, туки съ мѣхами, плисами и сукнами изъ Россіи. Увѣряють , что въ Пекинѣ до 200,000 лавокъ , которыя ловять сказанные 50 милліоновъ ; а изъ нихъ, повѣрьте, не увезеть съ собой ничего Монголь , который провезъ наши товары или продалъ свою дичь, соль, барановъ, свиней и верблюдовъ ; онъ промѣнялъ ихъ на товары, нужные на его родинѣ, а деньги оставляетъ въ рукахъ Китайцевъ.

Мы сказали , что правительство принимаетъ и отдаетъ только серебро, но вещи здѣсь покупаются на мѣдную монету , и потому , чтобъ купить что или расплатиться за какую услугу, нужно сперва размѣнять серебро въ лавкѣ на ассигнаціи , которыя представляютъ уже только мѣдную монету ; для этого-то размѣна серебра, въ Пекинѣ существуютъ тысячи лавокъ; въ нихъ выдаютъ принесшимъ серебро билеты или ассигнаціи (пiao-цзы), по которымъ лавка во всякое время (впрочемъ банкротства очень часты) обязана и готова реализовать ассигнаціи, но уже только мѣдною монетою. Ассигнація можетъ быть какая вамъ угодно, хоть въ одну тысячу, хоть въ нѣсколько милліоновъ чоховъ, съ какими угодно мелкими числами; потому что при васъ же пишется и вырѣзывается изъ книги, гдѣ остается ея нумеръ и количество выданныхъ денегъ; когда вы принесете въ лавку обратно ассигнацію, то ее сличаютъ съ книгой и прикладываютъ къ нумеру , чтобъ увѣриться: не подложная ли она. Разумѣется, размѣнявъ серебро, не сейчасъ же требуютъ монету , потому что иначе вамъ пришлось бы за фунтъ серебра нести больше четырехъ пудъ мѣди—эта-то тяжесть и дѣлаетъ необходимыми ассигнаціи , которыхъ нигдѣ нѣтъ столько какъ въ Китаѣ. Употребленіе серебра не возможно въ мелочахъ ; оно цѣнится не монетою, но по вѣсу, и потому постоянно приходилось бы рѣзать и вѣшать его; вслѣдствіе этого оно сохраняется преимущественно въ слиткахъ, заготовляемыхъ какъ въ казенныхъ, такъ и частныхъ литейняхъ, которыя выставляютъ свое клеймо и отвѣчаютъ за подлогъ. Билетъ лавки принимается во всемъ городѣ и окрестностяхъ ; только надобно, чтобъ васъ знали или чтобъ поручился за васъ кто-нибудь изъ знакомыхъ принимающему, потому что не мало ходитъ и фальшивыхъ билетовъ. Чѣмъ больше имѣть у себя наличной монеты мѣняльная лавка, тѣмъ прочнѣе ея кредитъ и вѣрнѣе ея барыши, потому что она всегда продаетъ серебро

дороже чѣмъ его купила; мѣдную монету доставляютъ ей по большой части мелочныя лавки, въ которыхъ всякій покупаетъ на нѣсколько чоховъ, слѣдовательно расплачивается не ассигнаціями; самимъ же мелочнымъ лавкамъ нужно серебро, потому что кромѣ другихъ товаровъ онѣ держатъ соль, получаемую отъ правительства, которое требуетъ за нее уплаты серебромъ. Только нѣкоторыя мѣняльныя лавки пускаютъ свое серебро въ торговые обороты; суммы, собираемыя каждою въ одинъ день, не могутъ быть очень значительны, потому что лавокъ весьма много; билеты, особливо въ послѣднее время, весьма скоро возвращаются; часто разносятъ съ умысломъ слухъ, что такая-то лавка хочетъ закрыться; тогда всѣ имѣющіе ея билеты опрометью бѣгутъ къ ней, чтобъ требовать денегъ. Поэтому мѣняльныя лавки большею частію ограничиваются обращеніемъ добытаго серебра въ наличныя деньги, и въ этомъ случаѣ весь доходъ ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ продаютъ серебро дороже, чѣмъ купили; получаютъ десятокъ или два чоховъ на лану и тѣмъ довольны. Каждое утро изъ этихъ лавокъ относятъ вчерашнее серебро на такъ-называемый серебряный рынокъ, находящійся за Цяньмын'емъ (южными воротами), иногда это повторяется два или три раза въ день. Этотъ рынокъ или биржа есть не что иное какъ огороженное мѣсто, гдѣ толпятся продавцы и покупщики серебра. Кто же послѣдніе? Лавочники, которыхъ еще болѣе чѣмъ мѣняль; всякая лавка продала же вчера сколько-нибудь товаровъ, за которые взяла ассигнаціями; но такъ какъ она сама покупаетъ товары на югъ, или юго-западъ, или на ярмаркѣ въ Мао-чжоу, и расплачивается за нихъ серебромъ, — потому что тамъ ужь не знаютъ пекинскихъ ассигнацій, — то ей рано или поздно надобно будетъ отправить туда серебро, и потому лавка спѣшитъ купить его на ассигнаціи. Иногда купецъ или ремесленникъ, скопившій въ Пекинѣ капиталъ, хочетъ возвратиться на родину: онъ такъ же спѣшитъ на биржу. Смотри по большому или меньшему спросу на серебро, естественно устанавливается на него и цѣна; она то понижается, то возвышается. Съ этимъ-то курсомъ соотнобщаются и мѣнялы; существуетъ особый классъ холоковъ, которые обѣгаютъ мѣняльныя лавки и объявляютъ имъ, почемъ продается серебро на биржѣ; иногда въ одинъ день бываетъ нѣсколько разныхъ цѣнъ. Повышеніе и

пониженіе, разумѣется, зависитъ отъ количества покупателей и продавцовъ; одни стараются выгоднѣе сбыть, другіе по возможности крѣпятся покупать, дожидаясь пониженія; но сверхъ того бываютъ извѣстные періоды, когда курсъ понижается и повышается. Пониженіе происходитъ постоянно въ первыхъ числахъ каждого мѣсяца, когда солдаты получаютъ жалованье серебромъ и спѣшатъ размѣнять его, чтобы удовлетворить своимъ нуждамъ или промотать; по этой же причинѣ курсъ замѣтно падаетъ передъ самымъ новымъ годомъ, когда солдаты получаютъ двойное мѣсячное жалованье, чиновники третное, и притомъ всякій достаётъ завѣтное серебро, чтобы сдѣлать нужныя покупки или расплатиться съ долгами передъ праздникомъ. Цѣна серебра повышается передъ началомъ извѣстныхъ ярмарокъ, какъ напримѣръ передъ Мао-чжоускою ярмаркой, которая бываетъ въ четвертой лунѣ; тамъ Пекинъ запасается различными китайскими произведеніями и кромѣ того европейскими и русскими товарами. Оно дорожаетъ также къ приходу судовъ съ юга осенью, ко вносу податей, когда крестьяне привозятъ деньги изъ окрестностей и покупаютъ на нихъ серебро въ городѣ, гдѣ оно всегда дешевле чѣмъ въ окрестностяхъ; такое же повышеніе въ цѣнѣ серебра бываетъ зимой передъ закупкой холста въ Шань-дунѣ. Покупка опиума на наличныя деньги на югѣ Китая также отзывается въ Пекинѣ, и большая часть серебра, идущаго отсюда на югъ, посредственно или непосредственно назначается для этой цѣли. Вообще самый высшій курсъ на серебро всегда бываетъ въ десятой и одиннадцатой лунахъ; мы говорили однакожь, что независимо отъ временнаго колебанія онъ возрасталъ съ каждымъ годомъ.

Въ Китаѣ казенныя почты не перевозятъ частной корреспонденціи и частныхъ посылокъ; даже когда изъ провинцій посылаются деньги въ главное казначейство, такъ для этого откомандировывается оттуда особый чиновникъ для сопровожденія серебра. Поэтому въ Пекинѣ, какъ и во всемъ Китаѣ, существуетъ множество банкирскихъ домовъ, которые занимаются переводомъ суммъ изъ одной провинціи въ другую. Эти дома, впрочемъ, имѣютъ сообщеніе не со всѣми мѣстами, потому что надобно имѣть свою лавку въ томъ мѣстѣ, въ которое берутся перевести деньги; притомъ переводъ бываетъ для незначительныхъ суммъ. Для отправки большаго количества надобно нанимать особыхъ

провожатыхъ, которые бываютъ вооружены съ ногъ до головы; эти провожатые отличаются искусствомъ во всѣхъ возможныхъ экзерциціяхъ, которыя изобрѣла китайская тактика; особенно славятся они ловкостью фехтовать на сабляхъ; изъ нихъ-то выходятъ бѣольшая часть военныхъ докторовъ. Нечего и говорить, что ѣхать съ большою суммой денегъ не безопасно по Китаю, и вооруженные провожатые необходимы; оттого и плата имъ не маловажная; говорятъ, что она составляетъ десятую часть всей суммы. Объ этихъ провожатыхъ или ихъ хозяевахъ носятя слухи, что они состоятъ въ связи съ разбойниками, или даже и сами происходятъ отъ нихъ.

— 20-го. Ци-инъ, кажется уже порѣшилъ свои дѣла въ Шань-дунѣ. Изъ императорскаго указа видно, что онъ совѣтовалъ требовать съ купцовъ взноса за всю соль, которую они хотятъ купить (прежде взымалась только часть). Не знаю, что скажетъ объ этомъ представленіи государственный кабинетъ, которому поручено разсмотрѣть его.

Сверхъ того также изъ Шань-дуна Ци-инъ прислалъ императору проектъ обогащенія казны. Онъ говоритъ, что «чиновники часто утаиваютъ взысканные налоги, въ ожиданіи всемілостивѣйшаго манифеста, которымъ часто прощаются недоимки, и тогда собранныя суммы обращаются въ ихъ собственность. Онъ предлагаетъ отмѣнить такія милости и строго запретить подобнаго рода продѣлки, положить наказанія за утайку и за медленное занесеніе въ книги взысканныхъ суммъ.» Все это правда, и Ци-инъ дѣйствительно указываетъ на одно изъ важныхъ злоупотребленій; но средства, придуманные имъ къ пресѣченію ихъ, обличаютъ того же закоренѣлаго Китайца-педанта. Это все только — строго подтвердить, немедленно наказать, штрафовать самихъ губернаторовъ. Эхъ! кто этого не скажетъ изъ Китайцевъ, но кто обратитъ вниманіе на пустыя подтвержденія и угрозы? какой губернаторъ не знаетъ о злоупотребленіяхъ въ своей губерніи? но онъ видитъ въ нихъ средство наживы. Нѣтъ, достопочтенный г. Ци-инъ, укажите-ка лучше средство открывать злоупотребленія, средство устранить ихъ возможность: вотъ это въ европейскомъ духѣ. Я боялся, что вы просвѣтите Китай, нанюхавшись въ Кантонъ европейской премудрости: теперь вижу, что и вы были изъ числа

тѣхъ педантовъ, которые еще думаютъ, что нечѣмъ позаимствоваться отъ варваровъ въ управленіи.

Въ послѣдствіи, императоръ издалъ по этому случаю указъ въ томъ же смыслѣ. Хубу (министерство юстиціи) представило тоже съ своей стороны о подобныхъ злоупотребленіяхъ. Между прочимъ оно упомянуло, что въ настоящее время болѣе 8,000,000 ланъ считается въ недоимкахъ, и сверхъ того болѣе 10 милліоновъ отсрочено по различнымъ случаямъ до другаго времени.

Февраля 10-го. Ци-инъ опять откомандированъ въ Чже-цзянъ для произведенія смотра войскамъ, или лучше тамошнимъ гарнизонамъ.

— 28-го. Въ Сы-чуань произошли какія-то возмущенія у непокорныхъ Фаней; поэтому Ци-шаню не велѣно ѣхать въ Юньнань для произведенія слѣдствія, по доносу отставленнаго Чжисян'я о тамошнихъ злоупотребленіяхъ; велѣно заняться усмирениемъ Фаней.

На дняхъ случилось неважное, но весьма характеристическое происшествіе. Изъ хань-линей (по нашему, пожалуй, академиковъ) выбирались учителя для 8-го сына императора. Два первые министра Мучжунчинъ и Паньшиэнь носятъ названіе главныхъ учителей, кураторовъ принцевъ. Другой вице-министръ Ченьгуань-цзюнъ считался непосредственно главнымъ смотрителемъ и воспитателемъ. Эти три министра рекомендовали въ учителя какого-то Тунъ-фу-шэна, и богдоханъ утвердилъ его. Черезъ нѣсколько дней вдругъ одинъ юйши (цензоръ) подалъ императору протестъ противъ такого избранія. — «Когда послѣдовало высочайшее утвержденіе Тунъ-фу-шэна въ званіе учителя, то это произвело всеобщій говоръ; я не знаю этого человѣка, но прислушиваясь, узнаю, что онъ только проныра. Въ прошломъ году у Чень-гуань-цзюн'я умерла жена, и Тунъ-фу-шэнъ въ посмертной рѣчи выразился слѣдующимъ образомъ: «При смерти матери моей (то есть жены моего наставника, которая поэтому имѣетъ право на названіе моей матери), внутренности разодрались у меня какъ при смерти родной матери!» Это выраженіе обратило на Тунъ-фу-шэна вниманіе Чень-гуань-цзюн'я, и вотъ онъ теперь отрекомендовалъ его въ учителя къ принцу. Но, продолжаетъ юйши, какое же произведетъ это вліяніе на нравы, когда всѣ будутъ вознаграждаемы за подобнаго рода лесть?» и т. д. Если въ этомъ случаѣ и былъ

кто виновать, то разумѣется, что Чень-гуань-цзюнь. Другимъ министрамъ некогда было по множеству должностей заняться этимъ дѣломъ, и тѣмъ болѣе, что названіе княжескихъ наставниковъ было для нихъ только почетнымъ титуломъ; они не могли коротко разузнать, кто таковъ Тунъ-фу-шанъ, и повѣрили рекомендаціи Чень-гуань-цзюня, своего собрата, но несмотря на это, они вмѣстѣ съ нимъ уволены за невнимательность отъ званія наставниковъ, и сверхъ того, понижены чѣтырьмя, а Чень-гуань-цзюнь шестью степенями; разумѣется, что всѣ другія должности остались за ними.

Марта 18-го. Я сообщилъ уже выше о печальныхъ событіяхъ южнаго Китая, по случаю наводненія. Этимъ не окончился прошлый замѣчательный всемірными волненіями годъ. Европа, Россія и Китай равно страдали отъ небесной кары, хотя и въ различныхъ видахъ: здѣсь наводненіе, у насъ холера, а тамъ еще революція. Вотъ что сообщается въ донесеніи Фу-цзяньскаго и Чже-цзяньскаго намѣстника. Въ Формозѣ (Тай-вань), въ предѣлахъ Танъ-шуй, съ 10-го до 13-го числа 9-й луны, шелъ проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ вихремъ; отъ этого потоки выступили изъ береговъ, затопили нивы, огороды и жилища; мосты и береговыя плотины были прорваны и разрушены; погибшаго народа также было не мало; наводненіе простиралось на 90 слишкомъ миль, причемъ пострадало всего большихъ и малыхъ селеній до 110; такой же дождь шелъ днемъ позже въ предѣлахъ крѣпости Гамаланъ-тинъ и произвелъ подобныя же опустошенія; при этомъ поздніе посѣвы не были сняты и погибли. Въ то время, какъ мѣстное начальство принимало мѣры вспоможенія для пострадавшихъ и собирало объ этомъ свѣдѣнія, въ самомъ губернскомъ городѣ (Тай-вань-фу) 8-го числа 11-й луны, утромъ въ 9 часу, началось землетрясеніе, продолжавшееся будто два часа; отъ этого развалилось много зданій, принадлежавшихъ жителямъ, но то было еще самое легкое бѣдствіе; землетрясеніе пошло къ сѣверу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе. Въ одно время оно было чувствуемо въ уѣздахъ Джанъ-хуа, Цзя-и-сянь и крѣпости Лу-цзянь (тинъ). Въ первомъ, городскія зданія, присутственныя, какъ гражданскихъ такъ и военныхъ чиновъ мѣста (ямынь), темница, магазины, кумирни, общественныя заведенія, училища (экзаменныя зданія) и манежи—все сравнялось съ зем-

лей; городскія стѣны, амбразуры, развалились; убитыхъ жителей нельзя и сосчитать; въ темницѣ погибло шесть человѣкъ; прочіе разбѣжались. Ямунь капитана морскаго экипажа лѣваго тай-ваньскаго флота развалился вмѣстѣ съ пороховымъ анбаромъ, арсеналомъ и принадлежащими къ нимъ зданіямъ и лагеремъ, причѣмъ задавлено 2 человѣка солдатъ и ранено болѣе 20 человѣкъ. Въ Цзя-и-сянь (который южнѣе Чжанъ-хуа), главное присутственное мѣсто также болѣею частію развалилось; городскія стѣны упали на 10слишкомъ саженой (100 футовъ), а амбразуры на 250. Обывательскія зданія и проч., какъ внутри, такъ и внѣ города также болѣею частію попадали, и даже тамошняго гарнизона прапорщикъ (вей-вань) также раненъ. О находящихся на сѣверѣ въ 8 миляхъ отъ Чжанъ-хуа-сянь и Шень-шуйтинахъ хотя еще не получено извѣстія, но также должно опасаться, что и тамъ свирѣпствовало землетрясеніе, притомъ еще сильнѣе. Затѣмъ говорится о мѣрахъ, принятыхъ къ вспомооществованію пострадавшимъ.

— 20-го. Я уже говорилъ о разрѣшеніи или согласіи императора на открытіе золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ южныхъ частяхъ Китая. Это показываетъ, что тѣ страны издавна славятся богатствомъ драгоценныхъ металловъ; между тѣмъ не однѣ только онѣ могутъ похвалиться этимъ. Припомнимъ славныя золотыя розсыпи Яркенда и Хатана; припомнимъ рудники, разрабатываемые уже свѣдома правительства, хотя и доставляющіе ему ничтожныя выгоды, въ южныхъ отрогахъ Алтая; навѣрно и другія границы съ Россіей не лишены этихъ богатствъ, а о существованіи въ странѣ при-Амурской серебряныхъ рудниковъ уже извѣстно изъ исторіи. При первыхъ наслѣдникахъ Чингисхана полководцы его разорили всю страну и нагроулили серебромъ цѣлый флотъ судовъ, которыя однакожь потонули. Укажемъ еще на золотыя пріиски, существующіе на западѣ Тибета въ двухмѣсячномъ пути отъ Хлассы, вѣроятно неподалеку отъ Кашемира. Въ этомъ мѣстѣ, по увѣренію тибетскихъ купцовъ, часто вырываютъ самородки, величиной въ ладонь. Золотыя пески Тибета, набиваемые въ мѣшечки, славились въ Индіи; нынѣ на все наложило печать бездѣйствія китайское невѣжественное правительство. Не будучи минералогомъ, при одномъ взглядѣ на карту земель, соединенныхъ нынѣ подъ маньчжурскою дина-

стей, можно уже заключить о богатствѣ горъ и песковъ. Я спрашивалъ Монголовъ изъ всѣхъ странъ, Китайцевъ изъ многихъ провинцій, есть ли у нихъ золото и серебро; отвѣчаютъ: есть, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, въ такой-то горѣ, но не велать рыть. Прежде я слышалъ, что Китайцы тихомолкомъ роются въ тѣхъ пустынныхъ горахъ по границѣ Китая съ Монголіей, на которыхъ поставлена великая стѣна; но я не вѣрилъ этимъ разказамъ; я даже смѣялся надъ увѣреніемъ Хэшана въ Лунь-цюань-сахъ, когда онъ разказывалъ, что въ одномъ холмѣ, находящемся близъ Тянь-шаня (горячія минеральныя воды въ трехъ верстахъ на сѣверъ отъ Пекина), находится серебро. Но нынѣ читаю въ газетахъ донесеніе главнаго полицеймейстера, что онъ захватилъ христіанъ, тайно копавшихъ серебряную руду въ различныхъ мѣстахъ западныхъ горъ; тѣ, разказывая свои похождения, указываютъ, гдѣ они начали рыть, и какъ оттуда переходили въ другія мѣста; общій итогъ тотъ, что безъ всякаго приготовительнаго знанія дѣла, безъ капитала, съ однимъ молотомъ въ рукѣ они добыли 650 чиновъ руды, изъ которой выплавилъ болѣе ста ланъ серебра въ одномъ мѣстѣ, изъ 10 чиновъ выплавлено 1 лана и 7 чиновъ. Послѣ, говорятъ, христіанъ выпустили изъ синбу; но изъ газетъ видно, что шунь тянь-фу представило императору положенія касательно разработки рудъ въ его вѣдомствѣ, но въ чемъ они состоятъ,—это неизвѣстно.

Апрѣля 10-го. Прекрасное рѣшеніе, которое приняло было въ прошломъ году правительство, касательно замѣненія хлѣбнаго сбора денежнымъ, не увѣнчалось успѣхомъ; по докладу цзянь-наньскаго генералъ-губернатора и Ци-ина оно оставлено. Видно, народъ принялъ съ неудовольствіемъ эту мѣру, вѣроятно по причинѣ ея неопредѣленности; потому что не сказано было сколько однажды навсегда будутъ собирать денегъ, и потому земскимъ властямъ оставался еще весьма широкій путь къ взяткамъ, да и сверхъ того какъ отвыкнуть чиновникамъ отъ прежнихъ привычекъ. Сколько хлопотъ предстояло при нововведеніи!

— *20-го.* Презабавный случай. Въ 1839 году какой-то Дэнъ-тинъ-юань, родомъ изъ Шань-дуна, имѣющій право на званіе помощника чжи-сяня, выхлопатываетъ себѣ мѣсто чжи-сяня въ Кантонѣ, и при отправленіи на должность получаетъ въ столицѣ деньги на подъемъ. Въ Кантонѣ дають объ этомъ знать и посы-

даютъ патентъ; ждать-пождать, новый чжи-сянь не является до сихъ поръ; наконецъ въ прошломъ только году генералъ-губернаторъ вышелъ изъ терпѣнія и сообщилъ въ Шань-дунъ объ отысканіи не являющагося чиновника; освѣдомляются на родинѣ, приходятъ въ домъ, въ которомъ живетъ старушка, жена вышепоименованнаго Дэнъ-тинъ-юаня. Здѣсь ли домъ такого-то? Точно такъ! — Гдѣ же онъ? — Дѣйствительно былъ у меня, отвѣчаетъ старушка, — мужъ, Дэнъ-тинъ-юань, получилъ онъ званіе студента, назначенъ былъ къ такой-то должности, но по возвращеніи домой, умеръ назадъ тому тридцать лѣтъ... Очевидно, что другой назвался его именемъ, а палата финансовъ, которая, какъ сама она говоритъ, была тогда въ большихъ хлопотахъ (значить англійскія дѣла занимали ее не на шутку), выдала ему деньги. Жаль, что онъ не рѣшился дослуживаться высшихъ степеней!

— 30-го. Указъ: «Около десяти лѣтъ уже, какъ начались иностранныя дѣла (то-есть англійскія) и хотя въ послѣдніе годы нѣсколько стало (легче) спокойнѣе, облегчились заботы о морскихъ берегахъ, о передвижкѣ войска, но мѣры управленія не приведены были въ гармонію; злоупотребленія были тѣмъ тягостнѣе, что являлись тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе ожидали; я весьма боялся, чтобъ живущій по морю народъ не подвергся опасностямъ, поэтому сносилъ все втайнѣ и терпѣливо, потому что извѣстно (наше китайское) правило: когда нагнешь малое, выпрямишь большое. Прошлый разъ Англичане снова изложили просьбу (здѣсь употреблено выраженіе *шень-цынь*, которымъ означается отношеніе низшихъ къ высшимъ) о допущеніи ихъ внутрь Кантона, и генералъ-губернаторъ Сюй-гуанъ-цзинь, послѣ доклада, дѣйствовалъ согласно съ обстоятельствами. Нынѣ онъ докладываетъ черезъ нарочнаго курьера, что купцы и народъ глубоко сознавая *великую справедливость*, сдѣлали усилія къ обузданію наглыхъ и къ защитѣ моря; богатые граждане показали истинное усердіе, и вопросъ о входѣ въ городъ поконченъ; вышеупомянутые иностранцы торгуютъ попрежнему; внутри и внѣ все спокойно; не переломлено ни одного оружія, не снущено ни одной стрѣлы. Вышереченный генералъ-губернаторъ успокоилъ народъ, удовлетворилъ иностранцевъ, и все вошло въ естественное положеніе. Что иностранцы смирны и не обнаружили ни на волосъ насилія, это даетъ надежду на долговременное спокойствіе,

и трудно высказать всю глубину моей радости. Надобно же награждать щедро для поощренія превосходныхъ заслугъ, и такъ всемиловитѣйше награждаемъ Сюй-гуанъ-цзиня наслѣдственнымъ званіемъ цзы (титулъ, въ родѣ маркиза) и т. д. Что касается до моего кантонскаго народа, всѣмъ извѣстнаго мужествомъ и въ нынѣшній годъ глубоко познавшаго *великую справедливость*, то имѣть мужество и знать мѣру или средство, зависить отъ *духа* (линь), который ими руководить: это благодать, вліянная небомъ; трудно, чтобъ изъ 100,000 никто не лишился выгодъ и не измѣнился въ силѣ. Ихъ подвигъ глубоко проникъ въ мою душу! Итакъ Сюй-гуанъ-цзинь и Е-минъ-нинь (имя губернатора) пусть разгласятъ эти мои слова, чтобы узналъ о нихъ каждый домъ и черезъ то еще усилилъ бы свою ревность къ общему благу, имѣя въ виду высшія цѣли, и вкупѣ наслаждался бы отправленіемъ своихъ занятій и благополучіемъ спокойной жизни... (1).

— Ци-ину, отправленному императоромъ для ревизіи на югъ, позволено возвратиться по болѣзни въ Пекинъ, и императоръ, чтобъ доказать къ нему свое расположеніе, послалъ къ нему съ его сыномъ нѣсколько ланъ жень-шеня. Вслѣдъ за тѣмъ и Цзянь-наньскій генералъ-губернаторъ уволенъ также по болѣзни; имѣетъ ли это связь съ ревизіей Ци-иновой—трудно сказать. Впрочемъ вѣроятно, что генералъ-губернаторъ самъ захотѣлъ избавиться отъ хлопотъ; онъ прославился тѣмъ, что управляя работами, вмѣсто 3,600,000 ланъ израсходовалъ въ годъ только 2 милл. Ему же обязаны были и попыткой перевозить хлѣбъ моремъ.

— Нынѣшній годъ пекинская весна нисколько не похожа на прежнія сухія, какихъ мы постоянно были свидѣтелями до 1-го мая; грязь не успѣла почти высохнуть на улицахъ; урожай будетъ, говорятъ, превосходный, а прежде императоръ, бывало, то и дѣло молился Лунъ-Сану о дождѣ.

— Императоръ былъ нѣсколько дней нездоровъ и посылалъ вмѣсто себя приносить жертву шестаго принца; пожалуй, это знакъ, что этому принцу вступить на престолъ.

— Въ Цзянь-нанѣ, какъ видно изъ доклада генералъ-губернатора,

(1) Этотъ указъ былъ изданъ вслѣдствіе переговоровъ съ Англичанами о входѣ въ Кантонъ; какъ видно изъ этого указа, они отказались отъ этой претензіи.

по случаю морскихъ разбойниковъ, составила народная морская милиція; изъ гражданъ двое сдѣланы главами; имъ подчинено нѣсколько старшинъ, которые имѣютъ въ своемъ завѣдываніи по десятку или около человекъ милиціи. Милиція, вмѣстѣ съ военными судами, ходитъ на своихъ судахъ въ море для преслѣдованія разбойниковъ. Двое старшинъ награждены чинами.

До 15-го іюля. До сего дня газеты не заключаютъ ничего интереснаго. Шуньтянь-фу, по случаю поимки копателей серебряной руды, послало чиновника *осмотрѣть* и *освидѣтельствовать* (какъ будто это легко) мѣстность; онъ нашелъ руду только въ одномъ мѣстѣ, но серебра оказалось въ ней такъ мало, что производство работъ не покрыло бы издержекъ. Итакъ, говорить шунь-тянь-фу, не возможно разрабатывать руды для казны, а предоставить это частнымъ лицамъ значило бы вовлечь ихъ въ разореніе; слѣдовательно, остается, говорить это мѣсто, хорошенько смотрѣть, чтобъ бездѣльники не разрабатывали руды. Оно и лучше, и безъ хлопотъ.

В. Васильевъ.

ИЗЪ

ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЧУДАКА

I.

КАМЕНЬ

Въ О—ой губерніи, въ дачахъ села Зыбова, лежалъ въ полѣ большой камень. Выросъ ли онъ тутъ, или попалъ сюда какъ-нибудь случайно, этого никто не зналъ, потому что самые дряхлые старики говорили, что камень лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, такъ что и дѣды, и прадѣды ихъ, застали его въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ теперь; а старухи увѣрили, что чортъ бросилъ его сюда, съ досады, за свое изгнаніе съ неба. Такъ или не такъ, только камень лежалъ, никого не обижая, тихонько и смиренхонько до тѣхъ поръ, пока наконецъ не нашлись люди, которые, пользуясь его смиренствомъ, вздумали употребить это его смиренство для своей пользы.

Ежели хотите узнать, какъ это было, прочтите прилагаемый здѣсь разказъ.

Наступала Пасха, и жена исправника Картолюбскаго уѣзда приступала къ нему, что у нея къ празднику нѣтъ ни новой шляпки, ни новаго бурнуса; кучеръ говорилъ, что карета плоха и, пожалуй, не отъѣздитъ лѣта (а тогда отъ жены ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься: исправникъ это зналъ очень твердо); староста же писалъ изъ деревни, что нужно безпремѣнно перемѣнить сѣмена овса, ибо: «свои добре плохи,

да и маловато ихъ будетъ.» При такихъ разнородныхъ требованіяхъ задумается и не исправникъ. Ужь онъ бѣдный ломалъ, ломалъ себѣ голову, откуда бы выжать копейку; перешарилъ мысленно весь уѣздъ отъ одного конца до другого, тщетно отыскивая, къ чему бы придаться и взять: оказывалось, что все, съ чего бы можно было взять, уже взято; государственныхъ крестьянъ трогать опасно, потому что окружной начальникъ самъ собаку съѣлъ по этой части и уже почистилъ все, что только можно было очистить; становой пристава оброки свои внесли еще къ новому году; за лошадей при земскомъ судѣ взято было еще впередъ; откупщикъ исполнилъ свою обязанность аккуратно при началѣ трети; однимъ словомъ, бѣдный исправникъ сталъ втупикъ и не зналъ куда сунуться для отысканія денегъ, какъ сами видите, необходимыхъ для того, чтобъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ дражайшей его половины, которая, чего добраго! башмакъ съ ноги, да и по щекѣ, ибо она шутить не любитъ; а притомъ дѣйствительно нужно было поправить карету, переменить и прикупить сѣмена овса. Конечно, послѣднее обстоятельство не важное; овесъ переменить всякій изъ помѣщиковъ, особливо изъ тѣхъ, у кого имѣніе назначено къ описи, чтобъ потянуть этою описью мѣсяцъ, другой, третій; прикупать тоже не потребуетъ, потому что можно будетъ взять займы (разумѣется безъ отдачи) тоже у любого помѣщика, котораго надобно будетъ вводить во владѣніе или отказывать имѣніе; карету тоже, въ какомъ-нибудь опекуномъ имѣніи, починять и поправлять за дешевую цѣну, а ежели немножко понажать, такъ пожалуй и задаромъ, что еще выгоднѣе... Но шляпка и бурнусъ?.. Это ужъ точка съ запятой! этого въ уѣздѣ не сдѣлаютъ! этого не выжмешь ни изъ помѣщика, ни изъ мужика; тутъ денежки надо платить, чистыя денежки, хоть откуда хочешь возьми. Къ тому жъ исправничиха проговаривала, что бурнусъ ей нужно непременно бархатный.—говорить, у предводительши бархатный, а я развѣ хуже ея? я еще дочь коллежскаго ассесора, а она—штабсъ-капитана; да и мужъ-то ея, всего поручикъ, и знаковъ отличія у него никакихъ нѣтъ; а мой такъ титулярный совѣтникъ, пряжку за безпорочную службу имѣетъ и притомъ станиславскій кавалеръ. Ну, а бархатный бурнусъ, сами знаете, это не то, что какая-нибудь бумажная тармалама;

тутъ десятки серебряныхъ рубликовъ припасай, а со шляпкой-то, пожалуй, и за всю сотню заѣдетъ. Задумаешься поневолѣ!

Сколько ни пускалъ исправникъ изъ рта табачныхъ колецъ, всѣхъ возможныхъ величинъ и очертаній; сколько ни перебиралъ въ умѣ всѣхъ конокрадовъ, съ которыми имѣлъ кой-какіе счетышки; сколько ни заѣзжалъ мысленно даже въ острогъ, думая тамъ заварить какую-нибудь кашу, подучивши арестанта показывать на богатаго мужика или купца потяжеловѣснѣе, что тотъ фальшивыя деньги дѣлаешь, или пристань ворамъ открылъ, или ограбилъ кого-нибудь на дорогѣ,—но и тутъ, оказывалось какъ-то неудобно, неловко, некстати. Ужъ онъ хотѣлъ отказаться отъ труда думать больше объ этомъ предметѣ на этотъ день, какъ вдругъ внезапное вдохновеніе осягнуло мозгъ его, и онъ, какъ извѣстный городничій, не догадавшійся поджечь своего города, чтобы при дѣйствіи пожарной команды, показать свою расторопность и дѣятельность, и услышавшій, что это сдѣлалъ другой въ сосѣднемъ городкѣ, и получилъ за это награду, воскликнулъ: ахъ, я телятина!

Когда эта вдохновенная мысль снизошла въ мозгъ исправника, онъ даже улыбнулся отъ удовольствія, потрепалъ себя по щекѣ, свиснулъ и вошедшему на этотъ свистокъ разсылному земскаго суда, верзилѣ въ косую сажень ростомъ, исправлявшему должность слуги, сказалъ съ необыкновенною пріятностію:

— Завтра, Андреичъ, мы ѣдемъ въ уѣздъ. Пошли десятника съ открытымъ предписаніемъ, заготовить мнѣ лошадей по тракту на Зыково, по самонужнѣйшей экстренной надобности.

Утро слѣдующаго дня застало исправника уже въ тарантасѣ, въ форменномъ сюртукѣ, съ пряжкой безпорочной службы и станиславомъ на груди, и верзилою разсылнымъ на козлахъ.

Это было въ апрѣлѣ. По голубому небу бѣгали прозрачныя облачка; теплый воздухъ вѣялъ чѣмъ-то нѣжащимъ; по дорогамъ бѣжали мутныя ручейки; въ полѣ надъ изумрудными всходами ржи заливался жаворонокъ; рѣка, освободившись отъ ледяныхъ оковъ, широко разметалась по лугамъ и полямъ, и рѣзвая струя, то серебрилась на солнцѣ полосатою рябью, то блестя сверкающими искрами, или вдругъ вся она одѣвалась серебрянымъ, необъятнымъ покрываломъ. Что-то праздничное лежало на землѣ и висѣло на небѣ. Лѣсъ начиналъ одѣваться въ празд-

ничную свою одежду, и отъ едва-развертывающихся листьевъ березы и черемухи разливался смолистый, ароматической запахъ; что-то мягкое, томительное, отрадное разлито было въ природѣ, которая, какъ красавица, просыпающаяся отъ долгаго сна, нѣжилась въ своей обаятельной красотѣ.

Исправникъ не видалъ ни прелести утра, ни красоты пробуждающейся природы, ибо спалъ, разметавшись на ситцевыхъ подушкахъ, съ покойною совѣстью человѣка, исполняющаго долгъ свой. Подъ вліяніемъ весенней теплоты, верзила тоже дремалъ на козлахъ, то покачиваясь изъ стороны въ сторону, то тыкаясь носомъ себѣ въ колѣни, то ложась головою на плечо мужику, исправляющему должность ямщика, такъ какъ исправникъ ѣхалъ на обывательскихъ. Лошаденки, не выдавшія цѣлую зиму ничего кромѣ ржаной соломы, едва-едва тащили тарантасъ, сдѣланный на тройку почтовыхъ и «поваляжнѣ», для того, чтобъ меньше ломался, поминутно останавливались въ грязи, несмотря на то, что мужикъ, стараясь выказать свое усердіе, не забывалъ, по мѣрѣ силъ своихъ, оскорблять ихъ ударами кнута, не по спинѣ, потому что это уже не помогало, а по ляшкамъ и брюху, отъ чего они каждый разъ виляли хвостомъ, какъ будто желая согнать неотвязчивую муху.

Когда исправникъ воспрянулъ ото сна, то пробужденіе свое ознаменовалъ онъ хриплымъ: *пошелъ*, сказаннымъ скорѣе по привычкѣ, нежели сознательно. Мужикъ, ожидавшій съ трепетомъ его пробужденія, принялся снова за кнутъ, которымъ и началъ полосовать лошаденокъ своихъ изо всѣхъ силъ; но онъ бѣдныя, истомленные и безкормицей, и дурною дорогою, останавливались чуть не на каждомъ шагу. Зыбково, цѣль поѣздки, было еще не близко, а солнце уже высокоюнью стояло на небѣ, и кругленькое брюшко исправника начинало чувствовать нѣкоторую пустоту, что еще болѣе прибавляло къ досадѣ, порожденной медленною ѣздой и безпрестанными остановками. И досталось бы и клячонкамъ и возницѣ, — вѣроятно досталось бы и больно, — ежелибъ верзила-разсылный, привыкшій къ подобнаго рода экспедиціямъ и отчасти прикидавшійся къ привычкамъ исправника, не напомнилъ ему, что у него въ тарантасѣ есть запасъ яицъ, запеченныхъ въ булки, чтобъ не бились дорогой, кусокъ пирога съ визигой, порядочный ломоть ветчины и фляга съ настойкой. Исправ-

никъ съ жадностію , достойною Фальстафа или русскаго приказнаго, спеціалиста въ этомъ дѣлѣ, накинута сперва на печеный аѣца, потомъ на ветчину и наконецъ на пирогъ, завершивъ все это хорошимъ глоткомъ водки. Насытившись , онъ бережно собралъ крошки, упавшія на сюртукъ и подушки, въ салфетку; вытряхнулъ ихъ за тарантасъ, сложилъ аккуратно пустую салфетку по тѣмъ складкамъ , по которымъ она была сложена , и запряталъ ее подъ подушку; потомъ снялъ картузь, набожно перекрестился, осмотрѣвшись предварительно: не видать ли на горизонтѣ какой-нибудь сельской церкви , куда бы могъ направить крестъ свой. Но какъ таковой не оказалось , то онъ возвелъ очи свои горѣ, то-есть на голубое, прозрачное небо, красоты котораго не только не видалъ , но даже и не подозрѣвалъ , потомъ зѣвнулъ , ругнулъ отъ нечего-дѣлать ямщика, общая ему по приѣздѣ въ деревню, полсотню розогъ, на что тотъ вмѣсто отвѣта снялъ свою поярковую грешневиномъ шляпу, и что-то промычалъ, вѣроятно заранѣе изъявляя свое удовольствіе, потомъ снова принялся бичевать своихъ клячонокъ. Исправивши такимъ образомъ все , что честному человѣку въ подобномъ случаѣ предстояло сдѣлать, исправникъ снова началъ готовиться: «сѣздить къ храповицкому». Эта ѣзда къ храповицкому была его спеціальностію. Онъ могъ ѣздить къ нему не только ночью или въ указное время , какъ на примѣръ послѣ обѣда , но и во всякое время дня , даже сейчасъ только вставши, и такъ былъ увѣренъ въ этой своей способности, что прибѣгалъ къ ней всегда, когда ему нечего было дѣлать , а это бывало часто , потому что «дѣломъ» онъ называлъ только то , что могло принести ему какой-нибудь доходъ, все же остальное считалось пустяками и предоставлено было секретарю, который имѣлъ талантъ изъ исправникова недѣла дѣлать себѣ дѣло и жить припѣваючи. Такимъ образомъ оба были довольны, и ежели бывали иногда случаи , что секретарь, принадлежавшій, по выраженію исправника, «къ крапивному сѣмени», протягивалъ лапу къ исправникову дѣлу , за что тотъ сердился не на шутку и каждый разъ грозилъ его выгнать, —то это бывало рѣдко и не возобновлялось съ тѣхъ поръ, когда исправникъ , въ припадкѣ великодушія , уступилъ ему, пополамъ съ непремѣннымъ застѣдателемъ и съ тѣмъ, чтобы они ужъ не мѣшались въ конокрадовъ, контрамарки на подводы , что

въ годъ все-таки составляло сотъ пять или шесть серебряныхъ рублевиковъ.

Вы конечно не знаете, что такое контрамарки на подводы; постараюсь объяснить вамъ это.

Когда идетъ полкъ, везутъ казенныя тягости, или идетъ партія арестантовъ, солдатъ или рекрутъ, то для облегченія расчетовъ за взятія у обывателей подводы, велѣно выдавать за нихъ не деньги, а контрамарки, которыя, при взносѣ подушныхъ, можно представлять къ зачету въ казначейство вмѣсто денегъ. Мѣра отличная и въ высшей степени разумная, ибо удовлетворяетъ въ одно время двумъ потребностямъ: во первыхъ избѣжанію расчетовъ при недостаткѣ мелочи, въ деревняхъ весьма ощутительномъ, тѣмъ еще болѣе при стертой мелочи, которую начальники партій умѣли всегда навязывать волей-неволей мужикамъ, и которую въ казну не принимаютъ; во вторыхъ предохраненію подушныхъ отъ растраты, гдѣ на домашній обиходъ, гдѣ на другія какія-нибудь надобности. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ контрамарку нельзя никуда представить и нигдѣ размѣнять, кромѣ какъ при подушныхъ, то мужикъ поневолѣ бережетъ ее для этого случая, и какъ придетъ время вносить ихъ, не мечется какъ угорѣлый, или отыскивая денегъ, которыя не дальше какъ вчера пропилъ «загулявши», или размѣнивая серебряныя или золотыя деньги на кредитные билеты, чтобъ не сдавать въ казначейство лишка, а между тѣмъ платя за промѣнъ 1½ и даже 2 копѣйки съ рубля.

Жаль очень, что контрамарки не введены въ почтовомъ въдомствѣ, для уплаты прогоновъ. Сколько споровъ, затрудненій, даже обидъ, причиняется на большихъ дорогахъ ямщикамъ, со стороны проѣзжихъ, не имѣющихъ возможности, особливо при недостаткѣ мелочи въ обращеніи, запастись мелочью на всю дорогу. Да и наконецъ возможно ли это, при нашихъ безконечныхъ разстояніяхъ? Сколько разъ случалось мнѣ самому намѣнивать цѣлыя горы мелочи, платя за промѣнъ довольно дорого, чтобъ только не слышать жалобъ ямщиковъ, съ которыхъ требуютъ сдачи, и которой у нихъ нѣтъ; видѣть съ прискорбіемъ, что мелочи, вопреки ожиданіямъ, достаетъ только на половину пути! А сколько хлопотъ съ мѣдными деньгами! Намѣняешь, кажется, страшный мѣшокъ, а какъ начнется:

смотрителю. за подмазку, ямщику на водку, старость, нищину, такъ и увидишь, что толстопузенькій мѣшокъ страшно похудѣетъ и наконецъ получить видъ чахоточнаго. А не возьми мѣдныхъ денегъ, — на все, про все, надо будетъ давать серебряныя, и тогда Богъ знаетъ что станетъ дорога.

Разсчитывать на сдачу нечего; ея не получишь никогда, потому, можетъ-быть, что ея и дѣйствительно нѣтъ, а ежелибъ и была, такъ не дадутъ. Да и кому охота давать—сами разсудите? Дали вы напимѣръ двугривенный съ тѣмъ, чтобы староста получилъ себѣ пятакъ, а вамъ сдать пятиалтынный. Староста пошарить, пошарить у себя въ кошелекъ и объявить, что у него пятиалтыннаго здѣсь нѣтъ, а вотъ онъ сходить посмотрѣть у себя дома. Вамъ между тѣмъ закладываютъ лошадей. Для успокоенія своей совѣсти, вы закричите ему вслѣдъ: смотри же поскорѣй! а онъ пойдетъ, да и пропадетъ. Вамъ лошадей между тѣмъ запрягъ, вамъ дожидаться скучно, а можетъ-быть и некогда; вы отправляете за старостою пословъ, но послы или не находятъ старосту дѣйствительно, потому что онъ гдѣ-нибудь спрятался, или спрячутся съ нимъ вмѣстѣ, и гдѣ-нибудь за угломъ будутъ выжидать вашего отъѣзда. Иной прижимистый проѣзжіи покричитъ, покричитъ; побѣситъ, побѣситъ; отпустить десятокъ или пожалуй два «крѣпкихъ словецъ», а потомъ и уѣдетъ, проклиная станцію, ямщиковъ, почтовую ѣзду и *tutti quanti*. А русскій человѣкъ, вы знаете, «за тычкомъ не гонится», тѣмъ болѣе, что онъ очень хорошо знаетъ, что «брань на вороту не виснетъ» — и только что проѣзжіи отъ крыльца, староста и посланные занимъ являются, какъ ни въ чемъ не бывало изъ-за перваго угла, получивши вмѣсто пятачка, двугривенный, хоть и вопреки желанію даващаго.

Болѣе совѣстливые поступаютъ иначе. Они возьмутъ вашъ двугривенный, сдадутъ вамъ гривенникъ и начнутъ шарить въ кошелекъ, не находя достаточно мѣдныхъ, и кончатъ тѣмъ, что вмѣсто остальныхъ пяти копѣекъ, сдадутъ вамъ только двѣ, три и даже одну копѣйку, говоря, что «нѣтъ больше» и низко поклонившись. Волей-неволей махнете рукой и развѣ скажете такому, болѣе для собственнаго удовольствія, нежели для его неудовольствія, что онъ подлецъ и скотина, а это онъ выслушаетъ, ухмыляясь и кланяясь.

Контрамарки устранили бы это неудобство, которое, вмѣстѣ съ другими непріятностями дороги, имѣеть своимъ послѣдствіемъ то, что многіе на ѣзду на почтовыхъ смотрять не иначе, какъ на пытку. Контрамарки въ 50, 30, 20, 10 и 5 коп. могли бы продаваться въ казначействахъ вмѣстѣ съ подорожными и были бы благодѣяніемъ и для ямщиковъ, и для проѣзжихъ.

Вотъ такія-то контрамарки исправникъ уступилъ секретарю съ непремѣннымъ, то-есть положилъ имъ въ карманъ отъ 200 до 250 р. сер. каждому въ годъ. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ не раздавать контрамарокъ за подводы, какъ это обыкновенно и дѣлается, а просто продавать ихъ желающимъ за половину или за двѣ трети цѣны, къ подушнымъ. Не отдавать контрамарокъ за подводы можно очень просто: мужики большею частію не знаютъ этого благодѣянія, а по приказу становаго даютъ подводы натурою, да и рады, рады еще, ежели воротившись домой, шеи у нихъ цѣлы. Мужику развѣ стать спорить съ становымъ, а еще пуще — съ исправникомъ? Дастъ подводу, дастъ пять, а о контрамаркѣ не только что не заикнется, даже не подумаетъ; за то какъ придутъ подушныя, самъ же поѣдетъ выручать эти контрамарки, потому что, какъ хотите, заплатитъ семьдесятъ пять копѣекъ, а пожалуй и полтину за рубль, пріятно, — да и мѣнять денегъ не надобно. И въ казначействѣ придраться къ контрамаркѣ нельзя; дѣло чистое. А земской полиціи, что за семьдесятъ пять копѣекъ, что за полтину продать, вмѣсто рубля — все выгодно. Даромъ деньги приходить... безъ шума, безъ ссоры, а еще съ поклономъ, да на добромъ словѣ.

Исправникъ въѣхалъ въ Зыбково часовъ въ 11 утра, и такъ какъ нарочный извѣстилъ уже о его пріѣздѣ всѣхъ кого нужно, то изба была приготовлена къ его принятію. Накрыли столъ, собрали сотню яицъ и двѣ курицы, на столъ поставили солонку и ситникъ, изъ избы всѣхъ выгнали вонъ; сотники въ медаляхъ и съ палочками дежурили у воротъ—однимъ словомъ, все было готово. Не обративъ вниманія на эти приготовления, исправникъ только-что пріѣхалъ, тотчасъ велѣлъ собрать сходъ, говоря, что это по высочайшему повелѣнію и слѣдственно мѣшкать нельзя.

Вѣсть эта распространилась съ быстротою молніи. Не прошло часа, какъ вся деревня, состоящая слишкомъ изъ трехъ ты-

сячь душъ, была на ногахъ, отъ мала до велика. Таинственный видъ, принятый исправникомъ, усиливалъ интересъ. Мужики, старые и молодые, тщетно ломали голову, чтобъ узнать причину такого внезапнаго пріѣзда самого исправника, — тогда какъ онъ могъ прислать непремѣннаго, становаго, даже приказнаго, а не беспокоиться самому.

— Вилно, малый, такая штука есть, что самому надо! говорили они другъ другу, стараясь казаться равнодушными. Но въ душъ каждого было что-то тревожное. Они знали, что даромъ исправникъ не тронется съ мѣста; надобно, чтобъ что-нибудь серьезное вынудило его къ этому. Всякій ждалъ непокойно развязки.

Когда сходъ былъ собранъ и помѣстился полукругомъ передъ избой, въ которой остановился исправникъ, — сотскіе пришли доложить ему о томъ. Онъ взялъ картузъ и вышелъ. Съ его выходомъ, шапки и шляпы полетѣли съ головъ, — толпа сжалась плотнѣе, изъ полукружія сдѣлался кругъ; всѣ норовили быть къ нему какъ можно ближе, чтобъ не проронить ни слова изъ того, что онъ будетъ говорить. Исправникъ тоже снялъ картузъ, поклонился на всѣ четыре стороны и началъ:—Ребята... ребята! я пріѣхалъ къ вамъ по нужному дѣлу. Давно ужъ идетъ у меня объ немъ переписка, Я всячески старался отстоять васъ, — но видно этого нельзя. Сила солому ломить. Не пеняйте на меня, я сдѣлалъ все, что могъ...

Въ толпѣ, у многихъ зачесалось въ головѣ. Подобное вступленіе не предвѣщало ничего добраго. Тѣ, которые стояли къ исправнику ближе, проговорили скороговоркой: «Спасибо, ваше благородіе, что стараетесь за насъ!» тѣ, которые были подалше, начали перешептываться. У всѣхъ на лицахъ было какое-то тоскливое, тревожное ожиданіе.

— Я вамъ говорилъ, ребята, продолжалъ исправникъ, что еще съ осени приказано мнѣ было, и не отъ губернатора только, а изъ Питера,—доставить туда камень, который лежитъ на вашемъ полѣ. Вы вѣрно слышали, что въ Питерѣ ставятъ большой памятникъ; камень вашъ понадобился подъ этотъ памятникъ. Какъ дошелъ до Питера слухъ о вашемъ камнѣ, не знаю, — можетъ и губернаторъ донесъ объ немъ, чтобъ выслужиться. Еще по осени спрашивали меня, какой величины этотъ ка-

мень и годится ли для этого дѣла; я, жалѣючи васъ, отвѣчалъ, что камень небольшой, весь въ трещинахъ, рассыпается на воздухъ и никуда не годится, но мнѣ не повѣрили. Присылали сюда изъ Питера нарочнаго чиновника, посмотреть камень... Чиновникъ пріѣзжалъ подъ страшнымъ секретомъ, былъ у васъ въ селѣ и осмотрѣлъ его. Посылался было я вамъ дать объ этомъ вѣсточку, съ тѣмъ, чтобы вы сами попросили чиновника, нельзя ли какъ отстоять васъ, но онъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ, что ежели я это сдѣлаю, такъ меня въ Сибирь сошлютъ. Не посерчайте, ребята—я человекъ семейный; жена, маленькія дѣти,—испужался Сибири: промолчалъ, не послалъ къ вамъ. Христомъ-Богомъ просилъ его, какъ онъ воротился въ городъ, чтобъ написалъ, что камень не годится; подарокъ давалъ ему—не взялъ, видно, мало показалось, и уѣхалъ съ тѣмъ въ Питеръ...

— Эхъ, ваше благородіе! сказалъ голосъ изъ толпы:—намъ не повѣстили... мы бы скинулись, представили бы сколько нужно...

— То-то и есть, что испужался! продолжалъ исправникъ. Денегъ у меня втупору не было; давалъ я ему тысячу рублей, — не взялъ; да такъ фыркнулъ, что я и съ деньгами-то едва изъ комнаты ноги унесъ. Мало ли ему показалось, али ужъ такой человекъ попался — только и слушать меня не сталъ. Теперь опять приказываютъ изъ Питера камень безпремѣнно туда привезти.

— Эка бѣда, подумаешь! замѣтилъ одинъ старикъ:—а кто жъ повезетъ-то его, ваше благородіе?

— Кому жъ везти кромѣ васъ? На вашей угодѣ лежитъ, такъ вамъ и везти! отвѣчалъ исправникъ.

— Какъ же его поднять-то? сами разсудите, ваше благородіе!

— Экая ты голова! развѣ я не знаю что это и Богъ вѣсть какъ трудно. Да развѣ противъ начальства спорить станешь? Вѣрно, да и все тутъ.

— Вы бы, ваше благородіе, сдѣлали милость, написали, что его никакими силами поднять нельзя; что эдакой страшнѣющій камень не то что отвезти, съ мѣста-то своротить ни какими способами не можно...

— Говорятъ тебѣ, что писалъ. Все писалъ, что только можно было, чтобъ отстоять васъ. Старался такъ, кажется, какъ

для отца роднаго. Да что жь станешь дѣлать! Вѣдь это не свой братъ. Имъ въ Питерѣ-то хорошо — развѣ они знаютъ мужицкую нужду. Велѣли—да и все тутъ; а ты тутъ отдувайся какъ знаешь. Ужь думалъ было и такъ: не послать ли деньжонокъ тому, кто этимъ дѣломъ заправляетъ—авось взмилостивится...

— Намъ ходоковъ не послать ли, ваше благородіе? замѣтилъ одинъ старикъ. Можетъ и выплачутъ. А то бѣда, ежели не оти́мъ. Въ разоръ насъ разорять этимъ!

— Ходоковъ посылать не совѣтую, отвѣчалъ торопливо исправникъ, — только-что хуже осерчаютъ. Еще бѣды, пожалуй, навивешь. Ужь нельзя ли лучше какъ-нибудь отвезти камень-то! а? Подумайте-ка, ребята? Можетъ и можно!

— Никакъ не можно это! отвѣчалъ Савельичъ, старикъ извѣстный своимъ умомъ и посаженный отецъ на всѣхъ свадьбахъ: —камень страшенный, съ цѣлую избу будетъ; въ немъ и Богъ знаетъ какія тысячи пудовъ есть. Да и снасти-то гдѣ мы возьмемъ для этого? У насъ у мужиковъ извѣстно какая снасть: розвальни что дрова возять. Развѣ на этихъ увезешь?

— Розвальни!.. Какіе тутъ те розвальни? перебилъ его третій старикъ. Тутъ развѣ тѣмъ пахнеть? Ты помнишь, Савельичъ, какъ колоколь-то намъ везли; въ немъ и всего-то семьдесятъ пудовъ было,—а какъ маялись? А это развѣ съ колоколомъ сравнять? Тутъ колеса-то знаешь какія надо? Нашему кузнецу пожалуй и не сковать такихъ...

Пока вблизи исправника происходили эти разсужденія, вдали начался шепотъ, превратившійся потомъ въ говоръ, наконецъ въ крикъ. Всѣ говорили, спорили, шумѣли; никто не слушалъ. Тысячу разныхъ мнѣній было подано; ни одно изъ нихъ не было принято. Исправнику надоѣлъ этотъ хаосъ. Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, сотники подхватили и закричали: ссы! молчать!... и черезъ минуту все дѣйствительно смолкло, потому что всѣ, отъ мала до велика, кричали въ свою очередь: ссы! и это сыканье продолжалось нѣсколько минутъ.

Наступила торжественная тишина.

— Не лучше ли будетъ, ребята, началъ исправникъ, — ежели вы выберете человѣчковъ десятокъ, потолковать собща объ этомъ дѣлѣ, да померекать: какъ бы лучше бѣду эту стряхнуть съ шеи. Я съ своей стороны радъ-радостью помочь вамъ на сколько

силы хватить. Выберите-ка кто поумнѣй, да присылайте ко мнѣ въ избу.

Съ этимъ словомъ исправникъ ушелъ и тотчасъ распорядился поставить самоваръ; досталъ изъ погребца кизлярки и началъ ожидать выборовъ.

Оставшись одни, крестьяне подняли такой шумъ, что кажется разбудили бы мертвыхъ въ могилахъ, ежелибъ тѣ могли ихъ слышать. Несмотря на безалаберный, повидимому, крикъ и толкъ, все жъ выбрали, какъ слѣдуетъ, Савельича, потому что онъ слыгъ по деревнѣ первымъ умникомъ; Андрона Власыича, потому что былъ мужикъ денежный, и въ деревнѣ не было почти ни одного, кто бы не состоялъ ему должнымъ; Ваньку Корноухова за то, что больно на словахъ гораздъ былъ, а Семена Потягайкина за его смиренство. Остальные были ни то, ни се, середка на половинѣ; ихъ выбрали потому, что одинъ былъ всѣмъ кумомъ; другой — что у него бабы больно брагу хорошо варили; а третій — что съ становымъ въ ямщикахъ всегда ѣзжалъ и умѣлъ передъ начальствомъ отвѣтъ держать.

Исправникъ сидѣлъ за самоваромъ, когда депутаты вошли въ избу, поклонились, встряхнули головами, кромѣ старика, у котораго голова была гладка какъ ладонь, и стали въ шеренгу. Исправникъ, фizioномія котораго была сходна съ фizioноміей кошки, облизывающей послѣ лакомаго куска, оправдалъ это сходство; онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ депутатамъ, побалагурилъ съ Савельичемъ, потрепалъ Андрона Власыича по его толстому чреву, прибавя съ пріятною улыбкою: небось все ассигнаціями набито! Корноухова щипнулъ таки изряднехонько за ухо, прибавя: воръ, мужикъ!.. за чтò они всѣ трое въ отвѣтъ ему улынулись самымъ пріятливымъ образомъ, поклонились и пригладили волосы, — проводя рукою по головѣ нѣсколько разъ съ видимымъ желаніемъ сказать что-нибудь въ родѣ: *ради стараться!* но не сказали ничего, а только переглянулись и потоптались на своемъ мѣстѣ.

Когда такимъ образомъ аудиторія исправника была достаточно подготовлена, — онъ, какъ опытный дипломатъ, приступилъ къ дѣлу не съ бухту-барахту, какъ сдѣлалъ бы это можетъ-быть иной новичокъ, а исподоволь и постепенно; въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ представя имъ всѣ усилія, какія онъ дѣлалъ для

того, чтобъ отвлечь вниманіе правительства отъ этого камня; повторилъ со всѣми подробностями, какъ упрашивалъ чиновника и давалъ ему деньги, и кончилъ тѣмъ, что предложилъ, какъ единственное средство: послать въ Петербургъ деньжонокъ и послать побольше, чтобъ разомъ покончить дѣло. Но для того, чтобъ лучше скрыть то, къ чему онъ хотѣлъ привести ихъ, онъ снова завелъ разговоръ: нельзя ли поднять камень и отвезти его въ Питеръ. Разумѣется, мужики были и руками и ногами противъ этого. Они очень хорошо понимали, что съ ихъ средствами поднять и везти камень вышиною аршинъ шесть или семь, да длиною и шириною аршинъ по пяти,—нѣтъ возможности, и ужасались при одной мысли объ этомъ отвозѣ, видя въ немъ, по ихъ словамъ, «свое конечное разореніе». А потому, чѣмъ болѣе опытный исправникъ настаивалъ на предложеніи отвезти камень, чтобъ не харчиться даромъ, въ случаѣ, ежели посланные деньги не помогутъ, тѣмъ упорнѣе мужики доказывали ему, что это невозможно и тѣмъ убѣдительнѣе просили его помочь имъ, говоря, что за деньгами не постоятъ.

— Я помогать готовъ, ребята, только вы меня не осрамите. Посылать, такъ надо посылать побольше, а то и рукъ марать нечего. Я вамъ говорилъ ужъ: тысячу рублей изъ своихъ денегъ давалъ, такъ и не взглянулъ даже... надулся — и рыло прочь отворотилъ. Такъ теперь съ тысячкою рублями и соваться нечего. Потолкуйте на міру, чтò бы вамъ въ охоту было дать, а я послѣ скажу, довольно или нѣтъ будетъ. Мнѣ тутъ корысти нѣтъ — сами знаете, только не хочется же передъ начальствомъ и марать себя: лѣзетъ де, скажутъ, съ какою-нибудь тыщенкой, когда тутъ о государственномъ дѣлѣ толкуютъ. Памятникъ! шутка! Нѣтъ, братья! тутъ подымай выше; тутъ десятнами тысячъ пакнеть, такъ о какой-нибудь тыщенкѣ и толковать нечего.

— Намъ на міру спрашивать неча, ваше благородіе, отвѣчалъ Корноухой, — отъ міра намъ такой наказъ данъ: кончить съ твоимъ благородіемъ. Чтò ты велишь, такъ тому дѣлу и быть. Міръ еще велѣлъ и твоему благородію поклониться, за твои хлопоты, да за старанье, сколько самъ положишь.

— Дуракъ ты, Корноухой! сказалъ исправникъ весело, — дуракъ, и ничего больше. Развѣ мнѣ нужно что-нибудь? Заповѣдь Христову помню, такъ поэтому и стараюсь за васъ, — вотъ чтò. А то ты деньгами хотѣлъ меня ублаготворить? Не на того, братья,

напасть. Помню совѣсть и присягу, и служить вамъ хочу: не изъ корысти или лихоимства, а ради добраго слова. Можетъ когда-нибудь меня и помянете. Я человѣкъ не молодой. Нынче живъ, а завтра пожалуй и ноги протянешь, такъ чтобы добрые люди помнили, да когда грошикъ за упокой души подали,—вотъ чтò! А ты думалъ деньгами?.. Э... эхъ, братья! а еще умникомъ считаешься?

Корноухой такъ и сгорѣлъ на мѣстѣ, слыша такія умныя исправниковы рѣчи, тѣмъ болѣе, что и товарищи стали на него посматривать съ упрекомъ. Онъ переминался и наконецъ сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, на меня не сердчайте. Это я такъ съ глупости только молвилъ. Извѣстно, мужикъ глупъ; развѣ мы грамотные что ли?.. Это такъ только, отъ нашего усердія.

— Ну, да полно говорить объ этомъ! перебилъ исправникъ. — Лучше потолкуемъ о дѣлѣ. Я знаю, что вы меня любите; да и я, чай, всегда старался мужичку этакъ службу всякую...

— Много довольны вашею милостью; вѣкъ будемъ помнить ваши благодѣянія! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ и кланяясь.

За чтò они благодарили—не зналъ никто; большая половина ихъ, и въ глаза не видала его, а ежели и знали его по слухамъ, то единственно благодаря поборамъ, которые дѣлались на него становымъ и сотниками, чтобъ съ праздникомъ поздравить.

— Не о благодарности вашей рѣчь, ребята, я всегда готовъ помочь каждому изъ васъ; давайте рѣчь вести о камнѣ—то! Ну, ты лысая голова, какъ думаешь? сказалъ онъ, обращаясь къ Савельичу.

— Да чтò тутъ думать—то, батюшка, ваше благородье. Камня поднять нельзя, объ этомъ и калякать нечего! хоть всю волюсть выгони, его и съ мѣста не тронешь. Развѣ какія машины подведутъ, такъ можетъ и сволокутъ съ мѣста, а намъ нечего и хвататься. Это дѣло не нашихъ рукъ. Только на тебя, родимый, и надежда. Коли ты въ наше сиротство не вступишься, пропадать намъ вовсе. Хоть въ гробъ ложись, да умирай...

— Ну, а какъ же бы ты думалъ?

— Да какъ думалъ! собралъ деньги, да и все тутъ. Видимое дѣло, что безъ подарка тутъ ничего не сдѣлаешь. Ублагодотворилъ хорошенько, такъ можетъ и смилостивятся.

— Ну, а сколько бы ты эдакъ мерекалъ послать—то нужно?

— Это тебѣ виднѣй, ваше благородіе; ты съ этимъ народомъ

обращался. Вѣстимо дѣло, что ежели тысячи рублей отъ тебя не принялъ, такъ надо посылать больше. А ужъ сколько, это ты самъ разсуди. Мы вѣчно за тебя богомольцы будемъ.

Исправникъ призадумался.

— По-моему, началъ онъ, помолчавши,—послать, такъ послать тысячки три надо. А меньше—какъ бы все дѣло не испортить. Пожалуй, какъ пошлешь мало, такъ такъ осерчаютъ, что послѣ и десять тысячъ радъ бы дать, да не поправишь. А? какъ ты думаешь, Власть Андроновъ?

— Я думаю, что умныя ваши рѣчи, ваше благородіе. Три тысячи, такъ три тысячи. И то сказать: съ міру по ниткѣ, голому рубаха. Гдѣ имъ въ Петербургѣ взять—то? Прикажите, ваше благородіе, деньги собирать, да и концы въ воду.

— Смотрите, ребята, чтобъ послѣ на міру жаловаться не стали, что много собрали. Какъ бы и мнѣ съ вами нареканья какого не принять.

— Э, ваше благородіе! перебилъ Корноухой, желая загладить прежнюю неловкую свою выходку:—кому жалиться—то? Чтожь самъ не шелъ, да не говорилъ, коли кому нужно. Намъ всякаго слушать нельзя. Міръ наказалъ намъ собица съ твоимъ благородіемъ порѣшить дѣло—ну мы и порѣшили... Сказано: три тысячи!... такъ такъ тому дѣлу и быть. Прикажешь повѣстить что ли о сборѣ?

— Приказать, для чего не приказать, коли вы ужъ такъ рѣшаетесь! Ступай, Корноухой, ты помоложе всѣхъ,—вели сборщику собирать деньги. А поскольку собирать надо, ребята? а? какъ думаете?

— Да поскольку придется! отвѣчалъ Савельичъ. Сколько у кого душъ, тотъ столько пущай и платить. У насъ 500 домовъ; есть пять душъ въ дому, такъ съ пяти душъ и давай.

— Вѣдь это неправильно, Савельичъ, замѣтилъ исправникъ. Развѣ одиночка какой-нибудь виноватъ, что у него десять душъ въ дому—а работникъ—то онъ одинъ, и землю только на одно тягло получаетъ?

— А какъ же бы по-твоему, родимый?

— По моему, надо разложить по тягламъ, по ровной части. Сколько тяголъ, столько и паевъ. У васъ сколько здѣсь тяголъ?

— У насъ здѣсь 1300 тяголъ, а душъ 3221, ревизскихъ то-есть. Этакъ, по-твоему, что съ тягла-то придетъ?

— По два рубля съ тягла, это двѣ тысячи шестьсотъ, остается четыреста; да по тридцати копѣекъ — триста девяноста, всего безъ десяти рублей три тысячи. Значить по два рубля по тридцати копѣекъ съ тягла. Такъ бы и взять.

— Оно бы хорошо, родимый, да не заведено у насъ.

— Ну такъ заведите.

— Нельзя, батюшка, ваше благородіе; отцы и дѣды наши такъ не дѣлали, такъ намъ противу ихъ разуму начинать нечего. Не глупѣй они нашего были. Неча и толковать объ этомъ. Ты вотъ, родимый, смекни-ка, почемъ съ души-то придетъ?

— По девяносто копѣекъ—это будетъ двѣ тысячи семьсотъ, да съ двухсотъ—сто восемьдесятъ, да съ двадцати—восемнадцать, да одна, всего двѣ тысячи девятьсотъ восемнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ.

— Такъ мало будетъ?

— Мало. Копѣекъ по пяти видно еще съ брата взять придется.

— По пяти, такъ по пяти. Значить всего съ души по девяносто по пяти копѣекъ. Ну, не Богъ знаетъ какая тягота! Такъ бѣги, Корноухой, командуй, чтобъ собирали. Скажи Антону Емельянычу—онъ на это больно ужъ ловокъ.

Корноухой былъ ужъ въ дверяхъ, когда исправникъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Смотри жь, приходи чай пить, Корноухой. Скорѣй поворачивайся.

— Я сейчасъ взадъ буду, ваше благородіе. Только добѣжать до Антона Емельяныча.

И выскочилъ изъ избы.

Миръ между тѣмъ стоялъ, ожидая рѣшенія исправника съ выборными. Когда Корноухой объявилъ имъ, что рѣшено собрать по девяносто по пяти копѣекъ съ души, всѣ смолкли, нѣкоторые даже перекрестились; вообще всѣ были довольны, что немного, кромѣ самыхъ горюновъ, которые заботливо и уныло чесали въ затылкахъ и остались поджидать Андрона Власыча, чтобъ «покупиться ему» и попросить у него займы: кто подъ залогъ будущаго урожая, кто подъ залогъ конопли и посконы, а кто и такъ—съ «прокатомъ» (1) десять копѣекъ на рубль.

(1) То—есть съ процентами.

Исправникъ межъ тѣмъ бражничалъ съ выборными, къ которымъ Корноухой воротился благимъ матомъ, чутьемъ слыша запахъ кизлярки. Разказамъ не было конца. Старики распустили ласы, обрадованные и польщенные тѣмъ, что капитанъ-исправникъ не брезгаетъ пить чаекъ вмѣстѣ съ ними, и дали бы ему не то, что по девяносто пяти копѣекъ, а пожалуй по полутора рубля съ души. За то исправникъ былъ не скупъ ни на слова, ни на кизлярку. Онъ угощалъ ихъ и тѣмъ и другимъ, съ тѣмъ искусственнымъ простодушіемъ, къ какому способенъ почти всякій Русскій, когда идетъ дѣло о томъ, чтобъ «обойдти», прикинуться простачкомъ, чтобъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Мужики мои были внѣ себя. Они пошли бы кажется подъ топоръ за исправника, ежелибъ кто сказалъ, что онъ ихъ «надуваетъ».

— Мнѣ жаль будетъ, ребята, сказать между прочимъ исправникъ, — ежели собранныя вами теперь деньги не избавятъ васъ отъ этого камня, — чтобъ его нелегкая взяла! Я буду стараться изо всѣхъ силъ и повѣщу вамъ, какой получу отвѣтъ на мое письмо. Чего добраго, пожалуй и трехъ тысячъ мало покажется — тогда ужъ я право не знаю, чтò и дѣлать. Молитесь, ребята, хорошенько, вотъ все, чтò могу вамъ посовѣтовать.

Потягайкины, выбранный въ депутаты «за смиренство», нѣсколько развеселившись отъ кизлярки, рѣшился наконецъ сказать свое слово. Онъ былъ мужикъ не глупый и смирный по природѣ; но смиренство его состояло вовсе не въ смиренствѣ, онъ только чрезвычайно хорошо вытвердилъ пословицу: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись», и въ этой пословицѣ видѣлъ правило для всей своей жизни. Какъ вообще всѣ люди низшихъ сословій у насъ въ Россіи, онъ, дѣлая видъ, что ничего не слышитъ и не видитъ, очень хорошо слышалъ и принималъ къ свѣдѣнію все, чтò около него говорилось и дѣлалось; никогда ни съ кѣмъ не спорилъ; давалъ каждому высказать свое мнѣніе прежде, чѣмъ выскажетъ свое, которое по большей части всегда было одинаково съ мнѣніемъ того, кто съ нимъ говорилъ, или лучше сказать: онъ никогда, и никому не высказывалъ своихъ мнѣній, дѣйствуя всегда въ одиночку и подъ шумокъ. Онъ былъ богатъ, но никто не зналъ навѣрное, есть ли у него деньги, или нѣтъ; даже исправникъ, который зналъ наперечетъ всѣхъ богатыхъ мужиковъ своего уѣзда, потому что съ кошелькомъ cadaго былъ знакомъ больше или меньше, — не рѣшилъ этого

вопроса, хоть и всячески добивался того, съ искреннимъ желаніемъ познакомиться и съ его кошелькомъ и тѣмъ разширить кругъ своей практической дѣятельности. Потягайкины былъ молчаливъ не по природѣ, а по расчету; вслѣдствіе этого всякое его слово имѣло значеніе.

Слово Потягайкина было такое:

— А что, сударь, ваше высокоблагородіе, ежелибъ намъ этотъ камень да извести какъ-нибудь? Тогда бы вѣдь къ намъ приставать больше не стали.

— Да какъ же ты изведешь-то его, Семень, какъ бишь тебя по отчеству-то? возразилъ исправникъ, въ расчеты котораго не входило, чтобъ камень былъ уничтоженъ, ибо онъ приберегалъ его и на будущее время, зная, что деньги понадобятся не къ одной Пасхѣ, но и къ Спасу, и къ Рождеству, и къ Новому году.

— Да извести. Какъ не извести, сударь, ваше высокоблагородіе, коли, примѣрно, захотѣтъ этого? Ужь коли кремлевскія стѣны Французъ на воздухъ поднялъ, такъ ужъ съ эдакимъ камнемъ какъ не сладить? Подкатилъ подъ него, примѣрно, бочонокъ—другой пороху, такъ и слѣда не попахнетъ. У насъ намени антилеристы стояли, такъ тамъ одинъ старшій какой-то, — мудреное такое ему прозваніе, бамбиръ что ли, али бабадиръ, — такъ разказывалъ: какой ни есть страшнѣющій домъ будь, али колокольня, примѣромъ сказать, — подкати только пороху, такъ вотъ такъ въ щепки и разнесетъ...

— И... и... и! сдѣлали другіе крестьяне. Такъ-таки и разнесетъ?

— Да такъ-то разнесетъ, что слѣда не найдешь послѣ. Этотъ бамбиръ—мужикъ знатной такой! калякалъ у насъ цѣлый вечеръ, да такихъ-то диковинокъ разказалъ, что мы всѣ уши поразвѣсили. Говорить, подъ Аршавой такъ-то пороху подкатали подъ эдакое, говоритъ, большущее строеніе, крѣпость что ли, да какъ зажгли, да какъ тарарахнуло, такъ не то что строеніе, и люди-то всѣ, какіе тутъ были, такъ всѣ вверхъ и полетѣли. Ни одного не нашли послѣ.

— Экія страсти, подумаешь! замѣтилъ Корноухой.

— Я и мѣкаю, продолжалъ Потягайкины, — что ужъ ежели такое большущее строеніе да въ щепки разнесло, такъ отчего жъ бы и намъ нашъ камень не разбить такимъ же побытомъ?

— А что, впрямь, ребята! сказалъ Корноухой: — Семень Иванычъ-то дѣло говорить.

Исправнику, которому, какъ я сказалъ выше, вовсе невыгодно было предложеніе Потягайкина, поторопился остановить его и сказалъ:

— А ты знаешь ли, что за это дѣло тебя въ Сибирь сошлутъ? а? какъ ты думаешь?

— Да за что жь въ Сибирь-то сослать, ваше благородіе? Камень развалился, развѣ мы причинны этому? Самъ развалился, да и все тутъ.

— Да развѣ не велятъ слѣдствіе произвести? Ты думаешь, такъ тѣмъ и кончится? Конечно! Узнаютъ о порохѣ, такъ тебя, дурака, плетью отшлепаютъ, да пошлутъ туда, гдѣ Макарь телятъ не гонялъ. Хочется что ль?

— Какой хочется, ваше благородіе! Только камень-то ужь больно опротивѣлъ. Кажется, такъ и съѣлъ бы его, кабы сила была.

— То-то съѣлъ! началъ исправникъ. — А меня небось не жалко бы было?

— А что, ваше благородіе?

— А то, что ежели бь вы камень-то уничтожили, такъ я и ступай со всей семьей въ Сибирь.

— А для чего жь?

— А для того, что камень въ Питеръ нуженъ. Ты, я чай, знаешь, Питеръ вѣдь это не Картолюбовъ какой-нибудь. Туда всѣ чужеземные короли изъ-за моря собираются, такъ нельзя жь имъ сказать: былъ камень, да пропалъ! Никто, пожалуй, и не повѣритъ. А тогда исправнику что? извѣстно, въ Сибирь.

— Ну, это не ладно, ваше благородіе. Да и пороху-то взять не гдѣ. Вѣдь небось бочку надо?

— Бочку не бочку, замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, — а все боченокъ надѣть. Такъ, кажись, и бамбиръ говорилъ, Семень Иванычъ?

— Да и боченка-то взять не гдѣ! замѣтилъ всеобщій кумъ.

— Боченокъ пускай набрать можно, сказалъ Савельичъ. — Гарнизонные солдаты много продаютъ. Только дорого, шельмовское!

— А что?

— Да по два рубля за фунтъ лупатъ. У насъ мужичокъ за утвой ходитъ, такъ сказывалъ, что у гарнизонныхъ-то покупалъ — такъ по два рублика за фунтикъ, и то плохенькой. Имъ даютъ

на стрѣльбу, а они стрѣлять-то не стрѣляютъ, да и продають, кому потреба есть.

— Нѣтъ, ребята, сказалъ исправникъ, — не можете этого дѣлать. Бѣда большая будетъ и вамъ, и мнѣ. Пришлютъ изъ Питера, такъ не то что три тысячи — головы свои рады будете въ закладъ положить, да не расплатитесь. Это ты, Потягайкинь, вздоръ выдумалъ. Смута одна. Перепорютъ васъ плетьюми, да въ Сибирь сошлютъ, и меня съ вами, а отъ камня все-таки не отвертитесь. Хоть на мостовую въ Питеръ да годится. И не совѣтую начинать такого дѣла!

— Ужъ коли ваше благородіе совѣту не даете, такъ нечего и соваться. Это такъ только я...

Сборщикъ съ деньгами прервалъ этотъ разговоръ. Онъ принесъ ихъ въ кѣтчатомъ бумажномъ платкѣ, и высыпалъ на столъ. Какихъ денегъ тутъ не было! И бумажки, и золото, и серебро, и мѣдь, — всякихъ лѣтъ, всякаго чекана, всякой цѣны, всякихъ націй, измаранныя, изорванные, засаленныя, въ рамкахъ, безъ угловъ, испиленные; съ дырочками — въ доказательство, что Мордовки носили ихъ на шеѣ; обрѣзанные — въ доказательство, что побывали они въ рукахъ у Евреевъ, и до такой степени стертыя, что скорѣе походили на пуговицы, нежели на монеты. Исправникъ, какъ старый воробей, котораго, по пословицѣ, «на мякинѣ не обманешь», не гнушался засаленностію бумажекъ, стертостію мелочи, обрѣзанностію золота. Съ терпѣніемъ, достойнымъ стоиковъ древности, онъ принялся считать деньги, и только остановился на одномъ голландскомъ червонцѣ — «арапчикѣ», какъ называютъ ихъ въ простонародьи, — и то только потому, что у рыцаря, на немъ изображеннаго, не доставало ногъ чуть ли не до коѣна. Но и этотъ онъ взялъ въ счетъ, зная, что при первой расплатѣ съ какимъ-нибудь мужикомъ, онъ вотретъ ему не только арапчика, но и всю стертую мелочь, и тотъ не посмѣетъ пикнуть; а не возьметъ мужикъ, въ случаѣ ежели будетъ не его уѣзда, такъ пошлетъ въ питейную контору, и тамъ ему развѣняютъ все, что захочетъ, не мѣшалъ бы только торговать по кабакамъ въ воскресенье до обѣдни, да не больно строго наблюдать законъ о выставкахъ.

Когда деньги были сочтены и приняты, онъ поднесъ выборнымъ по стаканчику кизлярки ужъ гольемъ, и простился съ ними, твердо рѣшившись мѣсяца черезъ два или черезъ три приѣхать

за новымъ оброкомъ и съ вѣстію, что посланныхъ въ Питеръ денегъ оказалось мало, и что надо дослать еще хоть половинку того, что было теперь собрано. Разсчитать у него былъ тотъ, что черезъ три мѣсяца подойдутъ проценты въ опекунскій совѣтъ за имѣнье, и деньги слѣдственно будутъ ему нужны.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, жена исправника красовалась въ новомъ бархатномъ бурнусѣ, самаго лучшаго ма-саковаго цвѣта, съ кружевами, и въ атласной пунцовой шляпкѣ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ и огромнымъ бѣлымъ перомъ, въ которыхъ разъ десять въ день проѣзжала, въ отдѣланной заново каретѣ, мимо оконъ предводительской квартиры, для того чтобы затоптать въ грязь предводительшу, у которой бурнусъ былъ хоть и бархатный, да безъ кружевъ, а шляпка только съ цвѣточками, а безъ пера, и показать, что «она ничѣмъ не хуже». Бархатный бурнусъ этотъ былъ родоначальникомъ тысячей бурнусовъ, сшитыхъ въ Картолюбскомъ уѣздѣ въ это и послѣдующее за тѣмъ дѣло изъ плиса, жидовскаго бархата, бурбона, фланели, сатенъ-лена и даже ситца; «фасончики» съ него стояли многихъ слезъ и многихъ подзатыльниковъ и косотрепаній горничнымъ дѣвушкамъ въ уѣздѣ, владѣлицы которыхъ, во что бы то ни стало, хотѣли метаморфозировать ихъ въ портнихъ.

Постскриптумъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, исправникъ вновь ѣздилъ въ Зыбково и объявилъ, что посланныхъ денегъ оказалось мало. Сколько онъ собралъ, я узнать не могъ; знаю только, что Корноухой, большой либераль, какъ это вы, вѣроятно, и сами замѣтили изъ этого разказа, подговорилъ молодежь привести въ исполненіе то, что предлагалъ Андронъ Власичъ, то-есть подорвать камень порохомъ. Мѣра эта удалась какъ нельзя лучше, и камень разсыпался; но за то, когда, мѣсяцевъ черезъ семь, кажется передъ Рождествомъ, исправникъ пріѣхалъ въ Зыбково въ третій разъ, съ извѣстіемъ, что надо бы еще послать маленечко денегъ, и узналъ, что камень разсыпался, онъ до того взбѣсился, что велѣлъ Корноухова заковать въ цѣпи и отправить въ острогъ, а съ Потягайкина, подавшаго первую о томъ мысль, сдернуть чуть ли не тысячу рублей. Савельичъ остался нетронутымъ только потому, что ему было семьдесятъ лѣтъ отъ роду и съ него взять было нечего; Корноухой же преданъ уголовному суду «за дерзость и ослушаніе противъ начальства», и, можетъ-быть, ушелъ бы по Владиміркѣ, не спаси его милостивый манифестъ.

II.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ

I.

Это было въ тысяча восемь сотъ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ *** губерніи, и случилось въ то время, когда секретари земскихъ судовъ носили не шелковые жилеты, а суконные; нанимали квартиры въ домикахъ о трехъ окошечкахъ, а не о пяти или семи, какъ нынче, и играли въ горку, а не въ преферансъ или ералашъ, какъ нынче... или, лучше сказать, въ то время, когда они довольствовались отъ просителей рублемъ серебрянымъ и не смотрѣли съ пренебреженіемъ на зеленый трехрублевый кредитный билетъ, какъ нынче, ожидая по крайней мѣрѣ красенькаго или трехъ синихъ.

Доброе старое время это было, какъ говорятъ Французы.

Такъ вотъ въ это-то время, и въ этомъ-то уѣздномъ городкѣ, жилъ-былъ секретарь земскаго суда Тулубинъ. Человѣкъ онъ былъ добрый, что доказывается тѣмъ, что могъ чувствовать привязанность къ женщинѣ, ниже его состояніемъ; человѣкъ простой, что доказывается тѣмъ, что носилъ калмыцкій черный тулупъ зимою вмѣсто шубы; человѣкъ порядочный, ибо былъ доволенъ своимъ состояніемъ. Произведенный въ секретари изъ столоначальниковъ, и слѣдственно не лишенный здраваго смысла, онъ, съ перемѣной званія, не перемѣнилъ привычекъ и оставался попрежнему въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ къ одной мѣщаночкѣ, молодой, красивой дѣвушкѣ лѣтъ девятнадцати, которую любилъ истинно, ибо хотѣлъ на ней жениться. Дворянинъ по происхожденію, хоть и изъ однодворцевъ, обыкновенно очень надутыхъ своимъ дворянскимъ званіемъ, что однако не мѣшаетъ имъ воровать и дѣлать всякія другія мерзости, онъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе этому браку въ матери своей,

вышедшей въ дводворки изъ крѣпостныхъ дворовыхъ женщинъ и поэтому болѣе, нежели любая графиня, презиравшей все то, что было недворянской крови. Мѣщанская дѣвушка, назовемъ ее хоть Катей, любила Тулубина, насколько могла любить эта неразвитая, но добрая и простая натура, отдавшаяся связи своей съ тою полнотою, какую внесла бы во всякія другія отношенія, ежелибы была побольше развита и побольше образована.

Катя была недурна собой. Высока ростомъ, стройна, съ яркимъ и живымъ румянцемъ, съ игрою и блескомъ глазъ и подвижностію лица, она привлекала невольно всякаго, кто встрѣчалъ ее на улицѣ, въ некрасивой шубкѣ мѣщанокъ нашихъ, столько скрывающей прирожденное изящество стана и грацію движеній. Всякій засматривался на нее невольно, когда съ кувшиномъ или съ водоносомъ и двумя ведрами на плечахъ, шла она на крутую гору съ рѣки, близъ которой расположенъ былъ городъ.

Хороша была Катя, но много лучше ея была сестра ея Лизавета, жившая съ нею вмѣстѣ. Онѣ жили однѣ, вдвоемъ, въ своемъ собственномъ домѣ, не имѣя родныхъ никого, кромѣ отставнаго служиваго, крестнаго отца ихъ, изрѣдка ихъ посѣщавшаго. Лизавета была красавицей въ полномъ смыслѣ слова, и конечно, ежелибъ родилась въ высшемъ кругу, о ней прокричали бы на всѣхъ балахъ и раутахъ, воспѣли бы въ стихахъ риёмованныхъ и безъ риёмы, обожали бы тайно и явно; но для мѣщанки, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, красота есть «даръ напрасный, даръ случайный», котораго никто не пойметъ и не оцѣнитъ, которымъ никто даже любоваться не будетъ, а ежели и взглянетъ семинаристъ изъ канцеляріи уѣзднаго суда, или небритый и нечесанный бухгалтеръ казначейства, то взглянетъ не какъ на прекрасное созданіе Божіе, но какъ на самку, которую хорошо было бы взять къ себѣ въ кухарки, и вслѣдствіе этого колотить подъ пьяную руку.

Длинные, черные, шелковистые волосы ея, спускавшіеся сзади длинною косой, были такъ мягки и нѣжны, какъ самый лучшій шелкъ, соболиныя брови рѣзко отбѣняли бѣлизну лица и шеи; глаза большіе, открытые, полные необыкновеннаго блеска и жизни, полны были такой страстной влаги, что отъ нихъ нельзя было оторваться никому, а тѣмъ еще болѣе тому, на кого смотрѣли бы они участивѣ обыкновеннаго. Гордый взглядъ смотрѣлъ

повелительно, какъ бы ожидая поклоненія; высокій станъ, необыкновенно прямой и стройной, какъ будто избобичалъ непреклонную волю, неспособную согнуться ни передъ какими ударами судьбы; движенія ея, полныя граціи, смягчали нѣсколько жестокость увѣренности, разлитой во всей ея особѣ; розовыя, маленькія губы, на которыхъ покоилась постоянно улыбка, нѣсколько презрительная, но привлекательная, и нѣсколько сухія и истрепавшіяся, подъ страстностію ощущеній и рѣчи губы, показывали, какой большой запасъ страсти таился въ ея сердцѣ.

Съ перваго раза могло показаться страннымъ, какимъ образомъ Тулубинъ, попавшій случайно въ это семейство, предпочелъ Катю, добрую, любящую Катю, этой гордой, страстной красотѣ. Но тотъ, кто вглядѣлся бы ближе въ кажущуюся случайность этой встрѣчи, понялъ бы, что для Тулубина, человека простаго и добраго, и даже наперекоръ занимаемой должности, честнаго, Лизавета должна была скорѣе быть предметомъ страха, нежели чувства мягкаго, тихаго и нѣжнаго, къ какому по своей природѣ былъ онъ способенъ.

Я сказалъ выше, что Тулубинъ любилъ Катю, почти разошелся съ матерью за несогласіе ея на бракъ съ нею, и обнадеживши дѣвушку, начинавшую исподоволь готовиться къ перемѣнѣ жизни, при недостаточности тогдашнихъ секретарскихъ способовъ, сбиралъ понемногу то то, то другое, къ будущей семейной жизни. Наступала зима, и послѣ новаго года былъ срокъ, который онъ назначилъ для свадьбы, рѣшившись даже отказаться отъ материнскаго наслѣдства, ежелибъ она вздумала долѣе противиться его желанію.

Тѣ, которые знакомы были съ обѣими сестрами, знали, что онѣ дружны, но знали также, что Лизавета, какъ старшая, и слѣдовательно замѣнявшая Катѣ мать, пользовалась своимъ правомъ деспотически. Катя въ этомъ отношеніи была покорною и любящею дочерью, поставлявшею свою славу въ томъ, чтобъ угождать старшей сестрѣ во всѣхъ ея прихотяхъ и служить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Какъ замѣтно, это не удовлетворяло Лизаветы. Властолюбивый характеръ ея подчасъ былъ нестерпимъ; особливо съ нѣкотораго времени она сдѣлалась мрачнѣе обыкновеннаго; въ огнѣ, горѣвшемъ въ глазахъ ея, свѣтилось что-

то дикое и странное; часто по цѣлымъ часамъ сидѣла она молча; любила быть одна, и сердилась, когда къ ней приходили. Тщетно Катя, любившая ее искренно, хотѣла ее утѣшить; тщетно ласкалась къ ней, какъ ласкается ребенокъ къ матери, когда видитъ, что она не весела,—Лизавета уходила отъ ея ласкъ, уходила изъ дому даже иногда на цѣлый день, и на всѣ вопросы Кати и крестнаго, который одинъ лишь имѣлъ право спросить объ этомъ у ней, отвѣчала, что это не ихъ дѣло. Зато въ другое время ласкамъ ея Катѣ не было конца; она ласкала ее и лелѣла, какъ мать ласкаетъ первенца своего, со всѣмъ жаромъ и страстью, свойственными ея натурѣ; заботливо и тревожно убирала ее къ вечеру,—время, въ которое обыкновенно приходилъ Тулубинъ; сама заплетала косу, сама застегивала платье, надѣвала шубку; бранила ее, ежели та не обращала достаточно вниманія на туалетъ свой; убирала комнату и потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинала браниться ядовито и злобно, какъ-то дико смѣясь,—и опять уходила неизвѣстно куда, въ какое бы то время дня и даже вечера ни было.

— Должно-быть, дѣвичья немочь напала! говорилъ старикъ «крестный», когда Катя жаловалась со слезами на такую неровность характера сестры и просила его объяснить этому причину.

Сказано выше, что сестры жили однѣ въ домикѣ о трехъ окошечкахъ, раздѣляемомъ, какъ это обыкновенно дѣлается, сѣнями на двѣ половины: *горницу* или ту часть, гдѣ живутъ обыкновенно, и состоящую почти всегда изъ одной десяти-аршинной избы, раздѣленной тесовою перегородкой на двѣ половины съ голландскою, а чаще русскою печью по срединѣ,—и *холодную*, гдѣ обыкновенно хранится весь скарбъ домашній, замѣняющую кладовую зимой и спальню лѣтомъ. Холодная эта, называемая часто *свѣтелкой*, есть то, что слыветъ кабинетомъ въ большихъ домахъ: туда принимаютъ гостей, которыхъ не хотятъ показывать другимъ; тамъ воздвигаютъ молодымъ брачное ложе на ржаныхъ снопахъ для богатства и счастья; тамъ въ вывороченной шубѣ, мѣхомъ наружу, сваха брызгаетъ щами въ лицо входящимъ поздравлять молодыхъ; тамъ хранятся всѣ богатства и тайнства; туда уходитъ плакать горе и ревность, досада и побой; туда уходила спать Лизавета, когда Тулубинъ засиживался у Кати.

Домикъ двухъ сестеръ стоялъ на берегу рѣки, отъ которой городокъ получилъ свое прозванье. Видъ изъ свѣтелки его былъ

восхитительный. Зеленою крутизной сбѣгалъ берегъ къ прозрачнымъ волнамъ, весело отражавшимъ высокія колокольни, золотыя главы, высокое зданіе присутственныхъ мѣстъ, смиренные домики обывателей... а за рѣкою, какъ необозримое зеленое покрывало, разстилались луга, оживленные лентами и прихотливыми узорами озеръ и заливовъ; бѣгли стада, чернѣлись кустарники, и все это замыкалось темною полосой бора, охватившаго полгоризонта.

Была уже глубокая осень, но Лизавета часто сидѣла на завалинѣ свѣтелки и, казалось, смотрѣла въ сѣдую даль, вистѣвшую надъ пожелтѣвшими лугами. Густыя сумерки заставляли ее часто на этомъ мѣстѣ, какъ будто она хотѣла заучить поэзію нашей осенней природы, прислушаться къ свисту и завыванію вѣтра между сучьями вишенъ и яблонь, растущихъ на огородахъ, усвоить и понять краски и звуки мертвѣющей природы, прекрасной и великой въ самой суровости своей. Видно было, что темное, ядовитое горе налегло ей на душу, и она находила сходство въ уныніи природы съ состояніемъ души своей.

Наступившая зима прекратила отчасти ея невѣдомыя отлучки, но не принесла покоя, какъ было замѣтно, больной душѣ ея. Только прихотливѣе она стала, только тревожнѣе и раздражительнѣе слѣдалась любовь ея къ Катѣ, на которую, забывши работу, смотрѣла она иногда по цѣлымъ часамъ, какъ бы любясь свѣжестію этого милаго личика, отъ котораго не отказался бы и Грѣзь для своихъ полотенъ. Но когда Катя начинала пѣть надъ своимъ убогимъ приданымъ, когда звонкій голосъ ея сливался съ рѣзкою пѣснію одинокой канарейки, вистѣвшей надъ окномъ и подаренной Тулубинымъ, тогда бѣдная дѣвушка не могла владѣть собою! Она бросалась къ Катѣ и цѣловала ее съ неистовствомъ любовника, цѣловала и ласкала волосы, глаза, всю ее, до тѣхъ поръ пока слезы, горячія и обильныя, не утѣшали этого страстного, горячечно-болѣзненного восторга.

24 ноября былъ день именинъ Кати, и Тулубинъ, идя въ судъ, забѣжалъ къ ней поутру поздравить ее, сказать, что проведетъ вечеръ съ нею, и принесть кой-какія закуски, чтобъ достойно провести этотъ вечеръ. Для бѣднаго чиновника уѣзднаго городка тогдашняго времени, было уже много, ежели онъ истратилъ на это десять рублей ассигнаціями.

Катя была весела, какъ Божія птичка, располагая угощеніе свое, накрывая на столъ, ставя самоваръ. Она порхала изъ сѣней въ горницу, изъ горницы въ свѣтелку, довольная и счастливая, и не разъ останавливалась на мысли, приводившей ее въ восторгъ,—быть женою Тулубина, котораго она любила со всѣмъ жаромъ первой любви. Но когда онъ пришелъ, и она бросилась къ нему на шею, а онъ, обнявъ ее, назвалъ шопотомъ «своею милою женкой», восторгъ бѣдной дѣвушки дошелъ до изступленія. Она бросилась цѣловать «крестнаго» какъ будто онъ былъ причиною ея счастья, бросилась цѣловать сестру, готова бы, кажется, была разцѣловать цѣлый городъ, ежелибъ онъ попался ей въ эту минуту подъ руку.

Чѣмъ веселѣе была Катя, тѣмъ мрачнѣе была Лизавета. Сурово и угрюмо смотрѣла она на радость сестры, и ни ласки ей, ни ласки Тулубина, ни эта простая, откровенная болтовня этихъ безхитростныхъ сердецъ, собравшихся сюда во имя взаимной любви, — ничто не могло вывести ее изъ тревожнаго состоянія. Недовольна ли она была окружающею ихъ нищетою; завидовала ли сестрѣ, готовой изъ мѣщанки сдѣлаться чиновницею; боялась ли этой переменѣ состоянія сестры своей, въ томъ предположеніи, что жена секретаря земскаго суда будетъ чуждаться сестры мѣщанки, и она останется одна въ мірѣ—это неизвѣстно. Или можетъ-быть припоминала она прошедшее, въ которомъ, по словамъ скандальной хроники, было что-то въ родѣ увлеченія,—прошедшее, о которомъ она говорила неохотно, даже сердилась, когда о немъ спрашивали ее.

Вечеръ прошелъ «въ обираниіи около себя», какъ говорятъ по-русски, то-есть, въ невинномъ злословіи такого и такой-то, въ мечтахъ и предположеніяхъ будущаго семейнаго счастья, и кончился по обыкновенію тѣмъ, что «крестный», не осиливши полштофа сладкой водки и сантуринскаго, такъ расходился, что Тулубинъ посовѣтовалъ ему идти домой, самъ оставшись ночевать у сестеръ. Лизавета, тоже нѣсколько выпившая, по обыкновенію, отправилась спать въ свѣтелку.

II.

Дня черезъ два послѣ этого праздника въ домиѣ о трехъ окошечкахъ, подано было крестнымъ объявленіе въ полицію, что «мѣщанская дѣвушка, Катерина Иванова, девятнадцати лѣтъ, одѣтая такъ-то, съ такими-то примѣтами, пропала безъ вѣсти». Объявленіе было написано рукою Тулубина. По этому объявленію тотчасъ сдѣлали приличное распоряженіе, то-есть, написали въ земскій судъ, а земскій судъ предписалъ становымъ при-
 ставамъ «для публикованія по уѣзду». Все это публикованіе, какъ обыкновенно бываетъ, состояло въ томъ, что предписаніе
 земскаго суда лежало недѣлю на столѣ становаго, а черезъ недѣлю онъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе его товарищи по уѣзду, очень аккуратно донесли, что «мѣщанской дѣвушки Катерины
 «Ивановой, девятнадцати лѣтъ, одѣтой такъ-то, съ такими-то
 «примѣтами, по тщательнымъ розыскамъ, въ такомъ-то станѣ,
 «не оказалось», хотя объ этомъ тщательномъ розыскѣ не только
 кто-нибудь въ стану, даже самъ становой не зналъ, а зналъ
 только его писарь, получившій бумагу, написавшій на нее отвѣтъ
 и давшій подписать этотъ отвѣтъ становому, въ числѣ прочихъ
 бумагъ, содержаніе которыхъ было становому столько же извѣст-
 но, сколько вамъ, читатель. Земскій судъ, получивши рапор-
 ты становыхъ, увѣдомилъ о содержаніи ихъ полицію, вшилъ
 рапорты въ дѣло, на дѣлѣ столоначальникъ надписалъ крупными
 буквами: дѣло о пропажѣ «мѣщанки Ивановой», положилъ его въ
 шкафъ, для того, чтобъ черезъ три года сдать въ архивъ, и тѣмъ
 все кончилось. Катя исчезла съ лица земли, исчезла, какъ ви-
 дите, легально, по всѣмъ правиламъ судопроизводства, и къ до-
 вершенію горькой насмѣшки судьбы надъ участію бѣдной дѣ-
 вушки, бумаги по ея дѣлу скрѣпилъ Тулубинъ, какъ секретарь
 земскаго суда.

Куда дѣлась Катя,—долго оставалось тайной, и осталось бы
 можетъ-быть и до сихъ поръ, ежелибъ волны рѣки, всегда не-
 скромныя въ подобныхъ случаяхъ, не принесли слѣдующею вес-
 ной, во время водополи, къ плотамъ, на которыхъ моютъ бѣлье,
 двухъ холщевыхъ мѣшковъ плотно завязанныхъ, изъ которыхъ

въ одномъ оказались человѣческая голова и двѣ руки, а въ другомъ туловище и двѣ ноги. При недостаткѣ внѣшнихъ интересовъ, подобная находка въ уѣздномъ городѣ есть интересный подарокъ судьбы, ибо даетъ матеріалъ для разговора, чуть ли не на нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ, отъ мала до велика, бросились смотрѣть мѣшки и содержащееся въ нихъ, даже чиновники бѣжали для этого изъ судовъ, а купцы изъ лавокъ, и прежде нежели полиція распорядилась взять эти мѣшки и о содержащемся въ нихъ «сдѣлать должное распоряженіе»,—болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, то—есть весь городокъ зналъ, что голова и торсъ принадлежали той, которая въ жизни называлась «Катериной Ивановой, мѣщанкой, девятнадцати лѣтъ отъ роду». Городничій, опредѣленный не отъ комитета, а по какой-то протекціи, губернский секретарь чиномъ, всполошился, услышавъ это, растерялся и бухъ губернатору рапортъ, что пропавшая тогда-то «мѣщанка Катерина Иванова, девятнадцати лѣтъ» и проч., проч., повторяемое во всѣхъ другихъ бумагахъ безъ исключенія, «найденна изувѣченною въ волнахъ рѣки Шуки, неутимомою ревностію частнаго пристава Грабилкина». «Въ волнахъ рѣки» было прибавлено для красоты слога, а «неутимая ревность» для меркантильных соображеній. Грабилкинъ далъ недавно займы городничему денегъ и требовалъ «вещественныхъ» доказательствъ его расположенія.

Губернаторъ командировалъ чиновника особыхъ порученій для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Чиновникъ особыхъ порученій принялся за дѣло горячо. Онъ изолировалъ Лизу отъ Тулубина, Тулубина отъ крестнаго, крестнаго отъ всѣхъ подругъ Кати, и не довѣряя никому, въ присутствіи только стряпчаго, который былъ нѣмъ или лучше, выражаясь по восточному, «былъ меньше собаки» передъ губернскимъ чиновникомъ, сталъ самъ писать допросы, давать очныя ставки, приводить подсудимыхъ къ мертвому тѣлу, и проч.

Послѣдняя мѣра дала положительные результаты: Тулубинъ, при всякомъ приводѣ къ тѣлу Кати, былъ одержимъ нервическимъ припадкомъ,—рыдалъ и плакалъ такъ, что на него нельзя было смотрѣть равнодушно. И такъ какъ онъ на всѣ вопросы слѣдователя: имѣлъ ли съ нею близкое знакомство? упорно отвѣчалъ отрицаніемъ, наперекоръ общей молвѣ, то слѣдователь и заключилъ,

что тутъ что-нибудь да кроется, и сталъ смотрѣть на Тулубина подозрительно.

Послѣ многихъ попытокъ, не успѣвъ однако ни въ чемъ съ Тулубинымъ, слѣдователь обратился къ Лизаветѣ. При первыхъ вопросахъ, она отвѣчала обыкновенными: не знаю, не видала и не слыхала,—потомъ стала какъ будто подаваться и наконецъ однажды, вытребовавъ слѣдователя къ себѣ въ острогъ, съ обильными слезами, объявила, что сестру ея убилъ Тулубинъ, и вошла въ слѣдующія подробности:

— Вамъ уже извѣстно, ваше благородіе, что покойная сестра моя имѣла близкое знакомство съ г. Тулубинымъ. Я не скрываю этого, потому, что это зналъ весь городъ, иначе я не сказала бы этого и теперь. Вамъ тоже должно быть извѣстно, что онъ хотѣлъ на ней жениться и только дожидался секретарскаго мѣста, для того, чтобъ сыграть свадьбу...

— Тулубинъ однако не сознается въ этомъ, замѣтилъ слѣдователь:—не имѣешь ли ты возможности доказать это болѣе положительнымъ образомъ?

— Имѣю и могу. Когда онъ былъ въ губернскомъ городѣ и тамъ хлопоталъ объ утвержденіи своемъ въ секретари, онъ писалъ къ Катѣ письмо, и въ письмѣ этомъ божился, что сыграетъ свадьбу въ первый мясоѣдъ, хотъ матушка его и не позволяетъ ему этого. Письмо это цѣло.

— Гдѣ же оно?

— Оно лежитъ у меня дома, въ свѣтелкѣ, въ лубочной коробкѣ, въ шелковомъ мѣшечкѣ. Коробка стоитъ подъ кроватью.

По приказанію слѣдователя, коробка была принесена, и письмо найдено. Тамъ дѣйствительно говорилось и объ отношеніяхъ Тулубина къ Катѣ, и о предстоящей свадьбѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Лизавета, между тѣмъ, продолжала:

— Въ Катерининъ день онъ пришелъ, по обыкновенію, къ намъ, ужиналъ и остался ночевать. Крестный ушелъ домой. Около полуночи меня разбудилъ какой-то странный крикъ. Не знаю, чего я испугалась—только я вскочила съ постели и бросилась въ горницу. Она была заперта на крюкъ. Я стала толкаться, но мнѣ было такъ страшно, что я себя не помнила. Только долго спустя, отворилъ мнѣ дверь Тулубинъ: онъ стоялъ съ топоромъ, весь въ крови, я закричала, увидавъ его, хотѣла бѣжать, но онъ вта-

щилъ меня въ горницу, заперъ опять дверь на крюкъ и грозился, ежели я еще закричу, отрубить мнѣ голову. Въ горницѣ у насъ всегда горѣла лампадка передъ иконою, поэтому я могла видѣть, что изъ другой комнаты текла кровь, я бросилась туда и увидѣла, что бѣдная моя Катя лежала съ отрубленною головою, и свѣжая кровь капала съ постели на полъ. Онъ заставилъ меня потереть кровь на полу, вымыть простыню и одѣяло, самъ выстрогалъ полъ и стружки бросилъ въ печь, которую велѣлъ мнѣ затопить. Я дѣлала все, что онъ ни приказывалъ, не смѣя ему поперечить. Онъ велѣлъ мнѣ найти два мѣшка, отрубилъ у Кати руки и ноги, потому что вся она не входила въ мѣшки,—и въ одинъ изъ нихъ положилъ голову съ руками, а въ другой ноги и туловище. Потомъ взялъ одинъ мѣшокъ самъ, а другой отдалъ мнѣ, и пошли мы съ нимъ подъ гору къ рѣкѣ и тамъ бросили оба мѣшка въ прорубь.

— Въ какомъ платьѣ былъ тогда Тулубинъ?

— Въ калмыцкомъ тулупѣ, крытомъ синимъ сукномъ.

— Въ какой рукѣ несъ онъ мѣшокъ?

— Въ правой.

— Текла ли изъ мѣшковъ кровь, и могли ли вы оба замараться въ крови?

— Изъ моего мѣшка, въ которомъ лежали голова и руки текло меньше; изъ мѣшка же Тулубина крови текло очень много, и должно быть платье его было замарано, кровь капала всю дорогу, и мы принуждены были, передъ свѣтомъ, зарывать снѣгомъ слѣды крови.

Окончивши допросъ Лизаветы, слѣдователь потребовалъ Тулубина.

Онъ пришелъ, шатаясь; блѣдное лицо его показывало, какъ много страдалъ онъ; глаза потухли и глубоко ввалились. Слѣдователь началъ допросъ его тѣмъ: имѣлъ ли онъ съ Катериной связь и хотѣлъ ли на ней жениться?

Тулубинъ сознался, что хотѣлъ на ней жениться, но о связи объявилъ, что это клевета.

Тогда слѣдователь показалъ ему письмо его руки, о которомъ говорено выше. Молодой человѣкъ не ожидалъ этого. Онъ смѣшался, замолчалъ, но слезы полились у него изъ глазъ вмѣсто отвѣта.

Слѣдователь спросилъ его потомъ , не знаетъ ли онъ , кто убилъ Катерину ?

Тулубинъ отвѣчалъ отрицательно. Тогда слѣдователь сказалъ :

— Есть подозрѣнiе, что убили ее вы.

— Я! вскрикнулъ съ ужасомъ молодой человѣкъ: — я, который такъ любилъ ее!.. Нѣтъ, нѣтъ! это неправда! этого никто не могъ сказать вамъ! И онъ рыдалъ такъ страшно, что его невозможно было слышать безъ содроганiя.

— Повторяю , васъ подозрѣваютъ въ этомъ убійствѣ. Есть даже свидѣтели.

— Это клевета, слышите ли? клевета... Я не могъ убить ее... я любилъ ее, я хотѣлъ на ней жениться.

— Чтѣ побудило васъ къ этому убійству?

— Я говорю вамъ , что это вздоръ , что это неправда , что этого не было и не могло быть.

— Вы сами служащiй, г. Тулубинъ; вы знаете законы; знаете, что добровольное и откровенное признанiе облегчаетъ участь осужденнаго. Воспользуйтесь милосердiемъ закона... прежде нежели я поставлю васъ лицомъ къ лицу съ вашими сообщниками , которые открыли мнѣ всю правду, всѣ подробности преступленiя.

— Повторяю вамъ, что я невиненъ! говорилъ Тулубинъ какъ-то ожесточенно.

— Ежели вы упорствуете, то, извините, я долженъ принять роль слѣдователя. Извольте отвѣчать на мои вопросы : когда вы видѣли въ послѣднiй разъ убитую вами дѣвушку?

— Я видѣлъ ее въ послѣднiй разъ въ ночь на 24-е ноября. Теперь таить отъ васъ нечего, вамъ извѣстна моя связь съ нею, но ежели бъ не это письмо , я не сказалъ бы вамъ этого ни за чтѣ на свѣтѣ. Я пробылъ у ней часу до третьяго утра , потомъ пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ я ее не видалъ.

— Это не правдоподобно. Зачѣмъ вамъ уходить отъ нея такъ рано?

— Я дѣлалъ это всегда для того , чтобъ сосѣди не видали, что ухожу отъ нихъ ночью. Я берегъ честное имя дѣвушекъ, жившихъ въ сиротствѣ, тѣмъ болѣе, что на одной изъ нихъ хотѣлъ жениться.

— Мнѣ извѣстно , что весь городъ зналъ о вашей связъ,

слѣдственно вамъ таиться было нечего. Вѣрно была какая-нибудь другая причина, что вы ушли отъ нея въ такой часъ ночи, когда на улицахъ и темно, и пусто, и даже нѣсколько опасно, особливо въ такомъ захоластьѣ.

— Другой причины нѣтъ.

— Въ какомъ платьѣ были вы въ ту ночь?

— Я не помню. Мнѣ кажется, на мнѣ былъ сюртукъ черный демикотоновый и шуба.

— Какая шуба?

— Калмыцкій тулупъ.

— Покрытъ ли этотъ тулупъ, и чѣмъ именно?

— Онъ покрытъ сѣрымъ казинетомъ.

— Во время убійства, тѣмъ ли же казинетомъ онъ былъ покрытъ?

— Нѣтъ, онъ былъ покрытъ сукномъ.

— Какого цвѣта?

— Синимъ.

— Такъ. Когда же это сукно перемѣнено на казинетъ?

— Какъ-то зимою.

— Говорите опредѣленнѣе, когда именно?

— Я не помню.

— По крайней мѣрѣ, прежде или послѣ Катеринина дня?

— Въ точности не помню, но, кажется, послѣ.

— Хорошо. Кто перемѣнялъ покрывку на вашемъ тулупѣ!

— Портной Исаичъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Здѣсь въ городѣ, въ слободѣ, въ домѣ Нитченковой.

— Довольно-съ. Ей солдаты! Отведите г. Тулубина.

Солдаты отвели Тулубина, а слѣдователь бросился къ портному Исаичу.

— Перекрывалъ ли ты шубу секретарю земскаго суда, Тулубину, и когда?

Исаичъ задрожалъ, увидя передъ собой нежданнаго гостя.

— Я-съ... точно-съ... Право, ваше благ. . ваше высокоблагородіе... Я-съ...

— Не бойся, говори только правду...

— Я-съ... правду... право, ей Богу... правду... всю правду скажу... ей Богу-съ, ваше высокоблагородіе.

— Ну такъ говори же: перекрывалъ ты шубу Тулубина?
— Перекрывалъ-сь.
— Чѣмъ она была прежде покрыта, и чѣмъ ты покрывалъ ее?
— Тулупъ былъ-сь... ей Богу правда-сь... синимъ сукномъ-сь покрытъ былъ.

— Такъ. А чѣмъ ты покрылъ его вновь?

— Помнится-сь... кабы не ошибиться только... Вы не извольте сердчать, ваше высокородіе, ей Богу, правда... кажется, что казinetомъ сѣрымъ-сь.

— Такъ. Въ какое время это было?

— Утромъ кажется-сь.

— Я не объ этомъ спрашиваю. Въ какомъ мѣсяцѣ это было?

— Это было-сь... дай Богъ памяти... Это было передъ Рождествомъ. Я еще не хотѣлъ брать-сь... и онъ такъ упрашивалъ... что я-сь... виновать-сь... я согласился-сь...

— Тутъ вины нѣтъ. Мнѣ бы хотѣлось знать опредѣлительнѣе, когда именно?..

— Позвольте-сь! Тутъ бываетъ священномученика Стефана, такъ у насъ городничій именинникъ. Я еще помню, я ходилъ къ городничему съ именинами поздравлять, да отнесъ его дѣтямъ къ празднику по жилеточкѣ... такъ это было на другой день послѣ этого... Г. Тулубинъ мнѣ еще попался на дорогѣ и всячески меня упрашивалъ... ей Богу-сь!

Слѣдователь послалъ за календаремъ: память священномученика Стефана приходилась 15-го декабря, то-есть съ небольшимъ три недѣли послѣ преступленія.

— Не замѣтилъ ли ты на шубѣ чего-нибудь необыкновеннаго?

— Какъ же-сь. Я еще говорилъ объ этомъ г. Тулубину. На немъ были какія-то пятна.

— Какого рода?

— Какія-то темныя-сь! Похожи какъ будто на кровь.

— Въ какомъ мѣстѣ шубы были эти пятна?

— На полѣ.

— На которой полѣ?

— Помнится, на правой.

— Ты такъ и оставилъ эти пятна?

— Нѣтъ-съ, я ихъ зачистилъ мѣломъ, для того, чтобъ сдѣлалось помягче. Извѣстно, что куда попадетъ мочежинка, мѣхъ всегда немножко закаленѣть.

— Можно будетъ видѣть теперь эти пятна?

— Можно-съ... мѣхъ какъ-то присталъ плохо.

Послали за шубой Тулубина, вспороли казинетъ, — пятна затертой мѣломъ крови и на правой полѣ были явственно замѣтны. Слѣдователь вырѣзалъ изъ тулупа это мѣсто, приложилъ свою печать и приобщилъ къ дѣлу, для удостовѣренія черезъ врачебную управу, что это кровь, а не другое что. Предварительно это было показано Тулубину. Вотъ допросъ ему:

— У васъ на шубѣ оказались слѣды крови. Отчего она?

— Къ розговѣнью я купилъ барашка, кухарка за нѣсколько дней передъ праздникомъ хотѣла заколотъ его, но не сумѣла съ перваго раза. Барашекъ вырвался у ней съ недорѣзаннымъ горломъ и бѣгалъ по избѣ. Такъ какъ она поймать его не могла, то я помогалъ ей ловить его, и когда поймалъ, то онъ бился у меня въ рукахъ. Тутъ, должно-быть, онъ и выпачкалъ мнѣ шубу.

— Гдѣ это было?

— У меня въ кухнѣ.

— Да развѣ въ кухню къ себѣ вы ходите въ шубѣ? Развѣ она холодная?

— Нѣтъ-съ, теплая; но я только-что пришелъ со двора и не успѣлъ еще снять ее.

— Такъ вы не отвергаете того, что на вашей шубѣ были кровавыя пятна?

— Я не отвергаю и не отвергаю. Я самъ не видалъ ихъ; мнѣ только сказывалъ объ этомъ портной Исаичъ, когда перекрывалъ шубу.

— А гдѣ ваше другое платье?

— Оно было такъ старо, что я подарилъ его нищимъ, сдѣлавши себѣ къ свадьбѣ новое платье.

— Вы были очень великодушны, г. Тулубинъ, замѣтилъ слѣдователь, — когда дѣло шло о сокрытіи слѣдовъ преступленія. Видите, что Богъ не оставилъ его сокрытымъ. Покайтесь лучше и сознайтесь.

— Мнѣ каяться и сознаваться не въ чѣмъ.

— Гдѣ кухарка эта, которая рѣзала барашка?

— Не знаю-сь. Она отошла отъ меня послѣ Нового года.

— Откуда она была родомъ?

— Изъ казеннаго селенія, Треушковъ.

Слѣдователь распорядился послать за кухаркой. Оказалось, что она умерла.

На очныхъ ставкахъ портной Исаичъ повторилъ передъ Тулубинымъ все, что говорилъ прежде. Тулубинъ согласился, что все это была правда. Тогда приступлено было къ главнѣйшему: очной ставкѣ Тулубина съ Лизаветой.

Очная ставка эта была одною изъ тѣхъ страшныхъ драмъ, которыя такъ часто, невѣдомыя міру, разыгрываются передъ слѣдователями и уголовными судьями. Такъ какъ Тулубинъ не зналъ, кто его обвинитель, то, увидѣвши Лизавету, бросился было обнимать ее и зарыдалъ какъ ребенокъ, но она оттолкнула его. Глаза ея горѣли горячечнымъ огнемъ, ноздри широко раздувались; блѣдное доселѣ лицо покрылось багровыми пятнами: лучшей натурщицы для Лукреціи Борджіи, отравляющей гостей своихъ, нельзя было бы найти. Голосомъ сперва дрожавшимъ, а потомъ твердымъ, но звучащимъ какъ-то дико, какъ-то металлически, повторила она свое обвиненіе, подробно разказавъ страшную драму, со всѣми мельчайшими ея оттѣнками; — она подробно изобразила свой ужасъ, и вслѣдствіе этого свою покорность убійцѣ, угрозы Тулубина, равнодушіе, съ какимъ онъ разсѣлкалъ на части прежнюю любовницу свою. Тулубинъ слушалъ это, какъ ошеломленный ударомъ грома. Ни одного слова не выговорилъ онъ въ свое оправданіе. Блѣдный какъ мертвецъ, стоялъ онъ передъ дѣвушкой, подавленный тягостью возводимого на него преступленія, и когда она кончила и снова закричала: «ты, ты убилъ сестру мою!» онъ смѣшался, хотѣлъ говорить, но не могъ.

Слѣдователь снова сталъ уговаривать его сознаться. Позвали священника для увѣщанія; но Тулубинъ повторялъ одно: «я невиненъ, невиненъ!.. я ничего не знаю; все это клевета.»

III.

Хотя преступленіе Тулубина было явно, — уголовная палата не признала однако возможнымъ, основавшись на однѣхъ уликахъ, обвинить его, какъ убійцу. Многіе осуждали за это уголовную палату, видя въ дѣйствіяхъ ея потворство преступнику, тѣмъ болѣе, что упорство, съ какимъ Лизавета обвиняла Тулубина, не позволяло сомнѣваться въ его преступленіи. Оно было слишкомъ явно. Въ этомъ соглашались и всѣ члены палаты; но и обвинить, по духу нашего законодательства, тоже было невозможно. Палата постановила слѣдующее заключеніе: «Тулубина, принимая въ соображеніе всѣ обвиняющія его улики, оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи; Лизавету Иванову, какъ сознавшуюся въ способствованіи къ убійству и помогавшую скрыть слѣды онаго, сослать въ Сибирь на поселеніе.»

Рѣшеніе это было утверждено гражданскимъ губернаторомъ, и должно было быть объявлено подсудимымъ.

Когда ихъ привели для этого въ палату и прочитали приговоръ, Тулубинъ выслушалъ его равнодушно. Казалось, онъ не слышалъ ничего, — это была горестъ во всемъ страшномъ проявленіи своемъ, погруженная вполнѣ въ созерцаніе самой себя. Онъ стоялъ потупившись во все время чтенія, и когда рѣшеніе прочли и потребовали подписки въ томъ, что онъ его слышалъ, онъ пошелъ, куда его повели, подписалъ молча, какъ бы позабывъ гдѣ онъ, что съ нимъ дѣлается и для чего сюда приведенъ. Не такова была Лизавета. Она задрожала, увидавъ Тулубина; глаза ея вспыхнули худо-скрытою радостію; какое-то зловѣщее торжество изобразилось во всѣхъ чертахъ лица; она впилась глазами въ Тулубина, какъ вампиръ въ свою жертву, и ни на минуту не отвела отъ него своего взгляда. Когда приговоръ былъ прочтенъ и председатель сдѣлалъ обычный вопросъ: знаешь ли ты грамотъ? (для того чтобъ взять подписку въ слушаніи рѣшенія) она перевела глаза съ Тулубина на председателя и смотрѣла на него вопросительно, какъ бы не понимая вопроса. Замѣтивъ это, председатель спросилъ ее:

— Слышала ли ты, къ чему ты приговорена?

— Нѣтъ! отвѣчала она рѣзко и отрывисто.

— Господинъ столоначальникъ! прочтите ей приговоръ въ другой разъ.

— Читать не нужно, скажите на словахъ. Я не понимаю, когда читаютъ.

— Ты приговорена къ ссылке въ Сибирь, отвѣчалъ столоначальникъ.

— А онъ? почти вскрикнула она, указывая на Тулубина.

— Онъ оставленъ въ подозрѣннѣ.

— Гдѣ же онъ будетъ? закричала она какъ-то дико и злобно.

— Здѣсь, гдѣ захочетъ! отвѣчалъ столоначальникъ, нѣсколько сконфуженный.

— Такъ его не сошлютъ со мною въ Сибирь? закричала она дрожащимъ, отчаяннымъ голосомъ, огласившимъ своды палаты.

— Нѣтъ! отвѣчали ей.

Тогда она схватила себя за волосы, рванула ихъ съ тою неестественною силой, какую даетъ отчаяннѣ, ударила себя въ грудь и начала терзать ее, какъ безумная. Сопровождавшіе ихъ солдаты хотѣли остановить ее, но она оттолкнула ихъ и закричала съ необыкновенною силой:

— Я, я убійца.. слышите ли... я убила сестру мою... Тулубинъ не виноватъ. Судите меня одну... я одна убила Катю.

Потомъ бросилась она къ Тулубину, смотрѣвшему на нее съ нѣмою горестью, припала къ его ногамъ и начала цѣловать ихъ. Слезы впервые хлынули у ней изъ глазъ, и съ этимъ раздирающимъ воплемъ, какой даетъ только одно затаенное, безсильное горе, говорила:

— Прости, прости меня! желанный мой! ненаглядный!.. я хотѣла погубить тебя напрасно, чтобъ только быть съ тобою. Я любила такъ, какъ никогда Катя не могла тебя любить. Я не могла видѣть тебя съ нею... Я думала хоть въ Сибири быть съ тобою вмѣстѣ, ежели нельзя здѣсь!.. Рыданія не дали ей говорить.

Предсѣдатель велѣлъ ввести ее въ присутствіе и затворить двери; послали за прокуроромъ; дали ей стаканъ воды, и старались успокоить. Это было не легко. Страстная, сильная натура эта, сдерживавшая столь долго страшную тайну, теперь просилась наружу. Она дико осматривалась, безпрестанно повторяя:

— Тулубинъ! Тулубинъ!.. Солнышко мое! радость моя!.. гдѣ ты? Неужели опять розно?..

На всѣ вопросы она отвѣчала безъ связи, безпрестанно оглядываясь и безумно поводя кругомъ глазами. Надо было позвать Тулубина, имя котораго, безпрестанно вздрагивая, она повторяла ежеминутно.

Когда его поставили подлѣ нея, она нѣсколько успокоилась. Мысли ея приняли правильный ходъ; она могла говорить. Но только не прежде, какъ она взяла его за руку, судорожныя движенія ея прекратились, и она могла разказать слѣдующее:

— Я люблю Тулубина болѣе трехъ лѣтъ. Какъ мы познакомились, я не помню; только съ перваго разу предпочтеніе его Катѣ оскорбило меня. Онъ сталъ ходить къ намъ, явно показывая, что Катя ему нравится. Меня это терзало. Я мучила бѣдную дѣвушку всячески. Я красивѣе сестры изъ лица; мнѣ казалось непонятнымъ, почему Катя нравится ему больше. Но когда онъ свелъ связь съ нею, я увидѣла, что мнѣ надобно молчать и скрывать любовь свою. Когда онъ приходилъ, я старалась не быть дома; меня мучило видѣть ихъ вмѣстѣ. Иногда, напротивъ, я находила какое-то злое удовольствіе заставлять ихъ цѣловаться. Я толкала Катю къ нему на шею, и когда онъ былъ счастливъ, я скрипѣла зубами отъ злости и ревности. Сколько разъ ножъ былъ спрятанъ у меня подъ платьемъ, чтобъ убить и его, и Катю, и себя самое, но я перемогла себя. Тутъ начала я пить. Пьяная, я била Катю, чѣмъ ни попало и безъ всякой причины; бѣдная переносила все съ ангельскою кротостью. Сколько разъ старалась я дать понять Тулубину, что я красивѣе сестры, что я готова отдаться ему — онъ не понималъ ничего, онъ очень любилъ Катю. Такъ, можетъ-быть, протянулось бы долго, ежелибъ онъ не вздумалъ на ней жениться. Этого я ужъ никакъ не могла перенести. Видѣть Катю женой Тулубина было выше силъ моихъ. Я дѣлала все, чтобы разстроить эту свадьбу; занятые другъ другомъ, они, бѣдные, ничего не подозрѣвали. Я писала безыменное письмо къ его матери, говорила въ немъ, что Катя потаскушка, что она заѣсть жизнь Тулубина, что онъ дворянинъ, и что ему низко жениться на мѣщанкѣ. Мать его запрещала ему жениться; онъ не слушалъ, онъ очень любилъ Катю. Мнѣ было больше дѣлать нечего; я видѣла, что я погибла... Мысль убить ее одну съ тѣмъ, чтобъ оговорить

Тулубина и идти съ нимъ вмѣстѣ въ Сибирь, гдѣ онъ непременно ужь будетъ моимъ, мелькнула у меня въ головѣ. Я разсудила, что и пойдемъ-то мы до Сибири вмѣстѣ, что я буду ухаживать за нимъ дорогой, поддерживать его, когда онъ устанетъ, отдавать ему ѣду свою, ежели онъ будетъ голоденъ, нести его сумку, ежели ему покажется тяжело. Я была увѣрена, что когда Кати не будетъ, и когда я буду подлѣ него безпрестанно, онъ меня полюбитъ... можетъ, даже женится на мнѣ въ Сибири. А мнѣ развѣ не все равно, въ Сибири ли, здѣсь ли, только бы его видѣть, только бы слышать его голосъ, чувствовать, что онъ, какъ теперь, подлѣ меня...

Она остановилась, глядя на Тулубина, и столько страсти было въ ея взглядѣ, что бѣдный молодой человѣкъ потупился. Ему стало стыдно быть такъ любимымъ.

— Я сказала, продолжала Лизавета, — что мысль убійства овладѣла мною. Она не давала мнѣ спать покойно. Нечистый толкалъ меня; и днемъ и ночью мнѣ все мерещился Тулубинъ, что онъ мужъ мнѣ, что онъ меня любитъ. Сестра сдѣлалась мнѣ ненавистна. Я стала выжидать случая, да Тулубинъ, занятый, какъ онъ говорилъ, дѣлами къ новому году, ночевать приходилъ рѣдко, — слѣдственно, мнѣ нельзя было свалить на него дѣло такъ, чтобъ это было похоже на правду. Въ Катины именины представился удобный случай. Я приготовила топоръ, спрятала его подъ кроватью и ждала только, какъ Тулубинъ уйдетъ. По обыкновенію, онъ ушелъ въ третьемъ часу ночи. Я выждала, какъ Катя заснула, и для смѣлости пила водку, которая осталась отъ угощенія крестнаго. Когда я подошла къ сестрѣ съ топоромъ, она спала, разметавшись на подушкѣ... Мнѣ стало страшно и стыдно... Можетъ-быть, я и не убила бы ея въ эту ночь, ежелибъ она не повернулась во снѣ и не проговорила тихо: «Тулубинъ... жена твоя!..» Тутъ у меня какъ будто что-то оторвалось отъ сердца. Я ударила ее топоромъ по шеѣ; она только взвизгнула, но уже не кричала; другимъ ударомъ я отрубила у ней голову вовсе. Чтѣ со мной было послѣ, я не могу разказать теперь. Помню, что я еще рубила ее даже и тогда, когда голова ея уже откатилась отъ туловища. Мнѣ мало было этой крови... мнѣ хотѣлось бы, кажется, убить всѣхъ на свѣтѣ, чтобъ на землѣ остаться только одной съ Тулубинымъ. Потомъ, когда это нѣ-

сколько прошло, я испугалась и стала думать, какъ бы скрыть убійство. Принесла мѣшокъ, который былъ у насъ съ мукою, положила туда Катю и хотѣла нести, но силы у меня не достало. Между тѣмъ заря начала заниматься. Чтобъ спрятать все поскорѣе до свѣту, я изрубилa тѣло на части и въ два раза снесла въ прорубь, потомъ вымыла и сожгла все, по чему можно бы было догадаться объ этомъ убійствѣ. На слѣдующій день я просидѣла дома и никому ничего не говорила о Катѣ, а на третій день пошла къ крестному и объявила, что Катя пропала безъ вѣсти. По моему совѣту, онъ пошелъ къ Тулубину просить написать объявление. Его и подали. Мнѣ казалось, что ежели Тулубинъ напишетъ объявление, такъ его перваго и начнутъ подозрѣвать въ убійствѣ. Теперь каюсь въ грѣхѣ, дѣлайте со мной, что хотите.

— Ну, а вы, господинъ Тулубинъ, — исторія съ барашкомъ, отъ котораго у васъ была кровь на шубѣ, справедлива? спросилъ его председатель.

— Совершенно справедлива, ваше превосходительство.

Окончаніе, я думаю, угадаетъ всякій. Лизавета была сослана, Тулубинъ оправданъ и возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ. Бывши въ *** губерніи въ 182. году, я еще засталъ его секретаремъ. Онъ былъ постоянно угрюмъ и мраченъ; никто не видалъ, чтобъ онъ когда-нибудь хоть улыбнулся. Это не мѣшало ему однако быть постоянно кроткимъ и добрымъ съ подчиненными и просителями. Время отъ времени его какъ-то подергивало. День 24-го ноября онъ обыкновенно пропадалъ куда-то, и никто не зналъ, гдѣ онъ проводилъ его. За то на другой день, приходя въ судъ, былъ блѣденъ какъ полотно, едва держался на ногахъ и замѣтно не понималъ, что ему говорили; писать же не могъ вовсе. Онъ умеръ въ 184. году.

И. С—въ.

ШОПЕНЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ (1)

IV.

Я уже сказалъ , въ первыхъ моихъ письмахъ , что Шопень , разставшись съ Польшею , простился и съ горячо-любившею его дѣвушкою , простился навѣки : не судьба была имъ встрѣтиться еще разъ на этомъ свѣтѣ ! Дѣвушка эта осталась вѣрна незабвенному изгнаннику . Много лѣтъ спустя , Листъ , какъ онъ самъ разсказываетъ , видѣлъ въ Варшавѣ спокойно-грустную , удивительной красоты , женщину , блѣдное лицо которой покрывалось легкимъ румянцемъ , когда съ удивленіемъ и любовью произносилось при ней имя знаменитаго Шопена . Шопень былъ также нѣжно привязанъ къ дорогой своей соотечественницѣ , и какъ святыню хранилъ въ себѣ память о ней ; но трудно было ему устоять противъ обольщеній свѣта ; самое искусство , страсть къ которому наполняла все его существо , слава , любовь женщинъ , летѣвшая къ нему навстрѣчу , все это понемногу , незамѣтно для него самого , ослабило въ немъ силу перваго глубокаго чувства .

Шопень , слѣдившій за всѣмъ современнымъ и , находясь всегда въ кругу парижскихъ знаменитостей , слышалъ часто

(1) См. «Русскій Вѣстникъ,» 1857 г. № 9 и 11.

произносимое имя женщины-писательницы—Жоржъ-Сандъ; онъ съ восхищеніемъ читалъ ея удивительныя поэмы, но не хотѣлъ, почти боялся познакомиться съ ихъ авторомъ; его непріятно поражала энергическая, мужественно-страстная личность Жоржъ-Санда. «Она не женщина, говаривалъ онъ, а гениальный писатель.» Листъ, общій другъ ихъ, сколько ни старался разсѣять его предубѣжденія противъ нея, то описывая ему ее какъ необыкновенно-нѣжную мать, какъ рѣдкаго друга, то говоря ему объ ея сочувствіи всему прекрасному, о потребности ея души любить и уважать въ другихъ стремленіе къ прогрессу... все было напрасно! Шопенъ представлялъ себѣ ее какою-то пиеей-прорицательницей. Да и вообще всѣ женщины-писательницы казались ему почти загадочными существами, онъ раздѣлялъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что женщина въ нихъ слишкомъ заслоняется писателемъ. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ творцомъ Леліи, фантастической, идеальной Леліи, жаждавшей вѣчной любви и высокой правды и кидающейся съ страшнаго утеса въ припадкѣ безумнаго отчаянія... Но ему суждено было столкнуться съ Жоржъ-Сандомъ на жизненномъ пути.

Разъ, на вечерѣ у графини д'Агу (d'Agoult), Шопенъ, такъ рѣдко игравшій при большомъ обществѣ, измѣнилъ своему обыкновенію, и, сѣвъ за рояль, увлекъ всѣхъ своими чудными разказами. Онъ уже оканчивалъ одну изъ вдохновенныхъ балладъ своихъ, какъ вдругъ, случайно поднявъ голову, увидалъ въ дверяхъ гостиной женщину совершенно незнакомую ему. Блѣдное, выразительное лицо ея дышало неподдѣльнымъ восторгомъ, большіе глаза, устремленные на него, заставили его содрогнуться... Нить фантазіи перервалась; онъ взялъ финальный аккордъ и отошелъ отъ инструмента. Слушатели, еще какъ бы погруженные въ море звуковъ, безмолвствовали... Тихими шагами подошла къ музыканту задумчивая женщина, и крѣпко пожала его руку... Этотъ вечеръ соединилъ тѣсными узами братства Жоржъ-Санда и Шопена.

Творецъ Леліи исчезъ для Шопена въ женщинѣ; не онъ, а она полюбилась великому музыканту, и наоборотъ, произведенія Шопена привлекли къ себѣ знаменитую писательницу, она увлеклась прежде поэтомъ, и потомъ ужъ полюбила человека. Онъ боялся встрѣтиться съ нею, а она давно стремилась узнать, какъ она его называла, «l'amant de l'impossible»; понятно, что это отразилось въ ихъ взаимныхъ привязанностяхъ. Поэтъ страстно полюбилъ Аврору Дюдеванъ и черезъ нее помирился съ

женщиной-писательницею, съ Жоржъ-Сандомъ. Аврора Дюлеванъ благоговѣла передъ великимъ поэтомъ-музыкантомъ (1), и узнавши въ немъ человѣка необыкновеннаго ума, одареннаго женски-любящимъ сердцемъ, привязалась къ нему и полюбила его, какъ мать любить сына, такъ сестра брата. Въ любовь ея входило много элементовъ: удивленіе и восторгъ, глубокое сочувствіе къ страдальцу и наконецъ, тихое, хотя и сильное, готовое на всѣ жертвы, чувство дружбы. Въ основаніи же его любви къ ней было неопреодолимое влеченіе, пылкая, неудержимая страсть; но скоро къ ней присоединилось другое чувство — благодарность. Къ концу 1837 года, составляющаго счастливѣйшую эпоху въ его страдальческой жизни, онъ стоялъ на краю могилы. Докторъ и другъ его, Матюшинскій, испугался внезапнаго оборота, который приняла таившаяся въ немъ неизлѣчимая болѣзнь: онъ и другіе медики произнесли было ужъ надъ нимъ смертный приговоръ; но, вдругъ и неожиданно, стало ему лучше, такъ что онъ могъ сопровождать Жоржъ-Сандъ, отправлявшуюся съ своими дѣтьми, Морисомъ и Соланжъ, на югъ, съ цѣлю излѣчить перваго отъ мучительныхъ ревматизмовъ. Жоржъ-Сандъ ни минуты не колебалась; для искреннихъ друзей она всегда готова была жертвовать своимъ собственнымъ спокойствіемъ; однако же она опасалась, чтобы Шопену, привыкшему къ парижской жизни, ко всѣмъ ея утонченнымъ удобствамъ, не пришлось раскаяваться въ впоследствии; она знала, что его ожидало много лишений, всякаго рода, и что онъ, слабый и изнѣженный, съ трудомъ вынесетъ ихъ; но извѣстный докторъ Гоберъ поклялся ей, что если больной проведетъ зиму въ южномъ климатѣ, то будетъ спасенъ. «Ему нуженъ воздухъ, прогулки и спокойствіе,» сказалъ знаменитый медикъ. Всѣ друзья Шопена упрасивали его не откладывать поѣздки. Въ ноябрѣ 1838 года Жоржъ-Сандъ уѣхала впередъ съ сыномъ и дочерью, и въ Перпиньянѣ дождалась Шопена, съ которымъ пустилась въ дальнѣйшій путь моремъ до Барселоны, а оттуда на островъ Майорку. Шопень счастливо доѣхалъ до цѣли своего путешествія; онъ чувствовалъ себя почти совсѣмъ здоровымъ; онъ былъ веселъ какъ никогда. Но скоро началась южная зима съ ея проливными дождями, и его припадки возвратились съ ужасною силою. Докторовъ хорошихъ нельзя было отыскать на Майоркѣ; даже самыхъ простыхъ медицинскихъ средствъ не было тамъ; мало того, иногда невоз-

(1) Histoire de ma vie. p. 152.

можно было достать даже сахару, столь необходимаго для страждущихъ грудными болями (1).

Жоржъ-Сандъ дни и ночи проводила у постели больного друга. Нечеловѣческими усиліями возвратила она его къ жизни. Въ это время она казалась Шопену, какъ онъ самъ потомъ часто говорилъ друзьямъ своимъ, какою-то сверхъестественною женщиною, которая силою любви своей скрыла его отъ приближавшейся смерти.

Наконецъ, она отдохнула. Погода стала лучше, а съ нею сталъ оправляться и больной. Но странно, Шопенъ, терпѣливо выносившій тяжкія страданія, сталъ раздражителенъ и мнителенъ при выздоровленіи. Привычка къ утонченному комфорту дѣлала ему жизнь въ Майоркѣ невыносимою; онъ не умѣлъ подчиняться лишеніямъ. Терзаясь, онъ терзалъ окружающихъ. «*Le pauvre grand artiste était un malade détestable*», говоритъ Жоржъ-Сандъ (2). «Я не знала души благороднѣе его, пишетъ она въ своихъ мемуарахъ (3), онъ былъ добръ, привѣтливъ, необыкновенно деликатенъ въ своихъ сношеніяхъ съ близкими ему людьми, веселость его была заразительна, умъ глубокъ и остеръ, глубокъ и проницателенъ; но замкнутый въ тѣсный кругъ даже милыхъ ему людей, онъ дѣлался раздражителенъ; придиричивъ; щекотливость его не знала мѣры, требованія его сердца были неудовлетворимы... Болѣзнь была всему виною; грѣшно было бы не извинить ему невольныхъ недостатковъ ради жестокихъ страданій, которымъ она подвергала его. Рана бѣднаго сердца его раскрывалась отъ ничтожнѣйшихъ причинъ... Стоически выдерживалъ онъ тяжкіе удары судьбы и не имѣлъ силы бороться съ мелочными непріятностями. Впрочемъ, прибавляетъ психологъ-писательница, послѣднее не должно удивлять никого, это не новое явленіе въ людяхъ, нервная система которыхъ развита до послѣдней крайности.»

Все сдѣлалось Шопену противно и гадко въ Испаніи, онъ ждалъ нетерпѣливо отъѣзда, но слабость его была такъ велика, что о путешествіи нельзя было и думать въ то время.

Я забылъ тебѣ сказать, что маленькая колонія путешественниковъ выбрала себѣ жилищемъ полуразвалившееся старинное

(1) G. Sand. *Lettres d'un voyageur*.

(2) G. Sand. *Lettres d'un voyageur*.

(3) G. Sand. *Histoire de ma vie*.

зданіе, въ которомъ уцѣлѣло лишь нѣсколько комнатъ. Въ нихъ она и поселилась. Живописная мѣстность, пустынная тишина могли бы повидимому успокоительно подѣйствовать на больного, но вышло наоборотъ. Наклонность къ мистицизму усилилась въ немъ послѣ страшнаго послѣдняго припадка болѣзни. Фантастическіе образы мелькали передъ нимъ и раздражали его воображеніе... Иногда по вечерамъ, оставшись одинъ, онъ садился за рояль и подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, создавалъ неподражаемыя поэмы. Онъ жилъ въ эти мгновенья двойною жизнію... Исчезалъ физически-слабый человѣкъ, могучими звуками потрясалъ онъ высокіе своды своей комнаты, и звуки, вырвавшись изъ раствореннаго окна, неслись по пустынной окрестности и, слившись съ морскимъ гуломъ, умирали гдѣ-то вдали... Вдохновенные часы! Но тяжело было поэту возвращаться къ дѣйствительности. Удушливый кашель, нестерпимыя боли въ груди слѣдовали за минутами наслажденія; еще такъ недавно сильный, непобѣдимый, превращался онъ въ слабого, умирающаго человѣка. Холодный потъ покрывалъ его блѣдное лицо; весь олицетворенное страданіе, лежалъ онъ почти бездыханный, терзаемый страшными призраками и физическими мученіями. Слова любви неизмѣннаго, терпѣливаго друга возстановляли, понемногу его силы, и онъ оживалъ до... новыхъ припадковъ.

Но тѣмъ не менѣе пребываніе его на островѣ Майоркѣ составило замѣчательную эпоху не только въ жизни, но и въ музыкальной дѣятельности его. Въ произведеніяхъ, относящихся къ этому времени, господствуетъ мрачный колоритъ. Въ немногихъ отразились ясные дни, прожитые имъ въ поэтической пустынѣ. Всѣ свѣтлыя воспоминанія того времени вылились уже въ его послѣдующихъ произведеніяхъ; онъ наслаждался минутами душевнаго спокойствія, и весь отдавался освѣжительному чувству любви къ женщинѣ, спасшей его отъ смерти; сновидѣнія свои передавалъ онъ только въ звукахъ. И это понятно. Онъ скрывалъ отъ своего друга тайну страха, находившаго на его душу въ минуты одиночества, безотчетной грусти и тревоги; одной только музыкѣ высказывалъ онъ свое мучительное состояніе въ тѣ мрачные вечера, когда развалины, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, казались ему населенными выходцами съ того свѣта, возвратившимися въ родныя имъ мѣста, чтобы посмотреть, осталось ли все такъ же тамъ, какъ было прежде... Подъ звуки монастырскаго органа совершали они свою ночную прогулку; ему слышался явственно шелестъ ихъ шаговъ, тихій шо-

потъ... Блѣдный, внѣ себя, подходилъ онъ къ инструменту... Вдохновеніе слетало на музыканта и обращало его мистическій бредъ въ тотъ священный ужасъ, подъ вліяніемъ котораго онъ создавалъ безсмертныя творенія, изданныя потомъ подъ именемъ прелюдій (1).

Прослушавъ Шопеновскія «прелюдїи», сильно желалось бы узнать то, что за ними *должно слѣдовать*; но въ этихъ *введенїяхъ*, въ этихъ *прелюдїяхъ* такъ мастерски очерчено въ немногихъ словахъ все содержаніе чудныхъ поэмъ, что по неволѣ миришься съ ихъ краткостью. Онѣ возбуждаютъ безконечныя психическія движенія... Рядъ удивительнѣйшихъ картинъ представляется воображенію. То слышится шумъ ручья, сначала тихо, тихо; но потомъ все усиливаясь отъ горныхъ потоковъ, присоединяющихся къ нему, пѣнясь и клубясь, бѣжитъ и мчится стремящаяся масса водъ, и низвергается въ открытое море. Гордо принимаетъ въ себя огромный океанъ эту ненужную ему струю. Величаво раскинулся онъ на необъятное пространство, однообразенъ плескъ его волнъ; золотой мѣсяцъ разсыпалъ блестящїе снопы свои по его поверхности; вѣчная, чудная красота громаднаго океана дѣйствуетъ на душу благотворно; волненіе ея утихаетъ, она погружена въ сладкія мечты; ее манитъ къ себѣ далекій берегъ, тамъ ждуть ее горячія объятія, радостныя слезы свиданія, — *dahin, dahin... lass uns ziehn!*.. и душа устремляетъ полетъ свой чрезъ океанъ, чрезъ высокія горы, чрезъ необозримыя степи. Вотъ и знакомыя, родныя мѣста; вотъ и храмъ, въ которомъ поэтъ впервые прїобщился Христовымъ Тайнамъ; ему было тогда шестнадцать лѣтъ, онъ былъ свѣжъ и молодъ... храмъ освѣщенъ, незримые голоса поютъ хвалебную пѣснь, звуки органа чудно сливаются съ ними... Жаркая молитва летитъ на встрѣчу торжественному гимну. Но вотъ слышится, какъ опустѣлъ храмъ, потухли свѣчи, замерли звуки святой пѣсни... Пора, пора и ему искать успокоенія подъ роднымъ кровомъ. Онъ подходитъ къ двери, но ее заперли... его забыли или не замѣтили... Густой мракъ... Тренеть пробѣгаетъ по его усталымъ членамъ... Чье-то присутствіе слышится ему... «Это я, слышится ему знакомый, нѣкогда милый голосъ:—это я... ты забылъ меня, а я, и покинувъ землю, помню тебя, неблагодарный другъ!..» Исчезаетъ привидѣніе, не дождавшись отвѣта и уступая мѣсто

(1) Vingt-quatre préludes. Op. 28.

страшнымъ призракамъ... Поэтъ дѣлаетъ неимоверное усиліе и — падаетъ безъ чувствъ...

Очнувшись и открывъ глаза, видитъ онъ себя снова въ своей пустынной комнатѣ: но онъ уже не одинъ, рука его согрѣлась въ чьихъ-то горячихъ рукахъ, чьи-то глаза радостно встрѣчаютъ его пробужденіе, ухо его лелѣютъ нѣжныя, задушевные слова; вдали пламенѣтъ привѣтливый огонь въ каминѣ, на роялѣ стоятъ зажженные свѣчи... около его постели двое дѣтей весело хлопчутъ около него. «Слава Богу!» шепчетъ очнувшійся отъ долгаго обморока поэтъ, и тяжелый вздохъ вырывается изъ стѣсненной груди... Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже у рояля, и повторяетъ своимъ друзьямъ безсмертныя импровизаціи, увлекшія его за часъ передъ тѣмъ съ такою силою въ міръ фантазіи, что физическій человѣкъ не выдержалъ и палъ подъ бременемъ страшныхъ видѣній.

Такимъ образомъ создались имъ его безсмертныя прелюдіи, очерки, стоящіе большихъ законченныхъ твореній, потому что въ нихъ гениальный художникъ двумя-тремя чертами изобразилъ такіе драматическіе моменты, которые разомъ исчерпываютъ всю сущность поэмы...

Говоря о прелюдіяхъ Шопена, Жоржъ-Сандъ такъ описываетъ происхожденіе одной изъ нихъ (1). «Мы оставили его въ тотъ день совершенно здоровымъ, говоритъ она въ своихъ мемуарахъ, и отправились съ Морисомъ въ Пальму для покупки разныхъ необходимыхъ вещей. На возвратномъ пути насъ ожидали страшныя бѣдствія. Проливной дождь произвелъ почти наводненіе, проводникъ бросилъ насъ однихъ, окруженныхъ непроницаемымъ мракомъ, и мы, подвергаясь ежеминутно опасности лишиться жизни, добрались до нашей Шартрѣзъ промокшіе до костей, усталые и полумертвые отъ страха... Мы вдвойнѣ измучились, и за себя и за больного, котораго безпокойство могли легко себѣ представить. Когда мы вошли въ его комнату, то увидали его за роялемъ; взглянувъ на насъ, онъ вскочилъ съ мѣста, вскрикнулъ и, оставя на нашихъ испуганныхъ лицахъ блуждающіе глаза свои, проговорилъ быстро: «Ахъ, я вѣдь зналъ, что васъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ!...» Долго не могъ онъ прийти въ себя, и потомъ уже признался, что, ожидая насъ и томясь нетерпѣніемъ, видѣлъ страшный сонъ. Ему, будто ясновидящему, представились всѣ

(1) Вѣроятно, послѣдней, 24-й, en re mineur.

опасности, которымъ мы подвергались на пути; онъ уже не въ состояніи былъ отдѣлать дѣйствительности отъ мучительнаго сна; но, убаюканный звуками своего инструмента, внезапно успокоился, не считая ужъ и себя въ числѣ живыхъ. Ему казалось, что онъ погруженъ въ озеро; холодныя, ледяныя капли падаютъ на его обнаженную грудь мѣрно и тихо... Дѣйствительно, продолжаетъ Жоржъ-Сандъ, въ прелюдіи его слышалось паденіе дождевыхъ капель, но когда я ему это замѣтила, называя это звукоподражаніемъ, то онъ разсердился. Истинный музыкантъ не старается рабски воспроизводить внѣшнія явленія природы, ему понятенъ ихъ сокровенный смыслъ,—и, передавая свои впечатлѣнія, онъ передаетъ полную картину поразительной вѣрности, главное достоинство которой состоитъ не въ *звукоподражаніи*, а въ *силѣ* выраженія, во внутренней, *неуловимой* красотѣ ея.» Въ ужасъ и трепетъ приводитъ эта прелюдія, которую одинъ извѣстный музыкантъ называлъ *une magnifique étude d'après nature*; въ ней слышится грозный голосъ природы, борьба челоуѣка съ непреодолимыми опасностями. Но посмотрите, какъ мало въ ней *нотъ*, какими простыми средствами поэтъ достигаетъ удивительныхъ эффектовъ!.. Музыкантъ не искалъ ихъ, а нашелъ внутри себя...

Жоржъ-Сандъ, видя, что больному Шопену нельзя было долѣе оставаться въ пустынной Шартрѣзъ де-Вальдемоса, рѣшились пожертвовать своимъ желаніемъ не возвращаться подолѣе во Францію, и, дождавшись хорошихъ дней, съ грустію простилась съ моремъ, цвѣтущею долиною и поэтическими руинами. Больному сдѣлалось въ дорогѣ хуже; онъ долженъ былъ прибѣгнуть въ Марсели къ пособіямъ опытнаго доктора Ковьера, который нашелъ его состояніе очень опаснымъ. Но, оживленный весеннимъ воздухомъ, онъ снова почувствовалъ себя лучше, такъ что могъ сопровождать Жоржъ-Санда въ Геную. Тамъ провелъ онъ много счастливыхъ, спокойныхъ дней. На возвратномъ пути, въ Марсели опять испыталъ онъ на себѣ дѣйствіе морскаго воздуха. Не прежде лѣта могли путешественники отправиться во Францію. Въ 1839 году вернулись они на родину, и поселились въ Ноганъ, помѣсть Жоржъ-Санда. Докторъ Папе не нашелъ въ больномъ и тѣни чахоточнаго расположенія. Послѣдствія доказали противное...

Жизнь въ Ноганъ пришла по сердцу выздоравливающему музыканту. Всѣ друзья Жоржъ-Санда, даже братъ ея Ипполитъ, полюбили его душою. «Всѣ они, по выраженію писательницы,

баловали его, предупреждая малѣйшія его желанія.» Лѣто протекло незамѣтно. Шопень казался совершенно довольнымъ своею судьбой. Будущее его не смущало. За то призадумалась Жоржъ-Сандъ. Жизнь ея, тревожная, полная огорченій, сдѣлалась было въ послѣднее время ясною и спокойною; вся отдавшись живительному труду и материнскимъ обязанностямъ, она думала, что для нея миновала эпоха страстей и тяжелыхъ испытаній; но исполненіе новой и трудной обязанности въ отношеніи къ больному другу измѣняло всѣ планы, ею задуманные. Шопень сдѣлался какъ бы членомъ семейства. Правда, она любила его и доказала еще такъ недавно всю силу своей дружбы; но у нея былъ на рукахъ другой больной — милый ея Морись; заботы о немъ, о воспитаніи его и дочери ея Соланжъ поглощали бѣольшую часть ея времени; слѣдовательно, взявши на свою отвѣтственность вѣчнаго страдальца, Шопена, она бы должна была покинуть свои авторскія занятія. Писатель и нѣжная мать страшно боролись въ ней съ инстинктами любящей женщины-друга. Далѣе, она видѣла даже опасность со стороны страсти Шопена къ ней. Она боялась, чтобы нѣжное чувство дружбы къ нему не перешло въ другое, болѣе пламенное.

И потому она рѣшилась остаться всю зиму въ Ноганѣ, рассчитывая, что Шопену необходимо будетъ уѣхать въ Парижъ, куда призывалъ его долгъ артиста. «Еслибы я исполнила мое намѣреніе, говоритъ она, Шопень былъ бы спасенъ. Разставшись со мною, онъ погрузился, потосковалъ бы нѣсколько дней и потомъ снова предался бы наслажденіямъ, ожидавшимъ его въ Парижѣ. Въ это время онъ еще не такъ былъ привязанъ ко мнѣ, чтобы не могъ оставить меня. Чувство его ко мнѣ не было исключительнымъ чувствомъ; онъ передавалъ мнѣ свои сердечныя тайны, съ увлеченіемъ говорилъ о своей милой соотечественницѣ и о своей матери, ожидавшихъ его возвращенія въ Польшу... Такъ думала я, продолжаетъ она, но не такъ случилось. Незамѣтно для насъ самихъ, опутала насъ судьба узами долгой взаимной привязанности!» (1)

На зиму Жоржъ-Сандъ и Шопень переехали изъ Ногана въ Парижъ. Первая наняла въ улицѣ Пигаль (Pigale) два павильо-

(1) «Mais la destinée nous poussa dans les liens d'une longue association, et nous y arrivâmes tous deux sans nous en apercevoir.» Histoire de ma vie.

на, построенные въ углубленіи большаго сада, а послѣдній помѣтился въ сосѣдственной улицѣ (rue Tronchet), но квартира его оказалась холодною и сырою. Онъ началъ страдать мучительнымъ кашлемъ... Блѣдный, разстроенный, приходилъ больной Шопенъ ежедневно къ своей сосѣдкѣ, утѣряя ее, «что онъ совершенно здоровъ». Кончилось тѣмъ, что Жоржъ-Сандъ предложила уступить ему нижній этажъ павильона, въ которомъ поселился сынъ ея, Морисъ; онъ съ радостію принялъ ея предложеніе. Почувствовавъ себя снова хорошо, онъ предался ревностно своимъ занятіямъ, показался въ свѣтъ и... время потекло быстро для счастливаго человѣка; бодро поднялъ онъ голову и пошелъ по назначенному ему пути съ увѣренностью генія и съ смѣлостью человѣка, любимаго женщиною, страсть къ которой развивалась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе.

Такъ прошелъ незамѣтно годъ. Лѣтомъ Жоржъ-Сандъ уѣхала въ свое помѣстье. Шопенъ, «le malade ordinaire de sa chère garde-malade», какъ онъ называлъ себя, остался одинъ въ Парижѣ, но только на короткое время; скоро онъ послѣдовалъ за нею въ Ноганъ и, пробывъ тамъ мѣсяца три, возвратился въ городъ, чтобы приготовить для себя и для неразлучнаго своего друга новую квартиру. Зимой маленькая колонія поселилась въ домѣ Марміани, близъ Орлеанскаго сквера. Въ немъ прожили знаменитые друзья-поэты нѣсколько лѣтъ сряду, уѣзжая на лѣтніе мѣсяцы въ Ноганъ. Гостиныя ихъ, отдѣлявшіяся квартирою самой хозяйки дома Марміани, наполнялись часто всѣмъ, что Парижъ заключалъ въ себѣ въ то время замѣчательнаго и талантливаго въ области искусства, политики, науки, литературы. Задумчивыя мысли, горячія убѣжденія, высказывавшіяся на импровизированныхъ раутахъ въ домѣ Марміани, породили, конечно, много замѣчательнаго и великаго въ области науки и искусства. Каждый изъ собесѣдниковъ могъ подкрѣпить свое слово фактомъ, каждый изъ нихъ заслужилъ почетное имя на своемъ поприщѣ, и всѣ вмѣстѣ стремились къ одной великой цѣли — къ высокому знанію. Вопросы великой важности, міровые вопросы, предлагались на общее обсужденіе; каждое мнѣніе подвергалось строгому разбору, съ уваженіемъ къ личной независимости высказавшаго. Шопенъ, какъ разказываетъ Листъ, мало говорилъ, но умѣлъ слушать. Ирѣдка кидалъ онъ свое слово въ потокъ горячихъ рѣчей; иногда однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ давалъ онъ неожиданный оборотъ разговору... Чаше же всего слѣдилъ онъ молча, но съ глубокимъ вниманіемъ, за ходомъ оживленныхъ, нерѣдко бурныхъ преній, хотя выразительное

лицо его подчасъ и измѣняло ему; не выходя изъ своего преднамѣреннаго молчанія, онъ указывалъ на ошибки увлеченныхъ ораторовъ. «Я любилъ смотрѣть на него въ эти минуты,» прибавляетъ Листъ.

Въ одномъ только случаѣ онъ считалъ своею обязанностію твердо и неуклонно высказывать свое мнѣніе; онъ чувствовалъ свое право рѣшать важные вопросы, касающіеся дорогаго ему искусства. Страстные, пылкія рѣчи лились тогда изъ его постоянно-молчаливыхъ устъ, и слова его, какъ и всякое слово, сказанное отъ души, съ глубокимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на полномъ знаніи дѣла, производили впечатлѣніе неотразимое. Онъ ратовалъ и противъ тѣхъ, которые хотѣли подчинить искусство какимъ-то математическимъ формуламъ, считая ихъ непреложными, и противъ тѣхъ, которые, увлекшись новыми идеями, обращали искусство въ то дикое смѣшеніе звуковъ, главнымъ элементомъ котораго былъ матеріализмъ, грубое подражаніе явленіямъ природы, *описаніе* необузданныхъ страстей.

Не требуя похвалъ и не боясь порицаній, онъ шелъ гордо впередъ. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ гении и — не ошибся. Ученый музыкантъ, изучившій классическія творенія великихъ мастеровъ, онъ терпѣливо занимался обработкою своихъ произведеній, доходя до мельчайшихъ подробностей. Шопенъ не увлекался гармоническими эффектами, если общій характеръ произведенія не требовалъ ихъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ для правды музыкальной, и потому не старался поддѣлываться ни подъ вкусъ публики, ни подъ требованія такъ-называемыхъ классиковъ и романтиковъ, а писалъ, вдохновленный своимъ внутреннимъ голосомъ, не придерживаясь ни популярныхъ, ни теоретическихъ формулъ. Въ классическихъ произведеніяхъ изучалъ онъ образцовыя выраженія чувствъ и мыслей, углублялся въ нихъ, старался объяснить себѣ тайну ихъ внутренней силы, не останавливаясь на одной ихъ внѣшности (1). Что же касается до такъ-называемой романтической школы, то убѣжденіе его можно передать словами его знаменитаго современника Роберта Шумана: «Трудно представить себѣ появленіе романтической школы въ музыкѣ, потому что романтизмъ составляетъ самую сущность музыки.»

Вообще Шопенъ былъ совершенно самобытенъ и въ произве-

(1) Fr. Chopin par Liszt.

деніяхъ и во взглядѣ своемъ на искусство. Въ величайшихъ образцахъ творчества художническаго, поэтическаго и музыкальнаго, его душѣ говорило только то, что не противорѣчало его артистическимъ инстинктамъ (1), но эта врожденная односторонность его не вредила ему, потому что онъ обладалъ необыкновенною вѣрностію сужденія и поэтическимъ тактомъ; слѣдовательно, въ самомъ гениальномъ произведеніи находилъ онъ многое, что не нравилось ему, но несмотря на то, значеніе его въ искусствѣ казалось ему все-таки великимъ; и наоборотъ, — въ произведеніяхъ менѣе значительныхъ отыскивалъ онъ мысли и звуки, родные его душѣ, но это ни мало не побуждало его ставить ихъ на ряду съ высшими образцами искусства.

Онъ благоговѣлъ передъ всеобъемлющимъ гениемъ Бетговена; но находилъ, что многія части въ его твореніяхъ слишкомъ *атлетически* построены; что страстность ихъ часто переходитъ въ изступленіе; ему слышались крики и вопли въ могучихъ сонатахъ и симфоніяхъ Бетговена, и производили на его душу болѣзненное, невыносимо-тяжелое впечатлѣніе. Шекспировскія драмы поражали его воображеніе, затрогивали нѣжныя струны его сердца, и однакожь онъ содрогался, читая кровавыя страницы гениальнѣйшихъ произведеній поэта-психолога.

Мелодіи Шуберта нравились ему, онъ вполне постигалъ драматизмъ его балладъ, прелесть его сонатъ, симфоній; но Шопена отталкивало все то, что въ нихъ, по выраженію Листа, «*fait palpiter la chair et craquer les os sous l'étreinte de la douleur.*»

Все рутинное въ итальянской музыкѣ и все слишкомъ грубое, хотя и энергически высказанное въ нѣмецкой, одинаково не нравилось ему.

Кстати, о Шубертѣ онъ разъ сказалъ: «*que le sublime était flétri lorsque le commun ou le trivial lui succédait.*» (2) Моцартъ былъ его идеаломъ, онъ считалъ его царемъ поэтовъ-музыкантовъ, потому что онъ, рѣже чѣмъ кто-либо изъ композиторовъ, допускалъ въ свои произведенія мѣста, опошлявшіяся отъ частаго употребленія. Ему въ Моцартѣ именно и нравилось то, за что Моцарта упрекнулъ разъ отецъ его, по поводу «Идоменеи». — Зачѣмъ, писалъ онъ знаменитому своему сыну, не помѣстилъ ты въ ней ничего для длинныхъ ушей, то-есть для

(1) Fr. Chopin par Liszt.

(2) Liszt p. 153.

большинства публики? (1) Но и въ Донъ-Жуанъ, этой оперъ изъ оперъ по выраженію Шопена, многое огорчало его, какъ недостойное великаго мастера. Избитыя формулы были для него невыносимы. Жоржъ-Сандъ остроумно сравниваетъ ихъ съ окончаніемъ церемонныхъ писемъ: «вашъ покорнѣйшій слуга (2)». Всѣмъ надѣла эта формула, она бессмысленна, а всѣ ее употребляютъ и вѣроятно долго еще будутъ употреблять. Такова сила обычая.

Мнѣ кажется, что одна изъ яркихъ особенностей Шопеновскихъ произведеній и есть это рѣшительное отсутствіе въ нихъ такъ-называемыхъ «общихъ мѣстъ»; ни подъ однимъ изъ нихъ не подписалъ онъ «вашъ покорнѣйшій слуга». Много есть темныхъ, сбивчивыхъ гармонизацій въ его, особенно послѣднихъ, твореніяхъ, но нигдѣ не найдешь ни одной пошлой мысли или избитой формулы...

Возьмемъ напримѣръ его варіаціи на національную нѣмецкую мелодію (3). И тема наивна, и варіаціи наивны, и не отличаются оригинальною прелестью, но отчего вызываютъ онѣ невольную улыбку на лицо слушателя, веселую улыбку? Оттого, что Шопенъ и въ этой безыскусственной піескѣ остался вѣренъ самому себѣ. Каждая варіація — живое лицо; каждая изъ нихъ точно бѣлокурая, немного сентиментальная Нѣмочка, съ удовольствіемъ прислушивающаяся къ звукамъ родной пѣсенки, знакомой ей чуть ли не съ перваго дня ея рожденія. А финалъ! совершенная вечеринка, на которую собрались нѣсколько Fräulein потанцовать вѣчно юный и граціозный вальсъ, настоящій вальсъ à trois temps. Кончишь маленькую піесу и опять невольно улыбаешься. Авторъ не имѣлъ цѣлю написать популярную вещицу, поддѣлаться подъ тонъ современныхъ ему «Variationen über ein Thema aus...» онъ просто пошутилъ, отъ души разсмѣялся тѣмъ милымъ смѣхомъ, который составляетъ принадлежность дѣтей да истиннаго поэта.

Перейдемъ теперь къ его балладамъ. По собственному выраженію Шопена, содержаніе ихъ почерпнуто имъ изъ поэмъ Мицкевича (4).

(1) Otto Jahn über Mozart.

(2) Lettre à Meyerbeer. G. Sand. Lettres d'un voyageur.

(3) Oeuvre posthume. Vienne.

(4) Schumann. Ueber Musik und Musiker.

Изъ четырехъ балладъ самая извѣстная публикѣ подъ именемъ посвященной знаменитому его соотечественнику—поэту (1).

Въ балладѣ, посвященной Шуману (2), слышится голосъ разкащика: плавно и мѣрно льются рѣчи, ихъ прерываютъ эпизоды, живыя картины; тогда, самые герои баллады какъ бы отдѣляются отъ темнаго фона и заслоняютъ собою разкащика, — но только на время: онъ какъ опытный трубадуръ, дойдя до драматическаго момента, пріостанавливается; подъ звуки его инструмента воображеніе слушателей наслаждается чудными картинами баллады и уносится въ невѣдомыя страны... и вотъ снова пѣвецъ вступаетъ въ свои права, и декламируетъ волшебную сказку.

Третья баллада (3) свѣтлая, обворожительная идиллія. Мысль, воплотившаяся въ граціозный, высоко-поэтический образъ, видится отъ начала до конца произведенія; но постоянно при новой обстановкѣ, при другомъ освѣщеніи...

Четвертая и послѣдняя его баллада (4) — громадное созданіе. Ученая обработка и глубоко-драматическое содержаніе ея ставятъ ее на ряду съ гениальнѣйшими фортепیانными произведеніями. Главная мелодія ея навѣваетъ на душу неотразимую грусть. Финалъ ея дотога энергиченъ, что кажется, будто впечатлѣніе, произведенное на душу первою мелодіею, должно совершенно стереться, и слушатель останется подъ вліяніемъ послѣдней яркой картины. Выходитъ наоборотъ. Роскошная обстановка финала дѣйствительно отвлекаетъ вниманіе отъ разкащика. Увлечшись, слушатель не замѣчаетъ или, лучше сказать, не сознаетъ въ немъ присутствія главной мысли, не видитъ передъ собою героя баллады; слушатель весь поглощенъ стремительною массою звуковъ... Утихла буря, замерла вдохновенная импровизація, и милый образъ поэта, задумчивый и грустный, опять передъ глазами;—чудный звукъ сладкой пѣсни надолго остается въ душѣ слушателя (такова сила мелодіи!) «остается безъ словъ, но живой»...

Вообще баллады Шопена оправдываютъ свое названіе; ихъ иначе и назвать нельзя

(1) Op. 23 en sol mineur.

(2) Op. 38 en fa majeur.

(3) Op. 47 en la b majeur.

(4) Op. 52 en fa mineur.

Есть еще у него разказъ, написанный въ формѣ сонаты (1), которую я бы назвалъ именемъ одной изъ симфоній Берліоза: «*épisode de la vie d'un artiste*» (эпизодъ изъ жизни одного артиста). Въ сонатѣ этой четыре части: аллегро, скерцо, маршъ и финаль.

Въ первой—авторъ какъ бы знакомитъ насъ съ характеромъ героя своего разказа: передъ нами страстный, впечатлительный музыкантъ; нѣтъ предѣловъ его стремленію; за немногими минутами успокоенія (2) слѣдуютъ часы непобѣдимыхъ желаній, но есть врагъ, какъ древній *fatum*, налагающій тяжелыя оковы на высокаго избранника... Во второй части сонаты (скерцо) картина страшной борьбы съ этимъ невидимымъ врагомъ. Не побѣдять это начало, которое родилось и умереть съ художникомъ. Врагъ его въ немъ самомъ — то необузданное стремленіе постичь непостижимое, — онъ самъ взлѣгъ, взростилъ его въ себѣ... Вотъ слышится ему сладкая пѣсня (3): кто знаетъ? быть-можетъ, нѣкогда душа его мѣла и таяла подъ ея очаровательные звуки... къ чему явилась она теперь непрощенная? — увы! то было время, а теперь другое! мрачный, прислушивается онъ къ ней... Снова борется онъ и, побѣжденный, падаетъ, прощаясь съ жизнью и съ лучшими надеждами своими. Умирающій, слышитъ онъ отголосокъ милой, родной пѣсни... два-три вздоха вырываются изъ груди, — уста шепчутъ прощальное слово — и отлетаетъ страстная душа. .

Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши не устахъ;
Но темень какъ сама могила
Печальный смыслъ улыбки той (4).

Уныло, глухо звучитъ похоронный католическій колоколь; подъ мѣрные удары его открывается торжественное шествіе. Спокойно-грустные аккорды раздаются въ воздухъ и сопровождаютъ уснувшего въ послѣднее жилище. Въ нихъ слышатся едва-сдержанные рыданія, слезы о невозвратимомъ... замираютъ первые аккорды марша, появляется отрадная мелодія. «Смерти нѣтъ — поетъ невидимый голосъ—душа вамъ милаго пѣвца воз-

(1) Op. 25.

(2) На 4-й страницѣ аккорды *ge b majeur* и на 8-й—въ *si b majeur*.

(3) *Più lento*.

(4) Лермонтовъ.

вратилась на свою родину, ей легко и радостно теперь; усталая отъ борьбы, она отдыхаетъ и нѣжится въ волнахъ чудной, безконечной жизни...» — «Смерти нѣтъ, повторяютъ другіе голоса, но есть разлука, мы оплакиваемъ дорогаго человѣка, пусть же льются слезы, онѣ облегчатъ намъ нашу грусть, пусть гудитъ мѣдный колоколъ и далеко разноситъ по окрестности вѣсть о нашей утратѣ...» Медленно движется траурная процессія подъ звуки божественной пѣсни, грусть и надежда слились въ ней въ одно невыразимое, радужное чувство. Похоронили (1). Въ воздухѣ струится еще что-то скорбное: то отголоски торжественнаго гимна, то воспоминанія объ усопшемъ...

Соната эта—удивительная драма, раздирающая душу драма! Последнее аллегро, по выраженію Шумана, «ist keine Musik» (вовсе не музыка). Положимъ такъ, но за то въ немъ кроется что-то необыкновенное, не подлежащее анализу, какъ и разнородныя чувства, возбуждаемая иногда въ насъ смертію близкаго намъ человѣка... смутно на душѣ, когда послѣ первыхъ минутъ жестокой скорби, останешься лицомъ къ лицу съ безжизненнымъ тѣломъ. Прошло три дня, ты вынесъ его изъ дому, проводилъ на новую квартиру, бросилъ горсть земли и... полный тоски, мрачныхъ думъ, и въ одно и то же время проникнутый торжественнымъ характеромъ священнаго обряда, возвращаешься тихо къ себѣ, бросивъ послѣдній взглядъ на свѣжую могилу: скажи, въ состояніи ли ты тогда уяснить себѣ твои ощущенія?—конечно, нѣтъ. Въ финалѣ сонаты очерчено мастерски подобное состояніе души. Ты слышишь звуки и... только.

Что въ нихъ? насмѣшка ль надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,

Какъ звать? . . . (2).

Кромѣ сонаты, мною описанной, изъ которой вѣзмъ болѣе или менѣе извѣстенъ погребальный маршъ, есть у Шопена еще три. О первой (3), относящейся къ первому періоду его дѣятельности,—я уже сказалъ нѣсколько словъ прежде. Вторую (4) можно

(1) Последнее аллегро. (Final).

(2) Лермонтовъ.

(3) Op. 4.

(4) Op. 58.

бы назвать пасторальной. Особенно ярко обрисовывается ея характеръ въ первомъ «аллегро» и въ «адажіо»; отъ послѣдняго вѣетъ деревенскимъ воздухомъ, все въ немъ свѣтло и радужно. Только финальная часть піесы набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на веселый ландшафтъ страстнымъ и отчасти мрачнымъ колоритомъ своимъ. Третья соната (4) съ віолончелемъ: въ ней первая половина скерцо напоминаетъ Мендельсона, вторая же — есть чудное *cantabile*; за нимъ слѣдуетъ коротенькое *largo*, стоящее огромныхъ и притомъ мастерскихъ *adagio*. Вдохновенныя двѣ страницы!.. Всѣ эти три сонаты, говоря высокимъ слогомъ, заключаютъ въ себѣ много красотъ первой величины, но при всемъ томъ, по моему, можетъ-быть, и ошибочному мнѣнію, уступаютъ въ цѣломъ и даже во многихъ подробностяхъ сонатѣ ор. 35. Но во всѣхъ четырехъ замѣтно, что Шопену немалого труда стоило втиснуть свою фантазію въ рамки «классической» древней сонаты, въ этотъ родъ произведеній, въ которомъ были такъ велики Гайднъ и Моцартъ и рѣшительно недосягаемъ Бетговенъ. Кстати, меня всегда удивляло и удивляетъ педантически холодное исполненіе образцовыхъ произведеній Бетговена, Моцарта и другихъ великихъ мастеровъ, такъ-называемой: *la bonne musique*. Неужели безжизненность исполненія признаковъ глубокаго уваженія къ твореніямъ знаменитыхъ музыкантовъ? вѣдь эти музыканты были люди, они тоже плакали, радовались, сердились, сомнѣвались, молились; слѣды ихъ страстей, стремленій остались въ ихъ произведеніяхъ; они обратили самую жизнь свою въ искусство, а искусство въ жизнь, *sie lebten dichtend und dichteten lebend*, по словамъ Гете, — а строіе исполнители *серіозной* музыки, передавая вдохновенныя поэмы ихъ, наводятъ мертвящую скуку, непреодолимую зѣвоту на слушателей. Имена Бетговеновъ, Гайденовъ, пугаютъ большинство; такъ-называемые «вечера классической музыки» представляются чѣмъ-то въ родѣ нестерпимо скучныхъ лекцій о схоластической метафизикѣ... кто виновать?

Меня всегда смѣшитъ слѣдующая фраза: я хочу (это говорить, положимъ, образованная барыня или развитой баринъ, обращаясь къ учителю музыки) я хочу, чтобы мои дѣти и *хорошую* музыку понимали. Что значитъ это «и»? Другими словами это значитъ: учите ихъ тому, что принято играть, но не мѣшаетъ познакомить ихъ съ тѣмъ, что *почти лишнее* въ обществѣ;

то-есть и съ *хорошею* музыкою. Да что же это за подраздѣленіе музыкальныхъ произведеній на хорошія (*мало нужныя*) и на дурныя (*необходимыя*)? Одна только и есть вѣдь истинная музыка: хорошая, въ какой бы она формѣ не проявилась, начиная отъ вальса Штрауса до Бетговенской симфоніи включительно...

Есть шутки, которые уязвляютъ бѣдное сердце; есть смѣхъ, отъ котораго болѣзненно сжимается оно... Таковы всѣ четыре скерцо Шопена (не считая скерцо изъ сонаты, о которой мы сейчасъ говорили). Уже въ Бетговенскихъ скерцо (въ его нѣкоторыхъ сонатахъ и симфоніяхъ) являются раздрающіе душу вопли и придаютъ самому произведенію горько-ироническій смыслъ. Въ Мендельсоновскихъ скерцо также слышатся подчасъ сквозь смѣхъ невидимыя миру слезы; но Шопенъ въ этомъ родѣ произведеній достигъ невѣроятныхъ результатовъ... Послушайте его скерцо, извѣстное подъ именемъ скерцо *révolutionnaire* (1); это живая понорама: картины буйства, шума, слезъ, смѣха, отчаянія съ неимоверною быстротою смѣняють одна другую.. Невольно приходитъ въ голову картина извѣстнаго живописца Делакруа: іюльская революція. «Лица, говорить Гейне, какъ бы покрытыя сѣрою пеленою: дымомъ пороха и пылью; сухой, равно освѣщающій всѣ предметы солнечный колоритъ, изгоняющій малѣйшій признакъ тѣни изъ цѣлаго; все это придаетъ картинѣ характеръ истины, дѣйствительности, придаетъ ей, наконецъ, поразительно вѣрную фizioномію іюльскаго дня.» Слова эти совершенно примѣнимы къ скерцо Шопена... Но вотъ въ чемъ разнятся эти двѣ картины. У Делакруа страшное зрѣлище представлено во всей своей наготѣ, живописецъ не участвуетъ въ немъ, его останавливаютъ предѣлы искусства, онъ изобразилъ одинъ моментъ, ужасный моментъ! У Шопена вездѣ проглядываетъ музыкантъ, слышится его голосъ, слова молитвы, горячаго участія въ судьбѣ людей; отъ такихъ шутокъ, какъ это скерцо, волосы становятся дыбомъ (2).

Пора намъ однако возвратиться въ Парижъ.

Начиная съ 1840 года, здоровье Шопена замѣтно дѣлалось слабѣе и слабѣе. Жоржъ-Сандъ въ своихъ *запискахъ*, съ неподдѣльнымъ чувствомъ сожалѣнія, рассказываетъ о вліяніи неизлѣчимой болѣзни на характеръ артиста...

(1) Op. 31.

(2) Кромѣ этого скерцо есть у него еще три op. 20, op. 39 и op. 54.

Нѣсколько недѣль, которыя каждое лѣто проводилъ онъ въ Ногантъ, освѣжали его немного; но Парижъ, шумный и блестящій, портитъ все дѣло. Онъ раздражалъ больного музыканта и рѣшительно вредилъ ему. Парижъ притягивалъ его къ себѣ, и дѣлался ему ненавистнымъ; Ногантъ ему сильно нравился, но странно! пріѣхавъ туда, онъ черезъ нѣсколько дней начиналъ ужь скучать по столицѣ, рвался въ свѣтъ, и наоборотъ, сидя въ раззолоченныхъ гостиницахъ, окруженный любовью, вниманіемъ, удивленіемъ, онъ вдругъ задумывался, ему мерещились тѣнистыя рощи Ногана, его пустынная тишина... «Chopin voulait toujours Nohant—говорить Жоржъ-Сандъ—et ne supportait jamais Nohant.» Это вѣчное недовольство, невозможность помириться съ настоящимъ, болѣзненная раздражительность особенно сильно проявлялись въ немъ, когда онъ принимался за свои занятія. Вдохновеніе слетало на него неожиданно; онъ садился за инструментъ и подъ его пальцами струились удивительныя импровизаціи, полныя и законченныя поэмы; являлась счастливая мысль и тутъ же развивалась, разрабатывалась съ непонятною быстротою. Возвратившись съ прогулки, онъ иногда спѣшилъ къ своему инструменту, чтобы услышать на немъ то, что родилось въ головѣ его подъ вліяніемъ природы... Зато потомъ наступала мучительная работа: начинавъ записывать свои фантазіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимался анализировать за минуту передъ тѣмъ созданное; а анализируя, часто забывалъ многое изъ того, что ему особенно нравилось въ его сочиненіи; онъ приходилъ въ отчаяніе: иное казалось ему не свѣжимъ, другое слишкомъ туманнымъ, третье просто пошлымъ и избитымъ. Запершись въ своей комнатѣ, онъ по цѣлымъ днямъ работалъ надъ одною страницей; разъ по сту перемѣнялъ редакцію, грызъ перья, ходя изъ угла въ уголъ, плакалъ, кидалъ начатое, вдругъ снова принимался съ жаромъ за только-что оставленное имъ и чаще всего кончалъ тѣмъ, что записывалъ свою первую фантазію. Въ этомъ случаѣ ему помогала счастливая звѣзда великихъ художниковъ; несмотря на свое страстное желаніе найти изящнѣйшую форму для первой мысли, онъ послѣ долгихъ трудовъ, останавливался на той, въ которой она явилась ему въ минуту вдохновенія, а то, что создается подъ неотразимымъ вліяніемъ ея, не можетъ не дышать истинно-поэтическою правдою... Шопень боялся довѣриться вполне голосу своего гения, онъ былъ взыскателенъ и строгъ къ себѣ, болѣзненное состояніе страшно усиливало въ немъ требовательность и мнительность...

«Первое время, говоритъ Жоржъ-Сандъ, я имѣла на него вліянія на столько, что заставляла его часто убѣждаться въ томъ, что первая мысль, блеснувшая въ вдохновенную минуту, должна успокоить его насчетъ достоинства того произведенія, которому она послужитъ зерномъ, но потомъ онъ часто, хотя и слегка, упрекалъ меня за это. — Вы избаловали меня, говаривалъ онъ, вы отучили меня быть строгимъ къ самому себѣ. Видя, что занятія сильно утомляли его, я изрѣдка успѣвала уговорить его оставить ихъ на время и отправиться со мною постранствовать. Дня по два иногда пропадали мы съ нимъ, открывали неизвѣстные намъ мѣста въ окрестностяхъ Ногана. Усталый, возвращался онъ домой, но зато спалъ крѣпко. Не всегда однако удавалось мнѣ отвести его отъ рояля, и когда его беспокоили, онъ страшно сердился. Въ минуты гнѣва онъ бывалъ ужасенъ, и хотя удерживалъ свой порывъ, если мною невольно возбуждался онъ, но все-таки я боялась его въ эти минуты; онъ задыхался, онъ, казалось, умиралъ.»

Годъ отъ году становился онъ мрачнѣе и мрачнѣе. Смерть его отца и потомъ искренняго друга, Матюшинскаго, нанесла ему два сильные удара. Онъ проводилъ безсонныя ночи, осаждаемый страшными видѣніями. Мистицизмъ все болѣе и болѣе опутывалъ его своими сѣтями; образы отца и друга, какъ тѣни, преслѣдовали его, онъ съ ужасомъ отворачивался отъ нихъ, не переставая все-таки скорбѣть и плакать. «Часто оставляла я свои занятія и приходила успокоивать его, проводя ночи безъ сна у изголовья бѣднаго визионера,» говоритъ Жоржъ-Сандъ въ своихъ мемуарахъ.

Дѣти ея любили больного и сносили терпѣливо его вспышки, но разъ Морисъ такъ былъ оскорбленъ имъ, что они чуть было совѣмъ не разсорились. Черезъ минуту однакоже они поцѣловались, но сила дружбы ихъ замѣтно ослабѣла. Ссоры стали повторяться чаще и чаще... Тоска грызла и сосала сердце бѣднаго музыканта, грудныя боли усиливались, воображеніе распалялось и гальванизировало на время его слабѣющій организмъ. Въ минуты подобнаго напряженнаго состоянія онъ написалъ свои знаменитыя послѣдніе ноктюрны, баллады; въ нихъ есть страницы, дышащія такимъ отчаяніемъ, такою непобѣдимую тоскою, что сердце замираетъ, прочитывая ихъ. Мысль о смерти пугала его, но и жизнь становилась ему въ тягость.

Онъ желалъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы —

Онъ желалъ навѣки такъ заснуть,
 Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
 Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь...

Бѣдный страдалецъ! Можетъ-быть, онъ съ радостію отдалъ бы жизнь свою, но вѣдь съ нею слилось искусство, а его онъ пламенно любилъ, любилъ до послѣдняго вздоха...

Около 1847 года онъ уже почти не могъ ходить, малѣйшее движеніе заставляло его вскрикивать отъ боли, — весною онъ почувствовалъ всѣ предсмертныя муки, и еще разъ спасла его отъ смерти преданная ему женщина. Но тутъ вскорѣ произошелъ между ними разрывъ. Болѣзненная раздражительность Шопена давно уже была въ тягость всѣмъ окружающимъ. Однажды между нимъ и Морисомъ произошла такая сцена, которая повлекла за собою совершенный разрывъ между Жоржъ-Сандомъ и Шопеномъ. Они разстались—навсегда. «Вы меня болѣе не любите,» воскликнулъ бѣдный, больной художникъ, удаляясь...

Разрывъ съ Жоржъ-Сандомъ былъ для Шопена смертельнымъ ударомъ. «Потерявши ея дружбу, я все потерялъ въ жизни», говорилъ онъ. Онъ благословлялъ память необыкновенной женщины, своего «ангела избавителя», какъ онъ называлъ ее, но ревнивые друзья постарались отравить это чувство и дѣйствительно успѣли въ этомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отравили послѣдніе дни жизни артиста... Все правда, но виноваты ли они однако въ томъ, что не удалась операція? и ножъ былъ остеръ, и дѣйствовали быстро; они рѣзали его, для его же блага...

Операція эта состояла въ томъ, что Шопену, разставшемуся съ страстно-любимою имъ женщиною, постарались объяснить необыкновенное сходство между нимъ и героемъ романа: «Лукреція Флоріани», княземъ Каролемъ.

Странно, онъ не разъ читалъ этотъ романъ еще въ рукописи, на бюро знаменитой писательницы; но несмотря на свою крайнюю подозрительность, онъ былъ далекъ отъ всякаго сближенія между Каролемъ и собственною личностію. Страдалецъ повѣрилъ на слово своимъ друзьямъ-благодѣтелямъ и не перечелъ «Лукреціи»: иначе онъ увидалъ бы, что ему преднамѣренно исказили характеръ мечтательнаго князя; всѣ слабости его выставлены были на показъ, а поэтическая его сторона заслонена похвальнымъ и усерднымъ желаніемъ излѣчить больного друга отъ ужасной болѣзни — любви къ недостойной его женщинѣ. Но увы! Шопень жестоко оскорбился, а все-таки не разлюбилъ.

«Она меня не уважала», подумалъ онъ съ отчаяніемъ, и отъ мучительной тоски перешелъ къ убійственному равнодушію, къ тому несчастному состоянію души, въ которомъ и радость, и горе теряютъ всю силу своего вліянія на человѣка. Жоржъ-Сандъ, какъ тонкій психологъ, очертила подобное состояніе души въ своемъ романѣ Лелія: «*Le désespoir a tellement creusé en elle qu'il est devenu la sérénité*», но Шопенъ не дошелъ до ясности духа; физическія страданія его усилились отъ нравственныхъ потрясеній... Онъ ждалъ только—смерти, а смерть не приходила; она отдала бѣднаго артиста на жертву болѣзни, младшей сестрѣ своей, по выраженію Байрона. И дѣйствительно, съ 1847 до 1848 года, Шопенъ не выходилъ изъ ея объятій.

Княгиня Чарторижская и Гутманъ, ученикъ и искренній другъ артиста, не оставляли его во время его страшныхъ припадковъ, а послѣдній проводилъ и дни и ночи у постели больного. «Не усталъ ли Гутманъ, спрашивалъ часто Шопенъ у Чарторижской, — мнѣ необходимо его присутствіе, но я боюсь за его силы!»

Весною ему стало лучше, онъ принялся за свои занятія и пробылъ все лѣто въ Парижѣ. Онъ трудился неутомимо, стараясь заглушить тоскливый голосъ больного сердца. Къ этому времени относятся почти всѣ его послѣднія произведенія; ноктюрны, полонезъ-фантазія, немногія мазурки, баллада и соната; также задумалъ онъ писать фортепіанную школу, желая въ ней передать плоды своихъ долгихъ и терпѣливыхъ изученій инструмента и искусства. Трудъ огромный, который принесъ бы много пользы вообще, а въ особенности желающимъ вполне понять его произведенія; но не суждено ему было привести въ исполненіе счастливо-задуманный планъ. Листъ говоритъ, что, предавшись этому теоретическому труду, великій музыкантъ искалъ въ немъ утомительной и скучной работы, для того чтобы утопить въ ней свое безвыходное горе; онъ искалъ только забвенія, но силы ему измѣнили; день ото дня становился онъ слабѣе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Въ февралѣ вспыхнула въ Парижѣ революція. Исходъ ея сильно занялъ мысли страдальца; онъ лихорадочно слѣдилъ за ежедневными событіями и удивлялъ своею проникающею даже тѣхъ, которые участвовали и словомъ и дѣломъ въ кровавой драмѣ. Впрочемъ скоро остыло въ немъ чувство мгновеннаго участія къ политическимъ переворотамъ; онъ рѣшился отправиться въ Лондонъ, гдѣ ждали его съ нетерпѣніемъ. Парижъ ему сдѣлался ненавистенъ; все напоминало ему въ немъ минувшее счастье. Въ мартѣ мѣсяцъ судьба столкнула его съ

Жоржъ-Сандомъ; она подошла къ нему, взяла было его за руку, но онъ быстро отвернулся отъ нея и исчезъ прежде, чѣмъ она успѣла сказать ему слово. Кто знаетъ, не раскаялся ли онъ въ послѣдствіи въ томъ, что не воспользовался случаемъ, который, быть-можетъ, сама судьба ему послала? Жордъ-Сандъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ*: «въ свою очередь я могла бы ему тогда сказать: вы меня болѣе не любите, — но удержалась отъ этого упрека». Нѣтъ, еслибы онъ ее не любилъ, то не отвернулся бы отъ нея; онъ былъ увѣренъ, что она его не уважаетъ, и не могъ вынести ея ласковой улыбки, быть-можетъ, казалось ему, улыбки сожалѣнія или, что еще хуже, снисхожденія къ непростительнымъ слабостямъ его характера. Встрѣча эта заставила его окончательно рѣшиться на поѣздку въ Англію. Онъ бѣжалъ отъ женщины, которая ему была дороже всего на свѣтѣ.

Передъ отъѣздомъ своимъ онъ захотѣлъ проститься съ парижскою публикою и, несмотря на то, что все вниманіе ея было поглощено политическою драмою, — зала Плейеля наполнилась вся въ день концерта любимца парижской публики. Шопень вообще не любилъ давать концерты. Вотъ что онъ разъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, знаменитому Листу: «Я не могу давать концерты, меня приводитъ публика къ замѣшательству, любопытныя взгляды ея парализируютъ мои силы... вы же имѣете всѣ средства бороться съ нею; еслибы вамъ иногда и не удалось увлечь ее, то за то вы въ состояніи поразить ее (*vous avez de quoi l'assommer*). Мнѣ кажется не лишнимъ вслѣдъ за этими словами, привести мнѣніе самого Листа объ этомъ же предметѣ. «Шопень рѣдко давалъ концерты; онъ добровольно отказывался отъ шумныхъ успѣховъ, но это происходило оттого, что ему казалось, будто игра его не производитъ довольно сильнаго впечатлѣнія на массу публики; онъ чувствовалъ свое великое значеніе въ искусствѣ и думалъ, что имя его, хотя и извѣстное во всѣхъ образованныхъ странахъ, не довольно популярно; что большинству не понятна сокровенная прелесть его твореній. Сочувствіе избранныхъ кружковъ не удовлетворяло его справедливымъ требованіямъ обширнѣйшей извѣстности... Его почти сердили похвалы; ему нужны были триумфы, восторги толпы. Но могла ли толпа сразу понять, сразу проникнуться глубокою поэзіею его игры? Игра его была слишкомъ воздушна, идеальна, и не могла вдругъ дѣйствовать на массу. Шопень отъ всѣхъ скрывалъ эту тайную язву своего сердца; онъ былъ такъ уменъ, что понималъ весь комизмъ

роли непризнаннаго гениа (1).» Онъ понималъ комизмъ этой роли, но въ то же время чувствовалъ всю тяжесть своего положенія. Онъ сознавалъ громадность своего таланта и не могъ не страдать видя, что, съ одной стороны *не довольно* понимали его, а съ другой, что физическія силы лишали его средствъ дѣйствовать на массу публики; она вовсе была не знакома съ его могучими фантазіями, а на силу надобно дѣйствовать силою!.. Въ началѣ своего пребыванія въ Парижѣ, будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, онъ давалъ часто концерты; но потомъ весьма немногимъ удавалось его слышать. Въ 1844 году онъ появился въ залѣ Плейеля послѣ десятилѣтняго молчанія. Въ мартѣ 1848 г., онъ снова показался на концертной эстрадѣ; публика жарко его привѣтствовала, привѣтствовала въ послѣдній разъ. Артистъ превзошелъ самого себя. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что гостепріимному Парижу не придется болѣе никогда слышать его... Въ апрѣлѣ онъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ его ожидалъ рядъ торжествъ. Тамъ сочиненія его давно уже были извѣстны; цѣлые концерты составлялись изъ его твореній, а нѣкоторые члены лондонской публики, которымъ удалось его слышать въ Парижѣ, отзывались съ такимъ восторгомъ объ его неподражаемой игрѣ, что пріѣздъ его сдѣлался замѣчательнымъ событіемъ въ образованномъ и артистическомъ кругу великолѣпнаго города. Въ брошюрѣ, появившейся тамъ еще гораздо прежде его пріѣзда, о немъ говорится, какъ объ одномъ изъ величайшихъ музыкантовъ. Брошюра эта, подъ названіемъ: «an Essay on the works of F. Chopin» (2), въ немногихъ словахъ высказываетъ сущность шопеновской поэзіи. Эпиграфъ ея: два стиха знаменитаго Шелли, выбранъ удачно:

He was a mighty poet — and
A subtle-souled psychologist (3).

«Чтобы понять прелюдіи и этюды Шопена, говорить авторъ брошюры, нужно много знанія и труда, а для того, чтобы живо разумѣть звуки, изъ которыхъ сотканы эти этюды и прелюдіи, *нужно быть въ одинаковой степени поэтомъ и пѣнистомъ, мыслителемъ и музыкантомъ*» (4). Не стану далѣе выписывать всѣхъ похвалъ, столь справедливо расточаемыхъ въ этомъ сочи-

(1) Chopin, par Liszt.

(2) London. M. Wessel and Stappleton.

(3) «Онъ былъ могучимъ поэтомъ и тонкимъ психологомъ.»

(4) «Involves the necessity of being in no less a degree a poet than a pianist, a thinker than a musician.»

веніи знаменитому артисту,—это завлекло бы меня слишкомъ далеко и заставило бы повторять то, что было уже мною говорено въ моихъ письмахъ по поводу разбираемыхъ произведеній Шопена. Остановимся на его этюдахъ.

Что такое *этюды*? Ихъ часто смѣшиваютъ съ словомъ *exercices* (упражненіе). Въ русскомъ языкѣ нѣтъ выраженія равносильнаго французскому «*étude*». *Etude* и *exercices*, значать: упражненіе, тогда какъ первое есть высшій, а второе низшій родъ музыкальныхъ произведеній. *Exercices*—та же азбука, склады необходимые, чтобы уметь читать и писать, а *этюды*—образцы, по которымъ изучается самый духъ языка, высоко-поэтическіе обороты его. Чтобы написать первые, нужно быть техникомъ, послѣдніе же требуютъ кромѣ техники художнической руки и вдохновенія. Само-собою разумѣется, что, говоря объ этюдахъ, я подразумѣваю здѣсь не тѣ многочисленныя произведенія новѣйшей школы, которыми наполняется репертуаръ салонной музыки; въ нихъ ничего не найдешь кромѣ фразы, пустозвонной и ложно-эффектной; отличительное свойство ихъ—монотонность. Я говорю здѣсь объ этюдахъ въ истинномъ смыслѣ этого слова,—въ которыхъ техническая сторона тѣсно связана съ внутреннею, поэтическою стороною. Таковы этюды Мошелеса, Крамера, Листа (*études d'après Paganini*), Шумана (*idem*), Геллера, Гиллера, Гензельта, отчасти Тальберга, К. Мейера и наконецъ Шопена. Послѣдніе—идеалъ подобнаго рода произведеній. Ими легко можно опровергнуть пресловутую *безсознательность творчества*...

Вотъ что говоритъ Шуманъ о нихъ: «Этюды Шопена (1) образцы высокаго творчества, поэтическія картины, и если кое-гдѣ и замѣчаются въ нихъ маленькіе недостатки, то это не мѣшаетъ имъ производить въ цѣломъ неотразимое впечатлѣніе на душу... Къ тому же, прибавляетъ онъ, — мнѣ удалось слышать ихъ исполненными самимъ авторомъ; онъ игралъ ихъ совершенно по *своему*, *sehr à la Chopin*. Представьте себѣ, продолжаетъ онъ, Эолову арфу, обладающую *всеми* тонами музыкальными, сплетающимися и расплетающимися подъ рукою художника, но такъ, чтобы всегда былъ слышенъ основной тонъ и поющая мелодія, и тогда получите приблизительное понятіе объ игрѣ Шопена....» (2).

(1) Etudes op. 25.

(2) R. Schumann. Ueber Musik und Musiker.

Къ числу этюдовъ можно причислить его колыбельную пѣсню: *la Berceuse*. Въ ней слышится одна и та же гармонія отъ начала до конца... Мирно покачивается колыбель, сладко засыпаетъ въ ней ребенокъ, убаюканный тихою мелодіею... Въ этомъ небольшомъ произведеніи болѣе всего поражаетъ разнообразіе въ образѣ, если можно такъ выразиться. Сколько поэзии въ этомъ вѣчномъ *sempre idem*, сколько граціи въ подробностяхъ музыкальнаго рисунка!...

Въ болеро, тарантеллѣ и баркароллѣ Шопенъ является неподражаемымъ мастеромъ, способнымъ по волѣ своей фантазіи переноситься изъ одной мѣстности въ другую. Немногимъ поэтамъ досталась въ удѣлъ подобная способность. Пушкинъ въ своемъ «Каменномъ гостѣ» ведетъ за собою читателя въ Испанію; Шопенъ въ своей тарантеллѣ увлекаетъ слушателя въ страну пылкихъ страстей, пластической красоты. Вслушайтесь въ тарантеллу, *взглядитесь* въ нее: не видите ли вы передъ собою пылокое созданіе юга?... Какъ вихорь, летитъ и кружится она подъ звуки вакхическаго танца, щеки ея разгорѣлись, усталая грудь прерывисто подымается отъ быстроты движенія; но, вся жизнь и страсть, мчится она впередъ и впередъ, напоминая собою героиню легенды, которая, укушенная ядовитымъ паукомъ (давшимъ и самому танцу названіе тарантеллы), кружится отъ боли и пляшетъ въ безумномъ припадкѣ до совершеннаго истощенія силъ...

А болеро его? Какая душистая мелодія, и какъ страстно поетъ влюбленный голосъ подъ нервическій аккомпаниментъ цитры? не слышите ли звуковъ кастаньетъ, не охватываетъ ли васъ горячее дыханіе южной ночи?

Своею баркароллою Шопенъ опять переноситъ насъ въ Италію. Какъ просто и гармониченъ напѣвъ гондольера! Но вникните въ смыслъ его пѣнія, и цѣлыя поэмы родятся въ вашемъ воображеніи... Шопенъ не поддѣлывался подъ народный мотивъ, но создалъ, нарисовалъ художническою рукою удивительную картину въ минуту вдохновенія, проникнувшись воспоминаніемъ о чудныхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ Италиі, на возвратномъ пути изъ Майорки во Францію....

Шопенъ, появившись въ Лондонѣ, заслужилъ такой лестный пріемъ, что на время позабылъ и болѣзнь свою, и мучительную тоску. Онъ отложилъ въ сторону всѣ докторскія предписанія, сталъ выѣзжать, игралъ два раза публично и также на музыкальных вечерахъ, совершенно забывая о своемъ слабомъ здоровьѣ

и о недавней тяжелой болѣзни. Его увлекла восторженная симпатія Англичанъ. У герцогини Соутерландъ онъ былъ представителемъ королевѣ, которая долго и милостиво съ нимъ разговаривала.

Съ этого вечера всѣ гостиныя высшаго лондонскаго круга открылись для него, всѣ старались видѣть его у себя. Изъ Лондона отправился онъ въ Эдимбургъ. Климатъ Шотландіи сильно подѣйствовалъ на его здоровье. Онъ вернулся назадъ слабымъ и усталымъ. Лондонскіе доктора совѣтывали ему покинуть скорѣе Англію, но онъ не послушался, и продолжалъ выѣзжать въ свѣтъ. Наконецъ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Лондона онъ далъ концертъ въ пользу бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Успѣхъ былъ полный. Восторгъ толпы, глубокое чувство благодарности Поляковъ, удивленіе музыкантовъ, все соединилось, чтобъ увеличить торжество знаменитаго артиста. Осенью онъ простился съ Англіею и возвратился въ Парижъ... Первая новость, поразившая его прямо въ сердце, было извѣстіе о смерти доктора Моленна, который уже нѣсколько лѣтъ сряду поддерживалъ его угасающія силы и еще такъ недавно, предъ отъѣздомъ его въ Лондонъ, возвратилъ его къ жизни. Потеря эта сильно подѣйствовала на бѣднаго музыканта. Онъ впалъ въ апатію... Ничто и никто не былъ въ состояніи вывести его изъ этого мучительнаго настроенія души. Одна только музыка занимала его по временамъ, она одна мирила его съ жизнію....

Даже къ многочисленнымъ друзьямъ своимъ онъ охладѣлъ въ это время; въ письмахъ (1) къ матери и къ сестрѣ своей Луизѣ онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ; глубокая привязанность къ нимъ росла въ немъ по мѣрѣ усиленія въ немъ мысли о близкой смерти. «Я одного бы только желалъ, повторялъ онъ часто въ минуты скорби, — желалъ бы вернуться на родину и посвятить послѣдніе дни своей жизни на служеніе Богу и искусству, сдѣлаться органистомъ въ какомъ-нибудь скромномъ уголкѣ Польши...» Но не суждено было исполниться его завѣтнымъ мечтаніямъ.

Осень 1849 года провелъ онъ въ ужасныхъ страданіяхъ, лишенный своей послѣдней отрады—музыки: онъ не въ-силахъ былъ ею заниматься, приходили мысли, слетало вдохновеніе на голову

(1) Замѣчательно, что Шопень терпѣть не могъ писать не только письма, но даже и самыя ничтожныя записочки; исключеніе дѣлалъ онъ только для родныхъ, которыхъ горячо любилъ и для своихъ соотечественницъ.

избранника, слабою рукою набрасывалъ онъ на бумагу контуры новыхъ твореній и... съ отчаяніемъ отходилъ отъ рабочаго стола; работа и всякое даже малѣйшее усиліе дѣйствовали на него губительно. Иногда садился онъ за своего любимаго Плейеля, пальцы его какъ тѣни скользили по гладкой поверхности клавиатуры, вызывая другія тѣни. Туманные аккорды, какъ привидѣнія, появлялись одинъ за другимъ, исчезали, снова появлялись, наполняя душу страдальца неясными образами фантастическаго міра. Подчасъ очаровательная мелодія, свѣтлая, какъ мысль поэта, прилетала изъ невѣдомыхъ странъ, ласкала ухо больного музыканта и пропадала, не оставивъ и слѣда своего появленія. Запомнить ее, удержать въ памяти сладкую пѣсню было уже невозможно для того, кто еще такъ недавно могъ, по волѣ своей фантазіи, одѣвать прилетѣвшую мысль въ тысячу роскошныхъ формъ...

Послушай еще разъ его предсмертную мазурку: — въ ней вылился весь человѣкъ. Боже, какую непреодолимою тоскою вѣтеть отъ нея! Какъ мучительно писалась она, какими горькими слезами плакалъ художникъ, прощаясь навсегда съ тѣмъ, что составляло всю сущность его жизни — даромъ творчества!...

Мазурка эта была лебединою пѣснью поэта, послѣднимъ тяжкимъ вздохомъ его; отъ нея болѣзненно сжимается сердце слушателя, въ ней все—воплъ и отчаяніе... Скоро болѣзнь усилилась до такой степени, что бѣдный артистъ слегъ въ постель и почувствовалъ всѣ признаки приближающейся смерти. Сестра его Луиза пріѣхала изъ Варшавы, помѣстилась у изголовья брата и не отходила отъ него въ продолженіе всей болѣзни.

Шопенъ, всегда боявшійся смерти, мнительный, прежде легко предававшійся мистическому ужасу, вдругъ измѣнился. Спокойно говорилъ онъ о своей разлукѣ съ друзьями и родными, молился и въ одно и то же время—трудно повѣрить — надѣялся на выздоровленіе, доказательствомъ чему служить желаніе перемѣнить квартиру (1). И дѣйствительно, друзья его приискали ему домъ въ другой части города. Онъ занялся его меблировкой, входя во всѣ подробности ея; все это, конечно, дѣлалось имъ заочно, и тѣмъ не менѣе желаніе его приводилось въ исполненіе, такъ что въ день смерти его была перенесена послѣдняя мебель изъ старой въ новую квартиру...

(1) Шопенъ, какъ говоритъ Листъ, не любилъ жить долго на одной и той же квартирѣ. Онъ часто мѣнялъ квартиры безъ всякой видимой необходимости.

Съ каждымъ днемъ припадки становились сильнѣе и сильнѣе. Въ рѣдкія минуты отдыха отъ невыносимыхъ страданій, Шопенъ удивлялъ окружающихъ его друзей ясностью своихъ мыслей, душевнымъ спокойствіемъ и обдуманностью своихъ предсмертныхъ распоряженій. Первымъ изъ нихъ было желаніе его уничтожить всѣ недоконченныя имъ сочиненія, что было немедленно исполнено его друзьями. Все было предано огню въ присутствіи умирающаго музыканта. Изъ всей массы уцѣлѣло только изданное Юліемъ Фонтана, да «ноктюрнъ», о которомъ упоминаетъ Листъ въ своей брошюрѣ. Появился ли этотъ ноктюрнъ въ свѣтъ мнѣ неизвѣстно; потому что ноктюрнъ, находящійся въ посмертномъ изданіи, относится къ первымъ годамъ его музыкальной дѣятельности. Второе распоряженіе касалось мѣста его погребенія; онъ желалъ быть похороненнымъ около могилы Белини, котораго онъ любилъ и какъ человѣка, и какъ музыканта. Далѣе онъ завѣщалъ положить его въ гробъ въ томъ платьѣ, въ которомъ онъ давалъ свои послѣдніе концерты. Въ этомъ распоряженіи выразился онъ весь. Искусство такъ сроднилось съ нимъ, онъ служилъ ему съ такою любовью, съ такою неограниченною преданностью, что и умирая, будучи занятъ мыслями объ ожидавшемъ его будущемъ, онъ и тутъ пожелалъ выразить свое глубокое уваженіе къ тому, что при жизни чтилъ какъ святыню.

Потомъ онъ много и долго разсуждалъ съ сестрою своею Луизою о будущности нѣжно любимаго имъ семейства, о матери своей, которая всегда была его сильнѣйшею привязанностью въ жизни. Вспоминалъ о тѣхъ, которыхъ въ то время не было въ Парижѣ; не разъ съ слезами на глазахъ произносилъ имя Жоржъ-Сандъ, называя ее своимъ ангеломъ-избавителемъ, желалъ ее видѣть и мысленно прощался съ нею... Она была въ это время въ Ноганѣ; изъ окружавшихъ Шопена, никто не далъ ей знать, что онъ хотѣлъ бы пожать въ послѣдній разъ ея руку, на которую онъ нѣкогда, въ тяжелыя минуты своей жизни, опирался съ такою увѣренностью.

Въ первыхъ числахъ октября опасность стала такъ велика, что исчезла послѣдняя тѣнь надежды. Доктора подписали смертный приговоръ Шопену. Сестра его и Гутманъ не отходили ни на минуту отъ изголовья умирающаго. Графиня Дельфина Потоцкая, узнавши о грозившемъ ей и всѣмъ друзьямъ Шопена несчастіи, поспѣшила возвратиться изъ деревни въ Парижъ. Рядомъ съ комнатою, въ которой лежалъ трудно-больной, была пріемная, наполнявшаяся съ утра до поздней ночи посѣ-

тителами, желавшими получить свѣдѣнія о ходѣ болѣзни. Въ воскресенье 15-го октября припадки сдѣлались невыносимы.... Графиня Потоцкая, не будучи въ состояніи смотрѣть равнодушно на ужасныя страданія больного, горько плакала, стоя у постели его. Шопенъ принялъ ее вѣроятно за какое-то таинственное видѣніе и, взглянувъ на нее потухающимъ взоромъ, попросилъ ее спѣть. Сначала всѣ подумали, что онъ говоритъ въ бреду, но онъ повторилъ снова свою просьбу... Рояль придвинули къ дверямъ его комнаты, и графиня начала пѣть знаменитый гимнъ Богородицѣ, который, какъ говорятъ, спасъ нѣкогда отъ смерти знаменитаго Страделлу. «Боже мой, какъ это хорошо, шепталъ умирающій, — еще... еще!...» Ему стало лучше. Онъ повторилъ «еще», и графиня снова подошла къ инструменту и запѣла псаломъ Марчелло. Вдругъ Шопенъ почувствовалъ страшную боль, всѣ присутствующіе, думая, что настала агонія, пали на колѣни и стали молиться, и посреди глубокой тишины, изрѣдка прерываемой только сдержанными рыданіями Луизы, раздался съ новою силою чудный голосъ графини. Вся въ бѣломъ, высокая и стройная, она казалась неземнымъ существомъ. Полусвѣтъ придавалъ всему какой-то фантастическій, таинственный колоритъ; музыка, глухія рыданія, жизнь и приближающаяся смерть, все слилось въ одно, невыразимое, цѣлое.

Всю ночь провелъ Шопенъ мучительно. Въ понедѣльникъ утромъ (16 октября), онъ пожелалъ приобщиться Святыхъ Таинъ. Священникъ Александръ Желовицкій принялъ его послѣднюю исповѣдь. Потомъ отворили двери въ гостиную, друзья вошли въ его комнату, и въ ихъ присутствіи торжественно совершился церковный обрядъ. Послѣ онъ подзывалъ къ себѣ cadaго изъ присутствующихъ по очереди, прощался съ нимъ, благославлялъ на все лучшее въ жизни, просилъ исполнить послѣднее его желаніе: «похоронить его подъ звуки реквиема Моцарта...» Далѣе онъ говорить не могъ, боли возвратились съ прежнею силой и продолжались во весь день. Въ 11 часовъ вечера (въ понедѣльникъ) почувствовалъ онъ маленькое облегченіе и, подозвавъ къ себѣ священника, попросилъ его прочесть съ нимъ вмѣстѣ отходную. Приподнявшись немного, сталъ онъ громкимъ голосомъ произносить слова напутственныхъ молитвъ. Все кругомъ преклонило колѣна, всѣ отъ души молились... «Аминь» произнесъ наконецъ священникъ, благославляя умирающаго. Кроткая и свѣтлая улыбка озарила лицо страдальца... Онъ задремалъ. Дремота продолжалась до 17 октября. Около 2 часовъ утра началась агонія; холодный

потъ оросилъ его блѣдное чело, онъ вздрогнулъ судорожно и снова задремалъ на нѣсколько минутъ, прислонившись головою къ плечу своего вѣрнаго друга Гутмана... «Кто около меня?..» спросилъ онъ вдругъ едва слышнымъ голосомъ, нагнулся, чтобы поцѣловать руку Гутмана, и скончался.. Въ послѣднемъ движеніи, души Шопена выразилась вся глубоколюбящая натура... Онъ умеръ такъ, какъ жилъ, *горячо и пламенно любя!*

Грустная новость съ быстротою молніи пронеслась по Парижу, и около полудня комнаты любимца парижской публики ужъ не могли вмѣстить въ себя всѣхъ желавшихъ поклониться его праху. Зная его страсть къ цвѣтамъ, захотѣли почтить его память, и окружили его такимъ множествомъ деревьевъ и растеній, рассыпали столько букетовъ вокругъ его послѣдняго ложа, что онъ казался сладко отдыхающимъ отъ тяжкихъ трудовъ въ роскошномъ, любимомъ саду. Самое лицо покойника, какъ бы сбросивъ съ себя послѣдніе слѣды мучительныхъ страданій, приняло выраженіе спокойной задумчивости и юношеской красоты (1).

Похороны его требовали большихъ приготовленій; поэтому тѣло его покоилось въ импровизированномъ, роскошномъ саду, съ 17 октября (дня кончины) по 30 октября. Въ понедѣльникъ утромъ 30 октября 1849 г. двинулась печальная процессія изъ квартиры Шопена въ церковь Св. Магдалины, при огромномъ стеченіи народа. Впереди всѣхъ шли въ глубокомъ траурѣ Мейерберъ и князь Адамъ Чарторижскій; по бокамъ похоронной колесницы, придерживая съ четырехъ сторонъ концы пелены, покрывавшей смертные останки, князь Александръ Чарторижскій, живописецъ Делакруа, виолончелистъ Франшомъ (Franchomme) и наконецъ Гутманъ; за гробомъ—все знаменитое и аристократическое населеніе Парижа...

Когда гробъ внесли въ церковь и поставили на катафалкъ, раздались торжественные звуки Моцартовскаго реквиема. Партіи сопо пѣли Віардо-Гарсія, Кастелланъ и Лаблашъ; всѣ лучшіе артисты пожелали участвовать въ исполненіи безсмертнаго творенія... Во время обѣдни (Introit) послышался похоронный маршъ Шопена, оркестрованный Реберомъ. «Тутъ въ первый разъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ семисотъ музыкантовъ, бывшихъ въ оркестрѣ на похоронахъ творца этого великаго произведенія,—тутъ въ первый разъ, сказалъ онъ, понялъ я всѣ

(1) Знаменитый Клезингеръ воспроизвелъ черты его лица въ мраморномъ бюстѣ, приготовленномъ для его памятника.

неисчерпаемыя красоты этого безсмертнаго марша. Передать словами нельзя то, что чувствовали и мы, исполнявшіе его, и многочисленные слушатели, находившіеся въ церкви.

«Въ этомъ безсмертномъ твореніи выражается такое глубоко-религіозное чувство, такая надежда и твердое упованіе иной, лучшій міръ, въ этомъ удивительномъ произведеніи слышатся такіа отрадныя, чудныя слезы, что въ душу проникаетъ вмѣстѣ съ звуками тихій восторгъ, почти закрывающій мрачный образъ смерти...»

Въ концѣ обѣдни раздалась грустныя модуляціи на органѣ, мелодіи полныя тоски и безнадёжности, двѣ извѣстныя прелюдіи Шопена (въ *si* и *mi mineur*), исполненныя неподражаемо піанистомъ Лефевюръ-Вели. Въ нихъ какъ бы выразилась общая скорбь о потерѣ одного изъ знаменитыхъ современниковъ, скорбь неподдѣльная; въ нихъ воплотилось многознаменательное слово *hal*,— это чувство скорби, обезсмертившее имя Шопена... Изъ церкви двинулась процессія на кладбище Père Lachaise, и опустили тѣло поэта въ могилу, приготовленную между могилами Керубини и Беллини.

Вскорѣ послѣ смерти Шопена, Камилль Плейель, искренній другъ покойнаго, открылъ подписку, съ цѣлю на собранныя деньги поставить памятникъ великому музыканту. Онъ собралъ значительную сумму и заказалъ Клезингеру роскошный мавзолей. «Съ моей стороны, говоритъ Листъ въ своей брошюрѣ, храня въ памяти глубокое чувство дружбы, которое связывало меня съ Шопеномъ, я не могъ удовольствоваться однимъ только участіемъ въ общей подпискѣ. Съ перваго появленія его въ свѣтъ, я заплатилъ ему дань высокаго и исключительнаго удивленія; артистъ, какъ и онъ, я часто передавалъ публикѣ его вдохновенныя мысли и, прибавляетъ онъ, смѣю сказать, былъ любимымъ его посредникомъ, между нимъ и образованнымъ обществомъ (1); къ тому же взгляды наши на искусство были одни и тѣ же, понятія его сдѣлались какъ бы моею собственностью, я усвоилъ ихъ себѣ, какъ переводчикъ усваиваетъ себѣ мысли переводимаго имъ писателя; и потому я счелъ святою обязанностію

(1) Извѣстно, что Шопенъ, не обладавшій большими физическими средствами, поручалъ Листу знакомить публику съ нѣкоторыми изъ произведеній своихъ, требующими энергическаго исполненія.

своею сказать ему мое надгробное слово, почтить его память и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить мою скорбь о невозвратной потерѣ, понесенной мною въ лицѣ незабвеннаго Шопена.»

Въ брошюрѣ своей, изъ которой я выписалъ эти строки, Листъ очертилъ характеръ и жизнь Шопена, но только *очертилъ*, собралъ такъ-сказать данныя для будущей біографіи знаменитаго артиста; тѣмъ не менѣе онъ оказалъ огромную услугу исторіи искусства, пояснилъ многое своимъ вѣрнымъ критическимъ взглядомъ и двумя, тремя чертами мастерски обрисовалъ геніяльную личность Шопена.

Приведу еще нѣсколько словъ изъ его брошюры. «Меня не удивляетъ, говорить онъ, то, что при появленіи его первыхъ произведеній на него грозно ополчились многіе, слишкомъ многіе музыканты того времени, но вотъ что странно: 1830-годъ былъ бесплоднымъ годомъ въ лѣтописяхъ искусства; все появлявшееся въ печати было ниже всякой посредственности, слѣдовательно первые опыты Шопена, полные жизни и вдохновенія, должны были рельефно выступить на безцвѣтномъ музыкальномъ фонѣ того времени; но случилось наоборотъ, критика не нашла въ нихъ ничего, нашлись даже такіе *строгие* судьи, которые рѣшились сказать, что сочиненія безсмертнаго творца варіацій на Донъ-Жуана, годны только для оберточной бумаги... Я думаю, продолжаетъ Листъ, что всему причиною то, что Шопенъ, какъ пророкъ, провидѣлъ *будущность* искусства и въ своихъ твореніяхъ провозвѣстилъ ее: мудрено ли, что современники не поняли его! Необычайное явленіе требуетъ и усилій необычайныхъ, чтобы осмыслить его; стараясь вникнуть, люди устаютъ, не *понимая* самой *сущности* дѣла.» Мнѣ кажется однако, что всякое необычайное явленіе въ мірѣ искусства оттого и остается долгое время какимъ-то іероглифомъ, что люди, возмущенные новизною формъ и приѣмовъ творца поразительно-своеобразнаго произведенія, *вовсе не даютъ себѣ труда* вникнуть въ самую сущность его, не признаютъ за авторомъ правъ на нововведенія. Кто онъ, что онъ, откуда онъ? спрашиваютъ себя критики, изумленные *дерзкими тенденціями* дебютанта. «Не пришло еще время, говорить Листъ, полной оцѣнки произведеній того, который займетъ высокое мѣсто въ исторіи искусства. Какъ ни популярно имя Шопена въ настоящее время, *истинное* значеніе его будетъ опредѣлено будущимъ поколѣніемъ: *nul n'est prophète en son pays!*...» Далѣе говоритъ Листъ: «Я убѣжденъ, что скоро и навсегда исчезнетъ то странное поня-

тіе, что музыкантъ не можетъ стать на ряду первоклассныхъ дѣтелей, если онъ не написалъ нѣсколько большихъ партитуръ, какъ-то: оперъ, симфоній, ораторій. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что музыкантъ, написавши лишь нѣсколько сонатъ, подобныхъ сонатамъ Шуберта, имѣетъ большее право на громкое имя, чѣмъ авторъ цѣлой массы громадныхъ по своему объему произведеній, но мелкихъ, ничтожныхъ, по внутреннему содержанію.»

Отчего же въ другой области искусства, въ живописи, напримѣръ *Кладбище и Видѣніе Іезекіиля* Рейсдаля, ставятся истинными знаками выше иныхъ картинъ большаго размѣра, хотя бы онѣ и были писаны Рубенсомъ или другимъ великимъ художникомъ? Въ литературѣ, Беранже обезсмертилъ себя своими пѣсенками, Петрарка сонетами. Шопенъ, оставшись вѣрнымъ своему инструменту, достигъ своей цѣли вполне. До сихъ поръ еще слишкомъ мало вдумались въ высокое значеніе его чудныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ такою изящною кистію; до сихъ поръ еще существуетъ предубѣжденіе, что громкое имя пріобрѣтается только громомъ оркестровыхъ произведеній, до сихъ поръ публика, прибавляетъ остроумно Листъ, требуетъ отъ музыканта въ замѣнъ патента на титулъ «знаменитаго», чтобы онъ *все могъ дѣлать и даже немного болѣе чѣмъ все!*

Шопенъ чувствовалъ свое великое значеніе въ мірѣ искусства, вполне сознавалъ то, чего онъ могъ и имѣлъ право отъ себя требовать, сознавалъ и то, что труды его не остались безплодными, что геній его совершилъ переворотъ въ области музыки: мудрено ли послѣ этого, что, считая себя далеко не понятымъ публикою и мало оцѣненнымъ критикою, онъ глубоко чувствовалъ всю несправедливость къ нему людей. Онъ страдалъ, хотя быть-можетъ и утѣшалъ себя мыслию, что *время* имъ пояснить многое. Примѣры были передъ глазами его. Произведенія Бетговена, принадлежащія къ послѣдней эпохѣ его дѣятельности, считались долгое время, и до сихъ поръ еще многими считаются, порожденіемъ умственного разстройства гениальнѣйшаго изъ поэтовъ-мыслителей... «Меня знаютъ по моимъ мазуркамъ только», сказалъ разъ, улыбаясь, Шопенъ одному артисту. Подъ этими шутливыми словами скрывалось глубокое страданіе.

«Но кто же не знаетъ Шопена? имя его сдѣлалось популярнымъ...» скажутъ многіе. Кто не знаетъ его,—да и что мудренаго, что имя его громко промчалось изъ конца въ конецъ образованнаго міра? «Большому кораблю, большое и плаваніе», гла-

снть русская поговорка, это все правда, — но извѣстны ли большннству новыя проложенныя имъ пути, по которымъ доплылъ онъ до незнаемыхъ странъ, гдѣ все чудо гармоніи и роскоши? Для многихъ популярностъ Шопена — тайна. Дѣло критики приподнять пелену, за которою скрывается поразительная красота. «Тотъ только, кто слышалъ самого Шопена, говоритъ Жоржъ-Сандъ, можетъ вполнѣ понять неизъяснимую прелесть его твореній. Въ немъ соединились великія достоинства всѣхъ гениальныхъ музыкантовъ, доселѣ существовавшихъ.»

Какъ ни восторженно мнѣніе Жоржъ-Санда о значеніи Шопена въ искусствѣ, но не привести его здѣсь я не считалъ себя въ правѣ. Много истины лежитъ въ основаніи этихъ словъ, сказанныхъ въ минуту увлеченія при воспоминаніи о высокихъ минутахъ наслажденія, которыми дарилъ Шопенъ своихъ слушателей, передавая имъ свои сочиненія или импровизаціи.

Кстати, большая часть произведеній его, импровизаціи, подъ вліяніемъ вдохновенія мысли его, внезапно воплощались въ одно стройное цѣлое. Взгляните на его четыре экспромпта (1), на фантазію (2), на большинство ноктюрновъ, вальсовъ и даже на произведенія большаго размѣра, напримѣръ скерцо (en si mineur) и другіе.

Говоря о произведеніяхъ его, я не упомянулъ о краковякѣ, о фантазіи на польскія мелодіи и о тріо (для фортепіано, скрипки и виолончели) — въ нихъ сказался будущій великій музыкантъ и народный поэтъ, и если къ нимъ прибавить три аллегро (3), то перечень его сочиненій, сообщенный мною, будетъ совершенно полный.

Я исполнилъ твое желаніе, постарался собрать всѣ факты изъ жизни знаменитаго артиста, постарался познакомить тебя съ характеристикой его произведеній, однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что могъ, насколько хватило моего знанія и способовъ къ ближайшему знакомству съ біографіей Шопена. Признаться ли тебѣ? я почти досажую на себя, что рѣшился исполнить твою просьбу *поговорить съ тобою побольше* о великомъ артистѣ: я чувствую, что *больше написалъ, чѣмъ сказалъ*, а съ другой стороны радъ, что ты вызвалъ меня на подобный трудъ; все же лучше что—

(1) Считая въ томъ числѣ его Fantaisie-impromptues.

(2) Op. 49.

(3) Allegro de concert op. 46. Rondo op. 16 и произведеніе, явившееся въ изданіи Ю. Фонтана для двухъ роялей.

нибудь сказать о художникѣ, который сдѣлалъ такъ много для искусства, чѣмъ *вообще* о немъ не говорить, а до сихъ поръ источниковъ для ближайшаго знакомства съ гениальною личностію Шопена существуетъ весьма не много.

Кончу мое письмо словами Гейне изъ его «Salon» (Vertraute Briefe an August Lewald): «Шопенъ великъ не только какъ виртуозъ, но и какъ сочинитель. Шопенъ любимецъ того избраннаго кружка, который ищетъ въ музыкѣ величайшихъ наслаждений. Слава его—аристократическаго свойства, въ основаніи ея лежитъ чувство удивленія истинно-образованнаго общества, слава его такъ же изящна, какъ и самая особа артиста.

«Шопенъ родился въ Польшѣ отъ французскихъ родителей и окончилъ свое образованіе въ Германіи. На немъ отразилось вліяніе трехъ націй. Вліяніе это сдѣлало его личность необычайнымъ явленіемъ. Онъ заимствовалъ отъ трехъ націй все, что составляетъ лучшія ихъ достоинства. Польша дала ему свой рыцарскій характеръ (онъ сдѣлался ея историкомъ); Франція—свою грацію и изящество; Германія—романтическое глубокомысліе...

«Природа дала ему красоту, нѣсколько слабую, и болѣзненную физическую натуру, придавшую его личности много поэзіи, дала ему благородное сердце и гений...

«Шопенъ былъ гений въ полномъ смыслѣ этого слова — онъ былъ не только музыкантъ, но и поэтъ, онъ могъ передавать намъ въ образахъ поэзію, жившую въ его душѣ. Ничто не могло сравниться съ наслажденіемъ, которое испытывали слушатели его импровизаций. Тогда онъ казался не Полякомъ, не Французомъ, не Германцемъ, а уроженцемъ царства поэзіи, соотечественникомъ Моцарта, Рафаэля, Гёте...»

Прощай. Не поминай лихомъ твоего болтливаго друга. Если я надобѣлъ тебѣ, то пеняй на самого себя—я тебѣ повторю снова слова, которыми кончилъ первое письмо изъ моего пустынного сельца Злово: *tu l'as voulu Georg Dandin, tu l'as voulu!*..

Н. Христіановичъ.

С. Злово.
Мартъ 1857.

РАЗКАЗЫ КАСПІЙСКАГО МОРЯКА

ЖИТЬЕ-БЫТИЕ АСТРАБАДСКИХЪ МОРЯКОВЪ (1)

На Каспійскомъ морѣ, въ самомъ далекомъ уголкѣ его, на границѣ, гдѣ Персіяне вѣчно враждуютъ съ Трухменами, есть обширный заливъ Астрабадскій и въ немъ небольшой песчаный островокъ, называемый Амуръ-аде. Островъ самъ по себѣ ничего не значить; онъ не великъ и не важенъ, но на немъ находится морская станція, и горсть моряковъ осуждена проводить тамъ и зиму и лѣто. Въ то время, о которомъ я разказываю, то—есть въ 1852 году, отрядъ военныхъ судовъ, находящійся при станціи, состоялъ изъ двухъ шхунъ, брига, парохода и транспорта; я также со шхуною, которою командовалъ, назначенъ былъ войти въ составъ отряда.

Нельзя сказать, чтобъ, отправляясь изъ Астрахани въ Астрабадскій заливъ, очень радовался тотъ, на чью долю это выпадало. Не говоря уже о дурномъ климатѣ и разныхъ лишеніяхъ, съ ноября мѣсяца и до половины апрѣля сообщеніе между заливомъ и русскими портами было не больше двухъ разъ, а такъ какъ въ Персидскомъ царствѣ почты нѣтъ, то слѣдовательно не было никакой возможности получить вѣсточку изъ Россіи.

На пути изъ Астрахани въ Астрабадъ я зашелъ въ городъ Баку, чтобы, какъ говорятъ моряки, освѣжиться, и потомъ уже пустился

по южной части Каспія къ своей станціи. Южная часть Каспійскаго моря отличается продолжительными штитами, которые бываютъ тамъ столь же часто, сколь рѣдко встрѣчаются въ сѣверной и средней части его. Въ штиль кораблю плохо плавать, но шхуна моя имѣла то рѣдкое достоинство, что была необыкновенно легка; довольно было малѣйшаго движенія въ воздухъ, чтобы ее двинуть. Несмотря однакожь на то, ровно шесть дней плылъ я отъ Баки до Астрабада. Правда, во все это время не было ни малѣйшей качки, погода стояла ясная, море было спокойно какъ зеркало.

На шестой день увидѣли мы на горизонтѣ синюю полосу Астрабадскихъ горъ, и къ вечеру подошли на видъ трухменскаго берега. Мѣста все знакомыя, не разъ бывалъ я тутъ, и потому спокойно могъ бы ночью продолжать свой путь и войти въ заливъ; однако вѣтеръ стихъ совершенно и надобно было стать на якорь. На разсвѣтъ подулъ легкій вѣтерокъ съ берега, и мы снова подняли якорь, поставили паруса и пустились въ путь. Горы были покрыты густымъ туманомъ, но вправо къ западу солнце свѣтило ясно, и въ зрительную трубу можно было рассмотреть на горизонтѣ небольшое темное пятно и около него мачты судовъ. Это была цѣль моего плаванія, островъ Амуръ-аде.

Подходя ближе и ближе къ острову, я не могъ надивиться, едва узнавая его; въ пять лѣтъ, которыя я не былъ тамъ, онъ очень измѣнился. Пустынный и совершенно голый, онъ походилъ тогда на песчаный бугорокъ, выдавшійся изъ моря; на немъ былъ только маленкій домикъ для лазарета, часовня и пекарня; а теперь я видѣлъ церковь, много домиковъ и даже, что еще удивительнѣе, нѣсколько деревьевъ.

Островъ Амуръ-аде занятъ былъ для нашей станціи съ 1842 года. Въ это время впервые приказано было отряду военныхъ судовъ находиться въ заливѣ для защиты береговъ Персіи отъ нападенія трухменскихъ разбойниковъ. Моряки, имѣвшіе во владѣніи своемъ только одинъ этотъ островокъ, употребили всѣ средства, чтобы сдѣлать его сколько-нибудь удобнымъ для жительства. На Амуръ-аде былъ только одинъ песокъ, пропитанный морскою солью, а потому стали возить землю съ материка Персіи, на лодкахъ и транспортныхъ судахъ: работа не легкая. Начали сажать разные растения, деревья; правда, все это очень худо принималось, — но чего не сдѣлаетъ твердая воля человѣка! Въ десять лѣтъ островъ измѣнился совершенно, и на немъ есть уже зелень, хотя все еще очень бѣдная.

Было воскресенье, когда я тихо подходилъ къ Амуръ-аде; обѣдая

еще не начиналась; всѣ офицеры и команда были на своихъ судахъ. Минута торжественная для командира вновь приходящаго судна: хочется подойти такъ, чтобы стать на якорь въ самую середину судовъ и сдѣлать это не задѣвая никого, что было бы очень не вѣжливо. Несмотря на тѣсноту Амурскаго рейда, маневръ этотъ удался мнѣ совершенно, потому что шхуна была такъ послушна рулю, что съ нею не опасно было пускаться въ самыя узкія мѣста. Въ ту минуту, когда я отдавалъ якорь, начальникъ станціи, капитанъ-лейтенантъ С., пріѣхалъ съ берега на пароходѣ, на которомъ поднять былъ его брейдвымпель, и потому я также поѣхалъ къ нему туда съ рапортомъ.

Командиръ парохода, лейтенантъ Р., былъ мой старый товарищъ; но мы не видались съ нимъ болѣе трехъ лѣтъ, и теперь я едва узналъ его: долгое пребываніе въ южномъ климатѣ оставило на немъ слѣды свои, онъ казался старѣе шестью годами.

— Павелъ, неужели это ты? какъ же ты постарѣлъ! вскричалъ я, всходя на палубу парохода.

— Какъ видишь, отвѣчалъ онъ, — мы живемъ здѣсь годъ за два; поживи здѣсь, такъ узнаешь въ чемъ дѣло.

Я помнилъ Павла, когда-то полнаго жизни и энергіи; огонь горѣлъ въ глазахъ его, когда онъ говорилъ о чемъ съ одушевленіемъ; теперь передъ мною былъ высокій худощавый мужчина съ желтоватымъ цвѣтомъ лица съ какою-то вяlostію въ движеніяхъ; онъ даже и говорилъ съ какимъ-то усиленіемъ.

— Пойдемъ въ каюту! отрядный ждетъ тебя, сказалъ онъ.

Мы спустились внизъ. Отрядный начальникъ, принявши рапортъ, оставилъ тотчасъ видъ начальника, и мы стали дружески бесѣдовать; скорѣ съѣхались на пароходъ и другіе командиры судовъ. Я не могъ довольно надивиться, смотря на ихъ лица: всѣ имѣли желтоватый отливъ, всѣ они и говорили и смѣялись, но такъ, какъ будто этого отъ нихъ кто-нибудь требовалъ; на лицѣ каждаго было написано: мнѣ все равно. Такъ однообразіе жизни погружаетъ человека въ совершенную апатію; нѣтъ горя, нѣтъ и радостей. День прошелъ, — его не жаль; день наступилъ, — ему не рады: вотъ весь бытъ астрабадскихъ крейсеровъ. Между ними я былъ еще бравымъ молодцомъ.

Наблюдая ближе своихъ сослуживцевъ, я замѣтилъ между нѣкоторыми изъ нихъ какую-то неприязнь; это сильно встревожило меня. Худо, ежели между горстью людей, отдаленныхъ отъ свѣта и безпрестанно между собою сталкивающихся, заберется несогласіе; это ржавчина, которая ѣстъ медленно, но вѣрно.

Заблаговѣстили къ обѣдѣ, и мы всѣ отправились въ церковь. Чудно было слушать мнѣ слова литургіи тамъ, гдѣ я помню еще какъ было пусто и дико. Маленькая церковь наполнилась моельщиками съ суровыми и загорѣлыми лицами; въ окна видны были съ одной стороны безконечная равнина моря, а съ другой темнѣшія Астрабадскія горы.

Изъ церкви мы всѣ отправились къ начальнику отряда и остались у него на весь день; это обычай астрабадскихъ крейсеровъ. Послѣ обѣда—карты, вечеромъ—ужинъ, а потомъ всѣ отправились по своимъ кораблямъ. Было еще не поздно, я заѣхалъ на пароходъ; впечатлѣніи всего дня требовали многихъ объясненій, и мнѣ хотѣлось потолковать съ Павломъ.

Онъ уѣхалъ прежде меня, и я нашелъ его сидѣвшимъ въ каютѣ въ любимомъ его положеніи, съ поднятыми кверху по-американски ногами

— Здравствуй, Павелъ.

— Здравствуй.

— Если ты не хочешь спать, будемъ о чемъ-нибудь толковать, сказалъ я.

— Говори, промолвилъ онъ, нехотя раскрывая губы.

— Говорить мнѣ нечего, я хочу разговаривать, а говорить одинъ я и самъ небольшой охотникъ.

— Какъ хочешь, а я люблю только слушать.

— Но чтò сдѣлалось съ тобой, Павелъ? ты никогда не былъ такъ лѣнивъ; откуда такая апатія?

— Поживи здѣсь побольше, сказалъ онъ,—ты самъ почувствуешь, какъ понемногу застынетъ въ тебѣ вся энергія души. Ты еще можешь сильно чувствовать, а я нѣтъ; мнѣ все равно, чтò бы ни дѣлалось вокругъ меня: для меня это дѣло стороннее; впечатлѣнія внѣшнія не производятъ на меня ровно ничего, а своихъ собственныхъ, которыя являются, когда воображеніе еще пылко, также нѣтъ.

— Но можно ли жить, не чувствуя, что живешь? спросилъ я.

— Вѣрно можно; поживи здѣсь, съ тобою то же будетъ, отвѣчалъ онъ.

— Если это такъ, то почему же я замѣтилъ между вами какую-то неприязнь? откуда она?

— А я почему знаю? отвѣчалъ онъ: — если мнѣ дѣлаютъ какую-нибудь неприятность, то чтобы въ другой разъ избѣжать ея, я ни съ кѣмъ не говорю.

— Теперь поздно, я не хочу съ тобою спорить, но ты самъ вино-

вать не меньше другихъ, сказалъ я: — прощай, прїѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать.

— Хорошо, прощай. Мы разстались.

На другой день, желая сдѣлать первый опытъ примиренія моихъ товарищей, я позвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ командировъ. Они прїѣхали, но Павла не было; это меня очень раздосадовало, и вечеромъ я поѣхалъ къ нему на пароходъ.

Я напелъ его по обыкновенію въ любимомъ его положеніи; онъ не сказалъ ни слова, когда я вошелъ въ каюту.

— Ты поступилъ глупо, сказалъ я.

— Можетъ-быть! а мнѣ такъ казалось хорошо, отвѣчалъ онъ.

— Отчего ты не прїѣхалъ?

— У тебя былъ К., отвѣчалъ онъ.

— Что же изъ этого? вѣдь вчера сидѣли же вы за однимъ столомъ.

— Тамъ была необходимость, нечего дѣлать, а здѣсь я воленъ.

— Никто и не отнимаетъ твоей воли,—но для чего же далъ ты мнѣ слово?

— Еслибы не далъ, то ты сталъ бы уговаривать.

Я видѣлъ, что упрямца еще нельзя скоро свести съ его товарищами и потому все предоставилъ времени.

Въ началѣ моего разказа говорилъ я, что Астрабадская станція устроена для защиты береговъ персидскихъ отъ нападенія Трухменъ; дикія орды этихъ потомковъ Чингисъ-хана кочуютъ по всему восточному берегу Каспійскаго моря и по степямъ, простирающимся отъ него до Хивы. Земли Трухменъ прилежатъ границамъ Персіи и даже многія изъ ихъ племенъ кочуютъ на ея землѣ, признавая себя данниками шаха, если онъ пришлетъ достаточно войска, чтобы заставить ихъ заплатить подать. Прибрежные Трухмены занимаются рыболовствомъ около своихъ береговъ и рыбу продаютъ русскимъ купцамъ, приходящимъ для этого изъ Астрахани; но такъ какъ рыболовство бываетъ тамъ только съ января мѣсяца до половины апрѣля, то въ остальное время года они производятъ мѣновую торговлю съ Персіянами. У Трухменъ, на островѣ Челекене и противулежащемъ полуостровѣ Дардже, есть богатые источники нефти и соли, которые они добываютъ и, привозя на своихъ лодкахъ къ персидскимъ берегамъ, мѣняютъ жителямъ на пшеницу, ячмень и сарачинское пшено.

Подъ видомъ торговли, свободно расхаживая по всему персидскому побережью, Трухмены, разузнавали мѣстность, и потомъ ночью, большими партіями, нападали на персидскія деревни.

Такъ какъ грабить у Персіянъ нечего, то Трухмены забирали въ

плѣнъ народъ и заставляли выкупаться. Убіиства бывали рѣдко, потому что Персіане никогда не защищаются; довольно одного крика Трухменъ, чтобъ Персіане отъ страха потеряли всю бодрость.

Съ тѣхъ поръ какъ на Амуръ-аде основалась наша станція, морскіе грабежи почти прекратились, а если случается иногда, что Трухмены ночью проберутся въ заливъ и захватятъ нѣсколько человѣкъ Персіанъ, то скоро возвращаютъ ихъ по требованію изначальника станціи.

Въ это время однакожь, между Трухменами появилось нѣсколько удалцовъ, которые убѣждали ихъ не бояться Русскихъ и ходить на разбой. Каждый день, отъ преданныхъ намъ Трухменъ, получались извѣстія, что партія разбойниковъ отправляется изъ своихъ ауловъ на лодкахъ въ Персію, не всегда ограничиваясь однимъ заливомъ, но заходя и дальше, къ берегамъ Мазандеранской провинціи. Въ подобныхъ случаяхъ заливъ всегда охранялся вооруженными гребными судами, а внѣ залива безпрестанно крейсеровали шхуны, составлявшія лучшую силу отряда.

На третій же день, послѣ прибытія моего въ заливъ, я получилъ приказаніе начальника отряда идти въ Ферахабадъ, куда отправился на лодкѣ извѣстный трухменскій разбойникъ Геть-Козыль. Это случилось вечеромъ, я тотчасъ снялся съ якоря и ночью вышелъ изъ залива. Хотя я очень хорошо зналъ, что мнѣ никакъ не поймать Трухменъ,—у разбойниковъ глаза зорки, и они далеко узнаютъ шхуну; думалъ однакожь, что счастливый случай ночью натолкнетъ меня на лодку.

Попутный вѣтерокъ скоро донесъ шхуну до Ферахабада, мѣстечка Мазандеранской провинціи, гдѣ бываетъ главная погрузка персидскихъ товаровъ, а потому на рейдѣ находится всегда много судовъ. Когда я пришелъ туда, то засталъ тамъ двѣнадцать купеческихъ судовъ подъ русскими флагами; но хозяева этихъ судовъ и экипажи ихъ были большею частію бакинскіе Персіане. Когда я проходилъ мимо ихъ, чтобы стать поближе къ берегу, меня очень удивило и даже испугало, что на нихъ не было замѣтно рѣшительно никакого движенія; я думалъ не ограблены ли уже они, — легко быть можетъ, что вмѣсто одной разбойничьей лодки пришло ихъ нѣсколько, а одного Трухмена достаточно на пятерыхъ Персіанъ, чтобы взять ихъ въ плѣнъ. Ставши на якорь, я тотчасъ послалъ шлюпку на одно изъ судовъ, чтобы привезти лоцмана, но шлюпка, приставая поочередно къ каждому изъ нихъ, возвратилась, не нашедши никого; однако офицеръ, ѣздившій на ней, сказалъ мнѣ, что не замѣтилъ нигдѣ никакихъ слѣдовъ грабежа. Въ это время отъ берега отвалила цѣлая флотилія

лодокъ; я потребовалъ одну изъ нихъ къ себѣ, и тутъ узналъ въ чемъ дѣло. Экипажи судовъ, узнавши отъ прибрежныхъ Персіанъ, что Геть-Козыль собрался разбойничать въ Мазандеранъ, всѣ, не исключая лощмановъ и даже самихъ хозяевъ, съѣхали на берегъ и спрятались въ лѣсу, оставивъ свои корабли въ добычу Трухменамъ. Истинно персидская храбрость: у Геть-Козыля на лодкѣ только шесть человѣкъ, а матрозовъ на судахъ набралось бы до восьмидесяти, не считая еще жителей мѣстечка.

Я объявилъ Персіанамъ, что останусь со шхуною нѣсколько дней на рейдѣ, и это чрезвычайно обрадовало ихъ; они тотчасъ принялись нагружать свои суда, торопясь кончить эту работу до моего ухода.

На другой день явились ко мнѣ нѣсколько лощмановъ съ просьбою конвоировать ихъ суда до Астрабадскаго залива: имъ давно надобно было идти туда за грузами, да боялся Трухменъ. Нѣтъ ничего скучнѣе какъ конвоировать неуклюжіе корабли каспійскихъ мореходовъ! но дѣлать было нечего, и я согласился, назначивъ имъ черезъ три дня быть готовыми идти со мною въ заливъ.

Мѣстечко Ферахабадъ расположено по обѣимъ сторонамъ рѣчки Мазандеранки; она въ устьи мелка, такъ что только одни персидскія плоскодонныя киржимы могутъ проходить по ней съ грузами; но позади этой отмели, нанесенной морскимъ прибоемъ, глубина увеличивается. Въ рѣкѣ ловится много красной рыбы, и для этого не далеко отъ устья ея построена ватага; ловлю эту персидское правительство отдаетъ на откупъ. Верстахъ въ пяти отъ устья, на берегу этой же рѣчки, находятся развалины большаго дворца, построеннаго Аббасомъ Великимъ. Немного уцѣлѣло въ Персіи отъ построекъ этого государя, потому что преемники его никогда ихъ не поддерживали. Изъ всего уцѣлѣвшаго въ развалинахъ ферахабадскаго дворца, особенно замѣчательнъ куполь мечети, сдѣланный изъ тонкаго тесанаго камня; около четырехъ столѣтій прошло со времени его постройки, но онъ до сихъ поръ невредимъ, ни одинъ камень не отвалился.

Мѣстечко Ферахабадъ имѣетъ довольно значительную вывозную торговлю. Неподалеку отъ него находится городъ Бальфрушъ, откуда идетъ много разныхъ персидскихъ товаровъ, преимущественно хлопчатая бумага, сушеные фрукты и сарачинское пшено, которые тамъ грузятся на суда. Рейдъ Ферахабада совершенно открытый, и при сѣверныхъ вѣтрахъ тамъ бываетъ жестокое волненіе, такъ что иногда суда по нѣскольку недѣль не имѣютъ сообщенія съ берегомъ, у котораго гуляютъ большіе буруны. Такъ какъ вся торговля наша съ Персіею продолжается только въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, и купеческія суда никогда ни дѣлаютъ больше одного рейса, стараясь только

быть готовыми къ концу марта, когда открывзается сообщеніе съ Астраханью, то потерю времени они не ставятъ ни во что, предпочитая грузиться лучше въ Ферахабадъ и Мешедесеръ, нежели въ Астрабадскомъ заливѣ, гдѣ хотя и тихо, но за то цѣны на товары, по случаю дурныхъ дорогъ, нѣсколько выше.

Простоявъ три дня въ Ферахабадѣ, я отправился къ своей станціи, вмѣстѣ съ четырьмя купеческими кораблями, плывшими въ Астрабадскій заливъ. Вѣтеръ былъ попутный, хотя тихій, и я все боялся, что онъ переѣнится: тогда бы мнѣ пришлось становиться на якорь вмѣстѣ съ своими спутниками, которые могутъ ходить только при попутномъ вѣтрѣ.

Къ удовольствію моему, къ ночи вѣтеръ сталъ свѣжѣе. Хотя Персіанамъ очень желалось стать на якорь, такъ какъ они это всегда дѣлаютъ, чтобы слишкомъ не беспокоиться, однако я объявилъ имъ, что покину ихъ тотчасъ, какъ только они остановятся, и они должны были идти всю ночь, да еще и не убавляя парусовъ, чтобы не отстать отъ шхуны. Такимъ образомъ, на другой день къ вечеру, мы были въ заливѣ; хотя переходъ всего восемьдесятъ миль, но по милости тяжелыхъ моихъ спутниковъ я могъ держать только одни самые малые паруса и потому плыль цѣлыя сутки.

Въ недѣлю, которую мы были въ отсутствіи, на Амуръ-адениче не переѣнилось; все шло по прежнему. Нѣтъ радости, нѣтъ и печали. Товарищи мои хотя все еще косо смотрятъ другъ на друга, но ужъ по крайней мѣрѣ не бѣгаютъ въ разныя стороны; и то хорошо: бывая часто вмѣстѣ, поневолѣ свыкнешься.

Между разными лицами, входившими въ составъ астрабадской станціи, былъ непоследнимъ персидскій секретарь отряда, мирза Садыкъ; онъ опредѣленъ былъ отъ миссіи для переписки съ персидскими властями. Мирза Садыкъ—очень умный Персіанинъ, хорошо знаетъ свой языкъ и порядочно говорить по-русски, а хитеръ на столько, что могъ земляковъ своихъ, иногда и насъ, обманывать очень ловко. Не разъ сокрѣщалъ онъ намъ скуку длинныхъ зимнихъ вечеровъ, рассказывая свои походы, особенно за то время, какъ онъ находился первымъ ученикомъ у одного персидскаго пророка, съ которымъ прежде обманывалъ своихъ собратій, а потомъ разсорился за то, что пророкъ обдѣлилъ его при дѣлежѣ собранныхъ денегъ.

Я уже сказалъ, какой охотникъ разговаривать былъ мой товарищъ Павелъ; для него мирза Садыкъ самый лучшій собесѣдникъ; онъ гладитъ бороду и рассказываетъ, а Павелъ сидитъ дремлетъ или слушаетъ, что все равно.

— Въ Сари былъ у меня пріятель мулла Меджидъ, рассказывалъ

Садыкъ,—очень хорошій человекъ, такой хитрый. Онъ мнѣ сказалъ: «мирза Садыкъ, пожалуйста помогайте мнѣ, я хочу учить народъ.» Я сказалъ:—какъ учить?—народъ скажетъ, надобно сдѣлать какое-нибудь чудо, а мы какъ сдѣлаемъ? Позвольте, вы не знаете, сказалъ онъ—я вамъ скажу.» Такъ мы съ нимъ поговорили, и потомъ я два мѣсяца ходилъ къ нему, и мы учились какъ намъ говорить съ нимъ знаками; вотъ напримѣръ: если взять бороду двумя пальцами, значить одно слово, а тремя, такъ другое; взяться за носъ, за ухо, и такъ много разныхъ знаковъ, только все такіе, чтобъ нельзя было замѣтить. Потомъ, когда мы все знали, могли говорить,—я пойду на базаръ, тамъ скажу одному, другому, какой мулла Меджидъ святой человекъ, какъ онъ знаетъ законъ, онъ все знаетъ, что было и что будетъ; народъ и пойдетъ къ нему и просить, чтобъ онъ говорилъ имъ. Онъ сидитъ, все молчитъ и четки перебираетъ, а я сяду у самой двери, и когда кто придетъ, я его на ухо спрошу: пожалуста скажи, какъ васъ зовутъ; онъ скажетъ: Юсуфъ; а я сейчасъ знаками и показываю Меджиду; потомъ я спрошу: зачѣмъ вы пришли?—а онъ скажетъ: принесъ письмо. Гдѣ же оно? — Оно у меня въ карманѣ, скажите объ этомъ муллѣ.—Мулла самъ спроситъ, когда время придетъ, онъ знаетъ, за чѣмъ вы пришли. Потомъ когда мы кончимъ говорить, я начну читать молитву. Немножко погодя, Меджидъ вдругъ скажетъ: братъ Юсуфъ, ты принесъ мнѣ письмо, оно у тебя въ карманѣ, отдай его Садыку. Народъ все смотритъ и дивится, какъ это онъ узналъ.

— Ну, какія же вы еще чудеса дѣлали? спрашивалъ я мирзу.

— Много дѣлали разныхъ, отвѣчалъ онъ; — одинъ разъ народу пришло много, всѣ сидятъ. Меджидъ сказалъ: мирза Садыкъ, пожалуйста дайте гостямъ чай. Я сейчасъ поставилъ самоваръ и тихонько положилъ въ него сахару, потомъ принесъ и при всѣхъ сдѣлалъ чай. Учитель, я сказалъ, у насъ сахару нѣтъ. Онъ сказалъ: вотъ тутъ есть сахаръ, возьмите. Я взялъ на блюдечкѣ немножко маленькихъ кусочковъ и говорю: этого мало, гостей много. Онъ разсердился и сказалъ: не ваше дѣло, сахару довольно. Я сталъ наливать чай, положилъ въ каждую чашку немножко сахару и подалъ, чай былъ очень сладкій. Всѣ такъ удивлялись.

— Такъ вы только въ Сари дѣлали чудеса? спросилъ я разкащика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Садыкъ,—мы много ходили; прежній министръ мирза Хаджи-Агасы насъ въ Тегеранъ призывалъ, мы и тамъ были. Онъ много далъ денегъ Меджиду.

— Какое же тамъ вы сдѣлали чудо?

— Одинъ разъ, отвѣчалъ Садыкъ,—мы пошли гулять въ садъ, народу много, все ходитъ за Меджидомъ и просить, чтобъ онъ пока-

залъ чудо; въ это время мы подошли къ кучѣ померанцевъ, они лежали на землѣ; я взялъ тихонько одинъ, сдѣлалъ на немъ дырочку и воткнулъ въ него двѣ пшеницы, опять положилъ въ кучу и показалъ знаками Меджиду. Тогда онъ сказалъ народу: вы все просите чуда, а Богъ не велитъ мнѣ дѣлать большого, этимъ играть не хорошо; вотъ здѣсь лежитъ куча померанцевъ, вы знаете, что въ нихъ есть горькія зерна, скажите, какія хотите, чтобъ они были?—Я стоялъ ближе всѣхъ къ Меджиду и говорю: учитель, когда Адамъ согрѣшилъ, и Богъ его выгналъ изъ рая, то онъ сказалъ, чтобы онъ самъ нашелъ себѣ хлѣбъ: пусть въ померанцѣ будетъ пшеница. Тогда Меджидъ наклонился, взялъ тотъ померанецъ, который я положилъ, далъ его одному старику и сказалъ: разрѣжьте его и посмотрите, что тамъ есть. Когда померанецъ разрѣзали и нашли въ немъ пшеницу, всѣ очень удивлялись и сказали: это пророкъ.

— Ну, а не было такихъ Персіянъ, которые бы говорили вамъ и говорили другимъ, что вы обманщики? спросилъ я Садыка.

— Былъ, отвѣчалъ онъ, —въ Бальфрушѣ одинъ сеидъ, очень хороший человекъ; онъ не вѣрилъ намъ и никогда не приходилъ; намъ очень хотѣлось, чтобъ онъ также вѣрилъ, потому что народъ его очень слушался.

— Какъ же вы переманили его на свою сторону? спросилъ я мирзу.

— Онъ долго не ходилъ и потомъ одинъ разъ пришелъ. Меджидъ сидѣлъ въ углу, а я, какъ увидѣлъ, что сеидъ идетъ, легъ и прикинулся спящимъ. Сеидъ пришелъ, сѣлъ возлѣ Меджида и сталъ съ нимъ говорить, а я все такъ вздыхаю, какъ будто во снѣ мнѣ очень тяжело. Сеидъ говоритъ: мирза Садыкъ не хорошо спитъ, его надобно разбудить. — Нѣтъ, сказалъ тогда Меджидъ, — оставьте его, ему очень теперь хорошо, онъ очень хорошо видитъ во снѣ.—Если вы знаете что онъ видитъ, сказалъ сеидъ, такъ скажите.—Подождите, отвѣчалъ Меджидъ, онъ встанетъ, такъ самъ скажетъ. Тогда сеидъ сталъ его очень просить, чтобъ онъ сказалъ ему мой сонъ.—Мирза Садыкъ, сказалъ тогда Меджидъ потихоньку, теперь видитъ большой садъ; тамъ такъ хорошо, что и сказать нельзя; въ саду на землѣ сидятъ шесть пророковъ, и тутъ же подальше отъ нихъ стою я; у воротъ сада стоятъ два ангела на часахъ и никого не пускаютъ; вдругъ тамъ сдѣлался шумъ, одинъ пророкъ спросилъ: отчего это? тогда ангелъ сказалъ: сеидъ пришелъ; онъ говоритъ, ему можно войти въ садъ, онъ очень хорошо дѣлалъ на землѣ и исполнялъ законъ. Тогда пророкъ сказалъ: сеидъ хорошо дѣлалъ на землѣ, ему можно быть

здѣсь;—потомъ онъ взялъ розу, далъ ее мнѣ и сказалъ: возьмите, дайте сенду и введите его въ садъ, онъ съ вами пройдетъ.

Когда Меджидъ это сказалъ, сендъ спросилъ: что же, я вошелъ въ садъ? — Больше мирза Садыкъ ничего не видалъ, отвѣчалъ Меджидъ, сдѣлался другой нехорошій сонъ, теперь его надобно разбудить. И онъ меня разбудилъ. Я такъ дѣлалъ, точно долго спалъ. — Мирза Садыкъ! сказалъ сендъ, вы видѣли сонъ? — Нѣтъ, сказалъ я, ничего не видалъ. Тогда Меджидъ сказалъ: пожалуста, Садыкъ, не лгите! скажите сенду все, что вы видѣли. Я пошелъ на дворъ и тамъ разказалъ сенду все также, какъ говорилъ Меджидъ; мы прежде съ нимъ объ этомъ говорили.

— Ну что же, послѣ того сендъ сталъ вамъ вѣрить? спросилъ я.

— Очень повѣрилъ, отвѣчалъ Садыкъ,—онъ каждый день приходилъ къ намъ, и всѣмъ говорилъ, что Меджидъ святой человекъ.

— За что же вы разошлись съ Меджидомъ? спросилъ Павелъ миру.

— Мы были въ Астрабадѣ, отвѣчалъ онъ:—въ рамазанъ губернаторъ прислалъ за нами. Очень намъ было трудно тамъ, днемъ все молились въ мечети, а по пятницамъ такъ всю ночь у себя въ комнатахъ не спимъ, вслухъ читаемъ молитвы, двери отворены, для того чтобы каждый видѣлъ, что мы молимся. Послѣ губернаторъ далъ Меджиду пятьдесятъ червонцевъ, а Меджидъ мнѣ ничего не далъ,—говорить: вы должны быть счастливы, что находитесь при мнѣ. Такой мошенникъ, онъ себя въ самомъ дѣлѣ сталъ считать пророкомъ.

— Что же ты не разказалъ послѣ всѣхъ вашихъ плутней? спросилъ я.

— Какъ не сказалъ! много говорилъ, да никто не вѣритъ. Пошли къ Меджиду и говорить: Садыкъ вотъ что разказываетъ.

— Что же онъ сказалъ на это?

— Онъ сказалъ такъ: Садыкъ хорошій человекъ, но очень любитъ, чтобы ему было все очень хорошо на землѣ, всякія удовольствія; я ему далъ мѣсто такое, гдѣ ему очень хорошо.

— Какое же мѣсто?

— А вотъ здѣсь при отрядѣ, отвѣчалъ Садыкъ:—такой собака, какъ будто онъ меня опредѣлил! а Персіане дураки ему повѣрили.

Такъ-то мы проводили вечера, отчужденные отъ всѣхъ интересовъ, которые волнуютъ живущихъ на землѣ. Наступила осень, а съ нею долгіе вечера. То, чего не успѣлъ я сдѣлать своими убѣжденіями, сдѣлала скука; всѣ мы понемножку стали собираться другъ у друга, чтобы какъ-нибудь коротать время. Въ это время общество наше

еще увеличилось; къ намъ пришелъ бригъ, назначенный въ число судовъ Астрабадскаго отряда.

Какъ ни старались мы однако разнообразить свое время, все-таки каждый день походилъ на своего предшественника: соберемся всѣ вмѣстѣ и начнемъ толковать, — а о чемъ? — каждый изъ насъ видѣлъ почти все, что видѣлъ другой, читалъ то же, что и другіе читали; новости изъ Астрахани къ намъ не доходятъ; новости изъ Тегерана насъ не интересуютъ; всѣ случаи изъ морской жизни каждаго уже разказаны и обсуждены; — посидимъ, помолчимъ да и сядемъ за ералашъ. Нельзя было сказать, чтобы мы скучали, нѣтъ, это то же ощущеніе, когда чувствуемъ, что чего-то не достаетъ; нѣтъ, просто жизнь засыпала въ насъ. Это было такое время, когда «быть» и «не быть» слова однозначія. Надобенъ былъ какой-нибудь толчокъ, какая-нибудь затѣя, которая вывела бы всѣхъ изъ нравственной дремоты. — Къ счастью, это вскорѣ случилось.

Я уже говорилъ, что Трухмены сдѣлались смѣлѣе, и стали чаще нападать на своихъ робкихъ сосѣдей. Наконецъ дерзость ихъ простерлась до того, что они выѣхали на своихъ лодкахъ изъ аула Гассанъ-гули, въ то время когда мимо него проходилъ бригъ, и стрѣляли по немъ изъ ружей. — На требованія начальника отряда они не хотѣли отвѣчать; — надобно было дать имъ урокъ, и время къ этому наступило.

Черезъ лазутчиковъ, начальникъ отряда провѣдалъ, что большая шайка трухменскихъ удалцевъ, собирается ограбить Мазандеранскую провинцію, и что для этого нѣсколько лодокъ готовится у аула Гассанъ-гули. Мы ничего этого не знали, какъ вдругъ, въ одно утро, сигналъ съ парохода извѣстилъ, что начальникъ отряда проситъ всѣхъ командировъ судовъ собраться на пароходъ. Мы собрались.

Иванъ Осиповичъ разказалъ намъ прежде причины, вынуждающія его идти противъ трухменскихъ разбойниковъ, — а потомъ спросилъ, по скольку мы можемъ вооружить гребныхъ судовъ и вести ихъ на буксирѣ къ аулу Гассанъ-гули.

Для насъ, уже давно уснувшихъ духомъ, это былъ моментъ пробужденія. Весело взглянули мы другъ на друга; лица всѣхъ загорѣлись новою жизнью; идти противъ Трухменъ, можетъ-быть, сражаться, мысль эта пролетѣла, какъ искра, черезъ наши головы. Когда всѣ одинаково одушевлены, то споровъ не бываетъ; всѣ препятствія были устранены, и вотъ на чемъ сразу порѣшили мы дѣло.

У насъ не было достаточнаго числа гребныхъ судовъ, на которыя можно бы было поставить фальконеты, и посадить хотя по восьми

человѣкъ матросовъ, а безъ пушекъ плохо идти противъ аула, въ которомъ жителей въ двадцать разъ больше чѣмъ насъ.

При станціи находилось восемь большихъ лодокъ; отнятыхъ въ разное время у трухменскихъ пиратовъ. Лодки эти рѣшено исправить, сдѣлать на нихъ подушки, и уставить по два фальконета, а на нѣкоторыхъ по четыре. Къ лодкамъ прибавленъ былъ еще баркасъ. На всю эту флотилію предположили мы посадить восемьдесятъ человѣкъ матросовъ, собранныхъ частями со всѣхъ судовъ, снабдить ихъ, кромѣ обыкновеннаго ихъ оружія смоляными фитилями, фальш-феерами и порохомъ, для поджиганія разбойничьихъ лодокъ.

Чтобы предпріятіе могло имѣть успѣхъ, надобно было спѣшить, пока Трухмены не узнали о нашемъ намѣреніи и не попрятали лодокъ въ рѣкахъ и камышахъ, гдѣ ихъ не скоро сыщешь. Для этого наложено было амбарго на всѣ суда, идущія отъ нашего острова на три дни; надѣялись въ это время успѣть пригототовиться.

Совсѣмъ не тѣми людьми поѣхали мы съ парохода, какъ пріѣхали на него; трое изъ насъ командировъ парохода и двухъ шхунъ назначались въ экспедицію; каждому были даны три лодки, составлявшія дивизіонъ, и каждый изъ насъ поспѣшилъ устроить какъ можно лучше и скорѣй свой отрядъ.

Давно не слышно было на островѣ и на судахъ такихъ веселыхъ пѣсень, какія раздавались въ эти три дня. Матросы точили оружіе, мастеровые исправляли лодки, артиллеристы приготавливали зажигательные снаряды.

На третій день утромъ дивизіоны были готовы, вооружены и снабжены какъ слѣдуетъ, имъ дѣлали ученье по рейду, а вечеромъ, тотчасъ по захожденіи солнца, назначено было идти къ Гассанъ-гуля, чтобъ быть тамъ къ разсвѣту. Первыми снялись съ якоря шхуны, взявъ каждая на буксиръ свой дивизіонъ. Пароходъ снялся позже, и догналъ насъ, когда мы уже вышли изъ залива; онъ пошелъ впередъ съ своими дивизіонами, изрѣдка обмѣниваясь съ нами сигналами.

Вѣтеръ былъ тихій, и моя шхуна, бывъ легче, значительно опередила сестру свою; часа въ 3 утра, я считалъ себя, по счисленію, противъ аула Гассанъ-Гули, но сколько ни смотрѣлъ въ ночную трубу, не видѣлъ парохода, хотя шелъ по такой малой глубинѣ, что долженъ бы былъ его увидѣть, еслибъ онъ стоялъ на якорѣ у берега; подать же ему сигналъ я не рѣшался, опасаясь, что его замѣтятъ въ аулѣ и откроютъ насъ, а потому продолжалъ идти вдоль берега. Наконецъ, когда стало свѣтать, вдругъ увидѣли мы пароходъ: онъ стоялъ на якорѣ у берега; я тотчасъ спустился къ нему, но онъ, сдѣлавъ мнѣ сигналъ поворотить обратно, самъ снялся съ якоря и по

шелъ къ намъ на встрѣчу. Когда мы сошлись близко, то я узналъ, что на пароходѣ ошиблись и прошли мимо аула, который остался далеко позади: нечего было дѣлать, и мы печально поворотили назадъ, потому что должны были лавировать съ своими дивизіонами на буксирѣ, противъ тихаго противнаго вѣтра. Такимъ образомъ лавировали мы, едва подвигаясь впередъ, до самаго полдня; пароходъ давно уже былъ на мѣстѣ, а намъ предстояло еще долго плыть; я успѣлъ опять обогнать шхуну, которая при поворотѣ назадъ была впереди, какъ вдругъ вѣтеръ совершенно затихъ и сдѣлался штиль; на пароходѣ былъ поднятъ сигналъ: спѣшить приблизиться; но что сдѣлаешь безъ вѣтра? Въ такихъ обстоятельствахъ я рѣшился сдать шхуну старшему офицеру, и вести дивизіонъ на веслахъ, хотя оставалось еще добрыхъ миль пять до парохода.

Дружно гребли матросы, но плохо подвигались неуклюжія лодки; наконецъ часа черезъ два подошли мы къ пароходу, а третій дивизіонъ, тоже на веслахъ, шелъ миляхъ въ двухъ позади. Начальникъ отряда, чтобъ не терять напрасно времени, такъ какъ былъ уже третій часъ за полдень, а Трухмены не давали рѣшительнаго отвѣта на его требованія, рѣшился идти съ двумя дивизіонами. Мы построились въ одну линію и подошли на веслахъ къ берегу, у котораго противъ аула стояло много лодокъ.

Берегъ противъ аула Гассанъ-Гули очень низокъ, и отъ него въ море на далекое разстояніе тянется отмель, такъ что пароходъ, стоявшій на якорѣ на четырехъ футахъ, все-таки былъ верстахъ въ трехъ отъ берега, и потому не могъ своими орудіями доставать до трухменскихъ лодокъ, которыя всѣ были вытащены на самую мель. Наши лодки, нагруженныя разными снарядами, также не могли подойти къ непріятельской флотиліи; чтобы облегчить ихъ, матросы выскочили въ воду и стали тащить ихъ по мели: мы старались расположиться такимъ образомъ, чтобы фальконеты наши могли дѣйствовать между берегомъ и непріятельскими лодками, для того чтобы не допустить Трухменъ напасть на матросовъ, когда они будутъ посланы зажигать; самимъ же матросамъ, по малочисленности, защищаться было бы очень трудно.

Какъ ни старались мы, но не могли дотащить свои суда ближе какъ на навѣсный выстрѣлъ; тогда начальникъ отряда приказалъ открыть пальбу, и обстрѣлявши ближайшія къ намъ лодки, послать партіи зажигать ихъ. Бросивъ по нѣскольку ядеръ въ трухменскую флотилію и не замѣчая, чтобы тамъ были спрятаны люди, мы выслали партіи, оставивъ на лодкахъ по пяти человекъ, чтобы дѣйствовать фальконетами и въ случаѣ надобности перетаскивать лодки съ мѣста на мѣсто.

Матросы, какъ мальчишки на праздникъ, бросились къ непріятельскимъ лодкамъ, и четыре изъ нихъ скоро запылали. Мы продолжали стрѣлять время отъ времени, чтобы не допускать Трухменъ приближаться къ морю. Ихъ собралось на берегу множество, но они укрывались за песчаными холмами, и стрѣляли оттуда изъ ружей, хотя безъ всякаго вреда намъ, такъ точно, какъ и наши ядра только падали близь ихъ, не задѣвая никого.

Первыя лодки Трухменъ, стоявшія на якорѣ, на самой отмели, были всѣ уже зажжены; но въ полверстѣ отъ нихъ, почти на сухомъ мѣстѣ, вытащено было много лодокъ, разбросанныхъ версты на полторы вдоль берега. Начальникъ отряда приказалъ ихъ также зажечь.

Посылать прямо туда матросовъ было опасно, потому что за лодками Трухменамъ было ловко спрятаться и оттуда стрѣлять въ насъ; надобно было прежде ядрами выгнать разбойниковъ изъ засады. Для этого мы съ Павломъ Осиповичемъ, собравши своихъ людей, приказали имъ поднять на плеча наши лодки, и тащить ихъ какъ можно ближе къ трухменскимъ. Въ это время на помощь намъ подоспѣлъ третій дивизионъ, которому приказано было идти и зажигать лодки съ лѣваго фланга. Отъ выстрѣловъ нашихъ двухъ дивизионовъ, Трухмены скоро бросились изъ лодокъ и бѣжали на берегъ. Тогда мы, подвинувъ свои лодки еще ближе, такимъ образомъ, чтобы ядра ложились между непріятельскими лодками и берегомъ, послали свои партіи зажигателей; они принялись за свое дѣло спокойно, безъ помѣхи. Командиръ третьяго дивизиона также послалъ свои партіи на берегъ подъ командою бывшаго у него въ дивизионѣ мичмана Г..., только не обстрѣлявши предварительно трухменскихъ лодокъ. Мы съ Павломъ были не подалеку одинъ отъ другаго, и какъ трухменскія пули мало беспокоили насъ, то мы закурили папиросы и перебрасывались словами; какъ вдругъ частая перестрѣлка обратила наше вниманіе въ ту сторону, гдѣ былъ третій дивизионъ, и мы увидѣли, что партія его, посланная зажигать, отступаетъ, отстрѣливаясь отъ Трухменъ, засѣвшихъ въ своихъ лодкахъ.

Тогда оставивъ по одной изъ своихъ лодокъ, чтобы защищать собственные свои партіи, остальные почти по землѣ потащили мы вдоль берега, чтобы ядрами выгнать Трухменъ изъ засады, потому что съ третьяго дивизиона стрѣлять было нельзя: непріятельскія лодки были прикрыты отъ его выстрѣловъ отступавшими матросами.

Какъ только мы подошли на такое разстояніе, что ядра могли доставать, тотчасъ открыли огонь, и такъ удачно, что первыя два ядра попали въ одну изъ лодокъ; Трухмены съ крикомъ выскочили изъ нея и бросились бѣжать, а товарищи ихъ, видя это, также оставили свою

засаду. Такимъ образомъ лодки были совершенно очищены отъ непріятеля, который скрылся за земляною насыпью изъ берегу. Трухмены стрѣляли оттуда въ насъ, но пули ихъ были почти на излетѣ и не могли сдѣлать большого вреда.

Какъ только Трухмены вышли изъ лодокъ, партіи наши возвратились къ нимъ и стали зажигать ихъ. Тутъ молодой командиръ партіи дотога разгорячился, что отправился было на берегъ выгонять Трухмень изъ засады, но его возвратили, потому что число матросовъ, было слишкомъ недостаточно, чтобы дѣйствовать на берегу.

Лодки, напитанныя нефтью, загорѣлись скоро; онѣ пылали яркимъ пламенемъ. Видя столько огня, матросы не выдержали и закурили свои коротенькія трубочки, побранивая Трухмень, которые продолжали стрѣлять изъ—за каждого песчаного бугорка.

Солнце садилось. Двадцать шесть лодокъ горѣли такъ сильно, что еслибъ Трухмены вздумали заливать ихъ, то и тогда не спасли бы ничего. Начальникъ отряда приказалъ намъ собирать своихъ людей и идти къ пароходу. Когда стали собираться наши партіи, мы испугались, увидѣвъ, что два матроса ведутъ подъ руки нашего молодого мичмана. Жаль намъ было очень бѣдняжку, мы полагали, что онъ раненъ въ ноги, потому что едва передвигалъ ихъ; но жалость наша обратилась въ смѣхъ, когда мы узнали причину. Онъ вздумалъ нарядиться въ охотничьи сапоги, чуть ли не больше его самого величиною, и когда они налились водою, то бѣдный мичманъ уже потерялъ возможность передвигать свои ноги.

Вечеръ наступилъ тихій, ясный; также какъ и въ началѣ, мы должны были тащить свои лодки на плечахъ, а потомъ уже, когда вышли на глубину, всѣ сѣли на свои мѣста, построились въ линію и пошли къ пароходу. Счастье наше, что во все время не было вѣтра, а иначе на открытомъ берегу съ моря разгулялись бы такіе буруны, что мы пожалуй и не выбились бы изъ нихъ скоро и безъ потери.

На пароходѣ мы оставались не долго, и лишь только съ наступленіемъ ночи подулъ отъ берега легкій вѣтерокъ, какъ начальникъ отряда приказалъ намъ ѣхать на свои шхуны и, взявши на буксиръ дивизионы, вести ихъ къ Амуръ-аде. Всю ночь вѣтеръ дулъ такъ тихо, что мы едва-едва ползли, хотя и не сожалѣли объ этомъ, потому что, пользуясь тишиною, могли спать младенческимъ сномъ. Утромъ, при восходѣ солнца вышедши на палубу, я ахнулъ, взглянувъ на своихъ матросовъ зажигателей; всѣ фizioноміи были до того опалены и закопчены порохомъ, что онѣ походили на угольщиковъ, а брови и усы рѣдко у кого были цѣлы. Особенно, стоявшій на рулѣ, матросъ Климовъ былъ очень красивъ: у него были большіе усы; изъ нихъ

одинъ остался цѣлъ, а отъ другаго торчали какіе-то клочочки; половина же лица была черна какъ у арапа.

— Климовъ, гдѣ твой усь? спросилъ я его.

— Виновать, ваше благородіе, я зажигалъ кранецъ, да онъ не горитъ, фальшфеера (1) у меня не было, такъ я подложилъ порошокъ.

— И вѣрно подулъ на него?

— Подулъ маненько, да потомъ и отскочилъ; ужь не знаю, какъ опалило.

Около полудня мы были на своемъ рейдѣ и собрались къ начальнику отряда обѣдать и праздновать благополучное свое возвращеніе.

Всѣ здоровы, цѣлы, раненый былъ только одинъ, да и то неопасно, какъ объявилъ бывшій съ нами медикъ. Какого же успѣха было намъ желать больше?

Съ недѣлю потолковали обо всемъ случившемся, разобрали по ниткѣ все какъ было, а потомъ опять стали забывать,—но пробужденная жизнь еще не засыпала, всѣ смотрѣли не такими сонными, какъ прежде.

Октябрь былъ уже въ половинѣ, и мы съ часу на часъ ожидали прибытія послѣдняго почтового парохода. Это самый дорогой для Астрабадцевъ пароходъ; на немъ привозятъ послѣднія письма изъ Россіи и послѣдніе запасы на всю зиму; горе тому, кто пропустилъ случай и не выписалъ себѣ чего-нибудь: ему придется тогда, какъ говорится, собирать съ міру по ниткѣ, а амурадейскій міръ очень не великъ, и каждый боится за себя. Особенно важны для насъ: чай, сахаръ и табакъ; первыхъ двухъ еще можно достать у Персовъ, хотя въ отлично-скверномъ видѣ, а послѣдняго не добудешь ни за какія деньги, потому что правовѣрные курятъ однѣ кадьѣны.

Непродолжительный походъ нашъ противъ Трухменъ имѣлъ самое благотѣльное вліяніе на наше маленькое общество; о прежнихъ распряхъ и несогласіяхъ не было и помину; всѣ были какъ дѣти одной семьи. Наконецъ пароходъ пришелъ. Къ нашему удовольствію, это былъ одинъ изъ тѣхъ, на которомъ въ числѣ прислуги находились люди запасливые; они набрали для насъ много разныхъ вещицъ, которыхъ издали никогда не вспомнишь выписать, а увидишь, такъ непремѣнно купишь. Мы просили капитана парохода пробыть у насъ одинъ лишній день, чтобъ успѣть написать побольше писемъ во всѣ углы обширной Россіи; хочется ничего не забыть, обо всемъ сказать

(1) Фальшфееръ—бумажная трубка, набитая горючимъ составомъ; онъ горитъ яркимъ бѣлымъ пламенемъ и употребляется моряками для ночныхъ сигналовъ.

друзьямъ и знакомымъ. Хотя начальникъ отряда и общалъ въ январѣ мѣсяцѣ послать шхуну въ Баку, но какъ знать! позволить ли неутомонные Трухмены ослабить силы отряда, а если и можно, то почти черезъ Закавказскій край не совѣсть надежна. Неразъ случилось получать извѣстія, что всѣ наши письма попали къ горцамъ, которые дѣлають изъ нихъ иллюминацію, или похоронены гдѣ-нибудь подъ снѣжнымъ обваломъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ нашего дѣла съ Трухменами, но разбойники мало унимались. Правда, они уже не рѣшались собираться на грабежъ большимъ числомъ; но въ одиночку, на лодкахъ, успѣвали пробираться къ берегамъ Персіи, хотя всегда безуспѣшно, потому что лазутчики вовремя давали намъ знать, и тотчасъ шхуна, несмотря ни на погоду, ни на время, вылетала въ море. Хотя мы не могли поймать разбойничьихъ лодокъ, которыя держались всегда близъ берега, но появленіе шхуны заставляло ихъ отлагать свои намѣренія и возвращаться въ аулъ. Всего непріятнѣе для насъ было то, что приходилось вступать подъ паруса въ самое ненастное время; чуть только погода испортится и начнутся мелкіе осенніе дожди, такъ и жди приказа идти въ крейсерство. Въ сухое время, особенно въ полнолувіе и послѣднюю четверть, мы были увѣрены, что насъ не потревожатъ; Трухмены для своихъ нападеній выбираютъ всегда время первой четверти луны, имъ удобнѣ плыть моремъ при лунѣ; а къ утру, когда мѣсяцъ скроется и сдѣлается оттого гораздо темнѣе, они какъ разъ и пожалуютъ къ какому-нибудь Персу въ гости; на разсвѣтѣ же опять уйдутъ.

Изъ числа разбойниковъ надоѣдалъ намъ Геть-Козыль особенно. Онъ, какъ нарочно, для своихъ походовъ выбиралъ время, когда мнѣ всего желаемъ оставить дружескій кружокъ и идти на поиски, — непременно какой-нибудь большой праздникъ.

Такъ случилось въ первый день Рождества. Вечеромъ всѣ мы собрались въ домъ, гдѣ жило семейство отряднаго начальника. Всѣ были особенно оживлены и веселились, кто какъ умѣлъ. Часу въ 11 вечера, вдругъ докладываютъ хозяину, что пришелъ отрядный переводчикъ и спрашиваетъ его. Онъ вышелъ, но скорѣе возвратился.

— Павелъ Осиповичъ, сказалъ онъ командиру парохода, разведите пары и снимайтесь съ якоря. Мнѣ дали знать, что Геть-Козыль, съ самыми удалыми восемью разбойниками, пошелъ на лодкѣ въ Мешедесеръ; такъ какъ теперь штиль, и онъ вѣроятно далеко не ушелъ, то вы идите туда прямо моремъ, а утромъ подойдите какъ можно ближе къ берегу и обойдите его весь. А вы, господа, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и лейтенанту К..., также снимайтесь съ якоря и

крейсеруйте до возвращенія парохода, у Трухменскаго берега, чтобы перехватить Геть-Козыля, если онъ, увидѣвши пароходъ, вздумаетъ возвратиться.

Прошелъ часъ, и мы на веслахъ, потому что было совершенно тихо, шли къ выходу изъ залива; пароходъ успѣлъ развести пары и скоро обогналъ насъ. Отъ всего сердца проклинали мы Геть-Козыля, заставившаго насъ промѣнить пріятную бесѣду на ночное путешествіе, да еще съ такимъ трудомъ; вѣтра нѣтъ, а на веслахъ далеко не доведешь шхуну. Къ разсвѣту, однакожъ, мы вышли изъ залива, и какъ только подулъ вѣтерокъ, разошлись по назначеннымъ намъ дистанціямъ.

На другой день къ вечеру товарищъ мой, крейсеровавшій поближе къ заливу, увидѣлъ, что пароходъ возвращается; онъ тотчасъ далъ миѣ объ этомъ знать сигналомъ, и мы ночью же воротились къ станціи.

Командиръ парохода донесъ, что онъ обошелъ весь Мазандеранскій берегъ, и оттуда все шелъ вдоль полуострова Міанъ-Кале, уклоняясь иногда въ море, но рѣшительно нигдѣ не видѣлъ ни одной лодки и даже, въ Мешедесерѣ, посылалъ на берегъ шлюпку, узнать у жителей, но и тѣ сказали, что ничего не слышно.

Такъ какъ подобные случаи ложныхъ извѣстій отъ нашихъ лазутчиковъ бывали очень часто, то и этотъ причислили къ нимъ; тѣмъ болѣе, что черезъ два дня пришелъ изъ Мазандерана персидскій киржимъ за нефтью къ Трухменамъ, и сказалъ, что у нихъ ничего не слышно о Геть-Козылѣ.

Спустя уже недѣли двѣ, мы узнали, что Геть-Козыль сыгралъ съ пароходомъ хитрую штуку, и Павелъ Осиповичъ выходилъ изъ себя отъ досады, что его провелъ дикарь.

Геть-Козыль точно ходилъ на разбой, но въ штиль ночью онъ не могъ далеко уйти и былъ только у полуострова Міанъ-Кале, когда мимо его проходилъ пароходъ. Завидѣвъ его издали, ловкіе разбойники, не зная чѣмъ дѣлать, потому что некуда было скрыться, подошли какъ можно ближе къ берегу, и затопили свою лодку, оставивъ только необходимую часть носа, который возвышенъ. Сами они также залѣзли въ воду до самаго подбородка и снявши шапки, бритыми головами прислонились къ торчавшей части лодки. Такимъ образомъ они просидѣли, пока пароходъ прошелъ мимо ихъ, и скрылся изъ виду; тогда удалцы вылѣзли изъ холодной ванны, и отливши лодку, поплыли домой, опасаясь идти на разбой, чтобы пароходъ не возвратился. Какъ бы ни смотрѣли съ парохода, но увидѣть подъ самымъ берегомъ, на разстояніи версты, кончикъ носа лодки совершенно невозможно; мы всѣ

очень хорошо понимали это, но все-таки Павелъ Осиповичъ никакъ не могъ простить Геть-Козыню его выдумку.

Ноябрь, декабрь и половина января — лучшее время на Амуръ-аде. По истинѣ, въ это время года ясное голубое небо надъ заливомъ можетъ поспорить въ чистотѣ съ прославленнымъ небомъ Италіи. Въ эти мѣсяцы почти не бываетъ сильныхъ вѣтровъ, но каждый день аккуратно съ полудня начинается дуть сѣверный вѣтеръ, который къ вечеру стихаетъ, а послѣ солнечнаго заката дуетъ съ юга отъ горъ. Южный вѣтеръ продолжается всю ночь до восхода солнца; потомъ онъ стихаетъ, или переходитъ въ восточный, а въ полдень опять отъ сѣвера. Такіе періодическіе вѣтры всегда означаютъ въ Астрабадѣ ясную, сухую погоду, и ужъ какъ только который-нибудь изъ нихъ не подулъ въ свое время, значить погода испортится и будетъ ненастье. Это чаще и чаще начинаетъ случаться въ концѣ января; тогда и лихорадки, оставившія на время жителей Амуръ-аде, возвращаются, чтобы съ новою любовью трясти свои жертвы.

Въ это время, о которомъ я разказываю, лихорадокъ было мало, но появились какіе-то особеннаго рода нарывы, такъ что если у кого заведется такой, то тянется мѣсяца три: одинъ кончится, другой начинается на томъ же мѣстѣ. Нашъ отрядный медикъ, Альфредъ Васильевичъ, увѣрялъ насъ, что это очень хорошо, и долженъ радоваться тотъ, у кого сидеть подобный нарывъ; мы однакожь не находили въ этомъ особеннаго удовольствія, и хотя отъ чистаго сердца вѣрили Альфреду Васильевичу, но все-таки просили, если къ кому пожалуетъ подобный гость, чтобы онъ прогонялъ его поскорѣе.

Въ декабрѣ мѣсяцъ у Персіанъ бываетъ праздникъ или, лучше сказать, печальное воспоминаніе убіенія имама Гусейна другимъ начальникомъ секты, Моавье. Обрядъ воспоминанія продолжается нѣсколько дней; въ городахъ существуютъ для этого особыя труппы, которыя переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, и даютъ представленія, разыгрывая сцену убіенія имама. Гдѣ нѣтъ такой труппы, тамъ обыкновенно кто-нибудь изъ муллъ или стариковъ читаетъ по книгѣ сказанія о смерти Гусейна, а народъ криками и рыданіями изъясляетъ свое сочувствіе. Во всѣхъ горьдахъ Персіи, почти въ каждомъ кварталѣ, устроена обширная комната о трехъ стѣнахъ, и въ ней поставлена каеэдра, съ которой по вечерамъ, разказываютъ эту исторію. Къзъ комната, такъ и каеэдра убираются на время обряда цвѣтными фонарями и плюшками.

Намъ было далеко ѣхать въ Астрабадъ, смотрѣть обрядъ воспоминанія, который называется *тазье*. Мирза Садыкъ, жившій въ деревнѣ Гязъ, неподалеку отъ морскаго берега, пригласилъ меня съ Павломъ

Осиповичемъ посмотрѣть деревенское *тазье*, и мы, конечно, очень охотно приняли это предложеніе.

Отъ своей станціи пошли мы на моей шхунѣ къ нашей факторіи, чтобы тамъ нанять лошадей. Къ намъ присоединился еще спутникъ, командиръ стоявшаго на посту у факторіи ботика, мичманъ Г..., и мы, нанявши лошадей, которыя привозили товары въ факторію и возвращались порожними, отправились на нихъ въ деревню.

Прѣзжая отъ берега до Гязи, я едва узнавалъ мѣстность, по которой мы ѣхали. Какъ живо рисовалась въ моей памяти эта самая дорога въ 1842 году! узенькая тропинка вела тогда насъ по непроходимому лѣсу, такъ что мы должны были ѣхать одинъ за другимъ, солнца не было видно, потому что лучи его не проникали сквозь густую зелень листьевъ. Чтò же теперь? Обширныя поля, засѣяныя рисомъ; кое-гдѣ осталось только дерево; вмѣсто величественныхъ дубовъ и орѣховыхъ деревьевъ, насажены молодые шелководники.

Прежде Персіане никогда не рѣшались пускаться, даже большими партіями, къ берегу, опасаясь Трухменъ, а потому лѣсъ близъ моря оставался нетронутымъ; но теперь они его весь вырубили, сдѣлали поля и сажаютъ рисъ. Хотя конечно настоящее лучше, жители благоденствуютъ, торговля усиливается; а все-таки мнѣ было жаль прежней дѣвственной природы астрабадской; теперь мы беззаботно ѣхали, шумно перегоняя другъ друга, а тогда какой-то невольный трепетъ проникалъ въ душу, и опасеніе рождалось, смотря на эти густыя массы зелени по краямъ тропинки, гдѣ врагу было бы удобно устроить самую тайную засаду: теперь ни у кого изъ насъ вовсе не было оружія, а тогда нельзя было и подумать пуститься въ лѣсъ безоружному.

Дохавъ до деревни, мы отыскали домъ мирзы Садыка и поѣхали къ нему. Мирза встрѣтилъ насъ на дворѣ и привѣтствовалъ множественнымъ персидскихъ *селямовъ*. На дверяхъ дома мирзы, намалевана была какая-то картина, работа досужнаго отряднаго художника, и мирза очень гордился этою картиною, передъ своими собратіями, какъ признакомъ своей связи и дружескихъ отношеній съ Русскими. Это была неслышанная роскошь между полудикими жителями деревни.

Мы вошли въ домъ, или лучше сказать въ единственную комнату мирзы, и усьлись на полу на войлокахъ; впрочемъ, такъ какъ мы съ нимъ не церемонились, то каждый расположился, какъ ему было угодно. Въ комнатѣ была сложена голландская печка, также по милости отрядныхъ мастеровъ, потому что деревенскіе Персы не знаютъ употребленія даже каминовъ, и разводятъ огонь прямо на

полу въ особомъ мѣстѣ выложенномъ глиною, а дымъ идетъ куда самъ знаетъ.

Времени до ночи, когда должно было начаться *тазье*, оставалось часть, и мы, чтобы какъ-нибудь провести его, стали разспрашивать мирзу о предстоящемъ празднествѣ.

— Мирза Садыкъ, сказалъ я, — кто убилъ Гусейна?

Мирза недовѣрчиво посмотрѣлъ на Павла Осиповича и потомъ отвѣчалъ:

— Если я буду говорить, Павелъ Осипычъ все смѣяться будетъ.

— Разказывай, мнѣ все равно, сказалъ Павелъ, — я ужь слышалъ это двадцать разъ, такъ ужь еще одинъ ничего не значить, — буду слушать.

— Гусейнъ, началъ говорить мирза, — послѣ Алія былъ выбранъ халифомъ, а другіе выбрали потомка Омара, Моавье. Они стали воевать между собою, и Гусейнъ побѣдилъ Моавье, и сдѣлался халифомъ. Потомъ онъ со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Мекку молиться, и одинъ разъ, когда было очень жарко, они остановились отдыхать на дорогѣ, а Моавье собралъ войско и напалъ на нихъ. Гусейна онъ убилъ тутъ же, а всѣхъ женщинъ и дѣтей взялъ съ собою и потомъ также убилъ.

— А что же ты не говоришь, сказалъ Павелъ, — какъ къ Моавье пришелъ посланникъ отъ французскаго короля и говорилъ ему, чтобы онъ не убивалъ маленькихъ дѣтей?

— Вы, Павелъ Осипычъ, скажите, вы знаете, отвѣчалъ мирза.

— Зачѣмъ я буду говорить? ты началъ, такъ разказывай.

Мирза подумалъ и продолжалъ разказъ:

— Когда Моавье убилъ Гусейна, то пришелъ въ Багдадъ и сказалъ, что онъ халифъ, потомъ велѣлъ всѣхъ женщинъ и дѣтей Гусейна посадить въ тюрьму и каждый день одному изъ нихъ отрѣзывать голову. Тогда пришелъ къ нему французскій посланникъ и сказалъ: зачѣмъ вы дѣлаете, это не хорошо: у насъ такъ не дѣлаютъ, вы убили ихъ отца, а маленькихъ дѣтей нельзя убивать. Тогда Моавье сказалъ ему: у васъ нельзя, а у насъ можно, а если вы мнѣ не позволите ихъ убивать, я и вамъ прикажу рѣзать голову; тогда посланникъ испугался и ушелъ.

Покуда мы толковали съ мирзою, наступила ночь и не вдалекѣ раздались смѣшанные голоса.

— Сегодня *тазье* будетъ близко моего дома, сказалъ мирза; — они ужь собрались; если угодно осмотрѣть, такъ надо идти тихонько.

Мы пошли за мирзою, пробираясь ощупью между деревьями, и

расположились наблюдательнымъ постомъ около одного забора, за которымъ собралось *тазы*.

По срединѣ широкаго двора, были воткнуты одинъ противъ другаго два высокіе шеста, на которыхъ горѣли *чхракы* (1) и красноватымъ свѣтомъ своимъ освѣщали сцену. Вокругъ шестовъ образовался кругъ, человекъ изъ тридцати молодыхъ людей; каждый изъ нихъ держался рукою за поясъ своего товарища съ лѣвой стороны, а правую руку, которая была обнажена, держалъ на своей груди, также обнаженной. По срединѣ круга стояли два старика, которые по одиночкѣ читали по книгѣ исторію убіенія Гусейна. Во время чтенія, кругъ стоялъ безмолвно и не шевелился; но какъ только оканчивался стихъ, кругъ тотчасъ начиналъ двигаться въ правую сторону; каждый, изъ составлявшихъ кругъ, присѣдалъ на правую ногу и ударялъ рукою въ грудь; съ восклицаніемъ: *Гусейнъ, Гусейнъ!* произнося первый разъ это слово низкимъ голосомъ, а при второмъ, возвышая его. Все это: присѣданіе, удары въ грудь и восклицанія, дѣлалось всѣми совершенно въ одно время и въ тактъ.

Послѣ довольно продолжительнаго чтенія, во время котораго у многихъ показалась уже кровь на груди отъ ударовъ, чтецъ сталъ воодушевляться и, поднимая вверхъ руки, запѣлъ: *Шири-хад-йо-Али* (о, Али, Божій левъ)! Тогда весь кругъ началъ прискакивать на одной ногѣ, все двигаясь въ правую сторону, всѣ хоромъ запѣли эти слова, и удары въ грудь дѣлались сильнѣе и чаще.

Многіе изъ ревностныхъ богомольцевъ, во время этихъ обрядовъ, для большаго выраженія своей скорби дѣлаютъ на груди и на лицѣ надрѣзки, чтобы шла кровь, а мальчикамъ, всѣмъ безъ исключенія, разрѣзываютъ лбы.

Сцена, которую мы видѣли, выполняется въ каждой деревнѣ; молодежь, участвующая въ ней, переходитъ изъ мѣста въ мѣсто; ее вездѣ хорошо принимаютъ и угощаютъ. Но это актеры втораго разбора; въ городахъ же, какъ я уже говорилъ, есть особая труппа, которая въ лицахъ представляютъ всю исторію смерти имама. Даже посланникъ является на сцену и говоритъ по-французски свою рѣчь къ Моавѣ.

Темная ночь, зелень деревьевъ, освѣщенная краснымъ пламенемъ нести, толпа народу, мужчинъ на землѣ и женщинъ на крышахъ,—все это давало картинѣ особую поэзію; даже и мы, скрываясь за забо-

(1) *Чхракы* небольшіе глиняные кувшинчики, у которыхъ съ боку внизу сдѣлана дудочка; въ нее кладутъ тряпку, а въ кувшинъ наливаютъ нести, которая напITYвается въ нее и горитъ на концѣ.

ромъ, служили какъ бы дополненіемъ къ ней. Хотя съ нами и былъ довольно хорошій живописецъ, нашъ молодой мичманъ, по онъ былъ какъ-то не въ духѣ, и сцена его не трогала.

— Мирза, что же потомъ будетъ, когда перестанутъ кричать? спросили мы своего хозяина.

— Ничего не будетъ, отвѣчалъ мирза,—будутъ ужинать.

— Ну это совсѣмъ не любопытно. Значитъ мы можемъ ѣхать, прикажи сѣдлать лошадей.

— Какъ можно, сказалъ мирза,—это мнѣ будетъ стыдно. Господа съ отряда были у меня и ушли безъ ужина,—что мои люди скажутъ?

Чтобъ не обидѣть мирзу, мы остались ждать его ужина; возвратились въ домъ и опять усѣлись на полу, прося его только поскорѣе давать ужинъ, а то ѣхать, хотя всего верстъ пять, но верхомъ, въ темную ночь, очень непріятно.

Ужинъ мирзы былъ великолѣпенъ въ персидскомъ вкусѣ: нѣсколько сортовъ плову и множество разныхъ соусовъ и жаркихъ на блюдечкахъ. Въ надеждѣ на верховую ѣзду, какъ хорошій моціонъ, мы не побоялись на ночь ѣсть жирныя персидскія кушанья; только одна бѣда: у насъ не было ни капли вина, а пить послѣ жирной пищи воду, хотя Персы и увѣряютъ, что здорово, мы не рѣшились, а предпочли лучше зрѣянь, питье, которое дѣлаютъ изъ квашенаго молока, разведеннаго водою.

Безъ особенныхъ приключеній, ночью мы возвратились на свои корабли, а на другой день были уже у Амуръ-аде.

Наступилъ январь, и трухменскіе разбойники притихли. Въ это время года близъ Астрабадскаго залива появляется много красной рыбы, которую Трухмены ловятъ и продаютъ нашимъ купцамъ, приходящимъ для этого изъ Астрахани. Хотя самые отчаянные разбойники не занимаются рыболовствомъ, однако всѣ они имѣютъ родственниковъ, которые выходятъ на этотъ промыселъ и могутъ быть задержаны въ случаѣ какого-нибудь грабежа. Вотъ почему время рыболовства всегда есть самое спокойное для насъ, крейсеровъ.

Трухмены ловятъ рыбу орудіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ снасти или крючковъ, которые получаютъ они отъ купцовъ, приходящихъ за покупкою рыбы. Тысячу крючковъ совсѣмъ обдѣланныхъ, Трухмены принимаютъ за пятнадцать рублей серебромъ, и каждый ловецъ, получивши нѣсколько тысячъ, обязывается привозить своему закащику рыбу, икру и клей, за условную цѣну, которая по большей части есть слѣдующая: севрюга и осетръ, по 45 коп. сер. за штуку; бѣлуга 90 коп. сер.; икра за пудъ 1 руб. 80 коп. сер., клей 1 руб. и 1 руб. 20 коп. сер. за фунтъ. Безъ сноровъ не обо-

дится; несмотря на обязательства, ловець не задумается отдать рыбу стороннему, если онъ только дастъ за нее большую цѣну,—и даже передъ глазами собственныхъ своихъ старшинъ онъ правъ. Они говорятъ, что виноватъ тотъ, кто соблазняетъ надбавкою цѣны, а Трухменъ не виноватъ; если ему больше дали, то онъ долженъ отдать.

Всѣ споры рѣшаются обыкновенно начальникомъ отряда. Трухмены повинуются рѣшеніямъ его безпрекословно, еслибы они даже не согласовались съ ихъ понятіями.

Однажды, одинъ изъ старшинъ трухменскихъ, по имени Кадыръ-ханъ, пришелъ къ начальнику станціи съ жалобою, что русскій купецъ Козловъ перекупилъ у его родственника рыбу, которую онъ долженъ былъ привезти къ нему.

— Зачѣмъ же онъ продалъ? спросилъ Иванъ Осиповичъ.—если ты ему далъ снасть, такъ онъ долженъ привозить рыбу къ тебѣ.

— Онъ затѣмъ отдалъ, отвѣчалъ Кадыръ-ханъ,—что тотъ ему больше далъ. Онъ не виноватъ, всякій отдастъ, когда ему больше заплатятъ, а зачѣмъ Козловъ далъ больше? онъ виноватъ.

— Хорошо, я прикажу возвратить тебѣ купленную рыбу, а ты возьми у своего родственника деньги, которыя онъ за нее получилъ и отдай Козлову.

— Зачѣмъ деньги взять! отвѣчалъ ханъ;—вы прикажите рыбу отдать, а деньги пускай остаются; онъ не виноватъ, что ему больше дали. У насъ всегда такъ; если больше даютъ, долженъ отдать, хоть товаръ и проданъ,—а зачѣмъ давать больше?

Вотъ трухменскія понятія! Народъ этотъ не имѣетъ никакого управленія; онъ дѣлится на три главныхъ племени, которыя всѣ опять раздѣляются на племена болѣе мелкія, носящія названіе отъ своихъ родоначальниковъ; каждый членъ племени причитаетъ себя какъ-нибудь въ родню родоначальнику.

Управленіе племенъ патриархальное; каждый отецъ семейства есть и судья его; въ большихъ спорахъ обращаются на рѣшеніе Таганъ-Козы, высшей духовной особы.

Трухмены всѣ мусульманскаго исповѣданія, секты сунни, и въ преданности обрядамъ вѣры далеко уступаютъ Персамъ, послѣдователямъ Алія. Персіянинъ, гдѣ бы онъ ни былъ, а ужъ не пропуститъ времени, назначеннаго для омовенія и молитвы; изъ Трухменъ же, только одни старики заботятся объ этомъ.

О нравахъ Трухменъ вообще можно сказать, что они очень смиренны и безпрекословно покоряются всякому, если только онъ сильнѣе ихъ. Цѣль жизни Трухмена—какъ-нибудь, грабежемъ или

торговлей, приобрести копѣйку. Персіане боятся ужасно Трухменъ и считают ихъ своими смертельными врагами, но между тѣмъ Трухмены вовсе не злы на Персовъ, а смотрятъ на нихъ, какъ на овецъ, которыхъ можно всегда стричь и кушать. Они рѣдко, развѣ по крайности, рѣшится умертвить Персіанина, а ловятъ Персіанъ только для того, чтобы потомъ получить выкупъ, и во время плѣна не подвергаютъ ихъ никакимъ истязаніямъ.

Одежда Трухменъ обща всѣмъ кочующимъ народамъ Азіи: короткій полушубокъ изъ баряняго мѣха и такая же шапка, сшитая низкимъ усѣченнымъ конусомъ, мѣхомъ наружу; для исподняго платья употребляютъ они персидскую и бухарскую бязь, родъ холста изъ хлопчатой бумаги; обуви нѣтъ никакой; зиму и лѣто одежда всегда одна и та же. Старшины Трухменъ, и вообще имѣющіе торговые обороты съ Русскими, получаютъ въ подарки суконные халаты, и кромѣ того дѣлаютъ себѣ одежды изъ разныхъ персидскихъ матерій.

Ежегодно, за разныя услуги, оказанныя отряду, начальникъ его раздаетъ суконные халаты Трухменамъ, и тогда каждый, получившій подарокъ, считаетъ уже себя ханомъ; онъ начинаетъ носить персидскую обувь, ходитъ важною поступью и между своими земляками принимаетъ всегда покровительствующій видъ.

Нашъ маленький Амуръ-аде, это источникъ милостей, могущества и богатства для Трухменъ. Бываютъ на станціи, разговаривать съ Дарья-беги, то-есть начальникомъ ея, и получить отъ него халатъ,—это верхъ благосостоянія для приморскаго Трухмена.

Болѣе смирное и расположенное къ торговлѣ племя Трухменъ Юмудовъ, кочуетъ на самомъ морскомъ берегу, начиная отъ границы Персіи. Хотя и въ этомъ племени есть много пиратовъ, которые предпочитаютъ брать самихъ Персовъ, чѣмъ ихъ произведенія, однакожъ большая часть грабежей совершается степными жителями: они ночью похищаютъ лодки у своихъ приморскихъ собратій и пускаются на нихъ на промыселъ къ берегамъ Персіи, а если попадетъ на дорогѣ и русское судно, то и его грабятъ.

Возвратившись изъ похода, степные Трухмены не боятся насъ, потому что кибитки ихъ отдалены отъ моря, такъ что наказать ихъ нельзя, а персидскихъ войскъ, стоящихъ на границѣ, они не опасаются ни мало.

Съ такими-то народами мы встрѣчаемся каждый день въ продолженіи мѣсяцевъ, цѣлыхъ годовъ. Для наблюдателя есть что посмотреть; а все же одна мысль у всѣхъ, одно желаніе—проститься съ Астрабадомъ, съ его палящимъ солнцемъ, виноградомъ и лихорадкою.

К. Петриченко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

С М Е Р Т И

Когда измученъ жаждой счастья
И громомъ бѣдствій оглушенъ,
Съ улыбкой, полной сладострастья,
Въ тебѣ послѣдняго участья
Искать страдалецъ обреченъ:

Не вѣрь, суровый ангелъ Бога!
Тушить свой факелъ погоди.
О, какъ въ страданьи вѣры много!
Постой! безумная тревога
Уснетъ въ измученной груди.

Придетъ пора, пора иная;
Повѣсть жизни благодать,
И будетъ тотъ, кто, изнывая,
Въ тебѣ встрѣчалъ предтечу рая,
Передъ тобою трепетать.

Но кто не молить и не просить,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносить,
А молча, созная, носить
Твое могучее зерно,

Кто дышетъ съ равнымъ напряженьемъ,
Того, безмолвна, посѣти,
Повѣя полнымъ примиреньемъ,
Ему предстань за сновидѣньемъ.
И тихо вѣжды опусти.

А. Фетъ.

Римъ.

т. IX.

РЫЦАРЬ ОЛАФЪ

(Изъ Гейне)

I.

Кто тѣ двое у собора,
Оба въ красномъ одѣяньѣ?
То король, что хмурить брови;
Съ нимъ палачъ его покорный.

Палачу онъ молвить: «Слышу
По словамъ церковныхъ пѣсенъ,
Что обрядъ вѣнчанья конченъ...
Свой топоръ держи поближе!»

И трезвонъ, и гулъ органа...
Пестрый людъ идетъ изъ церкви.
Вотъ выводить новобрачныхъ
Въ пышномъ праздничномъ уборѣ.

Блѣдны щеки, плачутъ очи
У прекрасной королевны;
Но Олафъ и бодръ, и веселъ,
И уста цвѣтутъ улыбкой.

И съ улыбкой устъ румяныхъ
Королю онъ молвить: «Здравствуй,
Тестъ возлюбленный! Сегодня
Я разстанусь съ головою.

Но одну исполни просьбу:
Дай отсрочку до полночи,
Чтобъ отпраздновать мнѣ свадьбу
Свѣтлымъ пиромъ, шумной пляской!

Дай пожить мнѣ! дай пожить мнѣ:
Осушить послѣдній кубокъ,
Пронестись въ послѣдней пляскѣ!
Дай пожить мнѣ до полночи!»

И король угрюмый молвить
Палачу: «Даруемъ зятю
Право жизни до полночи...
Но топоръ держи поближе!»

II.

Сидитъ новобрачный за бранымъ столомъ;
 Онъ кубокъ послѣдній наполнилъ виномъ.
 Къ плечу его блѣднымъ лицомъ припадая,
 Вздыхаетъ жена молодая...
 Палачъ стоитъ у дверей!

«Готовятся къ пляскѣ, прекрасный мой другъ!»
 И рыцарь съ женою становятся въ кругъ.
 Зажегся въ ихъ лицахъ горячій румянецъ —
 И бѣшенъ послѣдній ихъ танецъ...
 Палачъ стоитъ у дверей!

Какъ весело ходятъ по струнамъ смычки,
 А въ пѣніи флейты какъ много тоски!
 У всѣхъ, передъ кѣмъ эта пара мелькаетъ,
 Отъ страха душа замираетъ...
 Палачъ стоитъ у дверей!

А пляска все вьется, и зала дрожить...
 Къ супругъ склоняясь, Олафъ говоритъ:
 «Не звать тебѣ, какъ мое сердце любило...
 Готова сырая могила...»
 Палачъ стоитъ у дверей!

III.

Рыцарь! полночь было... Кровью
 Уплати проступокъ свой!..
 Насладился ты любовью
 Королевы молодой.

Ужъ сошлись во дворъ монахи, —
 За псаломъ поютъ псаломъ,
 И палачъ у черной плахи
 Всталъ съ широкимъ топоромъ.

Озаренъ весь дворъ огнями...
 На крыльцѣ Олафъ стоитъ —
 И, румяными устами
 Улыбаясь, говорить:

«Слава въ небѣ звѣздамъ чистымъ!
 Слава солнцу и лунѣ!
 Слава птицамъ голосистымъ
 Въ поднебесной вышинѣ!

И морскимъ водамъ безбрежнымъ!
 И землѣ въ дарахъ весны!
 И флякамъ въ полѣ—нѣжнымъ,
 Какъ глаза моей жены!

Надо съ жизнью разставаться
 Изъ-за этихъ синихъ глазъ...
 Слава рощѣ, гдѣ видаться
 Мы любили въ поздній часъ!»

Мих. Михайловъ.

